

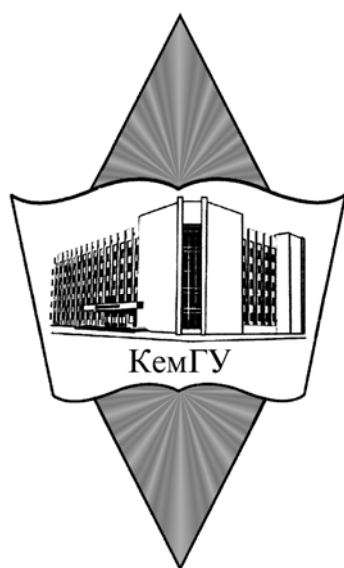
ВЕСТНИК

BULLETIN

ISSN 2078-8975

**КЕМЕРОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Выпуск 1 (45)

**OF KEMEROVO
STATE UNIVERSITY**

Issue 1 (45)

**КЕМЕРОВО
2011**

**ВЕСТНИК
КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
№ 1 (45) 2011. Издаётся с 1999 г.**

**Журнал теоретических
и прикладных исследований**

Выходит 1 раз в квартал

СОДЕРЖАНИЕ

Члены редакционной коллегии:

Координатор:

Свиридова И. А. – ректор КемГУ, канд. мед. наук, доцент.

Главный редактор:

Афанасьев К. Е. – проректор по научной работе и информатизации, д-р физ.-мат. наук, профессор.

Зам. главного редактора:

Садовой А. Н. – д-р ист. наук, профессор.

Отв. секретарь – Григорьева О. С.

Редакционная коллегия:

Зеленин А. А. – проректор по социальным вопросам и молодежной политике, д-р полит. наук, доцент;

Семенкова Т. Н. – проректор по учебно-организационной работе, канд. пед. наук;

Шадрин А. В. – начальник научного управления, д-р техн. наук, доцент;

Захаров Ю. А. – член-корр. РАН, д-р хим. наук, профессор;

Араева Л. А. – д-р филол. наук, профессор;

Бобров В. В. – д-р ист. наук, профессор;

Данилов Н. Н. – д-р физ.-мат. наук, профессор;

Желтов В. В. – д-р филос. наук, профессор;

Казин Э. М. – д-р биол. наук, профессор;

Карташов В. Я. – д-р техн. наук, профессор;

Касаткина Н. Э. – д-р пед. наук, профессор;

Курбатова М. В. – д-р экон. наук, профессор;

Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, профессор;

Осадчий М. А. – канд. филол. наук;

Пименов Е. А. – д-р филол. наук, профессор;

Поварич И. П. – д-р экон. наук, профессор;

Поплавной А. С. – д-р физ.-мат. наук, профессор;

Шер Я. А. – д-р ист. наук, профессор;

Шенников В. П. – д-р филос. наук, профессор;

Юркевич Н. А. – канд. юр. наук, доцент;

Яницкий М. С. – д-р психол. наук, профессор.

Редакторы выпуска – **Л. Г. Барашкова,**

Л. М. Борискина.

Компьютерная верстка – **В. А. Шерина.**

БИОЛОГИЯ

Заушинцева А. В., Комарова Г. Н., Сайнакова А. Б. Болезни овса в таежной зоне Западной Сибири 5

ИСТОРИЯ

Волкова Ю. С. Международный конгресс «Плейстоценовое искусство мира» и проблемы изучения древнейшей знаковой деятельности 9

Ипатенко Е. В. Структурная характеристика иммиграционных потоков в СССР 1920-х годов: источниковый потенциал регионального исследования 15

Овчинников В. А. Процесс развития монастырей на юге западной Сибири в начале XX и начале XXI вв. 18

Садовой А. Н., Поддубиков В. В. Этнологическая экспертиза в практике регионального управления: опыт Кемеровской области 22

Хорошилова Л. С., Хорошилов А. В. Служба медицины катастроф – элемент системы безопасности страны 27

МАТЕМАТИКА

Кучер Н. А., Прокудин Д. А. Анализ разрешимости краевой задачи для уравнений смесей вязких сжимаемых жидкостей 32

Фомин А. А., Фомина Л. Н. Обоснование корректности неявного итерационного полинейного рекуррентного метода решения разностных эллиптических уравнений 39

НАУКА О ЗЕМЛЕ

Стефанюк Б. М., Сенкус В. В., Казаков С. П., Стефанюк Я. Б., Сенкус Вал. В. Сухие смерчи и экология атмосферы 46

ПЕДАГОГИКА

Барбараш Н. А., Чичиленко М. В., Кувшинов Д. Ю. Поэтические иллюстрации к преподаванию основ здорового образа жизни 50

Борисенко Е. Н. Сущностная характеристика феномена «социальная компетентность студента» 53

Гавришина О. Н., Филатова Е. В. Создание профессионально ориентированной информационной среды на основе интеграции информационных и специальных дисциплин 60

Гребчук К. М., Филатова Е. В. Профессиональная компетентность и оценка ее сформированности 65

Касаткина Н. Э., Лях Ю. А. Сущность педагогической технологии и педагогического проектирования 71

Мичурина Е. С., Дочкин С. А. Подготовка педагогических работников к организации компьютерного тестирования студентов 76

Руднева Е. Л., Лях Ю. А. Профильное обучение как часть профессиональной ориентации 80

Семенкова Т. Н., Казин Э. М., Касаткина Н. Э. Здоровье обучающихся как социальная и адаптивная ценность 83

Терновая Г. В. Позиции рефлексии школьника в учебно-познавательной деятельности 93

Хазова С. А. Концепция подготовки конкурентоспособных специалистов по физической культуре и спорту в вузе 96

Халиуллина В. В., Халиулин Ю. Г., Урбанский А. С. Влияние системы менеджмента качества на подготовку квалифицированных специалистов в вузе 101

Журнал теоретических и прикладных исследований

Печатается по решению научно-методического и редакционно-издательского советов ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет». Выходит 1 раз в квартал.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 650043, ул. Красная 6, к. 225, редакция журнала «Вестник Кемеровского государственного университета».
Телефон: (3842)58-28-39, 58-80-24,
факс (3842)58-38-85,
E-mail: keafa@kemsu.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер ПИ ФС77-40023

Со второго полугодия 2004 г. на «Вестник КемГУ» открыта подписка. Подписные индексы: Объединенный каталог «Пресса России» – 42150, Каталог российской прессы «Почта России» – 51944.

© ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», 2011.

Подписано к печати 25.04.2011 г.
Формат А 4.
Печать офсетная.
Бумага Sveto Copy.
Усл. печ. л. – 29,13.
Уч.- изд. л. – 26,89.
Тираж 500 экз.
Заказ № _____
Цена свободная.

Отпечатано в ООО ПК «Офсет».
650001, Кемерово,
ул. 40 лет Октября, 1^б.

Чурекова Т. М., Съедина Н. В. Методы формирования готовности студентов к самоконтролю в процессе обучения	105
Шалыпина И. В. Анализ контингента учащихся педагогических училищ Кемеровской области в 1958 – 1985 гг.	108
ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ	
Скорняков И. А. Интеграционная политика ФРГ: выбор стратегии на современном этапе	114
Чирун С. Н. Молодёжные политические движения и организации как механизмы реализации субъектности молодёжи в публичной молодёжной политике	120
ПСИХОЛОГИЯ	
Отт Т. О., Морозова И. С. Особенности саморегуляции учебной деятельности студентов на начальных этапах обучения в вузе	124
Серый Н. А. Адаптация к стрессогенным факторам работников мясоперерабатывающих предприятий	131
ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ	
Блинова Н. Г., Лурье С. Б., Васина Е. В. Психофизиологическое развитие учащихся в условиях профильного обучения	136
Литвинова Н. А., Казин Э. М., Лурье С. Б., Булатова О. В. Роль индивидуальных психофизиологических особенностей в адаптации к умственной деятельности	141
Прохорова А. М., Березина М. Г., Лурье С. Б., Казин Э. М. Психофизиологические особенности женщин с аддитивным поведением	147
ФИЗИКА	
Даурцева Н. А., Невзоров Б. П., Салтанова Е. В., Фадеев Ю. А. Проявление кооперативного эффекта в молекулярных двумерных кристаллах с водородными связями	151
ФИЛОЛОГИЯ	
Васильев В. П., Васильева Э. В. Денотативный класс как категориальный фрагмент языковой картины мира	155
Голев Н. Д., Журавлева Т. С., Хакимова И. С. Псевдонаучный дискурс рекламы: лингвокогнитивный и лингвоперсонологический аспекты	161
Мельник Н. В. Гносеологический потенциал вторичного текста (на материале переводов)	165
Синегубова К. В. Пространственно-временная организация повести Е. Гуро «жил на свете рыцарь бедный...»	172
Скорнякова Р. М. Концепт как функциональная система	176
Соловьёва Н. В. Типы речевого поведения в научном дискуссионном тексте	180
Якимова Н. С. Вербальная агрессия как актуальный феномен современного общества	184
ФИЛОСОФИЯ	
Золотухин В. М., Степанцова Е. В. Нормы в России до революционных преобразований 1917 года	188
Красиков В. И. Проблема субъекта отечественного философствования в XIX в.	192
Щенников В. П., Белоглазова О. Н. Проблема самосознания в истории философии	195
ХИМИЯ	
Шрайбман Г. Н., Дягилева Е. П., Скибина А. В. Спектрофотометрические методики определения пероксинитрита и нитрита	200
ЭКОНОМИКА	
Жиронкин С. А. Принципиальная основа структурного регулирования экономики	207
Смирнова Т. Л. Влияние формирующегося территориального высокотехнологичного кластера на рынок рабочей силы	211
ЮРИСПРУДЕНЦИЯ	
Попова Т. Ю. О возвращении уголовного дела прокурором и руководителем следственного органа для производства дополнительного следствия	215
Равнюшкин А. В. Понятие «дебоширство» в отечественном праве: в XIX веке и на современном этапе	219
Авторы выпуска	225
Правила оформления статей в «Вестник КемГУ»	231
Подписка на «Вестник КемГУ»	233

CONTENTS

Members of the editorial board:

Coordinator:

Sviridova I. A. – rector of KemSU, PhD-medicine, associate professor.

Chief editor:

Afanasyev K. E. – vice-rector on scientific work and informatization, doctor of physics-mathematics, professor.

Deputy chief editor:

Sadovoy A. N. – doctor of history, professor.

Responsible secretary – **Grigorjeva O. S.**

Editorial board:

Zelenin A. A. – vice-rector on social work and youth policy, doctor of political science, associate professor;

Semenkova T. N. – vice-rector on educational-organizing work, PhD-pedagogic;

Shadrin A. V. – head of scientific department, doctor of techniques, associate professor;

Zakharov Yu. A. – corresponding member of Russian Academy of Science, doctor of chemistry, professor;

Araeva L. A. – doctor of philology, professor;

Bobrov V. V. – doctor of history, professor;

Danilov N. N. – doctor of physics-mathematics, professor;

Zheltoy V. V. – doctor of philosophic studies, professor;

Kazin E. M. – doctor of biology, professor;

Kartashov B. Ya. – doctor of techniques, professor;

Kasatkina N. E. – doctor of pedagogic, professor;

Kurbatova M. V. – doctor of economics, professor;

Nevzorov B. P. – doctor of pedagogic, professor;

Osadchiy M. A. – PhD-philology;

Pimenov E. A. – doctor of philology, professor;

Povarich I. P. – doctor of economics, professor;

Poplavnoy A. S. – doctor of physics-mathematics, professor;

Sher Ya. A. – doctor of history, professor;

Schennikov B. P. – doctor of philosophic studies, professor;

Yurkevich N. A. – PhD-law, associate professor;

Yanitsky M. S. – doctor of psychology, professor.

Issues editor: **L. G. Barashkova,**
L. M. Boriskina.

Computer layout – **V. A. Sherina**

BIOLOGY

Zaushintsena A. V., Komarova G. N., Sajnakova A. B. Illnesses of oats in the taiga zone of Western Siberia 5

HISTORY

Volkova Y. N. International congress «peace» Pleistocenove art and study ancient landmark activities 9

Ipatenko E. V. Structural characteristics of immigration flows in the USSR in 1920s: source potential of the regional research 15

Ovchinnikov V. A. Process of the development of the orthodox monastic cloisters of the south west Siberia region in the beginning of XX century and in the beginning of XXI century 18

Sadovoy A. N., Poddubikov V. V. Ethnological expert examination in regional government practice: the experience of the Kemerovo region 22

Khoroshilova L. S., Khoroshilov A. V. Disaster medicine as an element of general security 27

MATHEMATICS

Kucher N. A., Prokudin D. A. Analysis of solutions to the boundary value problem for equations of mixtures of compressible viscous fluids 32

Fomin A. A., Fomina L. N. Argumentation of correctness of implicit iteration line-by-line recurrence method for solving a difference elliptical equations 39

EARTH SCIENCE

Stefanjuc B. M., Sencus V. V., Kazakov S. P., Stefanjuc J. B., Sencus Val. V. Dry tomadoes and ecologi of atmosphere 46

PEDAGOGY

Barbarash N. A., Chichilenko M. V., Kuvshinov D. Y. Poetical illustrations to teaching of bases of health mode of life foundation in medical institute of higher education 50

Borisenko E. N. Essential characterization of the phenomenon “student social competence” 53

Gavrishina O. N., Filatova E. V. The creation of professionally focused information environment on the basis of the integration of information and special disciplines 60

Grabghuk K. M., Filatova E. V. Professional competence and evaluation of the levels of the professional competence 65

Kasatkina N. E., Lyah Ju. A. The point of pedagogical technology and pedagogical projection 71

Michurina E. S., Dochkin S. A. Teacher training and arrangement of computer tests among students 76

Rudneva E. L., Lyah Ju. A. Profile education as a part of professional orientation 80

Semenkova T. N., Kazin E. M., Kasatkina N. E. Student's health as social and adaptive value 83

Ternovaya G. V. The Positions of a Pupil's Reflection in Educational Activity 93

Hazova S. A. The concep of training of competitive cpecialists in piysikal culture am sport 96

Khaliulina V. V., Khaliulin Y. G., Urbanskiy A. S. Effect of the quality management system for the training of qualified professionals in high school 101

Churekova T. M., Sedina N. V. Methods of forming students' readiness for self-control during education 105

Shalyapina I. V. The forming of the students' quota at the pedagogical vocational schools in Kemerovo region in 1958 – 1985 years 108

POLITICAL SCIENCE

Skornyakov I. A. The federal republic of Germany integration policy: choosing a strategy at the contemporary period 114

The magazine of theoretic and applied researches is published by the decision of scientific-methodic and editorial board of Kemerovo State University. It is issued once a quarter.

None of any parts of the magazine can be republished without the permission of the authors or the editor.

Address: 650043, Ulitsa Krasnaya, 6, room # 225, Editorial office "Vestnik of Kemerovo State University"

Telephone: 8 (3842) 58-28-39

Fax: 8 (3842) 58-38-85

E-mail: keafa@kemsu.ru

The magazine is registered in the Federal service for supervision of communications, information technology and mass communications (Roskomnadzor)

Registration number is ПИ 12-2098

From the second half-year of 2004 there is opened the subscription for "Vestnik of KemSU". Subscribing indexes: Unity catalogue "The Press of Russia" – 42150, Catalogue of Russian press "The Post of Russia" – 51944.

© Kemerovo State University, 2011.

Signed to printing _____

Format A4

Offset printing

Paper Sveto Copy

Printing sheet –

Edition sheet –

Circulation 500 copies.

Order # _____

Price free.

It is printed in OOO PK « Offset».

650003, Kemerovo,

Ulitsa 40 years of October, 1^b

Chirun S. N. Youth political movements and the organizations as mechanisms and realization ways independence youth in public youth policy 120

PSYCHOLOGY

Ott T. O., Morozova I. S. Features of self-control of educational activity of students at the training initial stages on the university 124

Seryi N. A. Adaptation of the meat industry workers to stressful factors 131

PSYCHOPHYSIOLOGY

Blinova N. G., Lure S. B., Vasina E. V. Psychophysiological development of pupils in conditions of profile training 136

Litvinova N. A., Kazin E. M., Lurye S. B., Bulatova O. V. The role of individual psychophysiological characteristics of students in adaptation to educational activity 141

Prokhorova A. M., Berezina M. G., Lurye S. B., Kazin E. M. Psychophysiological features of women with addictive behaviour 147

PHYSICS

Daurceva N. A., Nevzorov B. P., Saltanova E. V., Fadeev Y. A. The development of the cooperativity in the molecular two-dimensional crystals with hydrogen bonds 151

PHILOLOGY

Vasilyev V. P., Vasilyeva E. V. The denotative class as a categorical fragment of the linguistic picture of the world 155

Golev N. D., Zhuravleva T. S., Khakimova I. S. Pseudoscientific advertisement discourse: linguacognitive and linguapersonal aspects 161

Melnik N. V. Gnoseological potential of a secondary text (based on translations) 165

Sinegubova K. V. Spatio-temporal matrix of story «there was a poor knight...» by Elena Guro 172

Skornyakova R. M. Concept as functional system 176

Soloviyova N. V. Types of speech behavior in the scientific discussion text 180

Yakimova N. S. Verbal aggression as the phenomenon of contemporary society 184

PHILOSOPHY

Zolotuhin V. M., Stepantsova E. V. Socially-philosophical interpretation of evolution of the rule of law in Russia before revolutionary changes of 1917 188

Krasikov V. I. A problem of subjects of Russian philosophizing in XIX century 192

Shchennikov V. P., Beloglazova O. N. The problem of self-actualization in the history of philosophy 195

CHEMISTRY

Shraibman G. N., Dyagileva E. P., Skibina A. V. Spectrophotometric methods of determination of the peroxyhydrate and the nitrite 200

ECONOMY

Zhironkin S. A. The principle base of economy's structural regulation 207

Smirnova T. L. Influence of forming the high-tech cluster of territory on the labor market 211

JURISPRUDENCE

Popova T. Yu. About returning of criminal case by the prosecutor and the head of investigatory body for manufacture of the additional investigation 215

Ravnyushkin A. V. Notion "deboshirstvo" in domestic right: in XIX ages and on modern stage 219

Authors Edition 225

Formatting in journal KemSU 231

Subscribe to «Gazette KemGU» 233

БИОЛОГИЯ

УДК: 633.12: 631.529.86

БОЛЕЗНИ ОВСА В ТАЕЖНОЙ ЗОНЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

А. В. Заушинцева, Г. Н. Комарова, А. Б. Сайнакова

ILLNESSES OF OATS IN THE TAIGA ZONE OF WESTEN SIBERIA

A. V. Zaushintsena, G. N. Komarova, A. B. Sajnakova

Необходима стратегия селекции культуры, направленная на широкое привлечение в скрещивания генетических доноров иммунитета к вредоносным заболеваниям, на оценку коллекционного и селекционного материала на провокационных фонах и отбор генотипов, сочетающих высокую устойчивость к поражению растений патогенами с хорошим урожаем и качеством зерна.

Strategy of selection of oats, with attraction of genetic donors of immunity to harmful diseases and monitoring of grades in the conditions of infection is necessary. To estimate a collection of grades in the conditions of an artificial infection, to select genotypes with high stability to defeat pathogens, with high quality of grain.

Ключевые слова: болезни, сорта, селекция, генетические доноры.

Keywords: Illnesses, grades, selection, genetic donors.

Фитосанитарная обстановка в агроценозах как в целом по России, так и в Западной Сибири заметно осложнилась. К этому привело несоблюдение правил севооборотов, насыщение их зерновыми культурами, поверхностная обработка почвы, неустойчивость гидротермического режима, способствующие распространению многих заболеваний. Наряду с головневыми заболеваниями у овса наиболее вредоносными стали различные виды пятнистостей, например, красно-бурая, корневые гнили, болезни семян [7]. Это требует разработки надежной стратегии по защите растений от поражения фитопатогенами. Одним из перспективных направлений в решении проблем экологии и поддержания стабильного урожая зерна в Сибирском регионе является создание и внедрение в производство иммунных сортов. Исследования в этом направлении были и остаются актуальными.

Цель исследований – мониторинг селекционного материала по овсу на устойчивость к наиболее вредоносным болезням.

Задачи исследований:

- определить видовой состав возбудителей и болезней овса;
- провести оценку селекционного материала овса на иммунитет к болезням;
- определить стратегию селекции овса на иммунитет в условиях Таежной зоны Западной Сибири.

Условия, материал и методы исследований

Исследования проведены в таежной зоне Западной Сибири на опытном поле Нарымского отдела селекции семеноводства Сибирского научно-исследовательского института сельского хозяйства и торфа СО РАСХН.

Объектом исследований служили селекционные образцы из гибридных питомников F₃ и F₄, из питомников контрольного и конкурсного сортоиспытания. За период исследований было изучено 363 образца в соответствии с принятыми в научных

центрах методами и методиками по оценке селекционного материала [8, 14, 3, 4, 11, 14].

Результаты исследований

Нами проанализирован материал Томской станции защиты растений за 26 лет (1980 – 2005 гг.). Ежегодно на культуре овес прогнозировалось и фактически подтвердилось проявление корневых гнилей и пыльной головни (табл.1.). Эпифитотии корневых гнилей наблюдались в 1983, 1988, 1996 и 2001 гг. Полностью совпал прогноз и по поражению растений пыльной головней. Эпифитотии этого заболевания на посевах отмечены в 1981, 1986, 1990, 1994 и 2001 гг. Красно-бурая пятнистость листьев прогнозировалась в 88 %, а проявилась в 96 % лет. Эпифитотийными были: 1981, 1989, 1996 и 2003 гг. Причем следует отметить одновременное развитие эпифитотии пыльной головни и красно-бурой пятнистости в 1981 г., корневой гнили и красно-бурой пятнистости в 1996 г.

Эпифитотии спровоцированы сочетанием тепла и обилием влаги. Коэффициент корреляции между количеством осадков и поражением растений составляет в среднем $0,97 \pm 0,02$, а между показателями температурного режима воздуха и поражением растений $-0,79 \pm 0,04$.

Все эти заболевания можно считать сопряженными, так как пыльная головня развивается по межклетникам растения и в латентной форме ослабевает его, что приводит к более интенсивному поражению видами корневой гнили, а затем – к ослаблению барьеров для проникновения возбудителей красно-бурой пятнистости.

Красно-бурая пятнистость проявляется с фазы кущения и до момента созревания зерна, поражает листья, колосковые и цветочные чешуи, иногда зерновку. Недоборы урожая могут достигать 10 % и выше, кроме того возможно снижение белка в зерне [9, 12, 7].

Таблица 1

Прогноз и фактическое развитие болезней овса в Томской области (1980 – 2005 гг.)

Виды болезней овса	Прогноз проявления болезней, %	Фактическое проявление за 26 лет наблюдений, %	Частота эпифитотий за 10 лет
Красно-бурая пятнистость	88	96	1-2
Пыльная головня	100	100	1-3
Корневые гнили	100	100	1-2

Оценка селекционного материала в питомнике конкурсного сортоиспытания на естественном фоне подтвердила ежегодное проявление красно-бурой пятнистости. Эпифитотия заболевания была отмечена в 2003 г., что позволило приравнять эти условия к уровню искусственного провокационного фона и наиболее достоверно оценить образцы овса. На фоне эпифитотии выделена только одна линия овса (5866/93), как средневосприимчивая к поражению фитопатогеном (не более 50 %). Остальные сортообразцы проявили себя, как сильно восприимчивые (от 50 % и выше). Линия 5866/93, выведенная от скрещивания сортов Горизонт и Метис, может быть использована в качестве базовой для создания принципиально нового иммунного к данному заболеванию материала. Для этого необходимо оценить известные в мировой коллекции ВНИИР им. Н. И. Вавилова генетические источники, рекомендованные И. Г. Лоскутовым (2007), в условиях таежной зоны Западной Сибири и выбрать из них лучшие для включения в селекционную программу: Аргамак, Левша, Дэнс (Россия), Стрелец (Белоруссия), Рооре (Финляндия), Melis (Великобритания), Coker 227 (США).

Корневые гнили у овса поражают первичные и вторичные корни, подземные междоузлия, основание стебля. Из-за этого отмирают продуктивные стебли, наблюдается пустоколосость, а растения часто погибают [13, 6]. На растениях в питомнике конкурсного сортоиспытания нами выделено несколько видов возбудителей корневых гнилей: *B. sorokiniana*, *F. avenaceum*, *F. oxysporum*, *F. graminearum*. Инфицированность органов возбудителями болезни в годы исследований не превышала 25 %. Степень поражения растений была в пределах 6,0 – 21,0 %. Различий по восприимчивости растений к патогенам между стандартными сортами и селекционным материалом не выявлено. Все изучаемые сортообразцы отнесены к группе слабо-восприимчивых, что достаточно с точки зрения их пригодности для выведения новых сортов.

К числу вредоносных и распространенных заболеваний овса относится пыльная головня [10]. Скрининг гибридов третьего и четвертого поколений по восприимчивости к пыльной головне проводили на провокационном фоне, где отобрали устойчивые и средневосприимчивые формы, которые включили в технологию селекционного процесса. В качестве сорта-индикатора в изучаемых питомниках была принята линия 1706/97 (2446/84 х Метис),

уровень поражения пыльной головней у которой ежегодно превышал 80 % и в среднем за последние годы составил 85,7 %.

В гибридном питомнике (F₃-F₄) оценено 87 гибридов с разнообразной родословной (Minerva х Таежник, Integrale х Метис, Яак х Универсал и др.). Из них выделено: 1,1 % комбинаций с уровнем поражения менее 5 %; 73,5 % – менее 25 %; 16 % – не более 50 % и 5,7 % образцов с сильной восприимчивостью к пыльной головне – более 50 % (табл. 2). В числе самых перспективных комбинаций для отбора иммунных гибридов выделены: Integrale х Метис; Commander х Метис; [(Горизонт х Метис) х Скакун х 4198/87] и другие. Они являются практически устойчивыми к поражению фитопатогенами. Практическую значимость имеют также 29 комбинаций с устойчивостью растений до 25 % поражения. Среди них: Метис х (Комес х 17Н788); Yrundy х Синельниковская 21; Gramena х 1501/98.

На провокационном фоне изучено 163 образца овса из контрольного питомника. Они также имеют разную родословную: Универсал х Ровесник; Скакун х Mixed Coloured; Иртыш 13 х 5Н996; Porter х 13/13 Н660; 12Н809 х 44Н807. Среди них выявлены образцы с различным типом устойчивости к пыльной головне: высокой устойчивостью обладают 29,4 % из них; практической – 17,1 %; средней восприимчивостью – 8,5 %; слабой – 35,5 %; сильной восприимчивостью – 1,8 % (табл. 3). В числе перспективных отобраны образцы из комбинаций скрещивания: Borter х 20Н816; Иртыш 13 х 17Н788; Яак х Метис и многие другие. Практическую значимость для селекционной работы имеют 55 из них с поражением пыльной головней на провокационном фоне до 10 %.

В конкурсном испытании изучено 83 сортообразца с разнообразной, в том числе сложной родословной: Иртыш 13 х 17Н/788, [(Скала х Писаревский) х (Метис х 24Н263)], 7Н339 х (Понта х Таико). В качестве стандартов взяты два сорта#### Нарымский 943 и Метис. Поражение пыльной головней на естественном фоне отмечалось во все годы исследований. Стандартный сорт Нарымский 943 поражался от 0,02 до 2,2 %, Метис – от 0,007 до 3,3 %. Максимальное поражение растений на инфекционном фоне у первого стандарта – 20,9 %, у второго – 28,9 %, что позволило отнести их в группы слабо-восприимчивых и средневосприимчивых образцов к пыльной головне соответственно.

Таблица 2

**Ранжирование гибридов по восприимчивости растений
к поражению пыльной головней на провокационном фоне (2002 – 2005 гг.)**

Шкала поражения, %	Тип устойчивости	Количество образцов, %	Комбинации скрещиваний
Высокая устойчивость, поражение отсутствует	0	0,0	-
Практическая устойчивость, поражение не превышает 5 %	I	1,1	Integrale x Метис; Commander x Метис; [(Горизонд x Метис) x (Скакун x 4198/87)]; [(Метис x 81Н444) x (Комес x 45Н1007)].
Слабая восприимчивость, поражение не превышает 25 %	II	73,5	Borka x Таежник; Edit x Таежник; Таежник x (Комес x 17Н788); Метис x (Комес x 17Н788).
Средняя восприимчивость, поражение не превышает 50 %	III	16,0	Чиж x Таежник; Dachs x Метис; Jawor x Таежник; Gramena x Bradu.
Сильная восприимчивость, поражение более 50 %	IV	5,7	Бореи x Таежник; Agro x П 3931, ТАМ–0–301; 2446/84 x Метис.

Таблица 3

**Восприимчивость образцов овса из контрольного питомника
к поражению пыльной головней на провокационном фоне (2002 – 2005 гг.)**

Шкала поражения, %	Тип устойчивости	Количество образцов, %	Комбинации скрещиваний
Высокая устойчивость, поражение отсутствует	0	29,4	Borter x 17Н788; Borter x 20Н816; Иртыш 13 x 17Н788; Як x Метис.
Практическая устойчивость, поражение не превышает 5 %	I	17,1	Нальмэс x 81Н444; Нальмэс x (Скакун x 81Н444); Скакун x Mixed Coloured.
Слабая восприимчивость, поражение не превышает 25 %	II	35,5	Нја 78052 x Нја 78152; Козырь x 19Н970; Комес x 17Н788; Sv 78519 x 4235/84.
Средняя восприимчивость, поражение не превышает 50 %	III	8,5	Рс59 x 44Н807; UPF 7901 x Метис; UPF 77101-1 x Улан.
Сильная восприимчивость, поражение более 50 %	IV	1,8	(Тогурчанин x Горизонд) x 9Н229; (Немчиновский 2 x Рс55) x Немчиновский 2.

В процессе изучения на провокационном фоне выделено 43,3 % образцов, обладающих высокой степенью устойчивости к патогену, 21,6 % – практической устойчивостью, 25,3 % – слабой восприимчивостью, 9,6 % – средней восприимчивостью, 1,2 % – сильной восприимчивостью (табл. 4). Им-

мунологический мониторинг позволил выделить 10 устойчивых линий с поражением растений не более 10 %: 1376/90 (Скакун × Метис), 2737/90 (58/1506 × Скакун), 3663/91 (Друг × 81Н444), 2476/97 (Borter × 17Н788), 5252/95 (Н 1121 × aurea 603), 5414/95 (С3987/87 × Скакун), 2412/98 (С13909 × 12Н794),

3012/98 (С13909 × 52Р979); 1923/00 (Нальмэс х (Скакун х 81Н444)); 1909/00 (Нальмэс х 81Н444). Из них 3 линии (5414/95, 2412/98, 3012/98) обладают абсолютной устойчивостью. По данному свойству

они значительно лучше стандартных сортов и представляют ценность в дальнейшей селекционной работе.

Таблица 4

**Восприимчивость образцов овса из питомника КСИ
к поражению пыльной головней на провокационном фоне (2002 – 2005 гг.)**

Шкала поражения, %	Тип устойчивости	Количество образцов, %	Комбинации скрещиваний
Высокая устойчивость, поражение отсутствует	0	43,3	Иртыш х Монар; 31Н714 х 20Н816.
Практическая устойчивость, поражение не превышает 5 %	I	21,6	Н1121 х aurea 603; Скакун х Метис; Метис х 81Н444.
Слабая восприимчивость, поражение не превышает 25 %	II	25,3	Нальмэс х (Скакун х 81Н444); 7Н339 х (Понта х Таико); (Тогурчанин х Монар) х 5095/88.
Средняя восприимчивость, поражение не превышает 50 %	III	9,6	[(Скала х Писаревский) х (Метис х 24Н263)]; Нарымский 943 х 1312/91; Н1240 х Nils.
Сильная восприимчивость, поражение более 50 %	IV	1,2	(Тогурчанин х Скакун) х 9Н929.

Семена овса, так же как и семена большинства зерновых культур подвержены поражению различными семенными инфекциями. Наиболее часто с семенами передается инфекционное начало по различным видам корневой гнили, головневых грибов [12].

Результаты фитопатологического анализа семян показали, что сортообразцов, свободных от фитопатогенной микрофлоры нет. Выделено 8 видов возбудителей болезней семян: *Bipolaris sorokiniana* (Sacc.) Shoemaker, *Ustilago avenae* (Pers.) Jen., *Fusarium avenaceum* Fr., *F. culmorum* Sm., *F. nivale* Ces, *Alternaria alternata* (Fr.) Keissl, *Aspergillus fumigatus* Fresen, *Penicillium cyclopium* Westend. Степень инфицирования семенного материала варьировала в следующих пределах: гельминтоспориозом – 0 – 12,0 %, фузариозом – 0 – 20,0 %, альтернариозом – 1,5 – 17,5 %, пыльной головней – 0 – 5,5 % и плесенью – 0 – 7,5 %. Семена четырех перспективных линий (1376/91, 5252/95, 1923/00 и 1909/00) отличались меньшей заспоренностью фитопатогенами, чем стандартные сорта. Нарымский 943 и Метис. Уровень инфекционной нагрузки у них не превысил 10,0 %, что имеет большое значение для практической селекции.

Конечным критерием оценки любого сорта является зерновая продуктивность [5, 1, 2], которая имеет тенденцию к определенной динамике в сторону падения или повышения. Низкую урожайность наблюдали в 2003 и 2005 гг., когда отрицательное влияние оказали погодные условия и развитие красно-бурой пятнистости. Расчет отклонений от высокопродуктивного стандарта (Нарымский 943) позволил выделить высокопродуктивную линию –

5252/95 и ряд перспективных образцов, с которыми можно работать в дальнейшем. Линия 5252/95 в соответствии с критерием достоверности по урожаю зерна была выше стандартного сорта на 5,5 ц/га.

В целом в ходе комплексных исследований выделено 7 линий, которые сочетают иммунитет к болезням с хорошей урожайностью и представляют перспективу для выявления новых сортов: 5866/93, 1376/90, 5252/95, 5414/95, 2412/98, 3012/98 и 1923/00.

Анализ связи урожайности с развитием красно-бурой пятнистости выявил наличие сильной зависимости ($r = 0,74 \pm 0,23$). Регрессионный анализ показал, что при увеличении развития болезни на единицу (1 %) урожайность снижается на 4,0 – 11,4 %. Это обостряет проблему иммунитета овса к данному заболеванию и становится очевидным дальнейшее развитие исследований в этом направлении.

Выводы

1. Критерий устойчивости растений овса к инфекционным заболеваниям должен рассматриваться как одно из первостепенных биологических свойств в ходе оценки исходного и селекционного материала.

2. Необходима стратегия селекции культуры, направленная на широкое привлечение в скрещивания генетических доноров иммунитета к вредоносным заболеваниям, на оценку коллекционного и селекционного материала на провокационных фонах и отбор генотипов, сочетающих высокую устойчивость к поражению растений патогенами с хорошим урожаем и качеством зерна.

Литература

1. Баталова, Г. А. Овес. Технология возделывания и селекция / Г. А. Баталова. – Киров: НИИСХ Северо-Востока, 2000. – 206 с.
2. Баталова, Г. А. Генофонд Всероссийского института растениеводства – источник исходного материала в селекции овса / Г. А. Баталова, М. В. Тулякова // Селекция, семеноводство и сортовая технология на Северо-Востоке европейской части России: сб. науч. тр. – Киров, 2001. – С. 73 – 79.
3. Гешеле, Э. Э. Основы фитопатологической оценки в селекции растений / Э. Э. Гешеле. – 2-е изд. – М.: Колос, 1978. – 208 с.
4. Государственные стандарты Союза ССР. Семена сельскохозяйственных культур (методы определения качества). – М.: Изд-во стандартов, 1991. – Ч. 2. – С. 243 – 279.
5. Дмитриенко, В. П. О динамике элементов урожайности / В. П. Дмитриенко // Труды УкрНИИ Госкомгидромета. – 1980. – Вып. 182. – С. 22 – 35.
6. Ишкова, Т. И. Диагностика основных грибных болезней хлебных злаков / Т. И. Ишкова, Л. И. Берестецкая, Е. Л. Гасич, М. М. Левитин, Д. Ю. Власов. – СПб, 2002. – 76 с.
7. Лоскутов, И. Г. Овес (*Avena L.*) распространение, систематика, эволюция и селекционная ценность / И. Г. Лоскутов. – СПб.: ВИР, 2007. – С. 146 – 228.
8. Методика государственного испытания сельскохозяйственных культур. – М.: Колос, 1985. – 365 с.
9. Родионова, Н. А. Овес. Культурная флора / Н. А. Родионова, В. Н. Солдатов, В. Е. Мережко, Н. П. Ярош, В. Д. Кобылянский. – 1994. – Т. 2. – Ч. 3. – 367 с.
10. Сартакова, С. В. Стратегия селекции овса на устойчивость к головневым грибам / С. В. Сартакова // Повышение эффективности селекции с семеноводства сельскохозяйственных растений: докл. и сообщ. VIII генетико-селекц. шк. (11 – 16 ноября 2001 г.). – Новосибирск, 2002. – С. 374 – 377.
11. Степанов, К. М. Прогноз болезней сельскохозяйственных растений / К. М. Степанов, А. Е. Чумаков. – 2-е изд. – Л.: Колос, 1972. – С. 7 – 97.
12. Тютюрев, С. Л. Протравливание семян зерновых культур / С. Л. Тютюрев // Защита и карантин растений. – 2005. – № 3. – С. 90 – 99.
13. Фадеев, Ю. Н. Защита зерновых культур от корневых гнилей / Ю. Н. Фадеев, А. А. Бенкен, Е. М. Обухович и др. – М.: Агропромиздат, 1986. – 37 с.
14. Чулкина, В. А. Методические указания по учету обыкновенной корневой гнили хлебных злаков в Сибири дифференцированно по органам / В. А. Чулкина. – Новосибирск, 1972. – 23 с.
15. Чумаков, А. Е. Вредоносность болезней сельскохозяйственных культур / А. Е. Чумаков, Т. И. Захарова. – М.: Агропромиздат, 1990. – С. 5 – 88.

ИСТОРИЯ

УДК 903.27

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС «ПЛЕЙСТОЦЕНОВОЕ ИСКУССТВО МИРА»
И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙШЕЙ ЗНАКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ю. С. Волкова

INTERNATIONAL CONGRESS «PEACE» PLEISTOCENOVOE ART
AND STUDY ANCIENT LANDMARK ACTIVITIES

Y. N. Volkova

Статья представляет собой краткий обзор ключевых проблем изучения искусства эпохи плейстоцена, и их отражение в материалах международного конгресса «Плейстоценовое искусство мира», участником которого была автор статьи.

The article is about key points of Pleistocene art's researching, which were discussed at the IFRAO Congress – 2010 (Pleistocene art of the world).

Ключевые слова: плейстоценовое искусство, мелкая пластика, пещерное искусство, тафономия.

Keywords: pleistocenovoe arts, fine arts, plastic arts, Caveman Taphonomy.

6 – 11 сентября 2010 г. на юге Франции, в небольшом городке Тараскон-сюр-Аржеж проходил Международный конгресс «Плейстоценовое искусство мира». В нем приняли участие более 300 археологов, антропологов, палеонтологов, этнографов и искусствоведов, представителей научных учреждений, учебных заведений, музеев многих стран мира. Основной организатор конгресса – Междуна-

родная ассоциация организаций по изучению наскального искусства (IFRAO, создана в 1988 г. в г. Дарвин, Австралия, на 1-й Международной конференции по наскальному искусству). Сейчас в IFRAO входят 43 организации, объединяющие более 7000 специалистов со всего мира, в их числе САИПИ (Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства) при Кемеровском госу-

дарственном университете. Со времени учреждения ассоциации существенно расширилась тематика, географические и хронологические рамки исследований древнего искусства, о чем свидетельствует проведенная плодотворная работа 9 секций, на которых было представлено более 170 докладов.

Интерес к эпохе плейстоцена в целом, а не только к периоду верхнего палеолита, отражает общую тенденцию «удревнения» первых материальных подтверждений зарождения и развития знакового поведения [1], [2], [3]. В качестве примера часто приводят фигурку из вулканического туфа, имеющую подправки, образующие шею, линию плеч и груди. Фигурка найдена в Берехат-Рам (Израиль) в слое, который датируется 280 – 250 тыс. лет до н. э. [4]. Примером может служить и антропоморфная фигурка из кварцита, найденная в ходе раскопок памятника Тан-Тан в Марокко. На поверхности фигурки обнаружены следы намеренной обработки и микроскопические следы красной краски. Фигурка относится к слою, ориентировочно датированному 400 тыс. лет назад [5].

Более многочисленной, датированной ранним временем, является категория объектов природного происхождения (камней, минералов, костей и др.), обладающих уникальными физическими свойствами и случайной антропо-зооморфностью, привлекавших внимание, и, в силу этого, по мнению исследователей, намеренно сохранявшихся на древних стоянках [6]. Гипотеза о том, что созданию древней скульптуры предшествовал этап собирания и сохранения природных фигуративных изображений (манупортов), их дальнейшая искусственная подправка и завершение естественной модели, превращение ее в скульптуру, была выдвинута в самом начале изучения древнего искусства французом Ж. Буше де Пертом [1]. На современном этапе исследований данная гипотеза «простого этапа» не утратила своей значимости. Манупорты рассматривают в качестве доказательства существования зачатков знаковой деятельности. На конгрессе данная тенденция ярко проявилась в докладе Ричарда Уилсона (Richard J. Wilson) из Великобритании, представившего целую коллекцию «манупортов», обнаруженных его детьми в саду. Скептическое отношение некоторых исследователей к подобным находкам объяснимо. Человеческое воображение может идентифицировать разные образы в камне неправильной формы или обломке кости, и говорить с уверенностью о том, что схожей дефиницией наделяли их древние гоминиды, не совсем корректно. Проблемой является также то, что в ряде случаев люди, обнаружившие «курьезные» предметы, не обладали соответствующим научным потенциалом, и, соответственно, не могли на должном уровне провести раскопки, зафиксировать находки, оценить их значимость и достоверность. Помимо определения в процессе исследования данной категории предметов возникают более принципиальные вопросы, связанные с уровнем когнитивных процессов у разных видов *Homo*, но это уже выходит за рамки данной статьи.

Отмеченная тенденция «удревнения» коснулась и наскальных рисунков. Далее мы вернемся к этому вопросу. В целом, тематика представленных докладов была очень широкой и не ограничивалась проблемой существования неутилитарных предметов и рисунков во время, предшествующее периоду верхнего палеолита. В рамках конгресса работало 9 секций: «Плейстоценовое искусство Африки», «Плейстоценовое искусство Америки», «Плейстоценовое искусство Азии», «Плейстоценовое искусство Австралии», «Плейстоценовое искусство Европы», «Датирование и тафономия палеоискусства плейстоцена», «Мобильное искусство» плейстоцена», «Применение научных судебных методик в процессе изучения искусства плейстоцена», «Знаки, символы, миф, идеология – Искусство плейстоцена: археологический материал и его антропологическое значение».

Длительное время процесс изучения древнего искусства был сконцентрирован в Европе – яркие находки мобильного и пещерного искусства надолго определили географическую направленность археологических исследований в области первобытного искусства [7], [8]. Целая плеяда европейских исследователей, такие как А. Брейль, А. Леруа-Гуран [9], [10] и другие, результатами своей работы и личным примером научной самозабвенности также привлекали интерес к европейской колыбели искусства. В это время единичные находки на африканском, американском и евразийском континентах, а также многочисленные австралийские наскальные рисунки, датировки которых долгое время оспаривались, оставались практически незамеченными. Но постепенно поиск древнейших свидетельств знакового поведения вне Европы получил свое закономерное развитие. Своеобразным итогом многолетней деятельности явилась работа 5 тематических секций конгресса, разделенных по географическому признаку. Предметом интереса исследований, результаты которых были представлены на данных секциях, являлось как пещерное/наскальное, так и мобильное искусство, материал и техника, применяемые в процессе их создания, контекст находок, их датирование и значение, а также широкий спектр других вопросов, включая возможности использования междисциплинарных методов в процессе изучения древнейшей изобразительной деятельности.

Одной из целей работы секции «Плейстоценовое искусство Африки» было повышение статуса исследований первобытного искусства африканского континента. Африканских находок известно немного, по сравнению с евразийскими. Датированные временем верхнего палеолита (28 – 26000 лет назад) две небольшие расписные плитки с изображением носорога и неопределенным изображением копытного животного были обнаружены в гроте Апполо 11 в Южной Африке еще во время раскопок конца 60-х – начала 70-х годов прошлого столетия [11]. Также на территории Южной Африки известны очаги наскального искусства и отдельные находки гравированных камней [12], [13]. Перспективным является изучение возможной хронологиче-

ской и тематической взаимосвязи между африканским наследием и искусством Евразии.

В целом, на секции активно обсуждались вопросы изучения, как мобильного, так и наскального искусства плейстоцена Африки. Например, Р. Беднарик и П. Бомон (R. Bednarik, P. Beaumont) выделили три стадии южноафриканского наскального искусства, первые две из которых, по их мнению, относятся ко времени среднего палеолита и древнее и характеризуются наличием чашечных углублений, подобных встречающимся на каменных плитах из Ла-Ферраси (Франция), а также геометрических мотивов. Также исследователи представили аудитории две находки гравированных камней из пещеры Wonderwerk (Южная Африка), по их предположениям, относящихся к древнейшему времени нижнего/среднего палеолита. Были представлены даты наскального искусства долины Нила – древнее 15000 лет (D. Huyge).

Африка, несмотря на споры сторонников моноцентрической и полицентрической теорий происхождения современного человека [14], [15], в любом из двух случаев была широкой площадкой формирования и развития культуры разных видов *Homo*. В связи с этим археологические исследования и дальнейший поиск проявлений знаковой деятельности на территории данного континента очень перспективны.

На заседаниях секции «Плейстоценовое искусство Америки» была обозначена существующая проблема – североамериканские специалисты недавно занялись изучением наскального искусства, и в связи с этим данный раздел археологической науки находится в становлении. Но уже осуществлены попытки найти место североамериканского наскального искусства в ряду подобных явлений на других континентах (Е. Malotki). Помимо наскального искусства на заседаниях секции рассматривалось также плейстоценовое искусство малых форм Северной Америки. Уникальной является недавняя находка во Флориде: в слое, датированном временем позднего плейстоцена, был обнаружен обломок кости с гравировкой мамонта (B. A. Purdy). Интересны находки на северо-западе США – украшения, кости с гравировками (N. Walker et al.). Из этой серии особо стоит отметить орнаментированный бивень мамонта с гравировками треугольников, аналогичных встречающимся в мобильном и пещерном искусстве Европы. Однако, комплекс, в котором был обнаружен предмет, датируется в пределах между 4 и 2 тыс. лет назад. По мнению авторов, возможно, орнаментированный бивень все же относится к эпохе плейстоцена и попал в более поздние слои в результате естественных природных процессов.

Археологические исследования искусства в Южной Америке связаны с изучением наскального искусства. Наскальное искусство, известное в Аргентине, Уругвае, Чили, Перу, Бразилии, датируется как периодом перехода от плейстоцена к голоцену, так и более ранним временем, представлено анималистическими и схематическими изображениями. В

ходе работы секции были намечены дальнейшие перспективы: необходимость более тщательных исследований известных рисунков, уточнение их дат, сравнительный анализ с искусством других территорий.

Работа секции «Плейстоценовое искусство Азии» в ходе конгресса привлекла к себе большое внимание. На сегодняшний день мы имеем скудное представление об азиатском древнейшем искусстве. Однако, лакуны в имеющихся знаниях заполняются усиленными темпами. Археологи Индии, России, Китая, Японии, Афганистана, Израиля и других государств проделали значительную работу по поиску и изучению искусства эпохи плейстоцена на территории Азии. Результаты их исследований были обобщены в докладе Р. Беднарика. Большой интерес представляет мультидисциплинарный проект изучения плейстоценового искусства Индии, в ходе реализации которого, на протяжении 8 лет, получены ценные результаты. Например, был проведен тщательный анализ углублений («лунок») и гравированных линий, обнаруженных на стенах пещеры Дараки-Чаттан. Авторы сообщения (R. Bednarik, G. Kumar, A. Pradhan, N. Vyas) относят данные находки к нижнепалеолитическому времени. Однако, их аналоги существуют в настенном искусстве Африки, Европы, Австралии и Америки более поздних периодов.

Работа секции оказалась плодотворной, была определена она из главных задач – закрепление феномена плейстоценового искусства Азии в контексте глобального изучения древнейших проявлений знаковой деятельности.

История исследований наскального искусства Австралии насчитывает около двухсот лет [3]. Однако широкого резонанса результаты работы археологов на австралийском континенте не получили. Работа секции «Плейстоценовое искусство Австралии» была направлена, в первую очередь, на популяризацию исследований в данной области. На заседаниях неоднократно подчеркивалась самобытность неиконического наскального искусства австралийского континента, в котором встречается около 10 млн. мотивов. Некоторые исследователи предположили, что 10 – 15 % всех австралийских петроглифов относятся к эпохе плейстоцена. Об этом, согласно представленным данным, свидетельствуют прямые датировки образцов (R. Bednarik, Sue O'Connor, M. Morwood, J. Ross).

В целом, ясно вырисовывается перспектива изучения плейстоценового наскального искусства Австралии в контексте миграций и межконтинентальных связей, тщательное исследование тасманийских находок, а также поиск предметов мобильного искусства на территории австралийского континента. Стоит заметить, что в заседании секции приняли участие в основном сами австралийцы, что еще раз говорит о неполной осведомленности научной общественности о состоянии археологических исследований континента, и, следовательно, недостаточной эвристической заинтересованности в данном предмете.

На секции «Плейстоценовое искусство Европы» было представлено более всего докладов – 46. Длительная история изучения этого феномена определила современную специфику исследований в данной области. Первостепенная роль на заседаниях секции отводилась именно пещерным рисункам и петроглифам, поскольку обсуждение проблем изучения мобильного искусства были вынесены в отдельную секцию. На конгрессе в рамках работы секции рассматривались явления, как общего, так и локального характера. Например, наряду с видовым и социальным авторством плейстоценового искусства европейского континента, возможностью применения данных пещерной живописи в палеонтологических исследованиях, феноменом «анимации» в пещерном искусстве, рассматривались вопросы прямых и относительных датировок некоторых памятников, обоснования выбора древними художниками той или иной поверхности (рельефа) для нанесения рисунков, техники исполнения определенных рисунков и петроглифов. На заседании секции были представлены работы отечественных исследователей, связанные в основном с изучением пещерных рисунков, найденных на территории России, в пещерах Южного Урала (Каповая, Игнатьевская – В. Житенев, В. Широков). Следует отметить доклад А. Солодейникова, петербургского исследователя Каповой пещеры, посвященный проблемам сохранения и каталогизации данного памятника. Им были представлены качественно новые фотографии и макет каталогов рисунков пещеры. Во время выступления А. Солодейникова в присутствии широкой научной общественности было заявлено об острой необходимости сохранения рисунков Каповой пещеры и включения памятника в список мирового культурного наследия. Вопрос сохранения и консервации такого рода памятников в странах с многолетней традицией изучения данных видов археологических источников решается на государственном уровне. Все участники конгресса выразили надежду на то, что проблема сохранения Каповой пещеры в скором времени благополучно разрешится.

Долгожданным событием на любой археологической конференции является презентация новых открытий. Во время работы секции «Плейстоценовое искусство Европы» у участников конгресса появилась возможность подробней узнать о недавней находке верхнепалеолитической живописи в Румынии в гроте Пестера Колибойя. Летом 2009 года на стенах грота были обнаружены изображенные углем бизон, лошадь (кошачье?), носорог, медведь. Рисунки датируются 35-25 тыс. л. до н. э. (Bihoș V. Géli, et. al.). Уточнение даты может привести к важным выводам, поскольку на данный момент древнейшими пещерными рисунками считаются изображения из пещеры Шове (до 33 тыс. лет до н. э.) (департамент Ардеш, Франция) [8], [16]. Если возраст в 35 тыс. лет до н.э. подтвердится, рисунки из Румынии окажутся, возможно, самым ранним из известных проявлений графического творчества на территории Европы.

В целом, заседания секции оказались плодотворными. В отличие от находок на территории других континентов, европейская пещерная живопись благополучно прошла этап скептического отношения, еще со времен Марселино де Саутуолы, испанского исследователя, первым отнесшего рисунки из пещеры Альтамира ко времени плейстоцена. Теперь перед археологами открываются дополнительные возможности, связанные с применением современных методик анализа и датирования, а вместе с тем и новые задачи решения глобальных вопросов, поиск места и роли европейского плейстоценового искусства в мире.

В связи с развитием междисциплинарных подходов к изучению первобытного искусства опубликовывается все больше дат, полученных при помощи естественнонаучных методов [17]. Помимо вопросов определения возраста плейстоценового искусства, построения обоснованных хронологических схем, исследователи сталкиваются с проблемой тафономического разрушения древнего искусства. Это феномен разрушения образца в процессе залегания его в почве, нахождения в течение длительного времени под открытым небом или на стенах пещер с активными карстовыми процессами. В рамках данного подхода исследователями должно учитываться понятие времени тафономического запаздывания, которое определяет промежуток времени между моментом возникновения явления и периодом его повторяющегося присутствия в археологических данных [5]. Понимание тафономических процессов важно для интерпретации материальных свидетельств знаковой деятельности эпохи плейстоцена. На секции «Датирование и тафономия плейстоценового искусства» рассматривались ключевые вопросы, связанные с решением обозначенных проблем. В рамках секции были представлены результаты исследований как пещерных (наскальных) рисунков, так и предметов искусства малых форм из Европы, Сибири (Лбова Л. В.), Африки, Австралии, Индии в хронологическом контексте.

Существовала объективная необходимость организации отдельных заседаний секции «Мобильное искусство», ввиду специфики данного вида изобразительной деятельности [18]. Мобильное искусство тесно «привязано» к памятнику, и вследствие этого может служить средством идентификации различных культурных групп, формирования и изменения художественных традиций в эпоху плейстоцена. Относительная хронология данного вида изобразительной деятельности – отдельное направление исследований, которое открывает новые возможности сравнительного анализа находок из разных частей света. Также важным является вопрос соотношения искусства малых форм и пещерного (наскального) искусства. В связи с универсальностью феномена существования мобильного искусства, география участников секции была обширной. На заседаниях представляли результаты своей работы исследователи из стран Европы, в том числе из России (А. А. Синицын, К. Н. Гаврилов, Ю. С. Волкова), Индии, Южной Африки, Австралии. Большой

интерес вызвали доклады, посвященные новым находкам. Например, группой итальянских исследователей была найдена фигурка женщины в пещере Фрасасси в Центральной Италии. В данной пещере зафиксирован верхнепалеолитический культурный слой, датированный радиоуглеродным методом около 13500 лет. Фигурка, выполненная из экзотического для данной эпохи материала – куска сталактита – была обнаружена, однако, не в культурном слое. Находка, без сомнения, очень интересна, в первую очередь из-за используемого для изготовления предмета сырья, а также из-за необычного положения вытянутых вперед рук. В остальном, статуэтка обладает присущими верхнепалеолитическими «венерам» чертами – увеличенный живот, изображение треугольника в нижней части туловища.

Летом 2009 года и на территории России также было сделано значимое археологическое открытие – в ходе раскопок памятника Хотылево 2 под руководством московского археолога К. Н. Гаврилова была обнаружена сдвоенная фигурка с женскими изображениями, выполненная из куска мела.

В целом, секция «Мобильное искусство» расширила тематику вопросов, рассмотренных на конгрессе, и вместе с тем подчеркнула значимость искусства малых форм, как отдельного вида археологических источников, а также его связи с другими находками утилитарного и неутилитарного назначения, пещерных (наскальных) рисунков. Стоит заметить, что многие интересные доклады, посвященные мобильному искусству, были представлены на других секциях, в рамках которых они не получили должной оценки и развития, поскольку негласно больший интерес вызывали работы связанные с изучением пещерного (наскального искусства). Таким образом, возможность увидеть целостную картину данного явления на современном этапе изучения не была использована целиком.

Работа секции «Применение судебных методик в процессе изучения плейстоценового искусства» стала отражением новой тенденции научных исследований палеоискусства, связанной с использованием методов, на первый взгляд, далеких от археологической науки. Конгресс обеспечил возможность представить результаты трасологического изучения макро- и микроскопических следов производства древнего искусства, экспериментов, восстанавливающих технологию древнего производства, анализа орудий и материалов, использовавшихся в процессе создания предметов искусства и др.

Накопление фактов, новые открытия древнейших рисунков и предметов фигуративного искусства, построение хронологических схем, изучение контекста находок, сравнительный анализ явлений, встречающихся в различных частях земного шара, в конечном итоге приводят к объективной потребности в интерпретации имеющихся данных. Работа секции «Знаки, символы, миф, идеология. Плейстоценовое искусство: археологический материал и его антропологическое значение» была направлена на выявление и распространение новых идей, иннова-

ционных подходов и теорий в области поиска значений древнейшего искусства. В рамках работы секции можно выделить ключевые вопросы, характеризующие современное направление исследований:

- роль искусства в процессе самоидентификации древнего человека в окружающем мире;
- символическое значение определенных находок, как отражение мышления древнего человека, как хронологический и географический маркер;
- причины появления искусства (антропологический, психофизиологический и др. аспекты);
- возможность использования историко-культурных и этнографических параллелей в процессе изучения плейстоценового искусства;
- связь находок с топографией памятника;
- влияние окружающей среды на содержание и значение древнейшего искусства.

Таким образом, работа девяти секций затронула все актуальные вопросы исследования мирового искусства плейстоцена, стала хорошей площадкой для обмена опытом, мнениями, новыми идеями; дискуссий и научных союзов. Очень продуктивной формой презентации результатов исследований в области археологии являются полевые семинары и конференции. Конгресс IFRAO 2010 был организован по такому принципу, поскольку все заседания проходили в знаменитом Парке доистории Тараскона-сюр-Арьеж (Park de la prehistoire). В 2009 году здесь был открыт Документационный центр Ж. Клотта, в котором сосредоточено на данный момент значительное количество книг и архивных материалов по плейстоценовому искусству мира. К открытию Центра было приурочено и открытие большой выставки, посвященной древней знаковой деятельности «L'art des origines – Origine de l'art?» [19]. Таким образом, все участники конгресса имели возможность в свободное время познакомиться с археологическими реконструкциями, представленными в Парке, а также с экспозицией выставки – копиями предметов искусства малых форм, скелетами мамонта и пещерного медведя, интерактивными информационными ресурсами. Также были организованы экскурсии в знаменитые пещеры с рисунками – Нио, Бедейяк, Гаргас, локализованные в области верхних Пиренеев, в департаменте Арьеж [8], [20].

«Бонусом» к экскурсии в пещере Нио стал эксперимент профессора Парижского университета Егора Даниловича Резникова, результаты исследований которого, представленные на двух секциях «Плейстоценовое искусство Европы» и «Знаки, символы, миф, идеология. Плейстоценовое искусство: археологический материал и его антропологическое значение», вызвали большой интерес. Суть гипотезы профессора заключается в том, что звук голоса в пещерах использовался для двух различных целей – практической, как средство ориентации в пространстве плохо освещенной или неосвещенной пещеры и музыкальной/ритуальной, как сопровождение обрядов, связанных с пещерными рисунками. Акустические свойства пещер позволяли использо-

вать сонорные звуки в некоторых частях пещеры, нишах, как средство имитации звуков, издаваемых животными, для создания эффекта их присутствия вблизи изображений. Исследовав некоторое число пещер, Е. Д. Резников пришел к выводу, что в большинстве из них плотность рисунков на стенах зависит от интенсивности голосового резонанса в данных местах. Свои выводы он убедительно проиллюстрировал во время коллективной экскурсии в пещеру Нио.

Не менее яркое впечатление оставило у участников конгресса посещение музея в Мас д'Азиль, в котором хранится богатая коллекция палеолитического искусства, включая знаменитые мадленские копьеметалки [21].

В целом, конгресс IFRAO 2010 выполнил поставленные задачи, обозначил новые вопросы и обозначил существующие проблемы. Изучение искусства эпохи плейстоцена является актуальным, поскольку затрагивает непосредственно свидетельства первых проявлений знаковой деятельности человека, а, следовательно, особенности его мышления. Исследования в этой области связаны с решением вопроса о месте человека в царстве животных, формировании его социальной сущности. Кроме того, они затрагивают важнейшие мировоззренческие и философские аспекты зарождения первых религиозных и мифологических представлений, формирования ценностных и эстетических установок.

По итогам в 2011 году решено опубликовать сборник, который станет своеобразным итогом деятельности, осуществленной за время работы конгресса.

Литература

1. Столяр, А. Д. Происхождение изобразительного искусства [Текст] / А. Д. Столяр. – М.: Искусство, 1985.
2. Lorblanchet, M. La naissance de l'art. Genèse de l'art préhistorique [Текст] / M. Lorblanchet. – Paris: Edition errance, 1999.
3. Беднарик, Р. Древнейшее палеолитическое искусство [Текст] / Р. Беднарик // Первобытная археология. Человек и искусство. – Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2002.
4. Marquet, J.-C. A Neanderthal Face? The proto-figurine from La Roche-Cotard, Langeais (Indre-et-Loire, France) [Текст] / J.-C. Marquet, M. Lorblanchet // *Antiquity*. – 2003. – December.
5. Беднарик, Р. Интерпретация данных о происхождении искусства [Текст] / Р. Беднарик // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4(20).
6. Edwards, S. W. Nonutilitarian activities in the lower Palaeolithic; a look at the two kinds of evidence [Текст] / S. W. Edwards // *Current Anthropology*. – Vol. 19. – № 1.
7. Абрамова, З. А. Человек и животное в палеолитическом искусстве Европы [Текст] / З. А. Абрамова. – СПб.: Европейский Дом, 2005.
8. Clottes, J. Cave art. [Текст] / J. Clottes. – London.: Phaidon press, 2010.
9. Абрамова, З. А. Анри Брейль (1877 – 1961 гг.) и относительная хронология палеолитического искусства [Текст] / З. А. Абрамова // *Первобытное искусство*. – Новосибирск: Наука, 1971.
10. Leroi-Gourhan, A. Préhistoire de l'art occidental [Текст] / A. Leroi-Gourhan, Brigitte et Gilles Deluc. – Paris: Citadelle & Mazenod, 1995.
11. Первобытное искусство [Текст] / ред. Я. А. Шер. – Кемерово: Кем. гос. ин-т. искусств и культуры, 1998.
12. Beaumont, P. B. On a timescale for the past million years of human history in central South Africa [Текст] / P. B. Beaumont, J. C. Voge // *South African Journal of Science*. – 2006. – № 102.
13. Henshiwood, C. S. Emergence of modern human behaviour: Middle Stone Age engravings from South Africa [Текст] / C. S. Henshiwood, F. D'Erico, R. Yates, Z. Jacobs, C. Tribolo, G. A. T. Duller, N. Mercier, J. C. Sealy, H. Valladas, I. Watts, A. G. Wintle // *Science*. – 2002. – № 295.
14. Деревянко, А. П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo sapiens sapiens* в Восточной, Центральной и Северной Азии [Текст] / А. П. Деревянко. – Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2009.
15. Вишняцкий, Л. Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции [Текст] / Л. Б. Вишняцкий. – СПб.: СПб. гос. ун-т, 2008.
16. Шер, Я. А. Спорные вопросы изучения первобытного искусства [Текст] / Я. А. Шер // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 2(18).
17. Дэвлет, Е. Г. Альтамира. У истоков искусства [Текст] / Е. Г. Дэвлет. – М.: АЛЕТЕЙА, 2004.
18. Абрамова, З. А. Два вида палеолитического искусства Евразии. Сравнительный анализ [Текст] / З. А. Абрамова // Международная конференция по первоначальному искусству. Труды. Т. 1. – Кемерово: НИКАЛС, 1999.
19. Clottes, J. Centre de ressources Jean Clottes à Tarascon-sur-Ariège (France) [Текст] / J. Clottes // *International Newsletter on rock art*. – 2009. – № 55.
20. Gailli, R. La grotte de Bédeilhac. Préhistoire, histoire et histoires [Текст] / R. Gailli. – Toulouse: Editions Larrey. CDL, 2006.
21. Руссо, А. Глоссарий палеолитического искусства [Текст] / А. Руссо. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2003.

УДК 94(47+57):314.742

**СТРУКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИММИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В СССР
1920-Х ГОДОВ: ИСТОЧНИКОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ***Е. В. Ипатенко***STRUCTURAL CHARACTERISTICS OF IMMIGRATION FLOWS IN THE USSR IN 1920S:
SOURCE POTENTIAL OF THE REGIONAL RESEARCH***E. V. Ipatenko*

В статье оцениваются источники возможности освоения советского иммиграционного опыта. Внимание сфокусировано на одном из массовых источников – анкетах иммигрантов. Анализируется их информационный потенциал для характеристики иммиграционных потоков в СССР в 1920-е гг. – период целенаправленной разработки иммиграционной политики.

The source potentials of the Soviet immigration experience investigation are estimated in the article. Attention is focused on questionnaires of immigrants, which can be considered as one of the mass sources. Their information potential is analyzed for the characterization of immigration flows to the USSR in 1920s, which is considered to be a period of focused development of immigration policy.

Ключевые слова: СССР, иммиграция, источники и методы исторического исследования.

Keywords: USSR, immigration, sources and methods of historical research.

Иммиграция стала нормой существования современной России. Противоречивость ее последствий, поиски оснований регулирования иммиграционного процесса актуализировали изучение иммиграционных проблем в их современном проявлении, а также в историческом ракурсе. Не исключение и советский иммиграционный опыт. В данном случае нас интересует период 1920-х гг., когда целенаправленно разрабатывалась иммиграционная политика, ориентированная на создание легального, контролируемого иммиграционного пространства.

В российских архивах представлен широкий спектр источников, которые отражают иммиграционный процесс в СССР в разных измерениях, например:

- правовом (правовое обслуживание иммиграционного процесса, правовое положение иммигрантов в стране);
- институционально-организационном (направления деятельности государственно-партийных структур в сфере иммиграции);
- социально-психологическом (место субъективного фактора в механизме управления иммиграционным процессом: регулирование миграционного поведения как на этапе потенциальной иммиграции, так и на этапе адаптации иммигрантов);
- информационном (информационная работа с потенциальными иммигрантами; информационная кампания в стране, ориентированная на эффективное решение проблем).

Среди всего разнообразия источников имеются анкеты иммигрантов, которые, отражая в унифицированной форме информацию индивидуального уровня, в совокупности своей позволяют структурировать целые иммиграционные потоки – важный количественный и качественный показатель иммиграционного процесса.

Анкеты были введены в оборот в 1922 г., в 1925 г. их формуляр был изменен. Эти документы предназначались для организации контроля всех въезжавших в СССР иностранных граждан. На их

основе предполагалось сформировать единую базу данных, однако централизованной системы в 1920-е гг. не сложилось. Заполнялись анкеты прежде всего лицами мужского пола, достигшими 16-летнего возраста; женщины заполняли анкету в том случае, если иммигрировали без мужа, иначе сведения о жене вносились в анкету мужа, сведения о детях вносились в анкеты родителей.

Формуляр анкеты имел сложную структуру (в образце 1922 г. – 35 пунктов, 1925 г. – 27 пунктов).

Информационное поле данного источника можно разделить на несколько групп вопросов:

- во-первых, общие социально-демографические характеристики иммигранта: фамилия, имя, отчество, национальность, место и год рождения, возраст, семейное положение, отбывал ли воинскую повинность, привлекался ли к суду, образование, основная профессия, подсобная профессия, принадлежность к профсоюзу, партии;
- во-вторых, положения, характеризующие иммигранта с точки зрения потенциальной эффективности использования его труда: чем предполагает заниматься, основная профессия, чем занимался последние 5 лет, специальное образование, имеет ли орудия труда, имеет ли наличный капитал, какими языками владеет;
- в-третьих, основные характеристики собственно процесса иммиграции: откуда прибыл, время выезда с прежнего места жительства, через какой пограничный пункт проследовал, когда прибыл, с какими документами явился в КомСТО (Постоянная комиссия СТО по трудовой сельскохозяйственной и промышленной иммиграции, созданная в соответствии с постановлением СНК РСФСР от 28 ноября 1922 г. [3, с. 69 – 70]), причины, побудившие оставить страну последнего места жительства, цель прибытия в страну.

Для изучения анкет использовался выборочный метод, который позволяет результаты выборочной обработки переносить на генеральную совокупность с учетом предельных ошибок. В представлен-

ной статье рассматривается естественная выборка анкет (выборка – 174 иммигранта, генеральная совокупность – 238), выявленная в Государственном архиве Кемеровской области [1]. На ее основе устанавливается информационный потенциал источника для характеристики иммиграционного потока определенного временного и территориального среза – в данном случае речь идет о трудовых иммигрантах, которые целенаправленно направлялись для работы на предприятиях АИК «Кузбасс» в 1923 – 1926 гг. (анкеты на них заполняли при встрече на пограничном пункте представители этого производственного объединения, один экземпляр оставался у работодателя и впоследствии документы оказались в архивном фонде). В рамках указанной границы выборка оценивается как репрезентативная, выявленные анкеты обеспечивают равномерное распределение иммигрантов с точки зрения времени и пространства (обработка ответов на вопросы «откуда прибыл» и «когда прибыл» показала, что в анкетах зафиксированы данные иммигрантов, прибывших к месту назначения в разные месяцы одного года в течение 1923 – 1926 гг., и отражена широкая география эмиграции).

Состояние выявленных документов с точки зрения информационной полноты удовлетворительное.

Во-первых, сам формуляр анкеты предполагает подробную разностороннюю характеристику иммигранта.

Во-вторых, в выявленных документах практически отсутствуют пробелы.

К недостатку данных анкет относится однообразие формулировок ответов, прежде всего на вопросы, раскрывающие мотивы миграции.

Содержательный анализ анкет включал распределение сведений по отдельным признакам, вычисление количественной меры сочетаний признаков и коэффициентов их связи для решения конкретных исследовательских задач:

1) для количественных признаков вычислялись средние величины:

– средняя арифметическая:

$$\bar{x} = \frac{\sum x_i n_i}{n},$$

где x_i – возраст,

n_i – количество человек данного возраста,

n – общее количество человек;

– средняя ошибка выборки:

$$\mu = \frac{\sigma}{\sqrt{n}} \sqrt{1 - \frac{n}{N}},$$

где σ – дисперсия, n – объем выборки, N – объем генеральной совокупности

– предельная ошибка выборки:

$$\Delta = t\mu,$$

где t – коэффициент доверия, вычисляемый по таблице значений интеграла вероятностей;

– пределы для генеральной средней:

$$\bar{x}_{выб.} - \Delta \leq \bar{x}_{ген.} \leq \bar{x}_{выб.} + \Delta;$$

2) для качественных признаков устанавливалась доля иммигрантов с тем или иным свойством в общей их совокупности:

– средняя ошибка выборки для доли признака:

$$\mu = \sqrt{\frac{q(1-q)}{n} \left(1 - \frac{n}{N}\right)},$$

где q – доля признака, n – объем выборки, N – объем генеральной совокупности;

– предельная ошибка выборки для доли признака:

$$\Delta = t\mu;$$

– для измерения степени связи качественных признаков использовался коэффициент Крамера:

$$K^2 = \frac{X^2}{N_{\min}(l-1, m-1)},$$

где X^2 – коэффициент квадратичной сопряженности,

N – число объектов в изучаемой совокупности,

$\min(l-1, m-1)$ – минимальное из чисел $(l-1, m-1)$.

Коэффициент Крамера принимает значение в интервале от 0 до 1. Минимальное нулевое значение коэффициент имеет тогда, когда признаки статистически независимы. Наибольшее значение, равное 1, коэффициент принимает при полной связи признаков.

В итоге информация была систематизирована, вычисленные предельные ошибки по отношению к каждому признаку показали, что результаты выборочной обработки могут быть распространены на генеральную совокупность.

Интерпретация полученных данных по ряду признаков представлена ниже.

Возрастная структура иммиграционного потока характеризовалась широким диапазоном: от 1 года до 59 лет. Доминирующими возрастными группами были следующие: 26 – 30 лет – 16 %, 31 – 35 лет – 27 %, 36 – 40 лет – 18 %, 41 – 45 лет – 16 %. Средний возраст иммигрантов, рассчитанный по выборке, составил 36,5 лет, интервал среднего возраста генеральной совокупности – 35,7 – 37,2. Возрастной показатель в сочетании с половым признаком отражает специфику иммиграции, а именно, большая часть иммигрантов – это мужчины в трудоспособном возрасте.

Еще один признак – семейное положение. Анализ выявил примерно равное количество женатых/замужних и холостых (47,7 % и 50 % соответственно; 2,3 % – вдовцы и разведенные). При этом анкеты отражают явно индивидуальный характер иммиграции, так как большинство зарегистрированных семейных иммигрантов приезжали без семьи, о чем свидетельствуют соответствующие пометки – прибыли члены семьи или остались за границей. Данная информации имеет немаловажное значение: одиночная иммиграция облегчала решение разных бытовых проблем в условиях СССР 1920-х гг.

Обобщенные сведения по профессиональному признаку можно представить в виде отраслевой

структуры: промышленность, строительство, сельское хозяйство, сфера обслуживания. Отдельную группу составляли иждивенцы: это не только дети, но и основная часть женщин, которые в разделе о предполагаемых занятиях указывали домашнее хозяйство. Специфика рассматриваемого района притяжения иммигрантов обусловила преобладание среди них рабочих и специалистов, занятых в промышленном производстве (63,3 %).

В рамках государственной политики формулировались особые требования к иммигрантам: наличие квалификации, капитала, оборудования (учитывая эти ключевые позиции, качественные характеристики иммигрантов, выраженные словами «полезный», «бесполезный», являлись стандартными для официальных документов). Анкеты отражают степень их соблюдения на практике. Так, на вопрос о наличии капитала положительно ответили 43,1 % мигрантов, прибывших в 1923 – 1926 гг., а о наличии оборудования – 30,5 %. Данные цифры показывают, что в большинстве случаев условия иммиграции нарушались. Но для адекватной оценки полученных результатов необходимо учитывать принципы привлечения иностранных рабочих на предприятия АИК: в соответствии с договором между СТО РСФСР и АИК от 25 декабря 1922 г. они должны были предварительно до переезда вносить 300 долларов на продукты, проезд и оборудование (статья 10) [2, с. 330 – 335]. Таким образом, можно предположить, что в данном случае в анкетах указывалась денежная сумма и орудия труда, которые имел иммигрант при себе кроме уже уплаченного взноса при оформлении документов о трудоустройстве.

Что касается квалификации, то предлагается оценить не просто профессиональный состав, а сопоставить полученную информацию со сведениями пунктов «чем занимался последние 5 лет» и «образование». Это позволит представить уровень теоретической и практической профессиональной подготовки. Анализ сопряженности признаков «основная профессия» и «чем занимался последние 5 лет» показал высокую степень их связи (0,834), т. е. основная часть иммигрантов имела опыт работы по указанной основной профессии, что должно свидетельствовать о наличии профессиональных навыков. Определить уровень профессионального образования оказалось сложнее, поскольку ответ на этот вопрос встречается редко. Но в целом специальное образование в тех случаях, когда оно указывалось, совпадало с основной профессией.

Существенный вопрос, на который следует обратить внимание, вопрос о знании иностранных языков. Так, по данным анкет русский язык знали 26,4 % иммигрантов, т. е. очевидно возникла языковой барьер, осложнявший социально-психологическую, производственную адаптацию.

Анкеты позволяют оценить мотивационную основу иммиграции, что является одной из ключевых позиций для понимания характера и содержания этого процесса. Причем необходимо комплексное изучение причин выезда из страны прежнего места

жительства и въезда в СССР, поскольку причина эмиграции непосредственно связывалась с переездом в СССР.

В целом внешняя миграция обусловлена разными факторами макроуровня (политическая система и уровень экономического развития страны, занятость и доходы населения и др.) и микроуровня (потребности, ценностные ориентации отдельного человека, социальная среда). Выявленные анкеты отражают следующие мотивы иммиграции.

Во-первых, эмиграция из страны прежнего проживания связывалась не с проблемами внутреннего порядка в этих странах, а с преобразованиями в СССР и желанием в них поучаствовать. Так, «политические преследования», «недовольство капиталистическим строем», «безработица» названы среди причин в 6 % анкет. В то же время 73,2 % иммигрантов выразили желание «работать в СССР» («помочь работой»), «помочь советскому пролетариату», «познакомиться с жизнью в Советской России».

Во-вторых, практически не указывались мотивы материального характера: только 3 % иммигрантов высказали «желание улучшить жизнь». Это не случайно, поскольку иммиграция изначально не была ориентирована на материальное стимулирование иностранцев, исключение составляли высококвалифицированные специалисты.

Кроме того, в анкетах указывались семейные причины – переезд к ранее выехавшим в СССР членам семьи, что характерно для документов, составленных на иммигрантов (муж, жених, отец, сын переехали и работают в СССР).

Анкеты позволяют рассмотреть географию иммиграционного потока, причем, интересно сочетание сведений по 3 признакам: национальность, подданство и страна, из которой прибыл человек. Количественный анализ сведений анкет дает разное соотношение групп по признакам. По признаку «национальность» выделено 26 групп (преобладали немцы – 24,7 %, американцы – 11,5 %, югославы – 11,5 %), по признаку «подданство» – 17 (преобладающее подданство: германское – 23 %, американское – 22,4 %, югославское – 13,8 %), по признаку «страна, из которой прибыл человек» – 8 (преобладающие страны выезда: США – 59,2 %, Германия – 23 %, Канада – 5,7 %). По таблице сопряженности были выявлены следующие связи между признаками: наименее связаны первый и третий признак (0,258), второй и третий (0,4), в наиболее сильной степени связаны первый и второй признаки (0,579). Различия в сочетании признаков отмечаются для каждого конкретного случая иммиграции. Например, среди 103 человек, прибывших из США, имеются представители 24 из 26 указанных национальностей и по показателю «подданство» встречаются 11 из 17 наименований. А среди 40 человек, прибывших из Германии, 39 назвали себя немцами по национальности, 40 – гражданами Германии. В целом соотношение указанных трех признаков может дать значимую информацию, например, связанную с характеристикой миграционного опыта человека

до иммиграции в СССР, что имеет существенное значение для оценки его адаптационных возможностей, а в сочетании с мотивационной основой иммиграции – для выявления способов миграционного поведения.

Таковы некоторые возможности систематизации и анализа анкетных материалов, которые могут быть дополнены в зависимости от конкретных целей исследования.

В целом анкеты выделяются из общей массы документов, вышедших из государственных структур. Они содержат сведения персонального характера об иммигрантах, которые позволяют рассмотреть иммиграционный процесс не просто через призму государственной деятельности, а учесть субъективный фактор, выраженный в миграционном поведении конкретных лиц. Более того, совокупность анкет определенного территориального и временного среза позволяет перейти с частного уровня на общий и структурировать иммиграционные потоки.

Анализ источников показал, что они являются содержательным информационным ресурсом для количественной и качественной характеристики иммиграционных потоков, оценки степени их соот-

ветствия потребностям советского государства, уровня их адаптационного потенциала в условиях СССР 1920-х гг. Указанная информация имеет непосредственное значение для выявления состояния иммиграционного процесса, его закономерностей, последствий.

Источники

1. ГАКО. Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 18. Л. 15-18; Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 20. Л. 64-77, 79-84, 88-97, 99-100, 102-123, 126-129, 131-164, 173-180, 187-206, 208-211, 215-218; Д. 29. Л. 20-27, 34-37, 41-42, 48-71, 77-78, 83-86, 88-89, 91-96, 100-101, 106-117, 125-130, 132-133, 142-151, 172-193, 203-206, 213-214, 216-219; Д. 48. Л. 8-10, 14, 16, 18, 22-24, 27-29, 34-44, 48, 49, 52, 54, 60-65, 71, 72; Д. 52. Л. 13, 14, 36-39, 42, 48, 49, 51, 52, 57, 58, 60, 63, 66, 69, 74.

2. Россия и США: Торгово-экономические отношения. 1900 – 1930: сб. док-тов / РАН, Ин-т всеобщ. истории; отв. ред. Г. Н. Севостьянов. – М.: Наука, 1996.

3. Россия и США: Экономические отношения. 1917 – 1933: сб. док-тов / РАН, Ин-т всеобщ. истории; отв. ред. Г. Н. Севостьянов, Е. А. Тюрина. – М.: Наука, 1997.

УДК 271

ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ МОНАСТЫРЕЙ НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX И НАЧАЛЕ XXI ВВ.

В. А. Овчинников

PROCESS OF THE DEVELOPMENT OF THE ORTHODOX MONASTIC CLOISTERS OF THE SOUTH WEST SIBERIA REGION IN THE BEGINNING OF XX CENTURY AND IN THE BEGINNING OF XXI CENTURY

V. A. Ovchinnikov

Статья посвящена истории православных обителей на юге Западной Сибири в широких хронологических рамках, что позволило выявить общие закономерности и специфику развития монастырей региона, определить изменение их характеристик и функционала на различных исторических этапах, доказать зависимость цикличности процесса развития монастырей от политики государства и позиции общества. В ней отражены основные результаты диссертационного исследования по проблеме¹.

The article is devoted to the history of the Orthodox monastic cloisters on the territory of the south of West Siberia region in the beginning of XX century and in the beginning of XXI century. The conformity to natural laws and the specific of the development of region's cloisters and change of their characteristics on the different historical periods has been revealed as well as cyclical of process of theirs development. The main results of the dissertation are presented in this article.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, монастырь, монашество

Keywords: Russian Orthodox Church, cloister, monasticism

¹ Материалы и результаты исследования были опубликованы в авторских монографиях: «Православные монастыри и женские общины Томской епархии во второй половине XIX – начале XX века» (Кемерово, 2004), «Монастыри Русской Православной Церкви на юге Западной Сибири (в конце XVIII - начале XXI вв.). Историография. Источники. Методология исследования» (Кемерово, 2011), «Монастыри Русской Православной Церкви на юге Западной Сибири (в конце XVIII – начале XXI вв.): Расцвет. Ликвидация. Возрождение» (Кемерово, 2011), коллективном труде «Русская Православная Церковь юга Западной Сибири (XIX – XX вв.): исторические очерки» (Кемерово, 2007).

Процессы модернизации и усиления государства в России были тесно взаимосвязаны. Исследование процесса развития монастырей показало, что неизбежной составляющей указанных процессов была секуляризация всех сфер общественной жизни, что приводило в глобальном масштабе к снижению роли РПЦ и подчинению ее государственной власти. Одним из показателей этого процесса было значительное снижение числа монастырей и монашествующих, сужение сферы приложения усилий. Итогом секуляризационных реформ XVIII в. стало ограничение деятельности монастырей религиозной сферой, при этом государство усиленно направляло ресурсы РПЦ в развитие христианского просвещения и благотворительности.

В процессе превращения российского общества из традиционного в современное государство постепенно подчиняло себе РПЦ. При этом монастыри – важный элемент традиционной системы русской православной социальной организации, защищаемые Церковью, сохранялись в той мере, в какой они были необходимы власти и обществу.

Выявлена следующая закономерность в процессе развития монастырей: их роль и место в системе социальной организации общества, сфера приложения усилий как социального института определялось, прежде всего, политикой и интересами государства. Как только государство шло на поддержку РПЦ и предоставляло больше общественных свобод, следовал подъем в развитии монастырей, что характерно для второй половины XIX – начала XX вв., конца XX – начала XXI вв. Циклы развития монастырей юга Западной Сибири напрямую зависели от циклов государственно-церковных отношений. Упадок в конце XVIII в. вследствие секуляризационных реформ сменился возрождением и развитием во второй половине XIX – начале XX вв., после полной ликвидации в 1920-е гг. монастыри в регионе были возобновлены только в 1990-е гг. Данная закономерность неоднократно проявлялась на протяжении исследуемого периода в виде обозначенных ниже тенденций, определявших основную линию развития обителей региона.

В истории монашеских обителей юга Западной Сибири выявлена цикличность в развитии, что проявлялось в изменении количественных и качественных характеристик обителей и их насельников, направлений деятельности, а, следовательно, роли в жизнедеятельности региона. Кризисы в развитии монастырей, послужившие начальными точками двух циклов, выделенных нами в рамках XVIII – начала XXI вв., приходятся на вторую половину XVIII в. и начало XX в., что связано с рывками в процессе модернизации страны – фундаментальными разрывами с прошлым – временем окончания секуляризационных реформ последователями Петра I и первыми десятилетиями советской власти. Подъем в развитии монастырей явно прослеживается в конце XIX – начале XX вв. Конец XX – начало XXI вв. – время возобновления монастырей в регионе, отмечается, как начало второго цикла. Первый цикл практически совпадает с Синодальным периодом в

истории РПЦ и имперским в истории Российского государства. Затяжная кризисная фаза перед началом второго цикла совпала с советским периодом истории России. Таким образом, кризисы и подъемы в процессе развития монастырей были связаны в первую очередь с изменениями государственного строя, что влекло за собой смену политического режима и социальной системы, выработку новой политики по отношению к РПЦ, что напрямую отражалось на монастырях.

Ряд исследователей, основываясь только на внешних показателях в узких временных рамках, проводят параллели между секуляризацией РПЦ в XVIII в. и мерами советского правительства в 1920 – 1930-е гг. Однако, указанные кризисы имели разную основу, причины и последствия. В Синодальный период развивающаяся империя, поставив РПЦ под контроль, стремилась наиболее рационально использовать ее ресурсы, переориентируя деятельность монастырей на решение социальных проблем. После того, как государство решило данную задачу, а монастыри, благодаря своей социально-карикативной деятельности, усилили свою роль в жизни общества, начался процесс быстрого роста монастырей и монашества, расширения сферы приложения их усилий. К началу XX в. количественные показатели достигли отметки начала XVIII в. В советский период был взят курс на полную ликвидацию монастырей, которые перестали существовать на юге Западной Сибири более чем на 70 лет. Только крушение советского строя, создание нового демократического государства, ставшего проводить в корне иную по сравнению с прежней церковную политику, привело к возрождению РПЦ и появлению монастырей в регионе в начале 1990-х гг.

Таким образом, выделенные нами циклы имеют свою внутреннюю периодизацию, наделены как общими чертами, так и специфическими особенностями, определенными политикой государства по отношению к РПЦ, позицией общества, положением и установками Церкви.

Периоды расцвета и упадка в истории монастырей в меньшей мере связаны с позицией общества и его отношением к РПЦ. В кризисные периоды часть общества оказывала разностороннюю поддержку обителям, что позволяло им пережить периоды кризисов и служило основой для дальнейшего подъема. В постсоветский период наряду с изменением политики государства, именно возросший интерес и поддержка общества привели к появлению и быстрому развитию монастырской жизни в Сибири, несмотря на практически полную утрату традиций и опыта иноческого общежития.

Адаптивные возможности монастырей существенно расширялись в периоды, когда они начинали действовать в интересах светских властей. Это приводило к поддержке со стороны государства и общества, расширяло спектр функций, что вело и к повышению их роли в различных сферах жизнедеятельности общества.

Динамика количества монашеских обителей подтверждает цикличность процесса их развития.

Несмотря на спады на протяжении всего исследуемого периода явно прослеживается тенденция положительной динамики обителей. При этом каждая следующая за кризисом фаза подъема характеризовалась ростом числа монастырей по сравнению с предыдущим высшим показателем. После секуляризационных реформ второй половины XVIII в. вплоть до второй половины XIX в. на территории юга Западной Сибири действовал один Томский мужской монастырь. К 1917 г. число монашеских обителей выросло до 11 (без архиерейских домов). За 1990-е – 2008 гг. в регионе возникло 18 монастырей и 3 женских скита.

Рост обителей на территории юга Западной Сибири превосходил средние общероссийские показатели, что является специфической чертой процесса их развития и связано в первую очередь с социально-экономическими характеристиками региона, ростом и постоянным преобладанием доли традиционно православного населения.

Процесс создания монашеских обителей за короткий постсоветский временной отрезок связан в первую очередь с решением задачи создания опорных пунктов для вновь образованных епархий. Уже к 2010 г. количественный рост монастырей прекратился, т. к. перед существующими обителями стоят сложные задачи улучшения качественных характеристик.

Произошли изменения в территориальном распределении монашеских обителей, что соответствовало сдвигам в системе расселения этнически православного населения и экономическом развитии региона. Появление монастырей также зависело от образования новых административно-территориальных единиц. В начале XXI в., несмотря на дореволюционные миссионерские традиции, обители практически не были возрождены на территории вновь созданных национальных республик, что указывает на изменения православного пространства.

При анализе динамики численности монашествующих и послушников выявлена тенденция резкого увеличения темпов роста насельников обителей на фазе выхода монастырей из кризиса и начала очередного подъема. Так, темпы роста насельников монашеских обителей в постсоветское время превосходили темпы роста в пореформенный период дореволюционного периода. Особенностью процесса в постсоветский период являлось, то, что быстрый рост насельников был связан с постоянным открытием новых обителей, а не с укреплением существующих общин, как в дореволюционный период, что негативно отражалось на их качественных характеристиках.

Произошедшие в постсоветский период изменения в структуре насельников обителей, социально-демографических характеристиках, образовательном уровне в целом способствовали процессу развития монастырей, но имели и ряд негативных последствий. Тенденция быстрого увеличения за короткий период в постсоветское время доли монашествующих в структуре насельников обителей (более 50 %) наряду с тенденцией старения состава

особенно женских обителей во многом ограничила дальнейшее развитие организационно-хозяйственной структуры обителей. В динамично развивающихся женских обителях дореволюционного периода именно послушницы составляли более 90 % насельниц общин, и являлись основной рабочей силой и источником пополнения женского монашества. Эта особенность формирования постсоветского монашества связана с отсутствием возрастного ценза и социальных ограничений, а также желанием РПЦ в короткие сроки возродить полнокровные монашеские общины в регионе.

Существенно изменились и возрастные характеристики. До революции около 40 % насельниц женских обителей были не старше 30 лет, в постсоветское время основную долю составляли сестры 50 – 80 лет. Средний возраст насельников дореволюционных мужских обителей в среднем составлял менее 50 лет. В постсоветское время братия заметно помолодела. Образовательный уровень насельников обителей в постсоветский период, несомненно, вырос в абсолютных показателях.

Указанные тенденции привели к изменению роли и активности в социально-карикативной сфере мужских и женских обителей. Если во второй половине XIX – начале XX вв. наиболее динамично развивались женские монастыри, то в постсоветское время такие характеристики как средний возраст, образовательный уровень, концентрация в одной обители, преобладающее число монахов среди насельников обителей создали основу для более быстрого развития и более значимого влияния на общества насельников мужских обителей.

В связи с окончанием Синодального периода в истории РПЦ, выборами патриарха изменилась и структура управления монастырями. С изменением статуса Церкви и отделением от государства монастыри утратили деление на классы, штаты, официальное государственное финансирование. В постсоветское время государство не контролировало возрастную, социальный состав насельников и процедуру зачисления в обитель.

Традиции соборного управления монастырем существовали и в дореволюционный период. В постсоветское время на всех уровнях структуры управления также был внедрен принцип соборности. Но в то же время, исходя из необходимости централизации в период быстрого организационного развития, вся полнота власти на уровне епархии была сосредоточена в руках епископа, который в отличие от дореволюционного периода, когда настоятели монастырей избирались, хотя в большинстве случаев и формально, стал представлять на утверждение Синоду кандидатуры настоятелей.

При декларации принципа соборности и деятельности представительных управленческих структур разного уровня реальную власть имели структуры исполнительной власти. Несмотря на обозначение возрождения института духовников как одного из путей к повышению уровня духовной жизни монашества в начале XXI в. высшим церковным звеном были предприняты шаги по ограниче-

нию влияния духовников, особенно их прямого управления женскими монастырями.

Монастыри действовали в различных сферах жизнедеятельности общества: экономической, политической, духовно-религиозной, социальной, выполняя определенные функции – способы действия в обществе. Нами предложена обобщающая классификация функций монастырей на основании сфер жизнедеятельности общества путем выделения четырех групп функций: религиозной, социально-карикативной, хозяйственной, социально-политической. С выполнением основной религиозной функции связаны все остальные, так как именно она направлена только на достижение основной цели – поддержание и распространение вероучения.

Сфера приложения усилий – функции монастырей, была значительно сужена в Синодальный период: урезаны хозяйственные и социально-политические функции, государство принудительно направило усилия обителей в социально-карикативное направление. Развитие социальной и просветительской работы монастырей в полной мере стало соответствовать запросам общества во второй половине XIX в., что послужило одной из причин бурного роста и развития женских монастырей и просветительно-социальных учреждений при них. По сравнению с европейской частью государства сибирские монастыри играли более значительную роль как просветительские и социальные центры в силу неразвитости инфраструктуры и специфики региона. В конце XIX – начале XX вв. для женских обителей стало характерно создание просветительно-благотворительных комплексов, состоящих, как правило, из школы, приюта, богадельни, библиотеки, больницы. Работа монастырей по решению социальных проблем и просвещению населения на фоне неразвитости системы социальной помощи и необходимости в государственном масштабе выхода на всеобщее начальное образование населения позволило монастырям занять важное место в социально-просветительской сфере, получить высокую оценку, как со стороны государственных органов, так и общества.

Особенностью монастырей региона являлось то, что большинство из них вели миссионерскую деятельность, направленную на языческое население юга Западной Сибири. Задачи социальной помощи и просвещения инородцев были вторичны по сравнению с распространением православия, социально-карикативная работа в значительной степени являлась составляющей механизма распространения веры.

В советский период, когда функции РПЦ были ограничены только религиозной сферой, ее организационная структура практически уничтожена, монастыри как низовые подразделения вообще были ликвидированы, монашеские подразделения вообще отсутствовали в поддержании религиозной функции РПЦ, участвуя в работе действующих приходов, создавая религиозные общины.

В постсоветское время новое законодательство и поддержка общества позволили монастырям обрести утраченные позиции. Прежде всего, в религи-

озной, хозяйственной и социально-карикативной сферах. Первоочередная задача, стоящая перед РПЦ – распространения христианской веры среди населения, предки которого традиционно исповедовали православие. Даже после крещения большинство граждан России, идентифицирующих себя с православием, в большинстве не знали основ вероучения и не соблюдали обрядовой стороны. Поэтому между просветительно-социальной и миссионерской деятельностью монастырей в этот период вполне можно поставить знак равенства. Задача распространения православия являлась первоочередной по сравнению с задачами социальной помощи и просвещения населения, чему способствовала и достаточно развитая государственная образовательная система и система социальной помощи населению. Монастыри занимаются духовным просвещением, а деятельность образовательных учреждений при них носит ярко выраженный конфессиональный характер. Основной задачей создания социальных монастырских учреждений также является, на наш взгляд, поиск или подтверждение большей эффективности социальных учреждений, базирующихся на традиционной православной основе и методиках.

В то же время возрождение монастырей и начало социально-карикативной деятельности совпало со временем распада СССР, политической нестабильности, экономических кризисов, приведших к расслоению населения, обострению социальных проблем, утрате духовно-нравственных основ. В этих условиях данное направление деятельности обителей было необходимо и государству, и обществу, что позволило монастырям в короткие сроки занять значимое место в системе духовного просвещения, социальной помощи населению, противодействия «нежелательным» религиозным организациям. Обители вернули себе утраченную традиционную роль религиозных и духовно-культурных центров.

В дореволюционный период, начав с открытых форм помощи нуждающимся: помощи деньгами и вещами (милостыни), бесплатного питания, монастыри постепенно стали создавать специализированные благотворительные и просветительские заведения, оказывающие помощь целенаправленно и постоянно. Деятельность таких заведений была регламентирована государством. Только к концу XIX в. начался их количественный рост, а далее изменения качественных характеристик. В конце XIX – начале XX вв. для женских обителей стало характерно создание просветительно-благотворительных комплексов, состоящих, как правило, из школы, приюта, богадельни, библиотеки, больницы. В постсоветский период возрожденные монастыри начали с открытых форм социальной работы, при крупных монастырях стали открываться специализированные заведения.

К началу XX в. монастыри вышли за рамки помощи представителям одного духовного сословия, спектр оказания помощи постоянно расширялся. В годы войн, революционных потрясений, голода и эпидемий, социальная помощь монастырей была

направлена на поддержку нуждающихся. В постсоветское время снизилось влияние монастырей на решение проблем, вызванных стихийными бедствиями, войнами, переселением.

В постсоветское время перечень объектов социальной помощи со стороны монастырей практически не изменился. Основными объектами помощи со стороны монастырей являлись дети и молодежь; заключенные, призывники и военнослужащие, ветераны, больные, инвалиды, старики. По сравнению с дореволюционным периодом монастыри стали более активно работать с заключенными, пациентами медицинских учреждений, призывниками, армией и формированиями МВД. Особые усилия предпринимались в профилактике наркотической и алкогольной зависимости.

Как в Синодальный, так и в новейший период православные монастыри юга Западной Сибири осуществляли все основные виды социальной помощи: постоянное попечение, срочное попечение, временное попечение, трудовая помощь, социально-психологическая реабилитация и адаптация, социокультурная анимация. На протяжении всего исследуемого периода они служили институтом, объединяющим усилия государства и общества в сфере благотворения, облекая их в конкретные общественно-значимые формы.

При сравнении структуры доходов обителей в Синодальный период и постсоветское время выявлено ее значительное изменение. Но, несмотря на исчезновение таких статей доходов как: содержание от казны, монастырские капиталы и проценты с него, арендные статьи, в постсоветское время одними из основных источников существования монастырей часто оставались помощь органов государственной и муниципальной власти; со стороны благотворителей.

Таким образом, монастыри РПЦ на юге Западной Сибири в исследуемый период показали себя как стабильный с высокой степенью выживаемости социальный институт. *В дореволюционный период* –

в силу специфики региона и задач РПЦ по христианизации автохтонного населения деятельность большинства монастырей носила миссионерский характер, история возникновения и развития монастырей напрямую связана с процессом колонизации русским населением региона; большинство обителей возникли как женские общины; *в советский период* до конца 1920-х гг. все монашеские общины были ликвидированы. Постепенное возрождение монашества, появление тайных монахов было связано с изменением политики государства и созданием Новосибирской епархии в 1943 г. *В постсоветский период* – большинство обителей являются вновь созданными, значительная часть появилась в районах, где до революции не было обителей. Одной из основных проблем постсоветской истории монастырей стала почти полная утрата традиций и опыта монашеской жизни. Восстановление организационной структуры РПЦ привело к быстрому увеличению числа монастырей, превысившее дореволюционные показатели, которые оказались не обеспечены управленческими кадрами и монашествующими. Необходимость в короткие сроки вернуть себе место в системе социальной организации привела к тесному сотрудничеству монастырей с миром и активной социально-карикативной деятельности – приоритетной и единственно возможной во внерелигиозной сфере.

Российское общество переживает в современный период активизацию процесса модернизации, инициируемую государственной властью, значительно укрепившейся с 1990-х гг. РПЦ, учитывая предыдущий опыт, включила адаптационный механизм, встав на путь тесного сотрудничества со светской властью. Исторический опыт должен помочь государству, обществу, Церкви не совершать старых ошибок и позволить монастырям как социальным институтам стать полноценной и необходимой частью существующей социальной системы российского общества.

УДК 323.11+316.323

ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В ПРАКТИКЕ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ОПЫТ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

А. Н. Садовой, В. В. Поддубиков

ETHNOLOGICAL EXPERT EXAMINATION IN REGIONAL GOVERNMENT PRACTICE: THE EXPERIENCE OF THE KEMEROVO REGION

A. N. Sadovoy, V. V. Poddubikov

В статье обобщен опыт организации и проведения прикладных этнологических исследований на примере одного из наиболее развитых в индустриальном отношении регионов Сибири. Авторы анализируют процесс становления этнологической экспертизы как инструмента регионального управления и национальной политики. Особое внимание отведено анализу основных позитивных моментов и сложностей, возникающих в процессе организации этнологических экспертиз.

The experience deal with applied ethnological researches conducting is summarized in the article and illustrated on the example of most industrially developed Siberian region. Authors analyze the process of ethnological examination formation as a tool of regional government and ethnic policy. The especial attention is taken to analysis of the basic positive moments and the difficulties arising in the course of ethnological examinations proceeding.

Ключевые слова: этнологическая экспертиза, прикладная этнология, народы Кемеровской области, региональная национальная политика.

Keywords: ethnological expert examination, applied ethnology, the ethnic groups of the Kemerovo region, regional ethnic policy.

Современная национальная политика, т. е. политика государства по отношению к проживающим в его границах народам, должна способствовать поддержанию стабильной этносоциальной ситуации в обществе, предотвращению возможных обострений межнациональных отношений и конфликтов. Однако решить эти задачи невозможно, не обладая достоверной информацией о национальной структуре населения, состоянии этнических групп, реально протекающих в их среде этнических, этнодемографических, социально-экономических, политических и этнокультурных процессах. Практическая ценность такой информации на сегодняшний день очевидна. Она, к примеру, необходима на стадии разработки и согласования проектов и программ развития, которые могут затрагивать права, интересы и жизненные потребности отдельных этносов и этнонациональных групп в области национального самоопределения, традиционных форм экономической активности, вопросах собственности, демографического развития, сохранения культурных традиций и многих других сферах.

Недопонимание возможных этносоциальных последствий принимающихся сегодня решений, или же попросту игнорирование этих вопросов, в дальнейшем может являться причиной довольно острых конфликтных ситуаций. Подобные примеры из российской практики последних лет нам известны. Достаточно вспомнить выступления в 2005 – 2006 гг. народов Сахалина с требованием запретить добычу нефти на островном шельфе, наносящую вред традиционным формам природопользования и образу жизни коренного населения. С аналогичными проблемами неоднократно сталкивалась и газовая отрасль на Севере Западной Сибири, в местах компактного проживания ненцев. Во всех упомянутых случаях представители коренного населения настаивали на проведении этнологической экспертизы, т. е. целенаправленного квалифицированного научного исследования с целью определения возможных негативных этносоциальных последствий названных проектов. Думается, если бы подобные исследования были проведены до начала добычи полезных ископаемых, это позволило бы, если не полностью избежать, то, по крайней мере, существенно снизить остроту возникших этносоциальных конфликтов, споров и противоречий.

Понимание практической важности этнологической экспертизы в настоящее время присутствует и в постановке органами власти вопроса о формировании основных направлений социально-экономического развития субъектов Федерации. Прежде всего, речь идет о регионах, на территории которых имеются места компактного проживания коренных малочисленных народов. С 1990-х гг. здесь ведутся работы по формированию соответ-

ствующей нормативно-правовой базы, теоретико-методологических принципов и методов проведения этнологической экспертизы [1]. В некоторых регионах предприняты попытки практически осуществить экспертные этнологические исследования на предмет оценки потенциальных этносоциальных последствий отдельных проектов и программ развития [2]. Значительный опыт накоплен и в Кемеровской области, что стало возможным благодаря установившимся в регионе формам сотрудничества региональной власти в лице Департамента культуры и национальной политики областной администрации, национальных общественных организаций и ученых.

Цель настоящей статьи – обобщить имеющийся опыт практического решения вопросов, связанных с организацией и проведением на региональном уровне прикладных этнологических исследований экспертной направленности, выполняемых по заказу региональной власти и сориентированных на снижение возможных обострений этносоциальной ситуации в процессе реализации проектов и программ социально-экономического развития. Авторы являются непосредственными участниками серии этнологических экспертиз, выполненных на территории Кемеровской области и других регионов Сибири. Им же принадлежат авторские научно-методические разработки в области этнологической экспертизы. Статья подготовлена с использованием широкого круга документальных источников по истории прикладных этнологических исследований в Кузбассе. К ним относятся договоры на выполнение научно-исследовательских работ, в которых конкретизируются технические задания на проведение этнологических экспертиз и определяются требования к их результатам; законодательные и нормативные акты в сфере экспертных исследований в целом и этнологических экспертиз – в частности; отчетная документация по результатам выполненных экспертных исследований. Важным дополнением к документальным источникам являются собственные наблюдения авторов, осуществленные в процессе экспертной работы и способствующие более глубокому пониманию сути основных проблем, возникающих на различных стадиях этнологической экспертизы.

На территории Кемеровской области расположены места компактного проживания двух сибирских народностей – шорцев и бачатских телеутов. В первой половине 1990-х гг. они были включены в перечень коренных малочисленных этносов Сибири, получив соответствующий правовой статус. Это повлекло за собой широкое обсуждение проблем развития малых народов региона в период существенных социально-экономических преобразований конца XX столетия. Национальные общественные

организации стали ставить на повестку дня вопросы содействия экономическому развитию малых народов, социального обеспечения коренного населения и возрождения национальных культурных традиций. В некоторых случаях для решения этих проблем объективно требовалось обоснованное заключение экспертов, способных оценить как текущее состояние малых этнических групп региона, так и перспективы их социально-экономического развития. По этой причине на стадии обсуждения программ развития коренных малочисленных народов и отдельных управленческих решений в этой области, региональной властью привлекались специалисты в области этнологии и этнографии. Их функции тогда были близки к функциям экспертов-консультантов при региональной администрации. Однако постоянного характера такие консультации не имели, а целенаправленных прикладных этносоциальных исследований не проводилось.

Ситуация изменилась в 1993 г. К этому времени на базе Кемеровского государственного университета сложилась группа ученых во главе с А. Н. Садовым, которая занялась разработкой теоретико-методологических и практических проблем организации и проведения мониторинговых этносоциальных исследований с выходом на возможность практического применения результатов в области региональной национальной политики. Исследователи, изучив лучшие зарубежные практики в области прикладной этнологии и опыт российских этнологов минувших лет, предложили комплекс методик, позволяющих проводить экспертизу текущего социально-экономического, демографического и этнокультурного состояния этнических групп региона, а также выработать на этой основе рекомендации по корректровке проводимых на региональном уровне мероприятий в поддержку коренных малочисленных народов, урегулированию имеющихся этносоциальных противоречий и планированию развития мест компактного проживания коренного населения.

В 1993 – 94 гг. методические разработки кемеровских ученых, не имеющие аналогов в российской практике этнологических исследований, прошли практическую апробацию. Тогда, с образованием Шорского национального парка на территориях компактного проживания шорцев, потребовалось экспертное заключение о возможном характере влияния охраняемых природных территорий на традиционные системы природопользования и образ жизни коренного населения. Соответствующие исследования были проведены по заказу администрации Кемеровской области научными работниками Кемеровского государственного университета в рамках хоздоговорной темы «Альтернатива» [3]. Полученные учеными результаты учитывались при организации территории национального парка, что позволило в значительной мере избежать возможных конфликтных ситуаций в отношениях персонала охраняемой природной территории и сообществ местного населения. Полученный в ходе данной работы практический опыт позволил сформировать долгосрочные программы мониторинга малых этнических групп Кемеровской области, ко-

торые осуществлялись на протяжении второй половины 1990-х гг. при финансовой поддержке федеральных грантовых фондов и администрации Кемеровской области.

Одновременно с накоплением опыта проведения прикладных этносоциальных исследований в Кузбассе и формированием соответствующих научных кадров в среде коренных малочисленных этносов региона шли интенсивные модернизационные процессы. Резкое снижение уровня жизни и разрушение социально-экономической инфраструктуры национального села способствовали обострению ряда социальных проблем. Для решения некоторых из них по инициативе региональной власти по-прежнему в рабочем порядке привлекались эксперты-этнологи. К началу 2000-х гг. эта практика стала приобретать постоянный характер и привела к первым заказам на проведение этнологических экспертиз по отдельным проблемным ситуациям, проектам и программам развития территории, затрагивающим интересы коренного населения.

Впервые необходимость проведения целенаправленного обследования этносоциальной ситуации в Кемеровской области отчетливо обозначилась в 2004 г. в связи с перспективными планами развития производственной инфраструктуры угледобывающих предприятий ООО «МетАл» в непосредственной близости от п. Чувашка МО «г. Мыски», в котором около половины населения на тот момент составляли шорцы. Постановке вопроса о необходимости проведения этнологической экспертизы способствовала позиция как национальных общественных объединений коренного населения, так и руководства ООО «МетАл». Во взаимоотношениях сторон на тот момент обозначились очевидные затруднения социального характера, ликвидировать которые можно было только на основе взвешенной оценки сложившейся этносоциальной ситуации. Необходимость проведения этнологической экспертизы в районе возникшей этносоциальной напряженности признавалась также на уровне исполнительной власти региона и органов местного самоуправления. Специалистами Кемеровского государственного университета и Института философии и права СО РАН в 2004 г. был проведен комплекс экспертных изысканий на месте конфликта. По результатам работ были даны рекомендации по урегулированию ряда возникших проблем и выработке устойчивых форм взаимоотношений местных сообществ коренного населения, руководителей угледобывающей отрасли и власти. Результаты работ были опубликованы [4] и предоставлены для ознакомления и использования угольным предприятиям зоны возникшего конфликта, общественным организациям коренных народов Кемеровской области, широкому кругу специалистов в области регионального менеджмента и национальной политики. Фактически, этнологическая экспертиза, проведенная в Кузбассе в 2004 г., является первой в России попыткой комплексно исследовать сложившуюся этносоциальную ситуацию в местах компактного проживания коренной малочисленной народности с перспективой вы-

хода на корректировку запланированных мероприятий по социально-экономическому развитию территории. Исследователи непосредственно на месте провели анализ широкого спектра проблем демографического, социально-экономического и этнокультурного развития локальных групп коренного населения. Собранные данные позволили провести многосторонний анализ сложившейся ситуации и предложить варианты решения возникших проблем. По ходу выполнения экспертных работ продолжалась апробация, корректировка и совершенствование используемых экспертами исследовательских методов, уточнялись возможные предметные области этнологической экспертизы, оттачивались навыки практической организации и проведения экспертных исследований в области этнологии.

В 2006 г. практика проведения этнологических экспертиз на территории Кемеровской области была продолжена по инициативе национальных общественных объединений бачатских телеутов и при финансовой поддержке администрации области. Предметную область экспертных исследований на этот раз составила социальная проблематика телеутских поселений Беловского и Гурьевского районов. Были рассмотрены текущие процессы демографического развития локальных групп телеутов, особенности их социально-экономического положения, а также взаимоотношения коренного населения с органами муниципальной власти и предприятиями угольной отрасли. В результате экспертизы были даны рекомендации по урегулированию наиболее острых этносоциальных проблем, выявленных экспертами. Как и в предыдущем случае, результаты экспертизы были опубликованы [5] и прошли стадию обсуждения с участием представителей региональной власти и национальных объединений телеутов.

Элементы этнологической экспертизы присутствовали также в комплексе прикладных научно-исследовательских работ, выполненных кемеровскими этнологами, участвовавшими в 2007 г. в разработке среднесрочного плана управления для Шорского национального парка [6]. На основе данных, собранных методом полевых исследований, планирующая команда смогла учесть интересы локальных групп шорцев, ведущих традиционные формы природопользования, в области хозяйственного использования биоресурсов на территории национального парка. По результатам работы экспертов, в частности, было принято решение об изменении схемы функциональных зон охраняемой территории с выделением автохтонному населению особых участков в рамках зоны традиционного экстенсивного природопользования. Тем самым были в основном решены вопросы предоставления представителям коренной народности необходимых земель для сохранения этнических традиций хозяйствования, т. е., по сути, практически возможной стала реализация права коренных малочисленных народов, декларируемого в федеральном законодательстве. В российской практике взаимоотношений особо охраняемых природных территорий с сообществами коренных малочисленных народов подобных примеров очень

немного по причине отсутствия ясных механизмов выделения населению участков традиционного природопользования. В этой связи, опыт Кемеровской области и в этом отношении является во многом уникальным. Предварительные экспертные изыскания специалистов-этнологов не в малой степени этому способствовали, поскольку обеспечили руководство национального парка всей необходимой информацией о реально сложившихся системах природопользования и поземельных отношений локальных групп шорцев.

Опыт, накопленный в регионе в процессе проведения серии этнологических экспертиз (2004 – 2007 гг.) выявил существенные сложности не только исследовательского плана (сложный характер предметной области экспертизы, значительные массивы обрабатываемых данных и высокий уровень затрат при недостаточном кадровом обеспечении экспертных изысканий), но и затруднения организационно-правового характера. Последние в основном связаны с отсутствием специализированной нормативной базы и регламентирующих документов, устанавливающих порядок организации и проведения этнологической экспертизы, источники финансирования экспертных исследований, права и ответственность заинтересованных сторон. Несмотря на присутствие в российском законодательстве понятия «этнологическая экспертиза», механизмы ее практического осуществления до конца не определены. Это в известной степени затрудняет общение экспертов с такими «заинтересованными» сторонами, как, например, руководство промышленных предприятий, расположенных вблизи от мест компактного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных народов. При отсутствии соответствующих норм в действующем законодательстве они в большинстве известных нам случаев не готовы рассматривать этнологическую экспертизу как форму проявления социальной ответственности бизнеса, предпочитая ограниченное участие в финансировании программ развития местной инфраструктуры, национальных праздников и подобных мероприятий. Такая позиция вполне понятна и по-своему оправдана: если законодательство не предусматривает в обязательном порядке экспертным способом оценивать влияние производственной деятельности предприятия на группы коренного населения, его среду обитания и традиционный образ жизни, то и нести расходы по финансированию соответствующих исследований нет необходимости. В этих условиях все проведенные к настоящему времени в Кузбассе этнологические экспертизы носят общественный (негосударственный) характер: в основном они выполнены по инициативе общественных организаций коренных народов и региональной власти. Поэтому выводы всех проведенных экспертиз являются не более чем рекомендациями, не обязательно принимаемыми во внимание всеми сторонами-участниками рассмотренных проблемных ситуаций.

Однако поиск возможных организационно-правовых форм этнологической экспертизы в на-

стоящее время ведется. Предпринимаются попытки создать руководящие в этой области документы, обобщить и систематизировать имеющиеся на данный момент методические разработки. Инициатива в этом направлении исходит из Федерального центра. Вопросы организации и проведения этнологических экспертиз в России активно прорабатываются Министерством регионального развития Российской Федерации, которое, учитывая значительный опыт Кемеровской области, в 2008 г. инициировало разработку на региональном уровне регламента на проведение этнологических экспертиз. В результате такой документ был создан усилиями кемеровских ученых, имеющих практический опыт прикладных этносоциальных исследований, по государственному заказу администрации Кемеровской области. Это вывело регион на лидирующие позиции в стране в области проведения этнологических экспертиз.

Согласно логике, заложенной в регламент [7], этнологическая экспертиза признается государственной услугой и может быть заказана администрацией Кемеровской области. Она же конкурсным путем определяет исполнителя работ, контролирует ход выполнения экспертных исследований, согласует результаты экспертизы и несет ответственность за их практическое внедрение. Общественные организации и другие полномочные представители коренных малочисленных народов региона имеют право выступать инициатором проведения этнологических экспертиз и принимать непосредственное участие в процессе их проведения. Таким образом, регламент создает условия для развития трехстороннего сотрудничества региональной власти, национальных объединений и ученых. Стоит при этом заметить, что подобное сотрудничество не просто декларируется по тексту регламента. В процессе уже проведенных экспертиз элементы взаимодействия всех заинтересованных сторон были неоднократно апробированы и дали вполне положительные результаты. Регламент лишь закрепляет эту практику на перспективу дальнейших прикладных этнологических исследований.

Обобщая сказанное выше об опыте проведения прикладных этнологических исследований в Кемеровской области, следует отметить, что основными факторами, способствовавшими развитию этого направления, являются:

- во-первых, заинтересованность органов региональной исполнительной власти в получении квалифицированных оценок специалистов и качественных данных о текущих в Кузбассе этносоциальных процессах;

- во-вторых, активная позиция общественных организаций коренных малочисленных народов, нуждающихся в решении целого комплекса непростых социальных и экономических проблем;

- в-третьих, наличие в регионе научных кадров, владеющих соответствующими методиками и обладающих практическим опытом проведения прикладных научных исследований.

Однако кадрового потенциала для проведения масштабных экспертных исследований на постоян-

ной основе в настоящее время в Кемеровской области недостаточно. Фактически, весь комплекс упомянутых нами работ выполняла группа специалистов в составе 5 – 6 человек. Каждый из них обладает компетенцией в отдельной области прикладных этнологических исследований. Совершенно очевидно, что для перехода от единичных случаев проведения этнологических экспертиз к их постоянной практике необходимо значительно больше специалистов. Однако проблема их подготовки на сегодняшний день не решена. В региональных вузах, как и в стране в целом, нет соответствующих образовательных программ в области прикладной этнологии и антропологии. Наиболее очевидный выход из сложившегося затруднительного положения видится в организации специальных курсов повышения квалификации в области проведения этнологических экспертиз. Такие курсы могли бы быть полезны не только для ученых, сориентированных на специализацию в области прикладной этнологии, но и представителей региональной и муниципальной власти, бизнеса, национальных общественных организаций.

Литература

1. Методы этноэкологической экспертизы / под ред. В. В. Степанова – М.: Изд-во ИЭА РАН, 1999.
2. Мурашко, О. А. Опыт проведения «этнологической экспертизы» в Ямало-Ненецком автономном округе / О. А. Мурашко // «Этнологическая экспертиза» в России и международные стандарты оценки воздействия проектов на коренные народы. – М, 2006. – С. 16 – 17.
3. Отчет о научно-исследовательской работе «Комплексная программа решения социально-экономических проблем населенных пунктов Шорского национального природного парка», х/д «Альтернатива» (на примере пп. Мрассу, Чулеш) за апрель-декабрь 1994 г. – Кемерово, 1994.
4. Этнологическая экспертиза. Вып. 1. Оценка воздействия ООО "МетАл", ОАО "Магнитогорский металлургический комбинат" и УК "Южный Кузбасс" на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашенской сельской администрации МО "г. Мыски" Кемеровской области [Текст] / А. Н. Садовой, О. В. Нечипоренко, В. В. Поддубиков и др. – Кемерово: Изд-во ИУУ СО РАН, 2005.
5. Этнологическая экспертиза. Вып. 2. Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского районов Кемеровской области [Текст, илл.] / В. И. Бойко, А. Н. Садовой, В. В. Поддубиков, О. В. Нечипоренко, М. В. Белозерова и др. – Новосибирск: Изд-во ИФиП СО РАН, 2008. – 257 с.
6. Мекуш, Г. Е. Основные направления развития ГУ «Шорский национальный парк» на 2008 – 2012 гг. [Текст] / Г. Е. Мекуш, В. В. Поддубиков, Е. А. Маженина, И. И. Беркутов. – Кемерово – Красноярск – Таштагол, 2008. – 42 с.
7. Регламент на проведение этнологических экспертиз в Кемеровской области – Кемерово, 2009. – 36 с.

УДК 94:614.8(470)

СЛУЖБА МЕДИЦИНЫ КАТАСТРОФ – ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ*Л. С. Хорошилова, А. В. Хорошилов***DISASTER MEDICINE AS AN ELEMENT OF GENERAL SECURITY***L. S. Khoroshilova, A. V. Khoroshilov*

Представлена история создания Всероссийской службы медицины катастроф (ВСМК) как самостоятельной отрасли здравоохранения, ее структура и функционирование на федеральном, межрегиональном, региональном, муниципальном и объектовом уровнях. Показаны роль и место Всероссийского центра медицины катастроф «Защита» в научно-исследовательской работе по проблемам медицины катастроф, подготовке необходимых кадров и ликвидации медико-санитарных последствий чрезвычайных ситуаций (ЧС) в стране и за рубежом.

Изложены причины, по которым требуется дальнейшее совершенствование структуры и форм деятельности ВСМК по организации медицинского обеспечения населения страны в ЧС природного и техногенного происхождения, при террористических актах и вооруженных конфликтах.

The history of creation of All-Russian Service for Disaster Medicine (ARSDM) as a branch of health service, its structure and functioning on federal, inter-regional, regional, municipal and facility levels are presented. The role and place are shown of All-Russian Center for Disaster Medicine «Zaschita» in scientific research work on disaster medicine issues, in education and training of necessary personnel and in liquidation of medical and sanitary consequences of emergency situations in the country and abroad.

The reasons are stated why further improvements are needed of the structure and functioning of ARSDM in the field of medical care of population of the country in emergency situations of natural and technological origin and of acts of terror and armed conflicts.

Ключевые слова: Всероссийская служба медицины катастроф, медицинское обеспечение населения, направления развития, организационная структура медицины катастроф, угроза чрезвычайных ситуаций.

Keywords: all-Russian Service for Disaster Medicine, directions of development, disaster medicine organizational structure, emergency situations menace, medical care of population.

Человечество на всем протяжении своей истории постоянно подвергается воздействию самых разнообразных катастроф. В современной жизни человек настолько свыкается с опасностями, которые сопровождают его, что зачастую не реагирует на них, пренебрегает мерами предосторожности, что в конечном итоге, как правило, повышает уровень тяжести медико-санитарных последствий чрезвычайных ситуаций (ЧС).

Несмотря на научно-технический прогресс, уязвимость общества от последствий катастроф, в том числе природных, возрастает.

Медицинское обеспечение населения, пострадавшего в ЧС природного, техногенного характера, является объективной потребностью и одним из основных направлений социальной политики, проводимой в Российской Федерации.

В зависимости от характера и степени имеющихся опасностей и угроз, сопровождающихся медико-санитарными последствиями, тенденций роста их тяжести государство определяет основные принципы, приоритетные действия, организационную структуру системы медицинского обеспечения населения, пострадавшего в чрезвычайных ситуациях, направления ее развития.

В конце прошлого столетия в стране произошли несколько крупных чрезвычайных ситуаций, сопровождающихся многочисленными человеческими жертвами (землетрясение в Армении, 1988 г. – погибли более 40 тыс. чел., получили ранения 32 тыс. чел.; взрывы на железной дороге в г. Арзамасе, 1988 г. – погиб 91 чел., получили ранения 840 чел. и

в Свердловске, 1988 г. – погибли 4 чел., получили ранения 713 чел.; взрыв конденсата газа вблизи ж.-д. ст. Улу-Теляк под Уфой, 1989 г. – погибли 339 чел., получили ранения 871 чел.; железнодорожная катастрофа под г. Бологое, 1988 г. – погиб 31 чел., получили ранения 182 чел. и др.). Изучение опыта ликвидации медико-санитарных последствий этих катастроф привело к необходимости создать в стране новую государственную систему – службу медицины катастроф, способную обеспечить быструю и эффективную помощь населению при любых видах поражений [1].

Было бы ошибочным считать, что руководители здравоохранения всех уровней не занимались подготовкой системы здравоохранения в целом, ее отраслей, звеньев и отдельных учреждений к работе в условиях возникновения ЧС. В частности, постоянно улучшалось материально-техническое обеспечение службы скорой медицинской помощи, совершенствовалась организации ее работы. Многие лечебные учреждения планировали при необходимости развертывание дополнительных коек. Была разработана и поддерживалась в готовности система противоэпидемических мероприятий в случае возникновения массовых инфекционных заболеваний.

В 1977 г. в новом Положении о медицинской службе Гражданской обороны СССР и ряде директивных указаний Минздрава СССР, наряду с изменениями в организации службы, на нее была возложена задача по оказанию медицинской помощи пораженным при крупных производственных авариях, катастрофах, наводнениях.

7 апреля 1990 г. Советом Министров СССР было принято Постановление № 339 «О создании в стране службы экстренной медицинской помощи в чрезвычайных ситуациях», а 14 июня 1990 г. Постановление № 192 аналогичного содержания принял Совет Министров РСФСР [2].

Несмотря на то, что организационная структура и регламент функционирования службы экстренной медицинской помощи (ЭМП) не были оптимальными, ни в коей мере нельзя принижать роль руководителей здравоохранения и идеологов создания этой службы. Несомненно, они сделали очень много, и плодами их работы специалисты службы медицины катастроф пользуются по сей день.

В дальнейшем во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 20 апреля 1993 г. № 468, Постановлений Правительства Российской Федерации от 3 мая 1994 г. № 420 и от 28 февраля 1996 г. № 195 в сфере здравоохранения страны были проведены социально важные организационные мероприятия [3].

Была создана Всероссийская служба медицины катастроф (ВСМК), являющаяся функциональной подсистемой Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (РСЧС), функционально объединяющая силы и средства здравоохранения различных министерств – Минздрава, Минобороны, МВД, МЧС России и других федеральных органов исполнительной власти, предназначенные для ликвидации медико-санитарных последствий ЧС природного и техногенного происхождения.

Основы создания и функционирования ВСМК были заложены крупными отечественными военными учеными-медиками Ф. И. Комаровым, Э. А. Нечаевым, Г. П. Лобановым и др. Это вполне объяснимо. Именно военно-медицинская служба наиболее адаптирована к работе в условиях ЧС, ее медицинские кадры имеют высокую подготовку и профессиональную выучку к действиям в экстремальной обстановке.

Поэтому не случайно военные медики принимали самое активное участие в ликвидации последствий землетрясения в Армении, аварии на Чернобыльской АЭС, взрыва на железной дороге в г. Арзамасе и других ЧС.

Необходимо отметить, что деятельность ВСМК и медицинской службы Минобороны России по многим вопросам близки по своему содержанию. Об этом свидетельствует не только практика оказания медицинской помощи пострадавшим в ЧС, но и проблематика научно-исследовательских работ [4].

В настоящее время служба медицины катастроф действительно является Всероссийской, что принципиально отличает ее от ранее созданной службы экстренной медицинской помощи.

При этом служба медицины катастроф (СМК) Минздравсоцразвития России является основой ВСМК, и ей по праву принадлежит ведущее место.

Служба выполняет стоящие перед ней задачи по предупреждению медико-санитарных последствий и медицинскому обеспечению населения в ЧС при не-

посредственном взаимодействии с федеральными органами исполнительной власти, входящими в РСЧС, с органами управления здравоохранением субъектов РФ, формированиями и учреждениями министерств и ведомств, привлекаемыми для ликвидации последствий ЧС.

В настоящее время ВСМК организована и функционирует на 5 уровнях – федеральном, межрегиональном, региональном, муниципальном и объектовом.

Координация подготовки и взаимодействия органов управления, а также использования формирований и учреждений, входящих в состав ВСМК, в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 26.02.96 № 195 возложены на СМК Минздравсоцразвития России. Она должна обеспечивать:

- руководство силами и средствами, участвующими в ликвидации медико-санитарных последствий ЧС;
- подготовку, повышение квалификации и аттестацию специалистов Службы;
- разработку научно-методических принципов деятельности Службы;
- разработку методических основ подготовки населения к оказанию первой медицинской помощи пострадавшим в ЧС.

В настоящей статье уделено внимание федеральному и региональному уровням Службы.

Руководящими органами Службы на федеральном и региональном уровнях определены центры медицины катастроф, которые одновременно выполняют функции штабов Службы.

Практическая деятельность ВСМК подтверждает правильность основных концептуальных положений, принятых при ее создании, целесообразность организационной структуры, что позволило ей стать элементом системы безопасности страны. Руководством РСЧС признается приоритетная роль Службы. В государственных докладах о состоянии защиты населения и территорий РФ от ЧС природного и техногенного характера в 2008 – 2009 гг. отмечалось, что ВСМК является одной из лучших подсистем, входящих в РСЧС.

Реализация государственной политики по медицинскому обеспечению населения РФ при ликвидации последствий ЧС природного и техногенного характера осуществлялась на основе программно-целевого планирования в форме федеральных целевых программ (ФЦП): «Развитие Всероссийской службы медицины катастроф на 1994 – 1996 годы» (Постановлением Правительства Российской Федерации от 30.07.94 № 887); «Совершенствование Всероссийской службы медицины катастроф» федеральной целевой программы «Предупреждение и борьба с заболеваниями социального характера (2002 – 2006 годы)» [5].

Несмотря на недофинансирование ряда мероприятий, указанных выше, ФЦП удалось за относительно короткий срок создать эффективную систему

медицинского обеспечения населения, пострадавшего в ЧС.

В здравоохранении страны более 15 лет головным учреждениям по проблемам медицины катастроф является ФГУ «Всероссийский центр медицины катастроф «Защита» Минздравсоцразвития России» (ВЦМК «Защита», Центр).

В настоящее время – это государственное многопрофильное учреждение особого типа, выполняющее функции органа управления Службой, лечебно-профилактического, научно-исследовательского и образовательного учреждения. Являясь Сотрудничающим центром Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и имея статус Евроазиатского регионального центра по проблемам медицины катастроф, Центр активно участвует в проведении гуманитарных акций в странах СНГ и дальнего зарубежья. В последние годы специалисты Всероссийского центра медицины катастроф «Защита» сотрудничают со специалистами НАТО. Основными направлениями этого сотрудничества являются: сбор информации об инфраструктуре защиты и готовности общественного здравоохранения стран к реагированию и работе в ЧС; экспертная деятельность в сфере защиты гражданского населения в кризисных ситуациях; разработка программ минимальной подготовки и тренинга групп первичного реагирования медицины в кризисных ситуациях. За годы функционирования Всероссийского центра медицины катастроф «Защита» организационно-штатная структура Центра постоянно совершенствовалась с учетом возлагаемых на него задач.

В настоящее время основными структурными подразделениями ФГУ «Всероссийский центр медицины катастроф «Защита» являются:

- штаб ВСМК с центром управления в кризисных ситуациях;
- полевой многопрофильный госпиталь (ПМГ);
- центр авиамедицинской эвакуации и экстренной медицинской помощи (санитарная авиация);
- институт проблем медицины катастроф и подготовки кадров с Центром подготовки специалистов авиамедицинских бригад и Центром подготовки преподавателей по обучению приемам оказания первой помощи;
- центр медицинской экспертизы, реабилитации и восстановительного лечения участников ликвидации последствий ЧС;
- управление медицинского снабжения со складом резерва медикаментов и медицинского имущества для ЧС;
- отделы организации медицинской помощи при химических авариях, организации медицинской помощи при радиационных авариях, информационного обеспечения и научно-технической информации, организации выставочной деятельности, международных связей; подразделения обеспечения [6].

О Всероссийском центре медицины катастроф «Защита» и о деятельности его основных структурных подразделений опубликовано достаточно много научных работ и других материалов.

Штаб ВСМК (Штаб) обеспечивает управление и взаимодействие медицинских сил всех министерств и ведомств. Для повышения оперативности и эффективности управленческой деятельности в Штабе ВСМК создан Центр управления в кризисных ситуациях, в котором внедряется в опытную эксплуатацию Автоматизированная информационно-управляющая система ВСМК, функционирующая на базе современных информационных технологий.

Специалисты Штаба осуществляют планирование медицинского обеспечения населения в наиболее вероятных ЧС крупного масштаба, контроль за готовностью и деятельностью Службы, обеспечивают всестороннюю информационную поддержку для своевременного принятия и оперативной реализации решений по ликвидации медико-санитарных последствий ЧС, по своевременному выдвигению медицинских формирований, их развертыванию и работе в зоне ЧС, организуют доставку специалистов и медицинского имущества в район бедствия.

Совсем недавно на ВЦМК «Защита» была возложена задача по организационно-методическому руководству гражданской обороной в федеральных медицинских учреждениях. В связи с этим в Штабе ВСМК создано Управление организации медицинского обеспечения населения в особый период.

Одним из основных структурных подразделений Центра является ПМГ модульного типа – уникальное медицинское формирование Службы, предназначенное для оказания квалифицированной и отдельных видов специализированной медицинской помощи и лечения пораженных и больных с патологией, характерной для ЧС.

Сотрудники госпиталя уже более 15 лет участвуют в ликвидации последствий ЧС природного, техногенного, террористического характера и вооруженных конфликтов, как в нашей стране, так и за рубежом.

Неоценимую помощь оказали специалисты ПМГ ВЦМК «Защита» пострадавшим при землетрясениях за рубежом – в Колумбии, Турции (дважды), Афганистане, Иране, Шри-Ланке, Китае, Индонезии, Гаити и Чили, а также пострадавшим во время вооруженного конфликта в Южной Осетии.

По итогам работы в Гаити Российский полевой госпиталь был признан ВОЗ лучшим среди иностранных госпиталей, привлекавшихся для оказания медицинской помощи пострадавшим.

За время работы по ликвидации медико-санитарных последствий ЧС в ПМГ ВЦМК «Защита» была оказана медицинская помощь около 400 тыс. пострадавших.

Другим важным функциональным подразделением ВЦМК «Защита» является Центр авиамедицинской эвакуации и экстренной медицинской помощи. Ежегодно специалисты этого центра оказывают медицинскую помощь около 500 больным и пострадавшим, в том числе осуществляют медицинскую эвакуацию наиболее тяжелопораженных авиационным транспортом.

Для проведения медицинской экспертизы, реабилитации и восстановительного лечения лиц, рабо-

тающих в особо сложных условиях ЧС, в ВЦМК «Защита» создан научно-практический центр медицинской экспертизы, реабилитации и восстановительного лечения, в котором разрабатываются и внедряются организационные и функциональные технологии медицинской экспертизы и продления профессионального здоровья спасателей, создаются нормативные и методические документы, определяющие эту деятельность.

Столь быстрому созданию и развитию ВСМК, а также достаточно успешной ее деятельности способствовали результаты выполненной в ВЦМК «Защита» научно-исследовательской работы, которые незамедлительно внедряются в практику. Это было отмечено на заседании коллегий Минздрава России (2000, 2001), Бюро Ученого совета Минздрава России (1999), Бюро Отделения профилактической медицины РАМН (2003) и Президиума РАМН (2004).

Тематика научно-исследовательских работ по проблемам медицины катастроф в основном формировалась в соответствии с ФЦП и была нацелена на разработку комплексов мероприятий по снижению и предупреждению медико-санитарных последствий ЧС, на создание и совершенствование надежной системы защиты и медицинского обеспечения населения при стихийных бедствиях, катастрофах, террористических актах. Научные исследования выполнялись в рамках 5 научных направлений: обоснование и разработка организационных, теоретических и методических основ ВСМК; разработка, совершенствование и внедрение методов и средств оказания медицинской помощи пораженным и их лечения; разработка санитарно-гигиенических и противоэпидемических мероприятий в ЧС; разработка, совершенствование и внедрение системы медицинской экспертизы и реабилитации участников ликвидации последствий ЧС; медико-техническое обоснование и разработка средств и способов жизнеобеспечения, защиты и спасения человека в экстремальных условиях.

Перечень основных научных направлений свидетельствует о широком диапазоне и междисциплинарном характере выполняемых научных исследований и их высокой практической значимости, вытекающей из реальных потребностей Службы.

Несмотря на сложности с финансированием научных исследований, при реализации трех федеральных целевых программ по развитию и совершенствованию ВСМК разработаны и утверждены около 500 нормативно-методических и других документов, среди которых новые медицинские технологии составили более 35 %. Кроме того, получены 16 патентов на изделия и разработку средств индивидуальной защиты и спасения людей в экстремальных условиях. Более 20 нормативно-методических документов приняты для руководства здравоохранением стран СНГ [7].

В научной разработке проблем медицины катастроф принимали активное участие ученые ведущих научно-исследовательских учреждений РАМН,

Минздравсоцразвития, МЧС, МВД И Минобороны России.

Важнейшим итогом этой работы является разработка соответствующей концептуальной, нормативно-методической базы для оптимального решения задач по защите, спасению жизни и сохранению здоровья населения, пострадавшего в ЧС.

Результаты научных исследований в целом представлены более чем на 430 научных конференциях, конгрессах, симпозиумах и опубликованы в более 1700 научных статьях и докладах, из них свыше 160 – за рубежом.

Несомненно, создание и развитие Службы требует наличия соответствующих специалистов в области медицины катастроф. С целью подготовки и повышения квалификации ее медицинских кадров в 2001 г. на базе ВЦМК «Защита» был создан Институт проблем медицины катастроф.

Надо признать, что это было всесторонне обоснованное и разумное решение. Нет необходимости убеждать всех в том, что концентрация практической и научной деятельности Службы, а также технологий образовательного процесса и высококвалифицированных педагогических кадров обеспечивают более высокий уровень подготовки специалистов медицины катастроф. Следует подчеркнуть, что создание Института проблем медицины катастроф обеспечило повышение не только уровня квалификации кадров Службы медицины катастроф, но и степени готовности специалистов органов управления здравоохранением и лечебно-профилактических учреждений к работе в условиях ЧС.

В целях оперативного выполнения мероприятий по реагированию, ликвидации последствий ЧС и организации более эффективного взаимодействия с региональными и муниципальными структурами РСЧС в 61 регионе ТЦМК включены в состав Единой дежурно-диспетчерской службы.

Результаты деятельности говорят о том, что кадровый состав Службы имеет опыт работы по ликвидации медико-санитарных последствий различных ЧС, органы управления – центры медицины катастроф наращивают потенциал и возможности по решению управленческих задач и организации взаимодействия с органами управления и формированиями, привлекаемыми для ликвидации последствий ЧС.

В настоящее время в связи с требованиями основополагающих документов РСЧС, с учетом того, что на локальные, муниципальные и региональные ЧС в общей сложности приходится до 99 % всех чрезвычайных ситуаций, большая часть работы по управлению рисками и ликвидации медико-санитарных последствий ЧС ложится на здравоохранение субъектов РФ. Поэтому на региональном уровне необходимо более активно проводить работу по развитию и совершенствованию СМК, созданию необходимых и адекватных угрозам резервов медицинского имущества, финансовых средств, по повышению готовности здравоохранения в целом к работе в сложных условиях ЧС. И здесь не обойтись без научных разработок и организационно-

методического руководства со стороны ВЦМК «Защита», Штаба ВСМК.

В системе здравоохранения до недавнего времени имелись две самостоятельные структуры, предназначенные для решения практически аналогичных задач, имеющие одинаковые концептуальные основы и базы создания, руководствующиеся едиными принципами организации медицинского обеспечения: медицинская служба гражданской обороны (ныне упразднена, но имеются веские доводы в пользу ее воссоздания) и служба медицины катастроф. Существование двух структур приводит к дублированию органов управления, затрудняет решение вопросов комплектования и подготовки кадров, а также материально-технического обеспечения.

Преимуществами единой системы медицинского обеспечения населения в ЧС мирного времени и в военное время являются: возможность иметь единое нормативное, организационное и методическое поле по вопросам медицинского обеспечения населения; возможность создания единой системы управления службой (орган управления, система связи и информационного обеспечения); возможность широкого маневра научным и методическим потенциалом, финансовыми и материально-техническими средствами при решении приоритетных задач медицинского обеспечения населения; возможность обеспечить более целенаправленную комплексную подготовку формирований службы к работе в различных условиях, а также подготовку медицинских кадров, особенно по дефицитным специальностям; возможность улучшить работу по накоплению и обновлению медицинского резерва, предназначенных для медицинских формирований службы.

Однако в настоящее время, по-видимому, еще не созданы условия для практической работы по созданию единой системы – не разработаны основы ее организационной структуры, формирования и функционирования.

Наличие проблемных вопросов при организации и функционировании системы медицинского обеспечения населения, пострадавшего в ЧС, подчеркивает многоплановость ее деятельности и необходимость ее дальнейшего совершенствования и развития.

Опыт ликвидации последствий ЧС свидетельствует о том, что поступательное развитие системы медицинского обеспечения населения, пострадавшего в ЧС, целесообразно осуществлять по следующим направлениям:

- совершенствование организационной структуры системы медицинского обеспечения населения;
- совершенствование организации оказания медицинской помощи пострадавшим;
- государственные гарантии по предоставлению медицинской помощи пострадавшим в ЧС, в том числе с использованием ресурсов медицинских учреждений РАМН, санитарно-авиационной помощи;
- совершенствование снабжения медицинским имуществом при ликвидации медико-санитарных последствий ЧС;
- научные исследования по медицине катастроф;

– реформирование медицинского образования по медицине катастроф;

– упорядочение процедур социальной защиты специалистов системы медицинского обеспечения населения, пострадавшего в ЧС [8].

Дальнейшее развитие Службы целесообразно осуществлять на основе комплексного программно-целевого системного подхода, что требует долгосрочной стратегии и организационно-финансовых механизмов взаимодействия, координации усилий и концентрации медицинских ресурсов всех регионов, в том числе скорой медицинской помощи и специализированной (санитарно-авиационной) скорой медицинской помощи, привлекаемых для решения задач медицинского обеспечения населения, пострадавшего в ЧС.

Специалистами ВЦМК «Защита» разработан и представлен в Минздравсоцразвития России проект подпрограммы «Совершенствование Всероссийской службы медицины катастроф», которая, как предполагается, будет являться составной частью Государственной программы развития здравоохранения РФ на 2011 – 2015 гг.

Повышение эффективности медицинского обеспечения пострадавших в ЧС возможно только при совершенствовании и развитии всех составляющих системы медицинского обеспечения населения – Всероссийской службы медицины катастроф.

Литература

1. Всемирная медицина и катастрофы мирного времени / под ред. Э. А. Нечаева. – М.: НИО Квартет, 1994. – 319 с.
2. Текущий архив Кемеровского Центра Медицины катастроф / Постановление № 339 «О создании в стране службы экстренной медицинской помощи в чрезвычайных ситуациях».
3. Текущий архив Кемеровского Центра Медицины катастроф / Постановление Правительства РФ от 3 мая 1994 г. № 420 и от 28 февраля 1996 г. № 195.
4. Чиж, И. М. Военная медицина и медицина катастроф / И. М. Чиж. – М.: Медицина катастроф. – 2010. – № 2. С. 15 – 17.
5. Текущий архив Кемеровского Центра Медицины катастроф / Федеральная целевая программа «Предупреждение и борьба с заболеваниями социального характера (2002 – 2006 гг.)».
6. Гончаров, С. Ф. Всероссийская служба медицины катастроф: итоги деятельности и перспективы развития // С. Ф. Гончаров, Б. В. Бобий. – М.: Медицина катастроф. – 2010. – № 2 (70). – С. 9 – 10.
7. Нечаев, Э. А. Проблемы медицинского обеспечения в экстремальных ситуациях / Э. А. Нечаев. – М.: Военно-медицинский журнал, 1996. – № 6. – С. 10 – 15.
8. Гончаров, С. Ф. О некоторых проблемах медицинского обеспечения населения в кризисных ситуациях / С. Ф. Гончаров, Б. В. Бобий. – М.: Военно-медицинский журнал, 2005. – № 7. – С. 15 – 22.

МАТЕМАТИКА

УДК 517.9

АНАЛИЗ РАЗРЕШИМОСТИ КРАЕВОЙ ЗАДАЧИ
ДЛЯ УРАВНЕНИЙ СМЕСЕЙ ВЯЗКИХ СЖИМАЕМЫХ ЖИДКОСТЕЙ

Н. А. Кучер, Д. А. Прокудин

ANALYSIS OF SOLUTIONS TO THE BOUNDARY VALUE PROBLEM FOR EQUATIONS
OF MIXTURES OF COMPRESSIBLE VISCOUS FLUIDS

N. A. Kucher, D. A. Prokudin

В работе исследуется корректность первой краевой задачи для системы уравнений с частными производными, описывающих стационарное движение двухкомпонентных смесей вязких сжимаемых жидкостей в общем случае трех пространственных переменных.

The purpose of this work is to explore a first boundary value problem for equations of mixtures of compressible viscous fluids in the steady three-dimensional case.

Ключевые слова: краевые задачи, динамика смесей, решение уравнений Навье-Стокса.

Keywords: boundary value problems, dynamics of mixtures, solution of Navier-Stokes equations.

В данной работе рассматривается задача об установившемся баротропном движении двухкомпонентных смесей вязких сжимаемых жидкостей в следующей постановке.

Задача А.

Смесь занимает ограниченную область $\Omega \subset R^3$ евклидова пространства точек $x = (x_1, x_2, x_3)$ граница $\partial\Omega$ которой принадлежит классу C^2 . Требуется найти векторные поля скоростей $\vec{u}^{(i)}$, $i = 1, 2$ и скалярные поля плотностей ρ_i , $i = 1, 2$ составляющих смеси, удовлетворяющие уравнениям [1-3]

$$\operatorname{div} \left(\rho_i \vec{u}^{(i)} \right) = 0 \text{ в } \Omega, i = 1, 2, \quad (1)$$

$$\sum_{j=1}^2 L_{ij} \vec{u}^{(j)} + \operatorname{div} \left(\rho_i \vec{u}^{(i)} \otimes \vec{u}^{(i)} \right) + \nabla p_i = \vec{J}^{(i)} + \rho_i \vec{f}^{(i)} \text{ в } \Omega, i = 1, 2, \quad (2)$$

краевым условиям прилипания

$$\vec{u}^{(i)} = 0 \text{ на } \partial\Omega, i = 1, 2 \quad (3)$$

и условиям нормировки

$$\int_{\Omega} \rho_i dx = M_i > 0, i = 1, 2. \quad (4)$$

В уравнениях (2) операторы

$$L_{ij} = -\mu_{ij} \Delta - (\lambda_{ij} + \mu_{ij}) \nabla \operatorname{div}, \quad i, j = 1, 2,$$

$$\lambda_{12} + 2\mu_{12} = 0$$

определены так, что для некоторой постоянной $C_0 > 0$ выполняется неравенство:

$$\sum_{i,j=1}^2 \int_{\Omega} L_{ij} \vec{u}^{(j)} \cdot \vec{u}^{(i)} dx \geq C_0 \sum_{i=1}^2 \int_{\Omega} |\nabla \vec{u}^{(i)}|^2 dx.$$

Кроме того, предполагаются выполненными следующие соотношения:

$$p_i = \rho_i^\gamma, i = 1, 2, \gamma > 1$$

- давление i -ой составляющей смеси,

$$\vec{J}^{(i)} = (-1)^{i+1} a \left(\vec{u}^{(2)} - \vec{u}^{(1)} \right), i = 1, 2, a > 0,$$

- интенсивность обмена импульсом между составляющими смеси. Массовые силы $\vec{f}^{(1)}$ и $\vec{f}^{(2)}$ в уравнениях (2) считаются заданными достаточно гладкими векторными полями. Величины $M_i, \lambda_{ij}, \mu_{ij}, \gamma$ и a считаются заданными константами. Вопросы корректности задачи А при некоторых упрощениях рассматривались в работах [4-7].

Определение 1. Обобщенным решением краевой задачи А называются неотрицательные функции

$$\rho_i \in L^1(\Omega), \quad i = 1, 2 \quad \text{и векторные поля}$$

$$\vec{u}^{(i)} \in W_0^{1,2}(\Omega), \quad i = 1, 2, \text{удовлетворяющие следующим условиям:}$$

$$\int_{\Omega} \rho_i dx = M_i, \quad \rho_i \vec{u}^{(i)} \in L^1(\Omega),$$

$$(A1) \quad p_i(\rho_i) \in L_{loc}^1(\Omega),$$

$$\rho_i |\vec{u}^{(i)}|^2 \in L_{loc}^1(\Omega), \quad i = 1, 2;$$

$$(A2) \quad \text{для любых дифференцируемых функций } G_i$$

с ограниченными производными $G_i' \in C(R)$,

$i = 1, 2$ и произвольных функций $\psi_i \in C^1(\Omega)$,

$i = 1, 2$ выполняются интегральные тождества:

$$\int_{\Omega} \left(G_i(\rho_i) \vec{u}^{(i)} \cdot \nabla \psi_i + (G_i(\rho_i) - G_i'(\rho_i) \rho_i) \psi_i \operatorname{div} \vec{u}^{(i)} \right) dx = 0, \\ i = 1, 2;$$

(A3) для любых векторных полей $\vec{\varphi}^{(i)} \in C_0^\infty(\Omega)$, $i = 1, 2$ выполняются интегральные тождества:

$$\sum_{j=1}^2 \left(\mu_{ij} \int_{\Omega} \nabla u^{(j)} : \nabla \vec{\varphi}^{(i)} dx + (\lambda_{ij} + \mu_{ij}) \int_{\Omega} \operatorname{div} u^{(j)} \operatorname{div} \vec{\varphi}^{(i)} dx \right) - \int_{\Omega} \rho_i u^{(i)} \otimes u^{(i)} : \nabla \vec{\varphi}^{(i)} dx = \int_{\Omega} \rho_i^\gamma \operatorname{div} \vec{\varphi}^{(i)} dx + \int_{\Omega} (\vec{J}^{(i)} + \rho_i \vec{f}^{(i)}) \cdot \vec{\varphi}^{(i)} dx, \quad i = 1, 2.$$

Сформулируем теорему о разрешимости задачи $\mathbf{A}$, которая является главным результатом этой работы.

Теорема 1. Для любых

$\vec{f}^{(i)} \in C(\Omega)$, $i = 1, 2$, $\gamma > 3$ краевая задача $\mathbf{A}$ имеет по крайней мере одно обобщенное решение.

Ограниченный объем статьи позволяет лишь кратко охарактеризовать основные этапы доказательства этого утверждения. Обобщенное решение задачи $\mathbf{A}$ получено как предел обобщенных решений следующей регуляризованной краевой задачи:

$$-\varepsilon \Delta \rho_i^\varepsilon + \operatorname{div}(\rho_i^\varepsilon u_\varepsilon^{(i)}) + \varepsilon \rho_i^\varepsilon = \frac{M_i}{|\Omega|} \quad \text{в } \Omega, \quad i = 1, 2, \quad (5)$$

$$\sum_{j=1}^2 L_{ij} u_\varepsilon^{(j)} + \frac{\varepsilon}{2} \rho_i^\varepsilon u_\varepsilon^{(i)} + \frac{\varepsilon}{2} \frac{M_i}{|\Omega|} u_\varepsilon^{(i)} + \frac{1}{2} \rho_i^\varepsilon (u_\varepsilon^{(i)} \cdot \nabla) u_\varepsilon^{(i)} + \frac{1}{2} \operatorname{div}(\rho_i^\varepsilon u_\varepsilon^{(i)} \otimes u_\varepsilon^{(i)}) + \nabla p_i^\varepsilon = \vec{J}_\varepsilon^{(i)} + \rho_i^\varepsilon \vec{f}^{(i)} \quad \text{в } \Omega, \quad i = 1, 2, \quad (6)$$

$$u_\varepsilon^{(i)} = 0, \quad \nabla \rho_i^\varepsilon \cdot \vec{n} = 0 \quad \text{на } \partial\Omega, \quad i = 1, 2, \quad (7)$$

$$\int_{\Omega} \rho_i^\varepsilon dx = M_i, \quad i = 1, 2, \quad (8)$$

которую условимся называть задачей $\mathbf{A}_\varepsilon$. Здесь

$$p_i^\varepsilon = (\rho_i^\varepsilon)^\gamma, \quad \vec{J}_\varepsilon^{(i)} = (-1)^{i+1} a(u_\varepsilon^{(2)} - u_\varepsilon^{(1)}), \quad i = 1, 2,$$

$|\Omega| = \operatorname{meas}(\Omega)$, $\varepsilon \in (0, 1]$, $\vec{n}$ – вектор единичной внешней нормали к границе $\partial\Omega$ области Ω . Сначала доказывается существование сильного обобщенного решения задачи $\mathbf{A}_\varepsilon$.

Определение 2. Сильным обобщенным решением задачи $\mathbf{A}_\varepsilon$ называются неотрицательные функции $\rho_i^\varepsilon \in W^{2,q}(\Omega) \quad \forall \quad 1 \leq q < \infty$, $\int_{\Omega} \rho_i^\varepsilon dx = M_i$,

$i = 1, 2$ и векторные поля $u_\varepsilon^{(i)} \in W^{2,q}(\Omega) \quad \forall \quad 1 \leq q < \infty$, $i = 1, 2$ такие, что уравнения (5)-(6)

выполнены п.в. в Ω и п.в. на $\partial\Omega$ – краевые условия (7).

Теорема 2. Для любых $\vec{f}^{(i)} \in C(\Omega)$, $i = 1, 2$, $\gamma > 3$ краевая задача $\mathbf{A}_\varepsilon$ имеет по крайней мере одно сильное обобщенное решение, которое удовлетворяет неравенству

$$\sum_{i=1}^2 \left(\|\rho_i^\varepsilon\|_{L^{2\gamma}(\Omega)}^2 + \|u_\varepsilon^{(i)}\|_{W_0^{1,2}(\Omega)}^2 + \left\| \varepsilon \nabla \rho_i^\varepsilon \right\|_{L^{\frac{6\gamma}{\gamma+3}}(\Omega)}^2 \right) \leq C, \quad (9)$$

где постоянная $C > 0$ зависит только от $\|\vec{f}^{(i)}\|_{C(\Omega)}$, λ_{ij} , μ_{ij} , γ , Ω , M_i , а не зависит от параметра ε .

Доказательство. Предположим, что $\rho_i^\varepsilon \geq 0$,

$u_\varepsilon^{(i)}$, $i = 1, 2$, принадлежащие

$W^{2,q}(\Omega) \quad \forall \quad 1 \leq q < \infty$ удовлетворяют (5)-(8). Докажем сначала, что при этом имеет место неравенство (9), не зависящее от параметра ε . Умножая обе части уравнений (6) скалярно на $u_\varepsilon^{(i)}$, $i = 1, 2$, интегрируя результат по области Ω и суммируя по $i = 1, 2$, получим:

$$\begin{aligned} & C_0 \sum_{i=1}^2 \int_{\Omega} |\nabla u_\varepsilon^{(i)}|^2 dx + \frac{\varepsilon}{2} \sum_{i=1}^2 \int_{\Omega} \rho_i^\varepsilon |u_\varepsilon^{(i)}|^2 dx + \\ & + \varepsilon \frac{1}{2|\Omega|} \sum_{i=1}^2 M_i \int_{\Omega} |u_\varepsilon^{(i)}|^2 dx + \\ & + \varepsilon \frac{\gamma}{\gamma-1} \sum_{i=1}^2 \int_{\Omega} \rho_i^\gamma dx + \varepsilon \gamma \sum_{i=1}^2 \int_{\Omega} \rho_i^{\gamma-2} |\nabla \rho_i^\varepsilon|^2 dx + \\ & + a \int_{\Omega} |u_\varepsilon^{(1)} - u_\varepsilon^{(2)}|^2 dx \leq \\ & \leq \varepsilon \frac{1}{|\Omega|} \frac{\gamma}{\gamma-1} \sum_{i=1}^2 M_i \int_{\Omega} \rho_i^{\gamma-1} dx + \\ & + \sum_{i=1}^2 \int_{\Omega} \rho_i \vec{f}^{(i)} \cdot u_\varepsilon^{(i)} dx. \end{aligned} \quad (10)$$

Здесь и далее, для простоты записи опустим у решения задачи $\mathbf{A}_\varepsilon$ индекс ε . В силу ограниченности вложения $W_0^{1,2}(\Omega)$ в $L^6(\Omega)$, из (10) следует неравенство

$$\begin{aligned} & \sum_{i=1}^2 \|u^{(i)}\|_{W_0^{1,2}(\Omega)}^2 \leq \\ & \leq C \left(\|\vec{f}^{(i)}\|_{C(\Omega)}, \lambda_{ij}, \mu_{ij}, \gamma, \Omega, M_i \right) \\ & \left(\sum_{i=1}^2 \|\rho_i\|_{L^{\frac{6}{5}}(\Omega)}^2 + 1 \right). \end{aligned} \quad (11)$$

Для вывода других оценок решений задачи $\mathbf{A}_\varepsilon$, будем использовать линейный оператор

$$B : \left\{ g \in L^2(\Omega) \mid \int_{\Omega} g \, dx = 0 \right\} \rightarrow W_0^{1,2}(\Omega), \quad \text{обла-}$$

дающий следующими свойствами [8]: 1) функция $\vec{v} = B[g]$ - решение задачи $\operatorname{div} \vec{v} = g$ в Ω , $\vec{v} = 0$

на $\partial\Omega$; 2) $\|B[g]\|_{W_0^{1,2}(\Omega)} \leq C \|g\|_{L^2(\Omega)}$. Взяв в качест-

ве тестовых функций $\vec{\varphi}^{(i)}$, $i = 1, 2$ в слабой форму-

лировке уравнений (6) такие, что $\vec{\varphi}^{(i)} = B[g_i]$, где

$$g_i = \rho_i^\gamma - \frac{1}{|\Omega|} \int_{\Omega} \rho_i^\gamma \, dx, \quad i = 1, 2, \text{ другими словами}$$

$$\operatorname{div} \vec{\varphi}^{(i)} = \rho_i^\gamma - \frac{1}{|\Omega|} \int_{\Omega} \rho_i^\gamma \, dx$$

$$\text{в } \Omega, \quad \vec{\varphi}^{(i)} = 0 \text{ на } \partial\Omega, \quad i = 1, 2,$$

и используя неравенства:

$$\|\vec{\varphi}^{(i)}\|_{W_0^{1,2}(\Omega)} \leq C \|\rho_i\|_{L^{2\gamma}(\Omega)}^\gamma, \quad i = 1, 2 \quad (\text{см. свойство 2})$$

оператора B), в результате получаем, что при $\gamma > 3$

$$\begin{aligned} \|\rho_i\|_{L^{2\gamma}(\Omega)}^\gamma &\leq C \|\rho_i\|_{L^{2\gamma}(\Omega)}^{\frac{2\gamma-3}{2\gamma-1}} + \\ &+ C \|u^{(i)}\|_{W_0^{1,2}(\Omega)}^2 \|\rho_i\|_{L^{2\gamma}(\Omega)} + \\ &+ C \sum_{j=1}^2 \|u^{(j)}\|_{W_0^{1,2}(\Omega)} + C, \quad i = 1, 2, \end{aligned} \quad (12)$$

где постоянная $C = C\left(\|\vec{f}^{(i)}\|_{C(\Omega)}, \lambda_{ij}, \mu_{ij}, \gamma, \Omega, M_i, a\right)$ не зависит от параметра ε . Используя неравенства

$$\|\rho_i\|_{L^{\frac{6}{\gamma}}(\Omega)} \leq C(M_i, \gamma) \|\rho_i\|_{L^{2\gamma}(\Omega)}^{\frac{\gamma}{3(2\gamma-1)}}, \quad i = 1, 2,$$

получаем теперь из (11) и (12) оценку

$$\begin{aligned} [R(\vec{\rho})]^\gamma &\leq C[R(\vec{\rho})]^{\frac{2\gamma-3}{2\gamma-1}} + CR(\vec{\rho}) + \\ &+ C[R(\vec{\rho})]^{\frac{\gamma}{3(2\gamma-1)}} + C[R(\vec{\rho})]^{\frac{2\gamma}{3(2\gamma-1)}+1} + C, \end{aligned} \quad (13)$$

где $R(\vec{\rho}) = \sum_{i=1}^2 \|\rho_i\|_{L^{2\gamma}(\Omega)}$, $\vec{\rho} = (\rho_1, \rho_2)$, постоянная

$$C \text{ зависит только от } \|\vec{f}^{(i)}\|_{C(\Omega)}, \lambda_{ij}, \mu_{ij}, \gamma, \Omega, M_i$$

и a . Далее, так как при $\gamma > \frac{3}{2}$ верно неравенство

$$\gamma > \max \left\{ 1, \gamma \frac{2\gamma-3}{2\gamma-1}, \frac{\gamma}{3(2\gamma-1)}, 1 + \frac{2\gamma}{3(2\gamma-1)} \right\},$$

то из (13) получаем, что

$$\begin{aligned} R(\vec{\rho}) &= \sum_{i=1}^2 \|\rho_i\|_{L^{2\gamma}(\Omega)} \leq \\ &\leq C \left(\|\vec{f}^{(i)}\|_{C(\Omega)}, \lambda_{ij}, \mu_{ij}, \gamma, \Omega, M_i, a \right). \end{aligned} \quad (14)$$

Осталось заметить, что из оценок (11), (14) и соотношений [9, с. 87]

$$\begin{aligned} \|\varepsilon \nabla \rho_i\|_{L^{\frac{6\gamma}{\gamma+3}}(\Omega)} &\leq \\ &\leq C \left(1 + \|\rho_i u^{(i)}\|_{L^{\frac{6\gamma}{\gamma+3}}(\Omega)} \right) \leq C, \quad i = 1, 2 \end{aligned} \quad (15)$$

следует неравенство (9) с положительной постоянной C , зависящей только от

$$\|\vec{f}^{(i)}\|_{C(\Omega)}, \lambda_{ij}, \mu_{ij}, \gamma, \Omega, M_i, a \text{ и не зависящей от пара-}$$

метра ε .

Докажем теперь существование сильного обобщенного решения краевой задачи $\mathbf{A}_\varepsilon$, используя принцип неподвижной точки Лере-Шаудера [10, с. 258]. Для произвольного $p > 3$ и заданных вектор-функций

$$u_*^{(i)} \in B_p = \{v \in W^{2,p}(\Omega) : v = 0 \text{ на } \partial\Omega\}, \quad i = 1, 2$$

обозначим через $\rho_i = S(u_*^{(i)})$, $i = 1, 2$ - решения задач

$$-\varepsilon \Delta \rho_i + \operatorname{div}(\rho_i u_*^{(i)}) + \varepsilon \rho_i = \varepsilon \frac{M_i}{|\Omega|} \text{ в } \Omega, \quad (16)$$

$$\nabla \rho_i \cdot \vec{n} = 0 \text{ на } \partial\Omega, \quad i = 1, 2.$$

Оператор S является непрерывным и компактным оператором из B_p в $W^{2,q}(\Omega) \quad \forall 1 \leq q < \infty$ и, кроме того, решения $\rho_i \in W^{2,q}(\Omega)$, $q \geq 1$ - произвольное, $\int_{\Omega} \rho_i \, dx = M_i$, $i = 1, 2$ задач (16) единст-

венны, неотрицательны и для них справедливы оценки [11, Лемма 2]:

$$\begin{aligned} \|\rho_i\|_{W^{1,p}(\Omega)} &= \|S(u_*^{(i)})\|_{W^{1,p}(\Omega)} \leq \\ &\leq C \left(\varepsilon, \|u_*^{(i)}\|_{L^p(\Omega)} \right), \quad p > 3, \quad i = 1, 2, \end{aligned} \quad (17)$$

$$\begin{aligned} \|\rho_i\|_{W^{2,p}(\Omega)} &= \|S(u_*^{(i)})\|_{W^{2,p}(\Omega)} \leq \\ &\leq C \left(\varepsilon, \|u_*^{(i)}\|_{W^{1,p}(\Omega)} \right), \quad p > \frac{3}{2}. \end{aligned} \quad (18)$$

Далее, обозначим через

$$\vec{u} = (u^{(1)}, u^{(2)}) = \Lambda(\vec{F}) = \Lambda(\vec{F}^{(1)}, \vec{F}^{(2)}) \quad (19)$$

решение краевой задачи для сильно эллиптической системы уравнений:

$$\sum_{j=1}^2 L_{ij} \vec{u}^{(j)} = \vec{F}^{(i)} \text{ в } \Omega, i = 1, 2, \quad (20)$$

$$\vec{u}^{(i)} = 0 \text{ на } \partial\Omega, i = 1, 2.$$

Из классических результатов для эллиптических краевых задач [12, 13] имеем, что при условиях $\vec{F}^{(i)} \in L^p(\Omega)$, $i = 1, 2$ задача (20) имеет единственное решение $\vec{u} \in W^{2,p}(\Omega)$, причем справедлива оценка

$$\sum_{i=1}^2 \|\vec{u}^{(i)}\|_{W^{2,p}(\Omega)} \leq \leq C(p, \lambda_{ij}, \mu_{ij}, \Omega) \sum_{i=1}^2 \|\vec{F}^{(i)}\|_{L^p(\Omega)}. \quad (21)$$

В соответствии со структурой уравнений (6), введем операторы

$$F^{(i)}(\rho_i, \vec{u}_*) = -\frac{\varepsilon}{2} \rho_i \vec{u}_*^{(i)} - \frac{\varepsilon}{2} \frac{M_i}{|\Omega|} \vec{u}_*^{(i)} - \frac{1}{2} \rho_i (\vec{u}_*^{(i)} \cdot \nabla) \vec{u}_*^{(i)} - \frac{1}{2} \operatorname{div}(\rho_i \vec{u}_*^{(i)} \otimes \vec{u}_*^{(i)}) - \nabla \rho_i^\gamma + \vec{f}_*^{(i)} + \rho_i \vec{f}^{(i)}, \quad (22)$$

где

$$\vec{f}_*^{(i)} = (-1)^{i+1} a(\vec{u}_*^{(2)} - \vec{u}_*^{(1)}), i = 1, 2, \quad \vec{u}_* = (\vec{u}_*^{(1)}, \vec{u}_*^{(2)}).$$

В силу непрерывности вложения $W^{2,p}(\Omega)$ в

$$C^{1,\alpha}(\Omega), \quad \alpha = \frac{p-3}{p}, \quad p > 3$$

из условий:

$$\rho_i \in W^{2,p}(\Omega), \quad \vec{u}_* \in W^{2,p}(\Omega), \quad i = 1, 2$$

следует непрерывность в Ω вектор-функций

$$x \rightarrow F^{(i)}(\rho_i(x), \vec{u}_*(x)), \quad i = 1, 2,$$

причем имеют место оценки:

$$\begin{aligned} & \|F^{(i)}(\rho_i, \vec{u}_*)\|_{C(\Omega)} \leq \\ & \leq C \left(\|\rho_i\|_{C(\Omega)} \|\vec{u}_*^{(i)}\|_{C(\Omega)} + \|\rho_i\|_{C(\Omega)} \|\vec{u}_*^{(i)}\|_{C^1(\Omega)}^2 + \right. \\ & \left. + \|\rho_i\|_{C^1(\Omega)} \|\vec{u}_*^{(i)}\|_{C(\Omega)}^2 + \|\rho_i\|_{C^1(\Omega)}^\gamma + \sum_{j=1}^2 \|\vec{u}_*^{(j)}\|_{C(\Omega)} \right) + \\ & + \|\rho_i\|_{C(\Omega)} \|\vec{f}^{(i)}\|_{C(\Omega)}, \quad i = 1, 2. \end{aligned} \quad (23)$$

Более того, нетрудно убедиться в справедливости неравенств

$$\begin{aligned} & \|F^{(i)}(\rho_i', \vec{u}_*') - F^{(i)}(\rho_i'', \vec{u}_*'')\|_{L^p(\Omega)} \leq \\ & \leq C(\Omega) \|F^{(i)}(\rho_i', \vec{u}_*') - F^{(i)}(\rho_i'', \vec{u}_*'')\|_{C(\Omega)} \leq \\ & \leq C_1 \|\rho_i' - \rho_i''\|_{C^1(\Omega)} + C_2 \sum_{j=1}^2 \|\vec{u}_*^{(j)'} - \vec{u}_*^{(j)''}\|_{C^1(\Omega)}, \quad i=1,2, \end{aligned} \quad (24)$$

где

$$C_i = C_i \left(\|\rho_i'\|_{C^1(\Omega)}, \|\rho_i''\|_{C^1(\Omega)}, \|\vec{u}_*'\|_{C^1(\Omega)}, \|\vec{u}_*''\|_{C^1(\Omega)} \right),$$

$i = 1, 2$ - локально ограниченные функции своих аргументов.

Определим теперь оператор

$$\Psi : B_p \rightarrow B_p, \quad p > 3$$

по формуле:

$$\Psi(\vec{u}_*) = \Lambda \begin{pmatrix} F^{(1)}(S(\vec{u}_*^{(1)}), \vec{u}_*), \\ F^{(2)}(S(\vec{u}_*^{(2)}), \vec{u}_*) \end{pmatrix}, \quad (25)$$

где операторы S , Λ и $F^{(i)}$, $i = 1, 2$ определены выше.

Неподвижные точки $\vec{u} = (\vec{u}^{(1)}, \vec{u}^{(2)})$ оператора Ψ вместе с соответствующими функциями $\rho_i = S(\vec{u}^{(i)})$, $i = 1, 2$ являются решениями релаксированной краевой задачи Λ_ε . Это очевидно, поскольку построение образа $\Psi(\vec{u}_*)$, $\vec{u}_* = (\vec{u}_*^{(1)}, \vec{u}_*^{(2)})$ элемента $\vec{u}_* \in B_p$ заключается в последовательном решении задач (16) и краевой задачи:

$$\begin{aligned} & \sum_{j=1}^2 L_{ij} \vec{u}^{(j)} = -\frac{\varepsilon}{2} \rho_i \vec{u}_*^{(i)} - \frac{\varepsilon}{2} \frac{M_i}{|\Omega|} \vec{u}_*^{(i)} - \\ & - \frac{1}{2} \rho_i (\vec{u}_*^{(i)} \cdot \nabla) \vec{u}_*^{(i)} - \frac{1}{2} \operatorname{div}(\rho_i \vec{u}_*^{(i)} \otimes \vec{u}_*^{(i)}) - \\ & - \nabla \rho_i^\gamma + (-1)^{i+1} a(\vec{u}_*^{(2)} - \vec{u}_*^{(1)}) + \rho_i \vec{f}^{(i)}, \end{aligned} \quad (26)$$

$$\rho_i = S(\vec{u}_*^{(i)}) \text{ в } \Omega, i = 1, 2, \quad \vec{u}^{(i)} = 0 \text{ на } \partial\Omega, i = 1, 2.$$

Покажем, что оператор Ψ из (25) удовлетворяет условиям теоремы Лере-Шаудера. Установим сначала непрерывность оператора Ψ . Пусть $\vec{u}_{*n} \in B_p$, $\vec{u}_{*n} = (\vec{u}_{*n}^{(1)}, \vec{u}_{*n}^{(2)})$, $n = 1, 2, \dots$ и $\vec{u}_{*n} \rightarrow \vec{u}_*$ сильно в B_p при $n \rightarrow \infty$.

Тогда, в силу непрерывности оператора $S : B_p \rightarrow W^{2,p}(\Omega)$ имеем:

$$\rho_i^n = S(\vec{u}_{*n}^{(i)}) \rightarrow \rho_i = S(\vec{u}_*^{(i)}), \quad n \rightarrow \infty, \quad i = 1, 2$$

по норме $W^{2,p}(\Omega)$. Из непрерывности вложения $W^{2,p}(\Omega)$ в $C^1(\Omega)$, $p > 3$ и свойств (24) операторов $F^{(i)}$ получаем, что

$$F^{(i)}(S(\vec{u}_{*n}^{(i)}), \vec{u}_{*n}) \rightarrow F^{(i)}(S(\vec{u}_*^{(i)}), \vec{u}_*), \quad i = 1, 2$$

при $n \rightarrow \infty$ в пространствах $L^p(\Omega)$ и $C(\Omega)$. Наконец, из ограниченности линейного оператора

$\Lambda : L^p(\Omega) \rightarrow W^{2,p}(\Omega)$ (оценка (21)) следует, что $\Psi(\vec{u}_{*n}) \rightarrow \Psi(\vec{u}_*)$, $n \rightarrow \infty$ сильно в B_p .

Для доказательства компактности оператора Ψ возьмем ограниченную последовательность $\{\vec{u}_{*n}\}$ в B_p . В силу компактности оператора $S : B_p \rightarrow W^{2,p}(\Omega)$ и компактности вложения $W^{2,p}(\Omega) \rightarrow C^1(\Omega)$, из последовательности $\{\vec{u}_{*n}\}$ выделим подпоследовательность, сохранив за ней прежнее обозначение, такую что

$$\vec{u}_{*n}^{(i)} \rightarrow \vec{u}_*^{(i)} \text{ сильно в } C^1(\Omega), i = 1, 2,$$

$$\rho_i^n = S(\vec{u}_{*n}^{(i)}) \rightarrow \rho_i = S(\vec{u}_*^{(i)})$$

сильно в $W^{2,p}(\Omega)$, $i = 1, 2$,

$$\vec{u}_* = (\vec{u}_*^{(1)}, \vec{u}_*^{(2)}) \in B_p.$$

Повторяя далее предыдущие рассуждения, получим, что $\Psi(\vec{u}_{*n}) \rightarrow \Psi(\vec{u}_*)$, $n \rightarrow \infty$ в пространстве B_p . Компактность оператора Ψ установлена.

Далее отметим, что множество всех решений класса B_p уравнения $t\Psi(\vec{u}) = \vec{u}$, $t \in [0; 1]$ ограничено в B_p . Другими словами, для решений $\vec{u} \in B_p$ следующего семейства краевых задач, зависящих от параметра $t \in [0; 1]$:

$$\begin{aligned} \sum_{j=1}^2 L_{ij} \vec{u}^{(j)} &= -\frac{\varepsilon t}{2} \rho_i \vec{u}^{(i)} - \varepsilon \frac{t M_i}{2 |\Omega|} \vec{u}^{(i)} - \\ &- \frac{t}{2} \rho_i (\vec{u}^{(i)} \cdot \nabla) \vec{u}^{(i)} - \frac{t}{2} \operatorname{div}(\rho_i \vec{u}^{(i)} \otimes \vec{u}^{(i)}) - \\ &- t \nabla \rho_i^\gamma + t \vec{f}^{(i)} + t \rho_i \vec{f}^{(i)} \text{ в } \Omega, \end{aligned} \quad (27)$$

$$\vec{u}^{(i)} = 0 \text{ на } \partial\Omega, i = 1, 2,$$

где $\rho_i = S(\vec{u}_*^{(i)})$, $i = 1, 2$, справедлива оценка

$$\begin{aligned} \sum_{i=1}^2 \left(\|\rho_i\|_{W^{2,p}(\Omega)} + \|\vec{u}_*^{(i)}\|_{W^{2,p}(\Omega)} \right) &\leq \\ &\leq C \left(\varepsilon, p, \|\vec{f}^{(i)}\|_{C(\Omega)}, \lambda_{ij}, \mu_{ij}, \gamma, \Omega, M_i, a \right). \end{aligned} \quad (28)$$

Итак, в силу теоремы Лере-Шаудера можно утверждать, что задача $\mathbf{A}_\varepsilon$ имеет по крайней мере одно сильное обобщенное решение. Теорема 2 доказана.

Предельный переход. Следующий шаг состоит в том, чтобы совершить предельный переход (в слабом смысле) в уравнениях (5)-(6) при $\varepsilon \rightarrow 0$. Благодаря априорной оценке (9), можно извлечь под-

последовательности, снова обозначенные как ρ_i^ε ,

$$\vec{u}_\varepsilon^{(i)}, i = 1, 2 \text{ такие, что при } \varepsilon \rightarrow 0$$

$$\rho_i^\varepsilon \rightarrow \rho_i \text{ слабо в } L^{2\gamma}(\Omega), i = 1, 2, \quad (29)$$

$$\vec{u}_\varepsilon^{(i)} \rightharpoonup \vec{u}^{(i)} \text{ слабо в } W_0^{1,2}(\Omega), i = 1, 2, \quad (30)$$

и, по теореме вложения,

$$\vec{u}_\varepsilon^{(i)} \rightarrow \vec{u}^{(i)} \text{ сильно в } L^q(\Omega), q \in [1; 6], i = 1, 2. \quad (31)$$

Кроме того, из оценок (9) и (10) следует неравенство

$$\begin{aligned} \varepsilon \sum_{i=1}^2 \int_{\Omega} (\rho_i^\varepsilon)^{\gamma-2} |\nabla \rho_i^\varepsilon|^2 dx &\leq \\ &\leq C \left(\|\vec{f}^{(i)}\|_{C(\Omega)}, \lambda_{ij}, \mu_{ij}, \gamma, \Omega, M_i, a \right), \end{aligned} \quad (32)$$

где постоянная C не зависит от параметра ε . Из этого неравенства и из уравнений (5) следует, что

$$\varepsilon \nabla \rho_i^\varepsilon \rightarrow 0, \varepsilon \rightarrow 0$$

$$\text{сильно в } L^q(\Omega), 1 \leq q < \frac{6\gamma}{\gamma+3}, i = 1, 2.$$

Переходя к пределу по выбранным подпоследовательностям в уравнениях (5)-(6) при $\varepsilon \rightarrow 0$ получим, что предельные функции $\rho_i \in L^{2\gamma}(\Omega)$, $\rho_i \geq 0$,

$$\int_{\Omega} \rho_i dx = M_i, \vec{u}^{(i)} \in W_0^{1,2}(\Omega), i = 1, 2 \text{ при } \gamma > 3$$

удовлетворяют в слабом смысле следующей системе уравнений:

$$\operatorname{div}(\rho_i \vec{u}^{(i)}) = 0 \text{ в } \Omega, i = 1, 2, \quad (33)$$

$$\begin{aligned} \sum_{j=1}^2 L_{ij} \vec{u}^{(j)} + \operatorname{div}(\rho_i \vec{u}^{(i)} \otimes \vec{u}^{(i)}) + \\ + \nabla \bar{p}_i = \vec{f}^{(i)} + \rho_i \vec{f}^{(i)} \text{ в } \Omega, i = 1, 2, \end{aligned} \quad (34)$$

где

$$(\rho_i^\varepsilon)^\gamma \rightarrow \bar{p}_i \text{ слабо в } L^2(\Omega) \text{ при } \varepsilon \rightarrow 0, i = 1, 2. \quad (35)$$

Кроме того отметим, что предельные функции ρ_i , $i = 1, 2$ являются ренормализованными решениями уравнений неразрывности (1) (т. е. данные функции удовлетворяют условию (A2) Определения 1) и справедливы соотношения [7, с. 62-63]

$$\int_{\Omega} \rho_i \operatorname{div} \vec{u}^{(i)} dx = 0, i = 1, 2, \quad (36)$$

$$\begin{aligned} \int_{\Omega} \rho_i^\varepsilon \operatorname{div} \vec{u}_\varepsilon^{(i)} dx &\leq \\ &\leq \varepsilon C \left(\|\vec{f}^{(i)}\|_{C(\Omega)}, \lambda_{ij}, \mu_{ij}, \gamma, \Omega, M_i, a \right), \end{aligned} \quad (37)$$

и $i = 1, 2$. Таким образом, чтобы завершить доказательство Теоремы 1, следует показать, что имеют место равенства

$$\bar{p}_i = \rho_i^\gamma, i = 1, 2. \quad (38)$$

Следующая лемма показывает слабую регулярность так называемых эффективных вязких потоков компонент смеси, которые определяются формулами:

$$p_i - (\lambda_{i1} + 2\mu_{i1}) \operatorname{div} u^{(1)} - (\lambda_{i2} + 2\mu_{i2}) \operatorname{div} u^{(2)}, i = 1, 2.$$

Лемма 1 [7, с. 60]. Пусть $\rho_i^\varepsilon, u_\varepsilon^{(i)}, i = 1, 2$ — последовательности решений задачи $\mathbf{A}_\varepsilon$, существование которых гарантируется Теоремой 2, и пусть $\rho_i, u^{(i)}$ и $\bar{p}_i, i = 1, 2$ — пределы, определенные в (29), (30) и (35) соответственно.

Тогда, при $\varepsilon \rightarrow 0$

$$\begin{aligned} & \int_{\Omega} \rho_j^\varepsilon \left[(\rho_1^\varepsilon)^\gamma - (\lambda_{11} + 2\mu_{11}) \operatorname{div} u_\varepsilon^{(1)} - (\lambda_{12} + 2\mu_{12}) \operatorname{div} u_\varepsilon^{(2)} \right] \tau^2 dx \rightarrow \\ & \rightarrow \int_{\Omega} \rho_j \left[\bar{p}_i - (\lambda_{i1} + 2\mu_{i1}) \operatorname{div} u^{(1)} - (\lambda_{i2} + 2\mu_{i2}) \operatorname{div} u^{(2)} \right] \tau^2 dx \\ & \forall \tau \in C_0^\infty(\Omega), i, j = 1, 2. \end{aligned} \quad (39)$$

Перейдем к доказательству равенств (38). Предполагая, что $\lambda_{12} + 2\mu_{12} = 0$, рассмотрим соотношение (39) при $i = j = 1$:

$$\begin{aligned} & \lim_{\varepsilon \rightarrow 0} \int_{\Omega} \left[(\rho_1^\varepsilon)^\gamma - (\lambda_{11} + 2\mu_{11}) \operatorname{div} u_\varepsilon^{(1)} \right] \rho_1^\varepsilon \tau^2 dx = \\ & = \int_{\Omega} \left[\bar{p}_1 - (\lambda_{11} + 2\mu_{11}) \operatorname{div} u^{(1)} \right] \rho_1 \tau^2 dx \forall \tau \in C_0^\infty(\Omega). \end{aligned} \quad (40)$$

Возьмем неубывающую последовательность неотрицательных функций τ_n такую, что $\tau_n \in C_0^\infty(\Omega)$, $\tau_n \rightarrow 1$ при $n \rightarrow \infty$ п.в. в Ω , $0 \leq \tau_n \leq 1$. Объединяя (36), (37) и (40), получаем для любых $m \leq n$

$$\begin{aligned} & \overline{\lim_{\varepsilon \rightarrow 0+}} \int_{\Omega} p_1^\varepsilon \rho_1^\varepsilon \tau_m^2 dx \leq \overline{\lim_{\varepsilon \rightarrow 0+}} \int_{\Omega} p_1^\varepsilon \cdot \rho_1^\varepsilon \tau_n^2 dx \leq \\ & \leq \overline{\lim_{\varepsilon \rightarrow 0+}} \int_{\Omega} \tau_n^2 \left[p_1^\varepsilon - (\lambda_{11} + 2\mu_{11}) \operatorname{div} u_\varepsilon^{(1)} \right] \rho_1^\varepsilon dx + \\ & + (\lambda_{11} + 2\mu_{11}) \overline{\lim_{\varepsilon \rightarrow 0+}} \int_{\Omega} \tau_n^2 \operatorname{div} u_\varepsilon^{(1)} \rho_1^\varepsilon dx \leq \\ & \leq \int_{\Omega} \tau_n^2 \left[\bar{p}_1 - (\lambda_{11} + 2\mu_{11}) \operatorname{div} u^{(1)} \right] \rho_1 dx + \\ & + (\lambda_{11} + 2\mu_{11}) \overline{\lim_{\varepsilon \rightarrow 0+}} \int_{\Omega} \tau_n^2 - 1 \parallel \operatorname{div} u_\varepsilon^{(1)} \parallel \rho_1^\varepsilon dx + \\ & + (\lambda_{11} + 2\mu_{11}) \overline{\lim_{\varepsilon \rightarrow 0+}} \int_{\Omega} \operatorname{div} u_\varepsilon^{(1)} \rho_1^\varepsilon dx \leq \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} & \leq \int_{\Omega} \bar{p}_1 \rho_1 dx + (\lambda_{11} + 2\mu_{11}) \int_{\Omega} \tau_n^2 - \\ & - 1 \parallel \operatorname{div} u^{(1)} \parallel \rho_1 dx + \eta_1(n) \leq \\ & \leq \int_{\Omega} \bar{p}_1 \rho_1 dx + \eta_1(n) + \eta_2(n), \end{aligned} \quad (41)$$

где $\eta_1(n), \eta_2(n) \rightarrow 0$ при $n \rightarrow \infty$. Переходя к пределу при $n \rightarrow \infty$ в неравенстве (41), имеем

$$\overline{\lim_{\varepsilon \rightarrow 0+}} \int_{\Omega} p_1^\varepsilon \rho_1^\varepsilon \tau_m^2 dx \leq \int_{\Omega} \bar{p}_1 \rho_1 dx \quad \forall m = 1, 2, \dots \quad (42)$$

Так как функция $z \mapsto z^\gamma$ ($\gamma > 1$) монотонна на

R_0^+ , то

$$\begin{aligned} & \int_{\Omega} \tau_m^2 \left[(\rho_1^\varepsilon)^\gamma - v^\gamma \right] \cdot (\rho_1^\varepsilon - v) dx \geq 0 \quad \forall v \in K = \\ & = \left\{ v \in L^{2\gamma}(\Omega) : v \geq 0 \text{ п.в. в } \Omega \right\} \end{aligned}$$

и, следовательно,

$$\begin{aligned} & \int_{\Omega} \tau_m^2 (\rho_1^\varepsilon)^\gamma \rho_1^\varepsilon dx \geq \\ & \leq \int_{\Omega} \tau_m^2 v^\gamma [\rho_1^\varepsilon - v] dx + \int_{\Omega} \tau_m^2 (\rho_1^\varepsilon)^\gamma v dx. \end{aligned} \quad (43)$$

Из (42) и (43) следует неравенство:

$$\begin{aligned} & \int_{\Omega} \bar{p}_1 \rho_1 dx \geq \int_{\Omega} \tau_m^2 v^\gamma [\rho_1 - v] dx + \\ & + \int_{\Omega} \tau_m^2 \bar{p}_1 v dx, m = 1, 2, \dots \end{aligned} \quad (44)$$

Совершая в (44) предельный переход при $m \rightarrow \infty$, приходим к неравенству

$$\int_{\Omega} (\bar{p}_1 - v^\gamma)(\rho_1 - v) dx \geq 0 \quad \forall v \in K. \quad (45)$$

Полагая здесь $v = \rho_1 + \eta\psi$, $\eta > 0$, $\psi \in K$, получим

$$-\eta \int_{\Omega} [\bar{p}_1 - (\rho_1 + \eta\psi)^\gamma] \psi dx \geq 0,$$

т. е. $\forall \psi \in K$ имеет место неравенство:

$$\int_{\Omega} [\bar{p}_1 - (\rho_1 + \eta\psi)^\gamma] \psi dx \leq 0.$$

Устремляя $\eta \rightarrow 0$ отсюда получаем:

$$\int_{\Omega} [\bar{p}_1 - \rho_1^\gamma] \psi dx \leq 0 \quad \forall \psi \in K.$$

С другой стороны (в силу выпуклости $z \mapsto z^\gamma$) $\bar{p}_1 \geq \rho_1^\gamma$ п.в. и, следовательно, имеет место равенство

$$\int_{\Omega} [\bar{p}_1 - \rho_1^\gamma] \psi dx = 0 \quad \forall \psi \in K. \quad (46)$$

Замечая, наконец, что произвольная функция $\psi \in L^{2\gamma}(\Omega)$ может быть представлена в виде разности двух неотрицательных п.в. функций из $L^{2\gamma}(\Omega)$ ($\psi = \psi^+ - \psi^-$) получим, что равенство вида (46) справедливо для произвольной функции ψ из $L^{2\gamma}(\Omega)$ и поэтому имеет место равенство

$$\bar{p}_1 = \rho_1^\gamma. \quad (47)$$

Из формул (29) и (47) (в силу теоремы Рисса) вытекает, что $\rho_1^\varepsilon \rightarrow \rho_1$ сильно в $L^\gamma(\Omega)$ из чего, в свою очередь, следует

$$\rho_1^\varepsilon \rightarrow \rho_1 \text{ сильно в } L^q(\Omega), q \in [1, 2\gamma). \quad (48)$$

Рассмотрим теперь соотношение из (39) при $i = 1, j = 2$, т. е.

$$\begin{aligned} \lim_{\varepsilon \rightarrow 0} \int_{\Omega} \tau^2 \left[(\rho_1^\varepsilon)^\gamma - (\lambda_{11} + 2\mu_{11}) \operatorname{div} \vec{v}_{u_\varepsilon}^{(1)} \right] \rho_2^\varepsilon dx = \\ = \int_{\Omega} \tau^2 \left[\bar{p}_1 - (\lambda_{11} + 2\mu_{11}) \operatorname{div} \vec{v}_u^{(1)} \right] \rho_2 dx \quad \forall \tau \in C_0^\infty(\Omega). \end{aligned} \quad (49)$$

Из соотношений (9), (47) и (48) получаем:

$$\int_{\Omega} \tau^2 (\rho_1^\varepsilon)^\gamma \rho_2^\varepsilon dx \rightarrow \int_{\Omega} \tau^2 \rho_1^\gamma \rho_2 dx \quad \text{при } \varepsilon \rightarrow 0$$

и поэтому в силу (49) справедлива формула

$$\begin{aligned} \lim_{\varepsilon \rightarrow 0} \int_{\Omega} \tau^2 \operatorname{div} \vec{v}_{u_\varepsilon}^{(1)} \rho_2^\varepsilon dx = \\ = \int_{\Omega} \tau^2 \operatorname{div} \vec{v}_u^{(1)} \rho_2 dx \quad \forall \tau \in C_0^\infty(\Omega). \end{aligned} \quad (50)$$

Далее, из соотношения (39) при $i = 2, j = 2$

$$\begin{aligned} \lim_{\varepsilon \rightarrow 0} \int_{\Omega} \tau^2 \left[(\rho_2^\varepsilon)^\gamma - (\lambda_{21} + 2\mu_{21}) \operatorname{div} \vec{v}_{u_\varepsilon}^{(1)} - \right. \\ \left. - (\lambda_{22} + 2\mu_{22}) \operatorname{div} \vec{v}_{u_\varepsilon}^{(2)} \right] \rho_2^\varepsilon dx = \\ = \int_{\Omega} \tau^2 \left[\bar{p}_2 - (\lambda_{21} + 2\mu_{21}) \operatorname{div} \vec{v}_u^{(1)} - \right. \\ \left. - (\lambda_{22} + 2\mu_{22}) \operatorname{div} \vec{v}_u^{(2)} \right] \rho_2 dx \end{aligned} \quad (51)$$

и формулы (50) следует, что

$$\begin{aligned} \lim_{\varepsilon \rightarrow 0} \int_{\Omega} \tau^2 \left[(\rho_2^\varepsilon)^\gamma - (\lambda_{22} + 2\mu_{22}) \operatorname{div} \vec{v}_{u_\varepsilon}^{(2)} \right] \rho_2^\varepsilon dx = \\ = \int_{\Omega} \tau^2 \left[\bar{p}_2 - (\lambda_{22} + 2\mu_{22}) \operatorname{div} \vec{v}_u^{(2)} \right] \rho_2 dx \quad \forall \tau \in C_0^\infty(\Omega). \end{aligned} \quad (52)$$

Из соотношения (52), дословно повторяя вывод формулы (47), получаем, что

$$\bar{p}_2 = \rho_2^\gamma. \quad (53)$$

Теорема 1 доказана.

Литература

1. Нигматулин, Р. И. Динамика многофазных сред. Ч. 1 / Р. И. Нигматулин. – М.: Наука, 1987.

2. Rajagopal, K. R. Mechanics of mixtures / K. R. Rajagopal, L. Tao. – London: World Scientific Publishing, 1995.

3. Антонцев, С. Н. Краевые задачи механики неоднородных жидкостей / С. Н. Антонцев, А. В. Кажихов, В. Н. Монахов. – Новосибирск: Наука, 1983.

4. Frehse, J. A Stokes-like system for mixtures / J. Frehse, S. Gaj, J. Málek // SIAM J. Math. Anal. – 2005. – V. 36. – № 4. – P. 1259 – 1281.

5. Frehse, J. A uniqueness result for a model for mixtures in the absence of external forces and interaction momentum / J. Frehse, S. Gaj, J. Málek // J. Appl. Math. – 2005. – V. 50. – № 6. – P. 527 – 541.

6. Frehse, J. On quasi-stationary models of mixtures of compressible fluids / J. Frehse, W. Weigant // J. Appl. Math. – 2008. – V. 53. – № 4. – P. 319 – 345.

7. Кучер, Н. А. Стационарные решения уравнений смеси вязких сжимаемых жидкостей / Н. А. Кучер, Д. А. Прокудин // Сибирский журнал промышленной математики. – 2009. – Т. XII. – № 3 (39). – С. 52 – 65.

8. Боговский, М. Е. О решении некоторых задач векторного анализа, связанных с операторами div и grad / М. Е. Боговский // Труды семинара С. Л. Соболева. – Новосибирск: Ин-т математики СО АН СССР. – 1980. – Т. 1. – С. 5 – 40.

9. Lions, P.-L. Mathematical topics in fluid mechanics: Compressible Models / P.-L. Lions. – New York: Oxford University Press, 1998.

10. Гилбарг, Д. Эллиптические дифференциальные уравнения с частными производными второго порядка / Д. Гилбарг, Н. Трудингер. – М.: Наука, 1989.

11. Mucha, P. Weak solutions to equations of steady compressible heat conducting fluids / P. Mucha, M. Pokorný // J. Mathematical Models and Methods in Applied Sciences. – 2010. – V. 20, № 5. – P. 785 – 813.

12. Солонников, В. А. Об общих краевых задачах для систем эллиптических уравнений в смысле А. Дуглиса - Л. Ниренберга, II / В. А. Солонников // Труды математического института им. В. А. Стеклова. – 1966. – Т. XCII. – С. 233 – 297.

13. Agmon, S. Estimates near the boundary for solutions of elliptic partial differential equations satisfying general boundary conditions. II / S. Agmon, A. Douglis, L. Nirenberg // J. Comm. Pure Appl. Math. – 1964. – V. 17. – P. 35 – 92.

УДК 519.632.4

ОБОСНОВАНИЕ КОРРЕКТНОСТИ НЕЯВНОГО ИТЕРАЦИОННОГО ПОЛИНЕЙНОГО РЕКУРРЕНТНОГО МЕТОДА РЕШЕНИЯ РАЗНОСТНЫХ ЭЛЛИПТИЧЕСКИХ УРАВНЕНИЙ

А. А. Фомин, Л. Н. Фомина

ARGUMENTATION OF CORRECTNESS OF IMPLICIT ITERATION LINE-BY-LINE RECURRENCE METHOD FOR SOLVING A DIFFERENCE ELLIPTICAL EQUATIONS

A. A. Fomin, L. N. Fomina

Рассматривается матрично-векторная форма записи алгоритма неявного итерационного полинейного рекуррентного метода решения пятидиагональных систем линейных алгебраических уравнений с матрицами положительного типа. Путем пошаговых устойчивых преобразований выводится общий вид и структура результирующего оператора. Приводится обоснование корректности метода.

Matrix –vector form of recording the algorithm of implicit iteration line-by-line recurrence method is proposed for solving five-diagonal matrix systems of linear algebraic equations with a positive type matrixes. Structure of a resultant operator converting original system to the one with an about upside triangular matrix is deduced by means of stepwise stable transformations. Argumentation of correctness of the method is given.

Ключевые слова: разностные эллиптические уравнения, итерационный метод решения, корректность метода.

Keywords: a difference elliptic equations, iteration method, correctness of the method.

Как известно, решение краевых задач тепло- и массопереноса связано с разностной дискретизацией их исходных дифференциальных постановок, что в свою очередь, приводит к возникновению систем линейных алгебраических уравнений (СЛАУ) вида

$$A\vec{\Phi} = \vec{f}. \quad (1)$$

Здесь A – матрица системы, $\vec{\Phi}$ – искомый вектор решения, $\vec{f}$ – вектор правой части системы. Подобные матрицы обладают высоким порядком и ленточной структурой [1]. Для многомерных задач, полученные таким образом СЛАУ разрешаются, как правило, итерационными методами.

В работах [2, 3] излагаются различные алгоритмы и рассматриваются результаты тестовых расчетов неявного итерационного полинейного рекуррентного метода для случаев, когда A – матрица положительного типа. Данный метод демонстрирует свою высокую эффективность, однако в силу того, что в общем случае записать его в канонической форме [1]

$$P_{k+1}(\vec{\Phi}^{k+1} - \vec{\Phi}^k) = \vec{f} - A\vec{\Phi}^k \quad (2)$$

не представляется возможным, корректность каждого расчета необходимо фактически доказывать вычислением нормы невязки для очередного приближения решения с учетом оценки нормы обратной матрицы системы. Поэтому в целях теоретической завершенности изложения этого метода представляется необходимым в общем случае обосновать его корректность, то есть показать, что в случае сходимости решения (и, следовательно, выполнении условия $\|\vec{\Phi}^{k+1} - \vec{\Phi}^k\|_{k \rightarrow \infty} \rightarrow 0$), полученное решение удовлетворяет исходной системе линейных алгебраических уравнений.

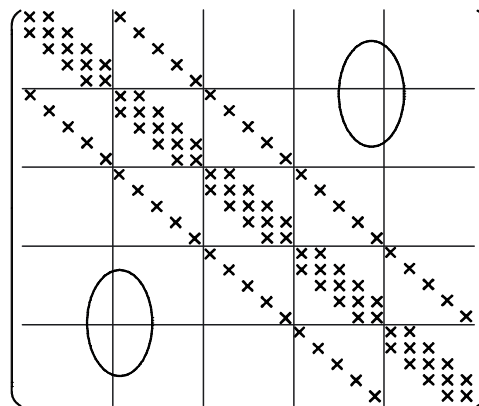

Рис. 1.

Пусть для двумерных задач пятиточечное разностное уравнение имеет следующий вид:

$$a_{P_{ij}} \Phi_{ij} = a_{E_{ij}} \Phi_{i+1j} + a_{W_{ij}} \Phi_{i-1j} + a_{N_{ij}} \Phi_{ij+1} + a_{S_{ij}} \Phi_{ij-1} + b_{ij},$$

где $1 < i < n, \quad 1 < j < m$, причем

$a_P = a_E + a_W + a_S + a_N$. Здесь n, m – количество узлов сеточного разбиения расчетной области по координатам x, y соответственно. Тогда матрица A имеет пятидиагональную структуру (рис. 1). Общее число неизвестных и, следовательно, размерность матрицы A равно числу $N = n \times m$. Как известно, такая матрица может быть разбита на отдельные квадратные клетки, количество которых, для определенности, будет $n \times n$, тогда размерность каждой клетки – $m \times m$. Здесь и далее для наглядности и не в ущерб общности изложения материала выбрана разностная сетка 5×5 . Понятно, что в рамках рассматриваемого случая только клетки на диагонали и около диагональные будут отличны от нуля, все остальные – нулевые. Поклеточная структура матрицы A и состав двух клеток (для примера) имеют вид:

$$A = \begin{pmatrix} A_{11} & A_{12} & A_{13} & A_{14} & A_{15} \\ A_{21} & A_{22} & A_{23} & A_{24} & A_{25} \\ A_{31} & A_{32} & A_{33} & A_{34} & A_{35} \\ A_{41} & A_{42} & A_{43} & A_{44} & A_{45} \\ A_{51} & A_{52} & A_{53} & A_{54} & A_{55} \end{pmatrix},$$

$$A_{11} = \begin{pmatrix} a_{P_{11}} - a_{N_{11}} & 0 & 0 & 0 & 0 \\ -a_{S_{12}} & a_{P_{12}} - a_{N_{12}} & 0 & 0 & 0 \\ 0 & -a_{S_{13}} & a_{P_{13}} - a_{N_{13}} & 0 & 0 \\ 0 & 0 & -a_{S_{14}} & a_{P_{14}} - a_{N_{14}} & 0 \\ 0 & 0 & 0 & -a_{S_{15}} & a_{P_{15}} \end{pmatrix},$$

$$A_{12} = \begin{pmatrix} -a_{E_{11}} & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & -a_{E_{12}} & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & -a_{E_{13}} & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & -a_{E_{14}} & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & -a_{E_{15}} \end{pmatrix}.$$

Преобразования СЛАУ начинаются вдоль направления по координате y для j от 1 до m на линии $i = 1$. Первые три уравнения для узлов (1,1), (1,2) и (1,3) имеют следующий вид

$$a_{P_{11}} \Phi_{11} = a_{E_{11}} \Phi_{21} + a_{N_{11}} \Phi_{12} + b_{11}; \quad (3)$$

$$a_{P_{12}} \Phi_{12} = a_{E_{12}} \Phi_{22} + a_{N_{12}} \Phi_{13} + a_{S_{12}} \Phi_{11} + b_{12}; \quad (4)$$

$$a_{P_{13}} \Phi_{13} = a_{E_{13}} \Phi_{23} + a_{N_{13}} \Phi_{14} + a_{S_{13}} \Phi_{12} + b_{13}.$$

(5)

Уравнение (3) умножается на отношение $a_{S_{12}} / a_{P_{11}}$ и подставляется в правую часть уравнения (4) вместо третьего слагаемого. После приведения подобных получается соотношение

$$(a_{P_{12}} - a_{N_{11}} a_{S_{12}} / a_{P_{11}}) \Phi_{12} = a_{N_{12}} \Phi_{13} + a_{E_{12}} \Phi_{22} + (a_{E_{11}} a_{S_{12}} / a_{P_{11}}) \Phi_{21} + b_{11} a_{S_{12}} / a_{P_{11}} + b_{12}.$$

Переобозначения коэффициентов позволяют переписать последнее уравнение в виде:

$$\alpha_{P_{12}} \Phi_{12} = \alpha_{N_{12}} \Phi_{13} + \alpha_{E_{12}} \Phi_{22} + \alpha_{SE_{12}} \Phi_{21} + \beta_{12}, \quad (6)$$

где $\alpha_{P_{12}} = a_{P_{12}} - a_{N_{11}} a_{S_{12}} / a_{P_{11}}$,

$$\alpha_{N_{12}} = a_{N_{12}}, \quad \alpha_{E_{12}} = a_{E_{12}},$$

$$\alpha_{SE_{12}} = a_{E_{11}} a_{S_{12}} / a_{P_{11}}, \quad \beta_{12} = b_{11} a_{S_{12}} / a_{P_{11}} + b_{12}.$$

Подобное преобразование проводится и для уравнения с центральным узлом (1,3). Для этого в уравнении (5) исключается слагаемое Φ_{12} , путем подстановки вместо него правой части (6) умноженной на отношение $a_{S_{13}} / \alpha_{P_{12}}$. После приведения подобных получается соотношение

$$(a_{P_{13}} - \alpha_{N_{12}} a_{S_{13}} / \alpha_{P_{12}}) \Phi_{13} = a_{N_{13}} \Phi_{14} + a_{E_{13}} \Phi_{23} + \alpha_{E_{12}} a_{S_{13}} / \alpha_{P_{12}} \Phi_{22} + \alpha_{SE_{12}} a_{S_{13}} / \alpha_{P_{12}} \Phi_{21} + \beta_{12} a_{S_{13}} / \alpha_{P_{12}} + b_{13}. \quad (7)$$

В матричном виде эти же самые первые два шага преобразований полинейного рекуррентного метода (вывод уравнений (6) и (7)) представляют собой воздействие на исходную систему (1) двух невырожденных операторов $M_{(+)}^{(12)}$ и $M_{(+)}^{(11)}$ [2]:

$$M_{(+)}^{(12)} M_{(+)}^{(11)} (A\vec{\Phi} - \vec{f}) = 0. \quad (8)$$

При этом только диагональные клетки матриц операторов $M_{(+)}^{(11)}$ и $M_{(+)}^{(12)}$ отличны от нуля, из них первые клетки в верхнем ряду имеют следующий вид:

$$M_{11(+)}^{(11)} = \begin{pmatrix} 1 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ a_{S_{12}} / a_{P_{11}} & 1 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 1 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 1 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 1 \end{pmatrix},$$

$$M_{11(+)}^{(12)} = \begin{pmatrix} 1 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 1 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & a_{S_{13}} / \alpha_{P_{12}} & 1 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 1 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 1 \end{pmatrix}$$

или, более кратко, структуру:

$$M_{11(+)}^{(11)} = \begin{pmatrix} \times & 0 & 0 & 0 & 0 \\ \times & \times & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & \times & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & \times & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & \times \end{pmatrix}, \quad (9)$$

$$M_{11(+)}^{(12)} = \begin{pmatrix} \times & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & \times & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & \times & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & \times & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & \times \end{pmatrix}$$

остальные диагональные клетки – единичные матрицы. Понятно, что матрицы $M_{(+)}^{(11)}$ и $M_{(+)}^{(12)}$ представляют собой частный случай так называемых элементарных нижних треугольных матриц, с помощью которых матрица исходной СЛАУ преобразуется к треугольному виду [4]. Такие матрицы не вырождены, а само преобразование будет устойчивым в силу свойства строчного диагонального преобладания исходной матрицы A . Следовательно, клетки произведения имеют следующую структуру:

$$\begin{pmatrix} M_{(+)}^{(12)} M_{(+)}^{(11)} A \end{pmatrix}_{11} = \begin{pmatrix} \times \times 0 0 0 \\ 0 \times \times 0 0 \\ 0 0 \times \times 0 \\ 0 0 \times \times \times \\ 0 0 0 \times \times \end{pmatrix},$$

$$\begin{pmatrix} M_{(+)}^{(12)} M_{(+)}^{(11)} A \end{pmatrix}_{12} = \begin{pmatrix} \times 0 0 0 0 \\ \times \times 0 0 0 \\ \times \times \times 0 0 \\ 0 0 0 \times 0 \\ 0 0 0 0 \times \end{pmatrix}.$$

Произведение $M_{(+)}^{(12)} M_{(+)}^{(11)} A$ можно представить в виде суммы $G_{(+)}^{(12)} + L_{(+)}^{(12)}$, причем матрица $L_{(+)}^{(12)}$ состоит из нулей, кроме второй клетки в верхнем ряду, которая имеет всего лишь один ненулевой элемент – коэффициент «внешаблонного» узла [2]:

$$L_{12(+)}^{(12)} = \begin{pmatrix} 0 0 0 0 0 \\ 0 0 0 0 0 \\ \times 0 0 0 0 \\ 0 0 0 0 0 \\ 0 0 0 0 0 \end{pmatrix},$$

а матрица $G_{(+)}^{(12)}$ содержит все остальные элементы матрицы $M_{(+)}^{(12)} M_{(+)}^{(11)} A$. Используя данное представление, система (8) перепишется в виде:

$$G_{(+)}^{(12)} \vec{\Phi} + L_{(+)}^{(12)} \vec{\Phi} = \left[\prod_{j=2}^1 M_{(+)}^{(1j)} \right] \vec{f}. \quad (10)$$

При помощи одного из способов аппроксимации значения искомой функции во «внешаблонном» узле производится замена члена уравнения, содержащего его: $L_{(+)}^{(12)} \vec{\Phi} \rightarrow L_{(+)}^{(12)} \vec{\Phi}^{(k)} + \theta B_{(+)}^{(12)} \Delta \vec{\Phi}^{(k+1)}$, где $\Delta \vec{\Phi}^{(k+1)} = (\vec{\Phi}^{(k+1)} - \vec{\Phi}^{(k)})$ – приращение решения. При этом алгоритм принимает итерационный характер. Структура матрицы $B_{(+)}^{(12)}$ отражает собственно механизм аппроксимации значения искомой функции во «внешаблонном» узле (2,1) третьего уравнения системы, то есть ее ненулевые элементы являются коэффициентами приближенных преобразований уравнений системы. Так как $B_{(+)}^{(12)}$ умножается на приращение решения $\Delta \vec{\Phi}^{(k+1)}$, то при сходящемся решении данное произведение стремится к нулю.

Вторая клетка в первом ряду матрицы $B_{(+)}^{(12)}$ в случае линейной экстраполяции [2] имеет вид:

$$B_{12(+)}^{(12)} = \begin{pmatrix} 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & -2 \frac{\alpha_{SE_{12}} a_{S_{13}}}{\alpha_{P_{12}}} & \frac{\alpha_{SE_{12}} a_{S_{13}}}{\alpha_{P_{12}}} & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \end{pmatrix}$$

или, более кратко, структуру

$$B_{12(+)}^{(12)} = \begin{pmatrix} 0 0 0 0 0 \\ 0 0 0 0 0 \\ 0 \times \times 0 0 \\ 0 0 0 0 0 \\ 0 0 0 0 0 \end{pmatrix}.$$

Все остальные клетки, включая диагональные $B_{ll(+)}^{(12)}$, являются нулевыми матрицами. Очевидно, что то же самое можно сказать и в случае квадратичной экстраполяции [2] с той лишь разницей, что вид второй клетки в первом ряду будет несколько иным. А именно:

$$B_{12(+)}^{(12)} = \begin{pmatrix} 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & -3 \frac{\alpha_{SE_{12}} a_{S_{13}}}{\alpha_{P_{12}}} & 3 \frac{\alpha_{SE_{12}} a_{S_{13}}}{\alpha_{P_{12}}} & -\frac{\alpha_{SE_{12}} a_{S_{13}}}{\alpha_{P_{12}}} & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \end{pmatrix}$$

или, более кратко, структуру

$$B_{12(+)}^{(12)} = \begin{pmatrix} 0 0 0 0 0 \\ 0 0 0 0 0 \\ 0 \times \times \times 0 \\ 0 0 0 0 0 \\ 0 0 0 0 0 \end{pmatrix}.$$

Тогда понятно, что комбинация $\theta B_{(+)}^{(12)}$, добавленная к матрице $G_{(+)}^{(12)}$, не изменит содержимое диагональных клеток последней. Соответственно элементы матрицы $\theta B_{(+)}^{(12)}$ и последующих подобных матриц в процессе преобразований с помощью элементарных нижних треугольных матриц не будут влиять на элементы главной и двух прилегающих побочных диагоналей итоговой матрицы системы. Следовательно, добавление матрицы $\theta B_{(+)}^{(12)}$ не изменяет свойство вырожденности (не вырожденности) преобразованной СЛАУ.

В итоге, после произведенной замены, уравнение (10) приобретает следующий вид:

$$G_{(+)}^{(12)} \vec{\Phi}^{(k+1)} + \theta B_{(+)}^{(12)} \Delta \vec{\Phi}^{(k+1)} + L_{(+)}^{(12)} \vec{\Phi}^{(k)} = \left[\prod_{j=2}^1 M_{(+)}^{(1j)} \right] \vec{f}. \quad (11)$$

Последующее эквивалентное преобразование (11) также выражается в виде воздействия невырожденного оператора $M_{(+)}^{(13)}$, построенного по аналогии (9), на обе части (11), а именно

$$M_{(+)}^{(13)} G_{(+)}^{(12)} \bar{\Phi}^{\rightarrow(k+1)} + \theta M_{(+)}^{(13)} B_{(+)}^{(12)} \Delta \bar{\Phi}^{\rightarrow(k+1)} + M_{(+)}^{(13)} L_{(+)}^{(12)} \bar{\Phi}^{\rightarrow(k)} = \left[\prod_{j=3}^1 M_{(+)}^{(1j)} \right] \vec{f}. \quad (12)$$

Как и на предыдущем шаге алгоритма пусть $M_{(+)}^{(13)} G_{(+)}^{(12)} = G_{(+)}^{(13)} + L_{(+)}^{(13)}$, где матрица $L_{(+)}^{(13)}$ имеет структуру аналогичную $L_{(+)}^{(12)}$, то есть

$$L_{12(+)}^{(13)} = \begin{pmatrix} 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & \times & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \end{pmatrix}.$$

$$\text{Замена } L_{(+)}^{(13)} \bar{\Phi}^{\rightarrow(k+1)} \rightarrow L_{(+)}^{(13)} \bar{\Phi}^{\rightarrow(k)} + \theta B_{(+)}^{(13)} \Delta \bar{\Phi}^{\rightarrow(k+1)}$$

позволяет записать следующее соотношение:

$$G_{(+)}^{(13)} \bar{\Phi}^{\rightarrow(k+1)} + \theta \left[B_{(+)}^{(13)} + M_{(+)}^{(13)} B_{(+)}^{(12)} \right] \Delta \bar{\Phi}^{\rightarrow(k+1)} + \left[L_{(+)}^{(13)} + M_{(+)}^{(13)} L_{(+)}^{(12)} \right] \bar{\Phi}^{\rightarrow(k)} = \left[\prod_{j=3}^1 M_{(+)}^{(1j)} \right] \vec{f}$$

или, при условии $\bar{B}_{(+)}^{(13)} = B_{(+)}^{(13)} + M_{(+)}^{(13)} B_{(+)}^{(12)}$,

$$\begin{aligned} \bar{L}_{(+)}^{(13)} &= L_{(+)}^{(13)} + M_{(+)}^{(13)} L_{(+)}^{(12)}, \\ G_{(+)}^{(13)} \bar{\Phi}^{\rightarrow(k+1)} + \theta \bar{B}_{(+)}^{(13)} \Delta \bar{\Phi}^{\rightarrow(k+1)} + \bar{L}_{(+)}^{(13)} \bar{\Phi}^{\rightarrow(k)} &= \left[\prod_{j=3}^1 M_{(+)}^{(1j)} \right] \vec{f}. \end{aligned} \quad (13)$$

В общем случае для произвольного $j = J$, при увеличении индекса j , на линии $i = 1$ будет иметь место соотношение

$$G_{(+)}^{(1J)} \bar{\Phi}^{\rightarrow(k+1)} + \theta \bar{B}_{(+)}^{(1J)} \Delta \bar{\Phi}^{\rightarrow(k+1)} + \bar{L}_{(+)}^{(1J)} \bar{\Phi}^{\rightarrow(k)} = \left[\prod_{j=J}^1 M_{(+)}^{(1j)} \right] \vec{f}, \quad (14)$$

$$\text{где } M_{(+)}^{(1J)} G_{(+)}^{(1J-1)} = G_{(+)}^{(1J)} + L_{(+)}^{(1J)},$$

$$\bar{B}_{(+)}^{(1J)} = B_{(+)}^{(1J)} + M_{(+)}^{(1J)} \bar{B}_{(+)}^{(1J-1)},$$

$$\bar{L}_{(+)}^{(1J)} = L_{(+)}^{(1J)} + M_{(+)}^{(1J)} \bar{L}_{(+)}^{(1J-1)}.$$

Окончание прохода по локальному направлению $j = 1, m-1$ на линии $i = 1$ приводит к итоговому матричному уравнению:

$$G_{(+)}^{(1\ m-1)} \bar{\Phi}^{\rightarrow(k+1)} + \theta \bar{B}_{(+)}^{(1\ m-1)} \Delta \bar{\Phi}^{\rightarrow(k+1)} + \bar{L}_{(+)}^{(1\ m-1)} \bar{\Phi}^{\rightarrow(k)} = \left[\prod_{j=m-1}^1 M_{(+)}^{(1j)} \right] \vec{f}. \quad (15)$$

При этом структуры первой и второй клеток в первом ряду матрицы $G_{(+)}^{(1m-1)}$ и вторых клеток в первом ряду матриц $\bar{L}_{(+)}^{(1\ m-1)}$ и $\bar{B}_{(+)}^{(1\ m-1)}$ будут следующими:

$$G_{11(+)}^{(1\ m-1)} = \begin{pmatrix} \times & \times & 0 & 0 & 0 \\ 0 & \times & \times & 0 & 0 \\ 0 & 0 & \times & \times & 0 \\ 0 & 0 & 0 & \times & \times \\ 0 & 0 & 0 & 0 & \times \end{pmatrix}, \quad G_{12(+)}^{(1\ m-1)} = \begin{pmatrix} \times & 0 & 0 & 0 & 0 \\ \times & \times & 0 & 0 & 0 \\ 0 & \times & \times & 0 & 0 \\ 0 & 0 & \times & \times & 0 \\ 0 & 0 & 0 & \times & \times \end{pmatrix},$$

$$\bar{L}_{12(+)}^{(1\ m-1)} = \begin{pmatrix} 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ \times & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & \times & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & \times & 0 & 0 \end{pmatrix},$$

$$\bar{B}_{12(+)}^{(1\ m-1)} = \begin{pmatrix} 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & \times & \times & 0 & 0 \\ 0 & 0 & \times & \times & 0 \\ 0 & 0 & 0 & \times & \times \end{pmatrix} - \text{линейная экстраполяция},$$

$$\bar{B}_{12(+)}^{(1\ m-1)} = \begin{pmatrix} 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & \times & \times & \times & 0 \\ 0 & 0 & \times & \times & \times \\ 0 & 0 & 0 & \times & \times \end{pmatrix} - \text{квадратичная экстраполяция}.$$

Аналогичным образом рассматривается проход по локальному направлению на линии $i = 1$ в сторону уменьшения индекса j . Выполнение подобной цепочки преобразований по $j \rightarrow 2$ приводит, в итоге, к следующему матричному уравнению

$$G_{(-)}^{(12)} \bar{\Phi}^{\rightarrow(k+1)} + \theta \bar{B}_{(-)}^{(12)} \Delta \bar{\Phi}^{\rightarrow(k+1)} + \bar{L}_{(-)}^{(12)} \bar{\Phi}^{\rightarrow(k)} = \left[\prod_{j=2}^m M_{(-)}^{(1j)} \right] \vec{f}, \quad (16)$$

$$\text{где } M_{(-)}^{(12)} G_{(-)}^{(13)} = G_{(-)}^{(12)} + L_{(-)}^{(12)},$$

$$\bar{B}_{(-)}^{(12)} = B_{(-)}^{(12)} + M_{(-)}^{(12)} \bar{B}_{(-)}^{(13)},$$

$$\bar{L}_{(-)}^{(12)} = L_{(-)}^{(12)} + M_{(-)}^{(12)} \bar{L}_{(-)}^{(13)}.$$

А в общем случае при обратном проходе для произвольного $j = J$ имеют место соотношения

$$M_{(-)}^{(1J)} G_{(-)}^{(1J+1)} = G_{(-)}^{(1J)} + L_{(-)}^{(1J)},$$

$$\bar{B}_{(-)}^{(1J)} = B_{(-)}^{(1J)} + M_{(-)}^{(1J)} \bar{B}_{(-)}^{(1J+1)},$$

$$\bar{L}_{(-)}^{(1J)} = L_{(-)}^{(1J)} + M_{(-)}^{(1J)} \bar{L}_{(-)}^{(1J+1)}.$$

Структуры первой и второй клеток в первом ряду матрицы $G_{(-)}^{(12)}$ и вторых клеток в первом ряду матриц $\bar{L}_{(-)}^{(12)}$ и $\bar{B}_{(-)}^{(12)}$ будут, соответственно, следующими:

$$G_{11(-)}^{(12)} = \begin{pmatrix} \times & 0 & 0 & 0 & 0 \\ \times & \times & 0 & 0 & 0 \\ 0 & \times & \times & 0 & 0 \\ 0 & 0 & \times & \times & 0 \\ 0 & 0 & 0 & \times & \times \end{pmatrix}, \quad G_{12(-)}^{(12)} = \begin{pmatrix} \times & \times & 0 & 0 & 0 \\ 0 & \times & \times & 0 & 0 \\ 0 & 0 & \times & \times & 0 \\ 0 & 0 & 0 & \times & \times \\ 0 & 0 & 0 & 0 & \times \end{pmatrix},$$

$$\bar{L}_{12(-)}^{(12)} = \begin{pmatrix} 0 & 0 & \times & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & \times & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & \times \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \end{pmatrix},$$

$$\bar{B}_{12(-)}^{(12)} = \begin{pmatrix} \times & \times & 0 & 0 & 0 \\ 0 & \times & \times & 0 & 0 \\ 0 & 0 & \times & \times & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \end{pmatrix} - \text{линейная экстраполяция},$$

$$\bar{B}_{12(-)}^{(12)} = \begin{pmatrix} \times & \times & 0 & 0 & 0 \\ \times & \times & \times & 0 & 0 \\ 0 & \times & \times & \times & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \\ 0 & 0 & 0 & 0 & 0 \end{pmatrix} - \text{квадратичная экстраполяция}.$$

Здесь еще раз следует обратить внимание на существо переходов

$$L_{(+)}^{(1j)} \vec{\Phi} \rightarrow L_{(+)}^{(1j)} \vec{\Phi}^{-(k)} + \theta B_{(+)}^{(1j)} \Delta \vec{\Phi}^{-(k+1)}$$

и $L_{(-)}^{(1j)} \vec{\Phi} \rightarrow L_{(-)}^{(1j)} \vec{\Phi}^{-(k)} + \theta B_{(-)}^{(1j)} \Delta \vec{\Phi}^{-(k+1)}$,

в которых матрицы $L_{(+)}^{(1j)}$ и $L_{(-)}^{(1j)}$ содержат коэффициенты при неизвестном во «внешаппроксимации» узле, а матрицы $B_{(+)}^{(1j)}$ и $B_{(-)}^{(1j)}$ выражают собой механизм

аппроксимации этого неизвестного через неизвестные в узлах основного шаблона. В качестве таких механизмов ранее были рассмотрены так называемые линейная и квадратичная экстраполяции, хотя понятно, что они не единственные и могут быть другие способы выражения неизвестного во «внешаппроксимации» узле через неизвестные в узлах основного шаблона [3]. Как будет показано далее, с точки зрения обоснования корректности метода, основным является тот момент, что каков бы не был в общем случае механизм аппроксимации (компенсации), все коэффициенты этого механизма располагаются только в матрицах B . Поэтому в последующих рассуждениях механизм аппроксимации более не детализируется.

В силу совпадения верхних наддиагоналей клеток A_{11} и $G_{11(+)}^{(1m-1)}$ и нижних поддиагоналей клеток

A_{11} и $G_{11(-)}^{(12)}$ разность $G_{11(+)}^{(1m-1)} + G_{11(-)}^{(12)} - A_{11}$ представляет собой диагональную клетку с положительными элементами. Тогда понятно, что вычитание из (1), записанного для $\vec{\Phi}^{-(k+1)}$, уравнений (15) и (16)

позволяет получить систему с «зеркальными» шаблонами [2] на линии $i = 1$

$$\left[G_{(+)}^{(1m-1)} + G_{(-)}^{(12)} - A \right] \vec{\Phi}^{-(k+1)} + \theta \left[\bar{B}_{(+)}^{(1m-1)} + \bar{B}_{(-)}^{(12)} \right] \Delta \vec{\Phi}^{-(k+1)} + \left[\bar{L}_{(+)}^{(1m-1)} + \bar{L}_{(-)}^{(12)} \right] \vec{\Phi}^{-(k)} = \left[\prod_{j=m-1}^1 M_{(+)}^{(1j)} + \prod_{j=2}^m M_{(-)}^{(1j)} - E \right] \vec{f}. \quad (17)$$

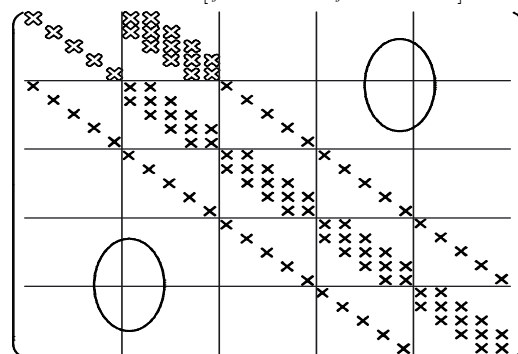

Рис. 2.

При этом структура преобразованной матрицы всей системы (17) примет вид, представленный на рис. 2. Здесь и далее черными крестиками обозначаются не измененные элементы исходной матрицы, а белыми крестиками – преобразованные. Совпадение структур первых двух клеток первых двух рядов говорит о возможности их комбинации с целью обнуления первой клетки второго ряда. Действительно, если обозначить

$$A^{(1)} = \left[G_{11(+)}^{(1m-1)} + G_{11(-)}^{(12)} - A_{11} \right] + \theta \left[\bar{B}_{(+)}^{(1m-1)} + \bar{B}_{(-)}^{(12)} \right],$$

тогда $A_{11}^{(1)} = \left[G_{11(+)}^{(1m-1)} + G_{11(-)}^{(12)} - A_{11} \right]$ в силу равенства нулю диагональных клеток матриц $\bar{B}_{(+)}^{(1m-1)}$ и

$\bar{B}_{(-)}^{(12)}$, причем, как уже отмечалось ранее, клетка

$A_{11}^{(1)}$ – диагональная матрица, следовательно к ней

просто найти обратную матрицу $[A_{11}^{(1)}]^{-1}$. Далее

вводится нижняя треугольная матрица преобразования («деления») $H^{(2)}$, у которой первая клетка вто-

рого ряда $H_{21}^{(2)} = -A_{21}[A_{11}^{(1)}]^{-1}$, все диагональные

клетки – единичные матрицы, а остальные клетки – нулевые матрицы. Умножение (17) слева на $H^{(2)}$ и

приводит к уравнению вида:

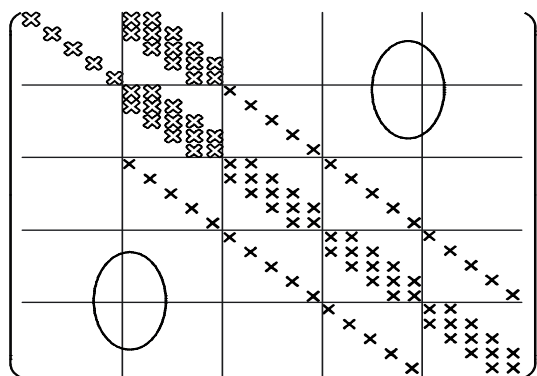

Рис. 3.

$$\begin{aligned}
 & \left[H^{(2)} G_{(+)}^{(1m-1)} + H^{(2)} G_{(-)}^{(12)} - H^{(2)} A \right] \Phi^{-(k+1)} + \\
 & + \theta \left[H^{(2)} \bar{B}_{(+)}^{(1m-1)} + H^{(2)} \bar{B}_{(-)}^{(12)} \right] \Delta \Phi^{-(k+1)} + \\
 & + \left[H^{(2)} \bar{L}_{(+)}^{(1m-1)} + H^{(2)} \bar{L}_{(-)}^{(12)} \right] \Phi^{-(k)} = \\
 & = \left[H^{(2)} \prod_{j=m-1}^1 M_{(+)}^{(1j)} + H^{(2)} \prod_{j=2}^m M_{(-)}^{(1j)} - H^{(2)} \right] \vec{f},
 \end{aligned} \quad (18)$$

причем структура матрицы уравнения (18) имеет вид, представленный на рис. 3. Поскольку цель проведенных преобразований – изменить структуру клеток во втором ряду по образцу первого со сдвигом на одну клетку вправо и при этом оставить остальные клетки исходной матрицы без изменений, то для этого необходимо скомпоновать уравнения

(1), записанное для $\Phi^{-(k+1)}$, с уравнением (18) таким образом, чтобы в (1) второй ряд клеток был заменен на второй ряд из уравнения (18). Для этого вводятся две диагональные матрицы $E_{(0)}^{(2)}$ и $E_{(p)}^{(2)}$, причем у $E_{(0)}^{(2)}$ почти все диагональные клетки – единичные матрицы, кроме $E_{22(0)}^{(2)}$, которая является нулевой, а у $E_{(p)}^{(2)}$ все наоборот – все диагональные клетки нулевые, кроме $E_{22(p)}^{(2)}$, которая является единичной.

Понятно, что $E_{(0)}^{(2)} + E_{(p)}^{(2)} = E$ – тождественный оператор. Полученная при этом сумма:

$$\begin{aligned}
 & E_{(0)}^{(2)} A \Phi^{-(k+1)} + E_{(p)}^{(2)} \left[\left(H^{(2)} G_{(+)}^{(1m-1)} + H^{(2)} G_{(-)}^{(12)} - H^{(2)} A \right) \Phi^{-(k+1)} + \right. \\
 & + \theta \left(H^{(2)} \bar{B}_{(+)}^{(1m-1)} + H^{(2)} \bar{B}_{(-)}^{(12)} \right) \Delta \Phi^{-(k+1)} + \\
 & + \left. \left(H^{(2)} \bar{L}_{(+)}^{(1m-1)} + H^{(2)} \bar{L}_{(-)}^{(12)} \right) \Phi^{-(k)} \right] = \\
 & = \left[E_{(0)}^{(2)} + E_{(p)}^{(2)} \left(H^{(2)} \prod_{j=m-1}^1 M_{(+)}^{(1j)} + H^{(2)} \prod_{j=2}^m M_{(-)}^{(1j)} - H^{(2)} \right) \right] \vec{f}
 \end{aligned}$$

или

$$\begin{aligned}
 & \left[\left(E_{(0)}^{(2)} - E_{(p)}^{(2)} H^{(2)} \right) A + E_{(p)}^{(2)} H^{(2)} \left(G_{(+)}^{(1m-1)} + G_{(-)}^{(12)} \right) \right] \Phi^{-(k+1)} + \\
 & + \theta E_{(p)}^{(2)} H^{(2)} \left(\bar{B}_{(+)}^{(1m-1)} + \bar{B}_{(-)}^{(12)} \right) \Delta \Phi^{-(k+1)} + \\
 & + E_{(p)}^{(2)} H^{(2)} \left(\bar{L}_{(+)}^{(1m-1)} + \bar{L}_{(-)}^{(12)} \right) \Phi^{-(k)} = \\
 & = \left[\left(E_{(0)}^{(2)} - E_{(p)}^{(2)} H^{(2)} \right) + E_{(p)}^{(2)} H^{(2)} \left(\prod_{j=m-1}^1 M_{(+)}^{(1j)} + \prod_{j=2}^m M_{(-)}^{(1j)} \right) \right] \vec{f}
 \end{aligned} \quad (19)$$

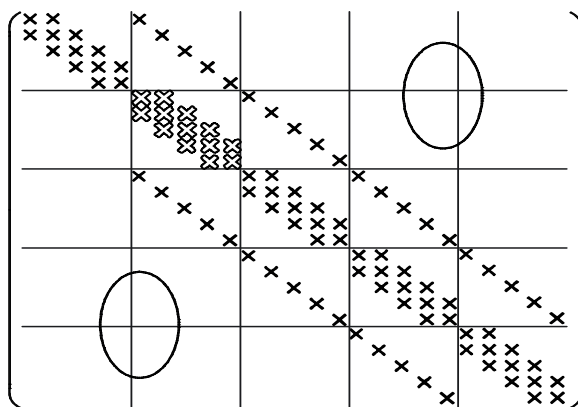

Рис. 4.

представляет собой систему уравнений с матрицей, структура которой представлена на рис. 4. Из вида этой структуры сразу следует вывод о том, что исходная система уравнений разделилась на две подсистемы, первая из которых определяется коэффициентами клеток первого ряда матрицы, а вторая – остальными коэффициентами. При этом, что важно, решение второй подсистемы находится независимо от решения первой. Используя переобозначения

$$\begin{aligned}
 \mathcal{G}^{(2)} &= \left(E_{(0)}^{(2)} - E_{(p)}^{(2)} H^{(2)} \right) A + \\
 &+ E_{(p)}^{(2)} H^{(2)} \left(G_{(+)}^{(1m-1)} + G_{(-)}^{(12)} \right), \\
 \mathcal{B}^{(2)} &= E_{(p)}^{(2)} H^{(2)} \left(\bar{B}_{(+)}^{(1m-1)} + \bar{B}_{(-)}^{(12)} \right), \\
 \mathcal{L}^{(2)} &= E_{(p)}^{(2)} H^{(2)} \left(\bar{L}_{(+)}^{(1m-1)} + \bar{L}_{(-)}^{(12)} \right), \\
 \mathcal{M}^{(2)} &= \left(E_{(0)}^{(2)} - E_{(p)}^{(2)} H^{(2)} \right) + \\
 &+ E_{(p)}^{(2)} H^{(2)} \left(\prod_{j=m-1}^1 M_{(+)}^{(1j)} + \prod_{j=2}^m M_{(-)}^{(1j)} \right),
 \end{aligned}$$

уравнение (19) окончательно можно переписать в виде

$$\begin{aligned}
 & \mathcal{G}^{(2)} \Phi^{-(k+1)} + \theta \mathcal{B}^{(2)} \Delta \Phi^{-(k+1)} + \\
 & + \mathcal{L}^{(2)} \Phi^{-(k)} = \mathcal{M}^{(2)} \vec{f}.
 \end{aligned} \quad (20)$$

В заключении выкладок, связанных с линией $i = 1$ следует заметить, что все проведенные преобразования исходной системы представляют собой линейные комбинации уравнений, в которых в качестве сомножителей всегда используются коэффициенты по модулю меньше единицы в силу зна-

чального свойства построчного диагонального преобладания матрицы СЛАУ. Следовательно, проводимые преобразования: 1) устойчивы; 2) сохраняют свойство построчного диагонального преобладания; 3) сохраняют противоположность знаков диагональных и внедиагональных элементов. Иными словами матрица системы (20)

$$\mathcal{W}^{(2)}(\theta) = \left(\mathcal{G}^{(2)} + \theta \mathcal{B}^{(2)} \right) \quad (\text{рис. 4}) \quad \text{продолжает}$$

оставаться невырожденной. Из проведенных рассуждений также следует еще один очень важный вывод: эквивалентные преобразования группируются в матрицах $\mathcal{G}^{(2)}$, $\mathcal{L}^{(2)}$, $\mathcal{M}^{(2)}$, а приближенные – только в матрице $\mathcal{B}^{(2)}$.

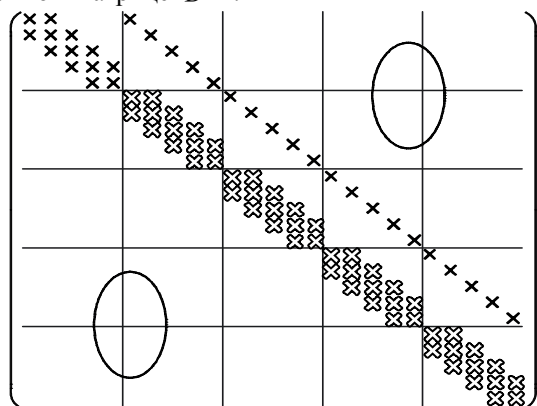

Рис. 5.

Повторение проведенных эквивалентно-приближенных преобразований по всем расчетным линиям $i = 2, n-1$ (рядам клеток матрицы СЛАУ) приводит к тому, что исходная система преобразуется к виду:

$$\begin{aligned} \mathcal{G}^{(n)} \vec{\Phi}^{(k+1)} + \theta \mathcal{B}^{(n)} \Delta \vec{\Phi}^{(k+1)} + \\ + \mathcal{L}^{(n)} \vec{\Phi}^{(k)} = \mathcal{M}^{(n)} \vec{f}, \end{aligned} \quad (21)$$

в которой эквивалентные преобразования содержатся в матрицах $\mathcal{G}^{(n)}$, $\mathcal{L}^{(n)}$, $\mathcal{M}^{(n)}$, а приближенные только в матрице $\mathcal{B}^{(n)}$, причем матрица $\mathcal{W}^{(n)}(\theta) = \mathcal{G}^{(n)} + \theta \mathcal{B}^{(n)}$ по своей структуре четырехдиагональная и положительного типа (рис. 5), откуда следует последовательно-по клеточной разрешимость полученной системы.

В случае сходимости итерационного процесса имеет место стремление $\Delta \vec{\Phi}^{(k+1)} \rightarrow 0$, в результате которого влияние члена, содержащего приближенные преобразования, становится несущественным. Поскольку операторы $\mathcal{G}^{(n)}$, $\mathcal{L}^{(n)}$ и $\mathcal{M}^{(n)}$ – суть чисто эквивалентные преобразования, не меняющие решение исходной системы, то нетрудно путем об-

ратной цепочки преобразований получить явный вид оператора воздействия на первоначальную систему уравнений:

$$\begin{aligned} & \left\{ E_{(0)}^{(n)} + E_{(p)}^{(n)} H^{(n)} \right. \\ & \left. \times \left[\left(\prod_{j=m-1}^1 M_{(+)}^{(n-1j)} + \prod_{j=2}^m M_{(-)}^{(n-1j)} \right) - E \right] \right\} \times \\ & \times \left\{ E_{(0)}^{(n-1)} + E_{(p)}^{(n-1)} H^{(n-1)} \right. \\ & \left. \times \left[\left(\prod_{j=m-1}^1 M_{(+)}^{(n-2j)} + \prod_{j=2}^m M_{(-)}^{(n-2j)} \right) - E \right] \right\} \times \dots \\ & \dots \times \left\{ E_{(0)}^{(2)} + E_{(p)}^{(2)} H^{(2)} \left[\left(\prod_{j=m-1}^1 M_{(+)}^{(1j)} + \prod_{j=2}^m M_{(-)}^{(1j)} \right) - E \right] \right\} \times \\ & \times \left(A \vec{\Phi}^{(*)} - \vec{f} \right) = 0. \end{aligned} \quad (22)$$

Понятно, что решение подобной системы является также решением исходной системы (1) поскольку фигурные скобки представляют собой комбинацию невырожденных элементарных нижних и верхних матриц преобразований, которая не приводит к возникновению других дополнительных решений.

На основании проведенных исследований показано, что алгоритм метода путем пошаговых устойчивых преобразований переводит исходную систему уравнений к виду:

$$\mathcal{W}^{(n)}(\theta) (\vec{\Phi}^{k+1} - \vec{\Phi}^k) = \mathcal{R} (A \vec{\Phi}^k - \vec{f}),$$

где $\mathcal{W}^{(n)}(\theta)$ – удобно разрешаемый оператор с четырехдиагональной почти верхнетреугольной матрицей,

$\mathcal{R}$ – оператор невырожденных эквивалентных преобразований (произведение фигурных скобок в (22)),

а θ – итерационный параметр компенсации.

При этом матрицы операторов $\mathcal{W}^{(n)}(\theta)$ и $\mathcal{R}$ выписываются явным образом. Нетрудно видеть, что в этом случае вопрос о корректности метода разрешается естественным образом.

Литература

1. Ильин, В. П. Методы неполной факторизации для решения алгебраических систем [Текст] / В. П. Ильин. – М.: Физматлит. – 1995. – 288 с.
2. Фомина, Л. Н. Использование полинейного рекуррентного метода с переменным параметром компенсации для решения разностных эллиптических уравнений [Текст] / Л. Н. Фомина // Вычислительные технологии. – ИВТ СО РАН. – 2009. – Т. 14. – № 4. – С. 108 – 120.
3. Фомин, А. А. Об одном варианте полинейного рекуррентного метода решения разностных эллиптических уравнений [Текст] / А. А. Фомин, Л. Н. Фомина // Вестник Томского государственного университета. Математика и механика. – 2010. – № 2. – С. 20 – 27.

4. Самарский, А. А. Численные методы [Текст] / А. А. Самарский, А. В. Гулин. – М.: Наука. –1989.

НАУКА О ЗЕМЛЕ

УДК 574 (075,8): 512 (078.8)

СУХИЕ СМЕРЧИ И ЭКОЛОГИЯ АТМОСФЕРЫ

Б. М. Стефанюк, В. В. Сенкус, С. П. Казаков, Я. Б. Стефанюк, Вал. В. Сенкус

DRY TOMADOES AND ECOLOGI OF ATMOSPHERE

B. M. Stefanjuc, V. V. Sencus, S. P. Kazakov, J. B. Stefanjuc, Val. V. Sencus

Обосновывается комплексный подход к изучению причинности физических процессов в атмосфере земли (сухих смерчей), приводящих к катастрофическим последствиям. Изучены инициирующие их физические процессы. Рассмотрена схема распределения ветров по высоте. Предложена физическая модель сухого смерча и его технический аналог – мощная вертикальная центрифуга. Указаны физические и некоторые возможные технические причины их возникновения.

The complex approach to studying of causality of physical processes in earth atmosphere (dry tornadoes), leading to catastrophic consequences is proved. Physical processes initiating them are studied. The scheme of distribution of winds on height is considered. The physical model of a dry tornado and its technical analogue – a powerful vertical centrifuge is offered. The physical and some possible technical reasons of their occurrence are specified.

Ключевые слова: сухие смерчи, физические процессы, атмосфера, катастрофы.

Keywords: dry tornadoes, physical processes, atmosphere, catastrophic consequences.

За последние годы резко возросло число катастрофических явлений природы: пожаров, ураганов, смерчей, наводнений, связанных с физическими процессами в атмосфере. В работе [1] высказана идея о причинности пожаров, а именно, зарождение сухих смерчей в нижних слоях стратосферы, создающих озоновые дыры в ионосфере. В работе [2] отмечено, что годовой гомеостаз озона, зависящий от солнечной радиации, сопоставим с изменением температуры надмолекулярной структурой кислорода, которая, как отмечено в работах [3, 4] колеблется сезонно в широком диапазоне пропорций метаморфизма кислорода (от O_2 до O_5).

Модели физических процессов в атмосфере [4] не учитывают ее статическую вязкость, от которой зависит водонасыщенность водяных аэрозолей (облаков, туч) а также надмолекулярная структура водяного пара, представляемая одиночными молекулами H_2O и димерами H_2O , созданными ее водородными связями. В спокойной атмосфере распределение озона принято считать равномерным, то есть «защитный зонт» жизни на Земле (слой озона в ионосфере) «не промокаем». Сущность зонта заключается в ослаблении воздействия ультрафиолетовых лучей Солнца (УФЛ) длиной менее 320 нм, опасных для фауны и флоры Земли, примерно в 6500 раз [5].

В естественных условиях гомеостаз озона определяется двумя реакциями [6]:

– синтеза по схеме $O_2 + O + M \rightarrow O_3 + M$, где M – стабилизирующее тело (N_2 , аэрозоль), которое забирает энергию реакции;

– распада озона под действием УФЛ по схеме $O_3 + h\nu \rightarrow O_2 + O$, где $h\nu$ – квант УФЛ, разрушающий озон.

Летом в высоких широтах Земли удельная солнечная энергия больше, чем зимой, и преобладает реакция распада озона, а зимой преобладает реакция синтеза (рис. 1а).

Опираясь на динамическую вязкость кислорода в диапазоне температур $60 \div 100$ °С (рис. 2) в координатной плоскости (M а.е.м. и μ мк Па·с), т. е. молекулярная масса – динамическая вязкость, аналитически получено соотношение надмолекулярных структур кислорода, которое определяется по формуле:

$$x_i = \frac{M_{эф} - M_i}{M_i} \cdot 100\%,$$

где $M_{эф}$ – эффективная молекулярная масса, а.е.м.;

M_i – ближайшая молекулярная масса (O_2 или O_4 ; или O_5), а.е.м.

Результаты анализа приведены в табл. 1 и представлены на рис. 1б.

Сопоставление графиков рис. 1а и 1б показывает, что при переходах $O_2 \rightleftharpoons O_4$ идет увеличение концентрации озона, а при переходах $O_4 \rightleftharpoons O_5$ – уменьшение его концентрации.

В 1735 году Дж. Хедли, а в 1856 г. В. Форрел [5] открыли глобальные циркуляции воздуха, названные ячейками Хедли и Форрела, в которых в приземной части поверхности Земли ветры дуют в одну

сторону, а на высотах над ними в противоположную
- с поворотом под воздействием силы Кориолиса.

Таблица 1

Соотношение надмолекулярных структур кислорода

Температура, $t^{\circ}\text{C}$	Динамическая вязкость μ , мкПа·с	Эффективная моле- кулярная масса, Мэф., а.е.м.	Структура, %		
			O_2	O_4	O_5
100	24,4	72		50	50
60	22	68,8		70	30
40	21	67,2		80	20
20	19,6	65,6		90	10
0	18,4	64		100	
-20	17,2	62,4	5	95	-
-40	16	61,8	6,875	93,125	-
-50	15,3	60	12,5	87,5	-
-60	14,5	59,2	15	85	-

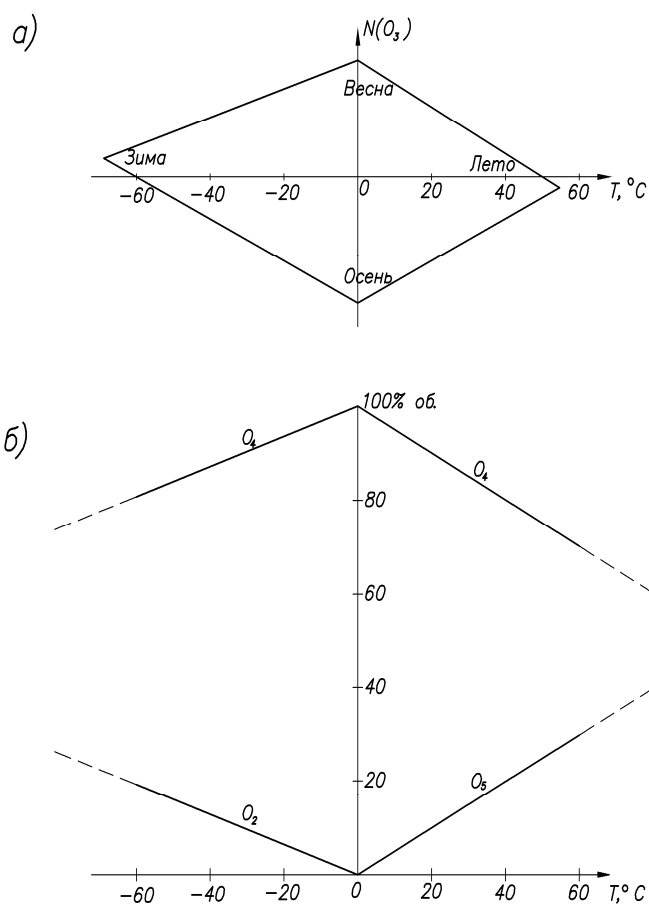

Рис. 1. Зависимость структуры кислорода в нижних слоях атмосферы от температуры:
а) гомеостаз озона O_3 ; б) структура O_2 , O_4 и O_5

Над зонами северных и южных пустынь верхние ветры ячеек Хедли и Форрела дуют друг другу навстречу со скоростью до 120 м/с, образуя при этом

вихри – сухие смерчи с диаметром от 0,5 до 8 км (рис. 2).

Сухие смерчи работают как мощные вертикальные центрифуги, разделяя молекулы и молекулярные структуры газов в соответствии с их массами.

На высоте 20 км над уровнем моря воздух имеет состав: азот – 81,24 %, кислород – 18,10 %, аргон – 0,53 %, водород – 0,04 %. Максимум озона распо-

ложен на средних географических широтах на высоте 12 – 22 км, над тропиками на 5 км выше, над полярными зонами – на 3 км ниже. При температуре – 60 °С с учетом надмолекулярной структуры газов, в сухом смерче они распределяются, как представлено в табл. 2.

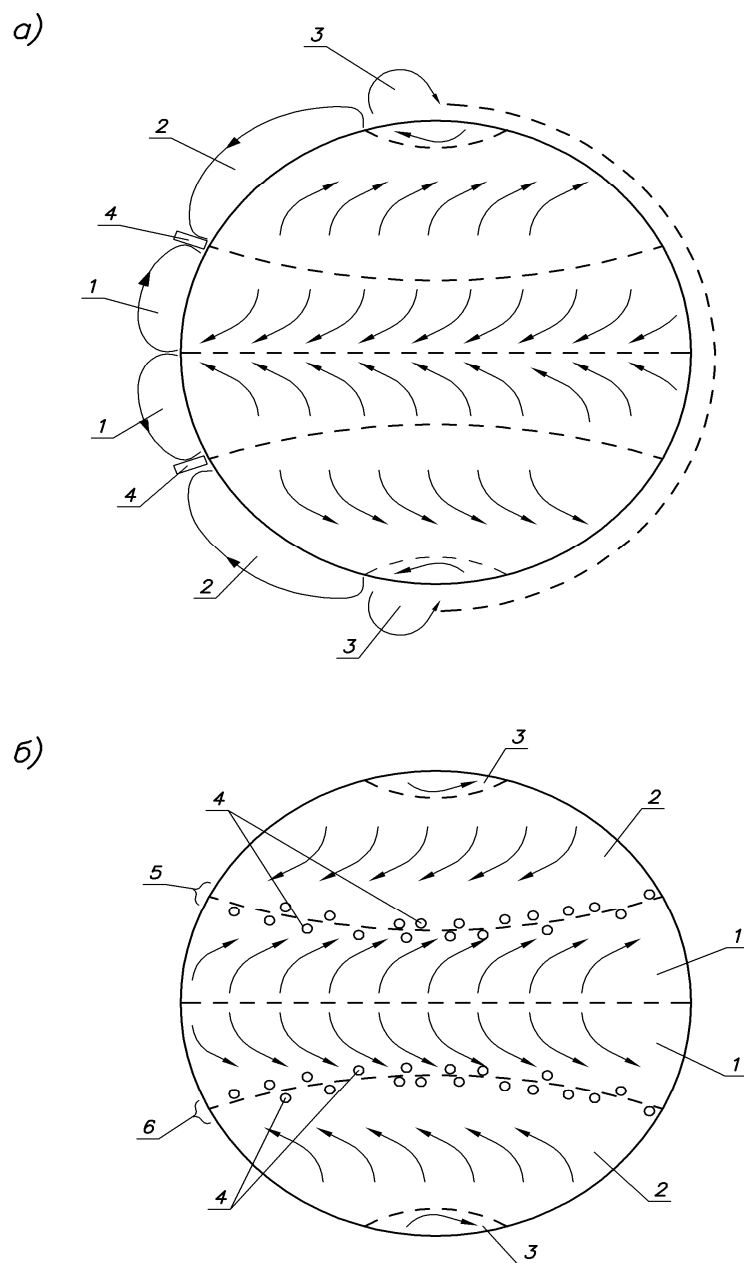

Рис. 2. Глобальная схема ветров в атмосфере Земли с ячейками циркуляции:
а) у поверхности; б) на высоте 12-22 км.

Условные обозначения: 1 – ячейки Хедли; 2 – ячейки Форрела; 3 – полярные антициклоны;
4 – сухие смерчи; 5 – зона Северных пустынь; 6 – зона Южных пустынь

Таблица 2

Распределение газов в сухом смерче

Газ или димер	$14H_2$	O_2	Ar	O_3	$2N_2$	$2O_2$	$2Ar$
---------------	---------	-------	------	-------	--------	--------	-------

Молярная масса	28	32	40	48	56	64	80
К-во на высоте 20 км, %	0,04	2,7	0,14		81,24	15,4	0,39
Часть газов до и после озона	0,0288			0,9712			

Модель сухого смерча представлена на рис. 3.

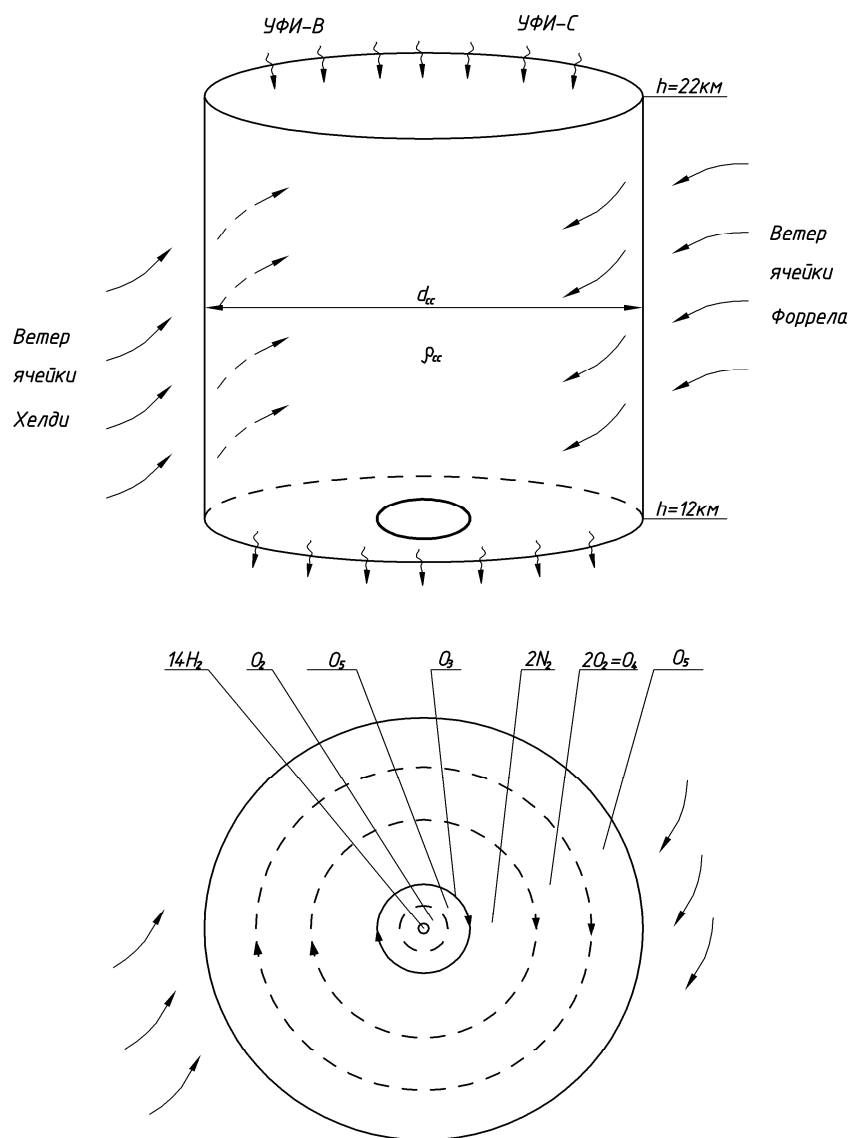

Рис. 3. Модель сухого смерча

Озон в сухом смерче собирается узким «колечком», а через остальное сечение сухого смерча беспрепятственно проходят ультрафиолетовые лучи в диапазоне $290 \text{ нм} < \lambda < 320 \text{ нм}$ (УФЛ-В) и в диапазоне $200 \text{ нм} < \lambda < 290 \text{ нм}$ (УФЛ-С), которые достигают поверхности Земли и убивают на своем пути живые организмы, вызывают пожары в степях и лесах.

Этим объясняется тем, что в зонах пустынь, которые занимают около 20 % площади континентов, не работает свойство экологической сукцессии – преемственности развития, при которой в пределах территории происходит последовательно смена рас-

тений, устанавливающая устойчивость их экосистем.

Сухие смерчи могут быть вызваны интенсивным испарением водоемов (в связи с потеплением климата). Пар воды при температурах менее 100°C состоит из одиночных молекул и димеров [4].

Если, например, при 30°C теплоемкость сухого воздуха составляет $29,13 \text{ кДж/(моль}\cdot\text{K)}$, а водяного пара $33,92 \text{ кДж/(моль}\cdot\text{K)}$, то при их подъеме вверх, создается «реактивная вытяжная труба», в которой идет постепенное охлаждение воздуха и пара, создающего новые димеры, а их энергия идет на нагрев окружающего воздуха. Только при температуре -50°C теплоемкость воздуха и пара становится при-

мерно равным 29,36 кДж/(моль·К) и 29,00 кДж/(моль·К) соответственно, что объясняет высоту подъема водяных аэрозолей – облаков и туч.

Известно, что восходящие потоки вызывают нисходящие, а сила Кориолиса Земли придает им вращательное движение. Следовательно, потепление климата, например, при парниковом эффекте усилит порожждение и расширит зону действия сухих смерчей.

Антропогенными возбудителями сухих смерчей являются и ракеты (мирные и боевые, выходящие на высоту выше 15 – 25 км).

В настоящее время не изучены физические свойства димеров азота, кислорода, аргона и их влияние на формирование сухих смерчей, без чего даже трудно смоделировать ливневые дожди и дать достоверный прогноз погоды.

Решение проблемы сухих смерчей позволит вернуть до 20 % площади континентов занятых пустынями, что позволит человечеству избавиться от дефицита продуктов питания, защитить леса от пожаров, изменить систему навигации реактивной авиации и запуска ракет для обхода зон сухих смерчей, в центре которых плотность воздуха на порядок меньше, чем в атмосфере и дать ответы на необъяснимые катастрофы в авиации.

Выводы

1. В работе рассмотрены предпосылки и условия формирования и существования сухих смерчей (dry tornadoes) в атмосфере Земли. Изучены инициирующие их физические процессы в атмосфере с учетом вязкости воздуха и надмолекулярной структуры водяного пара. Указано, что сухие смерчи формируются при взаимодействии встречных высотных ветров глобальных ячеек циркуляции. Предложена физическая модель сухого смерча и его технический аналог – мощная вертикальная центрифуга. Указаны физические и некоторые возможные технические причины их возникновения.

2. Отмечено, что изучение сухих смерчей является важной проблемой сохранения жизни на планете Земля и требует комплексных усилий метеорологов, экологов, географов, физиков, химиков, биологов и других ученых. Проблема сухих смерчей не дает отсрочки для ее решения и вызывает миллиардные убытки в экономике всех стран.

Литература

1. Стефанюк, Б. М. Сухі смерчі та озон. – Львів: Львівський національний університет ім. Н. Франка // Світ Фізики, науково-популярний журнал, № 2 (50), 2010. – С. 46 – 48.
2. Стефанюк, Б. М. Структури кисню та їх взаємовплив на рівень концентрації озону. – Івано-Франківськ: Прикарпатський національний університет ім. В. Стефаника / Б. М. Стефанюк, Я. Б. Стефанюк // Фізика і хімія твердого тіла. – 2009. – Т. 10. – № 4. – С. 974 – 975.
3. Стефанюк, Б. М. Вязкость как интегральное свойство структуры газов. / Б. М. Стефанюк, Я. Б. Стефанюк // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. – Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского госуниверситета – 2007. – Т. II. – С. 292 – 295.
4. Стефанюк, Б. М. Надмолекулярная структура газов тропосферы / Б. М. Стефанюк, Я. Б. Стефанюк // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. – Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского госуниверситета, 2007. – Т. II. – С. 301 – 305.
5. Николайкин, Н. И. Экология: учебник для вузов. 4-е изд. / Н. И. Николайкин, Н. Е. Николайкина, О. П. Мелихова. – М.: Дрофа, 2005. – 622 с.
6. Данилов, А. Д. Атмосферный озон – сенсация и реальность / А. Д. Данилов, И. П. Кароль. – Л.: Гидрометеиздат, 1991. – 121 с.

ПЕДАГОГИКА

УДК 613.94 (075.8)

ПОЭТИЧЕСКИЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПРЕПОДАВАНИЮ ОСНОВ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

Н. А. Барбараш, М. В. Чичиленко, Д. Ю. Кувшинов

POETICAL ILLUSTRATIONS TO TEACHING OF BASES OF HEALTH MODE OF LIFE FOUNDATION IN MEDICAL INSTITUTE OF HIGHER EDUCATION

N. A. Barbarash, M. V. Chichilenko, D. Y. Kuvshinov

Образ жизни человека определяет более, чем на 50 % состояние его здоровья, поэтому данная часть программы преподавания физиологии является исключительно важной. Медицина – это наука и искусство, ее основы могут быть выражены поэтическим языком, и мы используем этот принцип при обучении студентов, порою с элементами юмора.

Person's mode of life defines more than 50 % of its health, so this part of physiologies program is exceptionally important. Medicine is science and art, so its foundation may be expressed by poetical language, and we use this principle in teaching of our students, including elements of humour.

Ключевые слова: здоровье, образ жизни, обучение, поэтические иллюстрации

Keywords: health, mode of life, education, poetic illustrations

«Не сосуд наполнить, а факел зажечь» – этот принцип давно стал одним из направлений педагогической деятельности нашей кафедры [2]. В определенной степени это связано с характером труда, к которому мы готовим студентов. Как известно, медицина – это не только наука, но и искусство, о чём, в частности, напоминает читателям журнал Американской медицинской ассоциации JAMA [15]. На обложке журнала под его названием дается его трактовка: «The Science and Art of Medicine». В каждом номере этого журнала есть рубрика «Поэзия» с публикацией стихов медиков. Так, в номере 3 этого журнала за 2010 год можно прочесть стихотворение «Тигр», которое его автор-врач посвятил году тигра [15].

Не случайно многие россияне соединили свой путь в медицине с вокальным искусством (Ю. Мазурок, Ю. Гуляев, А. Розенбаум), с трудом писателя (А. Чехов, М. Булгаков, В. Вересаев, В. Аксёнов), поэта (В. Кузник).

В 1999 году в Сибирском медицинском журнале [1] была опубликована работа одного из авторов настоящей статьи и физиолога – профессора Сибирского медицинского университета «Стратегия антистрессорной психологической защиты в поэзии А. С. Пушкина». В своих лекциях мы часто приводим поэтические иллюстрации, привлекающие студентов к изучению физиологии. Эти приёмы мы используем и при изучении вопросов, связанных, в частности, с таким понятием, как поведенческая медицина, в том числе ролью физической активности, адекватного питания, психологической защиты и многих других факторов в формировании здоровья человека.

В настоящей статье использованы стихи в основном русских и советских классиков поэзии, а также современных поэтов (из публикаций Литературной газеты). Приводится и фрагмент поэтического творчества доктора биологических наук, профессора Санкт-Петербургской педиатрической академии Ю. П. Пушкарёва [8].

Многие из приводимых нами стихотворных иллюстраций содержат элементы юмора. Известный советский физик, Лауреат Нобелевской премии, академик П. Л. Капица в своих публичных выступлениях подчеркивал: «Наука должна быть весёлой».

Предлагаемый нами материал будет изложен в соответствии с несколькими принципами здорового образа жизни.

1. Здоровье – важнейшая человеческая ценность

«Здоровье краше всех румян»

А. Пушкин [9]

«Нет надежней медицины,
Чем природная среда»

Л. Филатов [13]

«И дело даже не в харизме,
Болеем мы не от того –

Вести здоровый образ жизни
Для нас болезненной всего»

А. Свиначук [10]

«Дано мне тело – что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?»

О. Манделштам [6]

«Здоровьем дорожить умеете,
с годами – дорожить втройне.
И на скамейке не синейте
холодной ночью при луне
Пусть будут слякоть и осадки,
калошам не страшна вода.
Здоровье есть – и все в порядке,
а остальное – ерунда»

Ю. Пушкарёв [8]

2. Физическая активность и закаливание

«В век сплошных скоропадских,
Роковых скоростей –
Слава стойкому братству
Пешеходных ступней!...
...Слава толстым подметкам,
Сапогам на гвоздях,
Ходокам, скороходкам, -
Божествам в сапогах!»

М. Цветаева [14]

«Есть мениски, вывихи и – шалит аорта,
Есть вставные челюсти, есть и костыли.
А легкая атлетика – королева спорта,
От неё рождаются только короли».

В. Высоцкий [4]

«Но только тот действительно спортсмен,
Кто разорвал печальной жизни плен:
Он знает мир, где дышит радость, пенясь...
И детского крокета молотки,
И северные наши городки,
И дар богов – великолепный теннис!»

О. Манделштам [6]

«Вдох глубокий, руки шире,
Не спешите – три, четыре! –
Бодрость духа, грация и пластика!
Общеукрепляющая,
Утром отрезвляющая,
Если жив пока еще, - гимнастика!...
Очень вырос в целом мире
Гриппа вирус – три, четыре! –
Ширится, растет заболевание.
Если хилый – сразу гроб!
Сохранить здоровье чтоб –
Применяйте, люди, обтирания!...
Разговаривать не надо –
Приседайте до упада,
Да не будьте мрачными и хмурыми!
Если очень вам нейдет –
Обтирайтесь, чем придется,

Водными займитесь процедурами!»

В. Высоцкий [4]

3. Питание и масса тела

«Блажен, кто рано по утру
Имеет стул без напряжения:

Тому и пища по нутру,
И все доступны наслаждения»

А. Пушкин [9]

«Ешьте много, ешьте мало,
но являйте гуманизм
и не суйте что попало
в безответный организм»

И. Губерман [7]

«Я

жирных

с детства привык ненавидеть,
всегда себя

за обед продавая»

В. Маяковский [12]

«Свежестью весны благоуханна,
нежностью цветущая, как сад,
дивной красотой сияла Хана
двадцать килограмм тому назад»

И. Губерман [7]

Только и съела бедняга,
Что пятьдесят поросят,
Да полсотни гусят,
Да десяток цыпляток,
Да утят десятком,
Да кусок пирога...
Да сорок четыре блина,
И с голоду так исхудала она,
Что не войти ей теперь
В эту дверь...»

К. Чуковский [12]

«Без борьбы человек не живет.

- У меня отрастает живот:

До колен, как у царских крыс,

- У меня – так совсем отвис»

М. Цветаева [14]

«Я покушать люблю, мне худеть как-то лень...

Да и надо ли? Вряд ли, не стоит,

На природу взгляните! Чем толще тюлень,

Тем скорее он самку покроет.

Очень многие женщины любят таких,

У кого есть брюшко, между прочим,

Мы, в отличие от желчных субъектов худых,

Добродушны и часто хохочем.

Если б я занимался борьбою сумо,

мне кричали бы: «Эй, худощавый!»

Там, средь жирных гигантов я был бы, как чмо,

Обделенный и весом, и славой»

К. Григорьев [5]

4. Сон и психическое здоровье

«Друзья мои! Возьмите посох свой,
Идите в лес, бродите по долине,
Крутых холмов устаньте на вершине,
И в долгу ночь глубокий сон»

А. Пушкин [9]

«Не ужинать – святой тому закон,
Кому всего дороже легкий сон»

А. Пушкин [9]

«И долго перед вечером бродить,
Чтоб утомить ненужную тревогу»

А. Ахматова [12]

«Заснуть огорченной,
Проснуться влюбленной,
Увидеть, как красен мак!»

А. Ахматова [12]

5. Абиологические привычки

«Почему он ходит задом?

Отчего пропала сила?

Оттого, что трубка с ядом,

А в груди сидит бацилла»

Н. Заболоцкий [12]

«Он по улицам ходил,

Папиросы курил,...

- Вот урод, так урод!»

К. Чуковский [12]

«Пью в субботу я, пью воскресенье,
Чуть посплю – и опять в окосение,
Пью за родину, и за неродину,
И за вечную память за тётину...»

А. Галич [12]

«Вот он запил, как залеченный,
Два раза бил морду Люське,
А в субботу поздно вечером
Он повесился на люстре...»

А. Галич [12]

«С утра вино, а вечером похмелье.
Как удержать напрасное веселье,
Румянец твой, о, пьяная чума?»

О.Мандельштам [6]

«Стало сердце покалывать скверно,
Стал ходить, будто ноги по пуду;
Больше пить я не буду, наверно,
Но и меньше, конечно, не буду».

И. Губерман [7]

6. Приёмы психологической защиты

«Самые тёмные дни в году

Светлыми стать должны».

А. Ахматова [12]

«Учусь терпеть, учусь терять
и при любой житейской стуже
учусь, присвистнув, повторять:
плевать, не сделалось бы хуже».

И. Губерман [7]

«Не ропщите: всё проходит,
И ко счастьем иногда
Неожиданно приводит
Нас суровая беда».

Е. Баратынский [12]

«А будут дни – угаснет и печаль,
И засинеет сон воспоминанья,
Где нет уже ни счастья, ни страданья,
А только всепрощающая даль».

И. Бунин [3]

«Ну, улыбнись хоть раз, моя голуба,
Пусть не на все – хотя бы на три зуба!..
А не сумеешь – тоже нет греха,
Скажи хотя бы просто: ха-ха-ха!..»

Л. Филатов [13]

«Ну можно ли представить мир без шуток?!
Да он без шуток был бы просто жуток!..
Когда на сердце холод, страх и тьма –
Лишь юмор не дает сойти с ума!..»

Л. Филатов [13]

«И вы платки слезами не мочите,
Чем горше жизнь, тем громче хохочите...
От всех болезней в мире лечит смех,
И он-то из лекарств надежней всех!»

Л. Филатов [13]

«От улыбки станет всем теплей –
И слону, и даже маленькой улитке...
Так пускай повсюду на земле,
Будто лампочки, включаются улыбки».

М. Пляцковский [11]

«Проснись и пой! Проснись и пой!
Попробуй в жизни хоть раз
Не выпускать улыбку из открытых глаз!
Пускай капризен успех,
Он выбирает из тех,
Кто может первым посмеяться над собой!»

В. Луговой [11]

«А кто песенку поёт иногда,
Тот от страха не умрёт никогда!»

Ю. Мориц [11]

«Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.
Сердце будущим живет;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдет, то будет мило».

А. Пушкин [9]

Литература

1. Барбараш, Н. А. Стратегия антистрессорной психологической защиты в поэзии А. С. Пушкина / Н. А. Барбараш, В. Н. Васильев // Сибирский медицинский журнал. – 1999. – № 3-4. – С. 52 – 54.
2. Барбараш, Н. А. Не сосуд наполнить, а факел зажечь / Н. А. Барбараш, Д. Ю. Кувшинов // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2008. – № 10. – С. 53 – 56.
3. Бунин, И. А. Стихотворения. Рассказы / И. А. Бунин. – М.: Правда, 1971.
4. Высоцкий, В. Четыре четверти пути / В. Высоцкий. – М.: Физкультура и спорт, 1988.
5. Григорьев, К. Живот / К. Григорьев // Литературная газета. – 2003. – № 52. – С. 12.
6. Мандельштам, О. Стихотворения / О. Мандельштам. – Томск: Томское книжное издательство, 1990.
7. Окунь, А. Книга о вкусной и здоровой жизни / А. Окунь, И. Губерман. – М.: Экмо, 2005.
8. Пушкин, А. С. Лирическое библиографическое / Ю. Пушкин. – СПб., 1996.
9. Пушкин, А. С. Собрание сочинений в 10 т. / А. Пушкин. – М.: Художественная литература, 1974.
10. Свиначук, А. Сила привычки / А. Свиначук // Литературная газета. – 2009. – № 35. – С. 16.
11. Сколько чувства в напеве родном. Песни и романсы русских поэтов. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1986.
12. Страницы русской поэзии. – Томск: изд-во Томского университета, 1985.
13. Филатов, Л. Про Федота-стрельца, удалого молодца / Л. Филатов. – М.: Экмо, 2007.
14. Цветаева, М. Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения / М. Цветаева. – М.: Художественная литература, 1990.
15. Pfeiffer, E. Tiger / E. Pfeiffer // JAMA. – 2010. – V. 303. – № 3. – P. 1.

УДК 378:316

СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФЕНОМЕНА «СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СТУДЕНТА»

Е. Н. Борисенко

ESSENTIAL CHARACTERIZATION OF THE PHENOMENON “STUDENT SOCIAL COMPETENCE”

Е. N. Borisenko

В статье анализируются теоретические основания, сущность, содержание и структура социальной компетентности студента вуза, даётся её определение, рассматриваются основные виды социальной компетентности студента.

The article deals with the analyses of the theoretical basis, essence, content and structure of the university student social competence, its definition is given, the main types of the university student social competence are considered.

Ключевые слова: определение социальной компетентности, структура и виды социальной компетентности студента.

Keywords: definition of social competence, structure and types of student social competence.

Социальная компетентность личности занимает особое место среди ключевых компетентностей современного молодого человека, поскольку именно она обеспечивает личностную комфортность, профессиональную востребованность, успешность во всех сферах жизнедеятельности. Осознавая это, высшие учебные заведения предпринимают попытки по созданию условий для формирования и развития социальной компетентности студентов.

Работодатели, выдвигая в качестве одного из требований к работнику обладание социальной компетентностью, руководствуются тем, что круг его должностных обязанностей не ограничивается предметом профессиональной деятельности, а включает в себя широкий организационный и социальный контексты. Мнение работодателей и профессионального сообщества нашло отражение в новом поколении государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования, особенно в части определения состава общекультурных компетенций выпускника вуза.

Предлагаемые зарубежными и отечественными исследователями (В. И. Байденко, Э. Ф. Зеер, И. А. Зимняя, А. М. Кондаков, Н. В. Кузьмина, А. К. Маркова, А. В. Хуторской, Г. Селевко, Дж. Равен, М. Стобарт, В. Хутмахер и др.) перечни и классификации компетентностей/компетенций могут отличаться с точки зрения терминологии, номенклатуры, количества и статусного положения компетентностей/компетенций, но практически все классификации включают социальную (если не по названию, то по сути) компетентность/компетенцию или социальные компетентности/компетенции.

Это естественно, поскольку человек, каким бы компетентным работником он ни был, за пределами своей профессии имеет и иные социальные статусы. Такие статусы важны для личности не менее профессии. Понятием, которое фиксирует соответствие ценностей и знаний, способностей и умений субъекта его реальному социальному статусу, согласно должному уровню культуры, нравственности и права, является социальная компетентность [4].

Изучив различные аспекты социальной компетентности с точки зрения философа, С. З. Гончаров даёт глубокое и развернутое определение социальной компетентности: «Социальная компетентность личности есть интегративное социальное качество личности, включающее в свой состав ясное ценностное понимание социальной действительности, конкретное социальное знание как руководство к действию, субъектную способность к самоопреде-

лению, самоуправлению и нормотворчеству, умение осуществлять социальные технологии в главных сферах жизнедеятельности (в системе социальных институтов, норм и отношений) согласно должному уровню культуры, нравственности и права» [4, с. 7 – 8].

Социальная компетентность как предмет исследования привлекает внимание зарубежных и отечественных психологов и педагогов, начиная с 80-х годов прошлого столетия.

Д. Майхенбаум связывает социальную компетентность с выполнением социальной роли, с восприятием самого себя и другого, с эффективным общением и поведением в социальных ситуациях [20].

М. Шурэ полагает, что социальная компетентность должна рассматриваться в свете того, как люди ведут себя, и в свете того, как люди думают, потому что в межличностном мире то, как люди думают, может решающим образом повлиять на то, как они себя ведут. Поскольку М. Шуре рассматривает социальную компетентность как умение решать проблемы, то социально более компетентными и лучше адаптированными он считает тех, кто хорошо решает проблемы [21].

В понимании Г. Э. Белицкой, социальная компетентность – это характеристика личности, достигшей высшего уровня осознания социальных проблем и способов взаимодействия с обществом, когда субъектная позиция каждой из сторон становится результатом проблематизации социального мышления личности. Социальная компетентность личности в исследованиях Г. Э. Белицкой – это «прежде всего, уровень сформированности у личности внутренней соотнесенности процессов осознания социальной действительности и ценностных ориентаций на социальные явления» [3, с. 30].

В психологической литературе социальную компетентность связывают с коммуникативными способностями и умениями, с теми индивидуальными характеристиками и способами поведения, которые делают человека способным успешно строить социальные отношения. Человек социально компетентен, если он может вести себя подобающим образом в той или иной ситуации. К социальной компетентности относят также умение человека быстро и гибко менять свое поведение в соответствии с требованиями ситуации [19].

В педагогике, психологии, социальной психологии, психологии профессионализма рассматривает-

ся проблема взаимосвязи профессиональной и социальной компетентностей.

А. К. Маркова представляет социальную компетентность как разновидность профессиональной компетентности. По мысли автора, социальная компетентность – это «владение совместной (групповой, кооперативной) профессиональной деятельностью, сотрудничеством, а также принятыми в данной профессии приемами профессионального общения; социальная ответственность за результаты своего труда» [13, с. 34].

Социальная компетентность должна включать такие способности и качества, как контактность, умение вести переговоры, достигать поставленных целей, способность к адаптации, обучению, личная инициатива, готовность принимать на себя ответственность [8].

А. Ю. Петров рассматривает социальную компетентность как компонент профессиональной компетентности педагога, обеспечивающий реализацию индивидом различных социальных позиций, значимых для каждого современного человека [15].

В профессиональной и социальной педагогике Германии социальная компетентность понимается как ключевая квалификация, необходимая в любой профессии, при этом «социальная» указывает на направленность данной ключевой квалификации на межличностные отношения, а «компетентность» дает её качественную оценку. В профессиональной деятельности социальная компетентность проявляется как способность успешно взаимодействовать с руководителями и коллегами в социальных ситуациях. В личностном, профессиональном и общечеловеческом контексте социальная компетентность рассматривается как способность человека поступать самостоятельно, предусмотрительно и с пользой для дела. Способности и качества, которые связывают с понятием «социальная компетентность», включают коллегиальность, открытость, честность, эмпатию, контактность, инициативность, социальную ответственность, прилежание, коммуникабельность, уверенность в себе, дисциплинированность, чувствительность, критичность, саморефлексию [22].

Социальную компетентность часто характеризуют как «зонтичную конструкцию», охватывающую такие составляющие, как мотивация, социальный интеллект, способность давать нравственную оценку, интеракция, коммуникация, социальные интересы, когнитивные процессы внедрения, уверенность в себе, сочувствие, социальное восприятие и т. д., объединяющиеся в новую комплексную «сверхкомпетентность» [22].

В. Мясников и Н. Найденова полагают, что социальная компетенция – это компетенция, «определяющая политическую корректность, деятельностьную корректность в социальном поле, защиту собственных прав и интересов. Независимость в социальном аспекте определяется способностью человека к идентификации, оцениванию, защите источников жизни и прав, готовности к разумным ограничениям. Человек должен уметь работать ин-

дивидуально и в группах; уметь анализировать ситуации; быть готовым к кооперации и участию в разных руководящих и пассивных ролях в группе; формировать и участвовать в демократических организациях; разрешать конфликты; следовать правилам совместного функционирования; толерантно относиться к социальным и культурным различиям» [14, с. 150].

Пожалуй, самое лаконичное определение социальной компетентности дано Г. Селевко. Оно выглядит следующим образом: «уметь жить и работать с людьми, с близкими, в трудовом коллективе, в команде» [17, с. 141].

В 2000-е годы в нашей стране появились работы, посвященные психологическим и педагогическим проблемам формирования социальной компетентности старших школьников и студентов вузов, в которых уточнялось понятие социальной компетентности, выделялись её структурные компоненты, обосновывались психологические и педагогические условия развития и формирования социальной компетентности подростков и молодежи и т. д.

Н. В. Калинина, исследуя проблемы развития социальной компетентности школьников, приходит к определению социальной компетентности как интегративного личностного образования, которое «объединяет в систему знания человека об обществе и самом себе, умения, навыки поведения в обществе, а также отношения, проявляемые в личностных качествах человека, его мотивациях, ценностных ориентациях, и позволяет интегрировать внутренние и внешние ресурсы для достижения социально-значимых целей и решения проблем» [9, с. 20].

Социальная компетентность личности, по мнению Т. И. Самсоновой, все чаще рассматривается сегодня как глобальная характеристика человека, выступающая средством социальной адаптации и самореализации личности в современных социальных условиях. Социальная компетентность – это интегративное личностное образование, включающее знания, умения, навыки и способности, формирующееся в процессе социализации и позволяющее человеку адекватно адаптироваться в социальной среде и эффективно взаимодействовать с социальным окружением.

Социальная компетентность включает в себя знания об устройстве и функционировании социальных институтов общества, социальных структурах и процессах; знания ролевых требований и ожиданий. Она предполагает наличие ролевого поведения и эффективного социального взаимодействия, а также знания и представления человека о себе, восприятие себя как социального субъекта. Социальная компетентность также подразумевает знания общечеловеческих норм и ценностей, обычаев, традиций, нравов и законов в различных сферах и областях социальной жизни [16].

Решая проблемы развития социальной компетентности в юношеском возрасте, Г. И. Марасанов и Н. А. Рототаева рассматривают её на философско-психологическом уровне и на уровне психологии развития. В первом случае, социальная компетент-

ность определяется в широком смысле как интегративная характеристика, отражающая способности проявлений адаптивного и неадаптивного видов активности субъекта деятельности в их диалектическом единстве. Во втором случае, в узком смысле слова, на уровне психологии развития, социальная компетентность – это интегративное понятие, которое отражает «возможности субъекта юношеского возраста осознавать взаимосвязанные процессы профессионализации, социальной адаптации и личностного самоопределения, в которые он оказывается погружен, и целесообразно управлять ими» [12, с. 67].

С. С. Бахтеева в контексте формирования социальной компетентности студентов вузов экономического профиля раскрывает понятие социальной компетентности как интегрального личностного образования, которое соединяет в себе «ценностное понимание социальной действительности, категориальные конкретные социальные знания, выступающие в качестве руководства к действию, субъектную способность к самоопределению и нормосозиданию, личностное умение осуществлять социальные технологии в главных сферах деятельности человека» [2, с. 10].

В исследовании С. Н. Краснокутской социальная компетентность студентов-будущих специалистов представлена как совокупность конкретных качеств личности, способностей, социальных знаний и умений, обеспечивающих интеграцию человека в общество посредством продуктивного выполнения им различных социальных ролей. С. Н. Краснокутская связывает социальную компетентность с выполнением человеком основных социальных ролей: семьянина, профессионала и гражданина, отсюда «состав социальной компетентности имеет следующее содержание: готовность к профессионально-трудовой деятельности, готовность к созданию собственной семьи, готовность к выполнению гражданских функций» [10, с. 20].

Н. В. Ляхова полагает, что социальная компетентность студентов педагогического вуза – это «интегративное качество личности, обеспечивающее позитивное отношение их к себе и другому, основанное на признании субъективности другого и собственной субъектности», а сущность социальной компетентности студентов заключается «в осознанном, позитивном и адекватном отношении, основанном на реализации баланса (равновесия) между кооперацией (учетом ожиданий другого человека, его интересов и потребностей) и конфронтацией (отстаиванием собственных интересов и запросов)» [11, с. 22]. Содержание социальной компетентности включает: принятие себя, адекватное оценивание своей личности, самоконтроль поведения и деятельности, личностную рефлекссию; принятие другого человека, признание его субъективности, уважительное отношение к другому, коммуникативную рефлекссию [11].

А. А. Демчук рассматривает развитие социальной компетентности в вузе как важное направление совершенствования подготовки будущего специа-

листа, и обосновывает место социальной компетентности как ведущей в структуре ключевых компетенций личности, которые необходимы для социально продуктивной деятельности любого современного специалиста. В определении А. А. Демчук социальная компетентность – это «интегративная характеристика личности, включающая знания о социальных сетях, нормах реципрокности (взаимности), ценностно-смысловое понимание социальной действительности и умения социального взаимодействия в различных социальных ситуациях» [5, с. 11].

В исследовании А. В. Спирина, социальная компетентность студентов трактуется как многоуровневая категория, которая формируется на протяжении всей жизни человека, содержание которой меняется с учетом характера требований, предъявляемых к социальным ролям, особенностями витального опыта личности, её возраста. Автор под социальной компетентностью понимает «сложную динамическую интегральную систему личностных качеств, обеспечивающую способность человека действовать в социуме с учетом позиций других людей. Она предполагает владение социальными знаниями и умениями, наличие опыта принятия решений в нестандартных ситуациях, готовность к взаимодействию с разными людьми» [18, с. 12].

Проанализировав вышеприведенные и другие работы отечественных и зарубежных исследователей, мы пришли к следующим выводам:

1) социальная компетентность рассматривается как *способность; совокупность конкретных качеств личности, способностей, социальных знаний и умений; интегративное социальное качество личности; интегральная система личностных качеств; интегративное/интегральное личностное образование; интегративная характеристика личности; глобальная характеристика человека;*

2) авторы единодушны в том, что социальная компетентность проявляется во всех главных сферах жизнедеятельности человека: *в семье, учебном заведении, на предприятии; в личностном, общечеловеческом и профессиональном контекстах; в системе социальных институтов, норм и отношений и т. д.;*

3) социальная компетентность трактуется исследователями как многоаспектное понятие, охватывающее *успешную социальную адаптацию личности; интеграцию человека в общество посредством продуктивного выполнения им различных социальных ролей; адекватное функционирование человека в новых социальных ситуациях; общение в совокупности его трех сторон – коммуникации, интеракции и перцепции; эффективное взаимодействие человека с социальным окружением, позитивное отношению человека к социальному окружению и социального окружения к нему; продвижение по службе, успех в профессиональной деятельности; развитие духовных и материальных потребностей личности; творческое саморазвитие и самореализацию личности и т. д.*

Если выделить главное, объединяющее взгляды ученых на социальную компетентность, то суть социальной компетентности сводится к следующему: **социальная компетентность** – это интегративное качество личности, которое дает человеку возможность жить и действовать в социуме с учетом позиций и интересов других людей и своих собственных позиций и интересов. Другими словами, социальная компетентность обеспечивает как собственное благополучие человека, так и благополучие общества.

В отечественных и зарубежных работах, посвященных социальной компетентности, значительное место отводится рассмотрению её структуры.

Д. Майхенбаум в структуру социальной компетентности включает систему смыслов и интересов индивида, когнитивные процессы и поведение человека, причем эти компоненты находятся в непрерывном взаимодействии друг с другом и с социальным окружением. Важными компонентами социальной компетентности, по его мнению, также являются эмпатия, перцептивные и коммуникативные умения [20].

С. З. Гончаров в структуре социальной компетентности выделяет такие компоненты:

1) аксиологический (иерархия главных жизненных ценностей);

2) гносеологический (верные социальные знания, необходимые для взаимодействия человека с самим собой (самовоспитание, саморазвитие), с другими людьми для оптимального решения социально значимых задач; такие знания предполагают методологическое, категориальное, рефлексивное и проективное мышление; такое мышление оперирует системными связями целого, что позволяет субъекту решать социальные задачи принципиально, в общем виде и многообразно варьировать общее решение применительно к меняющимся частным ситуациям);

3) субъектный (готовность к самоопределению и самоуправлению, самодеятельности и нормотворчеству, умение порождать самостоятельно новые причинные ряды в социальной реальности и нести ответственность за принятое и сделанное);

4) праксиологический/технологический (умение осуществлять гуманитарно-социальные технологии и коммуникации в системе социальных норм, институтов и отношений) [4].

Структура социальной компетентности в исследовании С. С. Бахтеевой объединяет следующие компоненты: индивидуально-личностный, социологический, жизненно-футурологический [2].

С. Н. Краснокутская называет два структурных компонента социальной компетентности: содержательно-деятельностный и личностный. Содержательно-деятельностный компонент компетентности представлен сбалансированным сочетанием социальных знаний, умений и навыков, а в качестве личностной составляющей выступает сформированная позиция человека, осознание им необходимости приобретения социальных знаний для будущей самостоятельной жизнедеятельности [10].

В структуре социальной компетентности Н. В. Калинина выделяет две образующие: когнитивно-поведенческую и мотивационно-личностную. Когнитивно-поведенческая образующая включает в себя: социальный интеллект (социальные знания, их структурированность, адекватность), социальные умения, навыки социального поведения, включающие продуктивные приемы выполнения социально-значимой деятельности, умения эффективного взаимодействия и навыки конструктивного поведения в трудных жизненных ситуациях. Мотивационно-личностная образующая представлена мотивами и ценностями самореализации в обществе (мотивы достижения, самореализации в социально-значимой деятельности, осмысленность жизни), а также личностными свойствами, обеспечивающими самореализацию личности [9].

Т. И. Самсонова в структуру социальной компетентности кроме ценностного и исполнительно-деятельностного компонентов включает рефлексивный компонент. Автор мотивирует это тем, что принятие решений по преодолению социальных проблем требует от человека постоянной саморефлексии, способствующей адекватному восприятию личностью себя самой и своих собственных действий. Необходимо также восприятие и понимание людьми друг друга, то есть коммуникативная рефлексия. Требуется и видение перспективы, прогнозирования развития социальной ситуации и анализа уже свершившихся событий. Поэтому в качестве одного из важнейших компонентов в структуре социальной компетентности выступает рефлексивный компонент [16].

Социальная компетентность, по мнению А. А. Демчук, обладает следующей структурой: когнитивный компонент (знаниевый): знания о социальных сетях, нормах реципрокности (взаимности); аксиологический (ценностно-смысловой) компонент: ценностно-смысловое понимание социальной действительности; конативный (поведенческий) компонент: умения социального взаимодействия в различных социальных ситуациях [5].

Сравнивая изложенные авторами точки зрения на то, какой должна быть структура социальной компетентности, мы не могли не отметить их полное или частичное совпадение, при этом количество структурных компонентов может отличаться в силу укрупнения единиц, а терминология может быть синонимичной.

В основе предлагаемой нами структуры социальной компетентности лежит обобщенно-собирающая структура компетентности, полученная в результате анализа работ Э. Ф. Зеера, И. А. Зимней, А. Ю. Петрова, Дж. Равенна, Ю. Г. Татура, А. В. Хуторского и др. Таким образом, структура социальной компетентности должна включать:

- 1) когнитивный компонент;
- 2) аксиологический компонент;
- 3) мотивационный компонент;
- 4) поведенческий компонент;
- 5) эмоционально-волевой компонент;

б) персональный компонент (качества личности, входящие в состав компетентности).

Часто в программных документах, научных и методических публикациях речь идет не об одной социальной компетенции или компетентности, а о социальных компетенциях/компетентностях и их видах. Совет Европы, например, к ключевым компетенциям относит политические и социальные компетенции, связанные со способностью брать на себя ответственность, участвовать в совместном принятии решений, регулировать конфликты ненасильственным путем, участвовать в функционировании и в улучшении демократических институтов.

И. А. Зимняя выделяет компетенции, относящиеся к социальному взаимодействию человека и социальной сферы:

– компетенции социального взаимодействия: с обществом, общностью, коллективом, семьей, друзьями, партнерами, конфликты и их погашение, сотрудничество, толерантность, уважение и принятие другого (раса, национальность, религия, статус, роль, пол), социальная мобильность;

– компетенции в общении: устным, письменном, диалог, монолог, порождение и восприятие текста; знание и соблюдение традиций, ритуала, этикета; кросс-культурное общение; деловая переписка; делопроизводство, бизнес-язык; иноязычное общение, коммуникативные задачи, уровень воздействия на реципиента [7].

Позже в составе социально-профессиональной компетентности И. А. Зимняя выделяет социальный блок, который обеспечивает жизнедеятельность человека и адекватность его взаимодействия с другими людьми. Он представлен пятью ключевыми социальными компетентностями: здоровьесбережения, гражданственности, социального взаимодействия, общения и информационных технологий [6].

Подчеркивая многогранность социальной компетентности, А. С. Петров указывает на то, что социальная компетентность содержит несколько составляющих, каждая из которых может рассматриваться как самостоятельная компетентность (социально-гражданская, социально-коммуникативная, информационная и социально-индивидуальная компетентности) [15].

Выделение видов социальной компетентности/компетенции позволяет авторам говорить о социально-трудовой компетенции/компетентности (А. В. Хуторской), социально-личностных компетенциях (Э.Ф. Зеер, А. Сенашенко, В. Халин), социально-коммуникативной компетентности (И. Г. Захарова, О. Ларионова, А. Ю. Петров, М. Розенова), социально-перцептивной компетентности (Е. А. Климов, А. К. Маркова, А. Фатыхова). Упоминаются также социально-правовая и социально-экономическая компетентности (Э. Ф. Зеер), социально-психологическая компетентность (Ю. М. Жуков, А. Панфилова), социально-репродуктивная компетентность (А. М. Кондаков).

Как показывает анализ, большинство авторов связывают необходимость формирования социальной компетентности и её видов с их важностью для

будущей или осуществляемой профессиональной деятельности.

Признавая важность профессиональной деятельности в жизни человека, мы считаем, что нельзя приуменьшать важность периода обучения в вузе, рассматривать его как некий промежуточный период, ценность которого заключается лишь в том, что это период подготовки к профессиональной жизни и к жизни в целом. Студенческие годы – не подготовка к жизни, а сама жизнь. Обучение в вузе длится 4 – 5 лет. Для молодого человека – это значительный отрезок времени, наполненный интересными, важными событиями, часто не связанными непосредственно с будущей трудовой деятельностью. Неслучайно по прошествии лет люди вспоминают студенческие годы как самые счастливые и интересные годы своей жизни.

Однако немало тех, у кого студенческие времена вызывают негативные воспоминания. Это может быть связано, как с неправильным выбором профиля вуза, неудачами в личной жизни, так и с неумением вписаться в студенческую и вузовскую среду, неумением общаться со сверстниками и преподавателями, неумением участвовать в общественной жизни и продуктивно использовать свободное время и т. д. Что свидетельствует об отсутствии или низком уровне сформированности социальной компетентности студента или её отдельных видов.

Говоря о важности формирования социальной компетентности в период обучения в вузе, С. С. Бахтеева подчеркивает, что, «во-первых, в этот период личность получает профессию и гуманитарные знания, профессиональную, личностную и общекультурную подготовку, при этом создается возможность их органического синтеза; во-вторых, в этот период осуществляется процесс интенсивного мировоззренческого поиска главных жизненных ценностей, своего «Я», личного образа жизни» [2, с. 11].

Ставя перед собой задачу – определить номенклатуру социальных компетентностей студента высшего учебного заведения, мы опирались на анализ рассмотренных выше работ, учитывали сферы жизнедеятельности студента, основные виды его деятельности (учебная, общественно-полезная, досуговая и др.), проблемы, возникающие перед студентом в ходе осуществления разнообразной деятельности и общения с окружающими, а также социальные компетентности, необходимые выпускнику вуза в его будущей профессиональной деятельности и за её пределами, которые будут развиваться на базе сформированных в вузе социальных компетентностей. Немаловажным фактором в определении номенклатуры социальных компетентностей студента оказались возможности вуза по созданию условий для их формирования.

Исходя из этого, мы считаем, что социальная компетентность студента вуза должна объединять следующие составляющие (парциальные компетентности): компетентность в общении, гражданскую, культурно-досуговую и социально-личностную компетентности. Следовательно, соци-

альную компетентность студента можно представить как единство парциальных компетентностей, которые неразрывно связаны, взаимодополняют, взаимовлияют и частично перекрывают друг друга.

Согласно принятой нами структуре, каждая парциальная компетентность включает:

- 1) когнитивный компонент,
- 2) аксиологический компонент,
- 3) мотивационный компонент,
- 4) поведенческий компонент,
- 5) эмоционально-волевой компонент,
- 6) персональный компонент.

Последний из перечисленных компонентов объединяет социально-психологические качества личности, проявляющиеся в социальной компетентности. Поскольку в современной социально-психологической науке проблема перечня социально-психологических качеств личности остается открытой, ориентиром при выборе социально-психологических качеств может служить определение, предложенное Г. М. Андреевой: «Социально-психологические качества личности – это качества, которые формируются в реальных социальных группах, в условиях совместной деятельности с другими людьми, а также в общении с ними» [1, с. 301]. Из этого определения следует, что спектр социально-психологических качеств довольно широк, и исследователю предоставлена определенная степень свободы при их выборе.

В социально-психологических качествах, входящих в персональный компонент, можно выделить группу качеств, проявляющихся во всех социальных компетентностях. Анализ публикаций по проблемам формирования и развития социальной компетентности и её видов показал, что данная группа включает такие качества, как социальная активность, ответственность, самостоятельность, уверенность в себе, инициативность, коммуникабельность, рефлексивность, эмпатийность, толерантность, адаптивность, креативность.

Отсутствие или слабая выраженность у студента каких-либо из перечисленных качеств не говорят о социальной некомпетентности студента или невозможности формирования социальной компетентности, а указывают на трудности, которые придется преодолевать в процессе формирования и развития социальной компетентности.

Социальная компетентность является интегративным качеством личности студента, которое дает ему возможность успешно выполнять социальную роль студента и осуществлять жизнедеятельность в социуме, гармонично и эффективно сочетая свои собственные позиции и интересы с позициями и интересами других членов общества.

Социальная компетентность студента проявляется в его взаимоотношениях с окружающими, в быстрой социальной адаптации, осуществлении социального сотрудничества, здоровом образе жизни, успешности в основных видах деятельности, ответственности за своё настоящее и будущее. В будущем, после окончания высшего учебного заведения, обладание социальной компетентностью будет спо-

собствовать успешной профессиональной деятельности и карьерному росту выпускника вуза.

Литература

1. Андреева, Г. М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений [Текст] / Г. М. Андреева. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 365 с.
2. Бахтеева, С. С. Формирование социальной компетентности специалиста в процессе обучения иностранному языку в вузе экономического профиля [Текст] / С. С. Бахтеева: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Казань : Ин-т сред. проф. образования РАО, 2001. – 20 с.
3. Белицкая, Г. Э. Социальная компетентность личности [Текст] / Г. Э. Белицкая // Субъект и социальная компетентность личности: под ред. А. В. Брушлинского. – М.: Институт психологии РАН, 1995. – С. 24 – 108.
4. Гончаров, С. З. Социальная компетентность личности: сущность, структура, критерии и значение [Текст] / С. З. Гончаров // Образование и наука. – 2004. – №2 (26). – С. 3 – 18.
5. Демчук, А. А. Развитие социальной компетентности студентов в поликультурной образовательной среде вуза [Текст] / А. А. Демчук: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, 2010. – 24 с.
6. Зимняя, И. А. Интегративный подход к оценке единой социально-профессиональной компетентности выпускников вузов [Текст] / И. А. Зимняя, Е. В. Земцова // Высшее образование сегодня. – 2008. – №5. – С. 14 – 19.
7. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования [Текст] / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5. – С. 34 – 42.
8. Зникина, Л. С. Межкультурная компетенция в профессиональной подготовке менеджеров [Текст] / Л. С. Зникина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 175 с.
9. Калинина, Н. В. Психологическое сопровождение развития социальной компетентности школьников [Текст] / Н. В. Калинина: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – Самара: Самарский государственный педагогический университет, 2006. – 42 с.
10. Краснокутская, С. Н. Формирование социальной компетентности студентов вуза [Текст] / С. Н. Краснокутская: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Ставрополь: Ставропольская правда. – 23 с.
11. Ляхова, Н. В. Педагогическое обеспечение формирования социальной компетентности студентов педагогического вуза [Текст] / Н. В. Ляхова: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Красноярск: Красноярский гос. пед. университет, 2008. – 24 с.
12. Марасанов, Г. И. Социальная компетентность: психологические условия развития в юношеском возрасте [Текст] / Г. И. Марасанов, Н. А. Ротатеева. – М.: Когито-Центр, 2003. – 172 с.

13. Маркова, А. К. Психология профессионализма [Текст] / А. К. Маркова. – М.: Знание, 1996. – 309 с.
14. Мясников, В. Компетенции и педагогические измерения [Текст] / В. Мясников, Н. Найденова // Народное образование. – 2006. – № 9. – С. 147 – 151.
15. Петров, А. Ю. Компетентностный подход в непрерывной профессиональной подготовке инженерных педагогических кадров [Текст] / А. Ю. Петров: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – Киров: ВятГГУ, 2005. – 40 с.
16. Самсонова, Т. И. Социальная компетентность подростков: технологии её формирования [Текст] / Т. И. Самсонова. – СПб.: Изд-во СПбГУ-СЭ, 2007. – 183 с.
17. Селевко, Г. Компетентности и их классификация [Текст] / Г. Селевко // Народное образование. – 2004. – № 4. – С. 138 – 142.
18. Спирин, А. В. Формирование социальной компетентности студентов в межузовском образовательном центре [Текст] / А. В. Спирин: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Кострома: Костромской госуниверситет им. Н. А. Некрасова, 2010. – 24 с.
19. Хинш, Р. Социальная компетенция; пер. с нем. [Текст] / Р. Хинш, С. Виттманн. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2005. – 192 с.
20. Meichenbaum, D. Components of the Model / D. Meichenbaum, L. Butler, L. Gruson // Social competence / edited by Jeri Dawn Wine & Marti Diane Smye. – New York, London: The Guilford Press, 1981. – P. 37 – 60.
21. Shure, M. B. Social Competence as a Problem-solving Skill / M. B. Shure // Social competence / edited by Jeri Dawn Wine & Marti Diane Smye. – New York, London: The Guilford Press, 1981. – P. 158 – 185.
22. Wellhofer, P. R. Schlüsselqualifikation Sozialkompetenz / P. R. Wellhofer. – Stuttgart: Lucius & Lucius, 2004. – 222 S.

УДК 371.134:316.477

**СОЗДАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЫ
НА ОСНОВЕ ИНТЕГРАЦИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН**

О. Н. Гавришина, Е. В. Филатова

**THE CREATION OF PROFESSIONALLY FOCUSED INFORMATION ENVIRONMENT
ON THE BASIS OF THE INTEGRATION OF INFORMATION AND SPECIAL DISCIPLINES**

O. N. Gavrishina, E. V. Filatova

В статье раскрываются возможности создания профессионально ориентированной информационной среды путем интеграции информационных и специальных дисциплин. Характеризуется профессионально ориентированная информационная среда, обоснованы условия, необходимые для ее организации, содержание и задачи реализации. Дополнено новым содержанием понимание основных дидактических принципов.

In the article the possibilities of the creation of professionally focused information environment on the basis of the integration of information and special disciplines are revealed. The interpretation of the notion "professionally focused information environment" is given, the conditions necessary for its organization, content and objectives of its realization are justified. Understanding of the basic didactic principles is added by a new content.

Ключевые слова: профессионально ориентированная информационная среда, информационно-компьютерные технологии, интеграция информационных и специальных дисциплин, принципы обучения.

Keywords: professionally focused information environment, information-computer technologies, integration of information and special disciplines, didactic principles.

Цели и задачи современного образования определяются требованиями общества к подготовке специалиста в условиях информатизации общества. Разработка и внедрение в педагогическую практику современных информационно-компьютерных технологий и создание профессионально ориентированной информационной среды, является основой формирования новой парадигмы образования. Использование информационно-компьютерных технологий в воспитательно-образовательном процессе вызвало существенные изменения процесса обучения, которое, в свою очередь, способствовало изменению форм, средств и содержание обучения.

Исследование, проведенное нами, показали, что создание профессионально ориентированной ин-

формационной среды в вузе решает следующие задачи:

1. Максимально использовать информационно-компьютерные технологии с целью повышения эффективности, доступности и качества воспитательно-образовательного процесса.

2. Создать условия для приобретения студентами специальных знаний и навыков по использованию информационно-компьютерных технологий в предметной области их будущей профессиональной деятельности.

3. Углублять и расширять знания об основах жизни и деятельности в «информационном обществе» с учетом профессиональной ориентации студентов.

Как известно, решающее воздействие на развитие личности и на формирование готовности студентов к какой-либо профессиональной деятельности оказывает та среда, то есть те условия, в которых протекает воспитательно-образовательный процесс вуза. Среда обучения, в которой современные информационно-компьютерные технологии являются необходимым и естественным средством познавательной деятельности студента, первым и надежным помощником в решении учебно-профессиональных задач, хранении, систематизации информации, оформлении отчетной документации и т. п. является профессионально ориентированной информационной средой. На протяжении всех лет обучения в вузе студент «живет» в единой информационно-образовательной среде. Эта среда интегрирует в себе как традиционные, так и информационно-компьютерные технологии, в том числе появляющиеся вновь в результате развития средств информатики.

Такая профессионально ориентированная информационная среда не только помогает студенту в более качественном освоении учебных дисциплин, но и дает ему возможность реализовать себя в познании различных видов деятельности с учетом его склонностей, интересов и способностей; способствует формированию профессиональной мобильности, то есть готовности к самообразованию в области информационно-компьютерных технологий, способности использовать аппарат информационно-компьютерных технологий как средство решения задач в познавательной и будущей профессиональной деятельности.

Организация воспитательно-образовательного процесса в вузе, при котором студенты имеют дело не только с готовыми профессиональными знаниями, но и с информацией, предназначенной для извлечения знаний, способствует самоуправлению познавательным процессом профессиональной деятельности в информационной среде, то есть восприятие, мышление, применение знаний приводятся в упорядоченное состояние.

Сочетание работы по обучению студентов использованию информационно-компьютерных технологий, навыкам сбора, хранения, переработки информации развивает у них способность самостоятельно выстраивать и упорядочивать познавательный процесс, и тем самым, способствует формированию информационной культуры студента, то есть потребности и способности использовать информационно-компьютерные технологии для осознанного поиска нового знания, его интерпретации и систематизации.

Организованный таким образом процесс обучения в вузе максимально способствует "погружению" студентов в работу с информацией и переработкой ее на компьютере, побуждает их целенаправленно овладевать соответствующими умениями и навыками. Поскольку работа с информационно-компьютерными технологиями – неременная составляющая профессиональной деятельности современного специалиста, то "погружение" студента

в профессионально ориентированную информационную среду является наиболее логичным способом взаимосвязи его профессиональной подготовки с развитием готовности к использованию информационно-компьютерных технологий.

В вузе с появлением компьютерных классов, оборудованных современной техникой с поддержкой Интернет-технологий, стало возможно формирование профессионально ориентированной информационной среды. Ее использование в образовательном процессе по схеме «преподаватель – компьютер – студент» способствует формированию системного мышления у студентов, то есть умению видеть и осознавать проблему в целом. Достоинством данной системы является то, что в ней информатика перестает быть подручным средством, с помощью которого к образовательному процессу обычно привлекаются информационно-компьютерные технологии. Информатика становится системообразующим средством. Эффективное применение информационно - компьютерных технологий возможно только в том случае, когда они обоснованно и гармонично интегрируются в образовательном процессе, а не являются некоторой надстройкой к существующей системе обучения.

Задача любой дисциплины – формировать у студентов потребность и умение использования научного содержания данной дисциплины для выработки целостной картины процесса решения профессиональной задачи. Отсюда вытекают цели и задачи для разных групп учебных дисциплин. В частности, для информационных дисциплин – формировать у студентов компьютерную грамотность, знания, умения и навыки, необходимые для свободной ориентации в информационной среде и навыки самообразования в области компьютерной подготовки, формировать у студентов основы информационной культуры будущих специалистов, адекватные современному уровню развития информационных процессов. Для специальных дисциплин, предполагающих использование информационно-компьютерных технологий – обучать исследованию средствами информационно-компьютерных технологий решения моделируемой профессиональной проблемы и обучать исследованию, направленному на интеграцию результатов специальных и информационных этапов решения в целостную систему.

Интеграция специальных и информационных дисциплин имеет сквозной характер и реализуется всеми кафедрами на всех этапах подготовки специалиста. Это проблема потребовала большой методической работы со стороны преподавателей по разработке новых программ, обеспечению воспитательно-образовательного процесса электронными методическими разработками, и способствовала повышению информационной культуры самих преподавателей.

Основным документом, определяющим организацию и содержание обучения студентов, является рабочая программа учебных дисциплин. При формировании учебных курсов на основе разделов ин-

формационно-компьютерной подготовки студентов, мы решаем следующие задачи:

1. Способствовать формированию умений и навыков работы на компьютере на основе использования операционных систем, надстроек над операционной системой и собственно операционных оболочек;

2. Способствовать изучению и освоению основ и способов представления, хранения, обработки и передачи информации с применением компьютера;

3. Способствовать выработке умений и навыков работы с системами обработки текстов, числовых таблиц, графиков, а также баз данных, интегрированных сред, сетевых технологий и сети Интернет.

В процессе работы, согласно требованиям Государственных образовательных стандартов, мы разработали рабочие программы по базовому курсу «Информатика» с учетом специфики факультета.

Так, например, рабочая программа по курсу "Информатика и вычислительная техника" для студентов специальности "Социальная работа" социально-психологического факультета своей целью ставит: способствовать формированию у студентов представления о структуре и закономерностях информационных процессов и способах их технической реализации; способствовать формированию у студентов алгоритмического и системного мышления в рамках будущей профессиональной деятельности; способствовать развитию практических навыков использования информационно-компьютерных технологий, направленных на будущую профессиональную деятельность.

В результате изучения дисциплины студенты должны знать, историю развития информатики и компьютерной техники; архитектуру компьютера, основные и периферийные устройства, программное обеспечение; методы поиска, хранения, обработки и передачи информации, способы архивирования и защиты информации от компьютерных вирусов.

Среди умений и навыков, приобретаемых студентами, отметим: уметь правильно выбирать необходимое программное обеспечение для решения поставленной учебно-профессиональной задачи; разрабатывать алгоритмы учебных задач; работать в операционной системе Windows; работать с текстовым процессором Microsoft Word; иметь навыки основ программирования; уметь работать с электронными таблицами Excel (вставкой, форматированием таблиц, фильтрацией данных, мастером функций и диаграмм, списками и т. д.); создавать электронные базы данных (таблицы, запросы, формы, отчеты и т. д.); работать с поисковыми ресурсами Интернет, пользоваться электронной почтой.

Рассматривая вопросы о видах и свойствах информации, определении и измерении информации, вопросах представления информации в компьютере, систем счисления, архитектуры компьютера и принцип его работы, мы стремились формировать у студентов базовую грамотность. При этом студенты привыкали к компьютерной терминологии, уясняли для себя основные понятия информатики. Знакоми-

лись с одним из основных понятий информатики, понятием «алгоритма». Для выработки навыков алгоритмизации и системного мышления студентов мы при обучении подчеркивали, что любое действие на компьютере можно осуществить различными способами. Так, например, копирование файла можно выполнить с помощью FAR, или WINDOWS, или используя проводник, пользуясь при этом функциональными клавишами или мышью, контекстным меню или меню панелей инструментов. Осваивая различные подходы для выполнения одного и того же действия, у студентов формируются основы «компьютерного» мышления, появляются навыки алгоритмического мышления, которые позволят им впоследствии самостоятельно осваивать новые компьютерные технологии.

Основы овладения студентами информационно-компьютерных и телекоммуникационных технологий закладываются в результате поэтапного, последовательного изучения основных приемов работы с текстовыми редакторами, электронными таблицами, системой управления базами данных, графическими редакторами и Интернет-технологиями. Задания, выполняемые студентами на практических занятиях, формулируются с учетом специфики будущей профессии и, тем самым помогают понять, где и как можно использовать информационно-компьютерные технологии в будущей профессиональной деятельности.

Создание профессионально ориентированной информационной среды носит сквозной характер. Студенты, освоившие базовый курс информатики, имеют неплохую базу для дальнейшего успешного изучения и использования информационно-компьютерных технологий при изучении других дисциплин.

Так, после овладения студентами базового курса «Информатика» на отделении «Психологии» преподается учебный курс «Общий психологический практикум», разработан и преподается новый предмет «Математические методы обработки данных». Целью курса является: способствовать формированию практических умений и навыков проведения социально-психологических исследований и статистической обработки их результатов с помощью информационно-компьютерных технологий.

В результате изучения данного курса, используя электронные таблицы MS EXCEL и специальный пакет «Статистика», студенты приобрели следующие умения: организовывать данные психологических исследований в виде баз данных; кодировать некоторые признаки исследований; использовать возможности электронных таблиц при решении учебных задач профессиональной направленности; организовывать поиск, сортировку, фильтрацию данных; строить диаграммы и графики, отражающие результаты исследования; пользоваться статистическими функциями обработки результатов, такими как ДИСП (дисперсия по выборке), ЧАСТОТА (подсчет количества исходных значений в заданном интервале), СТЬЮДРАСП (t-распределение Стьюден-

та), КОРРЕЛ (коэффициент корреляции), ПИРСОН (коэффициент корреляции Пирсона) и т. д.

Формированию готовности студентов к использованию информационно-компьютерных технологий в будущей профессиональной деятельности способствовало проведение студентами сравнительного анализа Стюдента, кластерного анализа и корреляционного анализа Пирсона с помощью специального пакета «Статистика» при решении поставленных учебно-профессиональных задач.

Значительный вес в психологических исследованиях занимают различные математические методы статистического анализа и модельной структуризации данных. Ознакомившись с проблематикой психологических исследований в рамках курса «Математические методы в психологии» студенты при решении конкретных психологических задач по выявлению и исследованию закономерностей и зависимостей в различных психологических явлениях использовали математические методы исследования в числовых измерительных шкалах; ранговых корреляций – в порядковых шкалах; сопряженностей – в номинальных шкалах. Это способствовало формированию умения студентов использования нетрадиционных подходов в психологии в нестандартных ситуациях.

Математическая статистика находит широкое применение в социальной работе. Необходимые теоретические и практические навыки статистической обработки информации, основные методы сбора, обработки и систематизации информации об исследуемых объектах, студенты получили при изучении курса «Математическая статистика».

В рамках курса «Социальная диагностика» студенты направления подготовки «Социальная работа» выполняли самостоятельное исследование на заданную преподавателем тему, например, «Стереотипы восприятия пожилых людей в обществе», «Стереотипы восприятия ВИЧ-инфицированных», «Образовательные потребности педагогов» и т. д. Перед студентами ставилась задача по выявлению возможных проблем и разработке первоочередных мер. Полученные в результате анкетирования данные, студенты обрабатывали на компьютере: составляли описание, аналитическую справку, прогнозы, проводили контент-анализ (например, прессы по проблемам пожилых людей и т. п.).

В ходе эксперимента с целью формирования коллективных навыков работы в рамках курса «Социальная педагогика» преподаватель объединял студентов в небольшие группы и ставил перед ними задачу социального картографирования социума, например, по темам: «Технология работы в социуме», «Анализ подросткового пространства» и т. п. Поисково-исследовательская деятельность студентов требовала оформления результатов работы с использованием компьютерных технологий, что способствовало приобретению навыков работы с графическими пакетами. С помощью компьютерной графики, студенты составляли, например, графические работы.

Полученные умения и навыки студенты использовали, выполняя самостоятельную исследовательскую работу над курсовым или дипломным проектом на старших курсах. Такое исследование, максимально приближенное к профессиональной деятельности, предполагает обработку данных с использованием современных информационно-компьютерных технологий.

Таким образом, создание профессионально ориентированной информационной среды путем интеграции информационных и специальных дисциплин обеспечивает новые возможности и преподавателям и студентам, и служит естественным стимулом к применению информационно-компьютерных технологий, поскольку студенты поставлены перед необходимостью активного их использования в качестве методов, форм и средств воспитательно-образовательного процесса.

Создание профессионально ориентированной информационной среды предполагает изменения и в методах обучения. Так, например, вследствие неоднородности первоначальной компьютерной подготовки, возросла необходимость применения лично-ориентированного подхода в обучении. В основе этого метода лежит целенаправленно создаваемые условия развития личности, раздвижения границ познавательных возможностей при использовании информационно-компьютерных технологий.

Можно выделить два, тесно связанных и влияющих друг на друга элемента в процессе обучения: передача информации от преподавателя к студенту и усвоение студентом этой информации. Источник информации – от лекции до сети Интернет. Важно не только донести информацию до студента, но и помочь ему уяснить содержание учебного материала, создать условия для критического осмысления студентом основных положений, уяснить приемы и методы решения задач, постичь логику и методологию той деятельности, которая должна составить основу его профессиональной деятельности.

Реализация лично-ориентированного подхода в обучении была направлена на организацию поисково-исследовательской деятельности студентов, а не на передачу знаний в готовом виде. В этом случае преподаватель ставил перед студентами проблемную задачу, анализировал ее и подводил студентов к пониманию объекта познания, выявлению и пониманию студентами недостаточности ранее усвоенных знаний и навыков. Преподаватель показывал не способ действия, а поиск этого способа. Решая поставленную учебно-профессиональную задачу, студент в ходе исследования приобретал навыки самообразования, самооценки собственной деятельности. Преподаватель в этом случае становился помощником, консультантом, участником совместного поиска решения задачи. Основной формой организации поисковой деятельности студентов становился диалог, в ходе которого определялось содержание задачи и анализировались пути ее решения. Такой метод позволял студентам осмыслить свою деятельность, развивал способности пере-

страивать свои действия, свои мотивы и потребности. При этом важно, чтобы между студентами и преподавателями создавалась доверительная, благоприятная обстановка. Студент должен быть уверен, что преподаватель стремится помочь ему, а не наказать за вполне возможные упущения в выполнении заданий.

Формирование у студентов целостной системы профессиональных и информационно-компьютерных знаний достигается путем интеграции информационных и специальных дисциплин профессионального цикла. Дидактическим средствам формирования такой целостной системы знаний служат электронные учебно-методические комплексы, включающие в себя необходимую теоретическую информацию, систему практических заданий и систему обучающих и контролирующих тестов, учебное проектирование с использованием информационно-компьютерных технологий.

Информационно-программные продукты (электронные учебно-методические комплексы курсов, обучающие программы, системы тестирования и т. д.) способствовали формированию так называемых предметно-ориентированных информационных сред обучения. С учетом многообразия учебных дисциплин задача создания предметно-ориентированных информационных сред обучения является предметом специальной индустрии. В КемГУ в рамках программы информатизации создан Центр по совершенствованию воспитательно-образовательного процесса, целью деятельности которого является:

- подготовка преподавателей к использованию новых информационных технологий в учебном процессе;
- разработка электронных учебников и учебно-методических пособий, контролирующих программ;
- проведение семинаров для преподавателей по вопросам обмена опытом использования имеющихся обучающих и контролирующих программ в учебном процессе, методике преподавания с использованием информационно-компьютерных технологий.

В ходе экспериментальной работы при проведении занятий в компьютерном классе студенты использовали разработанное мультимедийное методическое пособие "Основы информатики" (Л. Н. Ермоленко, электронная версия С. С. Богомолловой), с которым студенты работали в режиме самообразования. Такой электронный учебник, выполненный в виде компьютерной информационно-справочной и контрольной базы знаний с применением гипертекстовой информационной технологии, явился рациональной формой овладения содержанием курса. Педагогическая эффективность оценивалась путем диагностики уровня знаний студентов с помощью тестовых измерителей.

Электронный учебник дополняет обычный учебник и является эффективным, когда он: обеспечивает практически мгновенную обратную связь (свойство интерактивности); помогает быстро найти

необходимую информацию, поиск которой в обычном учебнике затруднен (повышение производительности поиска); позволяет в темпе, наиболее подходящем для конкретного студента, проверить знания по определенному разделу (настройка на конкретного студента).

В целом электронный учебник существенно экономит время учащегося, затрачиваемое на рутинные операции по поиску учебного материала при повторении или по отысканию неизвестных или забытых понятий, и может рассматриваться как помощь студентам в их самостоятельной, сознательной, целенаправленной работе.

Таким образом, в зависимости от уровня подготовки студентов меняются и формы их деятельности. В воспитательно-образовательном процессе при формировании готовности студентов к использованию информационно-компьютерных технологий в будущей профессиональной деятельности на втором этапе, при изучении курса «Информатика» компьютер и его программное обеспечение выступают предметом учебной деятельности, в ходе которого приобретаются основные знания и навыки работы с компьютером. На третьем и четвертом этапах – в учебно-профессиональной и квазипрофессиональной деятельности студентов предмет превращается собственно в средство решения учебных и профессиональных задач. Этот переход предмета в средство и обуславливает развитие профессионального мышления в контексте информационно-компьютерных технологий.

Соотнося степень эффективности воспитательно-образовательного процесса с соблюдением основных принципов обучения, таких как научность, системность, доступность и сознательность, мы заметили, что использование информационно-компьютерных технологий на протяжении всего процесса обучения в вузе, интеграция информационных и специальных дисциплин наполняет основные дидактические принципы обучения новым содержанием и предполагает разработку специальных принципов.

Проанализировав рабочие программы информационных курсов в рамках нашего исследования, заметим, что в соответствии с принципом научности учебная информация по своему содержанию соответствует достижениям современной информатики на уровне, определяемом образовательным государственным стандартом. Реализация принципа системности в большей степени, по сравнению с традиционной системой, достигается в условиях интеграции информационных и специальных дисциплин. Резко возрастающий объем научной информации, и развитие информационно-компьютерных технологий остро ставят вопрос о возможностях студентов по ее запоминанию и превращению в лично значимые знания. Развитию системного мышления, умению отделять главное от второстепенного, самостоятельно добывать и анализировать знания из различных источников, в том числе и сети Интернет, способствует профессионально ориентированная информационная среда.

Учитывать способности и разный уровень стартовой подготовки студентов в области информационно-компьютерных технологий в соответствии с принципом доступности и посильности обучения, способствует реализация личностно ориентированного подхода в обучении, организация самостоятельной работы студентов, использование электронных учебно-методических комплексов. Поэтому ведущим методологическим принципом формирования готовности студентов к использованию информационно-компьютерных технологий в будущей профессиональной деятельности является сочетание базового (единого для всех) и вариативного компонентов в содержании обучения, введение курсов по выбору. Принцип сознательности, характеризующий обоснованное и самостоятельное мышление студентов, непосредственно зависит от их отношения к обучению. В конечном счете, мы не сможем решить никакие педагогические задачи без усилия и воли самих студентов. Если студент не воспринимает наши рекомендации с достаточным доверием, если он не превращает полученные сведения в свое собственное знание и убеждение, то едва ли он будет применять их в своей практике. Сквозное использование в воспитательно-образовательном процессе информационно-компьютерных технологий, и на этой основе формирование информационного способа будущей профессиональной деятельности студентов является стержнем мотивации их активной познавательной деятельности. Без должной мотивации даже самые доступные для использования ресурсы не могут стать органической частью воспитательно-образовательного процесса. В качестве основных побуждающих мотивов можно выделить: встроенность ресурсов информационно-компьютерных технологий в учебные курсы; ссылки на дополнительные электронные материалы в традиционной учебной документации; наличие заданий для лабораторных и практических занятий, непосредственно ориентированных на применение информационно-компьютерных технологий; использование моделирующих программ, работы в Интернет для организации самостоятельной поисково-исследовательской работы студентов; наличие электронных материалов и тестирующих программ для закрепления и самопроверки знаний.

Мы убеждены, что интеграция информационных и специальных дисциплин и создание профессионально ориентированной информационной сре-

ды, не только не противоречит основным принципам обучения, но и, скорее наоборот, усиливает их.

Проведенное исследование показало, что созданию профессионально ориентированной информационной среды уделяется достаточно большое внимание со стороны многих факультетов университета. Для этого преподавателями проведена большая работа по переоценке содержания и методике обучения во всех специальных дисциплинах. Такая работа формирует и информационную культуру преподавателя. Созданию профессионально ориентированной информационной среды способствовало появление на многих факультетах классов, оборудованных современной компьютерной техникой, методическая согласованность в деятельности коллективов различных кафедр в разработке новых курсов и интеграция специальных и информационных дисциплин, разработка и появление электронных учебников, специальных пакетов прикладных программ.

Литература

1. Боговловский, В. И. Научное сопровождение образовательного процесса в педагогическом университете: Методические характеристики / В. И. Боговловский: монография. – СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2002.
2. Воронин, А. С. Организационно-методическое сопровождение профессиональной подготовки студентов в системе «колледж-вуз» / А. С. Воронин: автореф. дис. ...канд. пед. наук. – Челябинск, 2003.
3. Еляков, А. Современное информационное общество / А. Еляков // Высшее образование в России. – 2001. – № 4. – С. 77 – 85.
4. Концепция информатизации сферы образования Российской Федерации // Проблемы информатизации высшей школы (специальный выпуск). Бюллетень 3-4 (13-14). – М., 1998.
5. Малахов, А. А. Методика информационного сопровождения научно-исследовательской деятельности в высшей школе / А. А. Малахов. – М., 2002.
6. Роберт, И. В. Распределенное изучение информационных и коммуникационных технологий в общеобразовательных предметах / И. В. Роберт // Информатика и образование. – 2001. – № 5. – С. 12 – 16.
7. Bing, J. L., Flannely S.E. Dick and Carey Systems Approach for Instructional Design Applied to Intel. / J. L. Bing. – Upple Saddle, 2001.

УДК 378.032:004

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ И ОЦЕНКА ЕЕ СФОРМИРОВАННОСТИ

К. М. Грабчук, Е. В. Филатова

PROFESSIONAL COMPETENCE AND EVALUATION OF THE LEVELS OF THE PROFESSIONAL COMPETENCE

K. M. Grabčuk, E. V. Filatova

В статье предложена диагностика сформированности профессиональной компетентности; раскрываются возможности количественной оценки качественных изменений личности. Характеризуются критерии, обос-

нованы оценки уровней сформированности профессиональной компетентности. Представлены результаты измерений качественных признаков на основе адекватной математической обработки данных.

In the article the diagnostics of the professional competence is given; the possibilities of the quantitative evaluation of the qualitative changes of a personality are revealed. Criteria are justified; the evaluation of the levels of the professional competence is reasoned. The results of measurements of qualitative signs on the basis of the adequate mathematical processing data are represented.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, диагностика сформированности профессиональной компетентности; критерии и показатели, оценка уровней сформированности профессиональной компетентности.

Keywords: professional competence, diagnostics of the professional competence, criteria and indicators; evaluation of the levels of the professional competence.

Проблема компетентности, как определенного результата образования, получила освещение в целом ряде исследований.

Целью образования в данном контексте является формирование компетентной личности, т. е. личности, способной решать разнообразные проблемы, используя имеющиеся у нее знания и умения. Содержание образования в этом подходе отбирается на основе выделения компетенций, которые необходимы каждому человеку.

В отличие от знаниево-ориентированного подхода внедрение компетентностного подхода в образовательную практику позволит подготовить гражданина способного к активной социальной адаптации, самостоятельному жизненному выбору, к началу трудовой деятельности и продолжению профессионального образования, к самообразованию и

самосовершенствованию, что соответствует общей цели современного образования.

Таким образом, компетентностный подход в образовании нацелен на рефлексивную оценку обучающимися своих возможностей и «невозможностей», осознания границ своей компетентности, приобретение разностороннего опыта деятельности, одновременное усвоение ими содержательного компонента образования и развития личности.

Введение в профессиональную педагогическую терминологию, помимо знаний, умений и навыков, новых образовательных конструктов - компетентностей, компетенций – выявило необходимость их изучения.

Мы предприняли попытку сравнить трактовки понятий «компетенция» и «компетентность» отечественными исследователями (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение понятий «компетенция» и «компетентность»

<i>Компетенция</i>	<i>Профессиональная компетентность</i>
Некоторые внутренние, потенциальные, скрытые психологические новообразования: знания, представления, программы (алгоритмы) действий, систем ценностей и отношений, которые затем выявляются в компетентностях человека (Зимняя И. А.)	Основанная на знаниях, интеллектуально и личностно-обусловленная социально-профессиональная жизнедеятельность человека (Зимняя И. А.)
Это отчужденное, наперед заданное социальное требование (норма) к образовательной подготовке учащегося, необходимой для эффективной продуктивной деятельности в определенной сфере (Хуторской А. В.)	Компетентность – совокупность личностных качеств учащегося (ценностно-смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков, способностей), обусловленных опытом его деятельности в определенной социально и личностно-значимой сфере (Хуторской А. В.)
Круг вопросов, в которых кто-нибудь хорошо осведомлен, круг полномочий, прав (Ожегов С. И.)	Это интегративное качество личности специалиста, включающее систему знаний, умений и навыков, обобщенных способов решения типовых задач (Зеер Э. Ф.)
Индивидуальная характеристика степени соответствия требованиям профессии (Маркова А. К.)	Интегральная характеристика, сочетание психических качеств, определенное психическое состояние, позволяющее действовать самостоятельно и ответственно; обладание человеком способностью и умением выполнять трудовые функции; совокупность способностей, качеств личности, необходимых для успешной профессиональной деятельности в той или иной сфере (Маркова А. К.)

Проведенный анализ представленных трактовок показал, что единой точки зрения к определению содержания понятий «компетенция» и «компетентность» не выработано. Компетенция рассматривает-

ся исследователями как заданное социальное требование (норма), совокупность конкретных (нормативных) профессиональных или функциональных характеристик, а понятие «компетентность» авторы

этимологически трактуют посредством таких слов, как осведомленность, готовность, качество. Большинство исследователей сходятся во мнении, что компетенция и компетентность являются результа-

том какой-либо деятельности, например, обучения; а совокупность личностных качеств обусловлена опытом.

Таблица 2

**Критерии и показатели
сформированности профессиональной компетентности**

<i>Критерии сформированности профессиональной компетентности</i>	<i>Показатели сформированности профессиональной компетентности</i>	<i>Методы изучения (оценивания)</i>
Когнитивный	Предметные знания в области теории, базовые знания в избранной сфере деятельности	Результаты опросов экспертов (работников учреждений системы социальной защиты населения)
Деятельностно-интегративный	Владение навыками и умениями	Анализ результатов деятельности, практических работ, экзаменов
Коммуникативно-мотивационный	Сформированность личностных качеств, ценностно-мотивационной сферы, коммуникабельности	Анкетирование, тестирование

На основе анализа мы сделали вывод, что формирование компетентности рассматривается как конечный результат образования; что компетентность как психическое новообразование возникает в ходе освоения деятельности, приобретается в процессе обучения; что знания, умения, навыки, свойства личности, личностные качества являются компонентами изучаемого нами явления. А в структуре каждой компетенции можно выделить несколько компонентов: содержательный или когнитивный (наличие системы знаний); технологический или операциональный (владение методами, технологиями); личностный (этические и социальные установки, творческий потенциал, ценностные ориентиры, черты личности). Профессиональная компетентность включает в себя совокупность профессиональных знаний, умений и навыков, профессионально-личностных качеств необходимых для решения задач профессиональной деятельности.

Важным вопросом изучения профессиональной компетентности является определение критериев и показателей ее сформированности. На основе сделанных обобщений, учитывая предложенные компоненты нами определены следующие критерии профессиональной компетентности: когнитивный, деятельностно-интегративный, мотивационно-коммуникативный (табл. 2).

1. Когнитивный критерий связан с наличием знаний, определенных ФГОСом.

2. Деятельностно-интегративный критерий заключается в овладении умениями и навыками, которые приобретаются в процессе освоения учебных дисциплин, и в способности применять полученные теоретические знания в практической деятельности.

Коммуникативно-мотивационный свидетельствует о сформированности личностных качеств, ценностно-мотивационной сферы, коммуникабельно-

сти. Ориентируясь на данные критерии и показатели можно рассматривать процесс формирования профессиональной компетентности в аспекте проектирования образования, разработки программы действий. Достижение результата образования – сформированной профессиональной компетентности – предполагает изменения в способах его освоения, а значит в организации образовательного процесса в целом, нацеленного на формирование компетентности личности.

С целью доказательства достоверности и корректности проведенного нами эксперимента мы оценили сформированность профессиональной компетентности будущего специалиста по социальной работе в начале и по окончании экспериментальной работы. В реализации экспериментальной работы принимали участие 198 выпускников, преподаватели социально-психологического факультета – 30 человек, 20 клиентов учреждений системы социальной защиты населения.

При разработке системы критериев и показателей, определяющих сформированность профессиональную компетентность будущего специалиста по социальной работе, вполне правомерна их количественная оценка. В психолого-педагогической литературе подтверждается точка зрения о возможности количественной оценки качественных изменений личности. Решение данного вопроса связано с единицей измерения качественных признаков и адекватной математической обработкой данных.

В нашем исследовании для оценки качественных признаков мы использовали трехуровневую шкалу, принятую в большинстве педагогических исследований: высокий (1), средний (2) и низкий (3) уровни сформированности профессиональной компетентности будущих специалистов по социальной работе.

В нашем исследовании для оценки качественных признаков мы использовали четырехбалльную шкалу, по которой был классифицирован каждый показатель выделенных компонентов критерия, при этом:

3 балла выставлялось, если оцениваемый показатель проявляется всегда (постоянно);

2 балла выставлялось, если показатель проявляется почти всегда;

1 балл - показатель проявляется иногда (редко);

0 баллов, если показатель отсутствует.

Разработанные нами критерии и показатели, их количественная оценка, использовались в ходе исследования для изучения профессиональной компетентности будущего специалиста по социальной работе, которую мы оценивали при помощи обобщенного показателя коэффициента сформированности профессиональной компетентности, позволяющего судить об относительном уровне сформированности профессиональной компетентности будущего специалиста по социальной работе.

Для измерения коэффициента сформированности профессиональной компетентности будущего специалиста нами были изучено мнение 198 выпускников. В ходе нашего исследования на каждого респондента мы получили оценки по всем показателям. Всего было получено 4158 характеристик.

Оценка по каждому показателю выставлялась самим выпускником и экспертами. В качестве экспертной оценки мы рассматривали мнения преподавателей и клиентов учреждений системы социальной защиты населения. Оценка преподавателей представляла собой среднюю оценку трех преподавателей, ведущих занятия в той группе, где находился оцениваемый выпускник. Результаты замеров уровней каждого показателя заносятся в бланки опросов.

С целью определения весомости каждой оценки мы рассмотрели частоты совпадения мнений самого выпускника и экспертов. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3

Частота совпадения мнений студента и экспертов

Всего показателей	Полное совпадение $v=c=k$		Частичное совпадение						Противоречивые	
			$v=n$		$v = k$		$v \neq (n=k)$			
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
4158	644	15,5	726	17,5	690	16,6	947	22,7	1151	27,7

Примечание: В – выпускники, П – преподаватели, К – клиенты учреждений системы социальной защиты населения.

Из таблицы видно, что 15,5 % показателей совпало полностью; в 17,5 % совпали мнения выпускников и преподавателей; в 16,6 % совпало мнение выпускников и клиентов учреждений системы социальной защиты населения; в 22,7 % совпали мнения преподавателей и клиентов учреждений системы социальной защиты населения, но не совпали с мнением самого выпускника, и в 27,7 % точки зрения выпускника и экспертов полностью разнятся.

Итак, из таблицы видно, что точка зрения преподавателей оказалась объективной в 51,3 %, а точка зрения клиентов учреждений системы социальной защиты населения – в 48,7 % (абсолютное число принимается за 100 %, т. е. от $726+690=1416$ чел).

После оценки степени выраженности всех показателей сформированности профессиональной компетентности будущего специалиста для определения относительного его уровня сформированности профессиональной компетентности достаточно было найти среднее арифметическое всех полученных оценок.

Таблица 4

Совпадение самооценки студентов и оценки экспертов

Совпадение самооценки выпускников и преподавателей		Совпадение самооценки выпускников и оценки клиентов учреждений системы социальной защиты населения	
Абс.	%	Абс.	%
726	51,3	690	48,7

Однако в связи с тем, что информативная ценность самооценки, оценки преподавателей и клиентов учреждений системы социальной защиты населения неодинакова, итоговая сумма баллов, выражающая коэффициент сформированности профессиональной компетентности выпускника, неизбежно будет нести в себе определенную ошибку. Поэтому, для обработки полученных результатов перед нами возникла необходимость ранжирования оценок экспертов и самого выпускника. Мы считаем, что наиболее значимой является самооценка выпускника, так как в формировании профессиональной компетентности специалиста по социальной работе он сам является активным участником этого процесса, успех которого во многом зависит не только от способностей, знаний, общего развития будущего специалиста по социальной работе, но и от его самооценки. Являясь регулятором поведения, самооценка оказывает значительное влияние на выпускника и дальнейшее развитие его личности.

Второй по приоритетности мы выбрали оценку преподавателей, так как именно они на протяжении всего срока обучения будущего специалиста по социальной работе в вузе, проводят промежуточные и итоговые контроли усвоения знаний и формирования на их основе профессиональных умений и навыков, то есть оценивают выпускника (что и подтвердили результаты нашего исследования: объективность оценки преподавателей – 51,3 %). И третьей по значимости мы определили оценку клиентов учреждений системы социальной защиты населения.

Вводя весовые коэффициенты для оценок,

$$\delta_1 = 1, \quad \delta_2 = 0,51, \quad \delta_3 = 0,49,$$

где δ_1 – весовой коэффициент самооценки выпускника,

δ_2 – весовой коэффициент оценки преподавателя,

δ_3 – весовой коэффициент оценки клиентов), для всех исследуемых выпускников по каждому показателю был получен коэффициент этого показателя по формуле:

$$\kappa_j = \frac{\sum_{i=1}^3 x_i \delta_i}{3}, j=1,2,\dots,21.$$

Затем, мы получили коэффициент профессиональной компетентности каждого выпускника, как среднearифметическое коэффициентов всех показателей по формуле:

$$\kappa_n = \frac{\sum_{j=1}^m k_j}{m},$$

где k_j – коэффициент j -го показателя,

m – количество оцениваемых показателей (в нашем случае $n = 1,2,3,\dots,198, m=21$).

Рассчитанные таким образом коэффициенты сформированности профессиональной компетентности могут принимать значения от 0 до 2. Всего было получено 198 коэффициентов сформированности профессиональной компетентности.

Полученную совокупность коэффициентов мы подвергли статистической обработке. В результате чего нами был получен обобщенный показатель – коэффициент профессиональной компетентности будущего специалиста по социальной работе $k=1,38$, как математическое ожидание выборочной совокупности коэффициента сформированности профессиональной компетентности. Далее, предположив, что совокупность коэффициентов сформированности профессиональной компетентности распределена по нормальному закону распределения, проверили верность выдвинутой гипотезы по критерию согласия Пирсона χ . Найдя $\chi_{расч}$, сравним полученное значение с табличным (критическим):

$\hat{\chi}_{расч} = 0,7, \hat{\chi}_{критич} = 11,3$. На уровне значимости $\alpha=0,01, \hat{\chi}_{расч} < \hat{\chi}_{критич}$.

Таким образом, на уровне значимости $\alpha = 0,01$ гипотеза о нормальном распределении коэффициентов сформированности профессиональной компетентности подтвердилась. Следовательно, мы получили возможность работать с выборочной совокупностью коэффициентов сформированности профессиональной компетентности, распределенной по нормальному закону.

После того, как мы определили обобщенный показатель изучаемого процесса – коэффициент сформированности профессиональной компетентности, возникла необходимость выявить численные значения этого показателя для разных уровней сформированности профессиональной компетентности будущего специалиста. Для этого мы нашли доверительный интервал для оценки среднего коэффициента сформированности профессиональной компетентности: $1,33 < k < 1,4$. Значения коэффициентов $k = 1,33$ и $k = 1,4$ рассматривались как граничные при делении выпускников на группы с низким, средним и высоким уровнем сформированности профессиональной компетентности. Выпускников с уровнем сформированности профессиональной компетентности $k < 1,33$ мы отнесли к группе с низким уровнем сформированности профессиональной компетентности, выпускников с $k > 1,4$ – к группе с высоким уровнем сформированности профессиональной компетентности, а выпускников, чьи коэффициенты попали в доверительный интервал, к группе со средним уровнем сформированности профессиональной компетентности.

Выпускники с высоким уровнем сформированности профессиональной компетентности составляют 60 % от общего числа исследуемых. Выпускники данной группы свободно владеют знаниями в области теории и технологии социальной работы, организационно-управленческих и экономических основ социальной работы, знаниями сфер, связанных с социальной работой (психологии и ее основных разделов, основ педагогической теории и социально-педагогической работы, основ социальной медицины, правового обеспечения социальной работы), знаниями проведения анализа и мониторинга, прогнозирования и проектирования состояния объектов социальной работы. Демонстрируют умения и навыки установливания контакта с клиентами и организации социальной помощи клиентам в учреждениях системы социальной защиты в процессе прохождения практики, выявления потребностей клиентов учреждения, владеют методами психолого-педагогической работы, проведения аналитической, прогнозно-экспертной и мониторинговой работы, проектирования в социальной работе. Систематически повышают уровень своих знаний, развивают творческие способности, коммуникативные компетенции. Отношения к профессиональным ценностям, проявление коммуникативных умений и навыков (способность к сотрудничеству) в этой группе у выпускников выше. Ведущими мотивами

выбора специальности «социальная работа» является «желание помочь людям», «стремление общаться с людьми». После окончания обучения они планируют устроиться на работу по выбранной специальности. Отличительной особенностью выпускников данной группы является высокая успеваемость, не только выполнение требований, предъявляемых к выпускнику согласно образовательному стандарту, но и активное участие в выполнении творческих работ и заданий, участие в студенческих олимпиадах различного уровня, например, Всероссийского, и получение призовых мест, конференциях, проведение научных исследований, разработка творческих проектов, публикация научных статей, успешное прохождение студенческой практики и работа в качестве волонтера или специалиста в учреждениях системы социальной защиты населения.

Выпускники со средним уровнем сформированности профессиональной компетентности составляют 30 %. Они владеют знаниями в области теории и технологии социальной работы, организационно-управленческих и экономических основ социальной работы, знаниями сфер, связанных с социальной работой (психологии и ее основных разделов, основ педагогической теории, основ социальной медицины, правового обеспечения социальной работы), но не всегда умеют ими пользоваться. Успешное прохождение практики, но выполнение заданий, применение умений и навыков осуществляется по установленному образцу, шаблону, отсутствует творческий подход к выполнению заданий. Средний уровень сформированности коммуникативных компетенций. Участие в олимпиадах, конференциях носит периодический характер, ограничивается уровнем вуза. Формирование профессиональных умений и навыков осуществляется только в процессе выполнения практических занятий и прохождения практики.

Выпускники с низким уровнем сформированности профессиональной компетентности составляют 10 %. У них отсутствует стремление к получению дополнительных знаний. Формальное выполнение всех требований, предложенных практических заданий. Применение полученных знаний в практической деятельности вызывает затруднения. Не принимают активного участия в научно-исследовательской деятельности. Показатели по результатам исследования профессиональных и коммуникативных умений низкие. Отсутствует желание работать в системе социальной защиты населения.

Знание возможных принимаемых значений коэффициентов сформированности профессиональной компетентности выпускников всех выделенных уровней позволило нам получить средние значения коэффициентов сформированности профессиональной компетентности $k_{до}$ – до начала эксперимента и $k_{после}$ – после эксперимента. Сравнительные данные представлены в таблице 5.

Таблица 5

Средние значения коэффициентов сформированности профессиональной компетентности выпускников

до и после эксперимента

Уровни сформированности профессиональной компетентности	Коэффициент сформированности профессиональной компетентности		
	до эксперимента $k_{до}$	после эксперимента $k_{после}$	изменения $k_{после} > k_{до}$
Низкий	1,19	1,28	7,6 %
Средний	1,35	1,4	3,7 %
Высокий	1,58	1,75	10,8 %

Нетрудно заметить, что среднее значение коэффициента сформированности профессиональной компетентности группы выпускников с низким уровнем сформированности профессиональной компетентности после проведения эксперимента стало выше, чем до эксперимента на 7,6 %. У группы выпускников со средним уровнем – на 3,7 %, у выпускников высокого уровня – на 10,8 %.

Полученные данные позволяют нам заключить, что в ходе экспериментальной работы произошли определенные изменения групп не только внешние (количественный состав выпускников), но и внутренние (изменения средних значений коэффициентов сформированности профессиональной компетентности).

Получив количественное изменение выпускников по группам с разным уровнем сформированности профессиональной компетентности, перед нами возникла задача: выяснить произошли ли существенные изменения внутри групп. Для этого необходимо было определить средние значения коэффициентов профессиональной компетентности ($k_{до}=1,38$ – до начала эксперимента и $k_{после}=1,48$ – после эксперимента), и сравнить, насколько значимо их отличие.

Для определения значимости отличия средних коэффициентов мы использовали критерий Стьюдента. Разность средних значений считается значимой, если $T_{эмп} > T_{кр}$ для доверительной вероятности $V = 0,95$. В нашем случае критическое значение критерия на уровне значимости $\alpha = 0,05$ равно $T_{кр} = 1,64$. Эмпирическое значение $T_{эмп}$ находим по формуле:

$$T_{эмп} = \frac{k_{после} - k_{до}}{\sqrt{\frac{D(k_{после})}{n} + \frac{D(k_{до})}{m}}},$$

где $D(k_{до})$ и $D(k_{после})$ – дисперсии коэффициентов профессионального самоопределения до и после эксперимента.

Получив $T_{эмп} = 2,75$, и, сравнив с $T_{кр}$, пришли к выводу, что $T_{эмп} > T_{кр}$. Следовательно, можно утверждать, что на уровне значимости $\alpha = 0,05$ (или с достоверностью 0,95%) средний коэффициент профессиональной компетентности будущих специалистов до эксперимента ($k_{до}$) значимо отличается от среднего коэффициента после эксперимента ($k_{после}$).

Показав наличие значимых различий средних значений коэффициентов профессиональной компетентности до и после эксперимента, мы тем самым доказали результативность нашей работы по формированию профессиональной компетентности будущих специалистов по социальной работе. Кроме того, значимые различия между сопоставляемыми средними значениями коэффициентов профессиональной компетентности выпускников до и после экспериментальной работы мы рассматриваем в качестве доказательства того, что результаты исследования являются не случайными, а закономерными.

Итак, данные диагностики подтвердили эффективность эксперимента по формированию профессиональной компетентности будущих специалистов по социальной работе в условиях вуза. Результатом его реализации является сформированность общекультурных и профессиональных компетенций, переход от обезличенных требований образовательного стандарта специалиста по социальной работе к основам профессиональной компетентности.

Литература

1. Болотов, В. А. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе / В. А. Болотов, В. В. Сериков // Педагогика. – 2003. – №10. – С. 8 – 14.
2. Варданян, Ю. В. Становление и развитие профессиональной компетентности педагога и психолога / Ю. В. Варданян. – М.: Наука, 1998. – 180 с.
3. Зеер, Э. Ф. Ключевые квалификации и компетентности в личностно-ориентированном профессиональном образовании / Э. Ф. Зеер // Образование и наука. – 2000. – № 3. – С. 90 – 120.
4. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И. А. Зимняя // Компетенции в образовании: сб. научных трудов / под ред. А. В. Хуторского. – М.: ИНЭК, 2007. – 327 с.
5. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5.
6. Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5. – С. 34 – 42.
7. Иванова, О. Е. Компетентностный подход в соотношении во знаниево-ориентированным и культурологическим / О. Е. Иванова // Компетенции в образовании: сб. научных трудов / под ред. А. В. Хуторского. – М.: ИНЭК, 2007. – 327 с.
8. Кязрст, М. Рассмотрение компетентности в психологической концепции совершенствования управления производственной ситуацией: сб. статей / М. Кязрст // Актуальные проблемы психологии труда: труды по психологии труда / отв. ред. М. Котик. – Тарту, 1986. – 160 с.
9. Маркова, А. К. Психологический анализ профессиональной компетентности учителя / А. К. Маркова // Советская педагогика. – 1990. – № 8 – С. 82 – 88.
10. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, И. Ю. Шведова – М., 1993.
11. Равен, Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация [пер. с англ.] / Дж. Равен. – М., 2002. – 396 с.
12. Симен-Северская, О. В. Особенности педагогической компетентности специалиста по социальной работе / О. В. Симен-Северская // Социальное образование России XXI века: традиции и вызовы времени, достижения и проблемы. – М., 2006. – С. 304 – 311.
13. Хуторский, А. В. Определение общепредметного содержания и ключевых компетенций как характеристика нового подхода к конструированию образовательных стандартов / А. В. Хуторский // Компетенции в образовании: сб. науч. трудов / под ред. А. В. Хуторского. – М.: ИНЭК, 2007. – 327 с.
14. Шмелева Н. Б. Профессиональная и социально-личностная компетентность и компетенции, их соотношение в подготовке социальных работников // Вестник УМО вузов России по образованию в области социальной работы. – 2008. – № 3. – С. 99 – 103.

УДК 37.02

СУЩНОСТЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ И ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Н. Э. Касаткина, Ю. А. Лях

THE POINT OF PEDAGOGICAL TECHNOLOGY AND PEDAGOGICAL PROJECTION

N. E. Kasatkina, Ju. A. Lyah

Авторами был проведен анализ понятия «Технология»; представлена педагогическая технология как последовательная, взаимосвязанная система действий педагога, направленных на решение педагогических задач, или как планомерное и последовательное воплощение на практике заранее спроектированного педагогического процесса.

The author analyzed the concept of “technology”; he offered pedagogical technology as a consecutive, interrelated system of a teacher’s activities, directed on solutions of pedagogical problems and as a regular and consecutive realization of the premeditated pedagogical process on practice.

Ключевые слова: технология, педагогическая технология, диагностическая цель, процесс обучения, педагогическая система, педагогическое проектирование.

Keywords: technology, pedagogical technology, diagnostic object, learning process, pedagogical system, pedagogical projection.

«Любая деятельность может быть либо технологией, либо искусством. Искусство основано на интуиции, технология – на науке. С искусства все начинается, технологией заканчивается, чтобы затем все началось сначала» [1, с. 5].

Одним из новых понятий для педагогики является понятие технологии, часто встречающееся в педагогической литературе (научной, публицистической, учебной). Разнородность содержания вкладываемого в это понятие различными авторами, говорит о том, что оно еще не достигло необходимой для правомерного использования степени сформированности.

Вместе с тем дальнейшее развитие педагогической науки показывает, что появление этого термина и направления исследований в педагогике не является случайностью. В частности, в Концепции Модернизации образования на период до 2010 года, главной задачей является обеспечение современного качества образования на основе сохранения его фундаментальности и соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства.

«Для достижения нового качества общего и профессионального образования необходимо обеспечить информацию образования и методов обучения, активное использование технологий открытого образования; углубление интеграционных и междисциплинарных программ, соединение их с высокими технологиями» [2, с. 3].

Понятие «технология» пришло к нам вместе с развитием компьютерной техники и внедрением новых компьютерных технологий. В науке появилось специальное направление – педагогическая технология. Это направление зародилось в 60-е годы прошлого века. США, Англии и в настоящее время распространилось практически во всех странах мира.

В настоящее время существует множество педагогических технологий, различающихся по целям, задачам, структуре, методике ускоренного обучения, групповое обучение, обучающие игры, дистанционное обучение и т. д. Многие из них используются не только в образовательном процессе, но и в других сферах. До разработки универсальной технологии обучения, опираясь на которую каждый педагог мог бы формировать отвечающую всем требованиям идеальную личность, еще очень далеко. Сегодня можно говорить только об элементах технологии обучения, использование которых делает обучающий процесс более эффективным. Об этом говорят и исследователи данной проблемы Беспалько В. П., Селевко Г. К., Сластенин В. А., Маврин С. А. и др.

Отличием педагогических технологий от любых других является то, что они способствуют более эффективному обучению за счет повышения интереса и мотивации к нему учащихся.

Причины многих педагогических неудач и прочетов коренятся в недостаточной общекультурной и теоретико-практической педагогической грамотности учителей, отсутствии у многих из них подлинного профессионализма. Поэтому целью нашей работы является определение современного понимания и использования категории «педагогическая технология» в учреждениях общего и профессионального образования.

Зарождение идеи технологизации педагогического процесса связано, прежде всего, с внедрением достижений научно-технического прогресса в различные области теоретической и практической деятельности. Нужно отметить, что у истоков технологизации в педагогике стоял А. С. Макаренко. В своей всемирно известной «Педагогической поэме» он писал, что «наше педагогическое производство никогда не строилось по технологической логике, а всегда по логике моральной проповеди» [3, с. 24]. Он считал, что именно поэтому у нас просто отсутствуют все важные отделы педагогического производства: технологический процесс, учет операций, конструкторская работа, применение конструкторов и приспособлений, нормирование, контроль, допуск и брак.

Сегодня в педагогической и психологической литературе часто встречается понятие «технология». Легко установить, что означает слово «технология», образованное от латинских слов «технос» – искусство, мастерство, ремесло и «логос» – наука. Технологией обычно называют процесс переработки исходного материала с целью получения продукта с заранее заданными свойствами. Под технологией надо понимать совокупность и последовательность методов и процессов преобразования исходных материалов, позволяющих получить продукцию с заданными параметрами.

В психолого-педагогической литературе можно встретить ряд отличающихся друг от друга взглядов на понятие «технология». Систематизация различных точек зрения позволяет выделить три основных подхода к определению технологии обучения. При первом подходе под технологией часто подразумевают частную методику по достижению отдельно поставленной цели. Использование понятия «технология» в этом смысле не дает педагогике чего-то нового, не конкретизирует процесс обучения. Происходит просто подмена одного понятия другим. Сторонники второго подхода под технологией подразумевают педагогическую систему в целом. Однако необходимо заметить, что важнейшими элементами педагогической системы, согласно трактовке В. П. Беспалько, являются учащиеся и преподаватели. Технология же является характеристикой того способа обучения, который заложен в педагогической системе и не может включать в себя учащихся и преподавателей в явном виде. Несмотря на несоответствие понятий «технология» и «педагогическая

система», данная трактовка технологии более близка к ее первоначальному смыслу, т. к. технология включает в себя не только методику, но и такой важнейший элемент педагогической системы, как система средств обучения. В русле третьего подхода технологию рассматривают не просто как методику или педагогическую систему, а как оптимальную для достижения заданной цели методику или систему, как некий алгоритм. Не случайно появился термин «современные технологии», подразумевающий наиболее эффективные и быстрые способы получения результатов на данном уровне развития общества. Технология – это не оптимальный и наиболее эффективный способ, а любой способ обучения, отвечающий требованиям технологичности процесса [5, с. 43].

Кроме представленных трех подходов, уже достаточно точно обозначившихся в педагогической литературе, понятие «технология» употребляется, по крайней мере, еще в трех смыслах:

1. Как синоним понятия «методика» или «форма организации обучения» [5, с. 24];

2. Как совокупность всех использованных в конкретных педагогической системе методов, средств и форм (технология В. В. Давыдова, традиционная технология обучения и т. п.) [5, с. 33];

3. Как совокупность и последовательность методов и процессов, позволяющих получить продукт с заданными свойствами [6, с. 10].

Термин «технология», по нашему мнению, лучше использовать в третьей трактовке, которая сохраняет первоначальный, пришедший из промышленного производства, смысл.

Впервые термин «технология» появился несколько столетий назад, в период становления промышленности. Другими словами, это период перехода от ремесленничества к машинному производству. Рассмотрение истории развития производства позволяет предположить, что развитие любой сферы деятельности человека происходит по цепочке: случайный опыт → ремесло → технология.

Под технологией обучения подразумевается определенный способ обучения, в котором основную нагрузку по реализации функции обучения выполняет средство обучения под управлением человека. Говоря по-другому, в технологии обучения ведущая роль должна отводиться средству обучения. При реализации технологии учитель не обучает учащихся, а выполняет функцию управления средствами обучения, а также функции стимулирования и координации деятельности учащихся. Итак, в технологиях обучения важнейшую и ведущую роль играет средство обучения.

Структура технологии обучения включает в себя следующие основные этапы:

– предварительная диагностика уровня усвоения учебного материала и отбор обучаемых в группы (классы) с однородным уровнем уже имеющихся знаний и опыта. Результаты широкого применения предварительного диагностирования в школах доказали необходимость включения этого элемента в практику. Предварительная диагностика и отбор

необходимы в большинстве случаев при начале изучения какого-либо курса, предмета;

– формирование мотивации и организация учебной деятельности учащихся. При введении технологии обучения это направление в работе учителя приобретает особенно важное значение. Взаимодействие учащегося со средством обучения не всегда может приносить радость и удовольствие. Поэтому основная задача учителя при внедрении технологии обучения – привлечь учащихся к занятиям познавательной деятельностью и поддержать этот интерес;

– реализация средств обучения. Этот этап и есть собственно процесс обучения, осуществляющийся через взаимодействие учащихся со средствами обучения. На этом этапе происходит усвоение учебного материала учеником при взаимодействии не с учителем, как при фронтальном или индивидуальном обучении, а со средством обучения;

– осуществление контроля качества усвоения материала. Технология уделяет значительное внимание процессу контроля. В технологии этапы организации деятельности и контроля равнозначны – это два взаимосвязанных и взаимодополняющих друг друга блока.

Необходимо заметить, что использование средств обучения возможно на любом этапе учебного процесса, однако технологией процесс обучения становится только в том случае, когда средство обучения используется на ключевом этапе – этапе учебной деятельности. Использование средств обучения на всех других этапах говорит только о той или иной степени полноты используемой технологии.

Процесс обучения, содержащий значительный элемент общения и взаимодействия людей мы считаем технологичным процессом. Это становится возможным, если средства обучения играют ведущую роль, а цель обучения ставится исходя из диагностики.

Взгляд на технологию как на процесс обучения, построенный на основе средств обучения, ставит ряд принципиальных ограничений на его использование в педагогике. Ввиду того, что технология предполагает предварительное определение диагностической цели, в первую очередь необходимо рассмотреть, возможна постановка диагностической цели в образовании. В соответствии с Законом Российской Федерации «Об образовании» (1992 г.) само образование представляет собой совокупность процессов обучения и воспитания. Для обучения можно определить диагностическую цель: в качестве таковой может выступать определенный объем учебного материала, способов действий, которые необходимы человеку в дальнейшем при подготовке к профессиональной деятельности. Таким образом, в обучении возможно построение и использование на практике технологий:

– во-первых, они повышают производительность труда учителя;

– во-вторых, контроль результативности обучения каждого учащегося и система обратной связи

позволяют обучать учащихся в соответствии с их индивидуальными возможностями и складом характера;

– в-третьих, перекладывание основной функции обучения на средства обучения освобождает время учителя, в результате он больше внимания может уделить вопросам индивидуального и личностного развития учащихся;

– в-четвертых, так как для любой технологии цель определяется очень точно (диагностично), то использование объективных методов контроля дает возможность снизить роль субъективного фактора при проведении контроля (предвзятость или предрасположенность учителя);

– в-пятых, создание технологии обучения позволяет снизить зависимость результата обучения от уровня квалификации учителя, что открывает возможности для выравнивания уровней освоения учебных дисциплин учащимся во всех образовательных учреждениях;

– в-шестых, технологизация создает предпосылки для решения проблемы преемственности образовательных программ школьного и профессионального образования [2, с. 54].

Ведущим звеном любой технологии является средство обучения, это позволяет сделать вывод, что технологии обучения формируются на этих же уровнях. В соответствии с классификацией средств обучения по трем уровням (учебное занятие, предмет, весь процесс обучения) технологии обучения также можно разделить на три уровня:

- технология занятия;
- технология предмета;
- технология процесса обучения.

Из занятий, проводимых в учебных заведениях, к технологичным в полной мере относятся:

– занятия или элементы занятий по контролю усвоения знаний с использованием различных технических средств контроля, позволяющих сразу оценить качество знаний;

– лабораторные и практические работы, проводимые учащимися самостоятельно с использованием разработок и др.

В системе профессионального образования, технология формирует у учащихся систему технологических знаний и умений, закладывающую основы для успешной профессиональной деятельности.

Чрезвычайно важно, что технология может стать вершиной образовательного процесса, если правильно понимать сущность образования и технологичность дисциплины. Она венчает образование не только в том смысле, что аккумулирует знания всех дисциплин, а теоретическое знание превращает в деятельность, в конкретное действие, которые воплощают в созданных предметах окружающего мира.

Таким образом, современный смысл терминов «педагогическая технология», «технология обучения» раскрывается при акценте на ведущее звено «технологии» – средство(а) обучения.

В настоящее время педагогическую технологию понимают как последовательную, взаимосвязанную систему действий педагога, направленных на решение педагогических задач, или планомерное и последовательное воплощение на практике заранее спроектированного педагогического процесса [2, с. 84].

Педагогическая технология – это строго научное проектирование и точное воспроизведение гарантирующих успех педагогических действий [2, с. 85]. Педагогическая технология может рассматриваться как совокупность внешних и внутренних действий, направленных на последовательное осуществление этих принципов в их объективной взаимосвязи, где всецело проявляется личность педагога. Любая педагогическая задача эффективно может быть разрешена только с помощью адекватной технологии, реализуемой квалифицированным педагогом-профессионалом [2, с. 86].

Представление о педагогической технологии предполагает:

– возможность разработки различных выверенных педагогических технологий специалистами, имеющими высокий уровень теоретической подготовки и богатый практический опыт;

– возможность свободного выбора педагогических технологий в соответствии с целями, возможностями и условиями взаимосвязанной деятельности учителя и учащихся.

Педагогические технологии могут быть представлены как технологии обучения и технологии воспитания. В. В. Пикан выделяет наиболее существенные признаки таких технологий:

– технология разрабатывается под конкретный педагогический замысел, в основе ее лежит определенная методологическая, философская позиция автора;

– технологическая цепочка педагогических действий, операций, коммуникаций выстраивается строго в соответствии с целевыми установками, имеющими форму конкретного ожидаемого результата;

– технология предусматривает взаимосвязанную деятельность учителя и учащихся на договорной основе с учетом принципов индивидуализации и дифференциации, оптимальной реализации человеческих и технических возможностей, диалогического общения;

– элементы педагогической технологии должны быть, с одной стороны, воспроизводимы любым учителем, а с другой – гарантировать достижение планируемых результатов (государственного стандарта) всеми школьниками;

– органической частью педагогической технологии являются диагностические процедуры, содержание, критерии, показатели и инструментарий измерения результатов деятельности [5, с. 66].

Соответственно этапам решения педагогической задачи вне зависимости от их содержания и временных рамок можно различать взаимосвязан-

ные общие и частные технологии. К общим относятся технологии конструирования, например, процесса обучения и его осуществления. Частные технологии решения таких задач обучения и воспитания, как педагогическое стимулирование деятельности учащихся, контроль и оценка ее результатов, и более конкретных – типа анализа учебной ситуации, организации начала урока и другие.

Педагогическое проектирование – это высший уровень педагогической деятельности, проявляющийся в творчестве учителя, в постоянном совершенствовании искусства обучения, воспитания и развития человека. Педагогическое творчество рассматривается как состояние педагогической деятельности, при котором происходит создание принципиально нового в содержании, организации учебно-воспитательного процесса, в решении научно-практических проблем.

Педагогическое проектирование – проявление постоянного разностороннего творчества. Оно предполагает наличие у педагога совокупности творческих способностей, качеств, исследовательских умений, среди которых важное место занимают инициативность и активность, глубокое внимание и наблюдательность, искусство нестандартно мыслить, богатое воображение и интуиция, исследовательский подход к анализу учебно-воспитательных ситуаций, решению педагогических задач, самостоятельность суждений и выводов.

Педагогическое проектирование с технологической точки зрения – это система, основными компонентами которой являются высокая общая культура, гуманистическая направленность, профессиональные знания и умения, творчество и педагогические способности, технологическая компетентность.

Технологическая подсистема:

- информационно-содержательная технология;
- педагогическая техника;
- набор различных методов и приемов педагогического воздействия и взаимодействия;
- умения проектирования и конструирования новых педагогических технологий;
- творчество (творческое воображение, интуиция, импровизация, сотворчество) и др.

Технологичность придает педагогическому проектированию другое качество, другую сущность – мастерство владения педагогическими технологиями, проектированием и организацией диалога, дифференциацией, интеграцией и другими, а не только методикой передачи информации. Владение педагогическими технологиями совершенствует педагогическое проектирование.

Уровень педагогического проектирования зависит от уровня технологической компетентности преподавателя и определяется на основе следующих основных критериев:

- целесообразности (по направленности);
- творчества (по содержанию деятельности);
- технологичности (по уровню педтехники);

– оптимальности (по выбору эффективных средств);

– продуктивности (по результату);

На этапе становления педагогического мастерства будущего преподавателя необходимо сформировать гуманистическую направленность и педагогическую культуру, приобрести необходимые знания и умения, развить способности и овладеть педагогическим проектированием.

Педагогическое проектирование – это совокупность знаний, практических умений и навыков, необходимых для организации творческой деятельности преподавателя.

Анализируя некоторые подходы ученых, позволяющие внести элемент творчества в привычные действия, мы исходили из того, что любая технология – это прежде всего система. Она включает в себя следующие основные компоненты: диагностирование, целеполагание, проектирование, конструирование, содержательный (информационный) компонент, организационно-деятельный и контрольно-управленческий. Так, например, В. И. Журавлев предполагает следующий алгоритм внедрения педагогической теории в практику:

- изучение задач, сформулированных в нормативных документах;
- анализ состояния практики и сопоставления данных с социальными требованиями;
- построение эталонов преобразования педагогической практики;
- поиск идей, рекомендации, которые могут быть внедрены;
- разработка комплексной программы, включающей закономерности этапа внедрения;
- подготовка дидактических, материальных, информационных, организационных средств;
- методическая, психологическая, организационная подготовка участников внедрения;
- установление связи с авторами рекомендаций [8, с. 18].

Таким образом, современный смысл терминов «педагогическая технология», «технология обучения» раскрывается при акценте на ведущее звено «технологии» – это средство(а) обучения, а также, что педагогическое проектирование с технологической точки зрения – это система, основными компонентами которой являются высокая общая культура, гуманистическая направленность, профессиональные знания и умения, творчество и педагогические, технологическая компетентность.

Владение педагогическими технологиями совершенствует педагогический процесс.

Литература

1. Беспалько, В. П. Слагаемые педагогической технологии / В. П. Беспалько. – М., 1989. – С. 5.
2. Дмитриев, В. А. Технология инновационного проектирования / В. А. Дмитриев, Л. С. Рюмина, С. А. Привалихин // Школьные технологии: науч.-

практ. журн. школ. технолога (завуча). – М., 2006. – № 1. – С. 84 – 87.

3. Ермоленко, В. Моделирование инновационной деятельности педагогов по совершенствованию содержания образования / В. Ермоленко // Учитель: проф. пед. журн. – М., 2006. – № 5. – С. 30 – 34.

4. Концепция Модернизации образования на период до 2010 года // Официальные документы в образовании. – 2002. – № 4. – С. 3 – 31.

5. Ксензова, Г. Ю. Инновационные технологии обучения и воспитания школьников : учеб. пособие / Г. Ю. Ксензова. – М.: Педагогическое общество России, 2005. – 128 с.

6. Слободчиков, В. И. Инновационное образование / В. И. Слободчиков // Школьные технологии: науч.-практ. журн. школ. технолога (завуча). – М., 2005. – № 2. – С. 4 – 11.

7. Турчин, А. С. Психолого-педагогические особенности научного сопровождения инноваций / А. С. Турчин // Начальная школа: науч.-метод. журн. – М., 2005. – № 11. – С. 35 – 37.

8. Журавлев, И. В. Методологические основания педагогической инноватики / А. В. Хуторской // Школьные технологии : науч.-практ. журн. школ. технолога (завуча). – М., 2005. – № 4. – С. 16 – 19.

УДК 378

ПОДГОТОВКА ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ К ОРГАНИЗАЦИИ КОМПЬЮТЕРНОГО ТЕСТИРОВАНИЯ СТУДЕНТОВ

Е. С. Мичурина, С. А. Дочкин

TEACHER TRAINING AND ARRANGEMENT OF COMPUTER TESTS AMONG STUDENTS

E. S. Michurina, S. A. Dochkin

В статье рассматривается проблема подготовки педагогических кадров к организации компьютерного тестирования студентов. Приведены результаты использования педагогическими работниками учреждений профессионального образования программных средств для выполнения задач профессиональной деятельности. Предложены варианты решения вопросов обеспечения целенаправленной подготовки педагогов к активному применению компьютерных технологий

The paper gives an overview of the problem of teacher training referring their readiness to arrange computer tests. It provides results when vocational teachers used different applications to reach goals of professional education. Several ways to provide target teacher training are offered in order to stimulate active application of IT.

Ключевые слова: компьютерное тестирование, программные продукты, профессиональное образование, повышение квалификации педагогов, электронные средства обучения

Keywords: computer tests, software products, vocational education, teachers' skills improvement, electronic instrumentation of training

В настоящее время одним из важнейших направлений реформирования отечественной системы профессионального образования (ПО) является совершенствование контроля и управления качеством образования. В образовательных учреждениях всех уровней, в том числе и в учреждениях высшего и среднего профессионального образования (ВПО и СПО соответственно), одновременно с существующей традиционной системой оценки и контроля результатов обучения складывается новая, по некоторым оценкам более эффективная, система контроля, основанная на использовании информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Данная тенденция обоснована и вызвана потребностью в получении независимой объективной информации об учебных достижениях и просчетах студентов вузов и ссузов, о результатах деятельности образовательных учреждений, а также необходимостью повышения оперативности, разнообразия и широты контроля.

Для каждого педагога подобная объективная информация служит не только основой для анализа результатов обучения, прогнозирования уровня достижений и соблюдения требований государственного стандарта, обоснованных выводов об эффектив-

ности использования тех или иных инновационных образовательных технологий, методов, дидактических приемов, организационных форм обучения, но и средством проектирования собственной педагогической деятельности с конкретным контингентом обучающихся. Однако, несмотря на свои достоинства, традиционная система обучения, имеющая богатый опыт в области контроля результатов обучения, носит преимущественно субъективный характер и в силу своих ограниченных и технологических особенностей не может обеспечить удовлетворения потребности в объективной информации об учебных достижениях обучающихся. В то же время необходимую информацию позволяет получить контроль на основе использования аппаратных и программных средств ИКТ, предусматривающий компьютерную обработку данных тестирования и представления результатов обработки.

Как показали исследования, в настоящее время компьютерное тестирование – это эффективное средство контроля знаний обучающихся, которое с одной стороны помогает разнообразить формы контроля знаний, сделав их более привлекательными для обучающихся, а с другой – более объективно оценивает знания обучающихся. Уже нет необходи-

мости доказывать возможность и необходимость интеграции элементов компьютерного тестирования в образовательный процесс учреждения профессионального образования любого уровня. И не случайно сложилось стойкое стремление постепенно переложить часть педагогической работы, например ежедневную проверку знаний, на средства ИКТ (в первую очередь – на персональный компьютер (ПК) с соответствующей программой). Действительно, в отличие от преподавателя ПК «не огорчается» при слабых знаниях испытуемых, а «спокойно» советует им изучить еще раз то, что надо знать. Такого рода совет компьютерного помощника может повторяться до тех пор, пока весь требуемый материал не будет освоен каждым обучающимся при заданном уровне качества знаний. К тому же компьютер умеет «приятно» общаться с обучающимися, независимо от уровня их подготовленности, методичен, работает быстро и объективен при выставлении оценок, «терпелив» и последователен в оценке.

Но для организации грамотного компьютерного тестирования, для проверки знаний, умений и навыков требуются продуманные, дидактически выверенные и педагогически обоснованные компьютерные тесты, интерактивные задания, рабочие листы, отвечающие потребностям контроля подготовленности конкретной группы обучающихся по конкретному предмету, дисциплине, учебному модулю или целостному курсу. В настоящее время в системе ПО широко распространены тесты по некоторым предметам и дисциплинам, в первую очередь общеобразовательного цикла, однако они охватывают слишком малую часть учебных предметов, не позволяют вносить коррективы, а главное – часто не учитывают специфику профессионального образования [1]. Данные недостатки ведут к тому, к снижению результативности компьютерного тестирования, зачастую дискредитируя саму идею.

Основной предпосылкой для исключения подобных проблем является наличие у преподавателей учреждений ВПО и СПО как желания для создания тестовых заданий, знаний и возможности для работы по организации «компьютерестинга», так и средств, в первую очередь программных, для того, чтобы без больших затрат времени и сил, без дополнительной длительной и специальной подготовки быть способным создать именно те продукты, которые будут востребованы на его занятиях, вызовут интерес обучающихся и позволят повысить качество обучения.

В то же время проведенные исследования среди педагогических работников вузов и ссузов области показали, что уровень владения компьютерными программами, позволяющими создавать тестовые задания, у педагогов учреждений высшего, начального и среднего профессионального образования не высок [2, 3]. Установлено, что почти 40 % педагогов обладают средним уровнем информационной культуры, 30 % – низким уровнем и только 30 % – начальным (не знакомы с основами информатики, не владеют методиками подбора и структурирования материала для практической работы, но при этом

могут выполнять механическую работу (включить компьютер, выбрать программу и работать с ней). Наиболее используемыми видами программных продуктов являются: текстовый процессор, который используют постоянно 70 % педагогов и 20 % – иногда; электронные таблицы – 50 % педагогов постоянно, 25 – 30 % – часто и только 10 – 20 % – не использует; программы для создания мультимедийных презентаций используют постоянно 40 % педагогов, иногда – около 30 % и 10 – 15 % – никогда не использует [2, 3]. Причем это усредненные данные, как правило, преподаватели вузов в вопросах компьютерной грамотности подготовлены лучше своих коллег из учреждений СПО и НПО, разница составляет 7 – 10 % для каждого показателя.

Почти 30 – 35 % педагогов часто используют графические редакторы, 50 % владеют программными продуктами для обеспечения связи и коммуникациями, но в то же время большинство педагогов, участвующих в анкетировании не используют программы статистической обработки данных (80 %), инструментальные программные средства (80 %). Из конкретных программных продуктов, постоянно используемых в практической деятельности, выделены в основном программы из комплекта MS Office: Word, Excel, PowerPoint, Access (70 – 80 %), 20 % педагогов отметили – Adobe Photoshop [3]. В целом, уровень знаний и умений во владении программными продуктами оценивается: достаточно высоко для основных офисных продуктов (текстовый процессор, электронные таблицы – 50 % – выше 8 баллов (из 10 возможных); средний уровень – для программ по разработке мультимедийных презентаций (50 % – не ниже 6 – 7 баллов, в среднем); низкий (ознакомительный) уровень – по владению программ статистической обработки данных и инструментальных программных средств (80 % педагогов).

Однако опыт разработки программных продуктов учебного назначения и электронных образовательных средств имеют только 20 % педагогов, из них 10–12 % – по созданию электронных учебников (электронных учебных пособий), 10 – 15 % – по созданию html-страниц и web-сайтов, 20 – 24 % – различных тестовых заданий для компьютерного тестирования. Соответственно большинство из участников анкетирования не смогли указать название конкретных, наиболее значимых, самостоятельно созданных программных продуктов учебного назначения. Причем, из представленных для выбора программных средств, которые можно использовать для создания программных средств учебного назначения 80 – 90 % педагогических работников выбрали текстовый процессор и электронные таблицы. При этом практически 100 % педагогов не знакомы со средствами для разработки компьютерных тестов и электронных учебников. Только 40 % педагогов знают и имеют опыт использования программы «Конструктор тестов» и ему подобных [3]. При этом в своем исследовании мы не охватывали педагогов специализированных факультетов, кафедр и учреждений, непосредственно готовящих специалистов в

области математики, информатики, информационных систем, программирования и др., нашей целью являлось определение готовности к компьютерному тестированию педагогов

Как результат, проведенный анализ позволил установить, что к настоящему времени 9 % образовательных учреждений ПО не имеют ни одного электронного издания учебного назначения (ЭИУН). К примеру, всего в воспитательно-образовательном процессе образовательных учреждений профессионального образования (НПО и СПО) Кемеровской области используется около 1130 электронных учебников, более 1200 обучающих программ, около 1100 тестовых программ. Причем, такое большое общее количество электронных учебников и тестовых программ объясняется, тем, что большинство учреждений разрабатывают данные электронные ресурсы собственными силами, без применения специального программного обеспечения. В результате чего получается не тест, разработанный в какой-либо оболочке, а новая оболочка с одним единственным тестом. В среднем же на одно учреждение ПО приходится около 12 электронных учебников, 10 обучающих программ, 10 – 11 тестовых программ. И всего в учебной деятельности учреждений НПО и СПО области, по состоянию на начало 2010 года используется 23 % электронных учебников, 30 % обучающих программ и 65,5 % тестовых программ собственной разработки. При этом 75 % образовательных учреждений ПО используют обучающие и тестовые программы (32,4 % и 12 соответственно) в ходе занятий по общеобразовательной подготовке, а в ходе профессиональной подготовки (занятий по специальным дисциплинам) тестовые программы – в 85 учреждениях (88 %) – до 20 % учебного времени. По данным некоторых учреждений ПО в учебном процессе используется несколько десятков или даже сотен тестовых программ, что свидетельствует о недостаточной методической проработанности данного вопроса, так как можно использовать одну или несколько программных оболочек для разных видов проверки.

В учреждениях высшего профессионального образования положение дел несколько лучше, однако системной работы по разработке и регистрации создаваемых продуктов нет даже в вузах. К примеру, в «Областном реестре информационных ресурсов, баз данных, научно-технической информации, информации учебного назначения и электронных средств обучения в учреждениях НПО, СПО, ВПО и ДПО» по состоянию на начало 2011 года зарегистрировано только 283 различных единиц хранения, разработанных для высшего профессионального образования области, причем только треть из них – электронные ресурсы. Для учреждений НПО и СПО данный показатель еще ниже – 101 и 60 единиц хранения соответственно. Проведенное сравнение позволяет сделать вывод, что педагоги учреждений профессионального образования не ведут активной работы по разработке и тиражированию информационных, научных и методических материалов (из-

даний), не представляют их широкой педагогической общественности, не используя опыт друг друга. В то же время анализ количества электронных изданий, представленных и зарегистрированных в ФГУП ЦИТ «Информрегистр» за последние 8 лет, показал, что и здесь количество электронных продуктов учебного назначения не велико. Причем проведенная выборка показала неравномерность в объемах электронных изданий прошедших регистрацию: Кемеровский государственный университет представил 258 программных продуктов (вместе с филиалами – 271), Кемеровской государственный сельскохозяйственный университет – 12, Кемеровский технологический институт пищевой промышленности – 4, Кузбасский государственный технический университет – 4, Кузбасская государственная педагогическая академия – 1 издание. В то же время ГОУ «Кузбасский региональный институт развития профессионального образования» – 22 только за три прошедших года.

Итак, нами был сделан вывод о том, что: педагогические работники учреждений ПО области обладают достаточным потенциалом для разработки и использования в воспитательно-образовательном процессе своих учреждений современных программных средств ИКТ, в том числе и для тестирования, но не проявляют активности в этой деятельности, чаще всего по причине отсутствия необходимых навыков в использовании инструментальных программных средств, позволяющих организовать такое тестирование, а также – самих программных продуктов [2, 3].

В целях устранения данных проблем на базе ГОУ «Кузбасский региональный институт развития профессионального образования» были организованы постоянные очные и дистанционные курсы по разработке электронных образовательных средств, в том числе и тестовых программ, в ходе которых педагогические работники изучили различные варианты разработки компьютерных тестов используя инструментальные программные средства имеющиеся в свободном доступе. На первом этапе педагогам было предложено изучить возможности типовых программных продуктов, которыми они достаточно хорошо владеют: MS Excel и PowerPoint. Программа курсов включала технологии разработки тестирующих программ с заданиями различного типа, используя типовые возможности и функции электронных таблиц MS Excel, программы для разработки презентаций MS PowerPoint (создание тестирующего модуля на основе презентации, создание тестирующего модуля в среде PowerPoint с использованием Visual Basic for Applications).

Так, к примеру, возможность создания тестирующих программ основывалась на большом перечне расчетных и логических функций MS Excel, которые в сочетании с функциями обработки текста и арифметическими функциями позволяют создавать простые, но интересные и разнообразные тестовые программы практически по любому предмету. Одним из главных достоинств данного продукта, на которую мы обратили внимание педагогов – дос-

тупность и простота освоения данного продукта для любого желающего, ведь обязательное изучение пакета программ MS Office, к которому и относится Excel, в рамках дисциплины «Информатика» обеспечивает достаточно большой охват как потенциальных создателей тестирующих программ из числа преподавателей, так и потенциальных пользователей – обучающихся из числа студентов.

К достоинствам рассматриваемого программного продукта мы отнеси и разнообразность создаваемых с его помощью тестовых заданий, в частности: задания с выбором одного правильного ответа из многих; задания с выбором нескольких правильных ответов из многих; задания с вводом правильного текстового ответа с клавиатуры; задания с вводом правильного цифрового ответа с клавиатуры; задание на установление определенного соответствия; задания на установление определенной последовательности. С помощью возможностей MS Excel можно создавать тесты как закрытого типа, так и открытого, что уже само по себе говорит о достаточно разностороннем подходе к тестированию, о возможности создавать простейшим инструментом вполне валидные и надежные тесты. А возможность использования в тестовых заданиях рисунков позволяет разнообразить и несколько «оживить» типовые листы с вопросами, что также не стоит забывать разработчикам тестов, если они желают получить интересный программный продукт, способный заинтересовать своих обучающихся.

На следующем этапе на курсах повышения квалификации педагоги познакомились уже со специализированными программными продуктами (оболочками), предназначенными специально для разработки тестирующих программ: «Контрольно-тестовая система (KTC) Net2.xx (3.xx)», «Майн-тест», «Конструктор тестов Адаптивной Среды Тестирования» (KT ACT), тестовая система «HotPotatoes 6.5» и др. В основе разработки тестирующих программ с использованием предложенных программных продуктов – деятельность преподавателя в специализированной программной среде, в ходе которой путем заполнения соответствующих полей и областей формируется банк вопросов и перечень ответов на них. После чего – организуется процесс тестирования обучающихся в локальном или в сетевом режиме [4].

Так, к примеру, KTC Net 2.2. – это программа Windows, которая позволяет создавать, редактировать и администрировать тесты различной направленности и сложности, практически не предъявляя особых требований к пользователю, за исключением наличия базовых навыков обращения в персональным компьютером и офисными приложениями. К особенностям рассматриваемой тестовой системы относятся: возможность создания тестовых заданий закрытого и открытого типа; отсутствие ограничения на число вопросов внутри теста и поддержка до 255 различных вариантов ответов; поддержка различных типов вопросов: с выбором одного из предложенных вариантов; с выбором нескольких вариантов из числа представленных; с расстановкой ва-

риантов в нужной последовательности; с вводом нужного ответа с клавиатуры; обеспечение индивидуальной настройки приоритетов для каждого вопроса и варианта ответа; возможность применения для каждого вопроса индивидуальных временных ограничений, а также глобальных ограничений по времени; индивидуальная настройка каждого тестового задания по отдельности или применение глобальных настроек ко всему тесту; обеспечение защиты файла с тестом паролем и сжатие информации внутри итогового файла теста для компактного хранения; возможность вставлять в вопрос и в варианты ответов рисунки, звуки, видео, формулы, OLE – графику; возможность создания «самоисполняемых» тестов; ведение статистики с поддержкой сортировки, экспортом в текстовые файлы и файлы электронных таблиц MS Excel; возможность проведения тестирования по сети (TCP/IP) [4].

Следующим этапом стало освоение педагогами комплексных систем, позволяющих создавать обучающую среду, включающую в себя и компьютерное тестирование, таких как системная платформа Moodle и система дистанционного обучения СДО «Прометей». Системная платформа Moodle уже широко используется в организации дистанционного обучения особенно в учреждениях ВПО в нашей стране и мире. Это комплексный программный продукт, на базе которого может быть сформирована единая информационная образовательная среда, позволяющая обеспечить набор сервисов сетевого обучения, доступ и управление программными инструментами, цифровыми ресурсами, техническими и пользовательскими приложениями, структурированными данными. Обладая достаточно широкими и универсальными возможностями данная платформа обеспечивает открытую инфраструктуру для развития информационной образовательной среды учреждения профессионального образования в целом, в том числе и организацию сетевого обучения и оценку знаний в удаленном доступе с локального рабочего места; легкость обучения работе с системой; безопасность ресурсов и данных встроенными средствами; поддержку индивидуальных траекторий обучения; высокую масштабируемость в зависимости от количества пользователей. Именно данные свойства и обеспечили выбор данной системы как рекомендуемой для изучения педагогами, не смотря на ее сложность в освоении, особенно для слабо подготовленного в области ИКТ педагогического работника. Система дистанционного обучения «Прометей» – также комплексное решение, которое при этом не требует длительной подготовки и осваивается за относительно короткий срок, при этом предоставляющие большие возможности и для педагогов (организаторов обучения и компьютерного тестирования) и для обучающихся студентов (пользователей данной системы).

Проведенная работа по специализированной подготовке педагогических работников по освоению современных программных продуктов позволило несколько изменить ситуацию с компьютерным тестированием в учреждениях ПО области,

придать ей более системный и планомерный характер. Целенаправленная подготовка педагогических кадров по использованию программных средств и применению их для организации компьютерного тестирования в учебном процессе, позволило использовать оборудование компьютерных классов в полном объеме и преподавателей выстроить необходимую траекторию обучения с учетом ИКТ. В то же время в учреждениях ПО (особенно – НПО и СПО) продолжает ощущаться нехватка специализированных программ-конструкторов, позволяющих создавать электронные учебники и тестовые программы, типовых учебно-методических комплексов в соответствии с госстандартами, а также педагогически обоснованных, методически выверенных технологий по их применению. Соответственно, необходимо повысить информированность педагогических работников о существующих информационных ресурсах; вести постоянную работу по созданию перспективных методик по созданию электронных ресурсов, использованию их в образовательном процессе; по разработке новых образовательных ресурсов, отвечающих потребностям педагогов, для чего организовать и проводить целенаправленную подготовку преподавателей учрежде-

ний профессионального образования всех уровней по этому направлению.

Литература

1. Дочкин, С. А. Информатизация дополнительного профессионального образования профессионально-педагогических кадров: организационно-педагогический аспект / С. А. Дочкин. – СПб.: Арден, 2010. – 226 с.
2. Компьютерные технологии в воспитательно-образовательном процессе учреждений НПО и СПО: достижения, проблемы, перспективы / сост.: С. А. Дочкин, А. Ю. Казаков; под ред. Т. С. Паниной. – Кемерово: ГОУ «КРИПО», 2006. – 52 с.
3. Информационно-коммуникационные технологии в воспитательно-образовательном процессе учреждений НПО и СПО: достижения, проблемы, перспективы: информационно-аналитическое издание / сост.: Н. В. Павельева, А. Ю. Ильиных, Н. В. Костюк; под ред. Т. С. Паниной. – Кемерово: ГОУ «КРИПО», 2009. – 112 с.
4. Дочкин, С. А. Компьютерные тесты: шаг за шагом [Текст]: учебное пособие / С. А. Дочкин, В. Е. Быцанова. – Кемерово: ГОУ «КРИПО», 2010. – 243 с.

УДК 37.047

ПРОФИЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ЧАСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ

Е. Л. Руднева, Ю. А. Лях

PROFILE EDUCATION AS A PART OF PROFESSIONAL ORIENTATION

E. L. Rudneva, Ju. A. Lyah

Авторами обозначена региональная направленность профильного обучения, которая определяет специфику региональных особенностей (этнографических, историко-культурных, социально-экономических и др.), реализуемых в рамках регионально-национального компонента учебного плана, а также указанные принципы профильного обучения, претендующие на реализацию развивающего подхода к профильному обучению.

The authors designate regional orientation of profile education, which defines the specific character of regional features (ethnographical, historical and cultural, socio-economic and etc.), realizing in the network of regional-national component of curriculum. They also point out the principals of profile education, pretending to realization of developmental approach to profile education.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, предпрофильная подготовка, портфолио, профильное обучение, региональная направленность.

Keywords: professional self-determination, preprofile training, portfolio, profile education, regional orientation.

В «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» подчеркивается, что «развивающемуся обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, которые могут самостоятельно принимать решения в ситуации выбора, способны к сотрудничеству, отличаются мобильностью, динамизмом, конструктивностью, готовы к межкультурному взаимодействию, обладают чувством ответственности за судьбу страны». Система образования должна готовить людей, умеющих не только жить в гражданском обществе и правовом государстве, но и создавать это об-

щество и это государство. Поэтому современные тенденции образования развиваются в рамках профильного обучения на старшей ступени общего образования.

Традиционная непрофильная подготовка старшеклассников в общеобразовательных учреждениях не позволяет выстроить эффективную систему, направленную на осознанный выбор будущей профессиональной деятельности. Большинство выпускников и их родителей отдают предпочтение тому, чтобы знать основы «главных» предметов, а углублен-

но изучать только те, которые выбираются, чтобы в них специализироваться.

Основная задача руководителей и педагогов – создать условия для открытия каждым учащимся себя, то есть своего потенциала и всех его сторон, организовать процесс, направленный на профессиональное самоопределение личности. Школа становится местом пробы сил учащихся, местом, в котором возможно осуществить выбор областей деятельности и её форм.

По данным Центра социально-профессионального самоопределения молодежи ИОСО РАО, две трети старшеклассников делают выбор своей профессиональной судьбы необоснованно. Факторы, оказывающие влияние на выбор профиля обучения, могут быть следующие: средства массовой информации, совет родителей, «за компанию» с товарищами, убежденность учащегося в наличии полных знаний о профессии и т. д.

Анализ психолого-педагогической литературы, изучение и анализ современной ситуации в школе позволил выявить причины, затрудняющие выбор профессиональных намерений учащихся. Одной из причин является недостаточное знание учащимися мира профессий. Диагностика знаний учащимися мира профессий показала, что ученик может назвать от 10 до 40 существующих профессий, в то время как перечень профессий составляет более 40 тысяч.

Вторая причина – это низкая культура психологических знаний учащихся, недостаточная осведомленность их (и их родителей) о своих способностях, индивидуально-психологических особенностях, склонностях. Психологическая служба, созданная в школе, не может компенсировать выявленный пробел в знаниях учащихся.

Отсутствие знаний о профессиональной пригодности – третья причина, затрудняющая выбор учащихся. Многие престижные профессии, которые сегодня выбирают школьники, предъявляют определенные требования к соискателям, о которых выпускники школы не знают. Знания о той или иной профессии ученик чаще всего получает из средств массовой информации (фильмы, публикации, книги), от товарищей и, в крайнем случае, от своих родителей. Получив в вузе, колледже, лицее и других образовательных учреждениях ту или иную специальность, бывший выпускник понимает, что это «не его» и работать в данной сфере он не будет.

Поэтому большая ответственность в правильном выборе профессиональных намерений учащимися лежит на образовательном учреждении.

Профессиональное самоопределение человека начинается далеко в его детстве, когда в детской игре ребенок примеряет на себя разные профессиональные роли, и проигрывает связанное с ним поведение.

В 13 – 15 лет наступает период развития профессионального самосознания, когда происходит формирование у школьников личностного смысла выбора профессии, умений соотносить общественные цели выбора сферы деятельности со своими идеалами, представлениями о ценностях с их реаль-

ными возможностями. Для этого учащиеся должны овладеть максимумом знаний, умений по научным основам выбора профессии, которые приобретаются в процессе изучения специальных курсов.

В 16 – 17 лет (10 – 11 классы) – происходит уточнение социально-профессионального статуса. У учащихся концентрируется внимание на формировании профессионально важных качеств в избранном виде труда, контроле и коррекции профессиональных планов, способах оценки результатов, достижений в избранной деятельности, самоподготовки к ней и саморазвития; целенаправленно осуществляется социально-профессиональная адаптация старшеклассников (формирование не только профессиональных знаний, умений, но и развитие норм, ценностей конкретного трудового коллектива).

Заканчивается профессиональное самоопределение в ранней юности, когда уже необходимо принять решение, которое повлияет на всю дальнейшую жизнь человека.

Профессиональное самоопределение – процесс формирования личностью своего отношения к предметно-трудовой среде и способ самореализации в ней, который зависит от:

- ценностных ориентаций и установок;
- уровня сформированности представлений о профессии;
- уровня развития самооценки;
- способностей, склонностей и интересов;
- уровня развития профессиональной мотивации;
- личностных особенностей;
- социальной среды, реальных жизненных условий (семейные отношения, здоровье, материальное обеспечение и др.).

Все вышесказанное определяет необходимость уделять особое внимание ситуации выбора школьниками профиля обучения на более ранних возрастных этапах. Цель образовательного учреждения – организация психолого-педагогической поддержки профессионального самоопределения учащихся, которая направлена на последовательную реализацию права подрастающего гражданина на сознательный выбор профессии.

Решение выявленных проблем возможно через реализацию в школе идей профильного обучения. Профильное обучение начинается с организации в школе предпрофильной подготовки, которая является подсистемой профильного образования старшей школы и выполняет подготовительную функцию. В образовательном учреждении необходимо создать образовательное пространство, способствующее самоопределению учащихся, через организацию курсов по выбору, информационную работу и профессиональную ориентацию.

В значительной мере развитию практико-ориентированной составляющей способствует включение в содержание обучения **профориентационного компонента**. Этот компонент мы понимаем не просто как знакомство с конкретной профессией или как поход с экскурсией, например, на завод. Мы считаем целесообразным разработать

специальную систему мер, позволяющую школьникам осознать и понять себя в плане не только избираемого профиля, но и во взаимосвязи с будущей профессиональной деятельности и карьеры.

В ходе учебного процесса мы считаем целесообразным обеспечить школьников различной информацией о достижениях науки, практики в различных областях профессионального труда. Не менее значимым является способствовать приобретению ими практического опыта не в абстрактно-познавательной деятельности, а максимально приближенной к реалиям рыночной экономики, культуре, социуму, профессиональному труду.

Этому способствуют такие формы и методы, как творческие мастерские, практики на рабочих местах, проектная деятельность и др. Целесообразно внести коррективы и в классно-урочную систему, где главную роль играет учитель, а школьники остаются пассивными слушателями всегда правого взрослого, который, как правило, использует репродуктивные методы обучения на уроке.

Существует позитивный опыт международной сети продуктивных школ, который подтверждает, что организация проектной практики подростков на реальных рабочих местах повышает их мотивацию, стимулирует развитие разнообразных интересов, задает новый смысл их учебе и самообразованию. Главной при таком подходе становится не сдача зачетов и экзаменов за прослушанные общеобразовательные или профильные курсы, а комплексная оценка выполненных продуктов. К сожалению, при итоговой аттестации выпускников основной школы в процессе профильного обучения акцент делается на академические достижения и портфолио, а не на уровне социальной зрелости учащихся, выраженный в готовности к самостоятельному выбору профиля обучения и продолжению обучения в старшей профильной школе и дальнейшей профессиональной карьере.

Следует предусмотреть специальные средства психолого-педагогической диагностики, позволяющих конкретизировать и обобщать весь комплекс факторов, влияющих как на готовность учащихся к выбору профиля обучения, так и дальнейшего жизненного, профессионального и социального становления.

Принципы профильного обучения, являющиеся основанием для реализации целей, его задач и содержания, согласуются с принципами личностно-ориентированного образования и в то же время имеют свою специфику.

Принципы профильного обучения, кроме обычных «общеучебных» характеристик, таких как развивающий, деятельностный характер образования, вариативность, индивидуализация, включают и такие, как **интеграция образовательного процесса с социумом, региональная направленность образования и др.**

Дифференциация профильного обучения нацелена на создание выбора возможностей для реализации индивидуальных образовательных программ, для удовлетворения интересов, склонностей и способностей учащихся с учетом их образовательных и

профессиональных запросов, соответствующих **потребностям рынка труда** в компетентных кадрах.

Развивающий, деятельностный характер профильного обучения усиливает в содержании образования практическую направленность и деятельностный компонент (основные виды и способы учебной деятельности, сопряженные с изучаемыми образовательными областями, определенными предметами, их разделами, темами).

Вариативность профильного обучения характеризуется многоуровневостью и вариативностью учебных планов, образовательных программ, содержания образования, использованием различных технологий, предоставления школьнику выбора свободно изучаемых дисциплин, смены видов деятельности, использования интегративного подхода в изучении обязательных предметов, активного включения творческого начала в учебный процесс.

Интеграция профильного обучения с социумом должна обеспечивать через учебные задачи на каждом этапе обучения различные виды деятельности, социальные практики, социальные роли и должна способствовать самоопределению старшеклассников, приобретению ими социальных компетенций.

Региональная направленность профильного обучения определяет специфику региональных особенностей (этнографических, историко-культурных, социально-экономических и др.), реализуемую в рамках регионально-национального компонента учебного плана с целью приобщения учащихся к национальным ценностям культуры и превращения образования в реальный механизм общественного и культурного развития различных регионов страны в целом.

Указанные принципы в значительной мере претендуют на реализацию развивающего подхода к профильному обучению. Как эту идею согласовать с содержанием, формами и методами профильного обучения и в целом с его сущностью.

Концепция профильного обучения ориентирует на непрерывную подготовку в системе школа – вуз, с учетом индивидуализации обучения и социализации обучающихся.

Таким образом, по целому спектру разнообразных причин у школьников будет расти интерес к профильному образованию, как к «предпрофессиональной» ступени.

Переход к профильному обучению возможен при наличии ряда педагогических, ресурсных и организационных условий, созданных в общеобразовательном учреждении.

Первая группа условий – педагогические:

- наличие опыта работы по программам углубленного изучения предмета;

- наличие опыта предоставления ученикам выбора (курсов, программ, заданий, форм оценивания, форм контроля);

- наличие у учащихся опыта построения своего образовательного маршрута; осознание личной значимости образования;

– знание учащимися своих познавательных возможностей и интересов, понимание смысла своего образования и его взаимосвязи с будущей профессиональной карьерой и личным жизненным успехом;

– наличие опыта диагностики познавательных интересов и возможностей учащихся, их склонности к тем или иным профессиям.

Вторая группа условий – ресурсные:

– обеспечение равного доступа к получению образовательных услуг (в том числе дополнительных, платных) для всех желающих учащихся;

– наличие высококвалифицированных педагогических кадров, имеющих опыт инновационной деятельности;

– учебно-методическое сопровождение (наличие учебно-методических комплексов по профильным предметам и элективным курсам, готовность учителя к их адаптации на профильный и базовый уровень);

– связь с учреждениями профессионального образования, с иными учреждениями образования, культуры, которые могут содействовать реализации профильного обучения;

– материально-техническое обеспечение программ профильного обучения (наличие библиотеки, современного оборудования предметных кабинетов, кабинета информационных технологий, обеспечивающего доступ к современным базам данных).

Третья группа условий – организационные:

– наличие опыта организации предпрофильной подготовки учащихся, в частности, через введение предпрофильных курсов по выбору (курсы должны носить краткосрочный характер, быть чередующимися, обеспечивающими возможность выбора учащимися);

– наличие внутришкольных механизмов комплектования 10-х профильных классов;

– наличие опыта введения накопительной оценки (портфолио учащегося), учитывающей разнообразные достижения учащегося, подтверждающей его учебные успехи и ориентацию на освоение того или иного профиля;

– наличие внутренних нормативных документов (приказов, распоряжений, положений, догово-

ров и т. п.) для организации предпрофильной подготовки и профильного обучения).

Поэтому, необходимо учитывать взаимосвязь и использование материальных и кадровых ресурсов учреждений дополнительного и профессионального образования, организаций и предприятий промышленной сферы, но совершенно не рассматривается учет потребностей регионального рынка труда, и его развитие на ближайшую перспективу.

Таким образом, профильное обучение при своей организации представляет собой динамический процесс, при котором содержание и технологии обучения варьируются в зависимости от образовательных потребностей его участников, ресурсного обеспечения и условий организации.

А потому, переход к профильному обучению мы рассматриваем, как новую попытку на основе имеющегося опыта преодолеть недостатки и отрицательные эффекты, накопившиеся в отечественном образовании.

Литература

1. Лапшина, Я. Ф. Службы контроля качества образования: системный подход / Я. Ф. Лапшина, В. В. Спасская // Стандарты и мониторинг в образовании. – 2001. – № 5.
2. Об утверждении концепции профильного обучения на старшей ступени общего образования: приказ Министерства образования РФ от 18.07.2002 № 2783.
3. Концепция профильного обучения на старшей ступени общего образования. Нормативно-методические материалы Минобразования России // Дидакт. – 2002. – № 5.
4. Об утверждении плана-графика мероприятий по подготовке и введению профильного обучения на старшей ступени общего образования и плана-графика повышения квалификации работников образования в условиях введения профильного обучения: Приказ от 26.06.03 №2757 // Вестник образования. – 2003. – № 15. – С. 6.
5. Основные направления опытно-экспериментальной работы по введению профильного обучения в 2004/2005 учебном году // Профильная школа. – 2004. – № 3. – С. 3 – 5.

УДК 378:796

ЗДОРОВЬЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ И АДАПТИВНАЯ ЦЕННОСТЬ

Т. Н. Семенкова, Э. М. Казин, Н. Э. Касаткина

STUDENT'S HEALTH AS SOCIAL AND ADAPTIVE VALUE

T. N. Semenkova, E. M. Kazin, N. E. Kasatkina

В статье анализируются различные подходы в зарубежной и отечественной литературе к пониманию «здоровья» и тех процессов, которые осуществляются в государстве для его сохранения и укрепления.

The article focuses on different approaches in foreign and domestic literature to understanding "health" and those processes that take place in the state for its preservation and strengthening.

Ключевые слова: здоровье, здоровый образ жизни, ценности, ценностные ориентации, здоровье как ценностная ориентация.

Keywords: health, healthy lifestyle, values, value orientation, health as a value orientation.

Здоровье человека является одной из немногочисленных безусловных ценностей, с помощью которой оплачиваются многие его личные или общественные приобретения.

Еще в XIX веке немецкий философ А. Шопенгауэр говорил: «Вообще 9/10 нашего счастья основано на здоровье. При нем все становится источником наслаждения».

Что же такое здоровье? Определений здоровья к настоящему времени существует достаточно много. Наиболее часто применяется определение, принятое Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), согласно которому здоровье – это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезни или физических дефектов.

Приведем еще несколько определений здоровья, позволяющих, на наш взгляд, расширить и уточнить представления о нем.

Н. М. Амосов вводит понятие «количество здоровья», которое может быть определено резервными возможностями организма, и считает, что здоровье – это максимальная производительность органов при сохранении качественных пределов их функций [1].

Здоровье следует понимать как равновесие между организмом и средой в самом широком смысле этого слова, а мера стресса, мера напряжения систем управления, возвращающих нас к равновесию со средой, есть одновременно и мера здоровья, считают Р. М. Баевский и С. Г. Гуров [2].

По мнению Г. Л. Апанасенко феномен жизни обеспечивается типовыми специализированными структурами, деятельность которых реализуется постоянной циркуляцией потоков пластических веществ, энергии и информации внутри системы, а также между ней и окружающей средой. На основании этого он дает следующее определение здоровью: «Здоровье – динамическое состояние человека, которое определяется резервами механизмов самоорганизации его системы (устойчивостью к воздействию патогенных факторов и способностью компенсировать патологический процесс), характеризуется энергетическим, пластическим и информационным (регуляторным) обеспечением процессов самоорганизации, а также служит основой проявления биологических (выживаемость – сохранение особи, репродукция – продолжение рода) и социальных функций» [3].

Понятие здоровья должно определять возможности выполнения основных функций человека, учитывая тот факт, что человек есть живая система, в основе которой лежат физическое и духовное, природное и социальное, наследственные и приобретенные начала.

В. А. Фролов выделяет *«здоровье населения»*, рассматривая его как статистическое понятие, характеризующееся комплексом демографических по-

казателей: рождаемостью, смертностью, уровнем развития, заболеваемостью, средней продолжительностью жизни, а также социально-биологическими показателями [4].

Ю. П. Лисицын рассматривает понятие *«общественного здоровья»* как здоровье групп (возрастно-половых, социальных, профессиональных и других) населения, проживающего на определенной территории, в различных странах, регионах. Общественное здоровье с точки зрения автора является результатом социально-опосредованных действий, проявляющихся через образ жизни человека, группы населения [5].

В. П. Казначеев раскрывает понятие *«здоровье популяции»*, под которым он понимает «процесс социально-исторического развития психосоциальной и биологической жизнедеятельности населения в ряду поколений, повышения трудоспособности и производительности общественного труда, совершенствования психофизиологических возможностей человека» [6].

С точки зрения характеристики индивидуально-го здоровья – это процесс *сохранения и развития физиологических, биологических и психических функций, оптимальной трудовой и социальной активности при максимальной продолжительности активной творческой жизни*.

Здоровье человека может быть определено как «оптимальное состояние его организма, обеспечивающее реализацию генетических программ безусловно-рефлекторной, инстинктивной, генеративной функции и умственной деятельности, реализующей фенотипическое поведение, направленное на социальную и культурную сферы» [7].

Другими словами, здоровье является конкретным качественно специфическим состоянием человека, которое характеризуется нормальным течением физиологических процессов, обеспечивающих его оптимальную жизнедеятельность.

Индивидуальное здоровье – категория также не только медико-биологическая, но и социальная и педагогическая. Однако ничто социальное не реализуется без участия биологического субстрата. Выполнение индивидом своих биологических, социальных и педагогических функций можно трактовать как проявление здоровья: чем выше способность реализовать эти функции, тем выше уровень здоровья индивида. В свою очередь на способность проявить свое здоровье оказывают мощное влияние психические (душевные) и духовные качества.

Научная деятельность П. Ф. Лесгафта – выдающегося представителя русской педагогики конца XX века – была тесно связана с его общественной работой, направленной на создание и осуществление идеи воспитания гармоничной личности. Опираясь на данные анатомии и физиологии, он ставит перед собой цель: глубоко и всесторонне разработать про-

блему физического воспитания, обращая внимание в равной степени на оздоровительные и образовательные задачи. Исходя из своего опыта, П. Ф. Лесгафт приходит к мысли о том, что *полное развитие всех природных задатков, способностей, формирование разумной, свободной человеческой личности возможно для каждого здорового человека, детство и юность которого проходят в нормальных человеческих условиях* [8].

В настоящее время принято выделять следующие разновидности индивидуального здоровья [9]:

1) соматическое – текущее состояние органов и систем органов человеческого организма;

2) физическое – уровень развития и функциональных возможностей органов и систем организма. Основа физического здоровья – это морфологические и функциональные резервы клеток, тканей, органов и систем органов, обеспечивающие приспособление организма к воздействию различных факторов;

3) психическое – состояние психической сферы человека. Основу психического здоровья составляет состояние общего душевного комфорта, обеспечивающее адекватную регуляцию поведения;

4) сексуальное – комплекс соматических, эмоциональных, интеллектуальных и социальных аспектов сексуального существования человека, позитивно обогащающих личность, повышающих коммуникативность человека и его способность к любви;

5) нравственное – комплекс характеристик мотивационной и потребностно-информационной основы жизнедеятельности человека. Основу нравственного компонента здоровья человека определяет система ценностей, установок и мотивов поведения индивида в социальной среде.

В обобщенном и несколько упрощенном виде критериями здоровья являются: для соматического и физического здоровья – я могу; для психического здоровья – я хочу; для нравственного здоровья – я должен.

В последние десятилетия в современной физиологии, психологии и педагогике центральной идеей является ценность любой человеческой личности во всей широте ее *физических, психических и духовных возможностей и ограничений*. В связи с этим актуальными становятся задачи более полного раскрытия потенциальных возможностей человека, что невозможно без обеспечения полноты его здоровья, как основополагающего фактора долгой и полноценной жизни, высокого творческого потенциала и работоспособности.

В основу определения индивидуального здоровья положена категория, которая оценивается по трем уровням: соматическому, социальному, личностному. *Соматический* – совершенство саморегуляции организма, гармония физиологических процессов, максимальная адаптация к окружающей среде. *Социальный* – мера трудоспособности, социальной активности, активное, деятельное отношение к миру. *Личностный* – стратегия жизни человека, сте-

пень господства индивида над обстоятельствами его жизни.

Учитывая, что здоровье человека – динамически изменяющееся естественное явление, обусловленное тремя основными факторами, исследователи изучают отдельные его аспекты: *биологические, физические, психические, психологические и социальные* [10; 11].

Биологический аспект понятия «здоровье» характерен для медицины, психофизиологии, генетики, которые изучают физическое здоровье личности или группы людей, выделенных по признаку пола, возраста, образа жизни, состояния болезни, определяют его как сумму критериев заболеваемости, смертности, инвалидности, физического развития.

Под физическим (соматическим) аспектом здоровья следует понимать такую совокупность статических (морфологических) и динамических (функциональных) физических свойств конкретного человека, которая позволяет ему в соответствии с его возрастом, полом и социальной ролью адаптироваться к окружающей действительности, выполнять свои биологические и социальные функции [12]. Очень часто [13], физическое здоровье человека ассоциируется со способностью человека к эффективной поведенческой активности, в качестве характеристик которой выступают координированность, скорость и сила, и в этом случае критериями здоровья человека являются спортивные достижения, производственные успехи, физическая работоспособность.

Более глубокие психолого-физиологические подходы опираются на специфику и широту адаптивных перестроек, норму адаптации базовых механизмов жизнеобеспечения, на механизмы обеспечения основного обмена и постоянства внутренней среды организма [14]; активного взаимодействия с окружающей средой с участием опорно-двигательной системы, висцеральных органов, вегетативной и центральной нервной системы.

Психический и психологический аспекты здоровья характерны для психиатрии, психологии, педагогики, сосредоточены на проблеме внутреннего богатства развития личности, личностном росте, на стремлении к самоактуализации и посвящены рассмотрению структуры личности, условий и факторов, формирующих её здоровье и неблагополучие.

Под психическим здоровьем понимается такая динамическая совокупность психических свойств человека, которая позволяет ему познавать окружающую действительность, адаптироваться к ней, формировать собственные модели поведения при выполнении биологических и социальных функций. Психическая компонента здоровья во многом сводится к осознанию человеком своей функциональной значимости в личности и социальной адаптации при реализации собственных или коллективных (семейных, политических и т. д.) потребностей, замыслов и целей.

Здоровье в психологическом аспекте – способность к целостному, интегрированному поведению, направленному на удовлетворение собственных по-

требностей (включая потребности и в поиске и саморазвитии), с конструктивным учетом индивидуальных психо-соматических особенностей организма и личности, закономерных требований социальной среды и не сопровождающемуся неразрешимыми внутренними противоречиями [15]. Для здоровой личности характерна устойчивая «Я-концепция» – позитивная, адекватная, стабильная самооценка, однако уровень субъективной неудовлетворенности человека может проявляться в негативных эмоциональных ощущениях, определяющих деформацию его текущего психического состояния и отсутствие здоровья [16].

Социальный аспект категории здоровья связан, прежде всего, с детерминацией, социальными условиями, обеспечивающими здоровье человека, отдельных групп и общества, а также с раскрытием понятий социального статуса, социального благополучия, социальной безопасности [17].

Социальное здоровье человека опирается на различные формы поведения личности, способствующие адекватному существованию человека в обществе людей в результате их взаимной согласованности при реализации сложных материальных, духовных, социальных задач [18].

С учетом вышеизложенного возможны следующие подходы к пониманию категории здоровья:

- здоровье как нормальное функционирование организма на всех уровнях его организации;
- здоровье как динамическое равновесие организма и его функций с окружающей средой;
- здоровье как способность к адаптации;
- здоровье как полное физическое, духовное, умственное и социальное благополучие, гармоническое развитие физических и духовных сил, позволяющее реализовать принцип единства организма, саморегуляции всех органов и систем организма, активно взаимодействовать личности с окружающей средой [20].

Несмотря на обилие определений, точек зрения на суть здоровья, до настоящего времени нет единства подходов его определения и оценки. Не вызывает, однако, ни у кого сомнения то обстоятельство, что здоровье должно отражать способность человека сохранять свой гомеостазис через совершенную адаптацию к меняющимся условиям среды, т. е. активно сопротивляться таким изменениям с целью сохранения и продления жизни.

Обобщая вышеизложенные точки зрения, следует подчеркнуть, что под «здоровьем» следует понимать такое состояние организма, которое дает человеку возможность в максимальной степени реализовать свою генетическую программу в условиях социокультурного бытия данного человека. С этих позиций, на наш взгляд, здоровье следует рассматривать как понятие динамическое, в трех позициях – **индивидуальном, возрастном и историческом**.

Возрастная – определяется тем, что для каждого этапа возрастного развития человека характерны свои специфические особенности биологической и социальной адаптации. Для каждого возрастного

этапа должны существовать свои критерии здоровья, свойственными этому возрасту его морфофункциональной организации и социальной роли.

В исторической позиции – развитие производства и производственных отношений, культуры, религии ведет к тому, что меняется во времени сама обстановка, место человека и его роль в социуме. В связи с ростом качества жизни, комфортности человека для поддержания своей жизни все меньше использует свои функциональные резервы и все больше достижения своего разума, что от поколения к поколению приводит к снижению функционального резерва и резерва адаптации человека.

В течение многих лет наше общество интересовало не личность, а усредненный человек, с которым легко работать, которым легко управлять. Но, за усредненным человеком теряется индивидуальность, ее специфические потребности, которые удовлетворяются патологическим путем, отсюда – наркомания, курение, алкоголизм и др.

Анализируя современную литературу, посвященную общим определениям здоровья, К. С. Хруцкий обращает внимание на то, что большинство подходов к исследованию категории здоровья опираются на дихотомию парадигм: **адаптационную и креативную** [21].

Первая рассматривает здоровье человека, как состояние, формирующееся в процессе приспособления к условиям среды. Г. Л. Апанасенко и Л. А. Попова (2000) отмечают, что сохранение и укрепление здоровья индивида определяется расширением его возможностей приспособливаться к изменяющимся факторам среды, совершенствованием механизмов адаптации. Соответственно здоровье выражается в способности человека решать определенные задачи (функционировать) при условии сохранения базовых констант своего организма в реальных условиях адаптационных возможностей организма. Адаптация предполагает развитие функциональных возможностей (тренировку) отдельных систем организма и может проявляться на клеточном, органном, системном, организменном, поведенческом уровнях организации живого. Принципиально важно отметить, что в любой адаптационной реакции, кроме выраженного приспособительного эффекта относительно конкретного стрессирующего фактора, присутствует неспецифический компонент, определяющий расширение общих приспособительных возможностей организма: энергетических, пластических, поведенческих, что в свою очередь расширяет общеоздоровительные эффекты при противостоянии различным нагрузкам [3].

Вторая – креативная парадигма рассматривает здоровье человека как процесс свободного выбора естественных ценностей и целей благополучного существования человека, предопределяющих его успешное настоящее и будущее бытие и развитие.

Таким образом, с одной стороны, здоровье может определяться через возможность организма обеспечивать базовые функции жизнеобеспечения и доминирующие потребности [22], а с другой – здоровье может рассматриваться в качестве оптималь-

ной предпосылки (условия) для выполнения человеком намеченных жизненных целей и задач [16].

В настоящее время развиваемый подход к оценке и обеспечению здоровья человека базируется на нескольких основных принципах.

В качестве первого принципа здоровья человека мы выделяем *комплексность или системность*. Он ориентирован на поиск такого оптимального набора признаков и раскрытия достаточной глубины механизмов функционирования организма человека, которые позволяли бы на практике целостно решать задачи формирования, сохранения и укрепления здоровья, как психофизиологической интегральной целостности.

Мировоззрение личности как наиболее полное отождествление целостности человека проявляется в виде соответствующих психических феноменов и обладает возможностью активного «строительства» индивидуального здоровья. В современных научных школах всё более единодушно принимаются целостные, холистические концепции здоровья. И, хотя история этих взглядов насчитывает тысячелетия и восходит к философским учениям Древнего Китая и Индии, только сегодня приходит понимание бессмысленности рассуждений о полноценном физическом здоровье человека без решения психических и мировоззренческих проблем.

Вторым принципом здоровья является *принцип функциональности*: здоровье и состояние отдельных систем организма осуществляется в результате эффективности выполнения актуальных системообразующих (системоспецифических) функций.

В основе здоровья, рассматриваемого с междисциплинарной точки зрения, лежит представление об *индивидуальных динамических резервах систем организма*, обеспечивающих устойчивость физического, биологического, психологического, социально-культурного развития личности с учетом особенностей взаимодействия факторов внешней и внутренней среды. При этом необходимо принимать во внимание всю совокупность индивидуального своеобразия человека, типологии его монофункциональной конституции, особенностей личностных, нейродинамических и психовегетативных свойств.

Генетически детерминированные конституциональные факторы во многом определяют специфические свойства морфотипа, особенности функционирования организма, адаптации, обмена веществ, гормонального статуса, предрасположенности к возможным заболеваниям [23]. *Морфотипы* отличаются пропорциями тела, разной тенденцией к накоплению жировой массы при несбалансированном питании и неадекватных энергозатратах. Люди с избыточной массой тела входят в группу риска, так как они предрасположены к развитию сахарного диабета и сердечно-сосудистых заболеваний [23]. *Функционально-метаболическая конституция* во многом определяет уровень двигательной активности, характер протекания острого заболевания, склонность к рецидивам и развитие хронической формы болезни [3].

Третьим принципом здоровья человека является *способность к приспособительным реакциям*, за счет которых поддерживается стабильность гомеостаза. В зависимости от степени этой стабильности человек по-разному реализует свои биологические и социальные функции в определенном диапазоне на протяжении всей жизни и каждый конкретный период времени [24].

Способность к адаптации – одно из свойств и условий развития здорового человека. Как универсальное фундаментальное свойство живых организмов адаптация является тем «китом», который вместе с саморегуляцией поддерживает постоянство внутренней среды, увеличивает мощность гомеостатических систем, осуществляет связь с внешней средой. Именно адаптивность и саморегуляция позволяют удерживать существенные параметры организма в физиологических пределах, обеспечивают стабильность систем [6].

Формирование приспособительных возможностей организма на основе совокупности биологических и социальных факторов характеризует все уровни жизнедеятельности человека.

Выраженность, форма реакции, набор вовлеченных в нее механизмов и, что самое главное, динамика оценки целей адаптационного процесса отражают взаимодействие двух глобальных механизмов – *физиологических*, обеспечивающих постоянство внутренней среды, и *психологических* (психофизиологических), которые направлены на минимизацию физиологических реакций при действии стрессового фактора и на обеспечение возможности трудовой и социальной активности. Это взаимодействие и тот вклад в общую картину адаптации, который вносят физиологический и психологический компоненты, определяется соотношением двух целей адаптации: сохранения гомеостаза и выполнения задач деятельности [25].

Различают два вида адаптивных изменений: *срочные и долговременные*.

Срочная адаптация характеризуется непрерывно протекающими приспособительными изменениями, которые не закрепляются, а исчезают после устранения воздействия. Характер и интенсивность срочной адаптации (реакции) точно соответствует характеру и силе внешнего раздражителя, которые не превышают физиологических возможностей организма.

Долговременная адаптация отличается такими изменениями, которые возникают в ответ на длительные повторяющиеся внешние или внутренние воздействия.

Адаптивные защитно-приспособительные реакции разделяются на *специфические и неспецифические*. *Специфические* обеспечивают устойчивость и сопротивляемость организма только против данного раздражителя (адаптация к данным физическим нагрузкам в тренировке и невосприимчивость организма к определенным видам возбудителей инфекционных заболеваний в виде иммунитета).

Неспецифические адаптивные реакции способствуют повышению устойчивости и общей сопро-

тивляемости к любым возмущающим факторам внешней среды (пример – стресс у животных). У человека неспецифический механизм адаптации получил заметное развитие через целенаправленную волевую тренировку, обеспечивающую рост резервных возможностей организма.

Переводя определение адаптации на язык термодинамики можно сказать, что это есть реакция, в результате которой повышается свободная энергия организма и его негэнтропийные возможности или формируется более высокая степень неравновесности.

Г. Селье обнаружил, что на действие разнообразных раздражений организм реагирует во всех случаях некой *общей стандартной (неспецифической) реакцией адаптации. Стресс, обозначенный еще как общий адаптационный синдром (ОАС)*, был оценен как гомеостатическая реакция на уровне целостного организма, направленная на сохранение постоянства внутренней среды [26].

Трехфазовое течение реакции, по Г. Селье, характеризующееся преобладанием, в конечном счете, катаболических процессов над анаболическими представляет собой *реакцию патологического стресса*. В связи с развитием истощения организм не приобретает, а, напротив, теряет энергетические ресурсы по сравнению с исходным состоянием, в результате чего возникает так называемое третье состояние, близкое к хроническому заболеванию или хроническому предрасположению к повторному заболеванию – организм еще больше истощается и третье состояние еще более усугубляется [26].

В отличие от патологических раздражителей (стрессоров), которые могут привести к истощению адаптивных резервов и гибели организма, реакция на *физиологические стрессовые раздражения*, хотя и требует напряжения и обязательных энергетических затрат, но формирует в конечном итоге реакцию адаптации, сопровождающуюся морфофизиологическими преобразованиями организма, в результате которых повышаются структурно-энергетические (рабочие возможности) и его общая неспецифическая резистентность [27].

Во все возрастные периоды лишь те виды раздражений вызывают реакции типа физиологического стресса, которые возникают по эндогенным поводам (потребность) и тем самым позволяют организму осуществлять разнообразные контракты с внешней для него средой.

Такая адаптивная реакция характеризуется трехфазностью течения: первая фаза – *анаболическая*, организм при этом как бы мобилизует дополнительные энергетические резервы, прежде чем перейти к ответу во второй фазе; вторая фаза – *катаболическая* – характеризуется переходом на новый, более высокий уровень энергетических затрат, во время которой уже по ходу деятельности начинается индукция постепенного избыточного накопления энергетических резервов, которое особенно выражено в третью фазу – *избыточно-анаболическую*.

Сама адаптация может сопровождаться в зависимости от вида и характеристик раздражителя раз-

личной степенью стимуляции функциональных систем от явлений активизации до истощения [14].

Современные исследования позволяют считать содержанием долговременной адаптации триаду, единство трех явлений и процессов – стресса (или общего адаптационного синдрома), памяти и доминанты [28].

Процесс адаптации развивается по четырем стадиям:

1) гиперфункция функциональных систем организма, сдвиг гомеостаза и появление стресс-синдрома;

2) формирование системного структурного следа за счет активации синтеза нуклеиновых кислот и белков в клетках системы, ответственной за данное направление адаптации;

3) завершение долговременной адаптации, когда в новых условиях взаимоотношений систем организма и новых уровней их функционирования стресс-синдром исчезает и можно говорить о достаточно совершенном приспособлении организма к новым условиям и факторам среды;

4) износ и истощение функциональных систем. Эта стадия развивается лишь при чрезмерном напряжении механизмов регуляции процесса адаптации [29].

У новорожденного нет жестких механизмов регуляции приспособительных реакций, благодаря чему диапазон адаптации оказывается достаточно широким, что позволяет ему выживать в довольно больших границах изменений условий жизнедеятельности.

Приспособительные возможности организма определяются суммой того, что получено по наследству, и того, что добавлено к этому нашим образом жизни. Учитывая, что расходование адаптационной энергии может совершаться с различной скоростью, можно предположить определенную связь между нормальной старостью и преждевременным старением, особенно при чрезвычайных стрессорных (реакциях) ситуациях, вызванных чрезмерными раздражителями. Вместе с тем, исследования последних лет показали, что умеренные стрессорные воздействия благоприятны для организма – они постепенно повышают его устойчивость [27].

Природа человека и его психофизиологические свойства, формировавшиеся в течение многих веков, не могут изменяться с такой же быстротой и такими же темпами, как технологические условия производства, техника, природа и социальные отношения. Несовпадение между этими процессами ведет к возникновению сложных и противоречивых взаимоотношений между биологической природой человека и окружающей его средой.

В настоящее время значительное внимание уделяется вопросам *социальной адаптации*, необходимости приспособления потребностей организма к производственным и бытовым условиям, и незаслуженно меньше – *роли индивидуальных приспособительных возможностей человека* в повышении своей жизнеспособности, биологической надежности организма.

Психоэмоциональная напряженность на фоне снижения двигательной активности и нерационального питания в сочетании с вредными привычками усилили дисбаланс во взаимоотношениях человека с природой.

Отсутствует физиологически обоснованная гигиена и система физического воспитания в зависимости от специфических возрастных особенностей человека в целом, и тем более для каждого индивида в отдельности в зависимости от степени его физиологической зрелости или незрелости.

Урбанизация, рост темпа жизни, интенсификация психической деятельности в результате «информационного взрыва», увеличение эмоциональных нагрузок, монотонность, социальная изоляция, неумение регулировать напряжение и расслабление организма поднимают вопрос о восстановлении связей человека с природой. Загрязнение окружающей среды (воздух, вода, пища) требует от организма постоянных усилий по приспособлению к повреждающим воздействиям. Социально-бытовая обстановка, особенно в нашей стране, создает длительный, постоянный психоэмоциональный стресс у подавляющего большинства людей. Все это отражается на состоянии здоровья населения: ведет к росту заболеваемости, к снижению приспособляемости человека к окружающим условиям и, в конечном итоге, к снижению выживаемости человека как биологического вида.

Без ясных теоретических представлений о роли социальных и биологических факторов в механизме формирования и сохранения здоровья в жизни конкретного человека невозможно говорить о практическом использовании учения о здоровье.

Основная цель заключается в том, чтобы, исходя из развития научных представлений в сфере биологии, психологии и медицины по таким фундаментальным вопросам как «адаптация», «онтогенез» и «конституция», выявить особенности формирования приспособительных реакций и возможностей человека в различных социально-экологических условиях с учетом возрастных и индивидуально-типологических особенностей организма.

Основой современных представлений о здоровье является учение об адаптации, критических периодах индивидуального развития, теории гомеостаза, теории функциональных систем, представления кибернетики о системах управления в биологических и социальных объектах..

Четверть века назад А. П. Авцын [30] предложил термин «цена адаптации», который по существу отражает результат взаимодействия организма с окружающей средой с точки зрения теории адаптации. Если «цена адаптации» слишком высока и превышает функциональные резервы организма, то возникает дезадаптация, или срыв адаптации, или, по представлениям традиционной медицины, возникает болезнь.

Очевидно, что любая адаптация, даже устойчивая, имеет для организма свою «цену», которая мо-

жет проявляться при чрезмерных значениях возмущающего фактора:

- в прямом изнашивании функциональных систем, на которые в процессе адаптации падает наибольшая нагрузка;

- в явлениях отрицательной перекрестной адаптации, выражающихся в нарушениях в других функциональных системах, непосредственно не связанных с данной нагрузкой (снижение иммунных свойств организма у спортсменов, особенно специализирующихся в видах спорта, связанных с выносливостью).

По нашему мнению, само понятие адаптации следует считать центральным в проблеме здоровья. Не случайна, поэтому, и та связь, которую многие авторы видят между этими двумя понятиями, в связи с чем переход здоровья к болезни можно рассматривать как *процесс постепенного снижения способности организма приспосабливаться к изменениям социальной и производственной среды, окружающих условий, что ведет в итоге к снижению общественных, социальных и трудовых функций.*

На действие разнообразных факторов различной силы и длительности в организме развиваются несколько типов неспецифических адаптационных реакций: *тренировки* – на слабые воздействия; *активации*, в том числе повышенной, на воздействия средней интенсивности; *стресс-реакция* по Г. Селье – на сильные раздражители.

Стресс-реакции (перенапряженность или срыв адаптации, возникающие на сильные и чрезвычайные воздействия неблагоприятных факторов) вызывают патологические изменения, выходящие за пределы физиологической нормы.

Четвертым принципом здоровья является понимание того, что жизнь представлена не двумя терминальными состояниями – дихотомией: болен – здоров, а неким *континуумом состояний, пограничных между здоровьем и нездоровьем* [2]. Континуум переходных состояний в современной отечественной литературе сворачивается в понятие «третье», «донозологическое», «преморбидное» состояние, состояние предболезни [22]. Исследование специфики этих состояний, характеризующихся снижением функциональных резервов (адаптационных возможностей) является одним из принципиальных в современных здоровьесберегающих подходах, отличающихся от традиционных.

Отчетливая связь между «третьим» состоянием и снижением компенсаторных возможностей организма, выявляемая на функциональном и биохимическом уровнях, оказывает влияние на формирование психофизиологического статуса, предрасполагающего к систематическому употреблению алкоголя, курению, антигигиеническому образу жизни, внося существенные негативные коррективы в жизненные и профессиональные ценностные ориентации личности.

Приоритетным разделом программы охраны здоровья людей является научное обоснование

предлагаемых индикаторов здоровья, которые должны быть использованы при стратификации здоровья человека и могут явиться эффективным инструментом оценки «факторов риска» и регулирования мер охраны здоровья с учетом знаний фундаментальных законов приспособления человека к условиям обитания.

Социально-значимыми, количественно измеряемыми (индикаторными) критериями, отражающими состояние здоровья населения и отдельных его групп, являются *медико-демографические показатели* (рождаемость, смертность, младенческая смертность, недожитие, репродуктивное здоровье, здоровье потомства и др.), заболеваемость (общая, с временной утратой работоспособности, распространенность хронических заболеваний по всем классам болезней, индекс здоровья, стойкая потеря трудоспособности (инвалидность), обращаемость за скорой медицинской помощью).

Общепринятыми критериями здоровья человека являются показатели функционального состояния основных систем организма: психической сферы, нервной, эндокринной, сердечно-сосудистой, иммунной, костно-мышечной систем, кожи, органов дыхания, пищеварения, мочеполовой системы.

Для оценки здоровья обследуемых используют клинический и биохимический анализы крови, мочи, показатели биомониторинга, результаты медицинских осмотров, медико-статистические данные и т. д. Отрабатываются генетические критерии повышенной чувствительности или резистентности организма к неблагоприятным факторам различной природы.

Г. Л. Апанасенко [22] предложил оценку «количества здоровья» по прямым показателям, энергопотенциалу биосистемы организма человека. В качестве альтернативного подхода, раскрывающего понятие «здоровье» с точки зрения уровня функциональной адаптации организма, используется метод оценки адаптационного потенциала [22].

Набор методов изучения всех составляющих здоровья людей и причин его нарушения необходимо, с одной стороны, унифицировать с целью проведения сравнительной оценки при стратификации различных когорт населения; а с другой стороны, следует постоянно дополнять его новыми чувствительными методами с целью максимального совершенствования выявления возможных отклонений здоровья в исследуемых коллективах, а также разработки мероприятий по его сохранению [31].

В основу определения состояния здоровья населения должны быть положены преимущественно неинвазивные методы диагностики, включая чувствительные автоматизированные, анкетирование и другие методики определения, как интегральных показателей состояния здоровья, так и специфических критериев его потери при действии конкретных факторов, а потому необходимо разработать единую информационно-аналитическую систему базы данных Регистра здоровья населения, фильтра-

ции, систематизации, обработки информации с использованием современных математико-статистических методов, формирование справочных материалов с целью оценки риска и обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия исследуемых контингентов населения с учетом совокупности внешних факторов, социальных и бытовых условий, предрасположенности к различным заболеваниям.

Ранжирование по классам состояния здоровья позволяет оперативно оценивать структуру его изменения в наблюдаемых группах и *может применяться для принятия управленческих решений, в том числе, разработки мероприятий по созданию окружающей среды и улучшению состояния здоровья различных возрастных контингентов населения.*

Особое внимание важно обратить на то, что здоровье человека отражает одну из наиболее чувствительных сторон жизни общества и тесно переплетается с фундаментальным правом на физическое, духовное, социальное благополучие при максимальной продолжительности его активной жизни. ***Здоровье – это комплексное и вместе с тем целостное, многомерное динамическое состояние, развивающееся в процессе реализации генетического потенциала в условиях конкретной социальной и экологической среды и позволяющее человеку в различной степени осуществлять его биологические и социальные функции*** [6].

Здоровье человека является одним из интегральных показателей, который определяется комплексом социальных, психолого-педагогических и медико-биологических характеристик и включает целостную систему различных воздействий, таких как окружающая среда, образ жизни, биологические факторы и организация медицинской помощи.

Если учесть, что здоровье населения на 50 % определяется образом жизни, на 20 % – экологией, на 20 % – наследственностью (которая, в свою очередь, зависит от образа жизни и экологии) и только на 10 % медициной и другими факторами (данные ВОЗ), то можно понять, что основное внимание в политике государства и общества должны занимать те ключевые факторы, которые могут привести к сохранению, формированию и укреплению здоровья.

Право на жизнь, на охрану здоровья и медицинскую помощь предусмотрено новой Конституцией Российской Федерации. К сожалению, в нашей стране это право остается, по существу, нереализованным. Даже во времена существования СССР, когда официально декларировалась бесплатная, квалифицированная помощь, она по сути дела была разделена на привилегированную и общую с огромной разницей в уровнях материального обеспечения и в лечебно-диагностических условиях. Еще трагичнее стало положение нашего здравоохранения в условиях перехода к рыночной экономике. Государство не располагает средствами для полноценного содержания больничной сети, развития медицинской науки.

Формируется новая элитарная медицина, которая не по карману большинству населения России.

Социально-экономические аспекты оценок свидетельствуют о недостаточной заботе со стороны государства о здоровье населения. Прямым доказательством этого являются низкие цифры расходов на здравоохранение, физическую культуру, рост платы за содержание детей в детских учреждениях, снижение качества питания, дороговизна лекарств, медицинской помощи, ограничение возможностей больниц в оказании помощи новорожденным, хроническим больным, хирургическим пациентам.

Если не принять экстренных мер, не признать здоровье человека приоритетным направлением деятельности государства, то может сложиться положение, что все остальные актуальные аспекты жизни нашего общества вскоре не будут никого волновать в силу физической деградации нации.

Разрабатываемые до настоящего времени концепции под условным названием «Здоровье населения России», как правило, отражают узковедомственный медико-гигиенический подход, поскольку основной акцент делается на лечении болезней и в некоторой степени на обеспечении санитарных норм.

Становится очевидным, что усилиями только медиков, ориентированными лишь на лечение, не удастся справиться с обвалом патологий, обрушившимися на нынешнее поколение – необходимы другие принципиально новые подходы (при сохранении всего лучшего, что накоплено в стране в области предупреждения и лечения заболеваний). Повидимому, это новое должно проистекать из необходимости приобщить самого человека к заботе о собственном здоровье, сделать его заинтересованным и активно борющимся за него.

Как справедливо указывал [5] «в формировании здоровья населения важное место принадлежит поведенческим факторам: режиму труда и отдыха, взаимоотношениям в семье и на производстве и т. д., а также условиям жизни и образу жизни. Функциональной же структурой понятия «образ жизни» являются такие аспекты как трудовая, социальная, интеллектуальная (психологическая установка, характер умственной деятельности), физическая и медицинская активность». Нетрудно видеть, что автор в проблеме здоровья прежде всего выделяет социальные и личностные посылки и лишь в последнюю очередь – медицинские.

Другими словами, здоровье человека является одним из интегральных показателей преобразований, происходящих в обществе, и определяется комплексом социально-психологических, медико-генетических характеристик: *физического здоровья, психофизиологического уровня жизни. Формирование здорового образа жизни, рост благосостояния, развитие «индустрии» здоровья способствуют росту здоровья нации.*

Решение вопросов здоровья на государственном уровне требует учета целого ряда проблем, к которым относятся:

1) *правовые*: разработка законодательных и нормативных подзаконных актов, подтверждающих право граждан России на здоровье и реализующих механизмы его реализации через все государственные, хозяйственные социальные институты от федерального до муниципального предприятий, учреждений и самих граждан;

2) *социально-экономические*, обуславливающие виды, формы участия и ответственность различных звеньев социально-экономических структур в формировании, сохранении и укреплении здоровья своих членов финансирование такой работы и обеспечение нормативных условий для профессиональной деятельности;

3) *воспитательно-образовательные*, обеспечивающие формирование жизненного приоритета здоровья, воспитание мотивации на здоровый образ жизни и обучение методам, средствам и способам достижения здоровья, умению вести пропагандистскую работу по здоровью и здоровому образу жизни;

4) *семейные*, связанные с созданием условий для здорового образа жизни в семье и ориентацией каждого из ее членов на здоровье, на формирование в семье здорового образа жизни;

5) *медицинские*, направленные на диагностику состояния здоровья, разработку рекомендаций по здоровому образу жизни, эффективную первичную, вторичную, третичную профилактику;

6) *культурологические*, связанные с формированием культуры здоровья, организацией досуга населения, популяризацией вопросов здоровья и здорового образа жизни, этнических, общинных, национальных, религиозных идей, традиций, обрядов обеспечения здоровья и т. д.;

7) *юридические*, обеспечивающие социальную безопасность, защищенность личности от преступления и угроз, преступлений, грозящих жизни и здоровью граждан;

8) *экологические*, обуславливающие адекватное для здорового образа жизни состояние окружающей среды и рациональное природопользование;

9) *личностные*, ориентирующие каждого конкретного человека на формирование, сохранение и укрепление своего здоровья и устанавливающие ответственность личности за свое здоровье.

Таким образом, необходимость формирования духовного, нравственного, психического и физического здоровья является тем звеном, где переплетаются интересы системы образования, семьи, государства и общества в целом. Совершенно необоснованно разрывать обучающую, оздоровительную, воспитательную и развивающую сферы деятельности в образовательных учреждениях различного типа, вида, различной ведомственной принадлежности, поскольку *только при сочетании медико-биологических и психолого-педагогических подходов*

возможно не только осуществлять профилактику заболеваний, включая обязательное просвещение населения, но и формировать устойчивую мотивацию на потребность в здоровье, имея в виду не чисто телесное (соматическое) здоровье, а в целом его психосоматические аспекты, включая духовное и нравственное здоровье личности, его адаптивно-ресурсные возможности.

Литература

1. Агаджанян, Н. А. Человек и биосфера / Н. А. Агаджанян. – М.: Знание, 1987. – 98 с.
2. Баевский, Р. М. Измерьте ваше здоровье / Р. М. Баевский, С. Г. Гуров. – М.: Советская Россия. – 1988. – с. 49.
3. Апанасенко, Г. Л. Медицинская валеология / Г. Л. Апанасенко, Л. А. Попова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 248 с.
4. Фролов, В. А. Краткая медицинская энциклопедия. Библиотека природы: 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – Т. 3. – 608 с.
5. Лисицын, Ю. П. Здоровье человека – социальная ценность / Ю. П. Лисицын, А. В. Сахно. – М.: Мысль, 1989. – С. 107 – 113.
6. Казначеев, В. П. Адаптация и конституция человека. Валеология. Словарь терминов: уч. пособие / Г. А. Кураев, В. Б. Войнов. – Ростов-на-Дону: ООО ЦВВР, 2000. – 176 с.
7. Кураев, Г. А. Валеологическая система сохранения здоровья населения России / Г. А. Кураев, С. К. Сергеев, Ю. В. Шленов // Валеология. – 1996. – № 1. – С. 7–14.
8. Лесгафт, П. Ф. Семейное воспитание ребенка и его значение / П. Ф. Лесгафт. – М.: Педагогика, 1991. – 176 с.
9. Петленко, В. П. Этюды валеологии: здоровье как человеческая ценность / В. П. Петленко, Д. Н. Давиденко. – СПб.: Балтийской педагогической академии, 1998. – 120 с.
10. Никифоров, Г. С. Психология здоровья / Г. С. Никифоров. – СПб.: Речь, 2002. – 256 с.
11. Сергиенко, Е. А. Фундаментальные исследования по психологии развития в Институте психологии РАН и их значение для здоровья и образования детей / Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина // Психологический журнал. – 2007. – Т. 28. – № 4. – С. 35 – 44.
12. Кураев, Г. А. Валеология. Словарь терминов: уч. пособие / Г. А. Кураев, В. Б. Войнов. – Ростов-на-Дону: ООО ЦВВР, 2000. – 176 с.
13. Бондин, В. И. Педагогические основы физкультурно-оздоровительных систем / В. И. Бондин: дис. ... д-ра пед. наук. – М.: Школа, 1994. – С. 101 – 102.
14. Гаркави, Л. Х. Адаптационные реакции и резистентность организма / Л. И. Гаркави, Е. Б. Квакина, Н. А. Уколова. – 3-е изд., доп. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 1990. – 224 с.
15. Панкратова, Н. В. Здоровье социальная ценность / Н. В. Панкратова, В. Ф. Попов, Ю. В. Шиленко. – М., 1989. – 236 с.
16. Ананьев, И. Н. Психология здоровья: пути становления новой отрасли человекознания / И. Н. Ананьев; под ред. Г. С. Никифорова // Психология здоровья. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2000. – 504 с.
17. Щедрин, А. Г. Онтогенез и теория здоровья. Методологические аспекты / А. Г. Щедрин. – Новосибирск: Изд-во СО РАМН, 2003. – 164 с.
18. Сандомирский, М. Е. Измененные состояния сознания и физиологическая возрастная регрессия / М. Е. Сандомирский, Л. С. Белгородский // Психотерапия: от теории к практике: мат-лы II Всерос. учебно-практич. конф. по психотерапии, 16 – 21 июня 1997 г. – М.: Изд-во Института психотерапии, 1997. – С. 100 – 104.
19. Казин, Э. М. Проблема сохранения здоровья и развития учащихся в системе образования в условиях ее модернизации / Э. М. Казин, А. И. Федоров, С. И. Петухов // Валеология. – 2002. – № 2. – С. 10 – 15.
20. Казин, Э. М. Роль психофизиологических и социальных факторов в формировании психоэмоционального состояния и биологического возраста педагогов / Э. М. Казин, Н. А. Литвинова, Е. В. Броздовская, Г. В. Ефремова // мат. VII Международной научно-практ. конф. «Валеология: сучасний стан, напрямки та перспективи розвитку». – Харьков: Харьковский национальный университет, 2009. – С. 15.
21. Хруцкий, К. С. Аксиологический подход в современной валеологии / К. С. Хруцкий: дис. ... канд. фил. наук. – Великий Новгород, 2000. – 170 с.
22. Апанасенко, Г. Л. Индивидуальное здоровье: теория и практика / Г. Л. Апанасенко // Валеология. – 2006. – № 1. – С. 5 – 9.
23. Клиорин, А. И. Биологические проблемы учения о конституциях человека / А. И. Клиорин, В. П. Чтецов. – Л.: Наука, 1979. – 164 с.
24. Саркисов, Д. С. Структурные основы адаптации и компенсации нарушенных функций / Д. С. Саркисов. – М.: Медицина, 1997. – 446 с.
25. Медведев, В. И. Устойчивость физиологических и психологических функций человека при действии экстремальных факторов / В. И. Медведев. – Л.: Наука, 1982. – 104 с.
26. Селье, Г. На уровне целого организма / Г. Селье. – М., 1972. – 122 с.
27. Аршавский, И. А. Физиологические механизмы и закономерности индивидуального развития / И. А. Аршавский. – М.: Наука, 1982. – 270 с.
28. Сержантов, В. Ф. Человек, его природа и смысл бытия / В. Ф. Сержантов. – Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1990. – 359 с.
29. Меерсон, Ф. З. Адаптация к стрессовым ситуациям и физическим нагрузкам / Ф. З. Меерсон, М. Г. Пшенникова. – М.: Медицина, 1988. – 254 с.

30. Авцын, А. П. Адаптация и дезадаптация с позиций патологии / А. П. Авцын // Клиническая медицина. – 1974. – Т. 52. – С. 3 – 15.

31. Рембовский, В. Р. Медико-гигиенические аспекты оценки здоровья населения / В. Р. Рембов-

ский, Л. А. Могиленкова // Гигиена и санитария. – 2008. – № 2. – С. 46 – 49.

УДК 373.1.02:372.8

ПОЗИЦИИ РЕФЛЕКСИИ ШКОЛЬНИКА В УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Г. В. Терновая

THE POSITIONS OF A PUPIL'S REFLECTION IN EDUCATIONAL ACTIVITY

G. V. Ternovaya

В статье подчеркивается значимость понимания различных позиций рефлексии. Показаны практические приемы, реализующие основные смыслы философского, психологического, деятельностного направлений рефлексии обучающихся. В статье предложено определение рефлексивной учебно-познавательной деятельности, сформулированы её признаки и представлено видение адекватности и рефлексивности поведения ученика.

The importance of understanding of various positions of a reflection is accented in this article. The practical methods realising the basic philosophical, psychological, functional aims of pupils' reflection are shown in this work learning. It gives the definition of a reflexive educational and informative activity, its features and expresses the opinion about adequacy and reflexivity of a student's behaviour.

Ключевые слова: рефлексия, позиции рефлексии, учебно-познавательная деятельность, свободная личность, пригодность к рефлексивной деятельности, смыслы понятий, универсальное понятие, толерантность.

Keywords: a reflection, reflection positions, educational and cognitive activity, the free person, reflective usefulness, senses of concepts, universal concepts, tolerance.

О необходимости организации рефлексии достаточно много говорят и пишут: от рядового учителя до представителей научного сообщества (Н. Г. Алексеев, М. В. Захарченко, С. С. Кашлев, И. С. Ладенко, А. А. Пузырей, С. И. Семенов, С. Ю. Степанов, Г. П. Щедровицкий и др.). Многолетние педагогические наблюдения за реализацией этого процесса показывают, что далеко не всегда рефлексия в образовательном процессе отвечает своему назначению: осмыслению собственных действий и их законов. В основном педагоги используют приемы рефлексии, позволяющие понять эмоциональное состояние учеников, отследить динамику ознакомления с новыми знаниями, терминами и понятиями в ходе урока или учебного курса. Когда произносится слово «рефлексия», то подавляющее большинство учителей, придавая определенный смысл данному понятию, осуществляют её на уроках в соответствии с собственным пониманием. Однако устные или письменные ответы учащихся на вопросы: «Какую тему изучали на уроке?», «С какими новыми понятиями познакомились?», «Понравилось /не понравилось работать на уроке?» и т. п. далеки от осмысления и осознания предпосылок, требующих обращения сознания на себя, на изучаемые понятия и на собственную деятельность сознания. При этом зачастую недооценивается огромнейшая ценность понимания *позиций* рефлексии и умения использовать их возможности в процессе обучения. Рефлексия в педагогике – это процесс и результат фиксирования участниками педагогического процесса состояния своего развития, саморазвития и причин этого [1].

Важным при формировании учебно-познавательной деятельности школьников является

создание условий для обучения школьников способам организации рефлексии.

Задачи, обозначенные в Концепции модернизации российского образования, требуют от педагогов современной школы формирования у учащихся навыков самоопределения в становлении себя как успешного члена общества, в определении самосостояния и способности более осознанно отстаивать свои идеалы и на их основе создавать личностные пространства. Высокий уровень самосознания как личности целостно складывает его представление о себе: «кто я и чем я выгодно отличаюсь от всех остальных, что дает именно мне быть успешным в обществе». Создание личностного пространства возможно, если школьник обладает умением определить свою способность или неспособность к тому или иному виду деятельности, адекватно воспринимаемую социумом. Далеко не всегда «я способен» соответствует принятию окружением этой позиции и определения «он пригоден». Л. М. Фридман и И. Ю. Кулагина отмечают, что «пригодность к деятельности» [2, с. 104] предполагает наличие:

- положительного отношения к данной деятельности, перерастающей со временем в увлеченность;
- трудолюбия, организованности, самостоятельности, целеустремленности, настойчивости;
- соответствующих психических состояний;
- фонда соответствующих знаний, умений и навыков;
- определенных индивидуально-психологических способностей [2, с. 104].

Если говорить о рефлексивной учебно-познавательной деятельности (как частный случай деятельности), то к этому перечню можно добавить

следующие параметры «пригодности» к рефлексивной учебно-познавательной деятельности:

- принимать адекватные решения, следовать им, извлекая пользу из определенной деятельности;
- использовать новые технологии информации и коммуникации в целях конкурентоспособности;
- демонстрировать гибкость перед лицом быстрых изменений в целях развития толерантности. Это дает личности преимущество не бояться и выдерживать напряжения и конфликты;
- знать способы аргументации продуктивности, состоятельности и актуальности новых нестандартных собственных решений, отличных от других в целях обладания субъектом соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности, адекватно воспринимаемой социумом в реальной ситуации;
- владеть навыками аутентичной презентации в целях быть услышанным.

Далее представим некоторые приемы, раскрывающие позиции рефлексии, сущность того, в чем она обнаруживается, или по Джону Локку (1632-1704) явлением «деятельности ума». Для того чтобы рефлексия стала инструментом формирования продуктивной учебно-познавательной деятельности учащегося, позволяющей личности быть адекватным и свободным в обществе, её следует рассматривать и формировать с нескольких позиций.

Позиция 1. Рефлексия чистых форм и понятий (философская рефлексия) предполагает определение значения, связанного со словами используемого языка, и те смыслы, которые эти слова приобретают в разных контекстах речи. Например, слово «равенство». Определенные смыслы, связанные со словом «равенство», должны задавать учащемуся ориентацию на те условия и специальные средства, которые могут превратить рефлексия понятия в предмет мысли. Тем самым, задавая определенное направление анализа ситуации, например, в расчетных задачах, учащийся определяет возможности алгебраических преобразований, которые не будут нарушать смысловое значение понятия «равенство». Это позволит прийти к решению поставленной проблемы логически правильно и обоснованно. Приведем конкретный прием организации рефлексии философского плана.

Учащимся требуется найти расстояние по карте, пользуясь масштабом. Возможные способы организации деятельности:

Способ 1. Спустя определенное время после изучения темы «Масштаб» учитель на одном из уроков ставит перед учащимся конкретную задачу: «Найти расстояние от Москвы до Владивостока, пользуясь масштабом». В форме фронтального опроса школьники под руководством учителя повторяют теоретический материал: определение пропорции, основное свойство, масштаб и т. д. Вся деятельность, построенная таким образом, ориентирована на память, на восстановление смыслов многочисленных терминов, на воспроизведение правил и знаний из математики и географии, которые ещё не приобрели уровня универсальности в сознании уча-

щегося. Как правило, продуктивность таких занятий довольно низка, поскольку школьникам приходится восстанавливать большой поток изученной ранее информации. Наши исследования показывают, что около 90 % учащихся теряют интерес к поставленной задаче, потому что отвечают на вопросы учителя как всегда те, кто хорошо вызубрил определения и правила. Учитель географии предъявляет претензии учителю математики и делает вывод: «Школьники не знают тему «Пропорция», потому что не умеют полученные на уроках математики знания применять на уроках географии». И эти претензии вполне понятны.

Способ 2. Учитель до решения задачи на нахождения расстояния между определенными пунктами просит учащихся вместо неизвестного x вставить определенное число так, чтобы равенство при этом не нарушалось.

- а) $1:3000=6:x$;
- б) $x:3000=6:18000$;
- в) $1:x=6:18000$;
- г) $1:3000=x:18000$.

Способ нахождения переменной x не оговаривается. Учащиеся решают поставленную задачу удобными для них способами.

Проблемой для учащихся становится не восстановление в памяти правил и законов, а *нахождение способов восстановления равенства*. Для этого школьнику нет необходимости вспоминать, где и как изучалась похожая тема. Он в этом случае работает с универсальным понятием «равенство» и задает определенный алгоритм действий, позволяющий не нарушать смысл данного понятия, сформированный в собственном сознании и понимаемый всеми. Способы решения проблемы приобретают личностно-значимый характер, поскольку никто не навязывает школьнику стратегию действий. Педагогическая установка учителя заключается в опоре на силы школьника, на его потенциальные возможности и способности работать со смыслами всем известного понятия. И только после изучения способов восстановления равенства, приходит время для межпредметных связей, повторения правил и законов. Каждый учащийся ощущает веру в свои возможности, и ему понятна цель деятельности – восстановить равенство в записи, а индивидуальность предложенного способа придает целостность рассматриваемому понятию в его сознании.

Позиция 2. Рассматривая рефлексия, взятую с естественной точки зрения (или *психологическую рефлексия*), следует обращать внимание на переживание удовольствия, на актуальности восприятия, рефлексия в памяти, в фантазии, в ожидании, в психологической комфортности/некомфортности и т. д. и, определив их причину, выстраивать конструктивно продуктивную стратегию собственной деятельности. Соответственно, акты психологической рефлексии есть не что иное, как переживания особого рода, акты, «в которых поток переживаний вместе со всеми своими многообразными событиями (моментами переживания, интенциональностями) может быть схвачен и проанализирован с очевидностью» [3]. Форми-

рование у школьников навыков психологической рефлексии позволяет развивать такие важные качества выпускника, как мобильность, гибкость, динамизм и конструктивность. Будущий профессионал должен обладать готовностью, способностью и стремлением к использованию имеющихся условий для обеспечения взаимовыгодных комфортных условий. Всё это, несомненно, способствует его адаптации в социальной и будущей профессиональной сфере, развитию умения предвидеть проблемы до их возникновения, умения работать в команде, быть готовым к перегрузкам, стрессовым ситуациям и уметь быстро из них выходить с наименьшими психологическими и материальными потерями.

Говоря о создании необходимых условий (социальных, педагогических) для раскрытия и последующего целенаправленного развития индивидуально-личностных черт школьника, довольно часто декларируют о необходимости создания *только психологически комфортных* условий для учащихся в школе. Важно не умалять значимости данной позиции по отношению к образовательному процессу, но все же встает проблема формирования терпимости и уважения к мнению другого, адекватного восприятия окружения и продуктивного контактирования с ним, независимо от личностного неприятия конкретного субъекта. Многолетние наблюдения за школьниками позволяют сделать вывод, что «толерантность» - дефицитное явление среди подрастающего поколения. Формирование психологической рефлексии предполагает развитие у учащихся умения определять не только причину ожиданий от ситуации, но и адекватно, и продуктивно в ней сосуществовать. Задача учителя – развивать черты характера, означающие уважительное отношение ее носителя к людям самим по себе.

Рассмотрим пример. Существует методика формирования групп по выбору цвета радуги. Каждый цвет радуги определяет душевное и психологическое состояние ученика в данный момент времени. Каждый ученик, заходя в класс, выбирает круг, выкрашенный в один из цветов радуги, и занимает место в группе, члены которой выбрали такой же цвет. Цель, преследуемая при таком формировании групп, - создание психологически комфортных условий для организации продуктивной деятельности на уроке при изучении определенной темы. Поступим с точностью наоборот. Школьники, не зная цвета, которым закрашен круг. Круги сложены стопкой обратной стороной. Принцип создания групп заключается в том, что учащиеся занимают место в группе по количественному составу. Возникает ситуация, при которой в группе собрались дети, выбравшие разные цвета и имеющие в данный момент разный душевный настрой, а работать нужно вместе! Адекватность и рефлексивность поведения в данной ситуации проявятся в способности и готовности:

- к оценке условий и потенциальных возможностей членов группы в целях собственной выгоды для саморазвития;
- к осознанию необходимости к самомотивации, гибкости и психологической устойчивости;

- к работе в команде;
- к работе в некомфортной ситуации и умению в этих условиях продвигать свои идеи;
- к проявлению навыков делового общения и сотрудничества.

Управлять такой организацией рефлексивной деятельности учащихся способен только компетентный в области педагогики и психологии учитель, при наличии договора с учащимися, в котором допускается организация некомфортных условий работы на уроках в целях саморазвития психологической устойчивости.

Позиция 3 Рефлексия в теории деятельности разворачивается в понимании рефлексии по поводу деятельности, направленной на выявление стратегий познания при решении учебных или расчетных задач (см. статью Терновой Г. В. Развитие учебно-познавательной компетентности учащихся в условиях школьного образования *(на примере задачи, содержащей «параметр»)* // Международный научный журнал «Мир науки, культуры, образования» / под ред. А. В. Петрова. – Горно-Алтайск, 2010. – С. 17 – 22). При этом по отношению к рефлексии выделяются цели, операции, средства. Здесь школьник осуществляет конструктивные шаги, рассуждает, оперирует полученным им продуктом или предметом деятельности. С другой стороны, одновременно с этой работой и параллельно ей, ученик должен стремиться осмыслить и описать все шаги и средства своей работы. Некоторые примеры ориентировочных вопросов, на которые отвечает ученик: «Что я делал и почему я так делал? Какие критерии важны для получения результата? Из скольких шагов состоит процесс решения? Какие шаги наиболее важны? Что делаешь во-первых, во-вторых, в-третьих и т. д.? Какова последовательность действий? Как и на каком этапе решения (изучения) понял, что «потерял» мысль? Почему? Как корректировал свою деятельность? Как понял, что применяемая формула (теорема, правило...) соответствует задаче? Как ты понимаешь, что движешься в правильном направлении? Как ты понимаешь, что это правильно? Как и чем завершил работу? Почему? Какие шаги решения можно выполнить устно? Что в решении является ключевым? Какой шаг служит завершением процесса? Как понимаешь, что ты достигли цели? Какой последний шаг необходимо сделать? Когда понял, что правильно решаешь, что работа готова к оценке? Какие вопросы необходимо повторить? Как я понял, что я понял? Как я понял, что я понял? и др.» [4].

Само понятие «рефлексия» несодержательно, поскольку не существует предмета или образа, определяющего смысл данного термина. Но, тем не менее, говоря об организации рефлексивной учебно-познавательной деятельности, мы должны понимать, о чем говорим. Под *рефлексивной учебно-познавательной деятельностью* мы понимаем один из структурированных видов деятельности по овладению обобщенными способами действий и основами теоретического мышления, направленного на осмысление своих собственных действий, сознания и условий, смыслов и законов. *Рефлексия есть суть*

собственного формируемого сознания осваиваемого предмета или способа действия, поэтому рефлексия приобретает столь важное и широкое значение и трактуется в нашем исследовании как важнейший механизм управления учебно-познавательной деятельностью, а следовательно, как источник и средство свободы человеческой личности [5]. Рефлексия с любой позиции: философской, психологической или в теории деятельности должна быть направлена на формирование мотивов деятельности «это то, почему действует человек» [2, с. 57] и целей деятельности «это то, ради чего действует человек» [2, с. 57].

Рефлексия в учебно-познавательной деятельности обеспечивает активацию продуктивных процессов деятельности, реализацию планов, стратегий поведения и придает процессу учебного познания те или иные характеристики. Способность школьника рефлексировать с любых позиций позволяет субъекту переходить из одного состояния в другое, совершенствовать отражение личностных смыслов и принципов действий с последующим включением их в самоконтроль и психологическую саморегуляцию деятельности и поведения посредством определения связей и смыслов между конкретной учебной задачей и мировоззрением. С осознанных ответов на вопросы «зачем, почему и для чего я что-то делаю или не делаю» начинается рождение свободной личности, позволяющей ученику преодолевать отчуждение от содержания образования и выделять личностно-значимую основу необходимости самоорганизации учебно-познавательной деятельности.

Литература

1. Кашлев, С. С. Современные технологии педагогического процесса: пособие для педагогов.

[Текст] / С. С. Кашлев. - Мн.: Высшая школа, 2002. - 95 с.

2. Фридман, Л. М. Психологический справочник учителя [Текст] / Л. М. Фридман, И. Ю. Кулагина. - М.: Просвещение, 1991. - 288 с.

3. Молчанов, В. И. Время и сознание. Критика феноменологической философии: моногр. [Электронный ресурс] / В. И. Молчанов. - М.: Высш. шк., 1998. - 144 с. - Режим доступа: <http://www.filosof.historic.ru/books/item>.

4. Терновая, Г. В. Развитие учебно-познавательной компетентности учащихся в условиях школьного образования (на примере задачи, содержащей «параметр») [Текст] / Г. В. Терновая // Международный научный журнал «Мир науки, культуры, образования» / под ред. А. В. Петрова. - Горно-Алтайск, 2010. - С. 17 - 22.

5. Щедровицкий, Г. П. Рефлексия в деятельности / Г. П. Щедровицкий. Публ. докл. прочит. в 1972 г. [Электронный ресурс] / Публ. и вступ. ст. А. Пузырей // Вопросы методологии. - 1994. - № 3 - 4. - С. 76 - 120. - Режим доступа: <http://www.reflexion.ru/Library/Schedr1972.doc>.

6. Хуторской, А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно ориентированной парадигмы образования [Текст] / А. В. Хуторской // Народное образование. 2003. - № 2. - С. 58 - 64.

7. Семенов, И. Н. Проблема формирования типов рефлексии в решении творческих задач [Текст] / И. Н. Семенов, С. Ю. Степанов // Вопросы психологии. - 1982. - № 1. - С. 99 - 104.

8. Семенов, И. Н. Рефлексия в организации творческого мышления и саморазвития личности [Текст] / И. Н. Семенов, С. Ю. Степанов // Вопросы психологии. - 1983. - № 2. - С. 35 - 42.

УДК 378:796

КОНЦЕПЦИЯ ПОДГОТОВКИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТУ В ВУЗЕ

С. А. Хазова

THE CONCEPT OF TRAINING OF COMPETITIVE SPECIALISTS IN PHYSICAL CULTURE AND SPORT

S. A. Hazova

В статье описывается концепция подготовки конкурентоспособных специалистов по физической культуре и спорту в совокупности теоретических, методологических и технологических основ организации образовательного процесса в вузе; приводятся экспериментальные данные, подтверждающие действенность разработанной концепции.

The paper describes the concept of training of competitive specialists in physical culture and sport together theoretical, methodological and technological foundations of the organization of educational process in the institution; present experimental data confirming the validity of the developed concept.

Ключевые слова: конкурентоспособность специалистов, структура и содержание конкурентоспособности специалистов по физической культуре и спорту, образовательные условия развития конкурентоспособности студентов.

Keywords: competitiveness of the specialists, the structure and content of the competitiveness of specialists in physical culture and sports, the educational conditions of development of the competitiveness of students.

Огромное социальное значение сферы физической культуры и спорта объясняет заинтересованность государства и общества в эффективности ее функционирования. Одним из ключевых требований современности к физкультурно-спортивным организациям и работающим в них специалистам является конкурентоспособность. Исходя из этого, важнейшей задачей профессионального образования в области физической культуры и спорта является подготовка конкурентоспособных специалистов, которые смогут не только достичь профессионального и жизненного успеха благодаря своей востребованности и привлекательности как субъектов труда, но и обеспечить конкурентоспособность организаций и, как следствие, прогрессивное развитие всей сферы физической культуры и спорта. Разработка концепции подготовки конкурентоспособных специалистов по физической культуре и спорту стала целью нашего исследования.

Теоретические, методологические и технологические положения концепции разрабатывались на основе анализа научных исследований и опыта работы физкультурно-спортивных организаций путем теоретического моделирования, сопоставления, обобщения и конкретизации теоретического знания, экспертной оценки сформулированных выводов, их экспериментальной проверки и математического (статистического) обоснования.

Анализ литературных источников осуществлялся в следующих направлениях: – сущность, структура, содержание, критерии конкурентоспособности специалистов по физической культуре и спорту в социально-экономическом (И. Н. Герчикова, П. Ф. Друкер, А. Носкова, Дж. Равен, С. И. Розум, Р. А. Фатхутдинов и др.) и психолого-педагогическом (В. И. Андреев, Н. В. Борисова, В. Н. Введенский, М. С. Каган, Е. А. Климов, А. К. Маркова, Л. М. Митина, Б. Д. Парыгин, Ф. Р. Туктаров, А. В. Хуторской, Д. В. Чернилевский и др.) аспектах; – особенности организации в вузе конкуренторазвивающего образовательного процесса, включая вопросы механизмов и факторов воздействия среды на личность (Р. Баркер, Дж. Т. Вильсон, К. Девин, С. И. Розум), сущности, функций, содержания, принципов проектирования образовательного процесса вуза (А. И. Артюхина, Е. В. Бондаревская, Т. Ф. Борисова, Н. М. Борытко, В. В. Сериков, Е. М. Федерягин и др.); условий и факторов развития компетентности (Э. Ф. Зеер, И. А. Зимняя, В. А. Исаев, Н. М. Таланчук, А. В. Хуторской и др.), акмеологической направленности (Б. Г. Ананьев, С. Н. Бегидова, А. А. Бодалев, Л. А. Деркач, А. Ф. Коган, Н. В. Кузьмина и др.), характерологических качеств и способностей личности (К. А. Абульханова-Славская, А. К. Маркова, М. С. Мерлин, А. В. Петровский, К. К. Платонов и др.).

Теоретическое моделирование осуществлялось по итогам анализа литературы, экспертной оценки и результатов промежуточных эмпирических исследований в следующих направлениях:

- критерии и уровни конкурентоспособности специалистов, их субъективизированная конкретизация;
- детерминанты развития конкурентоспособности специалистов по физической культуре и спорту;
- конкурентоспособность специалиста по физической культуре и спорту как личностная характеристика;
- механизмы, закономерности и принципы развития конкурентоспособности;
- образовательные условия развития структурных компонентов конкурентоспособности специалистов по физической культуре и спорту) и формирования конкурентоспособности как интегративного личностного качества.

Разработанная концепция включает совокупность связанных между собой и вытекающих один из другого теоретических, методологических и технологических положений, описывающих основы подготовки конкурентоспособных специалистов по физической культуре и спорту в системе высшего профессионального образования.

В качестве теоретической базы проектирования конкуренторазвивающего образовательного процесса выступают:

1. Структура и содержание конкурентоспособности специалистов по физической культуре и спорту.

Конкурентоспособный специалист по физической культуре и спорту готов участвовать и побеждать в конкурентной борьбе, оказавшись более привлекательным для работодателя по сравнению с соперниками, благодаря способности качественно выполнять полифункциональную и разнопредметную профессиональную деятельность, сформированными профессионально значимыми личностными качествами, способности эффективно взаимодействовать с субъектами профессиональной деятельности, конструктивному поведению на рынке труда, направленности на профессиональное саморазвитие, достижение успеха и на совершенствование сферы физической культуры и спорта.

Конкурентоспособность – это интегративная характеристика личности, обеспечивающая востребованность специалиста на рынке труда благодаря соответствию его личности и деятельности требованиям общества, государства, профессии, и включающая в качестве структурных компонентов социально-профессиональную компетентность (КЛ) и акмеологическую направленность личности (АНЛ), конкурентоопределяющие (социально- и профессионально-значимые) личностные качества (КОЛК).

Компетентность специалиста по физической культуре и спорту характеризует личность с точки зрения освоения ряда компетенций [5] и является когнитивно-операциональной базой конкурентоспособности. Она включает следующее содержание:

- 1) социальную компетентность (СК) – владение специалистом следующими компетенциями: политической и социально-экономической, социально-коммуникативной, поликультурной, информационно-инструментальной, индивидуально-личностной;

2) профессиональную компетентность (ПК) – владение специалистом по физической культуре и спорту следующими группами профессиональных компетенций: общепрофессиональными (общенаучными и исследовательскими); общеотраслевыми (образовательными и физкультурно-спортивными); специальными (педагогическими: учителя физической культуры и тренера, научно-педагогическими, управленческими, физкультурно-рекреационными).

Конкурентоопределяющие личностные качества включают социально- и профессионально-значимые характерологические качества и способности личности, являющиеся доминирующим внутренним психологическим фактором пролонгированной конкурентоспособности специалистов на рынке труда [6]. К профессионально значимым личностным качествам (113ЛК) специалистов по физической культуре и спорту относятся следующие группы качеств: коммуникативные, двигательные, организаторские, перцептивно-гностические, нравственные, суггестивные и морально-волевые и др. Содержание указанных групп, особенности проявления конкретных качеств и ситуации их востребованности варьируют в зависимости от конкретного вида профессиональной физкультурно-спортивной деятельности. Социально значимыми качествами конкурентоспособной личности (СЗЛК) являются: толерантность, активность, гибкость, гражданственность, порядочность, способность к самопрезентации, креативность, коммуникабельность, надежность, мобильность, знание и соблюдение норм профессиональной этики, готовность «начать все с нуля».

Акмеологическая направленность – это качественная характеристика общей направленности личности, ориентирующая человека на прогрессивное развитие (в том числе, профессиональное), на максимальную творческую самореализацию как в профессиональной сфере, так и в жизнедеятельности в целом, обеспечивающая психологическую готовность специалиста к участию и победе в конкурентной борьбе [2, 4]. Она представляет собой совокупность четырех компонентов: ценностноориентационного (социально- и профессионально- ценностные ориентации), целеобразовательного (профессиональное и социальное целеполагание), мотивационного (интерес и осознание значимости процесса и содержания профессиональной, общественной деятельности и социального взаимодействия) и смыслообразующего стремление к социальному и профессиональному успеху (мотивация достижения, стремление к саморазвитию, готовность к творчеству, рефлексия).

2. Критерии конкурентоспособности специалистов по физической культуре и спорту.

Диагностирование уровня конкурентоспособности обеспечивают две группы критериев:

– первая группа – модельные характеристики поведения, общения, деятельности работников при трудоустройстве и в процессе труда: – эффективное поведение при трудоустройстве, эффективный поиск работы, наличие профессионального опыта, соответствующий уровень успеваемости (для молодых

специалистов - выпускников вузов; проявляются в условиях трудоустройства);

– конструктивные отношения с руководством и ценность специалиста для руководителей, конструктивные отношения с коллегами и потребителями профессиональных услуг, полифункциональность профессиональной деятельности и готовность к повышению уровня профессиональной ответственности (проявляются в условиях профессиональной деятельности) (внешние критерии);

– вторая группа – показатели гармоничности развития структурных компонентов конкурентоспособности: – эффективное решение разнообразных нестандартных социальных профессиональных задач, – удовлетворенность возможностью выполнять социальные / профессиональные функции и стремление к самосовершенствованию, – проявление необходимых для реализации социальных профессиональных функций качеств и способностей (внутренние критерии).

Опосредующим звеном между критериями первой и второй групп являются потребительские свойства специалистов (социальные, функциональные, эргономические, эстетические, экономические потребительские свойства, а также долговечность, надежность и безопасность), обуславливающие их полезность для потребителей профессиональных услуг и обеспечивающие специалисту достижение конкурентоспособности за счет сформированных социальных и профессиональных качеств, способностей, компетентностей, ценностных ориентации и т. д.

3. Взаимосвязанные виды профессиональной физкультурно-спортивной деятельности.

Отличительной особенностью профессионального физкультурно-спортивного образования является многопрофильность, предполагающая подготовку студентов к выполнению сразу нескольких видов профессиональной деятельности (педагогической: учителя физической культуры, тренера; научной педагогической; управленческой; рекреационной).

Для равных видов профессиональной физкультурно-спортивной деятельности характерны различные цели и ценности, предметы и средства, действия и операции, особенности профессиональной среды, что затрудняет качественное освоение их совокупности. Освоение студентами всех видов профессиональной деятельности, определяемых квалификационными характеристиками специалиста по физической культуре и спорту, обеспечивает полипрофессионализм специалистов, являющийся важным конкурентным преимуществом.

С другой стороны, эффективность профессиональной деятельности, также обуславливающая высокую конкурентоспособность субъекта труда, обеспечивается его более узкой специализацией. Консенсус между полипрофессионализмом и узкой специализацией может быть достигнут при условии освоения студентами коррелирующих между собой видов профессиональной физкультурно-спортивной деятельности, проранжированные по убыванию силы взаимосвязи:

1) деятельность учителя физической культуры и деятельность педагога высшей школы, тренера и спортивного менеджера;

2) деятельность учителя физической культуры, с одной стороны, и тренера, спортивного менеджера, организатора физкультурно-рекреационной деятельности, с другой; деятельность тренера и организатора физкультурно-рекреационной деятельности;

3) деятельность педагога высшей школы, с одной стороны, и тренера, спортивного менеджера, организатора физкультурно-рекреационной деятельности, с другой: деятельность организатора физкультурно-рекреационной деятельности и спортивного менеджера.

Методологическую основу подготовки конкурентоспособных специалистов по физической культуре и спорту составляют:

1. Детерминанты развития конкурентоспособности специалистов по физической культуре и спорту.

Развитие (конкурентоспособности специалистов по физической культуре и спорту, выполняющих разные виды профессиональной деятельности, обусловливается различными качествами, способностями, знаниями, умениями и пр. Детерминанты конкурентоспособности – это конкретные качества, входящие в состав структурных компонентов конкурентоспособности специалистов по физической культуре и спорту, способствующие становлению определенных потребительских свойств и обеспечивающие соответствие специалиста конкретным внешним критериям.

Каждый внешний критерий обеспечивается группой социальных и/или профессиональных детерминантов. Значимость качеств – детерминантов конкурентоспособности для каждого внешнего критерия соответствует значимости для этого критерия обуславливающих его потребительских свойств, в которых проявляются конкретные детерминанты. Она изменяется в процессе профессионализации и варьирует в зависимости от конкретного вида профессиональной физкультурно-спортивной деятельности. Различаются детерминанты трех видов: инвариантные – не меняют значимости со временем, обуславливают актуальную и потенциальную конкурентоспособность молодых специалистов: качества с понижающейся значимостью более важны для молодых специалистов, обуславливают их актуальную конкурентоспособность; качества с повышающейся значимостью – важнее для опытных работников, обуславливают потенциальную конкурентоспособность молодых специалистов.

2. Механизмы развития конкурентоспособности специалистов по физической культуре и спорту.

Механизмами развития конкурентоспособности являются: актуализация самости, интересы и притяжении личности (акмеологическая направленность личности), – свободный осознанный выбор профессии и специальности, самостоятельность, деятельность (компетентность личности), – рефлексия, идентификация, самопознание (конкурентоопределяющие личностные качества). Становление нового

системного качества – конкурентоспособности – обеспечивается интеграцией структурных компонентов через их взаимовлияние: – АНЛ, задавая вектор активности, актуализирует стремление личности к получению необходимых знаний, к их практическому применению, к развитию качеств и способностей; – КЛ информационно и инструментально обеспечивает развитие конкурентоспособности через формирование системы необходимых знаний, умений и опыта их применения; – КОЛК детерминируют развитие конкурентоспособности, обуславливая эффективность внепрофессионального и профессионально-ориентированного взаимодействия.

3. Закономерности развития конкурентоспособности специалистов по физической культуре и спорту и реализующие их принципы.

Конкурентоспособность специалистов по физической культуре и спорту развивается в соответствии со следующими закономерностями: – детерминирования успешности поведения на рынке труда социальным содержанием, а в условиях профессиональной деятельности – профессиональным содержанием структурных компонентов конкурентоспособности; – индивидуальной вариативности динамики и траекторий развития конкурентоспособности; – обусловленности эффективности развития конкурентоспособности гармоничностью развития ее структурных компонентов; – обусловленности системного единства структурных компонентов конкурентоспособности взаимосвязанностью развития коррелирующих детерминантов; – зависимости уровня конкурентоспособности специалиста от степени адекватности сформированного индивидуального состава детерминант модельному составу, соответствующему специализации и т. д.

Выявленные закономерности предполагают необходимость соблюдения ряда принципов при организации образовательного процесса в вузе:

- согласованности содержания образования с внешними критериями конкурентоспособности специалистов по физической культуре и спорту;

- индивидуализации выбора внутренних критериев конкурентоспособности и динамики ее развития;

- оптимизации психолого-педагогических воздействий на основе учета индивидуальных особенностей студентов;

- вариативности состава детерминантов конкурентоспособности для одного и того же специалиста;

- учета индивидуально привлекательных видов профессиональной физкультурно-спортивной деятельности и соответствующего состава детерминантов конкурентоспособности при проектировании индивидуальных образовательных маршрутов студентов и при оценке качества образования;

- приоритетности развития детерминантов инвариантами значимости по сравнению с детерминантами актуальной и потенциальной значимости, актуальной значимости по сравнению с детерминантами потенциальной значимости.

4. Образовательные условия развития конкурентоспособности специалистов по физической культуре и спорту.

Процесс развития конкурентоспособности будущих специалистов по физической культуре и спорту обеспечивается следующими образовательными условиями:

- конкретно-методологическими: полипрофессиональность образования, учитывающая взаимосвязанные виды профессиональной физкультурно-спортивной деятельности; природосообразное развитие детерминантов конкурентоспособности, соответствующих выбранным видам профессиональной физкультурно-спортивной деятельности; контекстность и практикоориентированность образования: индивидуально- и профессионально- ориентированная вариативность образовательных маршрутов и психолого-педагогических воздействий; учет внешних критериев конкурентоспособности и потребительских свойств специалистов по физической культуре и спорту при проектировании содержания образования и оценке образовательных результатов;

- содержательно-методическими: выбор содержания образования (в совокупности информационного содержания, средств и методов, форм организации образовательного процесса), способствующего развитию структурных компонентов конкурентоспособности (КЛ - профильно- и социально- ориентированная деятельность; дидактический комплекс, разработанный на основе положений ситуационно проблемного, задачного, функционального и ролевого подходов и др.; АНЛ приемы и методы витатенного образования; создание ситуаций успеха, соревновательности, проблемных ситуаций; тренинговая организация воспитательной деятельности и др.; КОЛК – ценностное наполнение содержания образования: создание учебно-воспитательных ситуаций, актуализирующих КОЛК; контекстность организованной личностно развивающей деятельности; ситуационно-проблемная организация учебно-воспитательного процесса, обеспечивающая «включение» механизма трансформации личности); реализация содержания образования, направленного на развитие детерминантов конкурентоспособности, с учетом их значимости для взаимосвязанных внешних критериев и потребительских свойств специалистов;

- организационно-технологическими: специальная организация учебной (ключевые условия междисциплинарная интеграция информации и профильноориентированная творческо-поисковая деятельность студентов), практической (ключевые условия – ситуационно-проблемная организация учебно-практической деятельности и профильные задания для педагогической производственной и летней практик) и воспитательной (ключевые условия организация постепенной интеграции студентов в профессиональное сообщество и стимулирование студентов к участию в контекстном (политическом, гражданском, поликультурном и пр.) социальном взаимодействии) деятельности в вузе, ориентированной на развитие конкурентоспособности студентов; психолого-педагогическое сопровождение раз-

вития конкурентоспособности студентов (посредством системы диагностирования, консультирования, тренингов) и образовательной деятельности педагогов (консультационное и методическое обеспечение выбора педагогами индивидуально-ориентированного содержания, средств и методов обучения и воспитания студентов).

Технологический аспект концепции описывается последовательностью этапов развития конкурентоспособности будущих специалистов: просветительского, ориентационного, развивающего, контрольного. Последовательность этапов соответствует процессуальным характеристикам психолого-педагогического сопровождения (ППС) как непрерывного процесса создания для студентов пролонгированных конкуренторазвивающих возможностей в совокупности психологических и педагогических (учебных, воспитательных, практических) мероприятий (в широком смысле) и непосредственных и опосредованных психолого-педагогических воздействий [1, 3].

Технологичность образовательного процесса обеспечивается последовательным достижением диагностически заданных целей: на просветительском этапе – теоретическое познание студентами содержания видов профессиональной физкультурно-спортивной деятельности, содержания и целей социального взаимодействия и осознание соответствующих требований к личности специалиста и гражданина (ситуации развития создаются посредством применения проблемных и дискуссионных лекций и семинаров, бесед и встреч со специалистами; – ведущая деятельность студентов познание); на ориентационном этапе – осознание студентами собственных профессиональных интересов и возможностей, самоопределение в выборе вектора развития конкурентоспособности (дидактический комплекс: анкетирование, тестирование, консультации, беседы, моделирование; ведущая деятельность студентов рефлексия); на развивающем этапе – гармоничное развитие структурных компонентов конкурентоспособности до уровня соответствия студентов внешним критериям через потребительские свойства (посредством применения образовательных средств и методов развития КЛ, АНЛ, КОЛК, совокупности средств и методов ППС).

На протяжении образовательного процесса осуществляется диагностика исходных, промежуточных и итоговых результатов, отражающих динамику изменения уровня конкурентоспособности будущих специалистов по физической культуре и спорту.

Разработанная концепция была апробирована в образовательном процессе Института физической культуры и дзюдо Адыгейского государственного университета: в эксперименте участвовали педагоги вуза (более 60 человек) и студенты (ЭГ – 459 чел., КГ – 232 чел.). О действенности концепции свидетельствуют следующие результаты:

- к окончанию эксперимента между студентами ЭГ и КГ были зафиксированы статистически значимые различия по критериям развития структурных компонентов конкурентоспособности. Так в ЭГ, по сравнению с КГ оказалось достоверно больше сту-

дентов с достаточными уровнями: а) социальной компетентности (ЭГ – 76,1 %, КГ – 48,8 %, $P < 0,05$), профессиональной компетентности по основному (ЭГ – 71,9 %, КГ – 34,6 %, $P < 0,05$) и дополнительному (ЭГ – 62,9 %, КГ – 32 %, $P < 0,05$) видам профессиональной деятельности; б) акмеологической направленности личности – социальной (ЭГ – 74 %, КГ – 44,2 %, $P < 0,05$) и – профессиональной относительно основного (ЭГ – 74,1 %, КГ – 16,5 %, $P < 0,05$) и дополнительного (ЭГ – 67,7 %, КГ – 17,1 %, $P < 0,05$) видов профессиональной деятельности: – СЗЛК (ЭГ – 73,9 %, КГ – 42 %, $P < 0,05$) и ПЗЛК для основного (ЭГ – 72,2 %, КГ – 38 %, $P < 0,05$) и дополнительного (ЭГ – 68,2 %, КГ – 33,6 %, $P < 0,05$) видов профессиональной деятельности;

– в ЭГ к окончанию эксперимента стало достоверно больше студентов, характеризующихся достаточными уровнями конкурентоспособности по внутренним (70,7 % по сравнению с 29,4 % на начало эксперимента, $P < 0,05$) и по внешним (увеличение количества студентов от 0,71 % до 70,4 %) критериям: в КГ подобных изменений зафиксировано не было.

Большинство студентов ЭГ характеризовались стабильной эффективностью решения разнообразных, в том числе, нестандартных, социальных / профессиональных задач, стабильным проявлением значимых для конкретной ситуации социального взаимодействия / профессиональной деятельности качеств и способностей, способностью к критическому анализу собственного поведения и деятельности, к исправлению ошибок, а также добровольным, инициативным участием в работе, эмоциональной позитивностью и удовлетворением от процесса (и результатов) деятельности. В контексте внешних критериев, представители ЭГ демонстрировали знание того, какие характеристики личности, поведения, деятельности (детерминанты) необходимы для соответствия каждому внешнему критерию, понимание причин этого соответствия; проявляли осознанное стремление соответствовать

этим характеристикам, психологическую готовность к их демонстрации, готовность к дальнейшему самосовершенствованию.

В целом, результаты проведенного эксперимента дают основание утверждать, что реализация на практике выявленных образовательных условий существенно повышает эффективность формирования конкурентоспособности студентов, (о чем однозначно свидетельствуют более высокие результаты участников экспериментов, демонстрируемые ими на протяжении всего экспериментального образовательного процесса).

Литература

1. Александрова, Е. А. Виды педагогической поддержки и сопровождения индивидуального образования [Электронный ресурс] / Е. А. Александрова. – Режим доступа: <http://isiksp.ru/library/aleksandruea/aleks00000i.html>.
2. Бегидова, С. Г. Теоретические основы профессионально-творческого развития личности специалиста физической культуры и спорта / С. Н. Бегидова: монография. – Майкоп, 2001.
3. Гозман, О. С. Новые ценности образования: содержание гуманистического образования / О. С. Гозман, Р. В. Вейс, Н. Б. Крылова. – М.: Рос. гуманит. науч. фонд, институт пед. инноваций РАО, 1995. – 257 с.
4. Деркач, А. А. Акмеология / А. А. Деркач. – М.: РАГС, 2002.
5. Хуторской, А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования / А. В. Хуторской // Народное образование. – 2003. – № 2. – С. 58 – 64.
6. Ширококов, С. Н. Оценка качества подготовки конкурентоспособного специалиста в вузе / С. Н. Ширококов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://integr.narod.ru/konf0012/k502.htm>.

УДК 37.014.5

ВЛИЯНИЕ СИСТЕМЫ МЕНЕДЖМЕНТА КАЧЕСТВА НА ПОДГОТОВКУ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ВУЗЕ

В. В. Халиуллина, Ю. Г. Халиулин, А. С. Урбанский

EFFECT OF THE QUALITY MANAGEMENT SYSTEM FOR THE TRAINING OF QUALIFIED PROFESSIONALS IN HIGH SCHOOL

V. V. Khaliulina, Y. G. Khaliulin, A. S. Urbanskiy

Введение системы менеджмента качества (СМК) в работу образовательных учреждений призвано обеспечить соответствие деятельности учреждения требованиям рынка труда. Высшее образование в медицинской сфере имеет определенные сложности. Система менеджмента качества позволяет улучшить контроль качества подготовки специалистов, а применительно к медицинскому вузу – качество подготовки врача. Необходимо поднять уровень обучения врачей в России. В качестве сравнения приведен пример подготовки врачей-дерматологов в Израиле. В статье предлагаются направления реализации СМК для достижения требуемого уровня качества в процессе подготовки будущих врачей-специалистов.

Introduction to Quality Management System (QMS) in the work of educational institutions is called up to provide conformity of activity of the institution to requirements of a labour market. The higher education in medical area has the certain complexities. The quality management system allows improving quality assurance of preparation of specialists, as applied to medical university - the quality of preparation of physicians. It is necessary to raise

the level of training of medical doctors in Russia. As a comparison, an example of training of dermatologists in Israel is proposed. The article directions of implementation of QMS in order to achieve the required level of quality in the training of the future medical specialists are offered.

Ключевые слова: системы менеджмента качества, высшее образование, врачи-специалисты.

Keywords: Quality Management Systems, high education, medical specialists.

Время не стоит на месте, и Россия, которая несколько лет назад перестала быть «закрытым» государством, стремится приблизиться к уровню стран Европы в отношении социальных условий для населения, в том числе – повысить уровень образования и здравоохранения.

Введение системы менеджмента качества (СМК) в работу образовательных учреждений призвано усовершенствовать саму систему менеджмента образовательного учреждения и обеспечить соответствие деятельности учреждения требованиям потребителей конечной продукции, в качестве которых для системы профессионального образования выступает рынок труда. Современный выпускник вуза должен уметь конкурировать на рынке труда, предложить свои компетенции квалифицированного специалиста. В то же время непосредственно для вуза потребителями образовательной услуги являются студенты. Поэтому на стадии выбора и поступления в вуз, абитуриент справедливо предполагает, что ему создадут условия для формирования необходимых компетенций. В связи с этим возникает необходимость проанализировать возможности СМК в сфере образовательных услуг, в частности медицинских, относительно повышения качества формирования клинических компетенций студентов.

Классическое высшее образование в медицинской сфере, являясь более сложным, отличается от образования в других сферах: технической, экономической, социальной. Подготовка врача имеет свою специфику, которая состоит не только в освоении в процессе обучения определенной системы знаний, но и в необходимости формирования у студентов клинического мышления, умения работать с пациентом. Эти умения, навыки трудно поддаются стандартизации. Однако внедрение системы менеджмента качества в сферу образования – это требование времени, которое относится также и к подготовке врачей.

В России утвержден и введен в действие государственный стандарт ГОСТ Р 52614.2-2006 "Системы менеджмента качества. Руководящие указания по применению ГОСТ Р ИСО 9001-2001 в сфере образования", идентичный международному стандарту ISO/IWA 2:2007. Для организации управления образовательной услугой следует опираться на такие важные понятия ИСО как «процессный подход», «компетентность», «компетенция».

Процессный подход, в частности в образовательной сфере, предполагает акцентирование внимания на качество организации образовательных процессов обеспечение их взаимодействия.

Понятия компетентность и компетенция взаимосвязаны, особенно если применимы к одному объекту исследования. Однако их следует четко разграничить.

«Компетентность» трактуется, как выраженная способность применять свои знания и умения, навыки.

Понятие «компетенция» предполагает определенные знания (профессиональные и общекультурные), навыки (опыт в результате применения знаний на практике), способы общения (умение профессионально вести себя, выполняя определенную функцию). Компетенции описывают поведение человека в работе, что предопределяется многими факторами – его психологией, способностями, опытом и знаниями. Авторам статьи наиболее близка позиция Иванова Д. И., который рассматривает компетенцию как совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним [1].

Стандарт ИСО (русский вариант ISO) четко определяет необходимость работы вуза на потребителя услуги, где «потребитель – организация или лицо, получающие продукцию». В связи с этим позиции в образовании «контроль – это процедура оценивания соответствия путем наблюдения и суждений, сопровождаемых соответствующими измерениями, испытаниями или калибровкой и возможность документировать». Важным является понятие «качество», трактуемое в стандарте как степень соответствия присущих характеристик определенным требованиям. В соответствии с СМК контроль качества образовательных услуг предполагает контроль качества процессов обучения.

Деятельность кафедр образовательных учреждений в любой сфере, в том числе и медицинской, связана с рядом процессов, основными из которых являются: образовательный, воспитательный и научно-исследовательский.

Система менеджмента качества позволяет формализовать контроль качества подготовки специалистов, а применительно к медицинскому вузу – качество подготовки врача. Уровень профессиональной подготовки врача характеризуют клиническими компетенциями, которые формируются в процессе обучения на клинических кафедрах. Контроль сформированности этих компетенций, умение применить их для диагностики, лечения и профилактики конкретных заболеваний, обозначенных образовательной программой, представляет определенные трудности.

Корни общего понятия системы менеджмента качества (СМК) уходят в ранние 20-е годы XX в. В это время появились идеи контроля качества продукции. Эти идеи были развиты в Японии в конце 1940-х – начале 1950-х годов американцами Арманом Файгенбумом, Джозефом Джураном и Эдвар-

дсом Демингом. Дальнейшая разработка общих принципов менеджмента качества позволила совершить экономике Японии необычайно быстрый скачок развития. Основные элементы СМК включают 5 аспектов, которые на английском языке обозначаются как аббревиатура «DRIVE» (**D**efine, **R**eview, **I**dentify, **V**erify, **E**xecute). Т. е. в переводе на русский язык – Определить, Сделать обзор, Идентифицировать, Сверить, Произвести. Каждый из этих шагов включает множество внутренних целей.

Менеджмент качества в здравоохранении (МКЗ) – один из ведущих механизмов в достижении этой цели. МКЗ – это политика органов здравоохранения, которая направлена на уменьшение преждевременной смерти и увеличение качества жизни пациентов. Это понятие определяет качественное управление здравоохранением. Качественное управление здравоохранением также экономически целесообразно и способствует прибыли. Оно включает финансовый рост и жизнеспособность организации здравоохранения. Структурное подразделение здравоохранения может иметь качественный менеджмент только тогда, когда оно полностью укомплектовано профессионалами-медиками и организаторами здравоохранения, и в состоянии приобретать самое новейшее оборудование. Поэтому отечественной медицине есть куда расти и развиваться.

Можно ли утверждать, что врачи в России, которые получают дипломы по окончании медицинского вуза и удостоверения врача-специалиста, являются действительно теми профессионалами, которые способны поддерживать достойный уровень МКЗ? К сожалению, пока только единицы. И не потому, что они менее способны, чем их коллеги в Европе и Америке. Один из авторов данной статьи получил специальное медицинское образование в Израиле после того, как в России преподавал медицинскую специальность. И сравнение оказалось не в пользу специального образования в России. Действительно, может ли врач-интерн (врач на специализации) считаться «узким» специалистом после одного года обучения, где еще как минимум два месяца уходят на короткие семинары по смежным дисциплинам? По окончании года обучения врач-интерн сдает один экзамен, который практически во многом – формальность. В противоположность этому, для получения статуса специалиста в Израиле требуются огромные усилия, чтобы быть принятым на специализацию. Там нет такого условия, что если врач способен заплатить за свое обучение, конкурс уже не нужен: оплата за обучение («резидентуру») от частных лиц не принимается, да и сумма за обучение слишком велика. Кроме того, каждый заведующий отделением должен выплачивать солидную страховку и в среднем – половину стипендии врачу, который принят в «резидентуру», из фондов своего отделения. Поэтому требуется не только найти организацию, которая будет выплачивать стипендию, но и убедить руководителя, что это врач, на которого можно рассчитывать. Таким образом, создаются трудные конкурсные условия. И бороться есть за

что, поскольку врач-специалист в Израиле имеет высокий социальный статус и получает зарплату намного выше средней зарплаты в стране (не в пример уровня дохода врача-специалиста в России!). Счастливчиков, пробившихся в «резидентуру», ждет тяжелейшая работа с высоким напряжением как физических, так и моральных сил.

В качестве примера приведем специализацию по дерматологии. Общее время обучения составляет пять лет (в хирургии – семь-восемь лет), и это – уже имея диплом врача и, как правило, некоторый опыт работы врачом общей практики. Кроме работы по специальности, требуется работа в терапевтическом отделении в течение не менее шести месяцев (где тоже нужно пройти конкурсный отбор). Каждый резидент обязан предоставить законченную научную работу по прикладной базовой дисциплине (иммунология, биохимия, патогистология и т. д.), иметь ротацию не менее полугода по смежным дисциплинам. Каждый резидент должен работать дежурным врачом в своем отделении и в приемном отделении. А чтобы получить разрешение на дежурства, следует пройти курсы и сдать экзамен по реанимации, включающий теоретическую и практическую части. В Израиле врачи на специализации, помимо лечебной работы, ведут научные исследования, как минимум ежемесячно докладывают клинические случаи и обзор мировой литературы по теме доклада, участвуют в ежемесячных научных конференциях. Таким образом, после работы, помимо изучения объемных руководств по специальности, нужно много читать научных журналов. При этом вся специальная литература на английском языке, и часто приезжающие лекторы-эксперты со всего мира читают лекции на английском языке. Никто и не предполагает параллельный перевод, потому что все врачи обязаны знать иностранный язык на достаточно высоком уровне.

Чтобы получить лицензию специалиста в Израиле, необходимо успешно пройти два этапа экзаменов. Первый – в виде американского теста с не менее чем 150 вопросами, включающий кроме распространенных, самые редкие заболевания, а также вопросы по базовым дисциплинам. Второй этап – устный. На этом экзамене есть четыре тематических части, где с каждым экзаменуемым беседуют по два ведущих эксперта страны в данной теме. Таким образом, у каждого будущего врача-специалиста восемь профессоров-экзаменаторов. Обязательным правилом является отсутствие в качестве экзаменатора специалиста из той же клиники, где работал экзаменуемый, с целью большей объективности оценки. Если какой-либо из четырех частей экзамена не пройден, экзамен не сдан, и следующая (и единственная оставшаяся) попытка – только через год. Например, если будущий специалист-дерматолог (не патологоанатом!) из четырех представленных гистологических препаратов в двух случаях поставил неправильный диагноз, экзамен провален. Автор встречал докторов, которые сдавали первый этап семь раз, и нередко лишь на второй раз

проходили второй этап экзамена. Плохое знание языка не позволило многим врачам из России стать врачами в Израиле. Хотелось бы обратить внимание еще на тот факт, что руководители отделений в израильских клиниках в подавляющем большинстве – профессора, и все без исключения штатные врачи крупных клиник ведут какую-либо тему научной работы на международном уровне. В России же практическое здравоохранение и преподаватели медицинских вузов оторваны друг от друга. И хотя преподаватели клинических кафедр ведут врачебную деятельность, они составляют малую часть врачей в России, подавляющее большинство которых не имеет никакого отношения к медицинской науке и к последним мировым достижениям в медицине. Не идет ни в какое сравнение также техническое оснащение и обеспечение лекарствами в Израиле и в России. Есть, разумеется, несколько медицинских центров в России, оснащенных на достойном уровне. Однако таких центров единицы, и лишь немногие пациенты могут воспользоваться их услугами. Вся эта информация дает ответ на вопрос: откуда в России может быть медицинское обслуживание высокого уровня?

Понятно, что в короткий срок достичь уровня медицины Израиля и других развитых стран практически маловероятно. Однако стремиться к этому возможно и нужно.

Известно, что планируется увеличить срок клинической ординатуры до пяти лет, вместо двух лет, как это существует в настоящее время. Мы считаем, что было бы целесообразно подобную клиническую ординатуру считать первичной специализацией, то есть выдавать лицензии врача-специалиста только после пятигодичного срока обучения и работы. План такой специализации должен приблизиться по требованиям к западным стандартам, включая обязательную научную работу, знание иностранного языка и два этапа неформального экзамена. Сложным вопросом является финансовое обеспечение такой специализации. Вероятно, она должна складываться из частного взноса (или финансовой поддержки сторонней организации), зарплаты во время врачебной практики и оплаты научной работы во время исследований, проводимых на основе грантов этих исследований. Таким образом, будет стимулироваться интерес к научным исследованиям, и уровень стипендии или зарплаты врачей на специализации частично будет зависеть от способностей и активности обучаемого. Разумеется, это потребует повышения требований и к преподавателям клинических дисциплин.

Качество медицинского обслуживания во многом зависит от подготовленности врачей. Задача качественной подготовки врачей – основная функция медицинского вуза, и от профильной кафедры зависит качественный уровень молодого специалиста, который начинает решать проблемы здоровья своих пациентов. В свете новых требований к подготовке специалистов, в Кемеровской медицинской академии была выработана новая политика для достиже-

ния требуемого уровня СМК в подготовке будущих врачей, в соответствии с требованиями ГОСТ Р ИСО 9001-2008 [2]. Она предполагает следующее.

1. Развитие системы непрерывного профессионального образования как механизм системного партнерства вуза и практического здравоохранения.

2. Реализация личностно-ориентированных подходов к образованию как механизм, позволяющий личности обучающихся активно развиваться, наращивать интеллектуальные способности, социальные и профессиональные компетенции, обеспечивать свою мобильность и конкурентоспособность на рынке труда.

3. Формирование социально-культурной среды Академии как механизма, способствующего формированию особой культуры медицинского работника, воспитанию и развитию личности обучающихся.

4. Совершенствование процесса научных исследований и разработок, наращивания инновационного потенциала и обеспечения устойчивых позиций Академии на рынке интеллектуальной собственности.

5. Оптимизация процессов менеджмента и усиление роли руководителей подразделений.

6. Внедрение маркетинговых подходов к управлению как механизма, позволяющего адекватно реагировать на актуальные и потенциальные потребности личности, обеспечивающие опережающее внедрение инновационных технологий и формирование потребностей на рынке образовательных услуг и в области научных исследований.

7. Применение дифференцированного стимулирования образовательной и научной деятельности каждого сотрудника [3].

Безусловно, это важные и нужные направления политики, постепенно меняющие подход к обучению специалистов в сфере здравоохранения и способствующие совершенствованию форм и методов обучения. Однако мы можем приблизиться к уровню врачей-специалистов развитых стран лишь тогда, когда будут решены проблемы финансирования всех звеньев здравоохранения, когда зарплата врачей станет достойной и соответствующей их трудовым усилиям, результатам работы, когда финансирование всех больниц, а не лишь единичных элитных лечебных учреждений, позволит иметь самое современное оборудование, когда все врачи, по крайней мере, в больницах, будут вести серьезную, а не для «галочки», научную работу, постоянно повышая таким образом уровень своей квалификации. И наконец, когда требования к подготовке специалистов будут подняты до уровня, соответствующего уровню западных стран.

Литература

1. Иванов, Д. И. Способы и процедуры оценки уровня достижений ключевых компетенций в учебном процессе / Д. И. Иванов // Школьные технологии. – 2008. – № 1. – С. 149 – 158.

2. ГОСТ Р ИСО 9001-2008 Системы менеджмента качества. Требования. – М.: Стандартинформ. – 65 с.

3. Руководство по качеству СМК-УП-01-РК-2010. – ГОУ ВПО КемГМА. – Кемерово, 2010. – С. 27 – 28.

УДК 378.147

**МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ К САМОКОНТРОЛЮ
В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ**

Т. М. Чурекова, Н. В. Сьедина

METHODS OF FORMING STUDENTS' READINESS FOR SELF-CONTROL DURING EDUCATION

T. M. Churekova, N. V. Sedina

В статье раскрыты некоторые аспекты проблемы формирования готовности студентов к самоконтролю. Определены понятия: «самоконтроль» и «готовность к самоконтролю». Выделены три группы методов, использование которых в педагогической практике способствует формированию готовности к самоконтролю: методы стимулирования положительной мотивации, методы организации взаимоконтроля, методы организации самостоятельной работы.

The article deals with some aspects of the formation of students' readiness for self-control. The concepts: «self-control» and «readiness for self-control» are defined. Three groups of the methods in pedagogical practice are defined, which fosters a readiness for self-control: methods of encouraging positive motivation, methods of organizing mutual control, methods of organizing independent work.

Ключевые слова: самоконтроль, готовность к самоконтролю, методы формирования готовности к самоконтролю, мотивация, взаимоконтроль, самостоятельная работа.

Keywords: self-control, readiness for self-control, methods of formation of readiness for self-control, motivation, mutual control, independent work.

В современных условиях социума, когда остро стоит вопрос о конкурентоспособности специалиста на рынке труда, когда наблюдается ускоренное развитие и внедрение новых технологий, массовый переход всевозможных производств на использование компьютерной техники, начинающий специалист, попадающий в жесткие условия профессиональной деятельности, вынужден прилагать значительные усилия (интеллектуальные, психологические, физические) для адаптации и поиска своего места в профессиональной сфере. В данном случае будущий специалист сталкивается с противоречием, с одной стороны, социальный заказ общества, предполагающий высокий уровень профессионализма, социальную мобильность, готовность к самообразованию, самосовершенствованию, самоконтролю и, с другой стороны, отсутствие четкого механизма формирования данных характеристик в стенах высшего учебного заведения.

В официальных документах последних лет, в том числе, Государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования, мы находим подтверждение актуальности наличия адаптационных способностей человека к социальным условиям после окончания им вуза.

В том же ключе в данном документе определены требования к образованности человека: будущий специалист должен быть «способен в условиях развития науки и изменяющейся социальной практики к переоценке накопленного опыта, умению приобре-

тать новые знания, психологически готовым к изменению вида и характера своей профессиональной деятельности», «способен продолжить обучение» [2].

В Федеральном законе «О высшем и послевузовском образовании» подчеркивается, что работники высших учебных заведений обязаны «развивать у обучающихся самостоятельность, инициативу, творческие способности» [6].

Таким образом, исходя из нормативных документов, перед высшей школой стоит важная задача – создание такой системы обучения, которая способствовала бы развитию личностных характеристик студентов, отвечающих потребностям современного российского общества, в частности, самоконтроля.

В своем исследовании мы понимаем «самоконтроль» как деятельность человека, вызванную целями самосовершенствования, включающую личностный (мотивационный и эмоционально-волевой), информационно-деятельностный, рефлексивно-оценочный компоненты и направленную на анализ и повышение эффективности действий в процессе обучения. В свою очередь, «готовность к самоконтролю» – это установка, направленная на выполнение данной деятельности и способность её осуществлять.

В основе процесса обучения лежит система методов, своеобразный механизм, позволяющий реализовать поставленные цели и определяющий конечные результаты. Более подробно остановимся на

каждом из методов формирования готовности студентов к самоконтролю, которые сгруппированы нами в три составляющие.

Методы стимулирования положительной мотивации в формировании готовности студентов к самоконтролю.

Проблемный метод применяется в педагогическом процессе тогда, когда студенту необходимо что-то доказать, сообщить о новых и нужных нравственных положениях, так или иначе повлиять на его сознание и чувства. Данный метод незаменим в формировании и закреплении определённого морального качества, установки или формы поведения, для выработки правильного отношения к определённым действиям, в частности, – готовности к самоконтролю.

Эвристическая беседа – одна из модификаций проблемного метода обучения, при которой педагог не просто сообщает обучаемым готовые знания, а умело поставленными вопросами, не содержащими прямого ответа, заставляет их на основе имеющегося запаса представлений, наблюдений, личного жизненного опыта приходить к новым понятиям, выводам и правилам [4]. Данный метод имеет ряд характерных особенностей, которые положительным образом влияют на формирование готовности к самоконтролю, в частности: новая информация и знания не предлагаются студентам в готовом виде, их нужно добыть самостоятельно, отвечая на поставленные вопросы или решая проблемные задания; решение проблемного задания в ходе беседы ведет к анализу, сравнению, обобщению уже имеющейся информации, в результате чего формируются осознанные, прочные, необходимые установки и знания; работа над поставленной проблемой идет под контролем преподавателя, именно он констатирует правильность тех или иных выводов, направляет беседу в нужное русло.

Следующий использованный нами в педагогическом эксперименте метод – *учебная дискуссия*, направлен на вовлечение студентов в активное обсуждение разных точек зрения по той или иной проблеме, побуждение их к осмыслению аргументации чужой и своей позиции, на стимулирование познавательного интереса. Использование учебной дискуссии позволяет максимально полно учитывать и использовать опыт студентов, способствуя лучшему усвоению изучаемого материала, поскольку в групповой дискуссии не преподаватель говорит обучающимся о том, что является правильным, а сами студенты вырабатывают доказательства, максимально используя свои знания и личный опыт. Несомненными достоинствами данного метода являются:

- возможность переноса знаний из теории в практику, за счет активного, заинтересованного, глубокого, личностного усвоения информации;

- обеспечение видения того, насколько хорошо студенты понимают обсуждаемые вопросы, что порой не требует применения других методов оценки.

Особое место, в ходе проведения формирующего этапа эксперимента, принадлежало *игровому методу*, с помощью которого была организована ролевая игра, в ходе которой студенты непосредственно

на практике учились самоконтролю и самостоятельно реализовывали его в учебной деятельности. *Ролевая игра* – эффективная отработка вариантов поведения, позволяющая приобрести навыки принятия ответственных и безопасных решений в жизни, поскольку игроки самостоятельно анализируют сложившуюся по ходу игры ситуацию, за счет чего достигается самоорганизация участников [5]. Ролевая игра как метод стимулирования положительной мотивации в формировании готовности студентов к самоконтролю имеет ряд преимуществ. Это – достижение более высокого уровня общения, чем при реализации традиционного обучения; чувство удовлетворения от совместных действий, желание ставить и решать новые задачи; установка связи между своим поведением и его последствиями на основе анализа своих переживаний, а также переживаний партнеров по общению.

Методы организации взаимоконтроля в формировании готовности студентов к самоконтролю

Групповая работа над заданием – метод, предполагающий совместный поиск решения определенных дидактических задач, в ходе которого у студентов развиваются рефлексивные моменты деятельности, действия контроля (самоконтроля) и оценки (самооценки), формируются организаторские навыки, способности к сотрудничеству, оказанию взаимопомощи и поддержки. Когда все члены группы заинтересованы в положительном результате, объединены единой целью, тогда каждый стремится к самоконтролю не только своих действий, но и к контролю действий своих партнеров по группе. Общая цель (решение задания), стоящая перед группой, обязывает каждого студента серьезнее готовиться к занятиям, чтобы не подвести группу и быстрее справиться с предложенной работой. Кроме того, коллективная деятельность позволяет быстро выявить допущенные ошибки (если таковые будут) и найти наиболее целесообразные способы их исправления. Опыт проведения семинарских занятий с использованием данного метода позволил нам выделить ряд его особенностей:

- создание определенной микросферы, которая гораздо сильнее воздействует на личность, чем среда академической группы – студенты имеют возможность держаться более свободно;

- формирование коллективной ответственности, поскольку успех достигается вследствие групповой деятельности;

- развитие умений и навыков коммуникативных, работы в команде, формирование умений отстаивать свою точку зрения, поиск компромисса.

Рецензирование – следующий метод взаимоконтроля в рамках проведенного нами педагогического эксперимента, причем как письменных работ, так и устных ответов студентами друг друга. Под рецензией, применительно к педагогике, понимается письменный анализ научного, учебного или художественного произведения, включающий комментирование основных положений, выражение своего отношения к произведению; аргументированную оценку и выводы о значимости и достоинствах рецензируемого произведения, а также указания на его

недостатки [1]. Главная цель любого рецензирования, которое применяется в различных областях знания, в том числе и в педагогике – удостовериться и в необходимых случаях добиться от автора следования стандартам, принятым в конкретной области или науке в целом. К достоинствам данного метода, можно отнести:

- приучение студентов к более качественному выполнению своей работы, поскольку она тут же будет проверена одногруппником;

- развитие внимательности, так как проверка студентами работ друг друга требует высокой сосредоточенности;

- воспитание добросовестного отношения к делу, ведь необходимо дать четкую, аргументированную, объективную оценку действиям своего товарища.

Еще одним из методов организации взаимоконтроля, использованным нами в формирующем этапе эксперимента, стала – *взаимопроверка тестовых заданий*. Главная цель любого тестирования – выполнение тестов за определенный (небольшой) промежуток времени, что требует внимательности, самоконтроля при чтении вопроса и предложенных вариантов ответов во избежание ошибок. Самоконтроль также важен и при проверке работы, поскольку от самого студента зависит оценка товарища, что подразумевает дополнительную ответственность. Несомненны преимущества взаимопроверки тестовых заданий в формировании готовности студентов к самоконтролю:

- активизация познавательной деятельности студентов, поскольку взаимопроверка требует глубокой проработки материала и знания всех возможных вариантов ответов;

- развитие умений действовать в ситуации выбора;

- по ходу проверки тестовых заданий студенты также как и при выполнении тестов, осознают свои сильные и слабые стороны, включаются в самоанализ своей учебной деятельности;

- активизация внимательности и ответственности, поскольку необходимо не только справиться со своим заданием, но и качественно проверить выполненное задание своего товарища.

Методы организации самостоятельной работы в формировании готовности студентов к самоконтролю.

Одним из методов, применяемым нами в педагогической практике по формированию готовности студентов к самоконтролю, является – *решение задач на знание фактического материала*. Выполнение данной работы ориентировано на непосредственное знание учебного материала (понятий, законов, признаков и характеристик того или иного явления), а также на его повторение и закрепление. По сути дела такая работа позволяет выявить степень подготовки студента к предмету, оценить уровень его теоретических знаний, а также способствует самостоятельному мышлению, анализу сложных научных положений, обобщению фактов. Для того, чтобы ответить на конкретно поставленный вопрос:

озвучить понятие, раскрыть суть закона, обозначить признак классификации, необходимо разбираться в учебном материале. Постановка перед студентами задач на знание фактического материала позволяет определить непонимание студентами той или иной стороны проблемы, которая преподавателю порой кажется ясной. Кроме того, такие задачи нацеливают студента на выполнение заданий более высокого уровня, требующих включения уже логического мышления. Решение студентами задач на знание фактического материала стимулирует внимание и интерес, повышает активность памяти и мышления, дает возможность объективно определить уровень своих знаний и практических умений.

Достаточно интересным методом организации самостоятельной работы стало *решение логических задач*, рассчитанное на мобилизацию всех теоретических и практических знаний студента по решаемому вопросу, а также на включение логики. Как правило, логические задачи построены таким образом, что для их решения необходимо владеть материалом не только нескольких тем курса, но и общетеоретическими знаниями. *Логическая задача* – задача, при решении которой главное и определяющее – это поиск связей между фактами и установление для достижения поставленной цели цепочки суждений [3]. Решение логических задач способствует:

- формированию умений сравнивать, проводить аналогии, обобщать, делать выводы и обосновывать их;

- высказыванию собственных суждений и правильному использованию понятий и терминов, которые специфичны для изучаемого курса;

- развитию у студентов качеств, способствующих формированию готовности к самоконтролю, таких как наблюдательность и внимательность.

Заполнение таблиц – метод самостоятельной работы, рассчитанный на систематизацию и упорядочивание знаний, подталкивающих студента к анализу изучаемого материала. Как показывает наша педагогическая практика, многие студенты порой не умеют выделять наиболее существенные моменты в учебном материале, поэтому нами и были использованы задания в виде заполнения таблиц, помогающие учиться вычленять сущностный и необходимый материал. В формировании готовности студентов к самоконтролю преимущества данного вида работы сложно переоценить, поскольку переработка и синтезирование полученной информации, а также соблюдение определенного порядка работы, четкости, краткости, точности изложения – очень важные и неотъемлемые операции самоконтроля. Кроме того, заполнение таблиц также способствует: совершенствованию навыков анализа текста, систематизации информации; развитию умений выделять главное в тексте; повторению и закреплению изучаемого материала.

В формировании готовности студентов к самоконтролю, посредством организации самостоятельной работы, нами был использован еще один метод – *составление структурно-логических схем*, которые в дальнейшем выступали в качестве опорных конспектов при ответе на вопрос. В свою очередь,

структурно-логическая схема – графически организованный материал, применяемый в целях классификации и систематизации знаний. Графическая структура излагаемого материала позволяет с помощью символов и схем наглядно представить логическую связь между отдельными образами и понятиями, выявить в них главное, и тем самым способствует формированию системных знаний. Кроме того, необходимо отметить, что составление структурно-логических схем – это очень продуктивный метод самостоятельной работы студентов по систематизации информации с ее наглядным графическим изображением. В отличие от других способов графического изображения информации (таблиц, рисунков), структурно-логическая схема делает упор на связь элементов между собой, а графика выступает в роли средства выражения (наглядности). Составление структурно-логических схем, как один из методов формирования готовности к самоконтролю, имеет ряд характерных особенностей:

- помогает расширению научных знаний, их воспроизведению и запоминанию;
- ориентирует на выделение главного в учебном материале, облегчает понимание;
- нацеливает на выявление причинно-следственных связей, логики событий и явлений;
- повышает познавательную активность студентов;
- воспитывает аккуратность и четкость мысли;
- способствует развитию приемов системного анализа, выделению общих и фиксированию дополнительных элементов учебного материала;
- позволяет не только пройти весь путь решения задачи – от самого задания непосредственно до его воплощения в материальном виде (в тетради или в электронном варианте), но и многократно воспроизвести процесс, отрабатывая необходимые умения.

В рамках проведенного нами педагогического эксперимента в процессе обучения студентов по дисциплинам политология, социология, правоведе-

ние были реализованы все вышепредставленные методы. Полученные результаты формирующего эксперимента позволили нам говорить о положительной динамике в формировании готовности студентов к самоконтролю: количество студентов с высоким и средним уровнем сформированности данной деятельности увеличилось с 18 % до 31 % и с 28 % до 41 % соответственно, а количество студентов, относящихся к группе с низким уровнем, уменьшилось с 54 % до 28 %.

Таким образом, мы можем утверждать, что вышеобозначенные методы обучения в единстве и взаимосвязи способствуют осознанию студентами значимости самоконтроля как необходимой составляющей профессиональной подготовки и формированию готовности к его реализации.

Литература

1. Бердичевский, А. Л. Русский язык: сферы общения [Текст] / А. Л. Бердичевский, Н. Н. Соловьева. – М.: Русский язык. 2002. – 150 с.
2. Государственные образовательные стандарты [электронный ресурс]. – Режим свободного доступа: // <http://www.edu.ru/db/portal/spe/index.htm> (дата обращения 13.09.2010).
3. Климченко, Д. В. Задачи по математике для любознательных [Текст] / Д. В. Климченко – М.: Просвещение, 1992. – 103 с.
4. Морева, Н. А. Современная технология учебного занятия [Текст] / Н. А. Морева. – М.: Просвещение, 2007. – 158 с.
5. Панина, Т. С. Современные методы активизации обучения [Текст]: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Т. С. Панина, Л. С. Вавилова – М.: Академия, 2006. – 176 с.
6. Федеральный закон «О высшем и послевузовском образовании от 22.08.1996 № 125-ФЗ. Электронный ресурс – режим свободного доступа: <http://www.consultant.ru/online/base/> (дата обращения 16.10.2010).

УДК 371.212.2371.13(571.17)"1958/1985"

АНАЛИЗ КОНТИНГЕНТА УЧАЩИХСЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УЧИЛИЩ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1958 – 1985 ГГ.

И. В. Шалыпина

THE FORMING OF THE STUDENTS' QUOTA AT THE PEDAGOGICAL VOCATIONAL SCHOOLS IN KEMEROVO REGION IN 1958 – 1985 YEARS

I. V. Shalyapina

В статье на примере педагогических училищ Кемеровской области рассматриваются основные тенденции, характеризующие процесс формирования контингента учащихся педучилищ в 1958-1985 гг.

The present article is devoted to the main tendencies which characterize the process of forming the quota of students at the pedagogical vocational schools in the 1958-1985 years. The author analyzes the process at the example of the pedagogical vocational schools in Kemerovo region.

Ключевые слова: средние специальные учебные заведения, педагогические училища, среднее педагогическое образование, контингент учащихся.

Keywords: vocational schools, pedagogical vocational schools, secondary pedagogical education, quota of students.

В системе подготовки педагогических кадров важная роль принадлежит средним педагогическим учебным заведениям. Педучилища в течение долгого времени остаются основным источником пополнения школ учителями начальных классов, дошкольных учреждений – кадрами воспитателей. В данной статье рассматривается процесс формирования контингента учащихся в педагогических училищах Кемеровской области в 1958 – 85 гг.

Определение нижних хронологических рамок данного исследования связано с началом крупномасштабной реформы отечественного образования 1958 г., которая осуществлялась в контексте преобразований всего общества. В 1958 г. был принят закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», определивший пути развития среднего профессионального образования [26]. Существенным явилось то, что средние специальные учебные заведения наравне со средней образовательной школой были отнесены к основным типам учебных заведений, дающих полное среднее образование.

Верхние хронологические рамки ограничены 1985 г., связанным с началом перестройки политической, социально-экономической и духовной жизни страны.

Подготовку педагогических кадров средней квалификации в Кемеровской области в рассматриваемый период осуществляли восемь педагогических училищ. Они были достаточно рационально рассредоточены по области: Мариинское и Анжеро-Судженское – на севере, два – на юге области, в Но-

вокузнецке; в центре – в Ленинске-Кузнецком, Белове, Киселёвске, Кемерове.

Старейшими педагогическими училищами являлись Мариинское (создано в 1930 г.) и два Новокузнецких: № 2 (1944 г.) и № 1 (1946 г.). Большинство педучилищ области было открыто в начале 1960-х гг.

В 1958 – 65 гг. педагогические училища Кемеровской области готовили специалистов для дошкольных образовательных учреждений, учителей начальной школы, музыки. Во второй половине 1960-х гг. перечень специальностей расширился: начали готовить учителей физической культуры, пионервожатых, учителей изобразительного искусства и черчения, а в 1975 г. – черчения и обслуживающего труда, черчения и технического труда

В 60-е – 70-е гг. в области не хватало специалистов и по отдельным предметам. Коллективы педагогических училищ всегда реагировали на потребности образования в кадрах, поэтому в некоторых из них (в частности, в Ленинск-Кузнецком, Мариинском, Киселёвском) из наиболее подготовленных учащихся укомплектовывались группы по русскому языку, литературе и математике.

О возрастании роли педучилищ в подготовке педагогических кадров в Кемеровской области в рассматриваемый период можно судить по динамике приёма в них учащихся и выпуска специалистов, количества обучающихся, приведённой в таблице (табл. 1) [13, л.3; 16, л. 3-15, 20, 22, 24, 26-27, 30, 32, 34, 36, 38, 40, 42; 4, л. 3-6, 8-14; 8, л. 2-9; 17, л. 35, 114; 12, л. 13-22. Подсчитано автором статьи].

Таблица 1

**Динамика развития контингента учащихся педучилищ
Кемеровской области**

<i>Педучилища</i>	<i>Годы</i>					
	<i>1960</i>	<i>1965</i>	<i>1970</i>	<i>1975</i>	<i>1980</i>	<i>1985</i>
Приём	540	1310	1397	1291	1932	2130
Выпуск	227	963	1460	1383	1999	1417
Количество учащихся	1030	4810	4707	4608	5983	6010

Как видно из данных таблицы, наибольший прирост контингента в педучилищах наблюдался в период с 1960 по 1965 гг. и с 1975 по 1980 гг.

Период с 1960 по 1965 гг. характеризуется повышенным вниманием партии и правительства к подготовке учительских кадров. Это было обусловлено рядом факторов. Как отмечал заместитель начальника ГУ вуза Министерства просвещения РСФСР И. И. Жук в 1962 г., «выпуски учителей и воспитателей оказались явно недостаточными для удовлетворения растущей потребности школ и детских садов в квалифицированных кадрах» [28, с. 7]. Н. М. Часовникова подчёркивает, что в СССР «с 1958/59 учебного года число учащихся начинает расти быстрее, чем число учителей. Например, в 1958/59 г. прирост учащихся составил 2,9 %, а учителей 2,2 %. Такое же явление наблюдалось и в последующие годы (в 1959/60 г. – соответственно 6 и

2,8 %, в 1960/61 – 8,4 и 4,6 %, в 1962/63 г. – 8 и 4,4 %)» [34, с. 5]. По мнению исследователя, данный факт объясняется как ростом числа учащихся, так и ошибками, допущенными в области планирования подготовки учительских кадров.

Коснулась обозначенная проблема и Кемеровской области. За семилетку контингент учащихся области увеличился с 436,7 тыс. в 1958 г. до 714,7 тыс. в 1965 г. [27, с. 519]. Количество детских садов в Кузбассе увеличилось с 442 в 1958 до 890 в 1965 г., а число детей в них соответственно с 32,3 тыс. до 87,8 тыс., или в 2,5 раза [27, с. 518]. Таким образом, в области имела место серьёзная нехватка учителей и специалистов дошкольных учреждений.

Между тем, в «Законе об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» 1958 г. было заяв-

лено о необходимости осуществления перестройки среднего специального образования в течение трёх-пяти лет, начиная с 1959/1960 г. с учётом местных особенностей и «таким образом, чтобы количество выпускаемых ежегодно специалистов для народного хозяйства, науки и культуры неуклонно повышалось в соответствии с растущими потребностями в них» [26, с. 18]. Нацеливало на решение возникшей проблемы и постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 31 августа 1961 г. «О мерах по обеспечению общеобразовательных школ учительскими кадрами», в котором указывалось, что «подготовка нужного числа высококвалифицированных учителей является важнейшим условием успешного развития народного образования» [25, с. 433]. Значительную роль сыграли решения III областного съезда учителей 1959 г., решения которого были направлены на расширение системы образования в Кузбассе.

В связи с обозначенными факторами в 1960 – 1962 гг. в РСФСР было открыто 17 педагогических училищ [28, с. 7], в том числе 4 педучилища – в Кемеровской области – Киселёвское (1960 г.), Беловское и Ленинск-Кузнецкое (1961 г.), Анжеро-Судженское (1962 г.).

Таким образом, отдел народного образования Кемеровской области наиболее оперативно отреагировал на возросшие потребности в педагогических кадрах: 24 % от общего числа открытых в РСФСР педучилищ находилось именно в Кузбассе.

Ускоренному развитию среднего педагогического образования способствовало и постановление ЦК

КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию высшего и среднего специального образования, улучшению подготовки и использования специалистов», принятое в 1963 г. [23]. Это постановление не только обеспечило дальнейшее совершенствование подготовки учителей, но и санкционировало развитие новых отделений в учебных заведениях.

Рост контингента учащихся педучилищ области в 1975 – 1981 гг. в значительной степени связан с открытием в 1975 г. самого молодого педучилища области – Кемеровского.

Важнейшим звеном в системе подготовки учительских кадров в педучилищах явились заочные и вечерние отделения. В ряде документов партии и правительства развитие сети среднего специального вечернего и заочного образования определено как важнейшая государственная задача: в постановлении Совета Министров СССР «О дальнейшем улучшении высшего и среднего специального заочного и вечернего образования» 1964 г. [21], постановлении Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании подготовки специалистов с высшим и средним специальным образованием без отрыва от производства» 1981 г. [22].

Динамика развития контингента учащихся педучилищ Кемеровской области, обучающихся без отрыва от производства, представлена в таблице (табл. 2) [14, л. 2-3, 5-13, 17; 6, л. 2-7, 9-12, 14; 9, л. 1-9; 12, л. 13-22. Подсчитано автором статьи].

Таблица 2

Динамика развития контингента учащихся педучилищ Кемеровской области, обучающихся без отрыва от производства

Годы	Кол-во заочных отделений	Кол-во вечерних отделений	Кол-во уч-ся всего	Заочные отделения		Вечерние отделения		% обучающихся без отрыва от производства
				Кол-во уч-ся заочных отделений	% от общего числа уч-ся	Кол-во уч-ся вечерних отделений	% от общего числа уч-ся	
1961	2	3	2993	789	26,4	92	3	29,4
1971	4	-	4634	1239	26,7	-	-	26,7
1981	2	-	5660	1091	19,3	-	-	19,3
1985	2	-	6010	1062	17,7	-	-	17,7

Данные таблицы говорят о том, что, несмотря на существенную роль заочного и вечернего обучения в подготовке учительских кадров средней квалификации, процент учащихся, обучающихся без отрыва от производства, снижается. Следует отметить, что эти данные повторяют динамику, имеющую место в средних специальных учебных заведениях в масштабах страны. Если в 1963 г. процент учащихся, обучающихся без отрыва от производства в средних специальных учебных заведениях СССР равнялся 50 [29, с. 1], то в 1973 г. – уже 39 [32, с. 76. Подсчитано автором статьи], а в 1983 – 37 [33, с. 67. Подсчитано автором статьи].

Анализируя полученные данные, на наш взгляд, правильнее сделать вывод не о понижении роли заочного и вечернего обучения, а о повышении роли дневного, что не одно и то же. Данная тенденция является отражением проводимой в стране политики, направленной на повышение требований к качеству образования. Существенную роль в этом процессе сыграло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению подготовки специалистов и совершенствованию руководства высшим и средним специальным образованием в стране» (сентябрь 1966 г.) [24]. Оно предусматривало более высокие темпы развития в вузах и средних специаль-

ных учебных заведениях дневного обучения, которое давало коренные преимущества как по качеству подготовки специалистов, так и по экономическим соображениям. Это решение неуклонно выполнялось. В результате доля обучающихся с отрывом от производства год от года увеличивалась.

Следует отметить, что в государственной политике по развитию среднего педагогического образования в 1958 – 1985 гг. проблема формирования контингента учащихся занимала одно из ведущих мест. Решение этой проблемы возлагалось преимущественно на педагогические коллективы учебных заведений. Основными средствами её решения выступали проведение профориентации и организация приёма в учебные заведения.

Как отмечает А. А. Сойников [31, с. 6], состояние и эффективность профориентационной работы зависит от ряда факторов. Первым по значимости выступает её теоретическое оснащение. По мнению учёного, в исследуемый период педагогическая наука не разработала теоретические основы профориентации. В итоге средние специальные учебные заведения были вынуждены использовать различные формы отбора абитуриентов без соответствующего теоретического обоснования.

Другим фактором является престижность профессии. Она определяется личными интересами, способностями, традициями семьи, регионов, общественным мнением и т. д. С начала 1960-х гг. стали организовывать социологические исследования проблем молодёжи под руководством научных центров. Их деятельностью координировала Академия наук СССР. Целый ряд исследований общественного мнения, проведённых в РСФСР в середине 1960-х гг., показал высокий престиж профессии учителя [31, с. 10].

Третьим фактором эффективности профориентационной работы выступает её содержание и организация. Именно он рассматривался партийно-государственными органами в качестве ведущего при поиске и отборе абитуриентов.

В 1960-х – начале 1970-х гг. в учебных заведениях использовалось незначительное количество форм профориентационной работы. Большинство педучилищ Кемеровской области, как и в большинстве других регионов, ограничивались публикациями в периодической печати: сообщениями корреспондентов, преподавателей и учащихся о жизни учебных заведений, складывающихся традициях, интересных событиях. Кроме того, публикации содержали материал о приёме и организации дней открытых дверей. Практически отсутствовало взаимодействие педучилищ со школами по поиску и отбору абитуриентов. Преподаватели достаточно редко посещали школы, выезжали в сельские районы с целью популяризации профессии учителя и своего учебного заведения. Не было установлено и тесной связи педучилищ с городскими органами народного образования. Отсутствие системы в организации

профориентации, эпизодичность проводимых мероприятий негативно влияли на процесс формирования контингента учащихся.

Конкурс в педагогические училища Кемеровской области с середины 1960-х гг. неуклонно снижался. Если в 1963 г. он составил 2,4 человека на место, а в 1965 г. – 2,7, то в 1967 г. – 2,1, в 1969 г. – 2,0, в 1970 г. – 1,8, в 1981 г. – 1,2, в 1983 г. – 1,1, в 1984 г. – 1,1, в 1985 г. – 1,2 [15, л. 21, 24 – 26, 30, 34 – 38; 16, л. 20, 22, 24, 26 – 27, 30, 32, 34, 36, 38, 40, 42; 1, л. 1 – 12; 2, л. 1 – 3, 5 – 12; 4, л. 3, 6, 8 – 13; 9, л. 1 – 9; 19, л. 48; 20, л. 59; 12, л. 13 – 22. Подсчитано автором статьи].

Во многом это объясняется объективными факторами, в частности, переходом ко всеобщему среднему образованию, что создало проблемы с приёмом абитуриентов на базе неполной средней школы. Для общеобразовательных школ установили твёрдые проценты перевода учащихся в 9-е классы. Директора, отвечая за выполнение плана, в большинстве случаев вообще перестали ориентировать на обучение в средних специальных учебных заведениях. Только в мае 1968 г. Министерство высшего и среднего специального образования СССР и Министерство просвещения СССР рекомендовали педагогическим коллективам совместно с работниками техникумов и училищ вести разъяснительную работу по популяризации средних специальных учебных заведений [31, с. 10].

В масштабах РСФСР это на некоторое время дало свои результаты: если в 1966 г. конкурс в педагогические училища РСФСР составлял 2,3 человека на место, то в 1968-69 гг. уже 2,7; однако к 1980 г. он снизился до 1,6 [31, с. 8, 11, 14].

Таким образом, тенденция к снижению конкурса имела место как в масштабах страны в целом, так и по области. Эта ситуация вынуждала принимать в педагогические училища часть абитуриентов с низким уровнем подготовки и не имеющих призвания к избранной специальности. Это приводило к довольно высокому уровню отсева учащихся педучилищ, к низким показателям качества знаний. Об этом говорят данные, приведённые в представленных ниже таблицах (табл. 3, 4) [15, л. 1, 3 – 6, 8 – 10, 12 – 16; 16, л. 3 – 12, 14 – 15; 3, л. 3 – 14; 5, л. 1 – 4, 6, 8 – 9, 16 – 17, 19, 22; 7, л. 1 – 12; 11, л. 2, 4 – 5, 8 – 12, 15, 18; 17, л. 111, 126, 127; 19, л. 113, 115, 117, 119; 10, л. 2, 69. Подсчитано автором статьи].

Как видно из приведённых в таблицах данных:

- отсев учащихся из педучилищ был достаточно высок, а качество знаний низкое на протяжении всего рассматриваемого периода, однако в 1960-е гг. отсев был значительно выше, а качество ниже, чем в 1970-е гг.;

- резкое уменьшение отсева и увеличение доли учащихся, сдавших экзамен на «хорошо» и «отлично» происходит после 1971 г.

Таблица 3

Отсев учащихся из педучилищ Кемеровской области

	1963/64	1965/66	1969/70	1970/71	1973/74	1974/75	1979/80	1982/83
К-во уч-ся	4385	4810	5041	4707	5039	5240	5983	5602
Выбыло	321	254	296	278	127	134	233	321
% выбывших к общему числу уч-ся	7,3	5,3	5,9	5,9	2,5	2,6	3,9	5,7
Из них по неукладчивости	98	57	140	74	38	30	73	86
% выбывших по неукладчивости	30,5	22,4	47,3	26,6	29,9	22,4	31,3	26,8

Таблица 4

**Качество знаний учащихся педучилищ Кемеровской области
по результатам переводных экзаменов**

	1963/ 64	1965/ 66	1969/ 70	1970/ 71	1973/ 74	1974/ 75	1979/ 80	1981/ 82	1982/ 83	1984/ 85
К-во уч-ся, сдававших экзамены	3019	4352	3750	3560	3825	4534	5315	4308	5090	4210
К-во уч-ся, сдавших экзамены без троек	623	750	634	547	1029	1786	1933	1800	1695	1565
Процент уч-ся, сдавших экзамены без троек	20,6	17,2	16,9	15,4	26,9	39,4	36,4	41,8	33,3	37,2

Отмеченные явления в значительной степени объясняются повышенным вниманием к народному образованию руководства страны, поставившего задачи по обеспечению в девятом пятилетии (1971 – 1975 гг.) полного перехода ко всеобщему среднему образованию молодёжи, увеличению выпуска специалистов с высшим и средним образованием. Применительно к среднему педагогическому образованию данные задачи были конкретизированы на Всесоюзном семинаре-совещании директоров педагогических училищ в Москве весной 1972 г., где были намечены пути повышения эффективности учебно-воспитательной работы в педагогических училищах [30, с. 6].

В условиях уменьшения конкурса в педучилища области обеспечить увеличение выпуска специали-

стов было непросто, что приводило к искусственному сдерживанию отсева учащихся с целью сохранения их численности. Однако в течение 1970-х – начале 1980-х гг. вновь прослеживается устойчивая тенденция к увеличению отсева.

Обращает на себя внимание и некоторая цикличность процента выбывших по неукладчивости, которая явно видна на приведённом ниже графике (рис. 1): через определённое время картина повторяется. Выбывается из общей динамики только 1969/70 учебный год, что, скорее всего, можно объяснить некорректностью данных, приведённых в отчётах педучилищ (рис. 1) [15, л. 1; 16, л. 3-12, 14-15; 3, л. 3-14; 5, л. 1-4, 6, 8-9, 16-17, 19; 7, л. 1-2, 4, 6-8, 10-12; 11, л. 2, 4-5, 8-12, 15, 18; 17, л. 15, 23; 18, л. 131, 143. Подсчитано автором статьи].

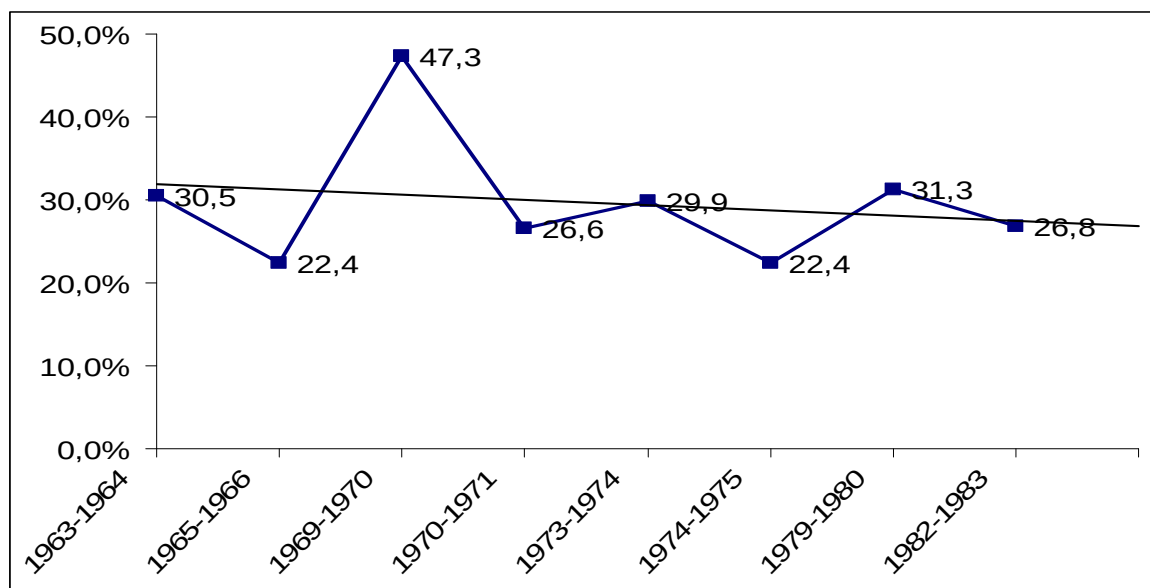

Рис. 1. Динамика контингента учащихся педучилищ Кемеровской области, выбывших по неуспеваемости, %

В целом же, как представляется, подобная динамика может свидетельствовать об отсутствии систематической серьёзной работы по снижению неуспеваемости. Тем не менее, если провести линию тренда, обнаруживается тенденция на снижение процента учащихся, выбывших по неуспеваемости.

Таким образом, в 1958 – 1985 гг. наблюдается развитие системы педагогических училищ, как в стране, так и в Кемеровской области, однако в Кузбассе оно происходило более динамично. Формирование контингента учащихся региона осуществлялось достаточно сложно и неоднозначно, имело свою специфику, однако в целом повторялись характерные черты, имевшие место в масштабах России. Прослеживалась устойчивая тенденция увеличения количества учащихся, что особенно характерно для середины 1960-х гг. Ведущая роль в подготовке выпускников принадлежала дневной форме обучения. В рассматриваемый период педагогические училища Кемеровской области дали путёвку в жизнь многим специалистам, которые работали не только в регионе, но и по всей России.

Литература

1. ГАКО (Государственный архив Кемеровской области). Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 353.
2. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 540.
3. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 542.
4. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 699.
5. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 712.
6. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 771.
7. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 846.
8. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 904.
9. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 1079.
10. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 1025.
11. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 4. Д. 28.
12. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 4. Д. 120.
13. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 8. Д. 6.
14. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 8. Д. 29.

15. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 8. Д. 71.
16. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 8. Д. 131.
17. ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 398.
18. ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 408.
19. ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 413.
20. ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 419.
21. СССР. Постановления Совета Министров СССР. О дальнейшем улучшении высшего и среднего специального заочного и вечернего образования [Текст]: постановл. [№ 285, принято 9 апреля 1964 г.] // СП СССР. – 1964. – № 6. – Ст. 39.
22. СССР. Постановления Совета Министров СССР. О дальнейшем совершенствовании подготовки специалистов с высшим и средним специальным образованием без отрыва от производства [Текст]: постановл.: [№ 730, принято 15 июня 1981 г.] // Бюллетень Министерства высшего и среднего специального образования СССР. – 1981. – № 10.
23. СССР. Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР. О мерах по дальнейшему развитию высшего и среднего специального образования, улучшению подготовки и использования специалистов [Текст]: постановл. [№ 533, принято 9 мая 1963 г.] // СП СССР. – 1963. – № 8. – Ст. 89.
24. СССР. Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР. О мерах по улучшению подготовки специалистов и совершенствованию руководства высшим и средним специальным образованием в стране [Текст]: постановл.: [№ 729, принято 3 сентября 1966 г.] // СП СССР. – 1966. – № 20. – Ст. 176.
25. СССР. Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР. О мерах по обеспечению общеобразовательных школ учительскими кадрами [Текст]: постановл. [принято 3 августа 1961 г.] // КПСС о культуре, просвещении и науке: сборник документов. – М.: изд-во политической литературы, 1963. – С. 432 – 435.

26. СССР. Законы. Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР [Текст]: закон [принят на второй сессии Верховного Совета СССР пятого созыва 24 декабря 1958 года] // Народное образование. – 1959. – № 1.

27. Боченков, К. Ф. Развитие системы народного образования и культуры – одно из условий подъёма экономики Кузбасса (1959 – 1965 гг.) [Текст] / К. Ф. Боченков // Осуществление ленинских идей превращения Сибири в экономически развитый район страны (1917 – 1970 гг.). Труды межвузовской научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения В. И. Ленина – Кемерово, 1972. – С. 518 – 523.

28. Жук, И. И. Педагогические училища РСФСР на новом этапе [Текст] / И. И. Жук // Среднее специальное образование. – 1962. – № 10. – С. 6 – 9.

29. О дальнейшем улучшении вечернего и заочного образования [Текст] // Среднее специальное образование. – 1964. – № 5. – С. 1 – 5.

30. Пичугин, В. А. Педагогические училища в девятой пятилетке [Текст] / В. А. Пичугин // Среднее специальное образование. – 1972. – № 4. – С. 6 – 8.

31. Сойников, А. А. Государственная политика в области подготовки кадров в средних специальных гуманитарных учебных заведениях РСФСР (1958 – 1991 годы) [Текст] / А. А. Сойников. – Курск: Курск. гос. ун-т, 2007. – 124 с.

32. Справка о развитии среднего специального образования СССР на 1974 г. [Текст] – М.: НИИВШ, 1976. – 94 с.

33. Справка о развитии среднего специального образования СССР на 1983 г. [Текст] – М.: НИИВШ, 1985. – 100 с.

34. Часовникова, Н. Особенности формирования учительских кадров в СССР в годы семилетки (1959 – 1965) [Текст] / Н. М. Часовникова // Вестник Московского университета. Серия IX. История. – 1966. – № 6. – С. 3 – 17.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ
И СОЦИОЛОГИЯ**

УДК 323:331.55

ИНТЕГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ФРГ: ВЫБОР СТРАТЕГИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ*И. А. Скорняков***THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY INTEGRATION POLICY: CHOOSING A STRATEGY
AT THE CONTEMPORARY PERIOD***I. A. Skorniyakov*

Статья посвящена исследованию факторов формирования интеграционной политики Германии на современном этапе. Анализ существовавших в ФРГ концепций интеграции иммигрантов в немецкое общество и рынок труда позволяет понять причины неэффективности создания мультикультурного общества в Германии и суть общественной дискуссии о выборе стратегии интеграции сегодня.

The article examines factors of integration policy formation in Germany at the contemporary period. The analysis of existing in FRG concepts of how to integrate immigrants into German society and labour market contributes to the understanding of the reasons why the efforts to build multicultural society in Germany have proved to be ineffective and the essence of public discussion about the choice of integration strategy today.

Ключевые слова: интеграционные процессы, мультикультурализм, мусульманские общины, политические дебаты.

Keywords: integration processes, multiculturalism, Muslim communities, political debates.

В широком смысле интеграция мигрантов подразумевает включение, вовлечение мигрантов в жизнь принимающего сообщества [1, с. 64]. Четкое и всеобъемлющее определение данного понятия пока еще не существует, в научной литературе даются различные его интерпретации. В большинстве своем, определение интеграции зависит от применяемой государством модели интеграционной политики. Под моделью интеграционной политики в настоящей работе понимается определенный способ регулирования существования инаковых общностей в рамках одного государства.

В науке принято выделять три модели интеграционной политики: политической ассимиляции, функциональной и мультикультурной интеграции.

Согласно модели политической ассимиляции, принимающим государствам следует обеспечивать благоприятные условия для быстрого получения иммигрантами нового гражданства [2]. При этом идентичность новых граждан должна определяться национальным политическим порядком, а не этнокультурными или религиозными корнями. Государство формально не признает особых потребностей этнических меньшинств и не учитывает их в политической политике; этнические, культурные, религиозные вопросы относятся сугубо к сфере частной жизни иммигрантов. В целом, суть ассимиляции заключается в стремлении принимающего государства к полному растворению меньшинств в более широкой, доминирующей культурной и этнической общности.

В модели функциональной интеграции в основу формирования нации положен принцип общности происхождения населения и стимулируется полноценная интеграция этнических переселенцев [3]. В отношении иммигрантов, не имеющих местных

корней или хотя бы европейского происхождения, осуществляется политика функциональной интеграции или социального гражданства (*denizenship*), в которой включение иммигрантов происходит только в сферу занятости и систему социального обеспечения. Возможности политического участия в делах общества и получения нового гражданства ограничиваются.

В мультикультурной (коммунитарной) модели, основывающейся на признании наличия в обществе различных этнорасовых групп и необходимости управления их взаимоотношениями, основной акцент делается на обеспечение равенства пришлых и коренных жителей во всех сферах при сохранении первыми родной культуры [4, pp. 311 – 312]. Данная модель базируется на антидискриминационных правовых нормах, политике равных возможностей и отличается быстрым предоставлением мигрантам политических и гражданских прав в полном объеме.

В чистом виде ни одна из названных моделей нигде не существует. Они лишь отражают доминирующий подход властей к решению проблем интеграции. Интеграционная политика весьма многообразна по формам и методам осуществления, ее национальная специфика особенно наглядно проявляется в том, как власти относятся к длительно проживающим мигрантам и этническим меньшинствам.

На сегодняшний день проблема интеграции иммигрантов и выбора оптимальной модели интеграции является одной из важных задач в странах Европейского Союза. Для Германии, прочно занимающей первое место в Европейском Союзе по количеству проживающих в ней лиц иноэтнического происхождения, она имеет особую актуальность. По состоянию на 31 декабря 2009 г. численность проживающих в Германии иностранцев составила

7,1 млн. человек (8,7 % от общего населения Германии), что значительно превышает средний показатель для европейских государств (в среднем 5,1 %) [5, s. 23 – 25]. Представляется важным проанализировать, как сформировалась интеграционная модель в реальной политической практике ФРГ и что было положено в ее основу.

Начало формирования отдельных элементов интеграционной политики ФРГ, по мнению большинства исследователей проблемы, было положено только в 1970-е гг. [6]. Отсутствие интеграционных мер в отношении трудовых мигрантов в 1950-х – 1960-х гг., когда происходила активная вербовка трудовых мигрантов из других стран, объясняется доминировавшей в правительстве ФРГ концепцией ротации «гастарбайтеров», появившейся в социальных науках в 1960 – 70-е гг. Концепция была основана на том, что значительная часть иностранцев, приглашенных на работу в ФРГ, в скором времени покинет страну и на их место приедут новые «гастарбайтеры», т. е. будет происходить постоянная ротация трудовых ресурсов [7, s. 132]. По этой причине, учитывая кратковременность пребывания значительной части иностранцев в стране и отсутствие дальнейших перспектив для их жизни в Германии, задачи их интеграции, за исключением определения места проживания и размещение по месту работы, правительство ФРГ перед собой не ставило. Программы временного найма трудовых мигрантов решали задачу экономии затрат на привлечение трудовых мигрантов, в которые включали, в том числе, профессиональную подготовку, образование иммигрантов, социальное обеспечение и др. Подобная теоретическая установка на практике заложила основы для разделения общества на внутренние, не связанные с собой группы.

Начиная с 1970-х гг., после принятия концепции ограничения ввоза иностранной рабочей силы („Anwerbestopp 1973“), федеральное правительство предприняло меры, направленные на интеграцию мигрантов, оставшихся в ФРГ. Само понятие «интеграция», как элемент иммиграционной политики, впервые появилось в правительственных заявлениях и документах именно в 1970-е гг. [6, с. 9]. Подтверждением этого могут служить выработанные в 1970 г. «Принципы интеграции иностранных рабочих», целью которых было «включение» иммигрантов в общественные отношения ФРГ. Согласно принятой программе предполагалось осуществить следующие меры в области интеграции:

- организация курсов по изучению немецкого языка;
- организация клубов для свободного времяпрепровождения иностранцев;
- организация парламентов иностранцев, представляющих их интересы, и центров координации;
- разрешение на ограниченную политическую деятельность, как предоставление активного и пассивного избирательного права в производственные советы [8, с. 87].

Однако в сложившихся социально-экономических условиях (ограничения в использовании труда мигрантов, сокращение сроков найма, высокий процент безработицы среди мигрантов), последовательная реализация отдельных мероприятий из «Принципов интеграции иностранных рабочих» в отношении трудовых мигрантов на практике почти не была осуществлена. На практике были решены проблемы детей мигрантов, которых было необходимо интегрировать в систему германского школьного, а также профессионального и высшего образования. Дебаты по поводу интенсификации усилий по интеграции иностранных детей и молодежи привели к созданию вспомогательных классов и специальных классов для иностранцев.

В 1990-е гг. партия «зеленых» проводила в жизнь мультикультурную модель интеграции. Сложное слово «мультикультурализм» в политическом обиходе немецких «левых» сократили до «мульти-культи». Организовывались тематические «мультикультурные» встречи немцев с «иностранцами», делались попытки искусственно создать островки «мультикультурности», типа жилых комплексов, где воодушевленные идеей немецкие активисты умышленно селились вместе с иммигрантами [9].

Следует отметить, что особенно проблематичной для правительства ФРГ являлась и является интеграция мусульманских диаспор. В Германии эта проблема нашла наиболее яркое выражение не только из-за размера диаспоры, но и из-за трудностей в разработке эффективной политики по отношению к мусульманским иммигрантам. Общая численность мусульман составляет 3,2 – 3,3 млн. человек [8, s. 21]. Ислам в настоящее время стал второй по числу адептов религией в Германии после католиков и протестантов. Естественный прирост населения в турецкой диаспоре (1,2 – 1,5 % в год) остается значительным, а, следовательно, численность и их доля в населении страны увеличивается, в то время как население Германии в целом стареет и сокращается.

Трудности с культурно-политической интеграцией мусульманского населения заключаются в следующем. Во-первых, ислам, даже в умеренном варианте, препятствует «растворению» диаспоры в либерально-демократическом государстве с христианскими корнями. Приехавшие в качестве трудовых мигрантов в ФРГ в 1960-е гг. турки селились, как правило, в пределах определенных районов, создавали там инфраструктуру, ориентированную на «своего» потребителя. Кроме того, турецкие «гастарбайтеры» и их семьи принадлежали, в основном, к наименее образованному слою турецкого населения, были выходцами из сельских областей, где религиозные традиции особенно сильны. Во-вторых, обособлению мусульманских диаспор способствует также малое количество смешанных браков. Турецкие мигранты предпочитают жениться на представительницах своего этноса, вывозимых из Турции, что позволяет им сохранять традиционную систему семейных отношений. Учитывая большую занятость мигрантов, воспитанием детей в таких семьях в ос-

новном занимаются жены. Как результат, мигранты во втором поколении становятся еще меньше адаптированными к жизни в Германии, чем их отцы. Родившиеся в Германии турки имеют больше шансов на получение гражданства и соответственно на больший объем социальных выплат. Эти обстоятельства, в свою очередь, также не могут стимулировать турецкую молодежь интегрироваться в немецкое общество. Ситуацию усугубляет также тот факт, что 1 – 2 % живущих в Германии мусульман, по данным Федерального ведомства по защите конституции, участвуют в организациях, деятельность и цели которых могут рассматриваться как антиконституционные, а каждая третья мечеть рассматривается как потенциальный центр мусульманского экстремизма [10].

Таким образом, перечисленные факты указывают на неспособность правительства ФРГ разработать эффективную политику по интеграции мусульманских диаспор в немецкое общество. Одной из причин этого положения является наличие у немцев комплекса вины за национал-социалистическое прошлое, который оказал существенное влияние на формирование западногерманской политической культуры. Поскольку именно национальная идея в ее утрированной форме привела Германию к краху политики, идеологи и интеллектуалы Западной Германии предпочитали «дистанцироваться» от всего, что могло напомнить возвращение к временам гитлеровского рейха. Существовал целый ряд политических тем, которые просто не принято было обсуждать на официальном политическом уровне. Население приучали быть толерантным, терпимым по отношению к людям, исповедующим иные взгляды на жизнь, придерживающимся иной культурной ориентации.

На практике идея мультикультурного общества была непопулярна как у немцев, так и у представителей мусульманских диаспор. В маргинальных слоях немецкого населения усиливалась ксенофобия, распространялась праворадикальная субкультура. В маргинальных же слоях иностранного населения как за последний якорь цеплялись за «свою» культурную и религиозную идентичность.

Таким образом, политика, господствовавшая в течение продолжительного времени на политической арене ФРГ, доказала свою несостоятельность. Итогом неверной иммиграционной государственной политики ФРГ стало то, что уже почти полмиллиона этнических немцев приняли ислам, что свидетельствует об угрозе для национальной идентичности немцев, которая ввиду исторических причин и без того все еще находится на стадии формирования.

В 2000-е гг. неприязнь к иностранцам значительно усилилась после террористических актов в США 11 сентября 2001 г. Страх перед тем, что «в страну прибывает все больше иностранцев», стоит ныне на первом месте, вытеснив страхи перед экологической катастрофой и ростом преступности. Основные изменения в интеграционной политике связаны в первую очередь с приходом нового пра-

вительства во главе с федеральным канцлером Ангелой Меркель в 2005 г. В центре дискуссии о германской миграционной и интеграционной политике в первой декаде XXI в. стоят политические и публицистические дебаты по поводу представленного Федеральным правительством закона «Об иммиграции» ("Zuwanderungsgesetz"), который вступил в силу в 2005 г. и был изменен в 2007 г. [11]. Законодатели впервые подошли к интеграции как к законодательной задаче, которую нужно решать с помощью различных мер поддержки.

Согласно закону «Об иммиграции», вновь прибывшим в страну иммигрантам гарантирована помощь в интеграции со стороны государства. Особо подчеркивается, что это положение касается всех новых иммигрантов из третьих стран. Помощь государства должна осуществляться, в первую очередь, с помощью интеграционных курсов, которые состоят из курса немецкого языка (600 учебных часов) и ориентационного курса (30 учебных часов) об истории, культуре и правовой системе Германии. Интеграционный курс заканчивается экзаменом, который необходимо сдать в определенные сроки. По окончании курса выдается сертификат об успешном участии в интеграционном курсе. Полученный сертификат является доказательством выполнения мигрантом определенных законодательных требований. Без сертификата постоянный вид на жительство теперь, как правило, не выдается. В случае получения прав гражданства при предъявлении сертификата об успешном окончании интеграционного курса, требуемый 8-летний срок законного и постоянного пребывания в Германии может сократиться на 1 год.

После вступления в силу закона «Об иммиграции» с 1 января 2005 г. по инициативе федерального канцлера Германии Ангелы Меркель в июле 2006 г. в Берлине был проведен первый саммит по проблемам интеграции, на котором была озвучена необходимость разработки политического интеграционного проекта и поставлены сроки его разработки (до июля 2007 г.). В результате через год, в июле 2007 г., был утвержден «Национальный план по интеграции» ("Nationaler Integrationsplan") [12]. Концепция плана включала в себя около 400 отдельных мер по интеграции иммигрантов. Правительство обязалось инвестировать в содействие интеграции иммигрантов 750 млн. евро. Реализовать концепцию планировалось в течение 2008 г., который был объявлен в Германии «годом интеграции».

В рамках принятого плана по интеграции и в дополнение к положениям закона «О гражданстве ФРГ и о правах иностранцев» 1999 г. с 1 сентября 2008 г. на постоянной основе вводится тест на получение гражданства [13, с. 49]. Он ориентирован на тех иностранцев, которые проживают в Германии длительное время и желают получить паспорт, не имея немецкого свидетельства об окончании школы.

В ноябре 2008 г. состоялся третий саммит по интеграции, на котором были подведены первые итоги реализации Национального плана интеграции

и разработан перечень выполненных обязательств, среди которых увеличение продолжительности интеграционных курсов (языковая подготовка в течение 600 часов и общий инструктаж – 45 часов) и улучшение их финансирования (в 2008 г. израсходовано 155 млн. евро), введение программы содействия освоению немецкого языка, начиная с детского сада, повышение качества подготовки преподавательского состава учебных заведений и увеличение числа учителей из мигрантской среды [14].

Благодаря политическим инициативам саммита по интеграции и Германской исламской конференции (с 2006 г.), на которых Германия была названа «страной интеграции», можно говорить о выделении интеграции как отдельного направления иммиграционной политики.

2009 год охарактеризовался модернизацией социально-экономической системы Германии для ликвидации тяжелых последствий мирового экономического кризиса. Необходимость урезать государственные расходы (в связи с резко возросшим дефицитом государственного бюджета) усилила остроту вопроса о том, откуда взять деньги на пособия иммигрантам. Влияние кризиса, в первую очередь, отразилось на сокращении занятости, увеличении безработицы и, как следствие, сокращении денежных переводов мигрантов. Так, в январе 2009 г. переводы уменьшились более чем в 2 раза по сравнению с аналогичным периодом 2008 г. (в январе 2008 г. переводы трудовых мигрантов составили 110 млн. долл., то в январе 2009 г. – уже 50 млн. долл.) [20]. Коренные немцы задумались: что дешевле – купить иммигрантам билет домой или пытаться интегрировать их в свое общество при помощи немалых затрат. Требования некоторой части иммигрантов об обучении их детей на родном языке и о других (далеко небесплатных привилегиях) усилили негативное отношение к ним коренного населения. Прежняя модель уже никак не соответствует экономическим и общественным возможностям принимающих стран. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что мировой экономический кризис усилил тенденцию к пересмотру проводимой интеграционной политики государства.

Во второй половине 2010 г. развернулась дискуссия о выборе модели интеграционной политики Германии. Начало общественной дискуссии об интеграции иностранцев положила книга представителя Социал-демократической партии Германии (СДПГ) и теперь уже бывшего члена совета директоров Бундесбанка Тило Саррацина «Германия самоликвидируется. Как мы ставим нашу страну на карту» ("Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen"), которая была опубликована 30 августа 2010 г. и вызвала общественный резонанс [18]. Главный тезис автора книги заключается в том, что наплыв мигрантов-мусульман из Турции и арабских стран непременно приведет к гибели Германии. Книга Тило Саррацина стала катализатором для широкой общественной дискуссии. Затем 11 сентября 2010 г. Рен Штадкевич (Ren Stadtkewitz), в недавнем

прошлом активный деятель берлинского отделения ХДС, объявил о создании новой Партии свободы по образцу правопопулистских движений в Австрии, Голландии и Швеции с упором на критику ислама и приезжих мусульман [15]. В октябре 2010 г. интеграционную тему прокомментировало высшее руководство страны – федеральный президент Кристиан Вульф и федеральный канцлер Ангела Меркель. 3 октября 2010 г. на торжествах в Бремене, посвященных 20-летию юбилею объединения Германии, федеральный президент Кристиан Вульф выступил с речью, в которой заявил следующее: «Христианство, несомненно, является частью Германии. Иудаизм, несомненно, является частью Германии. Это наша иудео-христианская история. Между тем, ислам также является частью Германии» [16]. Наконец, 16 октября 2010 г. федеральный канцлер Германии выступила на собрании молодежной организации ХДС в Потсдаме. Программные пункты её речи – провал политики мультикультурализма и отказ от интеграции части приезжих. При этом федеральный канцлер заявила, что ислам в дальнейшем будет все более ощутимо определять собой облик Германии. Перспектива выхода из сложившейся ситуации – требование от мигрантов знания немецкого языка и законов, иначе они в Германии нежелательны. Из этих основных тезисов состоит суть политического послания Ангелы Меркель [17].

В результате, дискуссия об интеграции иностранцев вышла на страницы ведущих СМИ, на экраны федеральных каналов немецкого телевидения. Всё это происходит на фоне растущей активности левых и правых радикалов и размывания середины общества. В ходе открытого обсуждения основных проблем интеграции мигрантов в немецкое общество было выдвинуто несколько важных тезисов, свидетельствующих о «провале» проводимой многие годы интеграционной политики. Приведем некоторые из них:

- от 10 до 15 % иностранцев уклоняется от посещения обязательных интеграционных курсов (данные приведены Томасом де Мезьером, возглавляющим Министерство внутренних дел Германии) [18];

- более 30 % немецкого населения считает, что иностранцы приезжают в Германию лишь за социальной помощью (данные исследования Фонда Фридриха Эберта (Friedrich-Ebert-Stiftung) под названием «Центр в кризисе: праворадикальные настроения в Германии-2010») [19];

- каждый четвертый немец желает «сильной партии», которая навела бы порядок в вопросе об иностранцах в Германии, в первую очередь, мусульман. В октябре 2010 г. социологи подсчитали, что, если бы Тило Саррацин создал партию после выпуска своей книги и широкой огласки, за созданную партию проголосовали бы до 20 % немцев [20].

Дискуссия продолжается по настоящее время. В свете предстоящих в конце марта 2011 г. земельных выборов в Баден-Вюртемберге, тема интеграции

иммигрантов будет являться острым вопросом, так как в случае провала партии ХДС на этих выборах, члены ее партий, не согласные с проводимой иммиграционной и интеграционной политикой, теоретически смогут сместить Ангелу Меркель с поста главы ХДС (а значит и лишит ее поста канцлера).

В ходе дискуссии в адрес правительства ФРГ выдвинуто несколько важных требований, с решением которых правящей коалиции в составе Христианско-демократического союза/Христианско-социального союза и Свободной демократической партии предстоит определиться в оставшиеся до выборов 5 месяцев. Приведем наиболее важные требования:

– требование депутатов оппозиционных партий в бундестаге от партии СДПГ и «Зеленых» признать официальный статус мусульманской общины в Германии. Дело в том, в настоящее время только христиане и иудеи имеют статус официально признанных законом религиозных общин, в то время как по численности последователей ислам в ФРГ уже занимает второе место [21];

– требование премьер-министра Баварии и главы ХСС Хорста Зеерхофера о приостановлении иммиграции в Германию граждан Турции и выходцев из стран Ближнего Востока. Признание ведущей роли немецкой культуры и отказ от мультикультурности. Эти и другие требования отражены в программном докладе Х. Зеерхофера «План семи пунктов» ("Sieben-Punkte-Plan") [22].

В конечном итоге, решения по этим и другим требованиям определяют стратегию кабинета Ангелы Меркель в развитии интеграционного направления иммиграционной политики в ближайшем будущем.

По мнению эксперта МГИМО Н. Большой, события осени 2010 г. наглядно показали, что после проведения Германией в течение последних десяти лет курса на постепенную либерализацию иммиграционной политики, А. Меркель взяла обратный курс на ее ужесточение [23]. Такому повороту, по мнению эксперта, способствовала совокупность факторов: недовольство значительной части местного населения ростом количества иммигрантов из Турции и арабских стран, усилившаяся критика принимаемых правительством мер по интеграции иммигрантов и особенно кризис государства всеобщего благосостояния в Германии.

Подтверждением принятого курса на ужесточение интеграционной политики на практике является формирование и одобрение в октябре 2010 г. законопроекта под названием «Общенациональные программы интеграции» (Das bundesweite Integrationsprogramm) [24]. В законопроекте присутствует два основных момента. Во-первых, предусматривается введение штрафных санкций к тем, кто отказывается посещать обязательные курсы по интеграции. Оплату прохождения обязательных курсов берёт на себя Федеральное ведомство по делам мигрантов и беженцев (Bundesamt für Migration und Flüchtlinge). Во-вторых, происходит ужесточе-

ние борьбы с фиктивными браками, а также насильственной выдачей замуж, часто практикующимися в среде мусульман-иммигрантов. Последнее будет рассматриваться как отдельное преступление. Юридическое преследование станет проще, хотя срок наказания останется неизменным – до пяти лет тюрьмы [24].

По мнению противников законопроекта, в первую очередь, партии «зеленых», слабым звеном в законопроекте является пункт о штрафных санкциях за непосещение интеграционных курсов. Это обусловлено следующим. Большой выбор курсов существует только в крупных городах Германии, так, изучать язык можно как в Высших народных школах, так и через сертифицированные частные структуры. Однако если человек живёт в сельской местности, то для записи на курсы приходится становиться в очередь, которая может растянуться не на один месяц. Кроме того, в законопроекте не прописаны механизмы, каким образом будут местные ведомства по делам иностранцев, ответственные за применение санкций, относиться к пожилым мигрантам, которым посещать курсы не позволяет здоровье. Ведь в случае непосещения языковых занятий иммигрантам грозит отказ в продлении вида на жительство.

Тем не менее, содержание законопроекта и одобрение его правящей коалицией является показателем новых тенденций. Власти Германии осознали острую необходимость взять процесс интеграции мигрантов под пристальный контроль. Однако решение центрального вопроса – какую стратегию иммиграционной политики выбрать в нынешних условиях, остается открытым.

Литература

1. Юдина, Т. Н. Миграция: словарь основных терминов [Текст]: учеб. пособие / Т. Н. Юдина – М.: РГСУ; Академический Проект, 2007. – С. 64.
2. Boswell Chr. Migration in Europe [Электронный ресурс] // Global Commission on International Migration. – URL: <http://www.gcim.org> (дата обращения: 19.02.2009).
3. Collett, E. One Size Fits All? Tailored Integration Policies for Migrants in the European Union [Электронный ресурс] // EPC Working Paper. – 2006. – N 24. – URL: http://www.theepc.be/TEWN/pdf/602431467_EPC_Working_Paper_24.pdf (дата обращения: 17.05.2010).
4. Parekh, B. Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory [Текст] / B. Parekh. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. – L., 2000. – P. 311 – 312.
5. Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Ausländische Bevölkerung. Ergebnisse des Ausländerzentralregisters. – Fachserie 1. Reihe 2. – Wiesbaden & Statistisches Bundesamt, 2010 (erschienen am: 04. März 2010). – S. 23 – 25.
6. Андреюк, В. Ю. Иммиграционная политика ФРГ на примере турецкой рабочей силы в 60 – 80-е гг. XX века [Текст] / В. Ю. Андреюк: дис...

канд. ист. наук: 07.00.03. – М., 1997. – 16 с.; Бондаренко, Н. В. ФРГ: Рынок рабочей силы и иностранные рабочие-мигранты. [Текст] / Н. В. Бондаренко: дис... канд. экон. наук, автореф... дис. канд. ист. наук. – М., 1997. – 17 с.; Карачурина, Л. Б. Германия: как управлять мигрантами [Текст] / Л. Б. Карачурина // Современная Европа. – № 2. – 2009. – С. 18 – 33.; Менц, Г. «Полезные» гастарбайтеры, обременительные беженцы и вторая волна сокращения социальных расходов: связь между миграцией и государством всеобщего благосостояния [Текст] / Г. Менц // Прогнозис. – № 1 (9). – 2007. – С. 117 – 139.; Эльснер, Л. Иностранные рабочие и миграционная политика в ФРГ (1955 – 1988 гг.) [Текст] / Л. Эльснер // Миграция и мигранты в мире капитала: исторические судьбы и современное положение. – Киев: Наукова думка, 1990. – С. 78 – 90.

7. Fassmann, H. Ausländer in der Stadt. Demographische Befunde, gesellschaftliche Problemfelder und politische Strategien [Текст] / H. Fassmann // Berichte zur deutschen Landeskunde. Die Zukunft der Stadt – Visionen der Stadtentwicklung. – Band 75. – Heft 2-3. – 2001. – S. 132.

8. Погорельская, С. Прощание с мульти-культу [Электронный ресурс] // Интернет-версия издания «Литературная газета». – № 30 – 31 (6080). – 26.07.2006. – URL: http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lg302006/Polosy/4_2.htm (дата обращения: 23.03.2009).

9. Tibi, B. Der Islam und Deutschland. Muslime in Deutschland. [Текст] / Bassam Tibi. – München: Deutsche Verlags-Anstalt. Waardenburg, J. D., 2000. – S. 21.

10. Das Zuwanderungsrecht [Электронный ресурс] // Beauftragte der Bundesregierung für Migration, Flüchtlinge und Integration. – URL: <http://www.bundesregierung.de/Webs/Breg/DE/Bundesregierung/BeauftragteFuerIntegration/Zuwanderungsrecht/zuwanderungsrecht.html> (дата обращения: 3.05.2010).

11. Der Nationale Integrationsplan [Электронный ресурс] // Beauftragte für Migration, Flüchtlinge und Integration. – URL: <http://www.bundesregierung.de/Webs/Breg/DE/Bundesregierung/BeauftragteFuerIntegration/Integration/NationalerIntegrationsplan/nationaler-integrationsplan.html> (дата обращения: 3.05.2010).

12. «Интеграция остается ключевой задачей». Интервью с М. Бемер [Текст]. – Deutschland – № 5. – 2008 – С. 46 – 49.

13. Integration kommt voran [Электронный ресурс] // Beauftragte für Migration, Flüchtlinge und Integration. – URL: http://www.bundesregierung.de/nn_663954/Webs/Breg/DE/Bundesregierung/BeauftragteFuerIntegration/Integration/DritterIntegrationsgipfel/dritter-integrationsgipfel.html (дата обращения: 18.11.2009).

14. Масумова, Р. Миграция турецкой рабочей силы в страны Западной Европы [Электронный ре-

сурс] // интернет-версия журнала «Международное движение рабочей силы». – 2009. – URL: http://mirec.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=117#_ftn5 (дата обращения: 18.04.2009).

15. Fischer, S. Deutschland feiert sich [Электронный ресурс] // Интернет-версия журнала Spiegel. – 03.10.2010. – URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/0,1518,720986,00.html> (12.10.2010).

16. Merkel erklärt Multikulti für gescheitert [Электронный ресурс] // Интернет-версия журнала Spiegel. – 16.10.2010. – URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/0,1518,723532,00.html> (дата обращения: 23.10.2010).

17. De Maizièr: Islam nicht auf gleicher Stufe mit Christentum [Электронный ресурс] // Агентство Франс-Пресс (AFP), 08.10.2010. – URL: http://www.google.com/hostednews/afp/article/ALeqM5h3_C_ghOATJX9tRqLC4qacILdDtA?docId=CNG.33b515ffe8ed23e15ffd4b2c776096f7.631 (12.10.2010).

18. Дельфинов, А. Нация и интеграция // Интернет-газета «Русская Германия». – N. 42/2010. – 25.10.-31.10.2010. – URL: [Электронный ресурс] - <http://www.rg-rb.de/2010/42/6d.shtml> (дата обращения: 31.10.2010).

19. Черненко Е. Чужого не надо // Газета «Коммерсантъ». – № 204 (4504). – 02.11.2010. – URL: [Электронный ресурс] <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1532855> (дата обращения: 5.11.2010).

20. Демьянов, А. В дебрях интеграции // Интернет-издание Lenta.ru – 19.10.2010. – URL: [Электронный ресурс] <http://lenta.ru/articles/2010/10/19/integration> (дата обращения: 7.11.2010).

21. Merkel erklärt Multikulti für gescheitert // Интернет-версия журнала Spiegel. – 16.10.2010. – URL: [Электронный ресурс] <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/0,1518,723532,00.html> (дата обращения: 23.10.2010).

22. «Проблема интеграции иммигрантов-мусульман расколола «черно-желтую коалицию» в Германии». Интервью с Н. Большовой // Информационный портал университета МГИМО, 22.10.2010 – URL: [Электронный ресурс] <http://www.mgimo.ru/news/experts/document166970.phtml> (дата обращения: 2.11.2010).

23. Das bundesweite Integrationsprogramm [Электронный ресурс] // <http://www.bamf.de>: Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. – URL: http://www.bamf.de/eln_101/nn_443130/DE/Integration/Integrationsprogramm/integrationsprogramm-node.html?nnn=true (дата обращения: 21.10.2010).

24. Не учишь немецкий – возвращайся на родину // Интернет-газета «Русская Германия». – N. 44/2010. – 08.11.-14.11.2010. – URL: [Электронный ресурс]: <http://www.rg-rb.de/2010/44/1.shtml> (дата обращения: 5.11.2010).

УДК [323.22 + 316.3/. 4]

**МОЛОДЁЖНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ
КАК МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТНОСТИ МОЛОДЁЖИ
В ПУБЛИЧНОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКЕ***С. Н. Чирун***YOUTH POLITICAL MOVEMENTS AND THE ORGANIZATIONS
AS MECHANISMS AND REALIZATION WAYS INDEPENDENCE
YOUTH IN PUBLIC YOUTH POLICY***S. N. Chirun*

В статье рассматриваются основные научные трактовки понятий: «молодёжное движение», «молодёжные организации», проводится их анализ, раскрываются основные характеристики, элементы, приводятся типологии. Наряду с традиционными формами рассматриваются так же инновационные «постмодернистские» формы молодёжного движения и его значение для молодёжной политики.

In article the basic scientific treatments of concepts «youth movement» are considered, «the youth organizations» their analysis is carried out, the basic characteristics, elements are opened, resulted typology. Alongside with traditional forms are examined as innovative «postmodernist» forms of youth movement and his value for a youth politics.

Ключевые слова: молодёжные организации, молодёжное движение, молодёжная политика.

Keywords: the youth organizations, youth movement, a youth politics.

Заметную роль в осуществлении молодёжной политики играют общественно-политические организации и движения. В определенных ситуациях они могут оказывать воздействие и на государственную власть, её институты. В этом случае они могут осуществлять функции групп интересов и групп давления. Действительно, в мире нет ни одной реальной политической силы, которая не культивировала бы в подрастающем поколении свои идеалы и ценности, помогающие ей сохраняться и переходить от поколения к поколению [1, с. 2].

В одном из своих определений молодёжной политики В. К. Криворученко говорит о ней как о совокупном отношении «к молодому поколению, юношескому движению...» [2, с. 149]. По мнению А. А. Костровой, «Именно совокупная деятельность всех общественно-значимых субъектов политики и, прежде всего, молодёжных объединений ... придают молодёжной политике характеристику публичной политики» [3, с. 27]. Существует подход, согласно которому сама молодёжная политика есть не что иное, как стратегия и тактика молодёжного движения [4, с. 22].

Однако, пока нет единого устоявшегося понимания сущности молодёжного движения. Ряд исследователей трактуют молодёжное движение как синоним молодёжной субкультуры, выполняющий функции социализации личности [6, с. 465].

Существуют попытки делить молодёжное движение на формальное и неформальное, аргументируя это тем, что формальное молодёжное объединение создается для молодых людей извне. Как правило, взрослые придумывают идею, цели, структуру для этих объединений и организуют вступление в них молодёжь. Тогда как неформальные молодёжные объединения представляют группы, возникшие на основе субъективных потребностей, интересов и стремлений молодых людей, вне зависимости от то-

го, совпадают или противоречат их интересам общества.

Весьма распространённым является подход, в котором авторы рассматривают молодёжное движение во взаимосвязи с актуальными проблемами молодёжи, патриотическим воспитанием и политикой, проводимой политическими институтами и, в первую очередь, государством в отношении молодёжи [5].

Утверждение молодёжного движения в качестве фактора прогрессивных изменений предполагает, по Малеру, «новое воспитание в рамках молодёжного движения и всего общества», что означает переплетение самовоспитания с «опережающим участием, освобожденной социализацией» [6, р. 48.]. Подобной же точки зрения придерживаются такие авторитетные исследователи проблем молодёжи, как В. Адамски, О. Бэдина, Н. М. Блинов, Р. Даткулеску, Ф. Гажо, И. М. Ильинский, А. Матейовски, Г. Мюллер [7].

Политологи М. Карват и В. Милянковский рассматривали молодёжное движение, как вид политического движения. В их концепции молодёжные организации и молодёжные движения производят из молодого поколения новое качество, «...создают из него общественный субъект...» [7, с. 16]. В. А. Луков определял молодёжное движение как способ самостоятельного участия молодёжи в процессе смены и преемственности поколений через специфические коллективные формы социальной активности [7, с. 66.].

Исследователь Хохлова Н. А. определяет молодёжное движение, «...как совокупность молодёжных организаций, которые создаются активной частью юношей и девушек, лидерами политических партий с целью удовлетворения определенных социальных, политических, личных потребностей, подготовки смены политической элиты» [8, с. 18.].

На наш взгляд, современное молодёжное политическое движение, являясь формой коллективного политического действия и/или участия, а также механизмом и в некоторых случаях этапом политической социализации, представляет собой синергичную модель субъектной самоактуализации молодёжи в молодёжной политике постмодерна, доступную (вследствие институционального плюрализма) и популярную для пассионарной молодёжи.

Несмотря на достаточно высокий научный интерес к различным аспектам молодежных объединений, вопрос о характере субъектности молодёжи, её роли в функционирующей в России модели молодёжной политики до сих пор нуждается в теоретическом осмыслении с учетом нынешней общественно-политической ситуации, долгосрочных целей общественного развития и новых вызовов, а также с учетом тенденций социальной идентификации молодёжи.

Здесь сохраняется, а в условиях постмодерна даже углубляется ряд проблем, требующих концептуальной проработки. К ним можно отнести:

- концептуальное осмысление роли и места молодежных организаций в системе молодёжной политики современной России;
- выявление доминирующих геополитических и внутривнутриполитических процессов, влияющих на роль молодежного движения в трансформации молодёжной политики;
- выявление причин трансформации субъектности молодёжи постсовременной России в молодёжной политике;
- определение актуальных политических, социально-экономических, социально-психологических, ситуационных, организационно-управленческих, информационно-коммуникационных аспектов формирования и функционирования обновлённой модели молодёжной политики, отражающей императивы постмодерна.

По мнению Кольжановой И. Н., молодёжь представляет собой наиболее удобный инструмент для организаторов переворотов, поскольку именно «...против молодёжи вдвойне преступно использовать силу» [9, с. 17]. Молодежь эпохи постмодерна управляема при помощи маркетинговых и пиар технологий: организации флэш-мобов, раздачи маек, кепок, наклеек, шаров и т. д. Медиа-средства коммуникации являются для молодых привычными источниками ценностей. Обостренное гендерное восприятие обеспечивает интерес молодёжи к эпатажным субъектам политики. В постмодерне для молодёжи уже не существует значимых идеологических оснований, способных их объединить и организовать, поскольку они ей не интересны, сама жизнь гораздо насыщеннее и чувственнее. Молодежи чрезвычайно импонирует игровой стиль современной жизни – неясный фатализм, яркость и красочность прилагаемых усилий. Именно поэтому молодежные группы наиболее восприимчивы к постмодернистским технологиям в политике. Многие молодёжные движения уже сейчас являются постсовременными,

они, вбирая в себя осколки классических идеологий, ориентированы на эпатаж и аффект, на неформальное, чувственное восприятие действительности.

Впрочем, политолог Якушева, напротив, отмечает высокую степень формализации процедур, связанных с созданием «оранжевых» молодежных организаций и использованием технологий молодёжной политики для активизации в обществе протестных настроений. Причём, данная технология, по мнению Якушевой, была «...основана на использовании стандартного набора способов и моделей организации деятельности, предполагающих использование как имеющихся общественных объединений, так и создание новых, претендующих на лидерство...» [10, с. 64].

Однако, следует заметить, что современная молодёжная политика уже не ориентирована на будущее, она исходит из важности ситуации и соответствия моменту, что характеризует её сущностную трансформацию.

Так, А. Г. Дугин констатирует трансформацию самой природы политики и её превращение в постполитику [11].

Виртуальный мир медиакратии не просто творит мир, он его растворяет, настойчиво навязывая собственную игровую, ироничную повестку дня. Это состояние французский философ Ги Дебор назвал «обществом зрелищ». Общество зрелищ является постполитическим обществом. И хотя в таком обществе политика не исчезает, но исчезает традиционное «политическое», и, соответственно, политика становится полностью дезонтологизированным полем игры случайных псевдополитических образов.

Молодежная политика в ее современном значении представляет собой процесс, развертывающийся от Политического к постполитике. Высшей властью в постполитическом обществе обладают СМИ. Быть актором, субъектом в «постполитике» означает «быть показанным», «упомянутым», «отмеченным». Это бытие длится одно мгновение, но это мгновение и воспринимается как единственная реальность.

Объективные закономерности и результаты развития экономической и социально-политической ситуации в постсоветских государствах все рельефнее показывают возрастающее значение молодёжи в политической жизни. Особенно ярко роль молодёжи в современных политических процессах проявляется в деятельности молодежных движений, являющихся движущей силой «бархатных» или «цветных» революций, прокатившихся по странам постсоветского пространства.

Типовая «революционная» молодежная организация образца начала XXI века, по технологии американского политолога Дж. Шарпа, не имеет единоличного лидера, чтобы не быть обезглавленной, а основной стратегией своих действий по дестабилизации политического режима и захвату власти. Молодежь избирает ненасильственное политическое сопротивление, что представляет собой симбиоз анархизма в сочетании с методами современной психологической войны.

Рассматривая процессы по смене политической власти в ходе оранжевых революций, в том числе и события 2000 года в Югославии, где оппозиция отстранила от власти С. Милошевича, становится очевидным, что они проходили по схожим сценариям (в Грузии, Украине, Киргизии). При этом сходство «революционных» технологий ненасильственных действий оппозиционных политических сил, применявшихся в Югославии, Грузии, Украине и Киргизии, доказывает, что данные события:

во-первых, были организованы и поддержаны извне;

во-вторых, не были прямым следствием глубоких кризисных политических, экономических и социальных процессов в указанных странах. То есть, «оранжевая революция», в отличие от просто «революции», имеет экзогенный (сформированный извне) характер. Это, в частности, подтверждается тем, что ни в одном из этих государств не произошли значительные изменения в общественно-политической системе.

По мнению большинства политических наблюдателей, никто в этих странах не собирается всерьез заниматься ротацией элит, приоткрывая каналы политической мобильности, вводить в элиту пассионариев из низов. Такова практика, а не конъюнктурные намерения, тиражируемые в заявлениях лидеров цветочных революций. Ротации, как правило, подвергается лишь часть политической и экономической элиты, как правило, противостоявшая тем, кто одержал верх в битве за власть в республике. Разумеется, местные кланы производят передел сфер влияния, но никаких серьезных изменений в осуществлении экономического и социального курса не происходит, поскольку большинство представителей новой «революционной элиты» занимали весьма высокие посты при прежних режимах.

Таким образом, в ходе так называемых «оранжевых революций» молодая и прозападная часть элиты, используя технологии молодежной политики постмодерна, энергию широких масс населения, стремление молодежи к субъектности в политике, захватывала власть у более консервативной части политической элиты.

В политической литературе феномен «цветных» революций справедливо представляется как приуроченный к какому-либо важнейшему политическому событию в той или иной стране (как правило, выборам) политический переворот, осуществляемый при поддержке иностранных государств с целью надления властью политической группировки, управляемой извне. При осуществлении этой деятельности используются новейшие научные разработки в области социальной психологии (технологии манипулирования сознанием) для активизации, как правило, среди политически пассивной части населения, особых некритических, зависимых, контролируемых, управляемых состояний политического сознания [12, с. 16]. В Грузии и на Украине в качестве такой силы выступила группировка национал-либеральных политиков западной ориентации. Политический переворот («революция») совершается

при помощи комплекса пропагандистских и организационных мероприятий, целью которых является вовлечение в процесс уличной борьбы: перманентных митингов, блокады административных зданий, перекрытий автодорог и т. п., как можно большего числа людей. Цель этих массовых акций – давление и шантаж на власть, принуждение ее к переговорам с политической оппозицией, и, в конечном счете, к сдаче своих позиций и полной политической капитуляции. Движущей силой массовых акций служат молодежные организации, а организационным и идейным ядром выступают особые, заранее подготовленные и профинансированные структуры, рекрутирующие в свои ряды в основном студенческую оппозиционно настроенную молодежь.

Интересен опыт некоторых государств, перенесших «цветные» революции.

Молодежная организация «Отпор» появилась в Югославии (в Сербии) в 1996 году. По признанию ее создателей, за движением стояла ранее сильно разобщенная сербская политическая оппозиция. «Отпор» избрал своей эмблемой провокационно сжатый кулак, с помощью американского финансирования (National Endowment for Democracy, International, Republican Institute, Open Society institutes, The Soros Foundation) это движение оформилось в мощную политическую молодежную организацию. Примечательно, что участники «Отпора» начинали с того, что по ночам рисовали граффити на стенах домов: сжатый кулак и лозунги «Время пришло». На одежде «отпоровцев», наряду с традиционным кулаком, было требование перемен.

По оценкам политических наблюдателей, поначалу «Отпор» устраивал довольно забавные акции: так, на день рождения Милошевича они испекли огромный пирог в форме Югославии, нарезали его на куски и раздали прохожим, говоря при этом, что это именно то, что делает Милошевич с Югославией. Сообщается, что активистов «Отпора» тренировал в Будапеште полковник ВВС США Роберт Хелви. Тренировки с использованием методов ненасильственного сопротивления проводились в соответствии с методиками, изложенными в уже упоминавшейся выше книге Дж. Шарпа, на основе которой была издана брошюра, розданная более чем 70 тыс. активистам молодежной организации [12].

В Грузии, наряду с массовым молодежным движением, ключевую роль в оппозиционной агитации и активизации политического сознания населения сыграл ТВ-канал «Рустави-2», который спонсировал лично Джордж Сорос через свой Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса) [12].

В свою очередь, украинская «Пора» была создана политически активной частью студенчества в 2001 году. Отмечается, что основные тренировки её активисты прошли в Сербии. Главными финансовыми донорами и идейными вдохновителями «Поры» были неправительственные организации «Наш выбор-2004» и «Свобода выбора», которые, в свою очередь, спонсировались уже перечисленными выше американскими демократическими институтами.

Таким образом, ведущей движущей силой «цветных» революций на данном этапе выступили массовые молодежные политические движения и организации. Путем спланированной и хорошо скоординированной деятельности, направленной против существующего политического режима, используя современные технологии манипуляции, они добились политизации общественного сознания и всплеска политической активности населения в интересах определенных геополитических акторов.

Характеризуя технологические особенности молодежной политики, задействованные в проведении «цветных революций» на постсоветском пространстве, можно отметить следующие особенности:

1. Действующие молодежные группы были консолидированы либеральными и частично социал-демократическими лозунгами, идеями демократии и правового государства.

2. Манипуляция политическим сознанием политически активной молодежи осуществлялась при помощи сетевых технологий.

3. Значительная часть традиционно политически инертной молодежи втягивается в события под влиянием массового психологического заражения, проникаясь иллюзиями «общности целей».

4. Политическим манипуляторам удается внушить широким массам молодежи, что их плачевное положение связано с конкретным «антидемократическим» режимом, что приход «демократического» правительства решит если не все, то большинство текущих острых проблем.

5. После свершившегося переворота молодежь обнаруживает себя обманутой, сталкивается с жесткими неолиберальными реформами, со снижением уровня жизни, социальной и правовой защищенности.

В этом случае уместнее говорить о симулякре субъектности молодежи в молодежной политике, нежели о ней как реальном состоянии.

Указанная стратегия и тактика молодежных движений была направлена на делегитимацию существующих политических институтов, захват политической власти в стране в целях смены политического режима.

Институциональный подход к изучению публичной молодежной политики диктует потребность выявить специфику всех её субъектов, ибо реальная жизнь складывается, как интегрированный результат сложной политической «игры» разнообразных акторов, действующих на общественной сцене [3, с. 75].

В условиях социальной неопределенности, характерной для общества постмодерна, молодежное движение становится значимым актором публичной молодежной политики, важным механизмом политической социализации молодежи и воспроизводства социально-политических отношений в обществе.

Существенная функция молодежных организаций и движений, поддерживаемая государством и

всячески спонсируемая державно ориентированным бизнесом, должна заключаться в активизации социально-политического развития молодежи – повышении реальной, действительной субъектности молодежи в молодежной политике (но не её симулякров), предотвращении тенденций ее социального отчуждения и маргинализации, активизации социального участия на основе самоопределения и укрепления гражданских идентичностей.

Литература

1. Тетерский, С. В. Международный опыт государственно-общественной поддержки социальных инициатив детей и молодежи: Монография / С. В. Тетерский. – М.: Реглант, 2003. – 211 с.
2. Криворученко, В. К. Молодежь и молодежная политика: термины и понятия / В. К. Криворученко. – М.: Национальный институт бизнеса, 2005. – 400 с.
3. Кострова, А. А. Публичная молодежная политика: процесс становления и реализации в современной России / А. А. Кострова: дис. ... канд. полит. наук (23.00.02). – М., 2008. – 229 с.
4. Забелин, П. В. Молодежная политика: стратегия, идеи, перспективы / П. В. Забелин. – М., 1998. – 86 с.
5. Ковалёва, А. И. Социология молодежи: теоретические вопросы / А. И. Ковалёва, В. А. Луков. – М.: Социум, 1999. – 325 с.
6. Mahler, F. Introducere in Juventologie / F. Mahler. – Bucuresti: Ed. Stiintifica si enciclopedica, 1983. – 296 p.
7. Луков, В. А. Молодежное движение в социалистическом обществе / В. А. Луков. – М.: Мол. гвардия, 1987. – 222 с.
8. Хохлова, Н. А. Современное молодежное движение в России: структурно-функциональный анализ / Н. А. Хохлова: дис. ... канд. полит. наук (23.00.02). – Н. Новгород., 2007. – 249 с.
9. Кольжанова, И. Н. Общественно-политические молодежные движения в современной России: масса, элиты, лидеры / И. Н. Кольжанова: дис. ... канд. полит. наук (23.00.02). – Ростов-на-Дону, 2006. – 164 с.
10. Якушева, И. П. Современные молодежные движения как фактор активизации политического сознания в Российском обществе / И. П. Якушева: дис. ... канд. полит. наук (23.00.02). – М., 2007. – 180 с.
11. Дугин, А. Г. Трансформация политических структур и институтов в процессе модернизации традиционных обществ / А. Г. Дугин: дис. ... д-ра полит. наук (23.00.02). – Ростов-на-Дону, 2004. – 346 с.
12. Замай, И. В. Ненасилие в политических трансформациях на постсоветском пространстве / И. В. Замай: дис. ... канд. полит. наук (23.00.02). – М., 2007. – 167 с.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923

**ОСОБЕННОСТИ САМОРЕГУЛЯЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ
НА НАЧАЛЬНЫХ ЭТАПАХ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ***Т. О. Отт, И. С. Морозова***FEATURES OF SELF-CONTROL OF EDUCATIONAL ACTIVITY OF STUDENTS AT
THE TRAINING INITIAL STAGES ON THE UNIVERSITY***T. O. Ott, I. S. Morozova*

В статье рассмотрена проблема саморегуляции личности, представлены различные подходы к изучению саморегуляции. Описано эмпирическое исследование, направленное на изучение особенностей саморегуляции на начальных этапах обучения в вузе. Проинтерпретированы и проанализированы полученные результаты исследования. Сделаны общие выводы по исследуемой проблеме.

In article the problem of self-control of the person is considered, various approaches to self-control studying are presented. The empirical research directed on studying of features of self-control at the initial stages of training in high school is described. The received results of research are analysed. The general conclusions on an investigated problem are drawn.

Ключевые слова: саморегуляция, учебная деятельность

Keywords: self-control, educational activities.

На каждом этапе возрастного развития личность «по-своему» решает возникающие проблемы и противоречия, овладевает наиболее предпочтительными формами поведения, усваивает нормы и жизненные принципы. Вступая на каждую последующую ступень своего развития, личность проявляет своеобразную «готовность» к восприятию и решению проблем, важных для данного возраста [3]. Студенты-первокурсники – это вчерашние школьники со «школьными установками». У большинства из них ещё не сформировано отношение к учебе в институте, к своей карьере, не выработаны жизненные цели, они имеют слабое представление об избранной специальности. Процесс вхождения студентов первокурсников в новую образовательную среду, приобретение профессиональных знаний является для них сложным процессом. Новая образовательная среда предъявляет первокурсникам такие специфические требования, выполнение которых во многом зависит от умения строить общение, эффективно реализовать свои коммуникативные способности и находить пути решения возникающих трудностей для преобразования своей жизнедеятельности. Студенту необходимо не просто приобрести знания, умения, навыки, освоить образовательные компетенции выбранной профессии, но и овладеть творческим подходом к ее осуществлению, развить устойчивые познавательные интересы и мотивы учения, потребность в постоянном самообразовании и самовоспитании [2].

Нередко можно наблюдать учащихся вуза, которые, имея, казалось бы, необходимые собственно когнитивные и мотивационные предпосылки к успешной учебе, затрачивая к тому же на нее значительные время и усилия, все же демонстрируют устойчиво невысокую успеваемость. Часто это имен-

но те учащиеся, которые не обладают комплексом общедеятельностных качеств, навыков и умений, проявляющихся в способности самостоятельно работать, организовывать свой труд, контролировать и правильно оценивать результаты своей учебной деятельности и т. д. Это подтверждает тот факт, что те же учащиеся часто удовлетворительно справляются с разного рода заданиями в присутствии другого человека, берущего на себя функции компетентного контролера их работы, ее оценки, способного сделать необходимые подсказки и стимулировать их учебную деятельность [4]. Поэтому одной из важных задач вуза на современном этапе является повышение эффективности учебной деятельности студентов, формирование их активности и самостоятельности. Психологическую основу самостоятельности составляет сформированная система саморегуляции, так как только в том случае, если студент сам осознает значимость приобретаемой им профессии, он может сознательно ставить перед собой учебные цели и добиваться их исполнения, видеть возможности дальнейшего профессионального совершенствования. Саморегуляция как самокоррекция личности проявляется в случаях необходимости изменять не обстоятельства жизни, а себя, свои личностные позиции, ценности.

Развитие и становление идей саморегуляции происходило в тесной связи с такими направлениями психологических исследований, как воля, регуляция деятельности, стиль деятельности, мотивация, произвольность, самодетерминация, ответственность и принятие решений, а также в контексте проблемы общей структуры и динамики человеческой активности.

Среди работ зарубежных исследователей по саморегуляции поведения следует отметить модель

саморегуляции, разработанную такими авторами как Ю. Куль, И. Бекман, Дж. Нюттен, А. В. Круглански, Г. Акомба, Ф. Ирвина, А. Кенни, К. Ламбека и др. Идея регуляции поведения, как особого самостоятельного процесса, была ясно сформирована в работах Ч. Шеррингтона, развивших положение К. Бернара о саморегуляции. Ч. Шеррингтон считал, что саморегуляция, связанная с сознанием человека, не нуждается в наличии особого психического образования, именуемого волей, и осуществляется через работу отдельных нервных центров, связанных с сознательным отражением [5]. Вопросы саморегуляции, самоподкреплений поднимались и в исследованиях многих психологов, анализирующих процесс мотивации.

Среди отечественных психологов были развиты и сформулированные важные положения, которые являлись фундаментальной основой для дальнейшего развития исследований в области саморегуляции.

Труды И. М. Сеченова и И. П. Павлова положили начало формированию представлений о регуляторном характере протекания психических явлений и процессов. Огромная заслуга в постановке и раскрытии важных аспектов проблем психической саморегуляции принадлежит В. М. Бехтереву, а также его ученикам и последователям в лице Л. Ф. Лазурского, М. Я. Басова, В. Н. Мясищева. М. Я. Басов считал, что своеобразным психическим механизмом, через который личность регулирует свои психические функции, является воля.

Идеи произвольной регуляции действий человека и различных психических процессов были развиты в работах Л. С. Выготского. Б. В. Зейгарник рассматривает саморегуляцию как сознательный процесс, направленный на управление своим поведением.

В. И. Селиванов включал регуляцию эмоций и психических состояний, создание психической устойчивости, обеспечивающей успешность деятельности. По мнению Е. П. Ильина, волевая регуляция реализуется через разновидность волевых действий, для которых существенным становится проявление волевых усилий и которые соотносятся с волевым поведением. Как особую форму регуляции поведения понимает волю Л. М. Веккер. Он выделяет три формы регуляции: произвольную, произвольную и волевою. В концепции В. А. Иванникова, роль личности в волевой регуляции проявляется в способности к смыслообразованию при недостатке мотивации для осуществления или прекращения действия.

Осознанную саморегуляцию О. А. Конопкин, понимает как системно-организованный процесс внутренней психической активности человека по инициации, построению, поддержанию и управлению всеми видами и формами внешней и внутренней активности, которые направлены на достижение принимаемых субъектом целей [4].

Согласно взглядам С. Л. Рубинштейна [10], специфическими способами реализации психической активности являются «сознание» и «действие». «Психическая саморегуляция человеком своей дея-

тельности – пишет О. А. Конопкин, – является высшим уровнем регуляции поведенческой активности биологических систем, отражающих качественную специфику реализующих ее психических средств отражения и моделирования действительности и самого себя, своей активности и деятельности, поступков, их оснований».

По мнению А. О. Прохорова, механизмы саморегуляции имеют место уже на клеточном уровне организации жизнедеятельности человека. Направлением психической деятельности человека в изучении проблем саморегуляции представлены в работах К. А. Абульхановой-Славской, Н. А. Бернштейн, О. А. Конопкина, А. Н. Леонтьева, Б. Ф. Ломова, Г. С. Никифорова, С. Л. Рубинштейна и др. Исходя из представлений об активностной природе саморегуляции, эти и другие авторы подчеркивают ее преимущество перед регуляцией. В разработках обобщенной модели регуляции психической деятельности Ю. Я. Голикова и А. И. Костина в качестве методологического основания модели положено сочетание системного и межсистемного подходов, что отражает, по мнению авторов, как целостность, так и неустойчивость, неупорядоченность процессов регуляции.

А. К. Осницкий предлагает разделять личностную и деятельностную саморегуляцию. В контексте изучения личностной саморегуляции Ю. А. Миславский включает в состав структурно-функциональных компонентов системы саморегуляции личности следующие составляющие: ценности и цели, идеалы и образ «Я», а также уровень притязаний и самооценивание (самооценку) [9]. Л. П. Гримак считает, что личностный уровень регуляции должен исследоваться в широком контексте процессов жизнедеятельности, где в качестве основного механизма регуляции выступает жизненный выбор. Личностная саморегуляция изучались в рамках концепций волевого овладения личностью своим поведением (Л. П. Басов, В. И. Селиванов, В. А. Иванников, Т. И. Шульга, А. В. Быков, Т. Куль и др.).

В системно-деятельностной концепции психической саморегуляции состояния, развиваемой Л. Г. Дикой совместно с сотрудниками лаборатории, психическая саморегуляция рассматривается одновременно как психическая деятельность и как психологическая система, это позволяет в выборе детерминант реализовать принципы полисистемного подхода и межсистемного анализа, то есть выделить те детерминанты, которые представляют собой системные основания саморегуляции [1]. Саморегуляция понимается В. И. Моросановой как целостная система выдвижения и управления достижением целей поведения и деятельности. Понятие индивидуального стиля саморегуляции предложено В. И. Моросановой как средство реализации субъектного подхода к исследованию индивидуально-типических форм произвольной активности человека [8]. Деятельность и активность человека не могут быть бессубъектной и безличностной, считает В. И. Моросанова. Основными характеристиками

субъектной активности является ее творческий характер, способность изменять окружающий мир (активность), и способность к самостоятельности, саморегуляции и самоорганизации [7]. Таким образом, в стиле саморегуляции аккумулированы типичные для данной личности способы организации ее активности. Именно в этом смысле стилевые регуляторные особенности являются предпосылками формирования индивидуального стиля деятельности при овладении новыми ее видами.

Чем выше характерный для личности уровень осознанного саморегулирования, развитость, гармоничность всех основных его звеньев, тем меньше трудностей при выборе профессии и легче проходит адаптация к новым видам деятельности [4].

В рамках решения проблемы оптимизации учебной деятельности первокурсников, посредством учета особенностей саморегуляции нами было проведено эмпирическое исследование. В нем принимали участие студенты 1 курса Кемеровского государственного университета, в количестве 100 человек, из них 64 девушки и 36 юношей 16 – 18 лет.

Тестирование проводилось на таких факультетах как: социально – психологический и филологический, которые мы объединили в группу «гуманитарный профиль», а так же физический и химический факультеты, объединенные во вторую группу «естественно-научного профиля». В данном исследовании были использованы такие методики как: опросник самооценки упорства (Е. П. Ильин, Е. К. Фещенко), опросник самооценки настойчивости (Е. П. Ильин, Е. К. Фещенко), тест-опросник уровня субъективного контроля, опросник диагностики индивидуально стилевых особенностей саморегуляции В. И. Моросановой.

Согласно параметрам опросников самооценки упорства и настойчивости (Е. П. Ильин, Е. К. Фещенко), результаты диагностики определяются выраженностью показателей, достигших уровня 7 баллов, а высокими результатами являются показатели выше 13 баллов. Результаты диагностики самооценки упорства и настойчивости отражены в таблице 1.

Таблица 1

Средние показатели самооценки студентов-первокурсников

<i>Профиль обучения</i>	<i>Показатель настойчивости</i>			<i>Показатель упорства</i>		
	<i>Низкий уровень</i>	<i>Средний уровень</i>	<i>Высокий уровень</i>	<i>Низкий уровень</i>	<i>Средний уровень</i>	<i>Высокий уровень</i>
Гуманитарный	8 %	44 %	48 %	4 %	38 %	58 %
Естественно - научный	4 %	38 %	58 %	8 %	54 %	38 %

Как видно из данных таблицы 1, в целом студенты демонстрируют высокие показатели самооценки упорства и настойчивости, что говорит об оценке себя первокурсниками, как субъектов с достаточно развитыми волевыми качествами; уровень самопринятия и самоотношения можно охарактеризовать как адекватный. Показатели самооценки упорства студентов с гуманитарным профилем обучения являются наиболее ярко выраженными. У студентов – первокурсников с естественно – научным профилем наиболее выражен уровень самооценки настойчивости.

Методика «Опросник уровня субъективного контроля» использовалась для диагностики интернальности-экстернальности. Уровень субъективного контроля – обобщенная характеристика личности, оказывающая регулирующее воздействие на формирование межличностных отношений, способы разрешения кризисных производственных и семейных ситуаций и т. д. По данным опросника высокие результаты получены по шкалам «интернальность в области достижений», «интернальность в межличностных отношениях» и «интернальность в отношении болезни и здоровья». Это говорит о стремлении студентов быть ответственными за события и успех в жизни, контролировать неформальные отношения с другими людьми, вызывать к себе уважение, а также о настойчивом желании считать самих себя ответственными за состояние здоровья. Наиболее низкие баллы полу-

чены испытуемыми по шкалам «интернальность в области неудач» и «интернальность в области производственных отношений». Можно говорить о склонности студентов перекладывать ответственность за неудачи и неприятности на других людей или списывать их на невезение. Исследуемые первокурсники склонны приписывать более важное значение внешним обстоятельствам – руководству, товарищам по работе, везению – невезению, а сами они не считают важным фактором организации собственной производственной деятельности. Анализ результатов исследования по данной методике позволяет констатировать, что у студентов с гуманитарным профилем средние значения выше, чем у студентов с естественно – научным профилем обучения. Это говорит о том, что первокурсники «гуманитарного профиля» в большей степени способны нести ответственность за свою жизнь, у них лучше развиты регулирующие компоненты поведения. Результаты диагностики уровня субъективного контроля у студентов первых курсов отражены в таблице 2.

Следующая методика позволяет оценить уровень сформированности индивидуальных личностных характеристик - «Опросник диагностики индивидуально-стилевых особенностей саморегуляции» (В. И. Моросанова). С помощью 8 показателей оценивается способность студентов организовать деятельность. Средние результаты по данной методике представлены в таблице 3.

Таблица 2

Средние показатели показателей интернальности студентов-первокурсников

<i>Уровень интернальности</i>	<i>Гуманитарный профиль</i>			<i>Естественно – научный профиль</i>		
	<i>низкий уровень</i>	<i>средний уровень</i>	<i>высокий уровень</i>	<i>низкий уровень</i>	<i>средний уровень</i>	<i>высокий уровень</i>
Общая интернальность	24 %	64 %	12 %	32 %	50 %	18 %
Интернальность в области достижений	8 %	52 %	40 %	6 %	56 %	38 %
Интернальность в области неудач	42 %	50 %	8 %	36 %	52 %	12 %
Интернальность в области семейных отношений	28 %	58 %	14 %	22 %	64 %	14 %
Интернальность в области производственных отношений	38 %	60 %	2 %	46 %	46 %	8 %
Интернальность в области межличностных отношений	4 %	46 %	50 %	6 %	60 %	34 %
Интернальность в отношении здоровья и болезни	12 %	52 %	36 %	8 %	52 %	40 %

Таблица 3

Средние значения индивидуально-стилевых показателей саморегуляции учебной деятельности студентов-первокурсников

<i>Показатели саморегуляции</i>	<i>Гуманитарный профиль</i>			<i>Естественно – научный профиль</i>		
	<i>низкий уровень</i>	<i>средний уровень</i>	<i>высокий уровень</i>	<i>низкий уровень</i>	<i>средний уровень</i>	<i>высокий уровень</i>
Планирование	12 %	28 %	60 %	12 %	34 %	54 %
Моделирование	14 %	34 %	52 %	20 %	28 %	52 %
Программирование	20 %	42 %	38 %	32 %	36 %	32 %
Оценка результатов	22 %	20 %	58 %	20 %	14 %	66 %
Самостоятельность	20 %	32 %	48 %	24 %	20 %	56 %
Гибкость	12 %	26 %	62 %	8 %	44 %	48 %
Надежность	6 %	30 %	64 %	10 %	26 %	64 %
Ложь	8 %	40 %	52 %	24 %	38 %	38 %

Как видно из данных таблицы, в целом студенты демонстрируют достаточно высокие возможности организации деятельности. У студентов гуманитарного профиля общая сумма результатов индивидуально-стилевых параметров саморегуляции выше, чем у студентов естественно – научного профиля.

Если рассматривать отдельные компоненты структурирования деятельности по группам с различным профилем обучения, то можно сказать следующее: у 60 % студентов гуманитарного профиля обучения на высоком уровне сформирована самостоятельность и инициативность в выборе целей, их устойчивость в сложных условиях; 64 % первокурсников обоих профилей обладают высоким уровнем самокоррекции и оценки своей деятельности, у 62 % студентов – гуманитариев выявлены высокие показатели по шкале «гибкость», что свидетельствует об умении быстро и легко включиться в деятельность; тенденция приукрашивать свои от-

веты обнаружена у 52 % студентов. Если рассматривать вторую группу, то здесь студенты демонстрируют следующие показатели: 66 % студентов естественно – научного профиля демонстрируют высокие показатели шкале «оценка результатов», что свидетельствует о легкой перестройке условиях меняющихся требований к учебной подготовке, об оценке своих знаний и своей деятельности, в условии повышенной или пониженной мотивации; 56 % студентов естественно – научного профиля умеют самостоятельно выдвигать цели программы учебных действий и самостоятельно осуществлять эти программы в процессе подготовки к занятиям; тенденция приукрашивать свои ответы обнаружена у 38 % студентов естественно – научного профиля, что значительно ниже, чем у студентов гуманитарного профиля.

Полученные эмпирические данные мы подвергли процедуре статистической обработки. Для проверки гипотезы о наличии особенностей взаи-

мосьязи самооценки и стилям саморегуляции личности первокурсников в связи с профилем обуче-

ния мы использовали корреляционный анализ, результаты которого приведены в таблицах 4 и 5.

Таблица 4

Корреляционный анализ особенностей самооценки в связи со стилем саморегуляции у студентов с гуманитарным профилем

<i>Показатели саморегуляции</i>	<i>Настойчивость</i>	<i>Упорство</i>	<i>Ио</i>	<i>Ид</i>	<i>Ин</i>	<i>Ис</i>	<i>Ип</i>
Уровень общей интернальности	0,29	0,24	1,00				
Интернальность в области достижений	0,20	0,27	0,76	1,00			
Интернальность в области семейных отношений	0,19	0,18	0,55	0,53	0,42	1,00	
Интернальность в области производственных отношений	0,19	0,11	0,52	0,31	0,29	0,01	1,00
Планирование	0,32	0,43	0,21	0,24	0,06	0,14	0,12
Моделирование	0,13	0,21	0,18	0,22	0,14	0,25	0,09
Программирование	0,24	0,18	0,21	0,17	0,19	0,22	0,21
Оценка результатов	0,22	0,21	0,25	0,32	0,19	0,19	0,12
Самостоятельность	0,10	0,07	0,17	0,19	0,17	0,11	0,14
Гибкость	0,15	0,00	0,16	0,25	0,11	0,18	0,12
Надежность	0,28	0,35	0,34	0,37	0,22	0,24	0,22

Примечание: жирным шрифтом показаны коэффициенты, статистически значимые на уровне $p < 0.05$.

Как видно из таблицы 4 показатели самооценки настойчивости и самооценки упорства, а так же показатели интернальности статистически значимо связаны с рядом параметров саморегуляции личности.

Наличие статистически значимых положительных корреляционных связей уровня самооценки настойчивости и самооценки упорства с такими параметрами саморегуляции как планирование ($r=0,32$) и ($r=0,43$), программирование ($r=0,24$), оценка результатов ($r=0,22$) и ($r=0,21$), и надежность ($r=0,28$) и ($r=0,35$), говорят о взаимосвязи уровня самоотношения, самопринятия и развития волевых качеств студентов с показателями организации деятельности личности.

Так же корреляционный анализ выявил следующие значимые положительные взаимосвязи уровня самооценки настойчивости и упорства со следующими показателями интернальности: «общая интернальность» ($r=0,29$) и ($r=0,24$), «интернальность в области достижений» ($r=0,20$) и ($r=0,27$), «интернальность в области семейных отношений» ($r=0,19$) и «интернальность в области производственных отношений» ($r=0,19$). Можно говорить о том, что первокурсники гуманитарного профиля обучения имеют выше показатели самооценки, чем первокурсники естественно-научного профиля, потому что они чувствуют свою собственную ответственность за события и за то, как складывается их жизнь в целом. Они так же обладают высоким уровнем субъективного контроля над эмоционально положительными событиями и ситуациями. Считают, что они сами добились всего, что было и есть в их жизни, и что они способны

с успехом добиваться своего в будущем. Так же студенты гуманитарного профиля обучения считают себя ответственными за события, происходящие в их семейной жизни, и считают свои действия важным фактором организации собственной производственной деятельности. Таким образом, можно сделать вывод, что высокая ответственность в жизни влияет на уровень самооценки.

Выявлена связь параметра саморегуляции «планирование» с такими показателями шкал интернальности как: «общая интернальность» ($r=0,21$) и «интернальности в области достижений» ($r=0,24$), что говорит, по нашему мнению, о том, что высокие показатели уровня субъективного контроля над любыми значимыми ситуациями для студентов-первокурсников, а особенно эмоционально положительными событиями, позволяет студентам быть более самостоятельными и инициативными в выборе и постановке учебных целей, иметь устойчивость целей в сложных условиях обучения.

Корреляционная связь параметра саморегуляции «моделирования» со шкалами «интернальности в области достижений» ($r=0,22$) и «интернальности в семейных отношениях» ($r=0,25$) свидетельствует о том, что высокому уровню субъективного контроля над эмоционально положительными событиями и принятию ответственности за события, происходящие в собственной семейной жизни у студентов гуманитарного профиля соответствуют такие качества саморегуляции деятельности как индивидуальная сформированность навыков, позволяющих адекватно оценить необходимое время, достаточное для подготовки учебных заданий, правильно определять учебную цель и конкретизировать ее

согласно сложившимся значимым условиям обучения, быстро ориентироваться в меняющейся ситуации и выбрать соответствующую условиям программу исполнительных действий, устойчивость этих процессов в условиях высокой и низкой психической напряженности.

Так же у студентов гуманитарного профиля найдена значимая корреляционная связь параметра саморегуляции «программирование» со шкалами «общая интернальность» ($r=0,21$), «интернальности в области неудач» ($r=0,19$), «интернальности в семейных отношениях» ($r=0,22$) и «интернальность в области производственных отношений» ($r=0,21$). Возможно, это связано с необходимостью развития навыков построения программы выполнения учебных действий и умения выделить главное в них, а так же способности быстро включиться в деятельность и выходить из нее. От осознания собственной ответственности за все события, происходящие в жизни студентов, будь то семья или производственная деятельность, они несут ответственность за то, как складывается их жизнь в целом. Уместно сделать и обратное заключение, что низкому уровню интернальности в области неудач свойственен принцип непринятия ответственности за происходящие в жизни ситуации, и соответственно студенты-первокурсники с низким уровнем интернальности имеют определенные сложности включения в деятельность и выхода из нее, не обладают устойчивостью функционирования программы учебных действий.

В свою очередь, такой параметр саморегуляции как «оценка результатов» имеет значимую корреляционную связь со шкалами субъективного контроля «общей интернальности» ($r=0,25$), «интернальности в области достижений» ($r=0,32$), «интернальности в области неудач» ($r=0,19$), «интернальности в семейных отношениях» ($r=0,19$). Это можно объяснить тем, что высокий показатель уровня субъективного контроля над эмоционально положительными или эмоционально отрицательными событиями, а так же ответственность за события, происходящие в семейной жизни студента,

позволяет обеспечить сформированность индивидуальных критериев успешности деятельности, гибкости их изменения в условиях меняющихся требований к учебной подготовке, а так же способствует развитию процессов самоконтроля, самокоррекции, и оценки своих знаний и своей деятельности, об устойчивости этих процессов в условиях повышенной или пониженной мотивации.

Параметр «самостоятельности» коррелирует со шкалой «интернальности в области достижений» ($r=0,19$), что можно трактовать таким образом: студенты гуманитарного профиля обучения имеют высокий уровень субъективного контроля над эмоционально положительными событиями и ситуациями. Первокурсники считают, что они сами добились всего, что было и есть в их жизни, и что они способны с успехом добиваться своего в будущем, и поэтому они способны самостоятельно выдвигать цели учебной деятельности, самостоятельно осуществлять эти программы в процессе подготовки к занятиям, независимо от участия других формировать индивидуальные критерии оценки результатов своих действий.

Так же по результатам корреляционного анализа были найдены статистически значимые положительные корреляционные связи параметра «надежности» со шкалами: «интернальности в области достижений» ($r=0,37$), «интернальности в области неудач» ($r=0,22$), «интернальности в области семейных отношений» ($r=0,24$), «интернальности в области производственных отношений» ($r=0,22$). Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что на формирование у студентов-первокурсников индивидуальной устойчивости процессов моделирования значимых условий обучения, а так же процессов определения и постановки учебных целей, функционирования программ учебных действий, критериев оценки, процессов контроля, оценки и коррекции результатов деятельности положительно влияет интернальность в области достижений и неудач, семейных и производственных отношений.

Таблица 5

**Корреляционный анализ особенностей самооценки
в связи со стилем саморегуляции у студентов естественно – научного профиля**

	<i>Настой- чивость</i>	<i>Упор- ство</i>	<i>Ио</i>	<i>Ин</i>	<i>Ис</i>	<i>Ип</i>	<i>Из</i>
Уровень общей интернальности	0,37	0,18	1,00				
Интернальность в области производственных отношений	0,36	0,13	0,61	0,31	0,19	1,00	
Интернальность в области межличностных отношений	0,32	0,11	0,47	0,17	0,20	0,17	
Планирование	0,28	0,18	0,29	0,18	0,27	0,23	0,05
Программирование	0,08	-0,04	0,17	0,25	0,25	0,29	0,30
Гибкость	0,02	-0,29	-0,01	0,05	-0,06	0,16	0,16
Надежность	0,17	0,04	0,30	0,30	0,34	0,24	0,06

Примечание: жирным шрифтом показаны коэффициенты, статистически значимые на уровне $p<0.05$.

Из таблицы 5 мы можем наблюдать, что у студентов естественно – научного профиля обучения имеются статистически значимые корреляционные связи показателей самооценки настойчивости и самооценки упорства, показателей интернальности и параметров саморегуляции личности.

Наличие статистически значимых положительных корреляционных связей уровня самооценки настойчивости и самооценки упорства с таким параметром саморегуляции деятельности как гибкость ($r=0,29$), говорит о том, что гибкость, входящая в параметры саморегуляции деятельности первокурсников, включает в себя в качестве необходимого механизма, особый психологический аппарат – самооценку. Она предоставляет студентам индивидуальные возможности учитывать значимые условия учебной деятельности и в зависимости от этого гибко определять тактику поведения, иметь высокий уровень гибкости изменения целей и программы исполнительских действий, критериев успешности, быстроты и легкости включения в деятельность, переключение с одного вида деятельности на другой.

Так же корреляционный анализ выявил следующие значимые положительные взаимосвязи уровня самооценки настойчивости и упорства со следующими показателями интернальности: «общая интернальность» ($r=0,37$), «интернальность в области производственных отношений» ($r=0,36$) и интернальность в области межличностных отношений» ($r=0,32$). Можно говорить о том, что самооценка, отражая степень удовлетворённости или неудовлетворённости собой, уровень самоуважения, создаёт основу для восприятия собственного успеха или неуспеха, достижения целей, высокому уровню субъективного контроля над любыми значимыми ситуациями, а в частности контроль и ответственность за действия, направленные на организацию собственной производственной деятельности. Студенты с высокой самооценкой считают себя в силах контролировать свои неформальные отношения с другими людьми, вызывать к себе уважение и симпатию и т. д.

Нами была выявлена связь параметра саморегуляции «планирование» со шкалой «общая интернальность» ($r=0,29$), что говорит, по нашему мнению, о том, что высокие показатели уровня субъективного контроля над любыми значимыми ситуациями позволяют студентам быть более самостоятельными и инициативными в выборе и постановке учебных целей, иметь устойчивость целей в сложных условиях обучения.

Так же нами были найдены статистически значимые положительные корреляционные связи шкалы «программирование» со шкалами: «интернальности в области межличностных отношений» ($r=0,29$) и «интернальности в отношении здоровья и болезни» ($r=0,30$). Можно предположить, что студенты считают себя в силах контролировать свои неформальные отношения с другими людьми, вызывать к себе уважение и симпатию. Так же сту-

денты естественно-научного профиля обучения считают себя ответственными за свое здоровье, обвиняют себя в том, что не здоровы и полагают, что выздоровление во многом зависит от их действий. Высокие результаты по этим параметрам положительно влияют на развитие навыков определения и построения программы выполнения учебных действий и умение выделить главное в них; они говорят о способности быстро включаться в деятельность и выходить из нее; об устойчивости функционирования программы учебных действий.

У студентов естественно-научного профиля обучения определены статистически значимые положительные корреляционные связи параметра «надежность» со шкалами «общей интернальности» ($r=0,30$), «интернальности в области неудач» ($r=0,30$) и «интернальности в области семейных отношений» ($r=0,34$), что позволяет сделать вывод о влиянии субъективного уровня самоконтроля на принятие ответственности за неудачи в жизни, за свои семейные отношения на сформированность критериев оценки деятельности, а также адекватную коррекцию ее результатов.

Таким образом, мы можем констатировать, что студенты первых курсов высших учебных заведений имеют особенности саморегуляции учебной деятельности в связи с профилем обучения. Студентов гуманитарного профиля обучения можно охарактеризовать как личностей с высоким уровнем субъективного контроля над любыми значимыми ситуациями, как эмоционально положительными, так и эмоционально отрицательными. Для них характерно принятие ответственности за события, происходящие в собственной семейной жизни, в производственной деятельности. Для обеспечения высокого уровня организации деятельности студентам гуманитарного профиля обучения необходимо иметь высокий уровень самоотношения и самопринятия. Так же для первокурсников характерна следующая закономерность: высокие показатели уровня самооценки взаимосвязаны с осознанием степени ответственности за события и за то, как складывается жизнь в целом. Они так же обладают высоким уровнем субъективного контроля над эмоционально положительными событиями и ситуациями. Считают, что они сами добились всего, что было и есть в их жизни, и что они способны с успехом добиваться своего в будущем. Таким образом, можно сделать вывод, что для студентов гуманитарного профиля высокая ответственность в жизни связана с уровнем самооценки.

У студентов естественно – научного профиля мы можем констатировать высокий уровень сформированности стилевых параметров саморегуляции. Самооценка для студентов служит особым психологическим аппаратом, который предоставляет возможности учитывать значимые условия учебной деятельности, гибко определять тактику поведения и легко переключаться с одного вида деятельности на другой, что крайне важно в рамках обучения в высшем учебном заведении. Так же

первокурсники демонстрируют степень удовлетворённости или неудовлетворённости собой, во взаимосвязи с уровнем самоуважения, что создаёт основу для восприятия собственного успеха или неуспеха, достижения целей. Студенты с высокой самооценкой считают себя в силах контролировать свои неформальные отношения с другими людьми, вызывать к себе уважение и симпатию.

Таким образом, исследование особенностей саморегуляции учебной деятельности в связи с профилем обучения показало, что у студентов первых курсов имеются определенные значимые различия в исследуемых показателях. Содержание знаний человека о себе и самоотношения с начальных этапов формирования имеют свой «выход», объективацию, через процесс саморегулирования и самоорганизации личностью своего поведения [6].

Из анализа современных представлений о саморегуляции учебной деятельности личности ясно, что внутренние детерминанты оптимизации весьма многообразны и неоднородны по своей природе. Психологические параметры саморегуляции учебной деятельности определяются нами как связующее звено организационно-психологической и индивидуально-психологической сфер деятельности личности.

Изложенная программа исследований представляется необходимым этапом на пути дальнейшего существенного продвижения в раскрытии системы саморегуляции учебной деятельности личности, включая их дифференциально-психологические и возрастные аспекты.

Литература

1. Дикая, Л. Г. Психологическая саморегуляция функционального состояния человека (системно-деятельностный подход) [Текст] / Л. Г. Дикая. – М.: Институт психологии РАН, 2003. – 318 с.
2. Калмыкова, З. И. Продуктивное мышление как основа обучаемости: [Текст] / З. И. Калмыкова. – М.: Просвещение, 1981. – 369 с.
3. Кон, И. С. Психология юношеского возраста [Текст] / И. С. Кон. – М., 1994.
4. Конопкин, О. А. Общая способность к саморегуляции как фактор субъектного развития [Текст] / О. А. Конопкин // Вопросы психологии. – 2004. – № 2. – С. 128 – 135.
5. Леонтьев, А. Н. Проблемы развития психики [Текст] / А. Н. Леонтьев – М.: Просвещение, 1981. – 325 с.
6. Морозова, И. С. Личность и саморегуляция деятельности [Текст]: учеб. пособие / И. С. Морозова. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000. – 110 с.
7. Моросанова, В. И. Личностные аспекты саморегуляции произвольной активности человека [Текст] / В. И. Моросанова // Психологический журнал. – 2002. – № 6. – С. 5 – 17.
8. Моросанова, В. И. Стилевые особенности саморегуляции личности [Текст] / В. И. Моросанова // Вопросы психологии. – 1991. – № 1. – С. 121 – 127.
9. Прохоров, А. О. Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности [Текст] / А. О. Прохоров. – М.: ПЕР СЭ, 2005. – 352 с.
10. Рубинштейн, С. Л. Проблемы Общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн – М., 1973. – 416 с.

УДК 159.9

АДАПТАЦИЯ К СТРЕССОГЕННЫМ ФАКТОРАМ РАБОТНИКОВ МЯСОПЕРЕРАБАТЫВАЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Н. А. Серый

ADAPTATION OF THE MEAT INDUSTRY WORKERS TO STRESSFUL FACTORS

N. A. Seryi

В статье рассматривается проблема адаптации работников мясоперерабатывающих предприятий к стрессогенным факторам производства. Рассматривается понимание процесса адаптации с научной и организационной точек зрения. Приводятся наиболее распространенные стрессогенные факторы, затрудняющие процесс адаптации работников мясного производства.

The problem of adaptation to stressful factors of the meat industry workers is considered. The understanding of process of adaptation with scientific and organizational points of view is considered. The most widespread types of the stressful factors complicating process of adaptation of workers of meat manufacture are resulted.

Ключевые слова: адаптация, стресс, профессиональная деятельность, адаптивные качества.

Keywords: adaptation, stress, professional work, adaptive qualities.

Проблема адаптации – одна из важнейших общенаучных проблем, интересующая последователей из области педагогики, физиологии, психологии, социологии, а так же ряда других наук.

На современном этапе, проблема адаптации рассматривается на психофизическом, индивидуально-психологическом и социально психологическом уровнях. Ускорение процессов вхождения человека в новый для него образ жизни и деятельно-

сти, исследования психологических особенностей, а также выявление факторов, психических условий и закономерностей повышения адаптированности человека к новым условиям являются чрезвычайно важными задачами, не имеющими однозначного решения.

Процесс адаптации реализуется во всех случаях нарушения баланса взаимоотношений в системе человек – среда и имеет общие, неспецифические проявления. В данной статье общие психофизиологические и социально-психологические закономерности адаптационного процесса рассматриваются на примере адаптации работников мясоперерабатывающего предприятия.

Актуальность рассматриваемой проблемы определяется наличием четко прослеживаемого противоречия между требованиями, предъявляемыми на современном этапе к адаптационным способностям работника и его реальной способностью к адаптации, ее факторов и механизмов развития, а так же слабой разработанностью приемов соответствующего целенаправленного воздействия, с целью более успешной адаптации работников, а следовательно, более качественного выполнения ими поставленных задач.

Адаптация (от лат. *Adapto* – «приспособлено») – приспособление строения и функций организма, его органов и клеток к условиям среды [6]. Процесс адаптации, вне зависимости от ее характера всегда предполагает наличие того кто приспосабливается (адаптирующаяся система) и того, к чему адаптируется (среда) и представляет собой двусторонний процесс и обычно понимается как положительное явление [8].

Понятие «адаптации», первоначально носило общебиологический характер и было разрешено в рамках учения Ч. Дарвина, рассматриваясь как приспособление организма к изменяющимся условиям. Впоследствии проблема адаптации организма к окружающей среде привлекла огромное внимание со стороны медиков, экологов, социологов, антропологов, кибернетиков, философов, психологов и т. п. В развитии современной теории адаптации в физиологии, биологии и медицине внесли значительный вклад ряд отечественных и зарубежных ученых, в том числе Г. Селье, П. К. Анохин, Р. М. Баевский, Ф. З. Меерсон, В. П. Казначеев, С. В. Казначеев, В. И. Медведев, А. Ж. Юревиц и другие.

Сейчас понятие «адаптация», может быть отнесено к таким общенаучным понятиям, которые, возникают на «стыках» наук или в отдельных областях знаний и распространяется в дальнейшем на многие сферы естественных и социальных наук. Понятие «адаптация», как общенаучное понятие, содействует синтезу, объединению значений различных (природных, социальных, технических) систем. Наряду с философскими теориями, общенаучные понятия способствуют объединению исследуемых объектов различных наук в целостные теоретические построения [12]. В этой связи адап-

тационная концепция рассматривается Ф. Б. Березиным, как один из перспективных подходов к комплексному изучению человека [4].

Существует множество подходов к определению адаптации, как имеющие общий, широкий смысл, так и сводящие сущность адаптационного процесса к явлениям одного из уровней: от биологического до социального.

Так, например, в общей психологии А. В. Петровский, В. В. Богословский, Р. С. Немов, практически одинаково определяют адаптацию как ограниченный, специфический процесс приспособления чувствительности анализатора к действию раздражителя [13].

В более общих определениях понятия «адаптации» ему может придаваться несколько значений, в зависимости от рассматриваемого аспекта:

- а) адаптация используется для обозначения процесса, при котором организм приспосабливается к среде;
- б) адаптация используется для обозначения отношения равновесия, которое устанавливается между организмом и средой;
- в) под адаптацией понимается результат приспособительного процесса;
- г) адаптация связывается с какой-то определенной «целью», к которой «стремится» организм [13].

Так, например, А. Д. Ротенберг выделил:

- 1) приспособление к работе, выполнению профессиональных функций;
- 2) приспособление работника к личной среде предприятия [10, с. 40].

А. А. Русалинова и М. П. Будякин выделяли:

- 1) профессиональная адаптация – приспособление и привыкание новичка к характеру, режиму и условиям труда;
- 2) социально-психологическая – приспособление к групповым нормам и системе взаимоотношений в конкретной группе [13, с. 5].

А. В. Сахно выделяет разновидности социальной адаптации:

- 1) профессиональная – к профессии и производственно-техническим условиям среды;
- 2) личностная – к коллективу и внепроизводственному общению;
- 3) адаптация к природе – путем создания жилищ, одежды, и т. п.;
- 4) адаптация к формам общественного сознания – к науке, религии, искусству и т. д. [12].

Л. М. Ростова, кроме профессиональной и социально-психологической адаптации, выделяет еще и общественно-политическую [7, с. 40].

По мнению В. Д. Колесова, процесс адаптации можно обозначить термином адаптирование. Состояние организма в результате успешного осуществления этого процесса – адаптированность, а различия в состоянии организма до начала и после завершения процесса адаптации – адаптивный эффект [13, с. 6].

Понятие «адаптация» может так же иметь различное значение в зависимости от того, биологический или социальный аспект ее рассматриваются в исследовании.

Адаптационный процесс можно рассматривать на различных уровнях его протекания, т. е. на уровнях межличностных отношений, индивидуального поведения, базовых психических функций, психофизиологической регуляции, физиологических механизмов обеспечения деятельности, функционального резерва организма, здоровья.

Реализация процесса адаптации происходит тогда, когда в системе «человек – среда» возникают значимые изменения, приводящие к нарушению адекватности их отношений. Человек и среда находятся в статистическом равновесии, следовательно, их соотношение меняется постоянно. Так же постоянно осуществляется и процесс адаптации [2]. Основная задача процесса адаптации – поддержание организма в состоянии гомеостаза. Нарушение гомеостатического баланса в системе «человек – среда» может возникнуть: при резком изменении условий среды; при существенном преобразовании потребностей и целей индивида (даже в относительно стабильной среде); при значительном уменьшении физических или психических ресурсов личности [3].

Выделяется несколько уровней, на которых протекает адаптационный процесс:

- 1) уровень межличностных отношений,
- 2) уровень индивидуального поведения,
- 3) уровень базовой психической функции,
- 4) уровень психофизиологической регуляции,
- 5) уровень физиологических механизмов обеспечения деятельности,
- 6) уровень функционального резерва организма, здоровья [13].

По мнению Ф. Б. Березина, у человека в этом ряду решающую роль играет психическая адаптация, в значительной мере оказывая влияние на адаптационные процессы, осуществляющиеся на иных уровнях.

Выделяются 3 основные фазы адаптационного процесса:

- 1) фаза разрушения старой программы поддержания гомеостаза: старая программа уже не функционирует, новая еще окончательно не завершена;
- 2) фаза усовершенствования новой программы, поиск оптимальной программы;
- 3) фаза стабильной адаптации: стабилизация показателей адаптации, в том числе параметров эффективности деятельности, которые устанавливаются на новом, более оптимальном уровне.

Выделение фаз носит условный характер, и во многих случаях их протекание происходит параллельно или частично, перекрывая друг друга [4, с. 15]. Естественно, как на любой процесс, так и на адаптацию оказывают влияние определенные факторы. Их условно разделяют на две группы:

– внешние факторы, связанные с особенностями личности самого человека (общая и специаль-

ная подготовленность, характер, темперамент, познавательные и другие психические процессы, возраст и т. д.);

– внутренние факторы, которые по отношению к личности существуют объективно (средства оздоровления с характером обстановки и решаемыми задачами, качества и пример руководителей и т. п.).

Ю. А. Александровский рассматривает психическую адаптацию как результат деятельности целостной самоуправляемой системы, «которая обеспечивает деятельность человека на уровне оперативного покоя, позволяя ему не только наиболее оптимально противостоять различным природным и социальным факторам, но и активно и целенаправленно воздействовать на них» [1, 13].

Реализация процесса психической адаптации обеспечивается, по словам Ф. Б. Березина, сложной многоуровневой функциональной системой, на разных уровнях которой регулирование осуществляется преимущественно психологическими (социально-психологическими и собственно психическими) или физиологическими механизмами [5]. В общей системе психической адаптации им выделяется три основных уровня или подсистемы: собственно психический, социально-психологический и психофизиологический. При этом задачами собственно психической адаптации является поддержание психического гомеостаза и сохранение психического здоровья, социально-психологической – организация адекватного микросоциального взаимодействия, психофизиологической адаптации – оптимальное формирование психофизиологических соотношений и сохранение физического здоровья. Исследование показателей психической адаптации, поэтому предполагает комплексный подход и одновременную оценку соответственно актуального психического состояния, особенностей микросоциального взаимодействия, церебральной активности и вегетативного регулирования [4, с. 255 – 256].

Показателем успешности психической адаптации является прежде всего достижение возможности выполнения основных задач деятельности.

Основной задачей постоянно осуществляющегося процесса адаптации является поддержание состояния гомеостаза. Концепция гомеостаза впервые была выдвинута в физиологии К. Бернардом и развита в работах Г. Селье, А. Слонима и др. Согласно этой концепции гомеостаз понимается как постоянство ряда показателей внутренней среды организма, которое является необходимым условием жизнедеятельности любой биологической системы [13]. В ряде направлений психологии представление о том, что каждая система стремится к сохранению своей стабильности, было перенесено также на взаимодействие человека с окружением. Такой перенос характерен, в частности, для концепции Ж. Пиаже и для теории поля К. Левина ряд авторов отмечает в этой связи, что «процессы адаптации включают в себя не только оптимиза-

цию функционирования организма, но и поддержание сбалансированности в системе «организм-среда» [4, 3]. Нарушение гомеостатического баланса в системе человек-среда, по их мнению может возникнуть в следующих случаях: при резком изменении условий среды, в результате которого существующие механизмы адаптации могут оказаться недостаточно эффективными; при существенном преобразовании потребностей и целей индивида (даже в относительно стабильной среде); при значительном уменьшении физических или психических ресурсов личности [4, с. 249].

Изучение адаптационных процессов тесно связано с представлениями об эмоциональном напряжении и стрессе. Это послужило основанием для определения стресса как неспецифической реакции организма на предъявляемые ему требования, и рассмотрение его как общего адаптационного синдрома [3].

Ганс Селье, основоположник западного учения о стрессах и нервных расстройствах, определил следующие стадии стресса как процесса:

- 1) непосредственная реакция на воздействие (стадия тревоги);
- 2) максимально эффективная адаптация (стадия резистентности);
- 3) нарушение адаптационного процесса (стадия истощения).

Основные черты психического стресса:

- 1) стресс – состояние организма, его возникновение предполагает взаимодействие между организмом и средой;
- 2) стресс – более напряженное состояние, чем обычное мотивационное; оно требует для своего возникновения восприятие угрозы;
- 3) явления стресса имеют место тогда, когда нормальная адаптивная реакция недостаточна [11].

Существует множество работ, посвященных профессиональной адаптации. Но в настоящее время не хватает работ, рассматривающих этот вопрос в прикладном аспекте, трактующих технологию и методику адаптации применительно к конкретным предприятиям, к конкретным позициям и должностям.

В данном случае, адаптация представляет собой процесс вхождения и закрепления человека в организации, процесс обучения специфическому типу поведения индивида и имеет две составляющих этого явления:

- профессиональную адаптацию, которая представляет собой становление профессионала в определенной должности, в определенной профессии;
- социальную адаптацию в данной профессиональной группе, определенной профессиональной страте [9].

Сама адаптация представляет собой социальную технологию, то есть строгую последовательность определенных действий, нацеленных на достижение определенного результата.

Адаптация как социальная технология имеет пять составляющих частей:

1. Профессиональная адаптация, которая представляет собой процесс закрепления трудовых навыков, формирования стойкого положительного отношения к данной профессии.

2. Психофизиологическая адаптация, являющаяся процессом «привыкания» работника к организации, к бытовым условиям его работы на определенном предприятии.

3. Организационная, которую можно определить как процесс привыкания к специфическим организационным процедурам, к способу организации труда в специфических условиях.

4. Экономическая адаптация, представляющая собой процесс «вживания» в условия оплаты труда, в систему мотивирования и стимулирования на предприятии.

5. Социальная адаптация, которая является процессом вхождения в соответствующую социальную среду, в определенное социально-психологическое окружение.

Одним из важных условий прохождения успешной адаптации является адаптивность. Под адаптивностью обычно понимают наличие некоторых индивидуальных характеристик, позволяющих личности наиболее быстро и адекватно разрешать проблемные ситуации, нормализуя свое взаимодействие со средой. Традиционно адаптивные качества трактуются в контексте черт личности или же в контексте эффективного поведения и навыков. Здесь рассматриваются личностные диспозиции, установки, черты характера, а также навыки взаимодействия со средой и стратегии поведения.

Считается, что адаптивные качества относительно: приспособления, полезные в одних условиях, становятся бесполезными или даже вредными в других. В контексте социально-психологической адаптации относительность адаптивных качеств проявляется наиболее ярко и может определяться особенностями адаптивных процессов, протекающих в разных условиях, а также отражать специфику взаимодействия с социальной средой на разных уровнях (микро-, мезо- и макро-). Например, приспособление к новой профессиональной деятельности и построение взаимодействия в семье или же в учебной группе требует различных адаптивных способностей [9].

Важную роль для воспитания адаптивной личности играют такие черты характера, как: высокие коммуникативные способности, эмоциональный интеллект. Данные качества позволяют быстро идентифицировать особенности социально-психологического климата на предприятии, в цехе, бригаде. Социально-психологический климат является основой формирования корпоративной культуры. Проведенные исследования позволили выявить некоторые существенные отличия в корпоративной культуре служащих и рабочих.

Стресс является негативным фактором в профессиональной деятельности. Существует множество профессий, в которых воздействие стрессогенных факторов на работника, отрицательно ска-

зывается на результатах его деятельности, приводит к профессиональному выгоранию и даже к прекращению работником данного вида деятельности. Особенно часто, последнее происходит в случаях, когда работник только начинает осваивать новый вид трудовой деятельности.

Так на мясоперерабатывающих предприятиях, работники производства подвержены воздействию сразу нескольких стрессогенных факторов. Нами были рассмотрены анкеты, заполняемые при увольнении жиловщиками и обвальщиками мяса на двух крупных мясоперерабатывающих предприятиях Кемеровской области. Интерес для нас представляли работники, увольнявшиеся по собственному желанию, чей стаж работы в вышеупомянутых должностях составлял менее трех месяцев. В графе «причина увольнения» в большинстве случаев были указаны причины, связанные с действием стрессогенных факторов. Основными факторами стресса, по мнению жиловщиков и обвальщиков мяса являются:

- 1) низкий температурный режим – 34 %;
- 2) повышенный уровень шума – 26,6 %;
- 3) вид остатков мясного сырья – 16 %;
- 4) неприятный запах – 11,4 %;
- 5) отсутствие естественного освещения в цехах первичной обработки мясного сырья – 5,4 %;
- 6) повышенная влажность – 4,6 %;
- 7) риск, связанный с работой с острыми предметами – 2 %.

С целью наиболее эффективного вхождения в должность новых сотрудников, на многих предприятиях введена процедура адаптации персонала. В настоящее время почти на всех крупных промышленных предприятиях такая процедура является неотъемлемой частью работы с персоналом. Адаптационный период для вновь прибывших сотрудников наступает в момент вступления в трудовые отношения с работодателем и длится чаще всего до завершения испытательного срока. Суть процесса в том, что за сотрудником закрепляется наставник, обычно из числа более опытных коллег, который содействует наиболее эффективному включению сотрудника в работу организации. Такой вариант адаптации вполне подходит для специалистов и руководителей разного звена.

Нами было выявлено, что типовой план адаптации для работников мясного производства по своей структуре не отличается от плана адаптации любого другого сотрудника предприятия, чья повседневная деятельность не связана с таким количеством стрессогенных факторов. По нашему предположению, это связано с тем, что на этапе планировании процедуры адаптации не учитывается негативное воздействие вредных факторов на эффективность работы сотрудника.

По нашему мнению, изучив механизм влияния стрессогенных факторов на работников производства в мясоперерабатывающей промышленности, можно предложить следующую программу:

- а) на основании полученных результатов можно будет ввести дополнительный фильтр на этапе подбора персонала;
- б) усовершенствовать процедуру адаптации персонала, путем введения в программу дополнительных пунктов, ориентированных на адаптацию именно к стрессогенным факторам производства.

Литература

1. Александровский, Ю. А. Состояние психической дезадаптации и их компенсация (пограничные нервно-психические расстройства) / Ю. А. Александровский. – М., 1976. – 272 с.
2. Анохин, П. К. Очерки по физиологии функциональных систем / П. К. Анохин. – М., 1975. – 448 с.
3. Балл, Г. А. Понятие адаптации и его значение для психологии личности / Г. А. Балл // Вопросы психологии. – 1989. – № 1. – 100 с.
4. Березин, Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека / Ф. Б. Березин. – Л., 1988. – 270 с.
5. Березин, Ф. Б. Методика многостороннего исследования личности / Ф. Б. Березин, М. П. Мирошников, Р. В. Рожанцев. – М., 1976. – 186 с.
6. Бурлачук, Л. Ф. Словарь-справочник по психодиагностике / Л. Ф. Бурлачук, С. М. Морозов. – Л.: Питер, 1999. – 518 с.
7. Иоганзен, Б. Г. Адаптационные уровни экологии человека // Физиолого-генетические аспекты адаптации человека и животных / Б. Г. Иоганзен, Е. Д. Логачев. – Кемерово, 1978. – 307 с.
8. Налчаджян, А. А. Личность, психическая адаптация и творчество / А. А. Налчаджян. – Ереван, 1980. – 263 с.
9. Общая психология / Под ред. А. В. Петровского. – М., 1977. – 480 с.
10. Ротенберг, В. С. Поисковая активность и адаптация / В. С. Ротенберг, В. В. Аршавский. – М., 1984. – 192 с.
11. Селье, Г. Стресс без дистресса / Г. Селье. – М.: Прогресс, 1979.
12. Философские проблемы теории адаптации / под ред. Т. И. Царегородцева. – М., 1975. – 277 с.
13. Яницкий, М. С. Основные психологические механизмы адаптации студентов на 1, 2 курсах обучения в вузе / М. С. Яницкий // Вопросы общей и дифференциальной психологии. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – 88 с.

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

УДК 612.017.2-053.6:37.062.1

**ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УЧАЩИХСЯ
В УСЛОВИЯХ ПРОФИЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ***Н. Г. Блинова, С. Б. Лурье, Е. В. Васина***PSYCHOPHYSIOLOGICAL DEVELOPMENT OF PUPILS
IN CONDITIONS OF PROFILE TRAINING***N. G. Blinova, S. B. Lure, E. V. Vasina*

Важным вопросом возрастной физиологии является изучение психофизиологического развития школьников в процессе учебной деятельности. В статье представлены экспериментальные данные по исследованию особенностей психофизиологического развития учащихся старших классов в условиях обучения по разным профильным программам. Установлено, что профиль обучения оказывает влияние на развитие у учащихся нейродинамических характеристик, познавательных функций, вербального мышления и формирование профиля функциональной асимметрии мозга.

The important question of age physiology is studying psychophysiological progresses of students during educational activity. In article experimental data on studying features psychophysiological progresses of pupils of the senior classes in conditions of training under different profile programs are presented. It is established, that the specific character of educational activity influences progress at pupils of profile classes dynamic characteristics, cognitive functions, verbal thinking and formation of a structure of functional asymmetry of a brain.

Ключевые слова: психофизиологическое развитие, старшеклассники, профильное обучение.

Keywords: psychophysiological progress, senior pupils, profile training.

В соответствии с современными представлениями, индивидуальное развитие человека происходит, подчиняясь общим закономерностям онтогенеза, претерпевая изменения при тесном взаимодействии организма и среды под влиянием внутренних и внешних факторов развития [1]. Установлено, что формирование индивидуального психофизиологического статуса ребёнка, обусловлено не только возрастными закономерностями развития, но и в значительной степени определяется такими средовыми факторами, как условия обучения и учебная деятельность [8, 14, 17].

Процесс профильного обучения накладывает существенное влияние на интеллектуальное и психофизиологическое развитие подростков [10], поскольку наряду с увеличением сложности, специфичности и объема изучаемых дисциплин, предъявляющих повышенные требования к когнитивной деятельности школьника, этот период является сенситивным для формирования зрелых форм учебной деятельности [18]. При этом процесс обучения и учебная деятельность не просто использует уже достигнутый уровень функционирования мозговых структур, но и обуславливают направление дальнейшего их развития, стимулируют созревание и оптимизацию работы психофизиологических структур [3].

С целью изучения влияния профильного обучения на психофизиологическое развитие у 372 школьников физико-математических (ФМ) химико-биологических (ХБ), лингвистических (ЛГ) и историко-филологических (ИФ) профильных классов в течение 4-х лет изучались нейродинамические показатели: уровень функциональной подвижности нервных процессов (УФПНП), сила нервных процессов (работоспособность головного мозга - РГМ),

кратковременная память, объем внимания, вербальное мышление, функциональная асимметрия мозга (моторная – МА и сенсорная – СА).

Результаты лонгитудинального исследования позволили установить влияние специфики профильного обучения на динамику и интенсивность психофизиологического развития учащихся. У гимназистов ФМ и ХБ профилей от 8 к 11 классу установлено значительное увеличение работоспособности головного мозга и количества лиц с высоким уровнем данного показателя (с 28 % до 49 % в ФМ профиле и с 21 % до 33 % в ХБ профиле), а так же более интенсивное снижение времени зрительно-моторного реагирования к 11 классу по сравнению с учащимися ЛГ и ИФ профилей (табл. 1). Показано, что углубленное изучение предметов естественно-математического цикла, которые являются самыми трудными [15] связано с постоянным выполнением сложных вычислительных операций. Это вызывает мобилизацию функциональных возможностей ЦНС и проявляется в уменьшении времени латентного периода простой зрительно-моторной реакции (ЛПЗМР), являющегося интегральным показателем при оценке функционального состояния ЦНС [12] и повышении РГМ, характеризующей силу нервных процессов. РГМ имеет основополагающее значение для эффективности умственной деятельности, поскольку от нее в равной степени зависят как мера выносливости, так и качественная сторона умственной работоспособности [6]. Таким образом, условия среды и учебная деятельность приводят к формированию такого психофизиологического статуса у учащихся ФМ профиля, который обеспечивает высокий уровень функциональной активности мозга, способствующий успешному выполнению сложных интеллектуальных операций.

Таблица 1

Нейродинамические показатели у учащихся разных профилей обучения 8 - 11 классов

Показатели	К Л А С С	Физико-математический профиль (1) n = 115	Химико-биологический профиль (2) n = 86	Лингвистический профиль (3) n = 81	Историко-филологический профиль (4) n = 90	Достоверные различия P<0,05
УФП НП (с)	8	69,2 ± 0,9	73,2 ± 0,9	68,1 ± 1,0	68,0 ± 0,6	2 – 1, 3, 4
	9	65,8 ± 0,6*	67,7 ± 0,7*	65,4 ± 0,7*	65,9 ± 0,5*	2 – 1, 3, 4
	10	62,0 ± 0,5*	66,0 ± 0,7	63,2 ± 0,6	64,0 ± 0,5*	1 – 2, 4; 3 – 2
	11	62,5 ± 0,5	64,6 ± 0,8	59,9 ± 0,6*	59,1 ± 0,4*	1 – 2, 3, 4; 2 – 3, 4
РГМ (кол-во сигналов)	8	522,4 ± 5,8	503,6 ± 7,4	510,0 ± 6,0	518,4 ± 5,5	1 – 2
	9	568,2 ± 5,0*	552,1 ± 5,0*	556,1 ± 5,9*	517,2 ± 6,1	4 – 1, 2, 3
	10	608,4 ± 6,7*	584,4 ± 5,3*	578,9 ± 5,9*	568,8 ± 6,6*	1 – 2, 3, 4
	11	642,2 ± 5,0*	606,4 ± 5,5*	580,1 ± 5,4	581,7 ± 6,0	1, 2 – 3, 4; 1 – 2
ПЗМР ЛП (мс)	8	313,6 ± 4,4	314,8 ± 4,8	326,5 ± 5,0	319,5 ± 4,3	3 – 1
	9	296,3 ± 4,6*	291,6 ± 5,0*	305,9 ± 4,8*	303,2 ± 4,9*	
	10	275,4 ± 5,1*	304,3 ± 5,8	296,1 ± 4,7	303,9 ± 4,8	1 – 2, 3, 4
	11	264,0 ± 4,5	254,1 ± 4,3*	279,5 ± 4,8*	274,4 ± 6,1*	1 – 3; 2 – 3, 4
Примечание: * - достоверные различия по сравнению с предыдущим годом (p<0,05)						

У представителей гуманитарного направления отмечается интенсивное снижение времени обработки сигналов при тестировании функциональной подвижности нервных процессов (табл. 1) и увеличение количества лиц с высоким УФПНП от 24 %-28 % в 8 классе до 42% к 11 классу (p<0,05). Наибольший прирост этого свойства нервных процессов у гимназистов ЛГ и ИФ профилей, в отличие от двух других, наблюдался от 10 к 11 классу, когда значительно увеличивается объем изучаемого материала по профильным дисциплинам. Переработка большого объема информации в ограниченный период времени требует увеличения скорости восприятия и переработки информации [5, 7]. Это приводит к повышению подвижности нервных процессов у учащихся, ответственной за скоростные характеристики умственной деятельности.

Таким образом, у учащихся в процессе профильного обучения происходит интенсивное развитие именно тех нейродинамических функций, которые участвуют в обеспечении успешности учебной деятельности. Это подтверждается установленными корреляционными взаимосвязями успеваемости гимназистов по профильным предметам с определенными психофизиологическими показателями на протяжении четырехлетнего периода обучения. Так, наибольшее значение коэффициентов корреляции среди устойчивых показателей в 11 классе ФМ и ХБ профилей имеет работоспособность головного мозга (сила нервных процессов), а для учащихся ЛГ и ИФ профилей – уровень функциональной подвижности нервных процессов.

Рядом исследователей [2, 13] отмечено, что в процессе обучения у школьников может происхо-

дить изменение функциональной межполушарной асимметрии мозга. В проведенном нами исследовании установлено, что у учащихся профильных классов наблюдаются разнонаправленные изменения показателей функциональной асимметрии мозга, особенно в СА мозга. У учащихся ФМ и ХБ профилей на протяжении всего периода наблюдения сохранялось выраженное доминирование левого полушария, определяемое преобладанием в процессе их когнитивной деятельности знаковой и логической информации. Это проявлялось в высоких значениях коэффициентов МА и СА по сравнению с учащимися ЛГ и ИФ профилей (рис. 1). Изучение дисциплин естественно-математического цикла активизирует логико-вербальный тип мышления, связанный преимущественно с активностью левого полушария мозга [16], что проявляется в усилении СА левого полушария и увеличении количества лиц с преобладанием правых моторных и неопределенных сенсорных признаков у школьников ФМ профиля к 11 классу. Показано, что при усложнении решаемых арифметических задач повышается общая активация мозга и происходит инверсия в сторону большей активности левого полушария.

У учащихся ИФ профиля наблюдается достоверное снижение коэффициента СА от 9 к 10 классу, что повлияло на снижение количества лиц с преобладанием правых моторных и сенсорных признаков и увеличением лиц с правыми моторными и неопределенными сенсорными признаками. Следовательно, для учащихся филологических классов в учебной деятельности благоприятна высокая активированность правого полушария с выраженностью полюса активности в сенсорных областях мозга.

Наибольшие изменения функциональной асимметрии мозга выявлены у гимназистов ЛГ: к 11 классу у них происходит снижение коэффициентов МА и в большей степени СА. При углубленном изучении иностранных языков происходит актива-

ция функций правого полушария, что обеспечивает более быстрое восприятие и анализ поступающей информации, а так же идентификацию букв и слов на перцептивном уровне [4, 9].

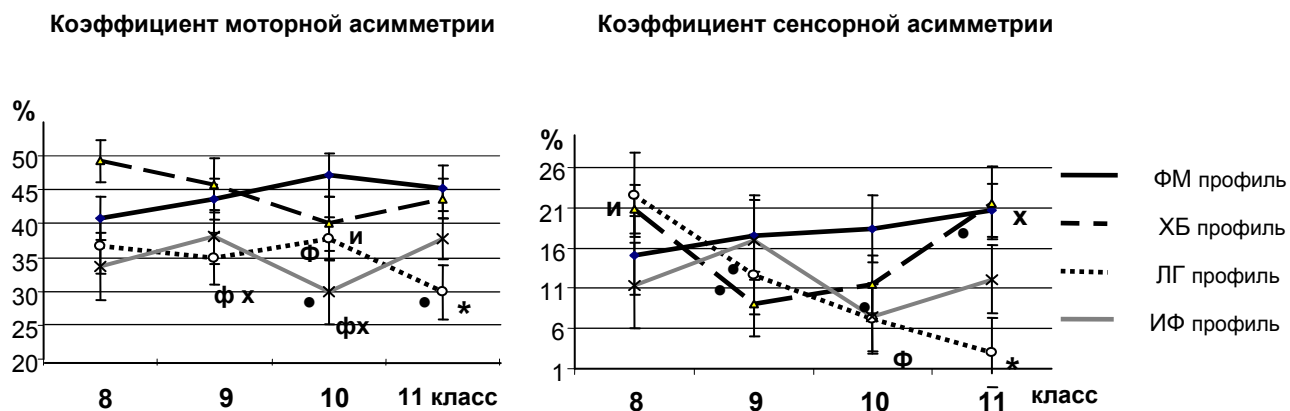

Рис. 2. Изменение коэффициентов ФАМ у учащихся разных профилей обучения с 8 по 11 класс

Изменение показателей психодинамических функций у учащихся разных профильных классов происходит неравномерно, что обусловлено с одной стороны разным уровнем сформированности данных функций к 8 классу, с другой – увеличением объема и сложности изучаемого материала на разных этапах профильного обучения. У учащихся ФМ профиля более интенсивное улучшение памяти наблюдается на в 10–11 классах, а объем внимания равномерно увеличивается от 8 к 11 классу (табл. 2). В результате, одиннадцатиклассники ФМ профиля отличаются достоверно высокими показателями памяти и внимания по сравнению с учащимися других профилей. Отмечено, что углубленные занятия математикой в значительной мере способствуют развитию познавательных функций и интеллекта [16].

Необходимость усвоения возрастающего объема информации в условиях повышенного образовательного уровня обусловила значительное развитие к 9–10 классу психодинамических функций у учащихся ХБ профиля, имевших низкий уровень образной и смысловой памяти, объема внимания в 8 классе. От 10 к 11 классу положительная динамика практически отсутствует и в 11 классе у гимназистов ХБ профиля значения памяти и внимания ниже, чем у учащихся других профилей обучения (табл. 2).

Наибольший прирост всех видов памяти у школьников ЛГ профиля наблюдается при переходе на профильную ступень обучения – в 10 классе ($p < 0,05$), при этом в большей степени развивается образная память. Характер изменений объема внимания у представителей ЛГ профиля свидетельствует о том, что сформированный к началу профильного обучения высокий уровень внимания является оптимальным для обучения и в связи с этим почти не меняется с возрастом (табл. 2).

Восприятие и усвоение информации на разных этапах обучения у гимназистов ГМ профиля осуще-

ствляется с активацией разных познавательных функций: к 9 классу в большей мере увеличивается образная память, к 10 – механическая и объем внимания, к 11 – смысловая память (табл. 2).

От 8 к 11 классу у учащихся всех профилей существенно возрастают показатели вербального мышления, определяющие характер и результативность когнитивной деятельности. Тем не менее, выявленные в 8 классе высокие показатели и наибольший процент учащихся с высоким уровнем всех видов вербального мышления у гимназистов ФМ профиля по сравнению с учащимися других профилей сохраняются до 11 класса (рис. 2).

Специфика обучения по естественно-математическому направлению способствует значительному развитию индуктивного мышления и увеличению количества лиц с высоким уровнем индукции (с 10 % до 32 %) у гимназистов ХБ профиля от 8 к 11 классу. У представителей ЛГ профиля в большей мере развивается абстрактное мышление: в 11 классе у половины из них (51 %) отмечается высокий уровень абстрактного мышления, а среднее значение показателя выше по сравнению с учащимися ХБ и ИФ профилей (рис. 2).

Выявленный характер возрастных изменений психофизиологических показателей у гимназистов с 8 по 11 класс свидетельствует о том, что функциональная готовность ЦНС к отдельным видам учебной деятельности у школьников старшего звена формируется не одновременно. Это можно объяснить с одной стороны перестройкой работы основных звеньев ЦНС в подростковом возрасте, а с другой – необходимостью избирательного и ускоренного созревания тех свойств нервных процессов и когнитивных функций, которые обеспечивают успешность учебной деятельности на разных этапах обучения по определенной профильной программе. Следовательно, развитие нейродинамических и ког-

нитивных функций учащихся в процессе адаптации к обучению по разным профильным программам обусловлено включением мозга в конкретную учебную деятельность, в ходе которой функциональное состояние мозга активно преобразуется, обеспечивая успешность реализации этой деятельности. По-

казано, что специфика умственной деятельности во многом определяет формирование психофизиологического потенциала индивида, вызывая изменения нейродинамических характеристик и функционального состояния головного мозга [11, 17].

Таблица 2

Ежегодные изменения психодинамических показателей у учащихся разных профилей обучения с 8 по 11 класс (%)

Показатели	Классы	Физико-математический профиль	Химико-биологический профиль	Лингвистический профиль	Историко-филологический профиль
Механическая память, балл	8 - 9	1	6,7	7,7	1,6
	9 - 10	5,9	13	14,5	3,1
	10 - 11	12,8	2,8	- 2,6	11
Образная память, балл	8 - 9	0	3,8	2,5	7,1
	9 - 10	2,2	6	9	-
	10 - 11	3,3	2,4	4,5	4,5
Смысловая память, балл	8 - 9	5,2	8	- 2,7	3,9
	9 - 10	6,1	6	8,8	8,6
	10 - 11	10	2,4	4,8	5,8
Объем внимания, балл	8 - 9	2,4	7,8	2,2	- 10,3
	9 - 10	6,7	3,8	3,3	17,6
	10 - 11	3,2	2,4	- 2,2	2,3

Примечание: жирным шрифтом выделены статистически значимые изменения по сравнению с предыдущим годом - $p < 0,05$

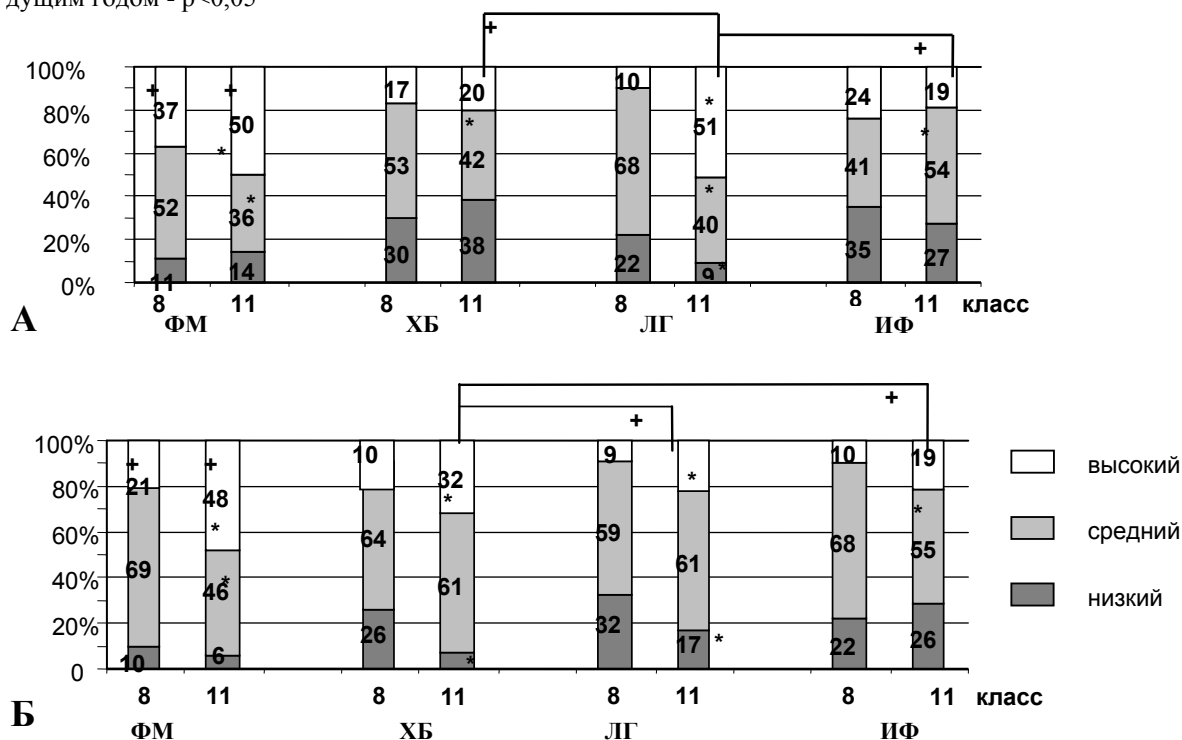

Рис. 2. Изменение процентного соотношения гимназистов разных профилей обучения от 8 к 11 классу с разным уровнем абстрактного мышления (А), индукции мышления (Б)

Примечание: достоверность различий процента учащихся в одном профиле с одинаковым уровнем показателя по сравнению с предыдущим годом: * - $p < 0,05$; с одинаковым уровнем показателя между разными профилями одного года обучения: + - $p < 0,05$

Таким образом, представленные материалы свидетельствуют о том что, специфическое действие внешнего фактора – профильного обучения на психофизиологическое развитие учащихся проявилось в различной динамике и интенсивности развития отдельных психофизиологических функций у гимназистов разных профилей обучения с 8 по 11 класс. Это означает, что наряду с развертыванием генетической программы, задающей определенную последовательность созревания мозговых структур, отмечается влияние социального фактора – процесса обучения, специфичной для каждого отдельного ребенка.

Литература

1. Безруких, М. М. Возрастная физиология (физиология развития ребёнка): учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / М. М. Безруких, В. Д. Сонькин, Д. А. Фарбер. – 2-е изд., стер. – М.: Академия, 2007. – 416 с.
2. Брагина, Н. Н. Функциональная асимметрия человека / Н. Н. Брагина, Т. А. Доброхотова. – М.: Медицина, 1988. – 240 с.
3. Венглер, Л. А. Овладение опосредствованным решением познавательных задач и развитие когнитивных способностей ребенка / Л. А. Венглер // Вопросы психологии. – 1983. – № 2. – С. 43 – 50.
4. Григорян, В. Г. Межполушарная асимметрия вызванных потенциалов при выполнении зрительно-пространственных задач / В. Г. Григорян, А. Н. Аракелян, А. Р. Агабабян, А. Ю. Степанян // Физиология человека. – 2003. – Т. 29. – № 6. – С. 51 – 54.
5. Изюмова, С. А. Виды мнемических способностей и их связь с двумя психофизиологическими симптомокомплексами / С. А. Изюмова // Индивидуальность человека: условия проявления и развития. – Пермь, 1988. – С. 77 – 78.
6. Ильин, Е. П. Дифференциальная психофизиология / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2001. – 454 с.
7. Кабардов, М. К. Типы языковых и коммуникативных способностей и компетенции / М. К. Кабардов, Е. В. Арцишевская // Вопр. психологии. – 1996. – № 1. – С. 34 – 49.
8. Казин, Э. М. Образовательная среда и здоровьесберегающие факторы / Э. М. Казин // Здоровьесберегающая деятельность в системе образования: теория и практика : учебное пособие. – Кемерово : Изд-во КРИПКиПРО, 2009. – Гл. 2. – С. 22 – 39.
9. Костандов, Э. А. Психофизиология сознания и бессознательного / Э. А. Костандов. – СПб.: Питер, 2004. – 167 с.
10. Кураев, Г. А. Психофизиологические особенности школьников, обучающихся в условиях вариативного образования: сообщение I. Психофизиологические особенности мальчиков физико-математического класса лицея и общеобразовательной школы / Г. А. Кураев, М. В. Хватова, Л. В. Со рокина // Валеология. – 2005. – № 1. – С. 46 – 58.
11. Литвинова, Н. А. Роль психофизиологических показателей в успешности адаптации старшеклассников к профильному обучению / Н. А. Литвинова, Э. М. Казин, В. И. Иванов // Вестник томского государственного университета. – 2006. – № 21. – С. 56 – 57.
12. Макаренко, Н. В. Сенсомоторные функции в онтогенезе человека и их связь со свойствами нервной системы / Н. В. Макаренко [и др.] // Физиология человека. – 2001. – Т. 27. – № 6. – С. 52 – 57.
13. Сетко, Н. П. Функциональная асимметрия полушарий головного мозга как индикатор выбора программы обучения ребенка / Н. П. Сетко, Е. А. Володина, А. И. Сафронова // Гигиена и санитария. – 2009. – № 4. – С. 61 – 63.
14. Смирнов, В. М. Нейрофизиология и высшая нервная деятельность детей и подростков / В. М. Смирнов. – М.: Академия, 2000. – 400 с.
15. Степанова, М. И. Новая шкала трудности учебных предметов в общеобразовательной школе / М. И. Степанова, И. Э. Александрова, А. С. Седова // Вестник образования России. – 2004. – № 5. – С. 43 – 48.
16. Чораян, О. Г. Искусственный интеллект (физиологические, психологические и кибернетические аспекты): учебное пособие для студентов высших учебных заведений / О. Г. Чораян; под ред. Г. А. Кураева. – Ростов-на-Дону: УНИИ валеологии РГУ, 2002. – 152 с.
17. Шаханова, А. В. Образование и здоровье: физиологические аспекты / А. В. Шаханова, Т. В. Глазун. – Майкоп: АГУ, 2008. – 195 с.
18. Эльконин, Д. Б. Избранные психологические труды / Д. Б. Эльконин. – М.: Педагогика, 1989. – 560 с.

УДК 612.821

РОЛЬ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ В АДАПТАЦИИ К УМСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*Н. А. Литвинова, Э. М. Казин, С. Б. Лурье, О. В. Булатова***THE ROLE OF INDIVIDUAL PSYCHOPHYSIOLOGICAL CHARACTERISTICS OF STUDENTS IN ADAPTATION TO EDUCATIONAL ACTIVITY***N. A. Litvinova, E. M. Kazin, S. B. Lurye, O. V. Bulatova*

Изучены механизмы адаптации студентов первых и третьих курсов к учебной деятельности. Показано, что в процессе их адаптации существенное место принадлежит особенностям функциональных связей между нейродинамическими параметрами, личностными характеристиками, эндокринными функциями и показателями вегетативного обеспечения деятельности.

In the work mechanisms of adaptation of students of 1 and 3 courses to educational activity are studied. It is shown, that in the course of their adaptation the important place belongs to features of functional relationships between neyrodynamical parameters, personal characteristics, endocrine functions and variability of heart rhythm.

Ключевые слова: адаптация, психофизиологический потенциал, учебная деятельность.

Keywords: adaptation, psychophysiological potential, educational activity.

Особенностью изучения адаптационного процесса у человека является необходимость рассматривать психофизиологические и физиологические механизмы, обеспечивающие поиск оптимальной стратегии адаптации и реализацию их в виде различных форм поведения и его психовегетативного обеспечения [6].

В развитии адаптационных реакций прослеживается два этапа: срочная или незавершенная адаптация, в процессе которой развивается комплекс функциональных изменений в организме, и долговременная (этап стабильности), когда в результате систематического количественного закрепления структурных функциональных изменений организм приобретает новое качество, адаптируется к воздействию фактору [4]. Существующие теоретические представления позволяют считать, что критерии адаптации должны определяться на базе комплексных физиологических исследований, проводимых с учетом длительности воздействующего фактора и индивидуально-типологических особенностей организма.

Переход срочной адаптации в долговременную осуществляется с помощью многократной активизации существующей или формирующейся в процессе реагирования на действие раздражителя функциональной системы.

Процессы срочной и долговременной адаптации к различным неадекватным условиям характеризуются специфическими и неспецифическими чертами перестройки жизнедеятельности организма.

Любая устойчивая адаптация к условиям обучения и профессиональной деятельности имеет для организма свою «цену», которая может проявляться в прямом изнашивании функциональных систем, на которые в процессе адаптации приходится наибольшая нагрузка.

Индивидуальные особенности реагирования могут формироваться в результате неодинакового вовлечения психофизиологических, психологических и вегетативных систем, ответственных за адаптацию к факторам среды. Эффективность (соотношение

полезного результата и затраченных адаптивных ресурсов) учебной деятельности определяется взаимодействием двух основных структурно-функциональных компонентов специфических механизмов, реализующих эту деятельность (специфической функциональной системы) и неспецифических, обеспечивающих управление адаптивными ресурсами (функциональная система обеспечения деятельности). Специфические процессы обеспечивают гомеостатическую регуляцию жизнедеятельности, а анализ неспецифических – выявляет их связь с энергетическим и пластическим обеспечением гомеостатических реакций и мобилизацией защитных особенностей организма с нарастанием силы и продолжительности воздействий [6].

Особую актуальность в настоящее время приобретает изучение закономерностей адаптации человека к учебной деятельности, результаты которой должны быть направлены не только на достижение успешности обучения, но и на сохранение здоровья индивида.

Адаптация к комплексу новых факторов, специфичных для умственной деятельности, представляет собой сложный многоуровневый социально-психофизиологический процесс и сопровождается значительным напряжением компенсаторно-приспособительных систем организма студентов [12].

Вместе с тем, остаются недостаточно изученными вопросы, касающиеся выявления взаимосвязи между успешностью деятельности и индивидуальными психофизиологическими особенностями учащейся молодежи, что и послужило предпосылкой для проведения настоящего исследования.

В связи с этим целью настоящей работы явилось изучение индивидуальных особенностей и механизмов адаптации студентов к учебным нагрузкам.

Были проведены экспериментальные исследования на базе лаборатории психофизиологии Кемеровского государственного университета.

В обследовании приняли участие 336 студентов 1-3 курсов биологического факультета в возрасте от

17 до 20 лет. Все обследования проводились с помощью автоматизированных программно-технических средств.

С целью изучения механизмов адаптации студентов исследования проводили в несколько этапов:

1 этап – оценка фонового состояния (октябрь-ноябрь) с определением у студентов первых-третьих курсов:

а) свойств высшей нервной деятельности (работоспособности головного мозга (РГМ), подвижности, динамичности и уравновешенности);

б) уровня вегетативной регуляции по показателям вариационной пульсометрии по Р.М. Баевскому в состоянии условного покоя и при дозированной умственной нагрузке;

в) когнитивной сферы (параметры мышления, памяти, внимания);

г) особенностей латеральной организации (определение профиля функциональной асимметрии мозга);

д) гормонального и биоритмологического статуса.

2 этап - оценка пред- и постэкзаменационного состояния (январь) с определением:

а) уровня вегетативной регуляции по показателям вариационной пульсометрии по Р.М. Баевскому до и после экзамена;

б) психоэмоционального состояния (параметры и индексы М. Люшера) до и после экзамена;

в) уровень кортизола и тестостерона.

Для оценки психофизиологических показателей применен авторский автоматизированный комплекс «Статус ПФ», позволяющий исследовать:

- нейродинамические особенности (простые и сложные зрительно-моторные реакции (ПЗМР, СЗМР), подвижность, уравновешенность и динамичность нервных процессов, работоспособность головного мозга по методике Н.В. Макаренко;

- исследование функций кровообращения (вариационная пульсометрия по Р.М. Баевскому);

- реакцию сердечно-сосудистой системы на дозированную умственную нагрузку;

- психоэмоциональную сферу по тесту Люшера [11];

- уровень тревожности по Ч.Д. Спилбергеру и Ю.Л. Ханину;

- личностные особенности [13];

- экстраверсию, интроверсию, нейротизм по методу Айзенка;

- психодинамические функции: память, внимание;

- когнитивную сферу (мышление, комбинаторные способности);

Определение гормонов в слюне (кортизола и тестостерона) проводилось с помощью наборов СтероидИФА ЗАО «Алкор БИО».

Математическая обработка проводилась с помощью программы «Statistica 5.5». Для сравнения групп в зависимости от типа распределения показателей использовался t-критерий Стьюдента или U-критерий Манна-Уитни. Для расчетов лабильности (стабильности) показателей использовался показатель точности оценок Cs. Для оценки степени взаимосвязанности изученных показателей использованы коэффициенты корреляции Пирсона и Спирмена.

Использование авторской автоматизированной программы позволило провести психофизиологическое обследование студентов в динамике учебного процесса.

Анализ полученных в работе результатов показал отсутствие статистически значимых различий средних значений психофизиологических показателей у студентов разных годов поступления. К таким показателям относятся: функциональная подвижность нервных процессов (УФП НП), работоспособность головного мозга (РГМ), память, внимание, личностные особенности, параметры вариационной пульсометрии как в условиях относительного покоя, так и реакции на дозированную умственную нагрузку.

При сравнении значений показателей вариационной пульсометрии (табл.1) в двух состояниях (фон и умственная нагрузка) наблюдается статистически значимое ($p < 0,05$) изменение всех показателей независимо от курса. Установлено, что к 3 году обучения достоверно увеличиваются такие показатели как индекс напряжения (ИН) и индекс вегетативного равновесия (ИВР).

Таблица 1

Средние значения параметров сердечного ритма у студентов

Показатели	I курс		III курс	
	Фон	Нагрузка	Фон	Нагрузка
	$M \pm m$	$M \pm m$	$M \pm m$	$M \pm m$
ЧСС, уд/мин	$78,4 \pm 2,1$	$94,5 \pm 1,9$	$78,5 \pm 1,5$	$84,4 \pm 1,5$
Мода (Мо), мсек	$728,0 \pm 15,5$	$640,2 \pm 13,8$	$763,1 \pm 17,7$	$701,6 \pm 15,9$
Амплитуда моды (АМо), %	$29,6 \pm 1,2$	$27,2 \pm 1,1$	$36,0 \pm 1,2$	$40,7 \pm 1,5$
Индекс напряжения (ИН), баллы	$78,7 \pm 8,4$	$196,4 \pm 21,2$	$112,9 \pm 10,3 *$	$268,1 \pm 19,5 *$
Индекс вегетативной регуляции (ИВР), баллы	$98,5 \pm 9,0$	$216,6 \pm 25,1$	$161,3 \pm 12,5 *$	$370,0 \pm 31,6 *$
Вегетативный показатель ритма (ВПР), баллы	$3,96 \pm 0,31$	$15,6 \pm 2,9$	$4,34 \pm 0,25$	$13,59 \pm 2,80$

Примечание: * - значимые отличия от 1 курса (1996 год) на уровне $p < 0,05$

У студентов к третьему курсу по сравнению с первым в условиях относительного покоя отмечается повышение ИН на 44 % ($p < 0,01$), АМо на 21 % ($p < 0,01$) и ИВР на 63 % ($p < 0,001$). Наблюдаемые сдвиги свидетельствуют о смещении у третьекурсников вегетативного баланса в сторону преобладания симпатического отдела вегетативной нервной системы, что является отражением нарастающей централизации управления сердечным ритмом, усиления модулирующего влияния гипоталамуса [3, 10].

При дозированной умственной нагрузке наблюдаются однонаправленные изменения у студентов 1 и 3 курсов в сторону активации симпатического отдела вегетативной нервной системы.

В целях изучения стабильности выявленных в динамике учебного процесса устойчивых психофизиологических особенностей проведен анализ повторяемости признаков с помощью коэффициента внутрипарной корреляции.

Коэффициенты корреляции при повторном измерении имеют такие показатели: для УФП НП ($r=0,91$), латентного периода сложной зрительно-моторной реакции (ЛП СЗМР) ($r=0,68$), профиля ФАМ ($r=0,92$), РГМ ($r=0,75$), кратковременной памяти ($r=0,83$), объема внимания ($r=0,79$) при $p < 0,001$, а также для показателей, характеризующих структуру личности (экстраверсия - интроверсия, реактивность, эмоциональная устойчивость), что согласуется с данными ряда авторов [5, 8].

Установлено, что у лиц, обладающих низкими уровнями функциональной подвижности нервных процессов, преобладают симпатические влияния, что с позиций общепсихофизиологических представлений [1,5] объясняется более высокой чувствительностью слабой нервной системы, которая получает большие дозы сенсорного потока, более интенсивную стимуляцию симпатoadреналовой системы.

Полученные результаты согласуются с литературными данными относительно того, что лица с низкими значениями УФП НП предрасположены к развитию признаков утомления, являющегося следствием рассинхронизации течения физиологических процессов [2,7].

Для выявления индивидуально-типологических особенностей системной организации функций был использован метод множественного корреляционно-го анализа, позволяющий установить взаимосвязи между различными психофизиологическими показателями у студентов с разным уровнем ФП НП в состоянии покоя и при выполнении дозированной умственной нагрузки.

У студентов с высоким УФП НП отмечается самое большое количество связей параметров вариационной пульсометрии с индивидуально-типологическими особенностями, как в состоянии относительного покоя (31), так и при нагрузке (32); а в группе с низкими значениями УФП НП количество связей уменьшается в 3 раза (рис. 1, 2).

Таким образом, отсутствие выраженных корреляционных взаимоотношений между вегетативными, нейродинамическими показателями у студентов с низким уровнем ФП НП способствует развитию дезадаптивных синдромов и напряжению регуляторных процессов.

Показано, что эффективность учебной деятельности студентов в большей степени связана с показателями когнитивной сферы, сердечного ритма и психофизиологическими характеристиками.

Успешность сдачи экзамена находится в определенной зависимости от развития кратковременной и долговременной памяти, абстрактного и практического мышления, комбинаторных способностей, концентричности, сенсорной асимметрии и обратно пропорциональна индексу напряжения (ИН) в покое.

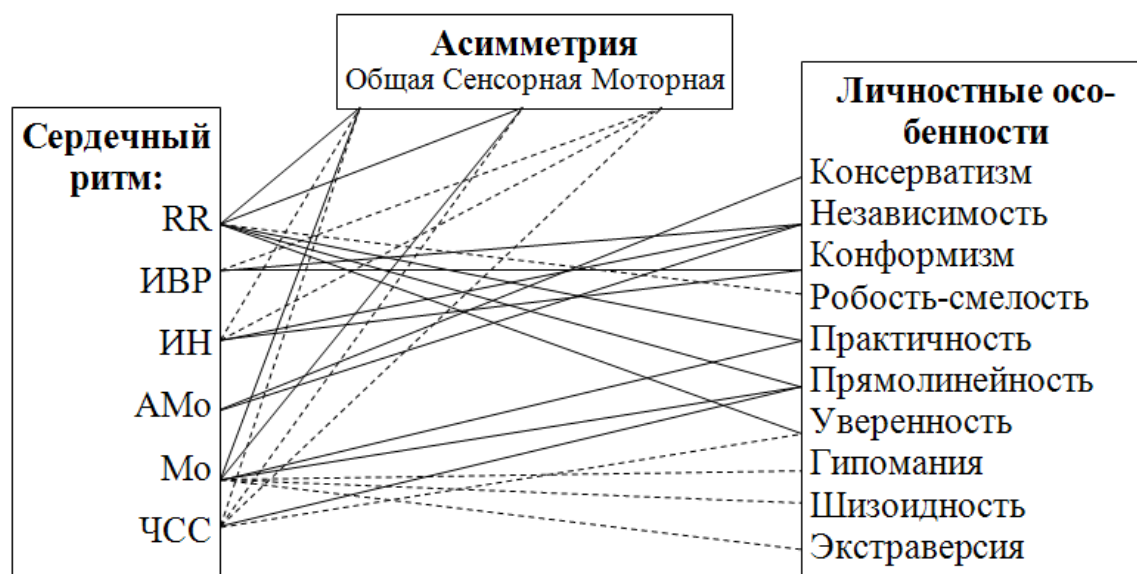

Рис. 1. Взаимосвязь показателей вариационной пульсометрии в покое у студентов с высоким уровнем подвижности нервных процессов

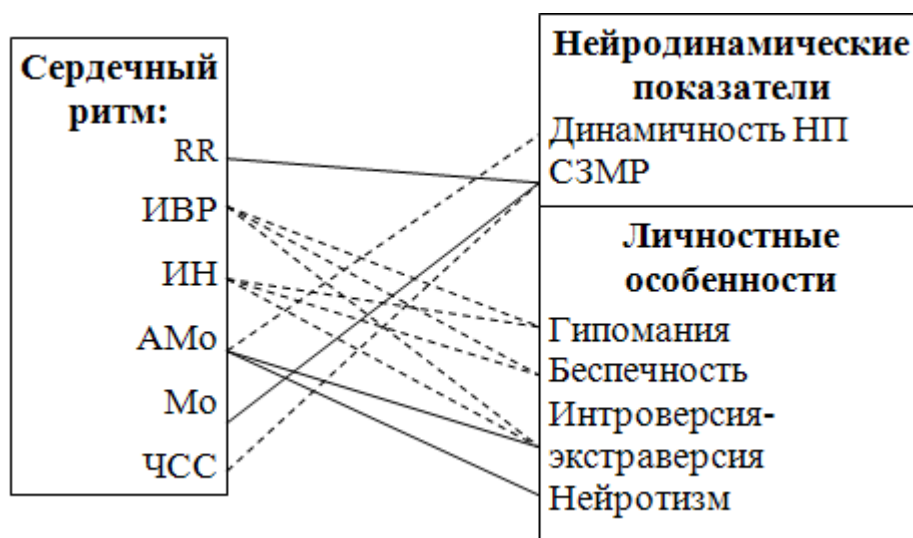

Рис. 2. Взаимосвязь показателей вариационной пульсометрии в покое у студентов с низким уровнем подвижности нервных процессов

Специфика вегетативного и психоэмоционального обеспечения в значительной мере определяется исходными фоновыми значениями индекса напряжения.

У студентов, имеющих низкий фоновый индекс напряжения, с успешностью обучения в основном связаны параметры психоэмоционального состояния.

У лиц с высокими значениями индекса напряжения структура функциональной системы характеризуется наличием большого числа связей показателей успеваемости по профильным предметам с параметрами вариационной пульсометрии до экзамена и с когнитивной сферой. В этой группе выявляется выраженная асимметрия числа связей с успеваемостью по разным предметам.

Группа со средними значениями ИН, по картине функциональных связей занимает промежуточное

положение, т. е. успешность обучения по всем предметам связана как с показателями, отражающими личностные особенности, психоэмоциональное состояние и когнитивную сферу, так и с параметрами вегетативного обеспечения.

Общая картина взаимодействия различных уровней регуляции отражается в процентном распределении числа их корреляционных связей: в группе с наименьшим ИН адаптация проходит за счет биоритмологического и латерального, психоэмоционального и личностного уровней; в группе лиц со средним ИН доминирующим является активность вегетативного контура; в группе с высоким ИН в большей мере реализуется активность когнитивных и вегетативных механизмов (рис. 3).

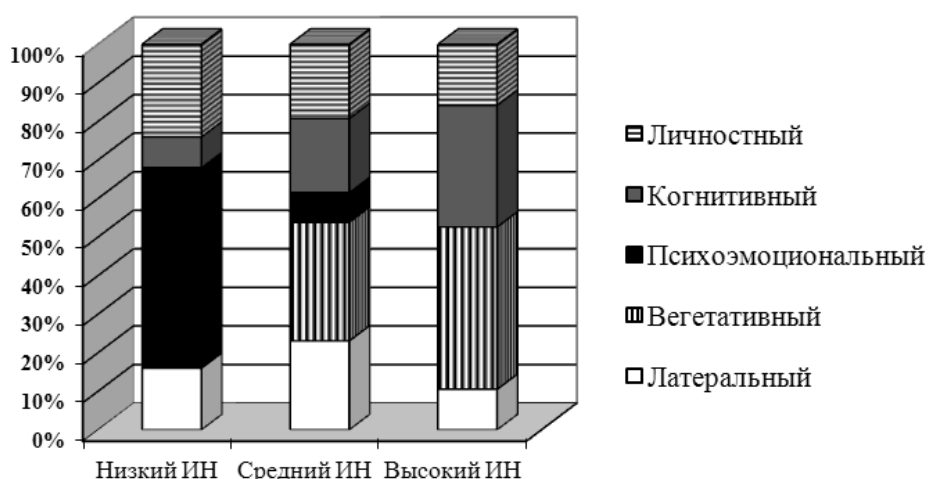

Рис. 3. Влияние исходного значения индекса напряжения (ИН) на включение различных уровней психовегетативного обеспечения учебной деятельности

Выявлено, что хорошо успевающие студенты с высоким фоновым ИН характеризуются высокой ситуативной тревожностью, меньшей работоспо-

собностью по сравнению со студентами с низким фоновым ИН.

Эффективность (соотношение полезного результата и затраченных адаптивных ресурсов) учебной деятельности студентов-первокурсников определяется взаимодействием двух основных структурно-функциональных компонентов – специфических механизмов, реализующих эту деятельность – специфической функциональной системой (СФС), и неспецифических механизмов, обеспечивающих управление адаптивными ресурсами – функциональная система обеспечения деятельности (ФСО).

Активация СФС – нервно-психических компонентов в учебной деятельности – может быть классифицирована как информационная стратегия адаптации, тогда как тип неспецифической адаптации характеризуется как энергетический, и его доминирующее использование в условиях учебного процесса приводит к хроническому перенапряжению и росту «цены» приспособительных реакций.

В структуре СФС реализуются, в первую очередь, психические компоненты, однако, при усилении нагрузки (например, на экзамене) включаются механизмы функционального обеспечения из нижних уровней, одним из которых является вегетативная нервная система, при этом возрастают затраты функциональных резервов, а эффективность учебной деятельности снижается [9].

С целью уточнения динамики ФСО нами проведено сравнение ключевых параметров вегетативной регуляции в покое и при тестовой нагрузке у студентов 1 и 3 курсов в зависимости от исходного уровня ИН (группы I - III).

На 3 курсе ИН возрастает более чем в 2 раза, что указывает на общее напряжение и активацию ФСО.

Группу с относительно низким ИН можно определить как адаптивную, тогда как в группах с высоким индексом напряжения (ИН >395) наблюдается существенное увеличение функционального напряжения в покое и при выполнении дозированной умственной нагрузки.

Материалы, полученные в настоящем исследовании, свидетельствуют о достаточно высокой роли нейродинамических свойств в процессе адаптации студентов. Лица с высокими значениями подвижности НП, работоспособности головного мозга и обладающих такими особенностями как гибкость мышления, самостоятельность в принятии решения, устойчивость к стрессу, сбалансированным симпатопарасимпатическим обеспечением вегетативной регуляции, могут быть охарактеризованы как адаптивная группа, о чем свидетельствуют данные о том, что за 3 года обучения из этой группы не отчислился ни один студент.

Анализ характера активности эндокринной регуляции свидетельствует, что на первом курсе регистрируется умеренный гиперкортицизм, что указывает на наличие синдрома напряжения, связанного с повышением адаптивной нагрузки на глюкокортикоидную сферу. Вместе с тем, выявленная неоднозначность в функциональной активности коры надпочечников и гонад определенным образом связана со свойствами нервной системы – чем ниже работоспособность головного мозга и уровень функциональной подвижности нервных процессов, тем выше уровень гормонов (табл. 2, 3).

Таблица 2

**Средние значения концентраций гормонов в слюне студентов
до и во время экзамена разных курсов**

<i>Гормоны</i>	<i>Курсы</i>			<i>Достоверность отличия</i>
	<i>I</i>	<i>II</i>	<i>III</i>	
Кортизол, нг/мл до экзамена	9,41 ± 0,58	7,60 ± 0,35	6,56 ± 0,24	I-III t=2,89; p<0,05 II-III t=1,96; p=0,05
Кортизол, нг/мл во время экзамена	12,35 ± 0,95	10,33 ± 0,73	7,6 ± 0,52	I-III t=3,27; p=0,05 II-III t=2,97; p=0,05
t-тест Стьюдента	t= 4,6; p< 0,001	t= 4,02; p< 0,005	t= 2,08; p< 0,047	
Тестостерон пг/мл до экзамена	166,81 ± 5,61	143,38 ± 5,9	175,09 ± 6,01	II-III t=2,89; p=0,004
Во время экзамена	195,43 ± 6,59	191,31 ± 22,65	196,86 ± 14,31	
t-тест Стьюдента	t= 4,36; p< 0,001	t= 2,37; p< 0,05	t= 1,49; p= 0,14	

Таблица 3

**Достоверная корреляционная зависимость кортизола
с психофизиологическими показателями**

	<i>Тестостерон (экзамен)</i>	<i>ИВР</i>	<i>РГМ</i>	<i>УФП</i>	<i>Пространственное восприятие</i>	<i>Кортизол (экзамен)</i>
Кортизол (фон)	- 0,52	-0,53	-0,73	0,51	0,76	0,53

Результаты комплексного исследования студентов свидетельствуют о тесном взаимодействии физиологических и психологических компонентов адаптационного процесса и успешности учебной деятельности; на это указывает уравнение регрессии и дискриминантный анализ, позволяющие осуществлять прогностическую оценку с учетом индивидуально-типологических особенностей организма.

$X_1 = 4.49 - 0.009РГМ$ (пр.р) - $0.009РГМ$ (лев.р.) - $0.001ЧССп$ - $0.001ЧССн$ - $0.02Н$ (Кеттелл) - 0.01 Экстраверсия + 0.01 Интроверсия + 0.0005 Ксен.асим., где X_1 - успешность деятельности.

Как следует из перечня классификационных функций для показателей, вошедших в дискриминантную модель, велика доля личностных и когнитивных параметров и особенностей вегетативной нервной системы (табл. 4).

Таблица 4

Классификационные функции для показателей, вошедших в дискриминантную модель

<i>Параметр</i>	<i>Успеваемость (баллы)</i>		
	<i><3,4</i>	<i>3,41-4,59</i>	<i>>4,6</i>
Комбинаторные способности, баллы	1,13	1,08	1,46
Внимание, сек	0,19	0,42	0,46
Долговременная память, баллы	0,18	0,25	0,25
Формирование суждений	4,51	4,23	4,03
Абстрактное мышление, баллы	-1,00	-1,12	-0,75
Тревожность (Кеттелл), баллы	2,21	2,75	2,02
Дипломатичность (Кеттелл), баллы	2,13	2,30	1,55
Доверчивость (Кеттелл), баллы	3,70	4,31	3,91
Ответственность (Кеттелл), баллы	7,20	7,02	6,49
Смелость (Кеттелл), баллы	3,29	3,78	3,45
Чувствительность (Кеттелл), баллы	3,42	3,80	3,83
Эмоциональная стабильность (Кеттелл), баллы	4,73	5,53	5,22
Работоспособность головного мозга (РГМ), кол. знак.	0,27	0,31	0,27
ИН, (после экзамена), баллы	0,05	0,08	0,07
ИН (умственная нагрузка), баллы	0,01	0,02	0,01
ИН (до экзамена), баллы	0,03	0,03	0,02
Психосоциальная адаптация (Люшер), баллы	-2,12	-1,98	-1,61

Материалы настоящего исследования позволяют выявить связь между особенностями функционального обеспечения учебной деятельности студентов в динамике процесса обучения и ролью различных индивидуально-типологических особенностей.

Особое внимание следует обратить на то, что у студентов третьего курса возможность перехода неустойчивой адаптации в стабильную в значительно большей степени, чем у первокурсников, определяется индивидуальными личностными и нейродинамическими свойствами нервной системы. Показано что, лица, обладающие низким уровнем функциональной подвижности нервных процессов и низкой работоспособностью головного мозга, реагируют на умственную нагрузку существенным напряжением механизмов вегетативной регуляции сердечного ритма, то есть по симпатотоническому типу, который характеризуется преобладанием процессов возбуждения над процессами торможения.

Студенты со средними значениями силы и подвижности нервных процессов более уравновешены, менее самостоятельны, общительны, в реакции сердечно-сосудистой системы на умственную нагрузку реагируют значительным приростом индекса на-

пряжения вегетативной регуляции сердечного ритма. Студенты с высоким уровнем силы и подвижности нервных процессов обладают такими личностными особенностями как устойчивость к стрессу, сохранение интересов и целей, гибкость мышления и самостоятельность в принятии решения.

У студентов старших курсов в процессе психофизиологической адаптации доминирующее значение приобретают такие личностные психофизиологические свойства как сила и подвижность нервных процессов, устойчивость к стрессу, сохранение интересов и целей, гибкость и самостоятельность в принятии решения.

Представленные материалы, проведенного комплексного психофизиологического исследования свидетельствуют о том, что факторы умственной деятельности оказывают специфическое влияние на функционирование ЦНС, вегетативный гомеостаз и определяются индивидуальными физиологическими особенностями. Процесс адаптации к деятельности осуществляется на основе формирования функциональной системы с участием различных интегральных компонентов: специфических (сенсорного, моторного, интеллектуального) и неспецифических

(уровня активации ЦНС, эмоционального тонуса, вегетативного обеспечения).

Наличие тесного функционального взаимодействия между физиологическими и психологическими компонентами адаптационного процесса делает необходимым их использование для прогностической оценки приспособительных возможностей студентов в целях обеспечения успешности их учебной деятельности.

Анализ индивидуальных психофизиологических особенностей приспособительных возможностей студентов к условиям умственной деятельности, проведенный в работе, способствовал разработке и внедрению в деятельность образовательных учреждений автоматизированной психофизиологической программы для оценки преадаптивных возможностей организма и уровня готовности учащихся к выбираемому профилю обучения.

Литература

1. Афтанас, Л. И. Эмоциональное пространство у человека: психофизиологический анализ / Л. И. Афтанас. – Новосибирск: Изд-во СО РАМН, 2000. – 126 с.
2. Баевский, Р. М. Проблема оценки и прогнозирования функционального состояния организма и её развитие в космической медицине / Р. М. Баевский // Успехи физиол. наук. – 2006. – Т. 37. – № 3. – С. 42 – 57.
3. Динамика интегральных характеристик variability сердечного ритма и психофизиологических показателей студентов в режиме однодневной и недельной учебной нагрузки / Э. С. Геворкян, С. М. Минасян, Ц. И. Адамян [и др.] // Физиология человека. – 2006. – Т. 32. – № 4. – С. 57 – 63.
4. Кривошеков, С. Г. Адаптация и здоровье / С. Г. Кривошеков // Физиологические основы здоровья; под ред. Р. И. Айзмана. – Новосибирск, 2001. – С. 257 – 267.
5. Макаренко, Н. В. Реакция вегетативной нервной системы у студентов с различными свойствами высшей нервной деятельности в ситуации экзаменационного стресса / Н. В. Макаренко, В. С. Лизогуб, Л. И. Юхменко // Физиология человека. – 2006. – Т. 32. – № 3. – С. 136 – 138.
6. Медведев, В. И. Адаптация человека / В. И. Медведев. – СПб.: Институт мозга человека РАН, 2003. – 584 с.
7. Навакатилян, А. О. Физиология и гигиена умственного труда / А. О. Навакатилян, В. В. Крыжановская, В. В. Кальниш. – Киев: Здоровье, 1987. – С. 152.
8. Равич-Щербо, И. В. Оценка силы нервной системы по зависимости времени реакции от интенсивности стимула / И. В. Равич-Щербо // Проблемы дифференциальной психофизиологии. – М., 1979. – Т. 6. – С. 228 – 234.
9. Роль психофизиологического потенциала в процессе адаптации к учебной деятельности / Э. М. Казин, В. И. Иванов, Н. А. Литвинова // Физиология человека. – 2002. – Т. 28. – № 3. – С. 23 – 29.
10. Ситдилов, Ф. Г. Влияние учебной нагрузки и условий производства на функциональное состояние симпатно-адреналовой системы и показатели регуляции сердечного ритма у девушек 17-18-летнего возраста / Ф. Г. Ситдилов, М. В. Шайхелисламова, И. Р. Валеев // Физиология человека. – 2001. – Т. 27. – № 5. – С. 60 – 67.
11. Собчик, Л. Н. МЦВ – метод цветовых выборов. Модифицированный восьмицветовой тест Люшера: практическое руководство / Л. Н. Собчик. – СПб.: Речь, 2001. – 112 с.
12. Спицин, А. П. Особенности адаптации студентов младших курсов медицинского вуза к учебной деятельности / А. П. Спицин // Гигиена и санитария. – 2002. – № 1. – С. 47–49.
13. Cattell, R. B. Handbook of the sixteen personality factor questionnaire (16 PF) / R. B. Cattell, H. W. Eber, M. M. Tatsuoka. – Champaign: IPAT, 1970.

УДК 159.922:613

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНЩИН С АДДИКТИВНЫМ ПОВЕДЕНИЕМ

А. М. Прохорова, М. Г. Березина, С. Б. Лурье, Э. М. Казин

PSYCHOPHYSIOLOGICAL FEATURES OF WOMEN WITH ADDICTIVE BEHAVIOUR

A. M. Prokhorova, M. G. Berezina, S. B. Lurye, E. M. Kazin

Исследовано влияние психофизиологических особенностей на особенности формирования асоциального поведения у женщин. Нездоровый образ жизни, алкоголизация и все более распространяющееся употребление наркотиков и токсических веществ, девиантное поведение, уход от социально конструктивной деятельности, праздное время препровождение - все это дает основания для формирования концепции саморазрушающего поведения как проявления дисфункционального состояния личности.

Influence of psychophysiological features on features of formation асоциального behavior at women is investigated. The unhealthy way of life, alcoholization and more and more extending use of drugs and toxic substances, deviant behavior, leaving from socially constructive activity, idle time forwarding - all it gives the grounds for formation of the concept of self-destroying behavior as displays of a dysfunctional condition of the person.

Ключевые слова: алкоголизация, наркотики, асоциальное поведение.

Keywords: alcoholization, drugs, asocial behavior.

Зависимость от психоактивных веществ - мультифакториальное явление, детерминированное как генетическим предрасположением, так и совокупностью внешних и внутренних средовых факторов. В этиологии алкоголизма и других зависимостей определенная роль принадлежит различным социокультурным факторам: влияние группы первичной социализации (семьи); влияние референтной группы; социального слоя общества; профессии и современного индустриального общества в целом с его прогрессирующей дезинтеграцией, утратой традиций, ослаблением внутрисемейных связей и т. п.

По данным ряда авторов, к злоупотреблению алкоголем предрасположены недостаточно организованные личности, неспособные справляться с тревогой, напряжением социально приемлемыми путями; внушаемость, ранимость, тревожность, непри приспособленность к практической жизни, инфантильность предрасполагают к алкоголизму [4]. Готовность к наркотизации, обусловлена, прежде всего, особенностями эмоциональной сферы: низкой стрессоустойчивостью, повышенной тревожностью, импульсивностью и т. д. И. М. Елисеев (1976) отметил, что наркотизация меняет социальную ориентацию личности: происходит непрерывный процесс нарушения адаптации больных в обществе, социально-трудовая дезадаптация; растет число правонарушений [2].

Самым мощным предиктором зависимости от психоактивных веществ является наличие зависимости в семейном анамнезе. Алкоголизм родителя - мощный фактор риска, как алкоголизма, так и наркомании. Среди предрасполагающих к наркоманиям факторов М. Windle с соавт. (1986), С. Muntaner, D. Walter и др. (1990), S. Aziz, A.A. Shah (1995) отметили девиантное поведение, антисоциальные установки, криминальность [10-12]. А.М. Петрищев и С.М. Мостовой (1981) определили, что наибольшая вероятность наркотизации и формирования в дальнейшем наркомании имеется у женщин с неустойчивым типом акцентуации характера [7].

Медицинская статистика свидетельствует о неуклонном росте числа женщин, потребляющих наркотические вещества. Их доля среди общей популяции больных наркоманией колеблется от 20 до 38 %. Согласно официальным данным количество женщин с впервые установленным диагнозом «наркомания» увеличилась в России в период 1993-2002 гг. более чем в 10 раз. Наркотизация женщин оказывает отрицательное влияние на их генеративную функцию, на беременность, на плод, на развитие потомства и, следовательно, на будущее поколение [9].

Ряд авторов [8 и др.] указывают на большое количество «факторов риска» у женщин для возникновения мотивации на потребление наркотиков. К этим факторам относятся: наследственная отягощенность наркотическими и психическими заболеваниями, отсутствие эмоциональной связи в системе

«родитель-ребенок», хаотический уклад жизни без соблюдения семейных ритуалов и традиций, психопатическая структура личности со склонностью к импульсивным действиям, бедность интересов, слабая мотивация к учебе.

Учитывая психофизиологические особенности человека, можно понять, почему объективно одинаковые внешние воздействия вызывают разную реакцию у женщин. Негативные социальные влияния, могут привести к формированию антиобщественной направленности личности только во взаимодействии с индивидуально-типологическими особенностями человека.

В исследовании принимали участие 134 женщины, отбывающие наказание в исправительной колонии. Анализируя медицинские карты, было выявлено, что значительная часть осужденных женщин диагностировалась со склонностью к алкоголизму и наркомании.

Данный факт позволил разделить всех обследованных женщин на три группы:

1 группа – злоупотребляющие алкоголем (29 %);

2 группа – злоупотребляющие наркотическими веществами (27 %);

3 группа – не употребляющие психоактивные вещества (11 %).

33 % женщин, принявших участие в обследовании, злоупотребляют и алкоголем, и наркотиками, в дальнейшем эта смешанная группа не принимала участия в обследовании.

Показано, что в механизмах развития асоциального поведения существенную роль играет расстройство адаптации личности к окружающей среде, которое может проявляться в делинквентных действиях: 24 % – составляют преступления связанные с воровством, которое возможно совершается с целью добычи средств на приобретение психоактивных веществ, 32 % – это торговля наркотиками и 26 % – убийства, 18% – составляют такие преступления, как побои, разбой, незаконное хранение оружия и взрывчатых веществ, хулиганство, изнасилование, мошенничество и грабеж.

Установлено, что доминирующее положение, в группе женщин, злоупотребляющих наркотическими веществами, занимают преступления, связанные с продажей психоактивных веществ (39 %) и воровством (36 %); в группе женщин, злоупотребляющих алкоголем, преобладающими являются преступления, связанные с убийством (52 %); у женщин, не злоупотребляющих психоактивными веществами, наблюдается равномерное распределение преступлений: 29 % – воровство, 21 % – убийства, 21 % – торговля наркотиками, 29 % – иные преступления.

В соответствии с принципами детерминизма, единства сознания и деятельности возможно предположить наличие тесной взаимосвязи между видом аддиктивного поведения и психофизиологическими особенностями преступника. Причем эти особенно-

сти могут быть представлены в виде определенных характерологических симптомокомплексов, определяющих тип асоциальной личности [1].

Согласно принципу системности, психика должна исследоваться на всех иерархических уровнях её организации. В соответствии с этим, сравниваемые характеристики нами были выделены как на социально-психологическом, так психофизиологическом уровнях исследования личности, и рассматривались не только со стороны их выраженности в количественных значениях показателей, но и специфики взаимосвязей.

Сравнительный анализ средних значений позволил выявить, что женщины всех выделенных групп характеризуются высоким уровнем вербальной агрессии и чувством вины, а так же высокими уровнями враждебности и агрессивности. Достоверных отличий между выделенными группами по шкалам агрессивности не обнаружено.

Между выделенными группами женщин с асоциальным поведением в ходе исследования были выявлены различия психофизиологических характеристик. Усредненный психофизиологический тип женщин, злоупотребляющих алкоголем, характеризуется замкнутостью, необщительностью, независимостью, преобладанием интроверсии, изменением индивидуальных и групповых норм поведения, в отличие от женщин остальных выделенных групп. Психофизиологический тип женщин, злоупотребляющих наркотиками, характеризуется зависимостью от группы, ориентацией на социальное одобрение, преобладанием экстраверсии.

В целом все обследованные женщины с аддитивным поведением характеризуются эмоциональной неустойчивостью, переменчивостью интересов, раздражительностью, невротическими синдромами, ипохондрией, высоким уровнем личностной тревожности. Женщины, злоупотребляющие алкоголем, имеют более высокий уровень личностной тревожности и, тем самым в большей степени реагируют на стрессогенную ситуацию.

Следующей задачей исследования явилось изучение профилей моторной, сенсорной асимметрии женщин, что может быть использовано для выделения лиц, входящих в группу риска по аддитивному поведению.

Во многих исследованиях выявлена связь употребления психоактивных веществ и распределением моторных и сенсорных признаков.

В группе женщин, злоупотребляющих алкоголем, у большинства выражены правые моторные (84 %) и сенсорные (68 %) признаки; левые сенсорные признаки (24 %) преобладают над левыми моторными (13 %) признаками; процент неопределенных моторных и сенсорных признаков составляет, соответственно, 3 % и 8 % (рис. 1).

Под действием алкоголя правое полушарие теряет преимущество в скорости анализа информации, что свидетельствует о его большей чувствительности к алкоголю. Э. А. Костанов свидетельствует о достоверном ухудшении процессов переработки информации в правом полушарии под воздействием средних доз алкоголя как у здоровых, так и у больных алкоголизмом [3].

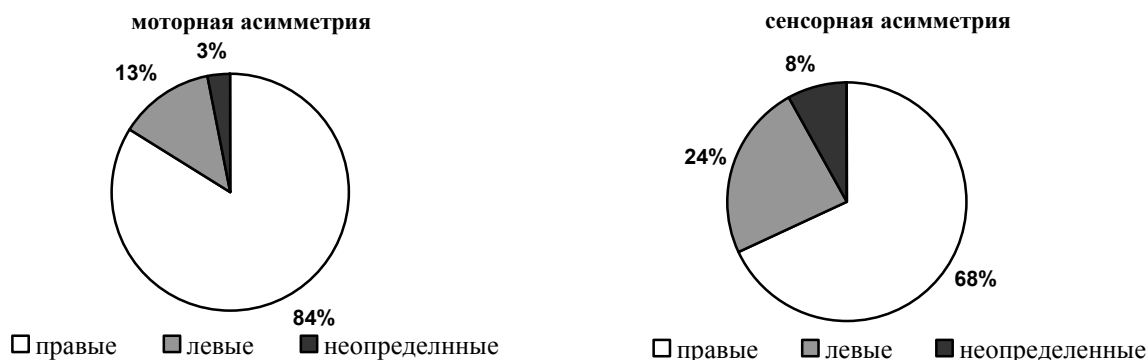

Рис. 1. Распределение моторных и сенсорных признаков в группе женщин, принимающих алкоголь

В группе женщин, злоупотребляющих наркотическими веществами, правые моторные и правые сенсорные признаки преобладают у большинства. Левых сенсорных (14 %) признаков значительно больше, чем левых моторных (3 %); так же неопределенных моторных признаков больше (9 %), чем сенсорных (3 %) (рис. 2).

Среди обследованных групп женщин выявились некоторые различия в латерализации признаков: в показателях сенсорной асимметрии среди женщин, злоупотребляющих алкоголем, достоверно чаще

встречался ведущий левый глаз, чем среди женщин, злоупотребляющих наркотиками, тогда как по показателям моторной асимметрии достоверных различий не отмечалось. При оценке интегральных показателей латерализации сенсорной асимметрии у злоупотребляющих алкоголем также достоверно чаще отмечается преобладание леволатеральных признаков, что, возможно связано с большим угнетающим воздействием наркотических веществ на левое полушарие. Полученные данные согласуются с литературными сведениями о левополушарной недоста-

точности у больных, злоупотребляющих психоактивными веществами [5, 6].

В группе женщин, не принимающих психоактивных веществ, 93 % составляют правые моторные и 73 % – правые сенсорные признаки. Левых сен-

сорных и моторных признаков выявлено одинаковое количество – 7 %, неопределенных моторных признаков не выявлено, а сенсорных – 20 % (рис. 3).

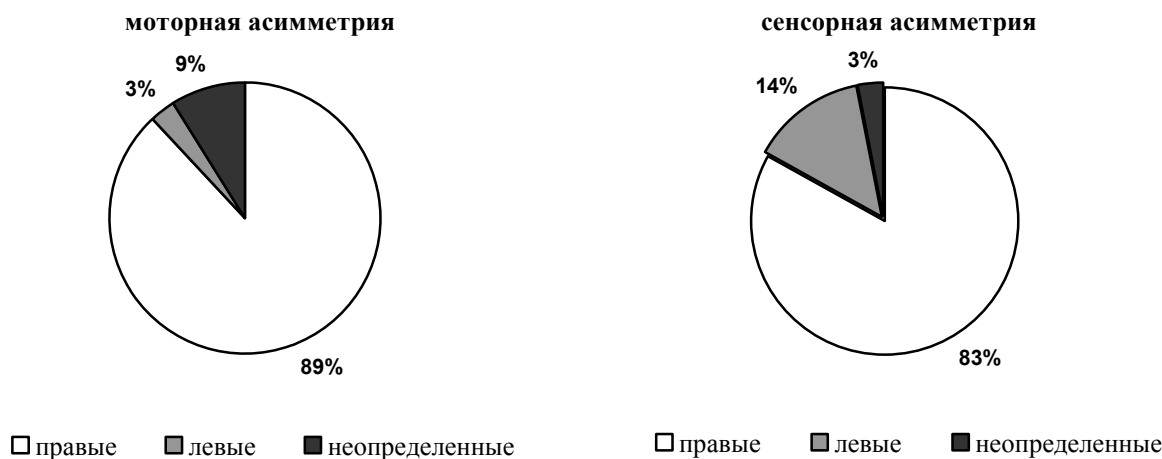

Рис. 2. Распределение моторных и сенсорных признаков в группе женщин, принимающих наркотики

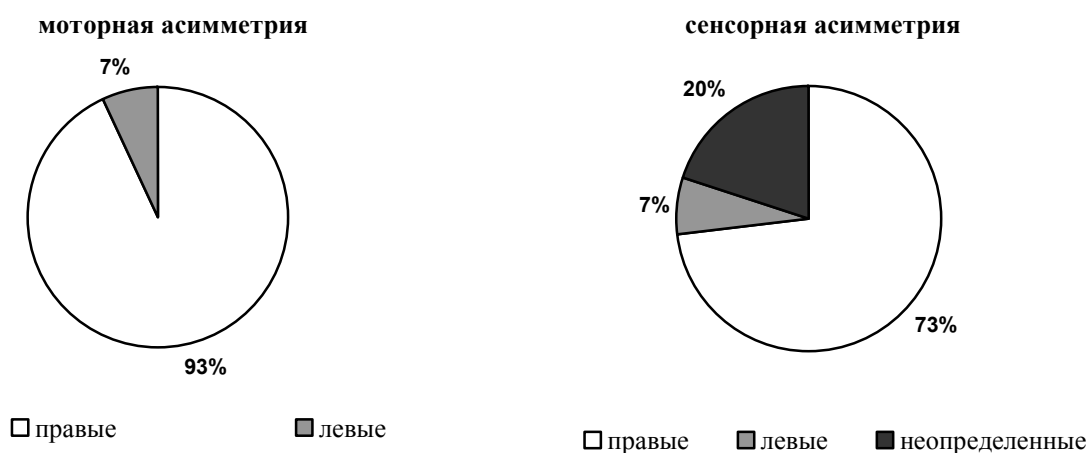

Рис. 3. Распределение моторных и сенсорных признаков в группе женщин, не употребляющих психоактивных веществ

На основании полученных данных можно предположить, что наличие левых признаков может быть прогностическим признаком предрасположенности к злоупотреблению алкоголем, тогда как большое число неопределенных сенсорных признаков у женщин, не употребляющих психоактивных веществ, указывает на низкую адаптивность к окружающему миру, что проявляется уходом в девиантное поведение.

Возможными маркерами предрасположенности к злоупотреблению психоактивными веществами являются: высокий уровень эмоциональной нестабильности и напряженности, выраженная межполушарная асимметрия с подавлением активности пра-

вого полушария у алкоголиков и активности левого полушария у наркоманов.

Полученные данные свидетельствуют о существенном нарушении функциональной асимметрии мозга у злоупотребляющих наркотиками и алкоголем, причем нарушения латерализации затрагивает все уровни асимметрии – моторный и сенсорный.

Таким образом, девиантное поведение женщин – это полидетерминированное явление, при возникновении которого взаимодействуют сложные социально-психологические, индивидуально-личностные, макросоциальные факторы, которые зависят от особенностей ситуации, в которой находится женщина.

Литература

1. Антонян, Ю. М. Преступность среди женщин [Текст] / Ю. М. Антонян. – М.: Росс. право, 1992.
2. Елисеев, И. М. О социально-трудовой дезадаптации у больных полинаркоманиями [Текст] / И. М. Елисеев // Клинические аспекты социальной реадaptации психических больных. – М., 1976.
3. Костандов, Э. А. Функциональная асимметрия мозга и неосознаваемое восприятие [Текст] / Э. А. Костандов. – М.: Наука, 1983.
4. Лисицын, Ю. П. Алкоголизм (социально-гигиенические аспекты) [Текст] / Ю. П. Лисицын, Н. Я. Копыт. – М.: Медицина, 1983.
5. Меерсон, Я. А. Нейропсихологические исследования больных алкоголизмом и их прогностическое значение [Текст] / Я. А. Меерсон, А. У. Тархан // Алкогольная зависимость: формирование, течение, противорецидивная терапия. – СПб.: ЭЛБИ-СПб, 2002.
6. Москвин, В. А. Межполушарные отношения и проблема индивидуальных различий [Текст] / В. А. Москвин. – М.: Изд-во МГУ; Оренбург: ИПК ОГУ, 2002.
7. Петрищев, А. М. К вопросу о социально-психологических факторах формирования наркомании [Текст] / А. М. Петрищев, С. М. Мостовой // Алкоголизм и неалкогольные токсикомании. – М., 1981.
8. Рохлина, М. Я. Психоорганический синдром у больных наркоманиями [Текст] / М. Я. Рохлина, А. Л. Козлов // Вопросы Наркологии. – 2000. – № 3. – С. 29 – 35.
9. Шамота, А. З. Динамика наркотизма в Москве в 1999 г. [Текст] / А. З. Шамота // Материалы XIII съезда психиатров России. – М., 2000. – С. 277.
10. Muntaner, C. Self-report vs. Laboratory Measures of Aggression as Predictors of Substance Abuse [Text] / C. Muntaner, D. Walter, C. Nagoshi et al. // Drug and Alcohol Dependence. – Elsevier Scientific Publishers Ireland Ltd, 1990. – № 25. – P. 1 – 11.
11. Windle, M. Temperament, Perceived Competence and Depression in Early and Late Adolescence [Text] / M. Windle, K. Hooker, K. Lerner, P. East // Development Psychology. – 1986. – № 22. – P. 384 – 392.
12. Aziz, S. Home Environment and Peer Relations of Addicted and Nonaddicted University Students [Text] / S. Aziz, A. Shah // J. Psychol. – 1995 (May). – № 129 (3). – P. 277 – 284.

ФИЗИКА

УДК 541.2

ПРОЯВЛЕНИЕ КООПЕРАТИВНОГО ЭФФЕКТА В МОЛЕКУЛЯРНЫХ ДВУМЕРНЫХ КРИСТАЛЛАХ С ВОДОРОДНЫМИ СВЯЗЯМИ

Н. А. Даурцева, Б. П. Невзоров, Е. В. Салтанова, Ю. А. Фадеев

THE DEVELOPMENT OF THE COOPERATIVITY IN THE MOLECULAR TWO-DIMENSIONAL CRYSTALS WITH HYDROGEN BONDS.

A. D. Daurtseva, B. P. Nevzorov, E. V. Saltanova, Y. A. Fadeev

Рассматриваются результаты спектроскопических исследований внутри-, и межмолекулярной водородной связи в салигенине. Двумерная кристаллическая структура салигенина в виде тонкой кристаллической пленки представлена в виде молекулярного фрактала и определена его размерность. Получено фрактальное отображение модели двумерного кристалла.

Spectroscopic research results of inner- and intermolecular hydrogen bonds in salicylic acid are investigated. The two-dimensional crystal structure of salicylic acid as thin crystal film is presented in molecular fractal form and its size is defined. Fractal display of two-dimensional crystal model is obtained.

Ключевые слова: водородная связь, салигенин, ИК-спектр, двумерный кристалл, фрактал, размерность фрактала.

Keywords: hydrogen bond, Salicylic acid, infrared spectrum, Two-dimensional crystal, fractal, fractal size.

Многочисленными экспериментами установлено, что комплексы с водородными связями обладают большой электропроводностью. Несмотря на значительное число публикаций, посвященных исследованиям комплексов с переносом заряда, до сих пор нет ответа на основной вопрос о том, как происходит генерация и перенос носителей тока в веществах, а также какова взаимосвязь между их электрическими свойствами и химическим составом. Про-

цесс, связанный с переносом протонов в веществах с водородной связью, в литературе сравнивают с движением электронов в полупроводниках [1].

Под водородной связью (Н-связь) понимают систему, образованную по схеме $X - H \dots Y$, где X и Y – атомы с большой электроотрицательностью. Как известно, водородная связь может быть как межмолекулярной, так и внутримолекулярной. Возникновение межмолекулярной водородной связи

приводит к возникновению надмолекулярных структур – ассоциатов. Ассоциаты в жидкости с Н-связью более устойчивы, чем ван-дер-ваальсовы комплексы благодаря тому, что энергия парного взаимодействия молекул в первом случае в несколько раз, а в некоторых случаях на порядок, превышает энергию при ван-дер-ваальсовом взаимодействии. Наличие в молекуле двух и более атомов, способных образовывать Н-связи, оказывает влияние на возникновение в жидкости и газах ассоциаций различной конфигурацией, в случае кристаллизации веществ такое влияние может отражаться на форми-

ровании кристаллической структуры. В качестве примера приведем структуру кристалла β -хингидрона вдоль оси *b*. В β -хингидроне молекулы гидрохинона и хинона соединены водородными связями. Благодаря межмолекулярным водородным связям, возникают зигзагообразные молекулярные цепи. В молекулярном слое в результате бокового взаимодействия между молекулами происходит перенос заряда (рис. 1) [2].

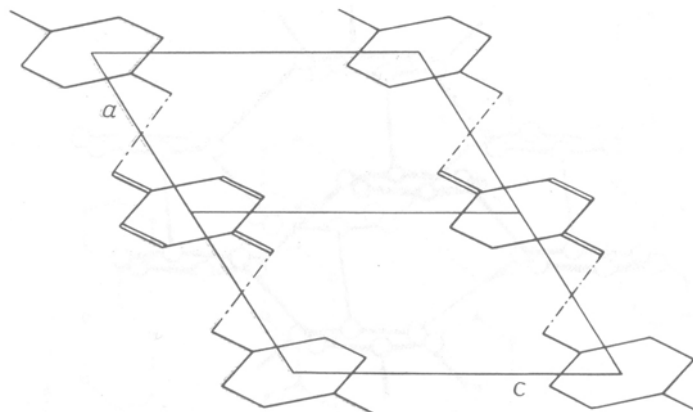
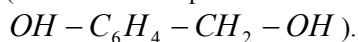

Рис. 1. Проекция молекул вдоль оси *b* кристалла β -хингидрона

Для изучения межмолекулярного взаимодействия в объектах с Н-связью привлекаются разнообразные физические методы, включая колебательную спектроскопию. Одной из основных задач экспериментальной спектроскопии является нахождение корреляций между протондонорной способностью (или протонакцепторной способностью) фрагментов молекул и спектроскопическими характеристиками колебательных полос. Водородная связь непосредственно отражается на колебаниях тех фрагментов молекул, которые участвуют в ее образовании. В частности, это относится к ИК-полосам валентных колебаний $\nu(A-H)$. При образовании водородной связи полосы валентных колебаний $\nu(A-H)$ и обертонов смещаются в низкочастотную область. Величина смещения зависит от величины энергии Н-связи. Наряду со смещением происходит уширение полосы валентных колебаний $\nu(A-H)$ и увеличение ее интегральной интенсивности [3].

В настоящей работе проводятся результаты спектроскопических исследований как внутри-, так и межмолекулярной водородной связи в салигенине (2-оксиметиллолфенол

Салигенин представляет собой при обычных условиях белый, легкий порошок с температурой плавления $84 \div 86^\circ C$. Он принадлежит к классу ароматических соединений, обладающих свойствами, как фенолов, так и спиртов. Проведенные ранее

эксперименты указывают на то, что молекулы салигенина могут образовывать ассоциаты со сложной структурой. Для салигенина присутствие двух гидроксильных групп в молекуле создает условия высокой электронодонорной способности. Кроме того, образование цепочки салигенина или молекулярного слоя с Н-связями может привести к выравниванию состояний гидроксильных групп. В этом случае следует ожидать, во-первых, выравнивания интенсивностей полос, соответствующих валентным колебаниям $O-H$, которые примыкают к фенольным и метилольным фрагментам и, во-вторых, к сближению частот соответствующих полос.

Необходимо отметить, что перечисленные спектральные изменения, действительно, находят свое экспериментальное подтверждение. Как следует из экспериментальных спектроскопических данных, для мономерного салигенина в ИК-спектре наблюдается две полосы: одна с частотой 3605 см^{-1} относится к колебаниям метилольной гидроксильной группы, а вторая – 3450 см^{-1} к колебаниям фенольной гидроксильной группы. Известно, что полосы валентных колебаний гидроксильной группы при образовании полимерных ассоциатов спиртов по частоте смещаются в длинноволновую область относительно этих же полос мономеров на $200-300\text{ см}^{-1}$ и находятся в диапазоне $3450-3330\text{ см}^{-1}$. В спектре кристаллического салигенина наблюдается лишь одна полоса с частотой 3170 см^{-1} , что свидетельствует о выравнивании силовых постоянных.

	Sal	Sal · B	Sal · 2B
Основание			
CN ₃ CN	$\nu_M = 3615 \text{ cm}^{-1}$ $\nu_\phi = 3450 \text{ cm}^{-1}$		
(CH ₂) ₄ O	$\nu_M = 3615 \text{ cm}^{-1}$ $\nu_\phi = 3450 \text{ cm}^{-1}$		
(CH ₃) ₂ SO	$\nu_M = 3615 \text{ cm}^{-1}$ $\nu_M = 3450 \text{ cm}^{-1}$		

Рис. 2. Спектроскопическое проявление валентных колебаний гидроксильных групп салицилена в зависимости от оснований

Молекулы салицилена могут образовывать не только линейные структуры с межмолекулярной водородной связью, но и возможно возникновение более сложных периодических молекулярных систем.

Образование двумерных кристаллических структур в виде тонкой кристаллической пленки можно представить в виде молекулярного фрактала, в котором периодически расположенные молекулы с водородной связью являются подобными осциллято-

рами, колеблющимися в состоянии близком к резонансу [4]. В этом случае колебания фрагментов, участвующих в межмолекулярных водородных связях, будут передаваться по всему молекулярному фракталу.

Рассмотрим способ построения двумерного кристалла на примере множества, состоящего из объединения шести шестиугольников, как показано на рис. 3. Это множество сжимается с коэффициентом сжатия 1/3 и повторяется в семи шестиугольниках.

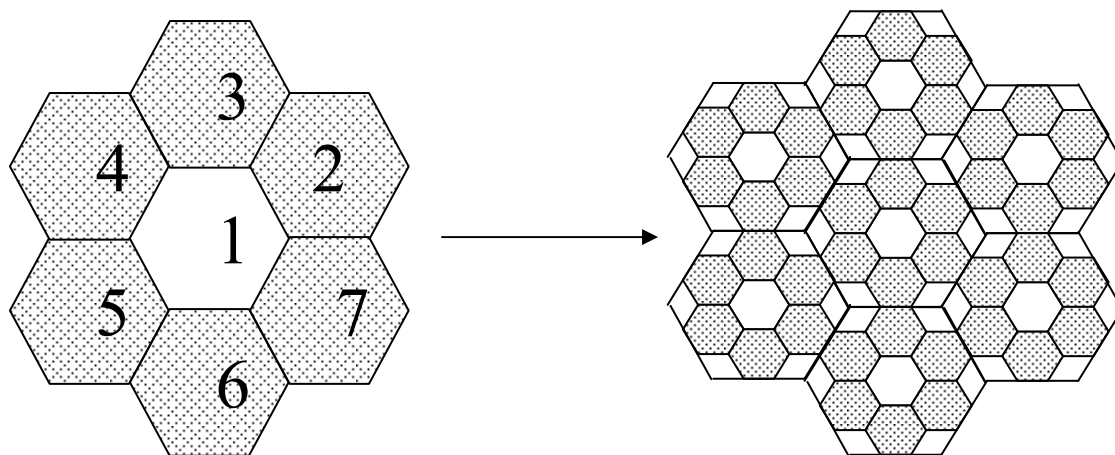

Рис. 3. Модель двумерного кристалла

Далее повторяя этот процесс до достижения произвольно малых масштабов можно получить фрактальное отображение модели двумерного кристалла (рис. 4).

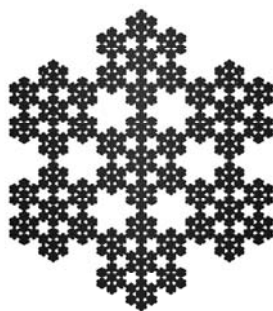

Рис. 4. Фрактальное отображение модели двумерного кристалла

Можно подойти к построению этого множества с другой стороны (рис. 5). Введем систему координат с началом в центре первого шестиугольника, а ось Ox проходит через смежное ребро для 2-го и 7-го шестиугольников. Выберем масштаб, в котором вершина А имеет координату (1; 0)

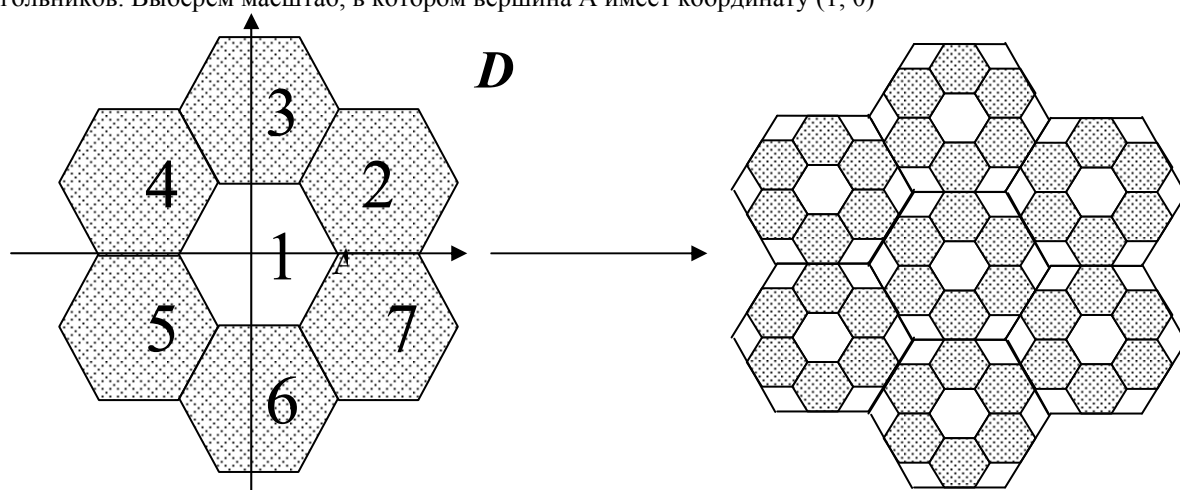

Рис. 5. Построение двумерного кристалла

Определим семь функций, каждая из которых есть исходное множество D в один из семи шестиугольников:

$$\begin{aligned} F_1(x, y) &= \left(\frac{1}{3}x, \frac{1}{3}y \right); \\ F_2(x, y) &= \left(\frac{1}{3}x + \frac{3}{2}, \frac{1}{3}y + \frac{\sqrt{3}}{2} \right); \\ F_3(x, y) &= \left(\frac{1}{3}x, \frac{1}{3}y + \sqrt{3} \right); \\ F_4(x, y) &= \left(\frac{1}{3}x - \frac{3}{2}, \frac{1}{3}y + \frac{\sqrt{3}}{2} \right); \\ F_5(x, y) &= \left(\frac{1}{3}x - \frac{3}{2}, \frac{1}{3}y - \frac{\sqrt{3}}{2} \right); \end{aligned}$$

$$F_6(x, y) = \left(\frac{1}{3}x, \frac{1}{3}y - \sqrt{3} \right);$$

$$F_7(x, y) = \left(\frac{1}{3}x + \frac{3}{2}, \frac{1}{3}y - \frac{\sqrt{3}}{2} \right).$$

Построение кристалла можно рассматривать как результат итераций функции $F = F_1 \cup \dots \cup F_7$ к множеству D . Учитывая малые масштабы кристалла, искомое множество $\bar{D}$ можно определить следующим образом:

$$\bar{D} = \lim_{n \rightarrow \infty} F^n(D), \quad F^n = F \circ \dots \circ F$$

Используя этот подход, можно смоделировать данное множество на компьютере. Применим, например, свободно распространяемую программу IFS Builder 3D, которая позволяет построить предельное множество по заданной функции F .

На самом деле, функция F является сжимающей на полном метрическом пространстве Хаусдорфа, пространстве точками которого являются компакт-

ные подмножества на плоскости. Поэтому для F выполняется теорема о сжимающих отображениях и

$$\bar{D} = \lim_{n \rightarrow \infty} F^n(D_0)$$

при произвольном выборе начального множества D_0 .

По этой причине “дырка” в начальном множестве D или ее отсутствие никак не влияет на значение размерности множества $\bar{D}$. Более того, поскольку кристалл строго самоподобен, то различные подходы к вычислению размерности в этом случае дают одно и то же значение.

Будем покрывать множество $\bar{D}$ дисками. Если радиус диска R равен 1, то минимальное количество таких дисков N , необходимое для покрытия множества $\bar{D}$ равно 7. Если радиус R становится меньше в три раза, то N увеличивается в 7 раз. Таким образом, имеет место закономерность. При $R=1/3^n$, $N(R)=7^n$.

$$\dim \bar{D} = \lim_{R \rightarrow 0} \frac{\ln N(R)}{|\ln(R)|} = \lim_{n \rightarrow \infty} \frac{\ln 7^n}{\ln 3^n} = \frac{\ln 7}{\ln 3}$$

Таким образом, протонный перенос может происходить по поверхности молекулярного фрактала

благодаря кооперативному эффекту, причем траектория переноса может представлять сложную ломаную линию. Механическое внешнее воздействие на плоский молекулярный фрактал может привести к сокращению траектории переноса протона и отразиться на колебательных спектрах салигенина.

Литература

1. Weiner, J. H. Proton Migration in Hydrogen-bonded Chains / J. H. Weiner, A. Askar // Nature. – 1970. – Vol. 226. – P. 842 – 844.
2. Пигонь, К. Электропроводность твердых молекулярных комплексов / К. Пигонь, Г. Хоянский // Молекулярные взаимодействия / под ред. Г. Ратайчака, Томаса У. Орвилла. – М.: Мир, 1984. – С. 443 – 485.
3. Иогансен, А. В. ИК - спектроскопическое и спектральное определение энергии водородной связи // Водородная связь: сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Соколова. – М.: Наука, 1981. – С. 112 – 155.
4. Фадеев, Ю. А. Изучение распространения упругих поверхностных волн в условиях близких к резонансу / Ю. А. Фадеев, Е. В. Салтанова // Конденсированные среды и межфазные границы. – 2010. – Т. 12. – № 1. – С. 66 – 69.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1'282

ДЕНОТАТИВНЫЙ КЛАСС КАК КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ ФРАГМЕНТ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В. П. Васильев, Э. В. Васильева

THE DENOTATIVE CLASS AS A CATEGORICAL FRAGMENT OF THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD V. P. Vasilyev, E. V. Vasilyeva

В статье рассматривается метеонимический фрагмент языковой картины мира сельских жителей, в которой ключевые для понимания метеообъектов идеи выделяются в связи с социокультурным бытием деревенского сообщества, его менталитетом и ценностными ориентациями.

The given article presents an analysis of the metonymic fragments of the rural inhabitant linguistic picture of the world. In the linguistic picture of the world under discussion the key-ideas for the meteo-object mental perception is emphasized in connection with socio-cultural existence of the rural socium, its mentality and values.

Ключевые слова: диалектная картина мира, денотативный класс, метеоним, концепт, ментальность, традиционная культура.

Keywords: the world dialectal map, denotative class, metonym, concept, mentality, traditional culture.

Языковое моделирование мира, направленное на установление результатов переработки языком информации о среде и человеке, стимулируется задачей накопления данных о специфике (языкового) образа мира различных лингвокультурных общностей [21, с. 12].

Одним из приоритетных направлений в изучении языковой картины мира [1; 13; 17] признаётся её по-фрагментное описание [2; 9; 14; 22] на собственном

языковом (номинативно-категориальном) и пропозитивно-дискурсном [14], статическом и динамическом уровнях [26; 27].

Содержательным центром статьи является исследование статического аспекта языковой картины мира (ЯКМ), репрезентированного лексической системой русского диалектного языка, который имеет особенности в отражении мира, детерминированные условиями проживания и ценностными установками

сельских жителей, а также характерными чертами традиционной (деревенской) культуры. В ней рассматривается метеонимический фрагмент ЯКМ сельского социума в границах отдельного денотативного класса, языковые средства которого вербализуют концепт *роса*. Обращение к теме «образ природы и её познания» обосновывается также тем, что ещё в недавнем прошлом она относилась А. Я. Гуревичем к числу новых тем исторического исследования «картины мира» определённой социальной общности [24, с. 6].

Основу источниковой базы исследования образуют данные, извлечённые из словника «Словаря русских народных говоров» [23], а также картотека подготавливаемого к печати недифференциального «Сибирского метеорологического словаря» [4].

При анализе диалектной языковой картины мира (ДКМ) с точки зрения претворения в ней социокультурного бытия сельского сообщества, его менталитета и ценностных ориентаций [3; 6] следует акцентировать внимание на ряде моментов, важных для обозначения границ ДКМ и характера её освещения.

ДКМ в лексическом воплощении, отображая народную концептуальную картину мира, предстаёт совокупностью частных диалектных систем, которые, дифференцируясь на языковом уровне, обнаруживают единство на речевом уровне, проявляя тем самым единое смысловое пространство макротерритории. В связи с фактом дискурсивного преодоления семантических расхождений [26] между частными диалектными системами как показателем единства основных черт народного мировоззрения изучение метеонимического фрагмента ДКМ, в ближайшей перспективе рассчитанное на его сопоставление [8] с одноимённым фрагментом литературной картины мира [5], осуществляется в аспекте совокупного семантического пространства. Отсюда следует, что вариативность, будучи конститутивным свойством диалектного идиома, становится релевантной лишь в его противопоставленности литературному языку в рамках идиоэтнической, национальной картины русского языка.

ДКМ в своём языковом строе запечатлевает народное мировидение как комплекс мироощущения, мироосмысления и мирооценки. Её специфика обуславливается:

во-первых, особенностями внешней среды, воздействующей на сознание,

во-вторых, особенностями самого коллективного сознания (склада мышления), которые проявляются в логических операциях над реалиями внешнего мира, в работе механизмов не только логико-понятийного, но и эмоционально-оценочного и других компонентов обыденного сознания [16, с. 141],

в-третьих, характером вовлечённости окружающего мира в сферу жизнедеятельности людей, их интересов и потребностей.

Изучение традиционных взглядов на природу предполагает установление «точки мировосприятия» диалектоносителей, вскрытие через их языковую стихию лингвоконцептов как единиц ментальности / менталитета [11, с. 12] сельской культурно-

языковой общности. На уровне фрагментации ДКМ предусматривается систематизация знаний о концептуализируемом явлении, о его сущности и свойствах, полученных носителями языка в результате освоения реалии «в рамках социально выработанных познавательных моделей» [20, с. 109], образцов интерпретации, ментальных стереотипов, или менталитета. Надо заметить, что в целостное представление о явлении включается и наивное первичное знание о нём, и логическое осмысление его, а также знание, не поддающееся логическому объяснению, и явное заблуждение [16, с. 21]. Кроме того, на нём лежит печать таких качеств ДКМ, как её субъективность, наивность (донаучность), мифологичность, противоречивость, инертность и т. п.

Считается, что носителями ДКМ являются сельские жители старшего и среднего возрастов с развитым и устойчивым менталитетом. В контексте социальных перемен в обществе, новой экономической и политической ситуации, ведущих к изменениям в сознании сельского населения, к разрыву традиций между поколениями и неравномерному развитию отдельных участков лексической системы в различных говорах, зреловозрастные диалектоносители, в разной мере удерживая традиционные особенности диалектного языка, сохраняют в себе его «ближнюю историю». Всё это «позволяет ставить вопрос о совмещении фактов различных говоров как способа диахронического исследования, направленного в конечном счёте на реконструкцию традиционных лексических систем» [12, с. 12], а также стоящей за ними историко-культурной информации.

Взятый за основу изучения метеонимического фрагмента ДКМ денотативный класс (ДК) включает в себя различные частеречные слова, в которых закрепляются представления о наиболее значимых сторонах явления [22, с. 38] росы: ср. кем., новг. *росичка* 'ласк. к роса', ворон., липец. *зароситься* 'выпасть (о росе)', алт., новг. *росовый* 'собранный из капель росы (о воде)', смол. *росяно* 'обильно покрыто росой'. В него входят также сверхсловные единицы – сравнения (ряз. *как росица* 'о небольшом дожде'), составные наименования (смол., ср.-обск. *медовая росица* 'роса во время выделения нектара медоносными растениями'), фразеологизмы (кем., н-сиб., тюрм. *по росе* 'рано утром', свердл. *ходить под Иванову росу* 'купаться в Ивановой росе'), афористические выражения (кем. *коси, коса, пока роса*), паремиологические единицы: пословицы (*как роса упадёт, так и след пропадёт*), поговорки (смол. *покуль солнце взойдёт, роса вочи выбьёт* 'о том, чего приходится долго ждать'), загадки (красн. *вечером наземь слетает, ночью на земле пребывает, утром опять улетает*). Для данного случая исследования ДК к анализу привлекаются лишь те языковые средства, которые обеспечивают *эндогенную* (греч. *endon* 'внутри') направленность в картировании концепта росы. Значения подобных единиц складываются из сем, которые в сочетании с их идентификатором вычленяют соответствующие сегменты из инвариантного содержания лексемы *роса*.

Внутренняя организация ДК, центрируемого метеонимом *роса*, образуется корпусом номинаций, семантически систематизированных в направлении от обозначения целостности (холистичности) явления к обозначению отдельных её частей (парцелл).

Холистический способ языкового картирования росы

Лексемы, которые передают в разной степени обобщённую информацию о росе как целостном явлении, определяют таксономический профиль ДК. Его базовый уровень, представленный общерусским словом *роса*, дополнительно символизируется формальным территориальным вариантом калуж., курск., орл., тул. *рось* и двумя рядами мотивированных лексических единиц. Одни из этих единиц, наделённые суффиксами субъективной оценки (смол., ряз. фольк. *росица*, том. фольк. *росонька*, иван. *росынька*, кем., новг. *росичка*, красн. *росица-водица* – ‘ласк. к роса’), фиксируют положительное эмоциональное отношение к метеоявлению, поскольку оно, сравнительно с другими атмосферными осадками, не приносит неизбежного и большого урона земледельческому труду. Другие, выражая общее понятие о явлении, разнятся способом его запечатления. В приводимых далее примерах разнолокального обозначения росы живая внутренняя форма морфологически и семантически мотивированных слов указывает на неодинаковые признаки атмосферных осадков:

– росу как вещество в жидком состоянии или покров вещества в жидком состоянии – красн. *мокронос* ‘роса’ < “то, что несёт мокро” ← *мокро* ‘сырость; грязь’, *нести* ‘иметь, заключать в себе’ и ср. *медонос* ‘медоносное растение’; волог., камч. *мок-рость* ‘роса’ < “вещество в виде мокрого покрова” ← *мокрый* ‘покрытый влагой’ и ср. *жидкость* ‘вещество, обладающее текучестью’. Ср. *По мокрости ходили* (Волог.). *А пока мокронос, работали* (Красн.);

– росу по времени проявления – сиб., терск. *заря* ‘роса’ < “роса, выпадающая перед восходом или после восхода солнца, ранним утром” ← *заря* ‘период времени в сутках перед восходом или после восхода солнца, время появления на горизонте яркого освещения; раннее утро’;

– метеоявление с точки зрения божественного происхождения – чит. *божья вода*, н-сиб. *божья капля* ‘экспр. роса’ ← *вода (капля)* росы как дар Бога. Ср. *Божья роса Божью землю кропит* (поговорка). *Даже можно молитву на неё брать, потому что она роса Божья* (Кем.).

Слова и устойчивые обороты суббазового уровня воспроизводят более конкретную семантику, выражая специфические признаки отдельных видов росы. Гипонимические значения, поставленные в соответствие системе человека как мерила ценности окружающего мира [2, с. 37], предстают специализированными семантическими инвариантами, которые отражают различные возможности и разные пути постижения мира диалектоносителями. К ним относятся:

– физическое (оптическое, обонятельное) восприятие явления – карел. *мокруша* ‘мелкая роса’, н-сиб., пск., твер. *порось* ‘мелкие капли росы на траве, растениях’, смол., ср.-обск. *медовая росица* ‘роса во время выделения нектара медоносными растениями’, смол. *спадь* ‘медовая роса, с которой пчёлы берут мёд’;

– интеллектуальное осознание явления через формулирование умозаключения – арх. *сироты заплачут* ‘об обильной росе’, а также выведенные из действительных наблюдений приметы – амур. *сироты заплачут* ‘о росе на цветах, появляющейся перед дождём’;

– верования и народно-мифологические воззрения – вост.-сиб., енис. *иванова роса* ‘роса в ночь на Ивана Купалу’, енис., кем., ленингр., том. *ивановская роса* ‘роса на траве в ночь на Ивана Купалу; по народным поверьям, обладает целебными свойствами’; том. *юрьева роса* ‘роса, выпавшая в Егорьев день; по народным поверьям, обладает целебной силой для животных’;

– превратное истолкование в качестве росы выпота на растениях по причине сходства производимого впечатления – красн. *медовуха* ‘вид росы’. Ср. *Медовуха падает, во рже спорина (появляется), портит много пчёл. У пчелы заводится заболевание от медовухи* (Красн.);

– утилитарные аграрные интересы селянина – красн. *помеха* ‘вид росы, от которой желтеют огурцы’, урал. *помох*, амур., н-сиб., урал. *помоха*, бурят., волж., пенз., том., урал., челяб. *помоха*, амур. *помуха*, амур., бурят., дон., омск., сиб., симб., челяб. *помха*, амур., омск. *помха*, алт., кем., тобол., том., челяб. *ржа*, кубан., смол. *ржавчина*, казан., ряз., тамб., твер. *мгла*, вят., казан., калуж., курск., рост., тамб., терск., тул. *мга* – ‘губительный для растений холодный туман, роса’.

Парцеллярный способ языкового картирования росы

В зависимости от признаков, выступающих в качестве основания расчленения явления, выделяются его различные части, которые обозначаются в большинстве случаев с опорой на номинацию целого:

– «составные частицы росы», манифестируемые нейтральными, уменьшительно-ласкательными и ласкательными существительными – *росинка* ‘капля росы’, пск., твер. *росиночка* ‘уменьш.-ласк. к росинка’, брян. *росочка* ‘ласк. к росинка’;

– «функциональное состояние росы» – диал. безл. *росить* ‘выпадать росе’, иван. *росинеть* ‘выпадать (о росе)’, ворон., липец. *зароситься* ‘выпасть (о росе)’;

– «покрытие» как способ наземного существования росы – диал. *росеть* ‘покрываться росой’, яросл. *обросенеть*, волог. *обросеть*, ряз. *обросниться* – ‘покрываться росой’, влад., *оброснуть*, смол. *обросянить*, ряз. *обросить* – ‘покрыть росой’; кем. *росовый* ‘покрытый росой (о траве)’, смол. *росяно* ‘обильно покрыто росой’;

– «время суток», когда проявляется или не проявляется роса – кем., н-сиб., тюм. *по росе* ‘рано ут-

ром', н-сиб. *сuxорос* 'утро без росы', амур. бурят., ирк., кем., красн., омск., том., тув. *сuxорос*, кем., том. *сuxоросица*, амур., кем. *сuxоросье* – 'отсутствие росы утром';

– «объекты покрова», к которым прежде всего относится трава или травянистые места – алт., кем. *по росе* 'по мокрой от росы траве', диал. *роснополье* 'поле на заре, когда роса ещё не обсохла';

– собранная или собираемая «влага» – алт., новг. *росовый* 'из росы, росный (о воде)', урал. *росяная вода* – 'вода, собранная из капель росы'.

Вне словообразовательного единства ДК находятся лексические единицы, обозначающие функциональное состояние явления и прекращение его бытия, покрытие объекта или его повреждение.

Глагольные слова *садиться (сесть)* 'оседая, ступаясь, опускаться к поверхности земли, воды (об атмосферных явлениях: кухне, росе, тумане)', *падать (пасть)* 'ложиться, опускаться на землю (о росе, тумане)', характеризующиеся закрытой сочетаемостью, указывают на совмещённость функционального состояния с покрытием объекта. В их метафорической внутренней форме заложено уподобление функционального состояния явления физическим действиям человека. Функциональное состояние атмосферного явления также может соотноситься с функционированием другого природного явления, что демонстрируется глаголом новг., ряз. *спрыснуть (спрыскивать, спрыснувши)* 'выпасть (о росе)', метафорически соотнесённым с первичной плювиальной номинацией пск., ряз. *спрыснуть* 'слегка брызнуть и быстро пройти (о небольшом дожде)'. Основания установленной ассоциации высвечиваются и поддерживаются общерусской семантикой: *спрыснуть* 'обдав брызгами, слегка смочить', *брызгать* 'обдавать, покрывать брызгами', устар. *прыск* 'мн. брызги, мелкие частицы чего-л.'. Наблюдаемое убеждает в наличии приоритетов (эталонов) в иерархии целостно воспринимаемого мира.

Мотивированные глаголы ирк. *ободнять / ободняться* 'высохнуть, обсохнуть (о росе)' – ср. *Вот ободняет маленько и по ягоды можно идти* (Ирк.) – образовались путём метонимического переноса (← *ободнять / ободняться* 'наступить дню'), что вскрывается внутренней формой вторичного значения "высохнуть с наступлением дня (о росе)".

Глаголом арх. *забуситься* 'покрыться мелкими каплями росы (при сильном тумане)' репродуцируется образно-ассоциативная связь росы с пищевыми продуктами, что выражается его метафорической внутренней формой "покрыться мелкими каплями <росы>, словно бусом (пылью, мукой на мельнице)" (ср. *крупа* 'мелкий град' ← 'продукт питания, состоящий из очищенных и лущёных хлебных зёрен'; амур. *мукосей* 'мелкий обложной дождь' < "дождь, словно просеивающаяся [через сито] мука" ← *сеять* 'очищать что-л. сыпучее от ненужных примесей, пропуская через сито, решето и т. д.' и *мука* 'покрошкообразный продукт питания, получаемый путём размолла зерна хлебных злаков') [3, с. 31; 6, с. 122]. «Пищевая» коннотация слова отображает

позитивный план осмысления номинируемого им явления.

Корнеслов -ед-, характеризующийся значением повреждения неодушевлённого объекта, включает в себя слова кем. *едучий*, кем., том. *съесть – съедать* 'перен. причинить (причинять) вред сельскохозяйственным культурам (о росах, туманах и под.)', том. *поесть*. Ср. *Она едуча роса бывает, иной раз съедает ягоду* (Кем.). *А худа роса упала, вредна. Съела всё* (Том.). «Одушевлённая» приложимость глаголов, ограниченных сочетаемостью с метеонимами (*роса, туман*), метафорически восходит к глаголам физиологического действия: *есть* 'питаться чем-л. пережёвывая пищу с помощью зубов и языка и глотая её, тем самым давая организму питательные вещества, необходимые для его жизнедеятельности' (ср. некоторые синонимы: *поглощать*, прост. *пожирать, жрать*, разг. *уничтожать*). Через перенос номинации проявлен признак архаичной культуры, связанный с эмоциональной бессознательной сращённостью человека с явлениями и существами природы.

Итак, анализ ДК изнутри вскрывает то, что его стереоскопическая организация характеризуется тремя системообразующими параметрами: парадигматическим (*роса*: карел. *мокруша* 'мелкая роса', арх. *сироты заплачут* 'об обильной росе', красн. *помеха* 'вид росы, от которой желтеют огурцы'...), деривационным (*роса* → общерус. *росинка* 'капля росы' → пск., твер. *росиночка* 'уменьш.-ласк. к росинка'; *роса* → иван. *росинеть* 'выпадать (о росе)'...), синтагматическим (*едучая...* *роса...* *съела, поела* ягоду) и их координацией (*вода x роса* → урал. *росяная...* *вода* 'вода, собранная из капель росы'...).

Единицы ДК фиксируют ряд особенностей в моделировании мира.

Языковое картирование росы, обнаруживающееся в таких видах семантического членения знания о ней [8, с. 43], как парциальное деление интенциональной семантики имени: общерус. *росинка* 'капля росы', кем., н-сиб., тюрк. *по росе* 'рано утром' и др.; профилирование отношений между целым явлением и его частями: урал. *росяной* 'собранный из капель росы (о воде)' и др.; активизация имплицитивных признаков словозначения, передающих свойства явления: красн. *помеха* 'вид росы, от которой желтеют огурцы', ирк. *ободневать* 'высыхать, обсыхать (о росе)' и др., – характеризуется прежде всего превалированием дробных семантических инвариантов, своей суммативностью укладывающихся в границы лексического значения метеонима *роса* как базового инварианта (*роса* и – кем. *росовый* 'покрытый росой (о траве)', иван. *росинеть* 'выпадать (о росе)', алт., кем. *по росе* 'по мокрой от росы траве' и т. п.).

Преобладание в ДК существительных (71,6 % «ареалословозначений»), с одной стороны, и единиц его парадигматического и деривационного измерений (70 %), с другой стороны, задаёт прежде всего предметно-классификационный (гипо-гиперонимический, паритивный) способ оформления зна-

ний о росе. Составом его единиц удерживается психологически яркий образ «мелкие капли воды, покрывающие в утреннее время растения», обогащённый оценками ласкательности и вредного / полезного утилитаризма. «Калейдоскопичность» выявляемого содержания концепта иллюстрирует антропоцентрическую направленность в моделировании явления.

В ДКМ заложен характер освоения селянами явления росы, эксплицированный в лексических и мотивационных значениях единиц ДК. По этому основанию они делятся на:

а) «натурфактоимные» значения (59,1 %): красн. *мокронос* 'роса', карел. *мокруша* 'мелкая роса', диал. *роснополье* 'поле на заре, когда роса ещё не обсохла', ирк. *ободнять* / *ободняться* 'высохнуть, обсохнуть (о росе)' и др.;

б) «натурфактоимные» значения, отягощённые агнонимическими и социальными (антропологическими) компонентами (40,9 %): сиб., терск. *заря* 'роса', н-сиб. *божья капля* 'экспр. роса', арх. *сироты заплачут* 'об обильной росе', енис., кем., ленингр., том. *ивановская роса* 'роса на траве в ночь на Ивана Купалу; по народным поверьям, обладает целебными свойствами', красн. *помеха* 'вид росы, от которой желтеют огурцы', брян. *росочка* 'ласк. к росинка' и др., которые на шкале частотной вероятности располагаются в зонах ядра и ближней периферии.

В своей целостности анализируемые значения показывают космологический стиль мировосприятия [25, с. 294, 303] диалектоносителей с преимущественным акцентом на природе. Единство человека и природы удостоверяется следами архетипического видения мира, лежащими в основе антропоморфного метафорического стереотипа: «субъектное помещение → покрытие объекта» (*роса ... садилась / села, ложилась / легла*), «физиологическое действие → повреждение неодушевлённого объекта» (*роса... съела огурцы, съедала ягоду, поела лук*).

Роса осмысливается с позиции веры (двоеверия) и земледельческого труда как высших ценностей русской деревни [18, с. 285].

Православное отношение к росе, равно как и к дождю, отражается в устойчивом представлении о её богозаданности, святости, небесном происхождении (ср. орл. *святой дождь*, арх. *святотова* 'дождевая вода'): *Появление росы от перепада* [температуры]. *Вот, значит, к утру похолодает и, значит, оттудова льётся с неба. Господь нам даёт, нам эту росу* (Кем.). В связи с этим роса оказывается неотъемлемой от христианских праздников весенне-летнего цикла – дня святого Юрия (Георгия Победоносца), покровителя скота и плодородия, и дня Рождества Иоанна Крестителя (= Ивана Купалы), посвящённого плодородию, культу солнца и изгнанию нечистой силы [19, с. 49 – 59], – которые, будучи в своей основе языческими, в разной мере сохраняют в себе элементы древней религии.

Особая значимость юрьевской росы как первой, ранней росы состоит в её наделённости в традиционной культуре продуцирующими (плодородными) силами и целебными свойствами. Ср. *На Егорья ро-*

са – добрые проса; Юрьева роса от сглазу, от семи недугов. Мотивом, символизирующим благопожелание «Будь здоров, как Юрьева роса», объясняется обычай собирать росу (ср. урал. *росяняя вода* 'вода из собранных капель росы'), предназначенную для излечения или предохранения человека и животных от болезней. Этот мотив также заставлял руководствоваться установкой, заложенной в поговорке «Юрий росу спустил – гони животину на Юрьеву росу», в связи с чем в этот день старались выгонять скот пораньше, поскольку считалось, «что, поев травы с юрьевой росой, скот станет более тучным» [15, с. 214].

Языческий обычай сбора целебной росы для различных магических действий с ней (скотоводческая, любовная, лечебная, очистительная... магия) находил себе место и среди купальских обрядов в Иванов день.

На свойстве скоротечности росы во время солнечного тепла (ср. ирк. *ободнять* / *ободняться*) основывается заговор с росой, выполняемый по случаю избавления от болезни [10, с. 474]: *Есть молитва такая. Вот если человеку плохо, берёшь росу и говоришь: «Как роса эта быстро высыхает, значит, чтобы ты быстро перестал болеть». Вот так я внуков (Кем.)*.

Аграрная сторона сельской ментальности маркируется своеобразием ряда значений. Некоторые из них, отражая прагматическую эгоцентричность селянина, поддерживаются архетипической оппозицией «помощь – вред». Среди них гипонимические названия росы, наделённые семантикой пагубного эффекта на культивируемые растения, обусловленного прежде всего температурным режимом выпадения атмосферных осадков или наличием в них химических примесей: красн. *помеха* 'вид росы, от которой желтеют огурцы', бурят., том., волж., пенз., урал., челяб. *помоха* 'губительный для растений холодный туман, роса' и др.; ср. лат. *roratio* 'опадение виноградных ягод (вследствие холодных рос)'. Отсюда моление при первом громе «*Пошли, Господи, тихую воду да тёплую росу*».

ДКМ имеет специфику в естественной категоризации явления [7]. Сущностное представление о росе основывается на широкой генерализации: под базовое понятие *роса* диалектоносителями подводятся такие явления, терминологические значения которых в научном языке – ср. *роса* и *наморось* 'водяной налёт на тонких или выдающихся предметах (проводах, ветвях, выступах, углах и т.п.) с наветренной стороны, оседающий из тумана при соприкосновении его капель с поверхностью объектов' – существуют на правах соподчинённых понятий (согипонимов).

Разница в систематизации знания о метеоявлениях, облекающегося в категории базового уровня, покоится на несовпадающих принципах их освоения, которые используются в наивной и научной метеорологии. Рядовые носители языка при категоризации атмосферных реалий руководствуются принципом наглядности: они объединяют внешне сходные явления, пренебрегая при этом различной природой их происхождения. По этой причине под одно

название подводятся генетически (метеорологически) существенно различные, но внешне неотличимые друг от друга метеоявления, а также явления бытового характера: пск. *роса* 'капли влаги на оконных стёклах от осевших паров'. Ср. *Стекла заплыли как росой, роса называется, зимой она долго стоит* (Пск.). Сюда же притягивается и ложно понятое явление гуттации, оформленное в языке как разновидность росы: амур. *сироты заплачут* 'о росе на цветах, появляющейся перед дождём'. Ср. *Если цветок сирота покроется росой – значит будет дождь. Сироты заплачут – значит жди дождя, – оне капельками покрываются, цветы-то* (Амур.). Представляется, что устойчивая пропозитивная номинация вида росы восходит к переменному предикативному сочетанию, отображающему ситуацию выделения растением (в том числе *сиротой*) капель воды через водяные устьица листьев под воздействием корневого давления. Эта функциональная способность растения именуется антропогенным метафорическим глаголом том. *плакать* 'покрываться каплями влаги. О растении' (ср., к примеру, дон. *плакать* 'истекать соком. О растениях весной') ← 'лить слёзы от боли и душевного потрясения (о человеке)'. Таким свойством обладают и другие растения: *Иван мокрый как дождь, так он и плачет перед дождём* (Том.). *А ещё, знаете, есть алоказия, так, вроде, её зовут, она у нас тоже перед дождём плачет, с её широких листьев вода так и капает – слёзки перед дождём* (Том.).

Таким образом, в языковом (номинативно-категориальном) выражении ДКМ усматриваются ярко выраженные признаки менталитета, доминирующие в традиционном русском социуме – космологичность, бытовая религиозность, опора на обычай, преимущественное внимание к внешней стороне явления при его познании. Эти признаки ДКМ должны быть дополнены и развёрнуто проиллюстрированы при анализе языковых единиц, демонстрирующих экзогенную направленность в языковом картировании росы, а также через описание дискурсивного проявления её концепта.

Литература

1. Богатырёва, И. И. Языковая картина мира / И. И. Богатырёва // Рус. словесность. – 2010. – № 1. – С. 67 – 73.
2. Брысина, Е. В. Антропоцентризм фразеологической картины мира диалектоносителей / Е. В. Брысина // Русское слово. – Волгоград: Волгогр. пед. ун-т, 2007. – Вып. 1. – С. 37 – 47.
3. Васильев, В. П. Денотативный класс с опорным словом *град* как средство представления культурной информации / В. П. Васильев // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История. Филология. – Новосибирск, 2009. – С. 29 – 33.
4. Васильев, В. П. Когнитивно ориентированный толково-идеографический словарь русских метеонимов Сибири / В. П. Васильев, Э. В. Васильева // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2007. – Вып. 10. – С. 182 – 198.
5. Васильев, В. П. Концепт в единстве его содержания и формы выражения. Метеоним *роса* / В. П. Васильев // Вопр. когнитивной лингвистики. – Тамбов: Ин-т языкознания РАН: Тамб. гос. ун-т, 2005. – № 2. – С. 51 – 64.
6. Васильев, В. П. Метеорологическое слово в контексте его культурного существования / В. П. Васильев // Слово. Предложение. Текст. – Орёл: ОГУ, 2009. – С. 120 – 126.
7. Васильев В. П. Наивная метеорология и обыденное языковое сознание / В. П. Васильев // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – С. 430 – 437.
8. Васильев, В. П. О категориальных различиях диалектной и литературной картин мира / В. П. Васильев, Э. В. Васильева // Актуальные проблемы русской диалектологии. – М.: ИРЯ РАН, 2009. – С. 42 – 44.
9. Вендина, Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм) / Т. И. Вендина. – М.: Индрик, 2002. – 240 с.
10. Виноградова, Л. Н. Роса / Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая // Славянские древности. – М.: Междунар. отн-ния, 2009. – Т. 4. – С. 470 – 474.
11. Воркачёв, С. Г. Постулаты лингвоконцептологии / С. Г. Воркачёв // Антология концептов. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1. – С. 10 – 13.
12. Востриков, О. В. Идеографический словарь русских говоров Среднего Урала / О. В. Востриков // Уральский лексикографический сборник. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – С. 4 – 16.
13. Карданова, К. С. Языковая картина мира: мифы и реальность / К. С. Карданова // Рус. яз. в школе. – 2010. – № 9. – С. 61 – 65; № 10. – С. 56 – 61.
14. Климова, Л. А. Нижегородская микропонимия в языковой картине мира / Л. А. Климова. – М.: МПГУ, Арзамас: АГПИ, 2007. – 394 с.
15. Коновалова, Н. И. Словарь народных названий растений Урала / Н. И. Коновалова. – Екатеринбург: Урал. пед. ун-т, 2000. – 233 с.
16. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. / О. А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
17. Кубрякова, Е. С. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека / Е. С. Кубрякова // Вестн. Чуваш. гос. пед. ун-та им. И. Я. Яковлева. – Чебоксары, 2003. – № 4. – С. 3 – 12.
18. Кузнецов, С. В. Вера и обрядность в хозяйственной деятельности русского крестьянства / С. В. Кузнецов // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 285 – 293.
19. Левкиевская, Е. Мифы русского народа / Е. Левкиевская. – М.: Астрель: АСТ, 2003. – 528 с.
20. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
21. Марковина, И. Ю. Теория лакун в исследовании проблем межкультурного общения / И. Ю. Марковина // Лингвострановедение: методы

анализа, технология обучения. – М.: МГИМО – Университет, 2007. – С. 10 – 27.

22. Симашко, Т. В. Языковая картина мира в кумулятивном аспекте / Т. В. Симашко // Мир человека и мир языка. – Кемерово, 2003. – Вып. 2. – С. 32 – 57.

23. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин; Ф. П. Сороколетов. – М.; Л.; СПб: Наука, 1965 – 2007. – Вып. 1 – 41.

24. Сухова, О. А. Десять мифов крестьянского сознания / О. А. Сухова. – М.: РОССПЭН, 2008. – 679 с.

25. Тульцева, Л. А. Божий мир православного крестьянина / Л. А. Тульцева // Менталитет и аграрное развитие России (XIX – XX вв.). – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 294 – 305.

26. Чесноков, П. В. Неогумбольдтианство / П. В. Чесноков // Философские основы зарубежных направлений в языкознании. – М.: Наука, 1977. – С. 7 – 62.

27. Чесноков, П. В. О двух языковых картинах мира – статической и динамической / П. В. Чесноков // Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. школы. – 1989. – Вып. 3.

УДК 81'1:659

ПСЕВДОНАУЧНЫЙ ДИСКУРС РЕКЛАМЫ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ И ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Н. Д. Голев, Т. С. Журавлева, И. С. Хакимова

PSEUDOSCIENTIFIC ADVERTISIMENT DISCOURSE: LINGUACOGNITIVE AND LINGUAPERSONAL ASPECTS

N. D. Golev, T. S. Zhuravleva, I. S. Khakimova

В статье описывается эксперимент, целью которого в лингвоперсоналогическом аспекте является выделение типов языковых личностей потребителей рекламных текстов. Рекламные тексты, предложенные испытуемым, посвящены биопрепаратам, которые, с точки зрения содержания, имитируют научный стиль изложения, однако выполняют суггестивную функцию, основная цель которой воздействовать на адресата, его действия.

The article deals with the experiment distinguishing types of linguistic persons through the lens of advertisement. Imitation of scientific style in advertisements of biopreparations bears suggestive function, aimed at influencing the recipient and their activity.

Ключевые слова: научный стиль, псевдонаучный дискурс, реклама, информационная функция, суггестивная функция, трансформационная функция, типология языковых личностей.

Keywords: scientific style, pseudoscientific discourse, advertisement, informative function, suggestive function, transformative function, typology of linguistic persons.

Настоящее исследование входит в парадигму изучения функционального взаимодействия различных дискурсов. Их предметом являются качественные преобразования, которые происходят с одним из видов дискурса в тех случаях, когда он выполняет другую функцию. Так, научный дискурс, воплощенный в научно-популярные или учебные тексты, характеризуется сохранением информационной функции с трансформацией плана выражения, диктуемого дидактической функцией. Научный дискурс в художественной коммуникации включается в образную систему художественного произведения, которая актуализирует те или иные его особенности, способные его образность поддержать. Наше внимание направлено на трансформацию научного дискурса и текста в рекламе. Мы считаем, что в рекламном дискурсе собственно научный текст в плане выражения имитируется псевдонаучным текстом, при этом деактуализируется научная функция текста в плане содержания, что проявляется в утрате исходных функций научного текста – получения, фиксации, хранения и передачи объективной и достоверной информации. Вхождение его в рекламный дискурс предполагает преобразование информационной функции, свойственной научному тексту, в

суггестивную функцию, свойственную для рекламного текста. В данной статье мы обращаемся к трансформации (подчинению и видоизменению) одной языковой функции – информационной, в другую – суггестивную.

Научный дискурс, согласно исследованиям [2, с. 101 – 103], [5, с. 28 – 34], [7, с. 12 – 28], представляет собой рассуждение, которое организуется, как взаимосвязанная последовательность дискурсивных приемов описания, классификации, сравнения, оценивания и др.

С нашей точки зрения, научный дискурс представляет собой взаимосвязанную и взаимообусловленную последовательность отдельных речевых актов (дискурсивных приемов), детерминированную коммуникативной целеустановкой – передачей информации заинтересованному в ней сообществу. Коммуникативная функция научного текста – информационная – сообщение о результатах проведенного исследования и объяснение способа их получения, формулировка новых идей и их обоснование. Если такая информация предназначена недостаточно подготовленному читателю, возникает научно-популярный дискурс.

Типичное научное изложение состоит главным образом из рассуждений, и имеет своей особенностью особый формально-логический способ изложения материала. Основной функцией в научном дискурсе выступает информативная функция, цель которой донести информацию до адресата.

Однако мы нередко наблюдаем трансформацию информационной функции в суггестивную в рекламном дискурсе. Основная цель суггестивной функции – воздействовать на психику адресата, на его чувства, волю и разум, данная функция связана со снижением сознательности, аналитичности и критичности при восприятии внушаемой информации. Суггестивная функция реализуется посредством псевдонаучного стиля, который нередко используется в рекламных текстах, посвященных лекарственным препаратам и БАДам.

Рассмотрим основные различия между научным и псевдонаучным дискурсами и текстами. При разграничении данных видов дискурсов-текстов мы будем опираться на критерии, основанные на теории речевых актов Дж. Р. Серли [9, с. 170 – 194], Дж. Остина [6, с. 186], А. Вежбицкой [1, с. 251 – 275].

Цель текста, его **коммуникативная направленность** является главным критерием в разграничении текстов научных и псевдонаучных. Для первых – это передача объективных знаний о том или ином фрагменте действительности, для вторых – воздействие на адресата, изменение его картины мира, ценностей, убеждений и др., вследствие чего адресат рекламы БАДа начинает мысленно использовать текст для решения своих проблемных вопросов с помощью препарата, что в дальнейшем ведет к его приобретению. Все индивидуально-стилевые черты псевдонаучного стиля речи вытекают из единой функции данного типа текста – воздействие на информанта, побуждение его к активному действию – покупке рекламируемого товара.

Второе, что обращает на себя внимание – это **характер адресата**, «для кого» предназначено сообщение. Текст научного стиля речи направлен на подготовленного адресата, обладающего соответствующей профессиональной компетенцией (если научная информация предназначается недостаточно подготовленному читателю, возникает научно-популярный дискурс). Псевдонаучные тексты – на личность, руководствующуюся эмоциональной, а не рациональной сферой в получении знаний, обладающей средним уровнем общей культуры. Основная цель суггестивной функции – воздействовать на психику адресата, на его чувства, волю и разум, данная функция связана со снижением уровня сознательного, аналитического и критичного при восприятии внушаемой информации. Суггестивная функция реализуется посредством имитации научного дискурса, который нередко используется в рекламных текстах, посвященных разным товарам, в том числе и особенно – лекарственным препаратам и БАДам.

Следующий критерий разграничения данных дискурсов – автор, кодирующий текст с помощью

языковых знаков. Автор научного текста кодирует информацию с помощью специальных языковых знаков – терминов, графов, формул. Он является специалистом в данной области знаний, нередко обладает ученой степенью или званием. Научный текст чаще всего имеет письменную форму выражения и представлен в жанрах диссертации, статьи, реферата и др. Автор псевдонаучного текста носит анонимный характер, это специалист в области рекламного дела. Иногда автор скрыт за «маской» лечащего врача, пациента, которому помог рекламируемый препарат, представителя фирмы-производителя. Но чаще всего он предстает как воображаемый автор-ученый, впечатление присутствия которого внушается отсылками, цитированием, намеком. Тем самым создается модус доверия к автору посредством имитации авторитетной и компетентной личности в области фармакологии и медицины. В жанровом отношении псевдонаучный текст чаще всего реализуется в форме статьи из справочника лекарственных препаратов, хотя таковым не является.

Важный критерий, характерный для псевдонаучных текстов, но не приветствующийся в научных – апелляция к авторитету. Довольно часто в рекламных текстах препаратов используется обращение к авторитету, названному именами целителей и ученых.

Для подтверждения наших выводов, нами был проведен эксперимент.

В качестве материала исследования были избраны современные рекламные тексты лекарственных препаратов и БАДов, которые приводят много различной информации (химический состав препарата, номер лицензии, рекомендации для потребителей и врачей), которая имеет форму научного текста, однако, содержательно данная информация выполняет суггестивную функцию. Таким образом, в центре исследования находится онтологическая проблема соотношения информационной и суггестивной функций текста в психолингвистическом аспекте.

Отметим, что данный материал исследования достаточно популярен в современной науке. Интересной в этом отношении представляется диссертационная работа Р. А. Шараповой [10]. В данном исследовании автор обращается к особенностям восприятия названий биопрепаратов адресатом, а также к оценкам отдельных номинаций пищевых добавок потенциальными реципиентами. На основании проведенного анкетирования Р. А. Шарапова пришла к выводу, что разные типы интерпретаторов оценивают названия по различным критериям, однако для всех адресатов важна смысловая прозрачность названия БАДа, его оригинальность, благозвучие. Таким образом, автор приходит к выводу, что в основании типов номинирования биопрепаратов, структурно-семантических и функциональных особенностей их названий поставлен фактор адресата.

В центре нашего внимания – выделение типологии языковых личностей потребителей рекламных текстов лекарственных препаратов и БАДов. Данная

типология может быть основана на теоретических и экспериментальных данных. Теоретической основой типологии личности служат в современной науке работы Ю. Н. Караулова [4], В. И. Карасика [3, с. 78 – 86], К. Ф. Седова [8] и других исследователей. Существуют определенные параметры выделения типов языковых личностей (Ю. Н. Караулов, О. Б. Сиротинина, К. Ф. Седов, Д. А. Лытов и др.), однако типологии языковых личностей потребителей рекламных текстов на сегодняшний день нет. Практическое обоснование типологии основывается на лингвистическом эксперименте.

Особенности воздействия рекламных текстов на носителей русского языка выявлялись через опрос информантов. Для лингвистического эксперимента использовалась группа 100 человек. Реципиентами в эксперименте являлись студенты первого и четвертого курсов гуманитарных факультетов вузов. Естественность эксперимента обеспечивалась тем, что экспериментатор не раскрывал себя как лингвиста, а представлялся сотрудником рекламного агентства, которое проводит опрос среди населения. Это позволило испытуемым отнестись к рекламным текстам не как объекту анализа, а как к объекту обычного чтения, направленного на смысл читаемого текста.

Целью нашего эксперимента в его лингвоперсоналогическом аспекте является выявление типов языковых личностей потребителей рекламных текстов.

Испытуемым предлагались два рекламных текста, посвященных БАДам, улучшающим работу мозга. Данные тексты отличаются между собой стилем изложения, лексической наполняемостью, направленностью на адресата.

Первый текст – препарат «Острум» от компании Эвалар – написан в публицистическом стиле. Данный тип текста суггестивует чувство доверия адресата к рекламируемому товару путем простого, незамысловатого изложения мысли. С точки зрения лексики в тексте используется в основном общеупотребительные слова, однако, встречается и лексика, относящаяся к семантическому полю: «медицина – здоровье»: *комплекс витаминов, питание мозга, «витамин интеллекта» холин, нервные импульсы, клетки мозга и др.*, однако данные термины понятны обычному потребителю (кроме витамина интеллекта – холин). На синтаксическом уровне в тексте используются в основном простые предложения: *наш мозг используется не на полную мощность; необходимо обеспечить мозгу полноценное питание и др.*; иногда простые предложения усложнены однородными членами: *«Острум» – это идеально сбалансированный комплекс витаминов, минералов и биологически активных веществ для питания мозга.*

Второй текст – препарат «Brainlife» от компании Megamax – написан в научно-публицистическом стиле. Данный тип текста суггестивует чувство доверия потребителя к рекламируемому товару путем использования лексики и синтаксических конструкций, характерных для текстов научного стиля. На

уровне лексики в тексте используется не только общеупотребительные, узусные, но и профессиональные (медицинские) термины: *психозомоциональное напряжение, синергизм, центральная нервная система, клеточный уровень и др.* С точки зрения синтаксиса, в тексте используются только сложные предложения, что также характерно для текстов научного стиля: *«Brainlife» содержит уникальную систему восстановления энергетического обмена в клетке ENERGYTM, в состав которой входят таурин и кофеин, оптимально работающие благодаря синергизму с витаминами комплекса.*

Данные, полученные в результате эксперимента, позволят выявить, действительно ли существуют различные типы потребителей, и каково их место среди других типологий языковых личностей.

Проведение эксперимента предполагает выделение нескольких оппозиций, которые выявят количественную и качественную сторону восприятия и понимания рекламных текстов. С нашей точки зрения, разные реципиенты по-разному воспринимают и интерпретируют рекламные тексты, и это зависит от типов языковых личностей. Мы предполагаем, что в таком случае выстраивается 4 оппозиции.

1. Оппозиция извлечения информации и ее интерпретации. Данная оппозиция позволяет выявить отношение потребителя к рекламному тексту: доверяет ли потребитель информации, приведенной в тексте / не доверяет данной информации. Насколько манипулятивным или неманипулятивным является рекламный текст по отношению к тому или иному типу языковой личности.

2. Оппозиция восприятия и понимания. При прочтении рекламного текста реципиент выделяет для себя какие-либо основные моменты, которые привлекли его внимание, обращает внимание на определенные текстовые знаки, которые в итоге могут стать определяющими в понимании рекламного текста и выявлении отношения к нему.

3. Оппозиция «языковые и внеязыковые факторы». Отношение потребителя к рекламе может зависеть как от лингвистических, так и от экстралингвистических факторов, таких, как: известность фирмы-производителя на рынке, мнение врачей, знакомых, родных, личный опыт использования подобного лекарственного препарата.

4. Оппозиция «кнута и пряника». В любом рекламном тексте в подтексте прочитывается информация такого рода: наш товар самый лучший, если вы приобретаете его, то получаете определенную пользу для вашего здоровья (принцип «пряника»), если же не покупаете, то, в нашем случае, не можете стать умнее, не можете развить способности своего головного мозга и т. п. (принцип «кнута»).

В процессе эксперимента испытуемым (реципиентам) предлагаются следующие вопросы и задания:

1) задание на понимание смысла текста: после прочтения рекламного текста, письменно пересказать содержание прочитанного;

2) ответить на вопросы: «Какому рекламному тексту Вы доверяете?» и «Почему?».

В ходе эксперимента были выявлены следующие результаты.

Из 100 % опрошенных, 81 % – доверяет рекламным текстам, 19 % – не доверяет обоим текстам. Основываясь на этих данных, можно выделить два типа потребителей:

1) доверительный тип (респонденты полностью доверяют рекламному тексту и готовы приобрести данный препарат);

2) недоверяющий тип (категорически не доверяют рекламным текстам, отрицательно к ним относятся).

Внутри доверительного типа можно выделить подтипы, основывающиеся на том, какому рекламному тексту доверяет потребитель:

1) рекламный текст «Острум» выбрали 33,5 % опрошенных;

2) рекламный текст «Brainlife» предпочло 38 % опрошенных;

3) 9,5 % испытуемых выразили доверие к обоим текстам.

При выборе рекламного текста респонденты обращали внимание на такие составляющие, как стиль рекламы (лингвистический фактор), состав рекламируемого препарата, фирма-производитель БАДа, компетентное мнение известной организации (экстралингвистические факторы).

Потребители, отдавшие свое предпочтение первому тексту (реклама препарата «Острум»), отметили, что текст написан простым, понятным и доступным языком: *«доверяю первому тексту, т. к. в нем более доступно и понятно излагается информация о продукте»; «написан более понятным языком»; «симпатию вызывает первый текст, который не перенасыщен спец. терминами, имеет публицистический характер и направлен на аудиторию»* (во всех примерах орфография и пунктуация испытуемых). Так же был отмечен состав препарата: *«склоняюсь к тексту № 1, т. к. кофеин и таурин имеют репутацию вредных веществ ... которые проедают дно банки...», и фирма-производитель: «первому, т. к. продукцию компании «Эвалар» часто покупаю и с удовольствием пользуюсь»*. Данный тип потребителя можно охарактеризовать как стремящегося к простоте изложения, основывающегося на личный опыт при изучении состава продукта и доверяющего той фирме, которая достаточно известна на местном медицинском рынке.

Потребители, отдавшие свое предпочтение второму тексту (реклама препарата «Brainlife»), отметили следующие черты, характерные для этого текста:

1) текст написан в научном стиле, что и привлекло внимание испытуемых, с их точки зрения, рекламируемый продукт и его действие являются обоснованными: *«доверяю второму тексту, т. к. он составлен научным языком и все там обосновано»; «...хотя по своей структуре текст сложнее чем первый, более сложен для восприятия, факты содержащиеся в нем вызывают больше доверия»; «...он больше разъясняет назначение препарата, его действие и состав»;*

2) испытуемые, при выборе рекламного текста, огромное внимание уделяют составу препарата: *«доверяю второму, ...таурин и кофеин являются довольно известными элементами, в отличие от холина»; «содержит большое количество информации о входящих в него витаминах, ингредиентах»;*

3) испытуемые отдали предпочтение данному рекламному тексту, так как рекламируемый препарат рекомендован НИИ питания РАМН: *«второй текст, т. к. препарат, описывающийся в нем имеет рекомендацию НИИ питания РАМН»; «второму...в нем есть информация о том, что препарат рекомендован РАМН»; «второму, т.к. он рекомендован НИИ питания РАМН в качестве биологически активной добавки к пище»*. В целом данный тип языковой личности характеризуется доверительным отношением к научному стилю изложения, при изучении рекламного текста лекарственного препарата для данного типа важен состав БАДа, а так же рекомендация авторитетной организации.

Небольшой процент респондентов отдал предпочтение и первому, и второму тексту, так как оба текста несут информацию, которая одинаково воздействует на них. Можно предположить, что данные испытуемые относятся к третьему подтипу доверительного типа потребителей. Свой выбор они основывали на следующем: стиль написания текста, общее впечатление от прочитанной рекламы: *«больше доверия внушает 2 текст... применение сложных синтаксических конструкций ориентирует на научную основу, а словам медиков хочется верить. Однако воздействует больше текст 1»; «первый текст написан проще, понятным языком, поэтому воспринимается легче... Во втором тексте много терминов, сложных слов...В тоже время, за счет своей «понятности» первый текст менее информативен, практически не обоснован. В целом, оба рекламных текста воздействуют приблизительно одинаково, доверие так же на одном уровне»*. Данный тип языковой личности не многочислен, и имеющиеся результаты не могут достаточно полно его охарактеризовать. Однако можно сделать вывод, что ни состав препарата, ни фирма-производитель, ни компетентное мнение авторитетной организации не имеют влияния на данный тип личности; стиль текста, видимо, так же должен носить иной характер, чем научный или публицистический, и этот тип языковой личности требует дальнейшего исследования.

Недоверяющий тип характеризуется, как нами было уже отмечено, категорическим недоверием рекламе, в том числе и рекламным текстам, участвующим в эксперименте. Большинство респондентов отметили, что не доверяют лекарственным препаратам такого рода, так как считают, что умственную деятельность можно повысить при помощи специальных упражнений, а возможности мозга увеличить невозможно: *«у обычного человека мозг работает не более, чем на 15 %. Лишь у гениев больше и то не на много. И вряд ли какие либо препараты это изменят»; «я не верю, что какой-либо из этих препаратов поможет решить проблемы с*

памятью и работой мозга...». Однако небольшой процент респондентов этого типа, отметили, что не доверяют рекламе, но склоняются к первому или второму тексту, исходя при этом из экстралингвистических факторов: «... склоняюсь к «Оструму», потому что компания «Эвалар» мне больше по душе... моя мама принимает препараты именно этой компании..., а мнению мамы я доверяю»; «можно было бы довериться второму...по медицинским показаниям и рекомендация РАМН».

Отметим, что в ответах респондентов, доверяющих рекламным текстам, прослеживается вера в чудесное действие препарата (принцип «пряника»). Потенциальные потребители считают, что приобретение рекламируемого препарата действительно решит их проблемы со здоровьем, в частности с проблемой запоминания информации и работы мозга в целом: «текст № 2...подает надежду на хорошие результаты»; «2 текст...ориентирует на научную основу, а словам медиков хочется верить». Те же, кто не доверяет рекламе, считают, что с помощью таблеток проблему не решить: «я не доверяю ни первому, ни второму из текстов. Потому что убеждена, что достичь «умственных высот» можно только постоянной тренировкой мозга и правильным, здоровым, сбалансированным питанием. Повысить возможности памяти можно с помощью нехитрых упражнений, а просто лекарства сродни стероидам...».

Таким образом, можно выделить два основных типа языковых личностей потребителей рекламных текстов: доверяющий и недоверяющий типы. Кроме того, внутри доверительного типа можно выделить три подтипа: тип личности, на который оказывает воздействие публицистический стиль изложения. Для него так же важен состав рекламируемого препарата и фирма-производитель; тип личности, на который оказывает влияние научный стиль изложения и компетентное мнение известной медицинской организации; а также тип личности, поддающийся влиянию, как научного, так и публицистического типа изложения. Характерно, что представители последнего типа, как правило, не обращают внимания

на такие экстралингвистические факторы, как состав препарата, фирма-производитель, компетентное мнение авторитетной организации; видимо, важными для таких носителей языка, являются вербальные (языковые) средства подачи информации, в частности, - лексические, синтаксические, стилевые.

Литература

1. Вежбицкая, А. Речевые акты / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. – М., 1986. – С. 251 – 275.
2. Гордеева, О. Н. О принципе дискурсивной организации научно-медицинской статьи / О. Н. Гордеева // Вестник СПбГУ. Вып. 4. Сер. 2. – СПб, 1992. – С. 101 – 103.
3. Карасик, В. И. Дискурсивная персонология / В. И. Карасик // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 5. – Волгоград, 2007. – С. 78 – 86.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М., 2006. – 261 с.
5. Николаев, А. М. Языковые особенности и статистическая характеристика речевых актов, реализуемых в тексте рецензии на научно-техническую работу / А. М. Николаев // НТИ. Сер. 2. 1998. – № 6. – С. 28 – 34.
6. Остин, Дж. Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М., 1986. – 186 с.
7. Рябцева, Н. К. Ментальные перформативы в научном дискурсе / Н. К. Рябцева // Вопросы языкознания. 1992. – № 4. – С. 12 – 28.
8. Седов, К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. – М., 2004. – 320 с.
9. Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 170 – 194.
10. Шарапова, Р. А. Процессы деривации и терминологизации в подсистеме русского языка (на материале номинаций биологически активных добавок) / А. Г. Шарапова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.19. – Кемерово, 2010. – 24 с.

УДК 81 – 13

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ВТОРИЧНОГО ТЕКСТА (на материале переводов)

Н. В. Мельник

GNOSEOLOGICAL POTENTIAL OF A SECONDARY TEXT (based on translations)

N. V. Melnik

Исследование выполнено при поддержке гранта Минобрнауки России № 16.740.11.0422 «Обыденная семантика лексики русского языка: теоретическое и лексикографическое исследование»

В статье представлены теоретические основания для возможности использования вторичного текста в качестве лингвистического источника в области изучения различных проблем современного языкознания и показано, что исследования такого рода имеют давнюю традицию и высокий гносеологический потенциал.

The article presents the theoretical basis for the possibility of using secondary text as a linguistic source in the study of various problems of modern linguistics and it is shown that the studies of this kind have a long tradition and high gnoseological potential.

Ключевые слова: перевод, теория перевода, межъязыковая и внутриязыковая эквивалентность.

Keywords: translation, translation theory, interlanguage and innerlanguage equivalence.

В связи с рассмотрением вторичного текста как источника изучения интерес представляют филологические исследования В. В. Виноградова, который в своей работе «Этюды о стиле Гоголя» дает глубокий анализ стиля Н. В. Гоголя, подойдя к решению этой задачи своеобразно: через рассмотрение пародий на него. Позже, рефлексировав о способе решения проблемы, он замечает: «Тогда я выдвинул такой тезис: «Путь к стилю писателя – сзади»... Значит это вот что: на каждого крупного писателя начинали писать пародии после того, как он издавал какое-нибудь произведение. Пародии, конечно, упрощают стиль, но они выделяют, тем не менее, в этом стиле какие-то новые для восприятия той эпохи элементы художественной формы, структурные соотношения и т. д. Мои этюды о Гоголе основаны на изучении пародий на стиль Гоголя со стороны его литературных врагов» [4].

Представленное направление исследования коррелирует с рассмотрением перевода как лингвистического источника. Исследование одного языка с помощью его сопоставления с другим находится в русле давней традиции изучения языков. По утверждению В. Г. Гака, «сравнение является основным (возможно, даже единственным) методом изучения языка» [6, с. 7]. А высказывание Л. В. Щербы «В силу диалектического единства формы и содержания мысль наша находится в плену у форм языка, и освободить ее от этого плена можно только посредством сравнения с иными формами ее выражения в каком-либо другом языке» [20, с. 27] соотносится с положением В. фон Гумбольдта «каждый язык описывает вокруг народа, к которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [9, с. 80].

В выбранном нами аспекте сопоставление языков рассматривается не как цель, а как средство, как метод исследования. Сравнение высказываний на двух языках, когда содержание изначально задано оригиналом, позволяет анализировать различные способы его выражения, в которых опредмечивается восприятие-понимание декодирующего [7]. При этом мы опираемся на языковое сознание переводчика, осуществляющего выбор из множества вариантов согласно чувству языка. Перевод может рассматриваться в качестве лингвистического источника в трех областях: в области языка перевода; в области системных отношений между исходным языком и языком перевода; в области исходного языка [10, с. 23]. Нас интересует последний вариант, «как это ни парадоксально, некоторые его [оригинала – Н. М.] возможности раскрываются лишь в переводе» [3, с. 37 – 38], именно в нем находят свое продолжение суппозиции исходного текста.

Многие лингвисты используют в качестве материала анализа перевод, а не словарное соответствие,

считая, что «межъязыковые переводческие соответствия – объективная реальность» [5, с. 57] и «на определенном этапе сопоставительное исследование не может обойтись без данных перевода, потому что наличие соответствий в парах языковых систем не означает, что при функционировании в тексте эти соответствия сохраняются» [16, с. 8]. В этом смысле перевод может быть определен как «особый вид соотношенного функционирования языков» [11, с. 6].

В итоге намечается неоднозначное отношение к использованию перевода в качестве лингвистического источника: негативное (например, [19]) и позитивное (например, [11]). Основными доводами против рассмотрения перевода в гносеологическом аспекте являются субъективность и речевой характер перевода. В. Н. Комиссаров, возражая против утверждения о субъективности перевода, говорит о том, что «изучение достаточного по объему фактического материала подобного рода позволяет отличить индивидуальные отклонения случайного характера от реализации собственно языковой потенции» [11, с. 12]. К тому же сама «субъективность перевода ограничена необходимостью воспроизвести как можно полнее содержание текста оригинала, а возможность такого воспроизведения зависит от объективно существующих и не зависящих от переводчика отношений между системами и особенностями функционирования двух языков. Таким образом, перевод представляет собой субъективную реализацию переводчиком объективных отношений. Субъективность перевода не является препятствием для объективного научного анализа, подобно тому, как субъективность отрезков речи не препятствует извлечению из них объективных фактов о системе языка» [12, с. 38]. Таким образом В. Н. Комиссаров решает проблему речевого, а не языкового характера перевода.

Деятельность переводчика определяют те же закономерности, которые касаются речевой деятельности вообще [18]. Ее результат – порождение «своего» текста, который возник при восприятии-понимании исходного текста, при его декодировании. Сопоставление исходного и вторичного текстов позволяют реконструировать процесс порождения-восприятия-понимания (ср. возможность интерпретации процессов речемыслительной деятельности при переводе как зеркального отображения создания оригинала, в результате чего возникает один из видов вторичных текстов) и проследить механизм детерминации внутритекстовых и межтекстовых компонентов. При этом важным в гносеологическом плане является определение единицы сравнения, под которой мы имеем в виду единицу соответствия (Ср.: «Единица перевода – это наименьшая (минимальная) языковая единица в тексте на исходном языке, которая имеет соответствие в тексте на переводном языке» [2, с. 175].

В результате можно говорить о том, что «коммуникативная равноценность текстов на разных языках, обнаруживаемая при переводе, представляет собой явление объективное, отражающее универсальные свойства языка как единого общечеловеческого средства обмена мыслями» [11, с. 13]. Все это подводит к выделению такого подхода в лингвистических исследованиях, когда данные двух языковых/речевых систем рассматриваются не как сравниваемые, сопоставляемые друг с другом, а как единая языко-речевая материя. «Ситуация множественности языков исходна, первична, но позже на ее основе создается стремление к единому, универсальному языку (к единой, конечной истине)» [14, с. 13]. Данный подход заложен В. фон Гумбольдтом и вписывается в общезыковую антиномию «общее – частное» (при этом общее проявляется всегда лишь через единичное): «Когда мы говорим, что язык самодетелен, самосоздан и божественно свободен, а языки скованы и зависимы от народов, которым они принадлежат, то это не пустая игра слов» [9, с. 49], «В языке таким чудесным образом сочетается индивидуальное с всеобщим, что одинаково правильно сказать, что весь род человеческий говорит на одном языке, а каждый человек обладает своим языком» [9, с. 74].

Привлечение межъязыкового пространства становится скрепой синтезирующей деривационной модели на макро- и микроуровнях. Это тоже продолжение непрерывного деривационно-мотивационного процесса на новом витке развития, что возможно при понимании отношений между исходным языком и языком перевода как единой языко-речевой материи, или транслингвального пространства. Именно в нем становится возможным рассмотрение перевода в понимании Р. Якобсона как внутри-, межъязыкового и межсемиотического [21].

При рассмотрении текстовых преобразований на уровне семантики мы входим в область «скрытой», имплицитной лингвистики. Те процессы, которые происходят при преобразовании текста, можно реконструировать, сопоставляя два текста. Слово обладает потенциалом семантического развития, в нем заложены потенциальные скрытые компоненты, которые могут быть эксплицированы при переводе, что является развитием идей В. фон Гумбольдта о равной возможности языков выражать содержание («Любой язык в полном объеме содержит все, превращая все в звук» [9, с. 82]) и о «текучести семантики» («Как невозможно исчерпать содержание мышления во всей бесконечности его связей, так неисчерпаемо множество значений и связей в языке. Помимо своих уже оформившихся элементов, язык в своей гораздо более важной части состоит из способностей (Methoden), дающих возможность продолжить работу духа и предначертывающих для этой последней пути и формы. Его элементы, приобретая устойчивую оформленность, образуют в известном смысле мертвую массу, но масса несет в себе живой

росток определенности (Bestimmbarkeit)» [9, с. 82]. Все это позволяет говорить о непрерывном деривационно-мотивационном процессе в едином транслингвальном пространстве.

Подобно созданию макроозначающего, происходит и создание макроозначаемого текста, это также непрерывный деривационно-мотивационный процесс. Но «признавая неразрывную связь формальной и содержательной структуры слова, необходимо обратить внимание на следующее. Нет никаких доказательств того, что фонетические и семасиологические соответствия являются соответствиями одного и того же плана: соответствия на одном из этих уровней не обязательно означают и равноценное соответствие на другом уровне. Таким образом, языковое преобразование представляет собой многомерный, многоплановый, многослойный процесс, происходящий одновременно в различных языковых плоскостях – как по горизонтали, так и по вертикали, но на разных основаниях, в различных измерениях» [15, с. 20]. Это не означает отрицания изоморфизма между планами выражения и содержания, а лишь подчеркивает возможность различий в степени формальной и содержательной близости текстов.

При сравнении важной становится категория межъязыковой эквивалентности, возможно ее рассмотрение в разных аспектах. Учитывая двусторонний характер языковых единиц, многие исследователи стремятся развести понятия соотношения языковой формы (конгруэнтность) и языкового значения (эквивалентность) [19, с. 168]. Но обычно под эквивалентностью понимается общность содержания, эквивалентные конструкции имеют идентичную глубинную структуру, даже если различаются на уровне поверхностных структур. Таким образом, «основание для сравнения относится к сфере содержания, сравниваемые конструкции, между которыми устанавливаются отношения эквивалентности, – к сфере выражения» [13, с. 49].

Межъязыковая эквивалентность – разного рода соотносительность между единицами языка и речи, она не есть тождество [1, с. 12]. Выделяется языковая и речевая эквивалентность (формальное соответствие и переводческая эквивалентность) [17]. Данные типы эквивалентности изучаются разными лингвистическими дисциплинами: языковая эквивалентность является предметом контрастивной лингвистики, а речевая – переводоведения. Однако в первом случае следует различать эквивалентность в словаре и системе языка. Так, «слово в аспекте языка – это единица, относящаяся к ментальной действительности носителей языка, слово в словаре – одна из возможностей ее описания» [13, с. 70]. В нашем исследовании мы опираемся на понятие межъязыковой эквивалентности, проявляющейся при переводе. Нужно заметить, что здесь существует проблема, связанная с тем, что «с одной стороны, эквивалентность есть обоснование переводимости, а с другой – сама эквивалентность устанавливается

посредством переводимости» [22, с. 82]. «Возможность переводческой эквивалентности является, разумеется, предпосылкой сопоставления: если два элемента никогда друг друга не переводят, совершенно неинтересно их сравнивать. Таким образом, перевод можно рассматривать как контекст сопоставления» [17, с. 47]. Стремясь остаться в рамках собственно лингвистического исследования, мы признаем эквивалентными не программы автора и переводчика, а тексты, соотнесенные при переводе [2; 12 и др.].

Г. Егер выделяет два понятия: коммуникативная и функциональная эквивалентность. Коммуникативно эквивалентными считаются тексты, обладающие одинаковой коммуникативной значимостью (*kommunikative Wert*), которая является важным компонентом текста [24]. Она складывается из коммуникативно значимых характеристик текста, а целью перевода является максимальное соответствие свойств перевода свойствам оригинала [23]. То есть для обоснования эквивалентности необходимо использовать собственно языковые объяснения. Г. Егер исходит из того, что коммуникативная значимость текста опирается на функциональную значимость, которую «следует искать в функциях языковых знаков. Эти функции связаны с семантическим, синтаксическим и прагматическим уровнями отношений» [25]. При этом семантика и синтактика через прагматику входят в коммуникативную значимость текста [25].

В исследовании мы опираемся на межъязыковую текстовую эквивалентность как объективную данность. В наши задачи не входит установление эквивалентности, степени эквивалентности, так как мы полагаем, что «текст служит, как правило, целям осуществления коммуникации, поэтому степень эквивалентности здесь не может быть нулевой, иначе процесс коммуникации просто не сможет состояться» [13, с. 79], поэтому любой перевод мы рассматриваем как эквивалентный а priori. При этом под переводом понимается не специфическая речевая деятельность или процесс понимания инокультурного текста, а опредмеченный результат этого, то есть текст, созданный на базе другого текста. При таком подходе становится возможным рассмотрение перевода не с позиций переводоведения, а с точки зрения теории деривации, в свете идей которой он выступает как вторичный, производный текст, созданный на базе первичного и отождествляемый с ним при определенных условиях. Поэтому эквивалентность не может быть нулевой, хотя степени эквивалентности, безусловно, являются различными. Если хоть один человек отождествил единицы, следовательно, в самом данном факте содержатся основания для подобного установления.

Именно такой подход позволяет в гносеологическом плане использовать межъязыковую эквивалентность как аспект лингвистического исследования. А с введением понятия транслингвального пространства данное положение проецируется и на

внутриязыковую эквивалентность, а потому перевод (по Р. Якобсону, внутриязыковой, межъязыковой и межсемиотический) обладает высоким гносеологическим потенциалом. Это обстоятельство позволяет нам, с одной стороны, рассматривать перевод как один из типов вторичных текстов, из которых мы получаем информацию о первичном, с другой стороны, обращаться к исследованиям по теории перевода для решения проблем, возникающих в области дериватологии.

Покажем эффективность данного подхода на примере исследования проблемы взаимодействия деривационного слова, текста и языковой личности, мы ставим перед собой задачу доказать функциональность лексико-деривационного ряда (ЛДР), представляющего собой «последовательность однокоренных или одноаффиксных слов (в том числе «чистых» повторов), пересекающих дискретное текстовое пространство (контекст)» [8, с. 96], его значимость для адекватного восприятия текста, для этого обращаемся к аспекту межъязыковой эквивалентности, проявляющейся при переводе. Основная гипотеза исследования такова: лексическая деривация органично включается в общетекстовую деривацию, тем самым доказывается функциональность лексико-деривационного ряда. Если лексико-деривационные ряды функциональны, то есть значимы для восприятия и порождения текста, то они будут отражаться в переводах, созданных на основе содержащих повторы первичных текстов. При этом лексико-деривационное развитие текста выступает как одно из частных проявлений непрерывного деривационно-мотивационного процесса в едином транслингвальном пространстве.

Для анализа используются контексты, полученные методом сплошной выборки из пяти глав романа Ф. М. Достоевского «Идиот» (ИТ-1) и трех его переводов на немецкий язык, выполненных Г. Гершельманном (ПТ-1), Г. Релем (ПТ-2), А. Лютером (ПТ-3). Анализ проводится по главам (5 выборки). Подсчет количественных данных показал разный процент отражения одних и тех же лексико-деривационных рядов в разных переводах: глава 1 – 54 % (ПТ-1); 81 % (ПТ-2); 75 % (ПТ-3); глава 2 – 51 % (ПТ-1); 85 % (ПТ-2); 79 % (ПТ-3); глава 3 – 54 % (ПТ-1); 80 % (ПТ-2); 75 % (ПТ-3); глава 4 – 29 % (ПТ-1); 51 % (ПТ-2); 56 % (ПТ-3); глава 5 – 51 % (ПТ-1); 73 % (ПТ-2); 70 % (ПТ-3). В результате анализа отклонений от исходной гипотезы были выявлены факторы, определяющие функционирование деривационного слова в тексте.

Разная степень отраженности одних и тех же рядов зависит от модели построения вторичного текста: **семасиологической** и **ономасиологической**. Различия между этими двумя моделями несомненно имеют качественную подоснову, но выявляются прежде всего статистически, так как именно количественные показатели позволяют формализовать интуитивные наблюдения по поводу их различия. Перевод – результат семантической деривации, или

повторное создание макроозначаемого текста. Поэтому необходим учет степени семантического расстояния между единицами соответствия, что позволяет выделить две группы инноваций: **мутационные** и **модификационные**. Первые лишены непосредственной детерминации исходным текстом и продиктованы волей говорящего, в данном случае переводчика (субъективный фактор), вторые контекстуально обусловлены исходным текстом. Результатом действия первых являются различия на уровне глубинной структуры, вторые не ведут к таким преобразованиям. Деривационные процессы: осложнение, упрощение, перестановка, слияние, замена, – приводящие к семантическим инновациям разных типов, протекают в текстах, построенных и по семасиологической, и по ономасиологической моделям, но по-разному характеризуют их как количественно, так и качественно. Мутационные инновации являются доминантой для текстов, построенных по ономасиологической модели (ПТ-1), модификационные – для текстов, построенных по семасиологической модели (ПТ-2; ПТ-3).

Семасиологическая и ономасиологическая модели построения вторичного текста являются результатом различного соотношения означающего и означаемого под влиянием двух факторов: субъективного и/или объективного. Тексты, построенные по семасиологической модели, тяготеют к полюсу «объективное» и представляют собой тождественное исходному тексту соотношение означающего и означаемого. Тексты, построенные по ономасиологической модели, тяготеют к полюсу «субъективное» и представляют собой новый тип соотношения означающего и означаемого, не детерминированного формой исходного текста. Единство формы и содержания прослеживается в появлении инноваций и на уровне означаемого, не обусловленных исходным текстом. На поверхностном уровне результатом действия двух моделей являются наличие и отсутствие экспликации деривационного потенциала слов. Для первого типа построения вторичного текста характерна большая степень отражения лексико-деривационных рядов, зона разброса 70 – 79 % (ПТ-2); 72 – 85 % (ПТ-3), исключая главу 4. Для второй модели не представляется релевантным учет всех типов формально-семантического взаимодействия лексических единиц текста, зона разброса процента отражения 51 – 54 % (ПТ-1), исключая главу 4. Лексико-деривационный ряд – формально-семантическая единица, представляющая собой соотношение микроозначаемого и микроозначающего, по-разному функционирует в текстах, построенных по семасиологической и ономасиологической моделям, в силу разного рода соотношения на уровне макроозначаемого и макроозначающего.

Глава 4 романа представляет значительный интерес для исследования, так как количественный показатель отражения лексико-деривационных рядов отличается от степени их отражения в других главах (29 %; 51 % и 56 %), но сохраняется корреляция

процента отражения между моделями вторичного текста. Сравнительный анализ ЛДР, содержащихся в пяти главах не выявил их отличий в лексикоцентрическом аспекте, что позволяет предположить, что причины меньшей отраженности во вторичных текстах ЛДР главы 4 заложены в специфике их текстового функционирования в исходном тексте. В ходе анализа было выяснено, что ослабление детерминации между членами ряда, меньшая их отраженность при переводе как свидетельство меньшей функциональности были вызваны тем, что глава 4 представляет собой речь повествователя, речь автора, а главы 1, 2, 3 и 5 насыщены диалогами героев, изобилующих повторами, связанными с переспросами, то есть диалогической цитацией, усиливающей детерминацию членов ЛДР. Коммуникативная значимость ЛДР подобного типа способствует их большей отраженности при переводе: –... *Нельзя ли здесь где-нибудь покурить? У меня трубка и табак с собой. – По-ку-рить? – с презрительным недоумением вскинул на него глаза камердинер, как бы все еще не веря ушам, – покурить? Нет, здесь вам нельзя покурить... (ИТ); “Darf ich hier irgendwo rauchen? Pfeife und Tabak habe ich bei mir” – “Rau...chen?” Ein vernichtender Blick traf den Frager. Den Kammerdiener traute seinen Ohren nicht. “Rauchen wollen Sie? Nein, hier wird nicht geraucht!” (ПТ-1); “... Könnte ich hier nicht irgendwo rauchen? Ich habe Pfeife und Tabak mit” – “Rauchen?” Der Kammerdiener sah ihn mit verächtlichem Befremden an, als traute er seinen Ohren nicht. “Rauchen? Nein, hier dürfen Sie nicht rauchen...” (ПТ-2); “... Kann man hier nicht irgendwo rauchen? Eine Pfeife und Tabak habe ich bei mir” – “Rau-chen” versetzte der Kammerdiener, ihn geringschätzig und erstaunt, als ob er seinen Ohren nicht traute. “Rauchen? Nein, hier können Sie nicht rauchen...” (ПТ-3).*

Анализ показал, что существует некоторая зависимость отражения или неотражения при переводе лексико-деривационных рядов от объективных (заложенных в языке и тексте) и субъективных (зависящих от установки автора и переводчика) причин. В результате были выявлены детерминанты деривационного функционирования слова в тексте, восходящие к общезыковым антиномиям *объективное – субъективное, системное – текстовое*, их влияние опредмечивается в четырех моделях поведения переводчика. При анализе деривационного функционирования слова в аспекте межъязыковой эквивалентности важно отметить характер отражения или устранения лексико-деривационных рядов при переводе: при неотражении рядов – была ли объективная возможность их фиксации или нет (фактор языка); при их отражении важно учесть, были ли варианты перевода, когда переводчик из всех возможных синонимов мог выбрать именно те, которые вступают в эпидигматические отношения (фактор переводчика) или языковые средства ограничивают выбор (фактор языка).

Объективное отражение лексико-derivационного ряда мало способствует достижению поставленной цели – доказать функциональность ряда, так как не позволяет судить о том, замечает ли переводчик его значимость, ведь переводчик в любом случае «вынужден» его воспроизвести. Единственным подтверждением функциональности лексико-derivационных рядов данной группы является отсутствие прономинализации. - *За это в Сибирь? - В Сибирь, в Сибирь! Томчас в Сибирь! (ИТ – 1); – Dafür kommt man nach Sibirien? - Nach Sibirien, nach Sibirien. Sofort nach Sibirien! (ПТ – 2); – Und kommt einer dafür nach Sibirien? - Gewiß, nach Sibirien, nach Sibirien! Ohne weiteres nach Sibirien! (ПТ – 3).* Намечается тенденция, в соответствии с которой в текстах, построенных по семасиологической модели (ПТ – 2 и ПТ – 3), лексико-derivационные ряды сохраняются; в тексте, построенном по ономасиологической модели (ПТ – 1), несмотря на отсутствие синонимов, они разрушаются за счет прономинализации или опущения повтора: - *Und darauf steht Sibirien? - Selbstredend ..., wie Euer Gnaden zu sagen beliebt! (ПТ – 1).*

Показателен сам факт отражения при переводе лексико-derivационного ряда, когда имеются различные варианты, позволяющие его избежать. Это означает, что переводчик (сознательно или интуитивно) из всего языкового арсенала выбирает те лексемы, повтор которых возможен в данном контексте. Поэтому данные, полученные именно при анализе **субъективного отражения** лексико-derivационного ряда, несут основную информацию о его функциональности.

Из всего синонимического ряда *die Krankheit, die Erkrankung, das Unwohlsein, die Beschwerde, das Leiden, das Gebrechen, das Siechtum* выбирается и реализуется в тексте одна единица, причем в разных текстах – своя: ..., *что отправлен был за границу по болезни, по какой-то странной нервной болезни...* (ИТ – 1); ... *daß er seines Leidens wegen ins Ausland geschickt worden sei, eines merkwürdigen Nervenleidens ...* (ПТ – 2); ...*man habe ihn wegen einer Krankheit ins Ausland geschickt, wegen einer eigentümlichen Nervenkrankheit* (ПТ – 3). Субъективный характер такого отражения подчеркивает тот факт, что в тексте, построенном по ономасиологической модели, повтор устранен за счет синонима: ... *nachdem er seinerzeit krankheitshalber, wegen eines seltsamen Leidens, das ... , in Ausland geschickt worden* (ПТ – 1).

Объективное неотражение лексико-derivационного ряда связано с тем, что необходимость устранить повтор может диктоваться особенностями системы языка перевода. Так, глагол *скажется* имеет в русском языке два значения: 1) будет сказано (произнесено); 2) обнаружится, решится. Первому значению в немецком языке соответствует конструкция *gesprochen werden*, второму – ряд глаголов и выражений *sich zeigen, zum Ausdruck kommen, zutage treten, entscheiden*. Несоответствие

семантических структур приводит к устранению повтора, а лексико-derivационный ряд выступает как частично отраженный, значительно проигрывая по силе сцепки: ... *что последнее слово еще не сказано, а гроза грядет. Если сегодня скажется последнее слово, стало быть, и все скажется* (ИТ – 1); ... *solange das letzte Wort noch nicht gesprochen ist. Wenn aber wirklich heute abend die Entscheidung fallen sollte, dann bricht der Sturm los, das können Sie mir glauben!* (ПТ – 1); ... *daß das letzte Wort noch nicht gesprochen ist. Das Gewitter muß aber losbrechen. Wird heute das letzte Wort gesprochen, so wird auch alles zutage treten* (ПТ – 2); ...*weil das letzte Wort noch nicht gesprochen ist; aber das Gewitter rückt heran. Wenn heute das letzte Wort gesprochen wird, dann ist damit alles entschieden* (ПТ – 3).

Субъективное неотражение лексико-derivационного ряда связано с тем, что иногда он не воспроизводится при переводе, несмотря на то, что объективные условия для его фиксации есть. Это дает основание говорить о роли фактора переводчика, который в силу субъективных причин пытается избежать повтора различными средствами: с помощью синонимов, опущения повторов, прономинализации, замены словом с более широким или узким значением. Так, употребление синонимов *stören, belästigen, zur Last fallen* разрушает лексико-derivационный ряд: *А не мешать вам я научусь и скоро пойму, потому что сам очень не люблю мешать* (ИТ – 1); *Übrigens werde ich bald lernen, Sie nicht in Ihrer Arbeit zu stören, mit selbst ist nichts unangenehmer, als anderen zur Last fallen* (ПТ – 1); *Und Sie nicht zu stören werde ich bald lernen, denn ich möchte niemand belästigen* (ПТ – 2). Субъективный характер неотражения лексико-derivационного ряда подчеркивает факт его передачи в одном из переводов: *Aber Sie nicht stören, das werde ich schon lernen und bald begreifen, weil es mir selbst sehr zuwider ist, jemanden zu stören...* (ПТ – 3).

Такой тип поведения переводчика соответствует ономасиологической модели построения вторичного текста. Субъективное неотражение лексико-derivационного ряда, когда переводчик сознательно или интуитивно устраняет повтор при объективной возможности его передать, не является свидетельством абсолютной нефункциональности ряда, так как сам факт устранения повтора с целью, например, избежать тавтологии является значимым, но мы не имеем возможности зафиксировать функциональность ряда по текстовым показателям.

Значимость для доказательства функциональности лексико-derivационного ряда отражения или устранения повтора во вторичном тексте является различной в зависимости от объективного или субъективного характера (влияние системного фактора и фактора переводчика). Так, объективное отражение и объективное неотражение на оси функциональности представляют собой нейтральные типы, в отличие от субъективного отражения, тяготеющего к по-

люсу «функциональное», и субъективного неотражения, тяготеющего к полюсу «нефункциональное».

Таким образом, на примере анализа функциональности лексико-деривационного ряда мы показали высокий гносеологический потенциал исследования явлений русского языка в аспекте межъязыковой эквивалентности, проявляющейся при переводе.

Литература

1. Арнольд, И. В. Эквивалентность как лингвистическое понятие [Текст] / И. В. Арнольд // Иностранные языки в школе. – 1976. – № 1. – С. 11 – 18.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) [Текст] / Л. С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
3. Бибихин, В. В. Опыт сравнения разных переводов одного текста [Текст] / В. В. Бибихин // Тетради переводчика. – Вып. 13. – М.: Международные отношения, 1976. – С. 37 – 47.
4. Виноградов, В. В. Из истории изучения поэтики (20-е годы) [Текст] / В. В. Виноградов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – № 3. – 1975. – С. 259 – 272.
5. Виноградов, В. С. О специфике художественного перевода и его теории [Текст] / В. С. Виноградов // Филологические науки. – 1978. – № 5. – С. 51 – 57.
6. Гак, В. Г. О контрастивной лингвистике [Текст] / В. Г. Гак // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 5 – 17.
7. Гак, В. Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков) [Текст] / В. Г. Гак. – М.: Международные отношения, 1977. – 264 с.
8. Голев, Н. Д. Деривационное развитие слова в русском тексте (на материале лексико-деривационного поля слова «перестройка») [Текст] / Н. Д. Голев // Явление вариативности в языке. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – С. 95 – 106.
9. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 2001. – 400 с.
10. Комиссаров, В. Н. Перевод как лингвистический источник [Текст] / В. Н. Комиссаров, Г. Я. Туровер // Тетради переводчика. Вып. XII. – М.: Международные отношения, 1975. – С. 19 – 31.
11. Комиссаров, В. Н. Перевод как объект лингвистического исследования (Вступительная статья) [Текст] / В. Н. Комиссаров // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 3 – 15.
12. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) [Текст] / В. Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
13. Которова, Е. Г. Понятие межъязыковой эквивалентности в семантических теориях [Текст] / Е. Г. Которова. – Томск: Изд-во Томского гос. педуниверситета, 1997. – 93 с.
14. Лотман, Ю. М. Семиосфера [Текст] / Ю. М. Лотман. – С.-Петербург: Искусство. СПб, 2000. – 704 с.
15. Маковский, М. М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике [Текст] / М. М. Маковский. – М.: Высш. шк., 1989. – 200 с.
16. Пинягин, Ю. Н. Переводческие аспекты сопоставительного изучения лексики [Текст] / Ю. Н. Пинягин // Переводческие аспекты сопоставительных исследований. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1988. – С. 4 – 12.
17. Хэллидей, Майкл А. К. Сопоставление языков [Текст] / А. К. Майкл Хэллидей // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 42 – 54.
18. Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика. Газетно-информационный и военно-публицистический перевод [Текст] / А. Д. Швейцер. – М.: Воениздат, 1973. – 280 с.
19. Штернеманн, Р. Введение в контрастивную лингвистику [Текст] / Р. Штернеманн (рук.) и коллектив авторов // НЗЛ. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 144 – 178.
20. Щерба, Л. В. К вопросу о распространении в СССР знания иностранных языков и о состоянии филологического образования [Текст] / Л. В. Щерба // Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Т. 1. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. – С. 25 – 34.
21. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода [Текст] / Р. Якобсон // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – С. 16 – 24.
22. Helbig, G. Sprachwissenschaft – Konfrontation – Fremdsprachenunterricht. [Текст] / G. Helbig. – VEB Verlag Enzyklopädie Leipzig, 1981. – 159 S.
23. Jäger, G. Der sprachlichen Bedeutungen – das zentrale Problem bei der Translation und ihrer wissenschaftlichen Beschreibung [Текст] / G. Jäger // Bedeutung und Translation. – VEB Verlag Enzyklopädie Leipzig, 1986. – S. 5 – 66.
24. Jäger, G. Theorie der sprachlichen Bedeutungen und Translation // Semantik und Übersetzungswissenschaft [Текст] / G. Jäger. – VEB Verlag Enzyklopädie Leipzig, 1983. – S. 53 – 61.
25. Jäger, G. Translation und Translationslinguistik [Текст] / G. Jäger. – VEB Max Verlag Halle (Saale), 1975. – 214 S.

УДК 821.161.1

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОВЕСТИ Е. ГУРО

«ЖИЛ НА СВЕТЕ РЫЦАРЬ БЕДНЫЙ...»

К. В. Синегубова

SPATIO-TEMPORAL MATRIX OF STORY «THERE WAS A POOR KNIGHT...»

BY ELENA GURO

К. V. Sinigubova

В статье рассматривается специфическая пространственно-временная организация повести Е. Гуро «Жил на свете рыцарь бедный...» и воплощение временных категорий в пространственных образах.

The article is devoted to the specific character of spatio-temporal matrix of story «There was a Poor Knight...» by Elena Guro and the objectivation of time by means of spatial images.

Ключевые слова: Гуро, художественное пространство, художественное время.

Keywords: Guro, spatio-temporal matrix.

Последнее произведение Е. Гуро, лирическая повесть «Жил на свете рыцарь бедный...», привлекала внимание многих литературоведов [5]; как правило в центре внимания исследователей оказывался образ главного героя, Бедного Рыцаря, и комплекс философско-этических представлений, отразившихся в повести. Бедный Рыцаря позиционируется в тексте как вестник будущего, чем и обусловлено его отличие от других персонажей повести. Актуализация темы будущего, с одной стороны, подтверждает неслучайность принадлежности Гуро к группе «будетлян», а с другой – вписывает ее творчество в контекст теургических исканий Серебряного века. Специфика воплощения категории будущего в тексте приводит к необходимости рассмотреть пространственно-временную организацию повести «Жил на свете рыцарь бедный...» (в редакции, подготовленной и изданной в 1997 г. Е. Биневицем) в сопоставлении со спецификой реализации категорий пространства и времени в русском футуризме. Для Серебряного века в целом характерно переосмысление категории времени. Как пишет О. В. Лазаренко, многими авторами начала XX века «время перестало восприниматься как объективное, историческое, связанное с реальным бытием» [3, с. 79]. Своеобразное понимание категории времени характерно и для футуризма, И. Смирнов отмечает тесную связь пространства и времени в произведениях футуристов, которая приводит к формированию «концепции пространственного времени» [4]. Таким образом, параллельное рассмотрение категорий пространства и времени в тексте Гуро обусловлено не только истонченной связью этих двух форм бытия (что отразилось в понятии «хронотопа» М. Бахтина), но и усилением этой связи в футуристическом миропонимании.

Сближение временных и пространственных категорий наблюдается еще в «Шарманке» (1909), первой книге Е. Гуро. В рассказе «Песни города» намечается возможность описания времени через пространство: наступление особенного дня, «самого громадного и страшно короткого», выражается через пространственный образ двери: «Просто отворится дверь. Сегодня началось» [2, с. 21]. Образ двери, традиционно являющийся пространственной

границей, в данном случае выступает как граница временная, граница между двумя ценностно неравнозначными днями.

Воплощение временных категорий в пространственных образах наблюдается также в итоговом произведении Е. Гуро «Жил на свете рыцарь бедный...» В этом тексте парадоксально сочетаются ослабление значения хронологии и повышенная значимость будущего времени. Хотя некоторые фрагменты повести начинаются с прямого указания на время: «было Воскресенье», «Рождество», «во вторник до 12 часов», следует отметить, что локализация во времени присуща далеко не всем событиям повести. Более того, часто невозможно определить какой промежуток времени отделяет одно событие от другого. Так, в финале первой части повести временные рамки предельно размыты: «И пришло время, что перестала видеть сына» [1, с. 74]. К ослаблению причинно-следственных связей приводит и фрагментарная композиция повести.

На протяжении всего текста указания на время имеют символический характер, они отсылают либо к суточному или годовому циклу, либо к какому-либо христианскому празднику и, скорее, подчеркивают ценностную значимость того или иного события, соотношенного с одним из моментов природного или христианского календаря, чем помогают выстроить хронологическую последовательность событий.

На то, что события повести расположены в хронологическом порядке, указывает только развитие отношений Эльзы с ее сыном, Бедным Рыцарем: Эльза постепенно знакомится с «идеями» Бедного Рыцаря, проходит через ряд сомнений и искушений и, наконец, достигает необходимого уровня просветления, когда она уже не видит сына, но сохраняет душевный покой и веру: «радость ее была во все дни неисчерпаема» [1, с. 74].

Временная локализация отдельных событий повести играет далеко не такую важную роль, как ярко выраженная оппозиция настоящего и будущего. Думается, повышенная ценностная значимость будущего связана с идеей кардинального преобразования мира. Согласно О. В. Лазаренко, начало XX века было отмечено «футурологическим взрывом», при-

чем будущее напрямую соотносилось с инобытием [3, с. 81]. Бедный Рыцарь подчеркивает свою связь с будущим, называет себя вестником и часто говорит с Эльзой о наступлении времени, когда мир станет принципиально иным. Возможно, именно идея преображения мира приводит к необходимости выражения временных понятий через пространственные координаты, в связи с чем повышается значимость категории пространства в тексте. Если течение времени практически не ощущается героями (исключение составляет трехдневное ожидание Эльзы в самом начале текста), то на пространстве, отдельные локусы и границы между ними, сосредоточено внимание как автора, так и героев.

Важность категории пространства определяется тем, что уже в первой строке обозначается личное пространство героини и граница этого пространства: «В доме госпожи Эльзы было окно...». И в дальнейшем комната Эльзы и окно будут играть немаловажную роль в тексте. Кроме частого упоминания этих пространственных образов, на их значимость указывает и их специфическое описание. Например, окно «высокое точно небосклон» и в своей чистоте и ясности сравнивается с прекрасными глазами [1, с. 13]. Ценностные характеристики окна относятся не только к самому окну, но и к пространству за ним, так как окно выполняет функцию границы между личным пространством героини и всем остальным миром, в первую очередь с небом, потому что из окна видно именно розовое небо.

Благодаря тому, что взгляд героини изначально устремлен вверх, к небу, в повести намечается вертикальная организация пространства, оппозиция верха и низа. Небо, и вообще верх, характеризуется как пространство сакральное: через окно Эльза видит, как «воздвигается вечер» и «переплет окна нарисовал <...> темный крест» [1, с. 41]. Для описания неба Гуро использует лексику, имеющую дополнительную семантическую нагрузку – отсылку к христианской традиции. Оппозиция верха и низа актуализируется и при упоминании нравственных категорий, которые получают в повести пространственную локализацию: «Здесь скопились самые темные лучи гнева и ненависти, так как все лучшее *поднялось* [курсив наш – К. С.] над этим...» [1, с. 34]. С точки зрения Эльзы, небо — более совершенное место, чем земля, она просит Рыцаря: «Уйди в небо, где не обижают» [1, с. 67]. Небо представлено как исконное пространство Бедного Рыцаря, ангелов и Христа. Духовное прозрение героини также связано с ее перемещением вверх, в небо, «до первой сферы». Во время искушения Сатана стоит на «несоразмерной высоте». Но когда Эльза преодолела и это искушение, «все провалилось», таким образом «возвышенное» положение Сатаны показано как ложное, на самом деле Сатана связан с низом [1, с. 18].

Устойчивое противопоставление верха и низа нарушает центральная фигура повести – Бедный Рыцарь. Он стремится вниз, к земле, и это стремление обусловлено именно тем, что земля «поруганная» и «обездоленная». Негативные характеристики земного пространства делают его более ценным в

глазах главного героя, воплощающего собой «милосердие и сострадание» [1, с. 34]. Рыцарь дает земле такие эпитеты, которые не вписываются в традиционную оппозицию сакрального пространства неба и грешного земного мира: Рыцарь называет землю «добрым Духом». Эльза также принимает точку зрения Бедного Рыцаря и понимает, «что земля – святая» [1, 49]. Так в образе земли сочетаются противоположные оценочные характеристики, что связано не только с разными точками зрения, но и с изначальной противоречивостью этого образа.

Мысль об амбивалентности земного пространства подтверждают слова Бедного Рыцаря о домах: «часто здесь дома становятся тюрьмами и местами бойни... Но если увидишь дом радости – радуйся» [1, с. 25]. Внутри пространства земли Бедный Рыцарь выстраивает еще одну оппозицию, связанную с этическими категориями: дома (локусы) делятся на тюрьмы и дома радости. Рыцарь акцентирует внимание Эльзы не на традиционной оппозицией верха и низа, а на нравственном «наполнении» земного пространства. С этой точки зрения важно не столько расположение определенного локуса на вертикальной оси, сколько обитатели места и их действия. В повести показано преобразование пространства через духовные усилия: «Так она стерегла ему дорогу в свое жилище, чтобы темные силы не застигли ее. Так она должна была верить, чтобы тот, ради кого она живет, не потерял к ней дороги» [1, с. 16]. Пространство комнаты Эльзы доступно для Рыцаря до тех пор, пока Эльза верит в него. «Дорогой молитвы и любви» [1, с. 76] прилетает к своей возлюбленной Фенист, герой вставной сказки во второй части повести.

Наряду с зависимостью ценностного наполнения пространства от состояния героев, Гуро ставит проблему несоответствия пространства и его обитателей: «Из комнаты, где надыхал он своей невинной верой в нее и сном, она вынуждена была часто выйти, иначе душило ее за горло и слезы жгли глаза и смятение было ей не по силам» [1, с. 67]. В данном случае героиня из-за своих сомнений, которые в авторской системе ценностей имеют крайне негативное значение, не соответствует пространству комнаты. В другом эпизоде Эльза сетует на то, что ее комната недостаточно хороша для Рыцаря: «Нелегко такую птичку держать в доме. Надо очень уж держать все чисто, совсем это нелегко» [1, с. 67]. Речь здесь идет, конечно же, о чистоте помыслов и твердости веры самой Эльзы, которой и соответствует ее жилище. В свете сказанного становится понятно, почему нисхождение Рыцаря на землю вызывает такое негодование духов: он попадает в пространство, которое не соответствует его статусу, духу на земле не место. Понятно, почему на земле, которая сама Дух и святая, Рыцарь терпит издевательства и побои: земля еще недостаточно чиста и просветлена, на ней лежит «налет страдания и недобрых раздраженных мыслей» [1, с. 19], которые превращают землю в нечистое пространство, хотя и не отменяют ее святости.

В аспекте ценностного разделения земного пространства на «чистое», положительное и «нечистое», негативное, актуализируется и классическая оппозиция «город – природа». Город не получает однозначной оценки, в одном из фрагментов повести мы видим город, который «освобожден весной», город в полете: «летит трамвай, летит студент» [1, с. 45 – 46]. В другом эпизоде по городским улицам, никем не видимый, проходит Христос. Но в то же время городское пространство может быть наделено негативными характеристиками: фонарь в переулке сравнивается со звездой Вифлеемской, а пьяницы разбивают этот фонарь палкой, в результате чего источник света превращается в источник тьмы: «в переулке теперь коптило». Авторская оценка какого-либо локуса напрямую зависит от людей, находящихся в этом локусе, само по себе пространство в его материальном воплощении ценностно нейтрально, поэтому возможно противопоставление города и некоторых его составляющих: «камни мостовой были невинны от городских грехов» [1, с. 46], «и маленькие искупленные души заборов – оттаивали со снежком» [1, с. 54].

В описании природного пространства, основной которого является земля, подчеркивается не только страдание, унижение, но и возможность просветления и преображения, которое происходит с помощью Бедного Рыцаря: «Он входил в облака и в животных, в деревья, цветы и метелки трав, независимо от их величины. И всегда было слезное просветление вещи» [1, с. 25]. Страдание земли показано как недолжное, главный герой, Бедный Рыцарь, преисполнен сочувствия к земле, в связи с этим земной мир получает двойственную характеристику. С одной стороны, такие эпитеты, как обездоленная, униженная, являются неотъемлемыми характеристиками земли, но в то же время подчеркивается любовь Рыцаря к земле и готовность принести себя в жертву ради искупления и освобождения материального мира.

Таким образом, решающее значение имеют не постоянные характеристики нижнего, земного пространства, а его принципиальная изменчивость. Просветление, преображение пространства может совершаться, как Рыцарем, так и обычными людьми, не духами: «И так радостно было, что медовые были строила, янтарные столбы, из яркого луча оконные переплеты» [1, с. 55], «хорошо, когда от людей вот так идут лучи» [1, с. 15]. Кроме того, в тексте заявлена изначальная святость земного мира и его грядущее просветление и преображение.

В свете вышесказанного, следует обратить особое внимание на комнату госпожи Эльзы, которая является пространством героини и несет на себе отпечаток ее личности. Эльза предстает как мать Бедного Рыцаря, благодаря любви к сыну она преодолевает свою греховную природу и постепенно приходит к просветлению. Рыцарь, воздушный юноша, играет в жизни Эльзы гораздо большую роль, чем ее связи с обыденным, земным миром. В описании комнаты Эльзы подчеркивается ослабленная связь с остальным земным пространством, главное место в

ней занимает окно, через которое видно небо. В пространстве комнаты намечен как выход в небо, так и выход к земле, вниз, через темный коридор и лестницу, но сам момент спуска по лестнице никогда не изображается, хотя Эльза неоднократно покидает свою комнату. Зато неоднократно изображается уход Рыцаря через стеклянную дверь балкона, где «не было лестницы, но зато был розовый закат» [1, с. 14].

Кроме оппозиции верх-низ, в образе комнаты так же выражена оппозиция свое-чужое, противопоставлены пространство комнаты и пространство за ее пределами. Выход из пространства комнаты не имеет принципиального значения для Эльзы: она может понимать и принимать слова Рыцаря и в комнате, и за ее пределами (во время прогулки), пересечение границы чужого пространства может привести к осознанию некой мистической истины, а может иметь бытовой характер (пошла за покупками). Но для рыцаря пребывание за пределами комнаты связано не только с его миссией просветления материального мира, но и с истязаниями. В ряде случаев рыцарь покидает комнату не по своей воле: «И часто за тобой приходят нездешние. И они оставляют в комнате клочья мрака и уведат тебя. И когда ты возвращаешься, руки твои измучены» [1, с. 29]. Выводят Рыцаря и из сакрального пространства Светлой Горницы, причем муки его начинаются сразу же за порогом, героиня видит брызги крови на стене у входа. Преодоление границы своего пространства приводит к страданиям героя, но оно необходимо в свете жертвенной миссии Бедного Рыцаря.

Пространство за пределами комнаты, реализованное как чужое, таит в себе опасность, в то время как стены комнаты должны выполнять защитную функцию. Пространство за пределами комнаты может изменяться, обычно видимое за окном розовое небо сменяется темнотой: «За стеклами стоял пустой хаос... Сквозь стены входило, точно стены перестали защищать» [1, с. 54]. В данном фрагменте мы видим, что не героиня пересекает или каким-то образом разрушает границу между своим и чужим пространствами, а сама граница исчезает. Думается, это событие имеет мистическое объяснение, так как с подобным, самопроизвольным размыканием пространственных границ связано и искушение героини: «Раз, когда Лиза (в тексте повести имя героини варьируется, что, возможно, связано с неоконченностью текста) лежала на кровати, уничтожился над нею потолок». Размыкание границ происходит в верхней части комнаты и продолжается за ее пределами, размыкается само небо: «раскрылись синие пространства, звезды стали над звездами, ярус над ярусом» [1, с. 18]. Эльза оказывается на дне образовавшейся воронки, а на «несоразмерной высоте» стоит огромный Дух, который говорит о позоре сына Эльзы.

Окно в комнате госпожи Эльзы является границей не только в пространственном аспекте. Возле окна Эльза сидит и мечтает, и тут же в тексте уточняется, что она не мечтает, а ждет. Окно становится не только пространственной, но и временной грани-

цей, которая отделяет ожидание героини в прошлом и те события, которые происходят с ней в настоящем. Мотив окна реализуется и во вставной сказке о Фенисте Ясном Соколе, в которой Фенист рассказывает своей возлюбленной сказки и называет их «сказками твоего [возлюбленной] окошка» [1, с. 76]. «Окошко» как бы сосредоточивает в себе тот мистический мир, которому принадлежит Фенист, и является границей между реальным и идеальным мирами.

Пересечение границы, обозначенной окном, возможно в двух вариантах: Рыцарь и Фенист действительно пересекают эту границу и бывают в двух мирах, а Эльза и возлюбленная Фениста остаются в комнате, но претерпевают внутренние изменения, в них появляется что-то от идеального мира, о котором они только слышат. Окно выполняет функцию не только границы между мирами, но и связующего звена между героиней и идеальным миром.

Понять значение окна как связующего звена помогает эпизодический персонаж, «одна знакомая», которая как будто на расстоянии слышит разговоры Эльзы и Рыцаря и беспокоится о тех же самых первых весенних цветах, за которые тревожится Эльза. Она абсолютно правильно реагирует на слова Бедного Рыцаря: радуется и благодарит, в отличие от самой Эльзы, которая опять сомневается. Эта «знакомая» возвышенный двойник Эльзы, тот идеал, которого не может достигнуть главная героиня. Она живет в «очень большой комнате со стеклянным потолком, очень высоко», [1, с. 28] и место жительства является ее единственной характеристикой. Подчеркивается более высокое, по сравнению с комнатой Эльзы, расположение комнаты, ее близость к небу и почти полное отсутствие преграды между комнатой и небом, что, несомненно, обуславливает ее более сильную веру.

В тексте есть еще одна комната – Светлая Горница, пространство Рыцаря, в котором он говорит с людьми, выступая при этом в роли спасителя: «Собрались в комнату белую спасенные от ночи до утра» [1, с. 36]. Локус Христа в тексте также назван горницей: «И просил [рыцарь] Архангела не вводить его в горницы Христа, а оставлять его у порога дверей, не вводя» [1, с. 20]. Связь Христа с пространством комнаты, горницы позволяет пребывание любого героя, в том числе и Эльзы, в собственном пространстве трактовать в положительном ключе.

Тем не менее, однажды открытое, просторное небо противопоставляется тесному потолку. Происходит это в момент, когда размыкание границ комнаты связано с духовным прозрением героини: Эльза поднимается над своим домом, «до первой сферы», и видит сияние, идущее от земли, «как от святого Духа». С этого момента Эльза начинает видеть мир иначе: вместо перекопанной гряды, на которой раньше росли ирисы, она сверху видит, что ирисы все еще растут, а вернувшись в комнату – видит две гряды: одну перекопанную, а другую с ирисами [1, с. 33]. Этот эпизод можно трактовать двояко. Возможно, Эльза видит одновременно прошлое и настоящее, или, что больше соответствует основным

идеям повести, свершившееся уничтожение красоты не мешает Эльзе продолжать видеть ее. Таким образом, пересечение пространственных границ влечет за собой качественные изменения в сознании Эльзы. Общение с Рыцарем, который также связан с другим миром и который пересекает границу миров, приводит к тому же результату. То, что бедный рыцарь является для Эльзы воплощением ее связи с иным миром, отразилось в эпизоде превращения Рыцаря в мостик, по которому Эльза перешла на другой берег [1, с. 21].

Изменения в сознании Эльзы вызваны предвестием о грядущем преображении мира, которое у Гуро соотносится с Апокалипсисом. Рыцарь и Эльза разговаривают о Страшном Суде, событии, после которого мир претерпит качественные изменения и наступит Будущее. Наступление Будущего показано как одномоментное событие: «Счастье забвения и прощения всем в единый миг времени» [1, с. 84].

При этом будущее время описано в пространственных категориях, используется образ здания, равного мирозданию: «Двери высоки и горят как жар янтарный. Голубые потолки как небо...» [1, с. 37] Таким образом, будущее существует одновременно с настоящим, но отделено от него так, как одно пространство отделено от другого. Переходное состояние мира обозначено метафорой открытой двери: «Настают часы, трудные для вас... Двери открылись» [1, с. 80]. Двери здания открываются, чтобы выпустить в мир рыцарей, подобных главному герою, «рыцарей страдания». Таким образом, Рыцарь приходит из будущего, чем и объясняется его осознание собственной несвоевременности и неподготовленности слушателей. Образ приблизившейся двери появляется и во включенном в текст повести стихотворении, которое озаглавлено «Богородице» и повествует о будущем, которое принесет Христос. Дверь, таким образом, понимается как граница во времени, которая актуальна для всего мира, в то время как окно символизирует временную границу для одной Эльзы.

Но дверь существует не только между настоящим и будущим, но и между одновременно существующими мирами, в том числе она может быть границей inferнального мира, и в таком случае открытая дверь имеет отрицательное значение: «и в темноту и смрад открылись двери... Им понадобилась дверь в темноту и они открыли ее. Там была их родина и через отверстие протянулись чернь и смрад того жилища» [1, с. 38]

Таким образом, не только комната Эльзы представляет собой замкнутое пространство, из которого есть разные выходы: прямо в закат и вниз по лестнице, – но и весь мир представляет собой такое замкнутое пространство, из которого есть двери как в темноту, так и в зарю.

В таком контексте закономерно использование Рыцарем пространственной метафоры для обозначения духовной работы над собой и миром: «Будьте лестницами» [1, с. 80]. Эта формула соотносится с христианской традицией, в частности с Лествицей Иоанна Лествичника, которая могла быть знакома

Гуро по соответствующей иконе. Быть лестницей – значит, во-первых, стремиться к нравственному самосовершенствованию, а во-вторых – быть проводником для других, каким Рыцарь является для Эльзы.

Во второй части повести, в «Поучениях Светлой Горницы» возникает мотив преграды а пути. Наиболее образное воплощение этот мотив находит во вставной сказке о Фенисте Ясном Соколе: окно его возлюбленной злые сестры усыпают стеклами. Этот мотив расширяется далее в основном тексте: «Горе нам, мы тропинки твои закидали осколками стекол и раскаленными гвоздями засеяли» Адресат этой реплики не назван, но можно предположить, что это Бедный Рыцарь, и имеются в виду не физические преграды, а неверие людей. «Неверие лежит на мне, как затворы» [1, 33].

Таким образом, в повести «Жил на свете рыцарь бедный...» пространственные метафоры используются для обозначения нравственных категорий, таких как вера, духовное самосовершенствование (лестница), неверие, сомнения (преграда на пути). Временные категории также воплощаются в пространственных образах, и будущее, представленное как здание с закрытыми пока дверями, представляет собой форму инобытия.

Литература

1. Гуро, Е. Шарманка / Е. Гуро. – СПб., 1909.

2. Гуро, Е. Жил на свете рыцарь бедный... / Е. Гуро. – СПб., 1997.

3. Лазаренко, О. В. Категория будущего в литературе и философии начала XX века / О. В. Лазаренко // Время Дягилева. Универсалии серебряного века: материалы третьих Дягилевских чтений. Вып. 1. – Пермь, 1993. – С. 78 – 88.

4. Смирнов, И. Художественный смысл и эволюция поэтических систем / И. Смирнов. – М., 1977.

5. Гурьянова Н. «Бедный рыцарь» и поэтика алхимии: феномен «творчества духа» в произведениях Е. Гуро // *Studia Slavica Finlandensia*. 1999. – Т. 16, 1. Школа органического искусства в русском модернизме. Helsinki. 1999; Минц, З. Г. Футуризм и неоромантизм. К проблеме генезиса и структуры «Истории Бедного рыцаря» Ел. Гуро // Поэтика русского символизма. СПб: Искусство – СПб, 2004. – С. 317 – 327; Топоров, В. Н. Миф о воплощении юноши сына, его смети и воскресении в творчестве Елены Гуро // Серебряный век в России. С. 400 – 427; Тырышкина, Е. Религиозная концепция Е. Гуро и принципы авторской репрезентации в свете апокрифической традиции // *Studia Slavica Finlandensia*. – 1999. – Т. 16, 1. Школа органического искусства в русском модернизме. Helsinki. 1999; Цимборска-Лебода, М. «Вершины Эроса». Эротика и эрзетика Е. Гуро // *Studia Slavica Finlandensia*. – 1999. Т. 16, 1. Школа органического искусства в русском модернизме. Helsinki. 1999.

УДК 811.11.2'.373.2

КОНЦЕПТ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА

Р. М. Скорнякова

CONCEPT AS FUNCTIONAL SYSTEM

R. M. Skornyakova

С позиций лингвокультурологического подхода концепт рассматривается как динамическая функциональная система, способная к саморазвитию и самоорганизации в процессе функционирования. Функциональность концепта как системы отражает его способность к проявлению новых свойств репрезентирующих его единиц, приобретению доминирующего или периферического характера его компонентов (ядро – периферия).

According to the lingua-cultural approach concept is interpreted as a dynamic functional system capable of self-development and self-organisation while its functioning. Functionality of a concept as a system reflects its capacity to show new features of its representatives and to acquire dominant or peripheral properties of its components (kernel – periphery).

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая картина мира, концепт, функциональная система.

Keywords: linguistic-culturology, linguistic worldview, concept, functional system.

В рамках лингвокультурологического подхода, который положен в основу настоящего исследования, языковые средства, репрезентирующие концепт, рассматриваются с точки зрения их роли в отображении культурного содержания в значениях языковых единиц. С этой точки зрения, для научного контекста нашей работы актуально положение В. А. Пищальниковой о том, что **значение и концепт** отражают разные параметры языкового содержания: «Если значение в основном вычленяет и фиксирует

составные части содержания (элементы) языковой единицы, то концепт моделирует его порождение и функцию» [6, с. 77].

Следовательно, с позиций одной из новых научных дисциплин – лингвокультурологии, которая в качестве основного объекта исследования рассматривает концепт, происходит смещение внимания к функциональной стороне языка, поэтому концепт понимается нами не как пассивное хранилище язы-

ковых средств, а как *динамическая функциональная система*.

Идея *функциональной системности*, имеющая давнюю традицию, разрабатывалась как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Так, согласно В. фон Гумбольдту, язык представляет собой вечно порождающий себя организм: «Язык следует рассматривать не как мертвый продукт (*Erzeugtes*), но как *созидающий процесс* (*Erzeugung*)» [2, с. 69]. Акцентируя необходимость рассмотрения языка как процесса, В. фон Гумбольдт вовсе не исключает возможности исследования языка как продукта, результата этого процесса. Он лишь подчеркивает, что именно процесс постоянного взаимодействия с духовной деятельностью и есть истинное бытие языка, его феноменальная эволюция. Язык и дух тождественны функционально, хотя основания такого функционального слияния двух разных феноменов остаются для него неясными.

А. А. Потебня в книге «Мысль и язык», вслед за В. фон Гумбольдтом, подчеркивает деятельностный характер языка в своем учении о внутренней форме слова. Выделяя *значение* и *представление*, ученый называет представление внутренней формой и рассматривает его как структурообразующий элемент значения, подчеркивая, что слово служит лишь точкой опоры для мысли. Способ организации значения, по А. А. Потебне, может изменяться изнутри, потому что под влиянием конкретных условий познавательной деятельности изменяется доминантный признак познавательной структуры, соотносимой с данным словом. В его лингвистической концепции сущность языка понимается как беспрестанное стремление к совершенствованию языковых форм, как постоянное развитие: «Язык есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее, он не отражение сложившегося мирозерцания, а слагающая его деятельность» [7].

Функциональный характер системности отмечает и американский ученый Э. Сепир. В его концепции, язык есть вполне оформленная *функциональная система* в психической или «духовной конституции человека». Понимание значения как принципиально динамической структуры, позволяет ему сделать следующий вывод: «Следовательно, в языке постоянна лишь его внешняя форма; внутреннее же его содержание, его психическая значимость и интенсивность меняется в зависимости от того, на что обращено внимание, каково направление умственной деятельности, и от общего умственного развития» [8, с. 134].

Еще более определенно говорит об этом А. А. Леонтьев. Он отмечает, что «система языка выступает в реальном развитии языка как известная форма взаимодействия составляющих процесса развития – как его образующих, так и условий. Это те факторы, взятые как целое, которые обуславливают употребление в данный момент именно данного элемента, в их взаимной обусловленности» [3, с. 62]. Ученый называет данные факторы общественными и подчеркивает их роль в реализации заложенных в самом языке возможностей его организации и раз-

вития: «Но общественные факторы имеют свою «точку приложения» не в языке как абстрактной системе, а в совокупности конкретных речевых ситуаций, в речевой деятельности. Именно в речевой деятельности осуществляется воздействие на язык этих социальных факторов, и лишь через ее посредство они отражаются в языке как таковом» [3, с. 29].

В разработку теории функциональных систем основополагающий вклад внес и П. К. Анохин. Ученый рассматривает функциональную систему как самоорганизующуюся динамическую структуру, вся деятельность которой обеспечивает тот или иной полезный для системы результат [1]. Иначе говоря, он формулирует теорию саморегуляции функциональных систем, утверждая, что при необходимости элементы функциональных систем могут взаимозаменяться (саморегулироваться). Аналогичным образом можно охарактеризовать **концепт как функциональную динамическую самоорганизующуюся систему**.

В процессе разных видов деятельности индивида (физической и умственной, в том числе и речевой) ее мотивы изменяются, и, следовательно, модифицируется ее цель. А ведь именно цель речевой деятельности является главным фактором, образующим системность речи. Таким образом, в изучении концепта, представляющем то или иное культурное содержание, важно определить **доминантный мотив**, влияющий на структурирование концепта (на взаимодействие и иерархию его составляющих). Проявляем эту закономерность на примере концепта «труд» в немецкой и русской языковой картине мира.

Традиционно считают, что функциональные связи, т. е. связи между элементами системы с точки зрения их функций, можно условно разделить на внутренние и внешние. Первый вид функциональных связей выделяется внутри системы. Так, функция одного из элементов системы по отношению к другому или другим элементам выявляется, например, в рамках лексико-семантической группы с доминантой *труд/Arbeit*. Однако с позиций функциональной системности синонимия рассматривается как свойство, характерное лишь для определенного состояния языковых систем. В этой связи В. А. Пичальникова отмечает: «Синонимы» – это отдельные, зафиксированные «точки» эволюции некоего значения. Это «становящиеся», осуществляющиеся, приобретающие бытийность новые значения, репрезентированные новыми субстанциями» [5, с. 57]. В реальном функционировании слово в зависимости от мотива речевой деятельности может утрачивать синонимические связи с конститuentами указанной лексико-семантической группы. Так, во фразе *Тоже мне работа! Она же ничего не делает!* у слова *работа* реализуется скорее противоположное понятийное содержание, позволяющее ему включиться в лексико-семантическую группу *лень/Faulheit*. Следствием этого является не только изменение структуры названных лексико-семантических групп, но и всего лексико-семантического поля, конститuentами которого они являются.

Внешние функциональные связи, т. е. связи за пределами интересующей нас системы, дают возможность установить:

во-первых, связи между разными системами,

во-вторых, связи между анализируемой системой и окружающей действительностью.

Примером первого вида являются внешние связи концепта, т. е. связи концепта «труд» с другими концептами, прежде всего, с концептом «лень», что оправдывает рассмотрение антонимических связей номинантов исследуемого концепта. Причем с учетом функционального характера системности антонимия, так же как и синонимия, не рассматривается как константное свойство языковых систем. В процессе функционирования в зависимости от мотива речевой деятельности слова-антонимы, вербализующие концепты «труд» и «лень», могут утрачивать антонимические связи и, наоборот, слова-синонимы, репрезентирующие концепт «труд», могут становиться антонимами. Так, лексема *лень* не вступает в антонимические отношения с номинантами труда в том случае, когда речь идет о созидательном характере лени, ср.: *Лень – двигатель прогресса; конструктивная лень*. Более того, в одной и той же лексеме может реализовываться противоположное понятийное содержание. Так, в ироническом изречении *Где бы ни работать, только бы не работать*, выражающем одну из жизненных стратегий носителей русского языка, в глаголе *работать* актуализируются противоположные семы, поэтому он может быть одновременно отнесен и к лексико-семантической группе с доминантой *труд*, и к лексико-семантической группе с доминантой *лень*. В результате этого изменяется не только соотношение компонентов лексико-семантических групп с доминантами *труд/Arbeit* и *лень/Faulheit*, но и структура лексико-семантического поля в целом.

В реальном функционировании связи между системой языка и культурой, представляющие наибольший интерес с точки зрения лингвокультурологического подхода, учитывают иерархию и степень влияния различных культурологических факторов (исторических, экономических, социальных, общественно-политических) на функции элементов системы. Так, новые тенденции в сфере трудовой деятельности Германии и России приводят к возникновению неологизмов и эвфемизмов, в которых фиксируются новые отношения между выделяемыми компонентами концепта «труд». Немало новых номинаций связано в частности с проблемой безработицы. В настоящее время эта проблема особенно обострилась в связи с финансовым и производственным кризисом, который коснулся как Германии, так и России. Так, в Германии акции протеста против сокращения рабочих мест и увольнений приводят к образованию неологизмов-эвфемизмов, ср.: *schlanke Produktion, verschlanken, schlanker Staat, die Schlankheitskur*. В основе указанных слов лежит прилагательное *schlank* (стройный, тонкий). Этими эвфемизмами, сравнительно недавно появившимися в немецком языке, называют стратегию производства, при которой сокращаются рабочие места. По-

добная закономерность характерна и для русского языка. Обострившаяся проблема безработицы за последние несколько месяцев вызвала к жизни следующие новообразования эвфемистического характера: *отправить за ворота, остаться на улице, работать за того парня* (т. е. работать за уволенного).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что соотношение системы языковых средств, вербализующих концепт, задается культурологически. Это соотношение динамическое, формирующееся в процессе функционирования, задает новую структуру концепта и новую иерархию его компонентов. Примером может служить соотношение в современном немецком языке таких номинантов концепта, как *die Arbeit* и *der Job*. Лексема *der Job* была заимствована из американского английского языка после 1945 г. В настоящее время она получила широкое распространение, первоначально в языке молодежи, а затем и в официальной речи. Закрепляясь в немецком языке, это заимствованное слово постепенно начинает конкурировать с исконно немецким словом *die Arbeit*, что находит отражение в его вытеснении не только в употребительных сложных словах, но и в устойчивых словосочетаниях. Данную тенденцию можно объяснить только изменением структуры и содержания концепта. По мнению В. А. Пищальниковой, «иноязычное влияние активизируется тогда, когда стабильное реальное равновесие между системой языка и средой его бытования – концептуальной системой – очевидно нарушается» [5, с. 54]. В связи с тенденцией изменения отношения к труду в современном немецком обществе слово *die Arbeit* постепенно получает негативную оценку и как следствие отрицательное эмоциональное содержание, обнаруживаемое в вербальных реакциях ассоциативного эксперимента, которое начинает противоречить понятийному содержанию. Чтобы устранить эту дисгармонию, система языка начинает самоорганизовываться. Целью эволюции является стабилизация системы. Поэтому все более употребительным становится заимствованное слово *der Job*, которое характеризуется нейтральностью с точки зрения оценки и эмоционального содержания.

Из понимания концепта как функциональной системы, т. е. приобретающей свои свойства в процессе функционирования, вытекает иной взгляд на его *иерархическую структуру*. Применительно к такому объекту исследования, как концепт, иерархичность проявляется в том, что ядро и периферия концепта не являются постоянными: компоненты концепта приобретают доминирующий или периферический характер в процессе реального функционирования языковой системы как репрезентанта культуры.

Наиболее ярко иерархичность проявляется в структурном моделировании концепта. Базовый слой и когнитивные слои, формирующиеся из когнитивных признаков, представляют собой ядро концепта «труд». Интерпретационное поле, включающее представления немецкого и русского этносов о труде, относится к периферии концепта. Однако в процессе функционирования иерархия структурных элементов

(ядро – периферия), а также их корреляция друг с другом как составляющих сложной целостности могут изменяться. Так, под влиянием модификации взглядов на труд в современном немецком и русском обществе периферийные структурные компоненты, выраженные, например, граффити, авторами которых являются молодые люди, могут становиться для них ядерными. При этом граффити отражают иную систему ценностных ориентаций молодежи, отличную от системы ценностей старшего поколения. В частности, они свидетельствуют о том, что молодые люди воспринимают работу как вынужденную необходимость, ср., в немецком языке: *Bei uns kann jeder werden, was er will – ob er will oder nicht.* – У нас каждый может стать, кем хочет, – хочет он этого или не хочет; *Ich liebe die Freizeit, für sie würde ich sogar arbeiten!* – Я люблю свободное время, ради него я бы даже не отказался поработать! Подобное отношение к труду зафиксировано и в русскоязычных граффити: *Уčenje – свет, а неучење – чуть свет и на работу; Болезнь-мигрень: есть охота, а работать лень; Хватит работать, пора зарабатывать!*

В содержательном плане иерархичность концепта можно продемонстрировать на примере семантического моделирования фрагмента языковой картины мира в синхронии. С этой точки зрения, на основе содержания элементов (языковых единиц) устанавливается следующая иерархия: самыми объемными образованиями являются лексико-семантические поля немецкого и русского языков, которые, в свою очередь, подразделяются на лексико-семантические группы, названные лексемами *труд/лень* и *Arbeit/Faulheit*, каждая из которых состоит из синонимических рядов. В соответствии с рассуждениями Г. С. Щура об отношениях между ядром и периферией семантического поля [9], ядро анализируемых лексико-семантических полей образует ЛСГ с доминантой *труд/Arbeit*, а к периферии относится ЛСГ, названная лексемами *лень/Faulheit*.

Однако в концепте определяющей становится его культурная значимость, и полевая модель фиксирует, таким образом, иную содержательную структуру концепта. Другими словами, его элементы, соотносимые с компонентами лексико-семантического поля, могут функционально выстраиваться в иные иерархические отношения. В этом смысле показательным является, например, изменение соотношения ядерных и периферийных компонентов лексико-семантических полей, репрезентированных устойчивыми изречениями и афоризмами, обусловленное так называемым **конфликтом мотивов** речевой деятельности. С одной стороны, существует официальная политика государства, в соответствии с которой труд оценивается как созидательная деятельность, приносящая пользу обществу. С другой стороны, каждый гражданин этого общества определяет для себя субъективную значимость трудовой деятельности, степень ее важности по сравнению с официальным статусом. Для носителей немецкого и русского языков, для которых труд не представляет большую значимость, изречения и афоризмы, выражающие эту жизненную уста-

новку, будут относиться к доминирующим, ядерным компонентам лексико-семантических полей, ср. в немецком языке: *Die Arbeit nimmt uns die Zeit weg* – Работа отнимает у нас время; *Sich zu Tode zu arbeiten ist die einzige von der Gesellschaft anerkannte Form des Selbstmordes!* – Работать до смерти – единственная признанная обществом форма самоубийства! Ср. в русском языке: *Дураков работа любит; Всех дел не переделаешь; Рабочий день сокращает жизнь на восемь часов.*

Для концепта как функциональной системы, с одной стороны, характерна *стабильность*, с другой стороны, – *вариативность*. Иными словами, определенные существенные черты и свойства объекта, принимаемые во внимание при моделировании, остаются инвариантными и образуют стабильную основу, а другие сущностные свойства модифицируются, и поэтому рассматриваются как вариативные компоненты концепта. Стабильность функциональной системы концепта обуславливается, прежде всего, константностью языкового значения, которое стабилизируется словом – именем концепта. Под влиянием культурологических факторов различные компоненты значения представляют ядерные или периферийные элементы концепта. При этом устойчивыми в структуре концепта остаются понятие и фонетическая оболочка слова, как значимая материя, что обеспечивает понимание и возможность общения между носителями языка.

Так, в немецкой и русской языковой картине мира работа получает признаки и функции человека, в частности, ей приписывается свойство учить человека, давать ему пропитание. В этом случае *ассоциативное* значение паремий представляет ядерные компоненты концепта, а понятийное содержание и их форма, являющиеся периферийными компонентами, обеспечивают стабильность концепта, ср.: *Работа и кормит, и кормит, и учит; Ремесло – золотой кормилец; Handwerk nährt seinen Meister* (Ремесло кормит своего мастера); *Arbeit ernährt, Müßiggang verzehrt* (Труд кормит, лень проедает).

Кроме того, значение слова может представлять *оценочный* компонент как ядерный элемент концепта, а остальные компоненты значения слова относятся в этом случае к его периферии. Так, значение русской лексемы *трудоголик* в Словаре новых слов и значений [4, с. 827] трактуется следующим образом: чрезвычайно трудолюбивый работник, усердный труженик, т. е. по данным словаря значение этого слова характеризуется положительными коннотациями. Однако в процессе реального функционирования эта лексема может сопровождаться как положительными, так и отрицательными коннотациями, ср.: *Он – трудоголик в хорошем смысле этого слова. Трудоголик – это заразно.* В немецком языке эквивалентом русской лексемы является заимствованное слово *der Workaholic*, которое в толковом словаре определяется следующим образом: jmd., der unter dem Zwang steht, ununterbrochen arbeiten zu müssen [10, s. 1755] – кто-либо, кто испытывает навязчивую потребность беспрестанно работать. Из этой дефиниции следует, что для немецкой

лексемы характерны отрицательные коннотации, которые находят подтверждение и в ее реальном функционировании, ср.: *In 6 Schritten raus aus der Workaholic-Falle* – Программа из 6 ступеней поможет выбраться из западни трудоголизма. Лишь в редких случаях с этим словом могут быть связаны положительные коннотации, ср.: *ein patriotischer Workaholic* – трудоголик-патриот. Стабильность концепта как функциональной системы обеспечивается понятийным содержанием этих слов (человек, который много работает) и их фонетической оболочкой.

Ядерным элементом концепта может быть и эмоциональный компонент значения слова. Так, в высказываниях *И это твоя работа! Полюбуйся на свою работу!* реализуется негативная оценка и как следствие отрицательное эмоциональное содержание значения лексемы *работа*, которое становится доминантным мотивом речевой деятельности и тем самым ядерным элементом концепта. В немецком языке эмоциональный компонент значения лексемы *die Arbeit* выходит на первый план в следующих высказываниях с отрицательной оценкой: *Das ist keine Arbeit! Sollte das eine Arbeit sein?!* Другие компоненты значения указанных лексем образуют в данном случае периферию концепта. Его стабильность обеспечивается понятийным содержанием и фонетической оболочкой этих слов.

Таким образом, с позиций лингвокультурологического подхода концепт рассматривается как динамическая функциональная система, способная к саморазвитию и самоорганизации в процессе функционирования. Функциональность концепта как системы отражает его способность к проявлению

новых свойств репрезентирующих его единиц, приобретению доминирующего или периферического характера его компонентов (ядро – периферия).

Литература

1. Анохин, П. К. Избранные труды: философские аспекты теории функциональной системы / П. К. Анохин. – М.: Наука, 1978. – 400 с.
2. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
3. Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. Изд. 4. – М.: КомКнига, 2007. – 216 с.
4. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х гг. / под ред. Е. А. Левашова. – СПб.: Нева, 1997. – 904 с.
5. Пищальникова, В. А. Общее языкознание / В. А. Пищальникова. – Барнаул: АлтГУ, 2001. – 240 с.
6. Пищальникова, В. А. История и теория психолингвистики. Ч. 2. Этнопсихолингвистика / В. А. Пищальникова. – М.: МГЛУ, 2007. – 227 с.
7. Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня // Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – С. 17 – 200.
8. Сепир, Э. Статус лингвистики как науки / Э. Сепир // Языки как образ мира. – М.: АСТ; СПб: Terra Fantastica, 2003. – С. 129 – 142.
9. Щур, Г. С. Теория поля в лингвистике / Г. С. Щур. – М.: Наука, 1974. – 127 с.
10. Duden Deutsches Universalwörterbuch. – Mannheim; Leipzig; Zürich; Wien: Dudenverlag, 1996. – 1816 S.

УДК 81'271; 82.085; 808.5

ТИПЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В НАУЧНОМ ДИСКУССИОННОМ ТЕКСТЕ

Н. В. Соловьева

TYPES OF SPEECH BEHAVIOR IN THE SCIENTIFIC DISCUSSION TEXT

N. V. Soloviyova

Статья посвящена описанию типов речевого поведения языковых личностей на основе стратегических и тактических предпочтений участников дискуссионного процесса. В соответствии с коммуникативной целеустановкой автора – «кооперативное сотрудничество», «конкуренция», «идеологическая установка» – в научной дискуссии определены три типа речевого поведения – конструктивный, полемический и идеологический.

The article describes the types of language individuals' speech behavior on the basis of strategy and tactics preferences of the participants of the discussion process. In accordance with authors' communicative aims – "cooperative contributions" or "competition" or "ideological" – three types of speech behavior are defined in the scientific discussion – a constructive, a polemical and an ideological.

Ключевые слова: тип речевого поведения, языковая личность, научная дискуссия, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, толерантное речевое взаимодействие.

Keywords: type of speech behavior, language individual, scientific discussion, communicative strategy, communicative tactic, tolerance speech interaction.

Разработка типологии языковых личностей является одним из центральных направлений современной антропоцентрической лингвистики [А. Н. Баранов, Г. И. Богин, С. Г. Воркачев, Д. О. Добровольский, Б. А. Зильберт, Ю. Н. Караулов, В. Г. Костомаров, Л. П. Крысин, О. А. Леонто-

вич, М. В. Ляпон, В. Н. Нерознак, Т. М. Николаева, К. Ф. Седов, О. Б. Сиротина, С. С. Сухих, А. М. Шахнарович и др.]. Определенные сложности в изучении этой проблемы возникают при выборе типологических параметров, поскольку их число может быть бесконечно в виду неисчерпаемой глуп-

бины самого понятия «языковая личность». В связи с этим перед антропологистикой встает задача систематизации параметров и признаков языковой личности, выходящих на типологический уровень, и создания общей и относительно целостной типологической концепции [7, с. 9].

Выделим три группы параметров, лежащих в основе классификаций типологических концепций. Во-первых, это уровневые типологии: например, типология «орфографическая языковая личность», где языковые личности дифференцируются по реализации орфографической способности (фонетико-, фонемо-, морфемо-, семантико- и условно-ориентированная орфографические способности) [22].

Во-вторых, аспектуальные типологии, где в качестве параметров выступают аспекты проявления языковой личности: профессиональный [6]; [26], гендерный [4], соционический [13], локальный («диалектная языковая личность») [10], жанровый («жанро-речевая личность») [14] и др.

В-третьих, функционально-речевые типологии: например, типология языковых личностей по их проявлению в функциональных стилях [5]. Широко известна типология внутринациональных речевых культур [8]; [21]; [24]; [27], где языковые личности дифференцируются по способу реализации дискурсивной деятельности (с учетом уровня владения/невладения литературным языком).

Интересными, на наш взгляд, следует считать критерии классификации, предложенные К. Ф. Седовым [17]; [18] – поведение языковой личности в конфликтных ситуациях, *степень владения/невладения* носителем языка *нормами жанрового поведения* [Курсив наш. – Н. С.]. Речевое поведение языковой личности внутри жанра предопределено стратегиями и тактиками внутрижанрового речевого поведения, поэтому, по мнению автора, *стратегические и тактические предпочтения* (способ оформления социального взаимодействия во внутрижанровом речевом поведении) могут выступать критериями для создания типологии языковых личностей. Например, по доминирующей установке на собеседника выделяется три типа языковых личностей – конфликтный, центрированный, кооперативный, каждый из которых представлен двумя подтипами – конфликтно-агрессивным и конфликтно-манипуляторским, активно-центрированным и пассивно-центрированным, кооперативно-конформным и кооперативно-актуализаторским – соответственно [17]; [18]; [19].

Отметим, что типы речевого поведения выявлены в результате анализа разговорного дискурса. Однако поведение языковой личности (политического деятеля) на основе стратегических предпочтений исследуется в политическом дискурсе [28]. В связи с этим представляется возможным использовать предложенную модель анализа в научных дискуссионных текстах, поскольку они также являются воплощением коммуникативных стратегий и тактик участников дискуссионного процесса, т. е. конкретных языковых личностей. Подчеркнем, что в данной статье типы речевого поведения языковых личностей рассматриваются только применительно к дис-

куссионной ситуации (ситуации конфликта, спора), вне научной дискуссии поведение говорящей личности ученого не анализировалось.

При изучении жанровых основ диалоговедения в научной дискуссии мы исходили из того, что научная дискуссия представляет собой коллективное теоретическое исследование научной проблемы, которое должно ориентироваться на приращение нового научного знания [25, с. 105 – 106] и опираться на критерии научности [20, с. 29]. Одним из таких критериев, на наш взгляд, можно считать принцип толерантности речевого поведения, реализация которого предполагает уважение к чужой позиции в сочетании с установкой на взаимное изменение позиций в результате критического диалога. Толерантность – это поведение человека в ситуации конфликта, подчиненное стремлению достичь взаимного понимания и согласования разных установок, используя гуманитарные возможности. Соответствие научной дискуссии этому принципу означает «соблюдение норм реагирования на высказывание другого, допущение того, что другой может иметь принципиально отличную точку зрения, которую не обязательно принимать, но надо признавать ее право на существование...» [1, с. 87].

Мы дифференцируем жанры научной дискуссии и научной полемики с учетом целевой установки участников диалога: цель дискуссии – *достижение* определенного *согласия* в решении обсуждаемых вопросов; цель полемики – «*победа*» над другой стороной, утверждение собственного мнения, а не выработка взаимоприемлемых решений, т. е. в основе дискуссии лежит диалогическое взаимодействие, направленное на достижение коммуникативного согласия.

Коммуникативно-познавательная деятельность, реализуемая авторами дискуссионных текстов, связана с выражением отношения к идеям оппонента (оценочной деятельностью) и утверждением собственн авторской точки зрения в сознании читателя.

Исследуя тексты научных дискуссий в аспекте толерантности речевого взаимодействия, мы определили коммуникативные стратегии двух типов – *стратегии презентации другого* и *стратегии самопрезентации*, которые в зависимости от коммуникативной целеустановки исследователя могут быть как кооперативными (соответствующими принципу толерантности речевого поведения), так и некооперативными (отступающими от принципа толерантности речевого поведения). Коммуникативная целеустановка кооперативных стратегий – «кооперативное сотрудничество» – заключается в том, что участники дискуссионного процесса, убеждая друг друга, стремятся к установлению истины и получению нового знания. Коммуникативная целеустановка некооперативных стратегий – «конкуренция» – проявляется в том, что авторы, опровергая оппонентов, ориентированы на «победу» над ними.

Коммуникативные стратегии реализуются посредством коммуникативных тактик, поэтому именно тактические предпочтения участников дискуссии позволяют определить коммуникативную целеустановку, т. е. коммуникативное намерение автора (ср.: если речь идет о достижении частных целей в рам-

ках того или иного *жанра* определенного типа дискурса, то говорят либо о локальных стратегиях, либо о *коммуникативных тактиках* – [28]).

Анализ текстов научных дискуссий показал, что стратегии презентации другого и стратегии самопрезентации реализуются в них по-разному. *Стратегии презентации другого*, направленные на выражение авторского отношения к другому (оценивание другого), проявляются либо через «этикетные» тактики, либо через тактики опровержения оппонента, т. е. тактики дискредитации.

Стратегии самопрезентации связаны с утверждением авторской позиции и направлены на доказательство своей точки зрения, убеждение адресата. Они реализуются либо посредством тактик, ориентированных на формирование категоричности и уверенности и тактик убеждения адресата в правильности авторской позиции (персуазивных тактик), либо посредством манипулятивных тактик, демонстрирующих утверждение приоритета собственной позиции.

Этикетные и персуазивные тактики коррелируют с правилами убеждения Г. Ляйтнера [9, с. 24] и правилами ведения корректного спора [11, с. 338 – 345] и являются толерантными. Подчеркивается объективность аргументов, достоверность выводов, недопустимость некорректных приемов при опровержении позиции оппонента. Дискредитирующие и манипулятивные тактики, напротив, принадлежат к нетолерантным, поскольку отступают от правил ведения научных дискуссий в связи с использованием таких некорректных приемов, как отсутствие аргументации как рационального обоснования, игнорирование этических норм, искажение идей оппонента и др.

В ходе анализа материала мы обнаружили, что в научной дискуссии, которая «по законам жанра» предполагает кооперативное сотрудничество коммуникантов, встречается речевое поведение, характерное для полемики с ее установкой на соперничество и конфронтацию. На наш взгляд, эти различия обусловлены проявлением разных типов личностей авторов дискуссионных текстов. Как подчеркивает Т. Н. Колокольцева, «по отношению к каждой языковой личности можно говорить о доминирующем типе речевого поведения. В силу индивидуально-психологических особенностей, личностных установок, уровня образования и ряда других факторов выделяются субъекты, тяготеющие к гармоничному [толерантному речевому взаимодействию – Н. С.] или негармоничному речевому поведению [нетолерантному речевому взаимодействию – Н. С.]. Одни говорящие склонны к ведению диалога на паритетных началах, другие – к коммуникативному доминированию (лидерству) любой ценой» [12, с. 120].

В зависимости от стратегических и тактических предпочтений авторов мы различаем два типа речевого поведения в научной дискуссии – *конструктивный и полемический*. **Конструктивный тип** речевого поведения языковой личности демонстрирует установку на *другого*, уважительное отношение к оппоненту, стремление понять и осмыслить его позицию, что выражается в использовании толерантных (кооперативных) стратегий и тактик (например,

тактики смягчения негативной оценки, снижения иллокутивной силы побудительного высказывания, приглашения к совместному размышлению и др.), эксплицирующих заинтересованность в коммуникативном сотрудничестве. В результате такого обсуждения дискуссия превращается в конструктивный диалог, цель которого – получение и развитие нового знания.

Толерантное речевое взаимодействие не предполагает обязательного тождества смысловых позиций коммуникантов. Они могут в чем-то не соглашаться друг с другом и даже акцентировать различия точек зрения на что-либо, но при этом критические замечания выражаются в корректной форме и сопровождаются скрупулезным разбором. Например: **Как нам кажется, в решении вопроса о языковых стилях Ю. С. Сорокин допускает две серьезные ошибки – логическую и фактическую. Кратко остановимся на первой и подробнее осветим вторую. ...**

Логическую ошибку Ю. С. Сорокина мы здесь усматриваем в том, что, столкнувшись с трудностями классификации языковых явлений, он не только вовсе отказывается от всякой классификации, но и отрицает реальные различия между языковыми стилями, т. е. отрицает очевидные факты.

Чтобы нагляднее представить себе характер этой ошибки, приведем для сравнения два примера из классификации совсем других явлений [3, с. 56]. [Далее приводится объемная по содержанию аналогия, реализующая сопоставительную тактику, с целью объяснения причин затруднений и лучшего понимания их читателем. – Н. С.]

Для **полемиического типа** речевого поведения, напротив, характерна негативная установка по отношению к содержанию речи или к личностным особенностям оппонента, обусловленная стремлением видеть в нем конкурента. Научные отношения между субъектами познания носят конфронтационный характер, участники не принимают взглядов противоположных сторон, не заинтересованы в коммуникативном сотрудничестве (отступают от принципа толерантности речевого поведения). Как подчеркивает Н. Ф. Прошунин, «полемист может ставить перед собой исключительно задачу опровержения, т. е. задачу разрушительную, деструктивную, стремясь лишь показать несостоятельность утверждений противника и не предлагая свои идеи взамен» [16, с. 101]. В связи с этим полемист прибегает к тактикам, которые имеют целью «нейтрализовать» позицию оппонента (например, тактики иронизирования, апелляции к авторитетам, «навешивания» ярлыков и др.). В результате дискуссия подменяется полемикой, где не вырабатывается единого мнения, а следовательно, не происходит приращения нового знания.

Например: **Я тоже против "дополнения" ленинского определения какими-то другими признаками. Но если бы были возможны только два решения – N и S – я принял бы решение N, так как оно во всяком случае логически корректно и последовательно. Решение, предлагаемое S, во-первых, свидетельствует, с моей точки зрения, о непонимании автором ленинской постановки вопроса о материи и, во-**

вторых, о его неладах с элементарной логикой ... [Полемиический пафос автора направлен в отношении личности оппонента, что, как известно, является нарушением норм научной этики. – Н. С.]

Судя по публикациям, создается впечатление, что *С* вообще недостаточно глубоко знает произведение *В. И. Ленина*. Столь ответственное заявление я делаю исключительно в интересах *С*, так как иначе мне придется сказать, что он с «открытым забралом» выступает против *В. И. Ленина* [2, с. 74 – 75]. [В целях соблюдения корректности мы не приводим фамилии при цитировании. – Н. С.]

Подобные дискуссии И. М. Сидорова относит к дискуссиям негативного типа, которые имеют ряд отрицательных характеристик:

1) «противоречие воспринимается как ошибка или заблуждение оппонента»;

2) «у субъектов познания отсутствует ориентация на глубокое понимание гносеологических оснований идеи оппонента»;

3) «критика оппонента ведется на основе собственных гносеологических предпосылок, т. е. идеи и понятия оппонента лишаются своего контекста, часто доводятся до абсурда» [20, с. 56].

Исследуя тексты научных дискуссий в аспекте речевого взаимодействия, мы столкнулись с речевым поведением, которое не соответствует ни конструктивному, ни полемическому, поскольку демонстрируются идеологические установки. Речевое поведение **идеолога** характеризуется публицистичной манерой изложения (лозунговостью), выражением открытой враждебной (порой агрессивной) настроенности по отношению к оппонентам (тактики агрессии и атаки на оппонента), тяготением к семантическому противопоставлению «своих» и «чужих» (тактики поляризации, создания образа врага). По мнению В. А. Леглера, «для любой идеологии всегда существует опасность, что именно она будет признана незаконной. Отсюда вытекает своеобразное отношение идеологии к оппоненту. Оппонент в этом ракурсе – это не уважаемый собеседник, с которым можно обсуждать проблемы, как в любом виде дискуссии, а противник, враг, своим появлением и вообще существованием угрожающий самому существованию идеологии» [15, с. 70].

Приведем примеры: *Пропагандист махизма Уэланд, замалчивающий советские работы и полностью игнорирующий теорию химического строения А. М. Бутлерова, извращающий историю развития теоретической органической химии, поднимается на щит проф. Сыркиным* [23, с. 189]; *Они [авторы – Н. С.] не дают материалистического толкования квантово-механических соотношений и не вскрывают несостоятельность попыток идеалистического истолкования этих соотношений со стороны буржуазных теоретиков. Устраняясь от освещения этих вопросов, отказываясь от борьбы за материалистическое учение о строении материи, авторы объективно делают услугу буржуазной идеологии в физике* [там же]; ... *направляя внимание советских химиков по ложному пути порочной теории резонанса, авторы*

тем самым демобилизуют советскую химическую науку в борьбе за выполнение основной задачи советских ученых – «не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны (Сталин)» [там же].

Таким образом, в научной дискуссии в зависимости от коммуникативных целеустановок исследователей были выявлены три типа речевого поведения – *конструктивный, полемический, идеологический*, соотносимые с типами личности авторов. Представляется, что разработка типологии поведения языковых личностей в научном дискуссионном тексте может быть интересной в плане сопоставления индивидуальных авторских стилей.

Литература

1. Андреева, Г. М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений / Г. М. Андреева. – М.: Аспект-Пресс, 2002. – 364 с.
2. Баженов, Л. Б. Некоторые замечания по поводу публикаций В. В. Орлова / Л. Б. Баженов // Филологические науки. – 1974. – № 5. – С. 74 – 78.
3. Будагов, Р. А. К вопросу о языковых стилях / Р. А. Будагов // Вопросы языкознания. – 1954. – № 3. – С. 54 – 67.
4. Булохов, В. Я. Межполовые различия орфографической грамотности учащихся / В. Я. Булохов. – Красноярск: РИО КГПУ, 1999. – 104 с.
5. Бушев, А. Б. Языковая личность как способность к субъязыкам. – URL. – Режим доступа: // <http://humanities.edu.ru>.
6. Внучкова, Т. Н. Профессиональный аспект типологии языковой личности / Т. Н. Внучкова // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. – Барнаул – Кемерово: БГПУ, 2006. – С. 112 – 122.
7. Голев, Н. Д. Лингвоперсонология как научная дисциплина, изучающая языковую личность / Н. Д. Голев // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. – Барнаул – Кемерово: БГПУ, 2006. – С. 7 – 10.
8. Гольдин, В. Е., Сиротина, О. Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие / В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротина // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. Вып. 25. Проблемы культуры речи. – С. 16 – 38.
9. Демьянков, В. З. Эффективность аргументации как речевого воздействия / В. З. Демьянков // Проблемы эффективности речевой коммуникации: сб. науч.-акад. обзоров. – М.: ИНИОН АН СССР, 1989. – С. 13 – 40.
10. Иванцова, Е. В. Феномен диалектной языковой личности. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2002. – 312 с.
11. Ивин, А. А. Основы теории аргументации: учебник. – М.: Владос, 1997. – 352 с.
12. Колокольцева, Т. Н. Антропоцентризм диалога (коммуникативы в диалоге) / Т. Н. Колокольцева // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. –

Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. Вып. 28. Антропоцентрические исследования. – С. 114 – 125.

13. Комиссарова, Л. М. Лингвосоционическая методология изучения языковой личности в русском языке (на материале произведений М. Цветаевой, О. Мандельштама, А. Ахматовой, Н. Гумилева, Б. Пастернака) / Л. М. Комиссарова: дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2002.

14. Лебедева, Н. Б. Языковая личность в жанровом измерении: проблемы типологии / Н. Б. Лебедева // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. – Барнаул – Кемерово: БГПУ, 2006. – С. 132 – 136.

15. Леглер, В. А. Идеология и квазинаука / В. А. Леглер // Философские исследования. – 1993. – № 3. – С. 68 – 82.

16. Прошунин, Н. Ф. Что такое полемика? / Н. Ф. Прошунин. – М.: Политиздат, 1985. – 335 с.

17. Седов, К. Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности / К. Ф. Седов // Жанры речи-2: сб. науч. ст. – Саратов: Колледж, 1999. С. 13 – 26.

18. Седов, К. Ф. Портреты языковых личностей в аспекте их становления / К. Ф. Седов // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. Вып. 28. Антропоцентрические исследования. С. 3 – 29.

19. Седов, К. Ф. Типы языковых личностей по способности к кооперации в речевом поведении / К. Ф. Седов // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Колледж, 2000. – С. 6 – 12.

20. Сидорова, И. М. Дискуссия в структуре научного знания / И. М. Сидорова. – Рыбинск: РГТА, 1998. – 98 с.

21. Сиротинина, О. Б. Устная речь и типы речевых культур / О. Б. Сиротинина // Русистика сегодня. – М.: РАН. – № 4. – 1995. – С. 3 – 21.

22. Татаринцева, Е. Н. Портреты коллективной и индивидуальной русских орфографических языковых личностей (на материале эксперимента) / Е. Н. Татаринцева // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. – Барнаул – Кемерово: БГПУ, 2006. – С. 37 – 50.

23. Татевский, В. М. Об одной махистской теории в химии и ее пропагандистах / В. М. Татевский, М. И. Шахпаронов // Вопросы философии. – 1949. – № 3. – С. 176 – 192.

24. Толстой, Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.

25. Урсул, А. Д. Гносеологические особенности научной дискуссии / А. Д. Урсул // Вопросы философии. – 1978. – № 3. – С. 104 – 109.

26. Харченко, Е. В. Языковое сознание профессионала как предмет психолингвистики / Е. В. Харченко // Языковое сознание и образ мира: сб. ст. под ред. Н. В. Уфимцевой. – М.: Институт языкознания РАН, 2000. – С. 117 – 129.

27. Шалина, И. В. Взаимодействие речевых культур в диалогическом общении: аксиологический взгляд / И. В. Шалина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1998. – 20 с.

28. Шапочкин, Д. В. Языковая личность в политическом дискурсе. – URL. – Режим доступа: // www.russian.slavica.org.

УДК 81'23

ВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ КАК АКТУАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Н. С. Якимова

VERBAL AGGRESSION AS THE PHENOMENON OF CONTEMPORARY SOCIETY

N. S. Yakimova

Статья посвящена описанию вербальной агрессии как имманентного феномена в современном обществе. В статье акцентируется актуальность изучения данного феномена с целью формирования толерантности, анализируются факторы, провоцирующие использование агрессивных вербальных средств в коммуникативном поведении.

The paper covers the problem of verbal aggression in the present-day society. The reasons for studying this phenomenon as means of teaching tolerance are discussed in the article; the factors causing the use of verbal aggression in communication are listed.

Ключевые слова: агрессивность, вербальная агрессия, речевая деятельность, коммуникативное поведение.

Keywords: aggressiveness, verbal aggression, speech activity, communicative behaviour

Агрессия как феномен уже давно является предметом исследования представителей разных научных направлений и имеет множество определений. Толковые словари русского языка позволяют проследить эволюцию значений самого слова «аг-

рессия». В толковых словарях русского языка 50-х – 80-х годов XX века оно трактуется исключительно как «нападение, захват чужой территории» с пометкой «политическое» [БАС, 1950, т. 1, с. 47] и «нападение одного государства на другое с целью захвата

территории, уничтожения или ограничения его независимости и насильственного подчинения его населения захватчику» [МАС, 1981, т. 1, с. 24]; этимология слова прослеживается от латинского *aggressio* (нападение). Способность нападать и захватывать приписываются только государству, а не человеку, что, исходя из жизненной практики, видится не совсем верным.

В издании Толкового словаря Ожегова и Шведовой 1992 г. зафиксировано появление второго, переносного значения этого слова: «открытая неприязнь, вызывающая враждебность» [Ожегов, Шведова, 1992]. Примечательно, что в более ранних изданиях этого словаря, например [Ожегов, 1986], это значение не отражено. В словарях, изданных на рубеже XX – XXI веков, уже отражено появление второго основного значения слова «агрессия»: «склонность к нападению, наступлению на кого-л.; агрессивность, враждебность» [Новый словарь, 2000]; «о человеке или животном: воинственная враждебность по отношению к окружающим» [Крысин, 2000].

В толковых словарях английского языка изначально агрессия также определяется как действия государства, например «нарушение одним государством прав другого государства с использованием силы» [Dictionary.com]. Однако уже в 1912 году в английском словаре было зарегистрировано появление определения агрессии как «враждебного или разрушительного поведения», относящегося к сфере психологии [Harper]. В современных словарях преобладает именно это значение, агрессия определяется как «любое действие или поведение, нарушающее чьи-либо права, агрессия в отношении чьих-либо прав; регулярные нападки и атакующие действия; в психиатрии: открытая или скрытая враждебность, врожденная или вызванная фрустрацией, направленная на внешний объект или на самого себя» [Dictionary.com], «чувство гнева и ненависти, которые могут выражаться в угрозах и насилии» [Oxford Advanced Learner's Dictionary].

Следовательно, в современном мире агрессия как феномен характеризует не только политику государства, но скорее поведение человека, что становится очевидным из эмпирических наблюдений. В связи с проникновением данного феномена практически во все сферы деятельности современного социума его изучение становится актуальным. Агрессия становится предметом исследования лингвистики, социологии, психологии, нейробиологии, педагогики и других наук, изучающих деятельность и мышление человека, поскольку антропоцентрическая парадигма, задающая направление развития науки в новейшее время, подразумевает наличие человека как субъекта действия.

Суммируя все существующие в современных науках о человеке определения агрессии, Ю. Б. Можгинский определяет этот феномен как «действия и высказывания, направленные на причинение вреда, душевной и физической боли другому существу» [Можгинский, 2006, с. 10]. Из этого определения очевидно, что такой актуальный для со-

временного общества феномен как агрессия существует как в физической, так и в вербальной форме. Это объясняется включением речевой деятельности человека в общую систему деятельности и тесной взаимосвязью с иными ее формами. Следовательно, отдельные формы поведения человека могут иметь аналоги в коммуникативном поведении и в речевой деятельности. Таким образом, в классификации видов агрессии по физической природе психологи выделяют вербальную агрессию как противопоставленную физической агрессии. Детальное изучение и описание феномена вербальной агрессии является одной из приоритетных задач социолингвистики и психолингвистики, имеющих в основе теорию речевой деятельности.

В фундаментальных психологических исследованиях, посвященных агрессии [Берковиц, 2003, Бэрон, Ричардсон, 2006, Хекхаузен, 1986], вербальная агрессия как самостоятельный феномен описана не была в силу двух вполне очевидных причин. Во-первых, чисто психологический подход, очевидно, оказался недостаточным для детального изучения данного феномена, и дальнейшее его исследование возможно только в психолингвистике и других смежных областях лингвистической науки. Во-вторых, изучение феномена вербальной агрессии ранее не было столь актуальным. Научный интерес к данному явлению возник в течение последнего десятилетия, поскольку в настоящее время вербальная агрессия проникла во все сферы современного общества, включая сферу деловых и межличностных отношений, СМИ и т. п.

В современном обществе СМИ являются своеобразным каналом распространения агрессии во все сферы деятельности, предоставляя множество детализированных описаний отдельных актов агрессивного поведения, а также создавая социальную напряженность репортажами о неравенстве в обществе и межнациональных конфликтах. Современную культуру масс-медиа не зря определяют как «культуру агрессии» [Климов, 2004]. Современное телевидение вообще представляет собой сферу порождения и активного бытования вербальной агрессии. А из базовых положений теории агрессии следует, что опыт наблюдения за поведенческой реакцией окружающих на некоторую стимульную ситуацию зачастую определяет дальнейшую стратегию поведения индивида в аналогичных ситуациях. Таким образом, СМИ и, в частности, телевидение пропагандируют и транслируют модель выбора агрессивной стратегии поведения в конфликтной ситуации.

Современная экономическая ситуация, характеризующаяся жесткой конкуренцией на рынке, также способствует распространению и широкому использованию агрессивных вербальных средств в агрессивных стратегиях аргументации и убеждения [Ратмайр, 2004]. Следовательно, агрессия воспринимается в современном обществе как допустимая норма в определенных ситуациях и нередко находит общественное оправдание и одобрение. А. Басс писал о существовании в капиталистическом обществе обильной и весьма знаменательной «пла-

ты за агрессию» в виде денег, престижа и социального статуса [Buss, 1971].

Агрессией маркирована также и современная сфера межличностных отношений. Агрессивность коммуникативного пространства больших городов, жаргонизация и вульгаризация речи, резкое снижение уровня речевой культуры в целом, являющиеся закономерным следствием напряженного социокультурного положения, порождают многочисленные случаи вербальной агрессии. Многие слова современного языка, еще десять лет назад считавшиеся «непечатными», сейчас широко употребляются и воспринимаются широкими социальными группами как норма общения [Жельвис, 2000]. Эти факторы приводят к более частотному использованию агрессии в коммуникации: тенденция к более частому использованию вербальной агрессии зачастую происходит из неумения коммуникатора разрешить коммуникативный конфликт конструктивным способом [Infante, Chandler, Rudd, 1989]. В этом случае вербальная агрессия выступает как одна из форм *конфликтного коммуникативного поведения*.

Таким образом, вербальная агрессия является имманентной характеристикой современного общества и является актуальным объектом современных лингвистических исследований.

Первым этапом любого научного исследования является определение объекта и предмета изучения и разграничение его от смежных явлений. Не является исключением и психолингвистическое исследование вербальной агрессии. Прежде всего необходимо разграничить понятия «агрессия» и «агрессивность». Концептуализируя агрессивность как константную черту личности, А. Налчаджян определяет ее как «устойчивую установку, позицию, готовность к совершению агрессивных действий», т. е. как черту характера личности [Налчаджян, 2007, с. 24]. Данная характеристика личности с одной стороны может быть обусловлена наследственным фактором, с другой – социальным опытом, приобретенным в процессе социализации. С момента рождения человек наблюдает агрессивные поступки окружающих, либо сам их совершает. В том случае, если эти агрессивные действия поощряются, данный опыт накапливается у человека и формирует все более устойчивое свойство личности. Таким образом, врожденная или усвоенная *агрессивность* является лишь одним из нескольких возможных истоков агрессии, наряду с ситуативным и другими факторами, тогда как *вербальную агрессию* стоит понимать как единичное агрессивное вербальное действие или ряд таких действий.

Все существующие в психологии подходы к исследованию агрессии могут быть сгруппированы: 1) изучающие биологические предпосылки агрессии; 2) изучающие агрессию как социально-обусловленную форму поведения. Эти же направления доминируют и в работах, посвященных проблемам вербальной агрессии.

В психофизиологии было предложено определение вербальной агрессии как способа реагирования на некоторое влияние окружающей среды, которое оп-

ределяется врожденным темпераментом [Beatty, McCroskey, 1997]. Агрессивное вербальное поведение также можно интерпретировать с позиций теории социального научения. Представители данного научного направления определяют агрессию как «враждебное действие или поведение», обусловленное внешним мотивом или ситуацией [Изард, 1980, с. 302]. В американской лингвистике фундаментальное исследование вербальной агрессии было предпринято профессором Д. Инфанте и его коллегами. Определяя статус вербальной агрессии в сравнении с физической, исследователь отмечал, что первая не заменяет вторую, но является «низшим уровнем» агрессии, который может перерасти в «высший» при накоплении. Таким образом, эти два варианта бытования агрессии зачастую обуславливают друг друга. Агрессивное вербальное поведение может служить катализатором для физической агрессии в том случае, если объект вербальной агрессии изначально настроен враждебно в силу личностных, социально обусловленных либо ситуативных факторов [Infante, Chandler, Rudd, 1989].

К личностным факторам относятся в первую очередь возрастной фактор, гендерный фактор, этническая принадлежность, а также социальная среда, уровень образования и общей культуры и др. Ситуативные факторы – это прежде всего личность и поведение собеседника, окружающая обстановка, а также физическое и психологическое состояние коммуникатора. Среди общественных факторов могут быть выделены национальный менталитет, а также существующие в данном социуме этнолингвокультурные нормы коммуникативного поведения.

Говоря о нормативности коммуникативного поведения, необходимо выделить три ее уровня:

- 1) лингвистическая нормативность, т. е. корректное использование языковых средств как на уровне лексики, так и на уровне синтаксиса предложения в соответствии с существующими языковыми конвенциями;
- 2) концептуальная нормативность, т. е. соответствие речевого действия нормам общей культуры, морали и пр., а также определенным социальным нормам;
- 3) нормативность поведения в определенных практических ситуациях социального взаимодействия, определяемая соответствующими стереотипами [Шнейдер, 2002, с. 78 – 79, 88].

Являясь одной из форм конфликтного коммуникативного поведения, вербальная агрессия зачастую происходит из неумения коммуникатора разрешить коммуникативный конфликт конструктивным способом. В этом случае агрессивное вербальное поведение непременно приведет к ответной агрессии и усилению конфликта в силу несоответствия нормам коммуникации.

Однако коммуникативное поведение воспринимается адресатом как агрессивное только в том случае, если в нем присутствуют элементы «обидного общения» и «словесное выражение негативных эмоций, чувств или намерений в оскорбительной, гру-

бой, неприемлемой в данной ситуации форме» [Щербинина, 2006, с. 9]. Следовательно, вербальная агрессия всегда есть нарушение некоторой коммуникативной нормы.

Необходимо упомянуть о «принципе обоюдности», проявляющемся в случае агрессивного вербального поведения одного из коммуникантов: вербальная агрессия в речи одного из собеседников непременно приведет к подобному поведению со стороны второго [Infante, Chandler, Rudd, 1989]. Следовательно, если коммуникативное поведение, воспринимаемое с точки зрения концептуальных норм поведения как вербально агрессивное, не провоцирует ответную агрессию, то оно воспринимается участниками общения как приемлемое. В этом случае вербальная агрессия не будет переходить в физическую.

При оценке некоторого акта коммуникативного поведения как агрессивного непременно учитывается личность и личностные нормы поведения адресата. Так, при проведении экспериментального исследования было выделено 10 типов агрессивного вербального поведения:

- 1) критика личных качеств (character attack);
- 2) критика способностей (competence attack);
- 3) критика фактов биографии (background attack);
- 4) критика внешности (physical appearance attack);
- 5) проклятия (curse);
- 6) поддразнивание (teasing);
- 7) насмешки (ridicule);
- 8) угрозы (threat);
- 9) ругательство, сквернословие (swearing);
- 10) невербальные знаки (nonverbal emblems) [Infante, 1987].

Все перечисленные формы агрессии затрагивают личность адресата в той или иной форме. Следовательно, вербальная агрессия всегда направлена на некоторый объект, чаще всего – одушевленный.

При рассмотрении вербальной агрессии как преднамеренных действий, направленных на нанесение вреда или ущерба другому лицу при отстаивании своих интересов и позиции, явно проявляется отличие агрессивного вербального поведения от феномена *языкового насилия*, объектом которого выступает обычно широкий и неопределенный круг лиц, на которых оказывается воздействие через СМИ.

Итак, причинами агрессивного вербального поведения могут выступать:

- 1) враждебность по отношению к объекту агрессии, вызванная рядом субъективных, объективных либо ситуативных причин;
- 2) провокационные действия со стороны объекта агрессии, в том числе агрессивное вербальное поведение;
- 3) нарушение объектом агрессии концептуальных и ситуативных норм общения, неприемлемое для коммуникатора;
- 4) низкий уровень речевой и коммуникативной культуры субъекта высказывания.

Однако ключевым при определении вербальной агрессии является концептуализация мотива этого типа коммуникативного поведения. Именно мотив является первым этапом порождения речи и определяет выбор дальнейшей модальности общения, так же как и выбор конкретных лингвистических средств для осуществления коммуникации [Выготский, 1999]. Мотивом же агрессивного вербального поведения, по определению американских исследователей, является причинение вреда либо ущерба другому лицу при отстаивании своей коммуникативной позиции. Затем данный мотив речи находит свое выражение в конкретном речевом замысле и конкретном вербальном оформлении. Маркеры вербальной агрессии присутствуют на всех уровнях языка: словообразовательном, лексическом, синтаксическом, стилистическом и др.

Таким образом, вербальная агрессия может быть определена как использование вербальных средств, противоречащих институциональным и ситуативным нормам коммуникации, с целью нанесения вреда или ущерба коммуникативной позиции и самооценке другого лица. Однако задачей современных лингвистов, психологов и специалистов по коммуникации является выработка механизмов развития кооперации в ситуации конфликтного общения и поиск путей формирования толерантности. Следовательно, определение мотивов агрессивного вербального поведения и типологизация лингвистических средств выражения вербальной агрессии будет способствовать предупреждению эскалации коммуникативного конфликта и выработке стратегии конструктивного решения коммуникативных задач.

Литература

1. Выготский, Л. С. Мышление и речь [Текст] / Л. С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
2. Можгинский, Ю. Б. Агрессивность детей и подростков: распознавание, лечение, профилактика [Текст] / Ю. Б. Можгинский. – М.: Когито-Центр, 2006. – 181 с.
3. Изард, К. Е. Эмоции человека [Текст] / К. Е. Изард. – М.: МГУ, 1980. – 552 с.
4. Климов, В. М. Средства массовой информации как инструмент агрессии культуры [Текст] / В. М. Климов // Социальная агрессивность. Труды Кузбасских философских чтений: материалы Международной конференции. В 2 ч. Ч. II. – Кемерово, 2004. – С. 20 – 23.
5. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов [Текст] / Л. П. Крысин. – М.: Русский язык, 2000. – 856 с.
6. Налчаджян, А. Агрессивность человека [Текст] / А. Налчаджян. – СПб.: Питер, 2007. – 736 с.
7. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка под ред. Т. Ф. Ефремовой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://efremova-online.ru/slovarrefremovoy/agressiya/> 520/.
8. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов. – М.: Рус. яз., 1986. – 797 с.

9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Азъ, 1992.
10. Ратмайр, Р. «Пробивные» стратегии на деловых переговорах как пример завуалированной агрессивности [Текст] / Р. Ратмайр // Агрессия в языке и речи. – М.: РГГУ, 2004. – С. 53 – 66.
11. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. (МАС). – Т. 1. – М.: Русский язык, 1981. – 698 с.
12. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. (БАС) – Т. 1. – М.: Л.: Издательство АН СССР, 1950. – 767 с.
13. Хекхаузен, Х. Агрессия [Текст] / Х. Хекхаузен // Мотивация и деятельность. – М., 1986. – Т. 1. – С. 365 – 405.
14. Шнейдер, В. Б. Коммуникация, нормативность, логика [Текст] / В. Б. Шнейдер. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – 250 с.
15. Щербинина, Ю. В. Вербальная агрессия [Текст] / Ю. В. Щербинина. – М.: УРСС, 2006. – 360 с.
16. Beatty, M. J. It's in Our Nature: Verbal Aggressiveness As Temperamental Expression [Text] / M. J. Beatty, J. C. McCroskey // Communication Quarterly, Vol. 45, №4, Fall 1997. – P. 446 – 460.
17. Buss, A. H. Aggression pays [Text] / A. H. Buss // The control of aggression and violence. – New York: Academic Press, 1971. – P. 112 – 130.
18. Dictionary.com Unabridged [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://dictionary.reference.com/browse/aggression>.
19. Harper, D. Online Etymology Dictionary (Dictionary.com) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://dictionary.reference.com/browse/aggression>.
20. Infante, D. A. Aggressiveness [Text] / D. A. Infante // Personality and interpersonal communication. – Newbury Park, CA: Sage, 1987. – P. 157 – 192.
21. Infante, D. A. Test of an argumentative skill deficiency model of interspouse violence [Text] / D. A. Infante, T. A. Chandler, J. E. Rudd // Communication monographs, 56 (1989). – P. 163 – 177.
22. Infante, D. A. Verbal aggressiveness: An interpersonal model and measure [Text] / D. A. Infante, C. J. Wigley // Communication Monographs, № 53. – Cambridge University Press, 1986. – P. 61 – 69.
23. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Text]. – Oxford, 2000.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 140.8 + 157.910.3

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЭВОЛЮЦИИ ПРАВОВОЙ НОРМЫ В РОССИИ ДО РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ 1917 ГОДА

В. М. Золотухин, Е. В. Степанцова

SOCIALLY-PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF EVOLUTION OF THE RULE OF LAW IN RUSSIA BEFORE REVOLUTIONARY CHANGES OF 1917

V. M. Zolotuhin, E. V. Stepantsova

В статье рассматривается эволюция правовой нормы в российском правовом пространстве. Социально-философская интерпретация правовой нормы в соотношении с понятием закона и его применением в реальности в зависимости от социально-политических процессов.

In article evolution of the rule of law in the Russian legal space is considered. Socially-philosophical interpretation of the rule of law in the ratio with concept of the law and its application of a reality depending on sociopolitical processes.

Ключевые слова: правовая норма, закон, истина, позитивное право.

Keywords: the rule of law, the law, true, positive law.

Исследование социально-политических процессов должно опираться на исторические факты. Но не все факты истории могут сохраниться и дойти до наших времен. Изучение источников и норм права в историческом разрезе дает богатый материал для формирования и развития социально-политической мысли России. История права опирается на закон, а он чаще всего доходит до последующих поколений, хотя бы и не в первоисточнике [8, с. 5]. Также как юридическая наука во многом обязана гуманистам,

так и социально-политическая мысль и процессы опираются на нормы права. Содержание норм права часто рассматривалось с точек зрения различных социально-гуманитарных наук, поскольку норма права имеет важное информационное значение. Законы позволяют судить о различных сторонах общественной жизни. По мнению Н. Н. Алексева, очень часто происходит отождествление правового идеала с идеалом социальным и политическим [1, с. 201].

Правовые нормы играют немаловажную роль в развитии и формировании общества. Закон же, по словам Фомы Аквинского, есть известное правило и мерило действий, которым кто-либо побуждается к действию или воздерживается от него. Сущность его заключается в упорядочении человеческой жизни и деятельности. Развитие нормативно-правовой системы не дает социально-политическим процессам находиться в состоянии застоя, в результате постоянно стимулируется их развитие, а также углубляются и расширяются учения об обществе, государстве, политике, праве.

По словам Л. С. Мамута в истории политико-юридической мысли есть периоды подъемов и спадов, есть попятные движения и зигзаги, но нет (и не может быть) пауз, провалов и пустот [3, с. 14]. Правовая политика, как особая социальная деятельность, имеет двойственную природу. С одной стороны – это политика, основанная на праве; с другой – это право, как средство политического управления обществом. Правовая политика – это значительная часть политических отношений, связанная с распространением действия норм права на различные сферы социальной жизни.

Развитие законов в период общественной эволюции России дает право считать, что уже в средневековом обществе существовала серьезная правовая культура, влияющая на формирование социально-политической мысли. Характерно, что такая мысль развивалась в условиях классового неравенства и борьбы, а также при значимом влиянии религиозных догм. Армянский мыслитель XIV – XV вв. Г. Татеваци подчеркивал, что большое значение в осуществлении политики централизованного феодального государства имеют соответствующие законы и четкое, неукоснительное их исполнение. С развитием общества законы государства должны пересматриваться и обновляться с целью справедливого регулирования социальных отношений [3, с. 115]. И этот процесс, пусть далеко и не идеальный, мы наблюдаем в развитии Древней, а затем средневековой Руси. Правовые нормы и социально-политическое развитие государства неразрывно связаны.

Социально-политическая и правовая идеология получили свое воплощение в памятниках древнерусской письменности. Первые сборники правовых норм на Руси именовались *Правдами*. В. Даль, исследуя значение слова "правда", утверждает, что в России "по первому коренному значению правдой зовется Судебник, Русская Правда, Правда Ярослава, Сборник узаконений, установлений. Правда – *старое* право судить, власть судить, карать и миловать: суд и расправа" [3, с. 192]. Но помимо юридического аспекта "правда" рассматривается также как то, что соответствует действительности; истина; порядок, основанный на справедливости, честности [6, с. 566]. Таким образом, термин "правда" содержит в себе и юридический компонент, а также философское и нравственное значение. Как утверждал Б. А. Кистяковский, в русском слове "правда" выражен синтез правды-истины с правдой-

справедливостью, т. е. теоретически должного с практически должным [5, с. 125].

Значение Русской Правды, как сборника правовых норм, неосценимо для историков, изучающих период становления Древней Руси, как государства. По мнению Рыбакова летописцы, смотревшие на жизнь из окон монастырской кельи или княжеского дворца, не любили заносить на страницы летописи рассказы о мятежах и восстаниях; они считали своей задачей только повествование о битвах и храбрости воинов. Поэтому мы знаем очень мало о ходе классовой борьбы в эпоху раннего феодализма. Значительно полнее знакомит нас с социальными конфликтами и с размахом классовой борьбы Русская Правда. Особенно примечательны те периоды, в освещении которых сходятся и грозные нормы законов, и скупые слова летописцев [9, с. 437]. Автор не случайно называет нормы права грозными. Они и в прямом смысле слова были довольно жестокими, и в переносном, благодаря своей определенности, значимости, жесткости, невозможности свободной трактовки, прошли через века и предоставили богатый материал для исторических и социальных исследований.

Ранний феодализм, расцвет киевской государственности (XI – XII вв.) характеризуется достаточно развитыми правовыми и политическими институтами, а, следовательно, условиями для развития социальных процессов в обществе. Законодательный свод Ярослава Мудрого, "Слово о законе и благодати" митрополита Иллариона, распространение на Руси произведений античных философов (Платона, Аристотеля, Эпикура, Демосфена и др.), а также широкий круг общения с другими народами, по мнению Н. М. Золотухиной, в общей сумме обеспечили развитие общественного сознания в Киевской Руси раньше, чем в других соседствующих странах [3, с. 190 – 191].

Социальное и политическое положение человека в обществе в тот период уже рассматривалось в зависимости от развития правовых норм. Илларион в "Слове о законе и благодати", прежде всего, пытался разрешить соотношение закона и истины, как совокупности нравственных правил. Высокое нравственное состояние человека лежит в основе всеобщего блага, которое является целью социально-политических дебатов на протяжении всего развития общества. Закон и истина у Иллариона не противостоят друг другу – истина воспринимается человечеством благодаря закону, а не вопреки ему [3, с. 193]. Политическая программа Владимира Мономаха основывалась на учении о верховной власти и способах её осуществления, осуждении беззакония и неправды (судилища не по закону), неприятии смертной казни. Таким образом, социально-политическая мысль раннего феодализма опиралась на юридические принципы, всегда лежащие в основе составления норм права.

Средневековая Русь характеризуется боярско-княжеским соперничеством. Однако это соперничество придерживается некоторых норм и правил, а, следовательно, имеет правовую основу – програм-

му, которая отражена в летописях. Сущность программы такова: князь управляет землей при участии боярской думы, имеющей право veto; он заботится о правосудии, о соблюдении законности. Князь защищает землю от врагов, но не должен "вергать нож" – начинать усобицы; важно соблюдение договоров. Хорош тот князь, который во всем советуется с боярами и заботится о многолюдности своей земли [9, с. 575]. Нельзя не признать принципы этой программы прогрессивными. Если оценить данную программу с точки зрения современности – это ни что иное, как конституционная программа демократического государства, а правовые нормы, которые лежат в её основе – это зачатки Основного закона государства.

Оценивая значимость обязательной письменной формы норм права, которая устанавливается в XIV – XV веках, Ю. Г. Алексеев отмечает, что "в этом (письменном) предпочтении заключён глубокий классовый смысл: обладателем такого письменного акта по большей части является феодал или, во всяком случае, представитель зажиточной части общества. ... Псковская Судная грамота по сравнению с Русской Правдой отражает новый этап развития русского феодализма – в этом её ценность как исторического и историко-правового источника" [8, с. 326]. Таким образом, формальная определенность нормы права сыграла свою роль в культурном развитии российского государства, а также получила свою основу в виде письменных источников.

Для развития русского (московского) государства XV – XVII веков, по мнению Краснова Ю. К., было характерно теоретически обосновывать государственную власть божественным происхождением, внешней независимостью, внутренней неограниченностью и наследственностью [6, с. 89]. Но, не смотря на формальную неограниченность власти, царь вынужден был подчиняться нормам, обычаям и правилам, чтобы обуздать многочисленные нарушения со стороны подчиненных властей. Норма права в этот период играет воспитательную и сдерживающую функцию, а также постепенно становится основой правовой системы России. Такой нормативно правовой документ, как Соборное Уложение 1649 года оказал значительное влияние на социально-политическую жизнь общества, поскольку в нем регулировались уже не отдельные группы общественных отношений, а все стороны общественно-политической жизни того времени.

Многовековые усилия по накоплению юридических знаний привели в XIV – XVI вв. к выработке определенной суммы передовых социально-политических взглядов в обществе. Актуальной стала проблема церкви, как обладателя значительной собственности и диктатора нормативно-правовых устоев. Как уже отмечалось ранее, в этот период значительную мощь приобретает еретическое движение, которое бесспорно повлияет на пересмотр норм права, регулирующих социальные и политические устои в обществе. Требования еретиков ограничить социальные, политические, нормативно-творческие prerogatives церкви подрывали основу

ее господства, а поэтому были гонимы духовным сообществом. Позднее и царская власть предпочла объединиться с церковью, перейдя от поддержки еретиков к их преследованию. Несомненно, еретические идеи содержали серьезную угрозу не только церкви, но и основам феодального строя [3, с. 201].

Своеобразным продолжением еретических идей стало идеологическое течение социально-политической мысли, которое условно делилось на два направления: "стяжателей" и "нестяжателей". Условность деления, отмечает Н. М. Золотухина, была связана с тем, что оба направления ставили перед собой единую задачу: усовершенствование (организационное и нравственное) всей церковно-монастырской системы. Однако схемы наиболее совершенной модели и пути ее достижения предлагались различные, что и послужило причиной оформления двух идеологических платформ. Интерес для нашего исследования в полемике "стяжателей" и "нестяжателей" представляет пристальное внимание ее представителей к правовым вопросам.

Представители "нестяжательского" движения Нил Сорский и Вассиан Патрикеев ставили вопрос о нормативно-правовом разделении сфер деятельности церкви и государства, а также о принятии законов, защищающих интересы простого крестьянства. Прогрессивная по тем временам социально-политическая мысль, бесспорно, утверждала значимость норм права в реформировании общественной жизни.

Афонский философ Максим Грек, занимавшийся в России переводом богослужебных книг, большей частью сторонник «нестяжательной» формы церковной организации, первым вводит в политическую мысль идеи о получении царского престола выборным путем. Кроме того, он ставит вопрос о разработке нормативно-правовой базы, лежащей в основе законности занятия царского престола путем выборов и участия в этом процессе общественного мнения [3, с. 217]. Таким образом, любое социально-политическое новшество должно опираться на юридические нормы.

Основатель "стяжательской" ("иосифлянской") платформы Иосиф Волоцкий в своих трудах предпринимает попытку провести классификацию законодательства. В его схеме отсутствует распространение между законом божественным и законом государственным (положительным), поскольку за классификационный признак принимается только степень выражения божественной воли. Венценосная персона не должна злоупотреблять властью и обязана учитывать происхождение реальных, действующих норм права. Учение И. Волоцкого было значительным явлением в социально-политической мысли России, поскольку впервые была допущена возможность критики действующей царской власти и сопротивления ей в случае неправомерной ее реализации. Как отмечает Н. М. Золотухина, такая постановка вопроса была чрезвычайно плодотворна, поскольку она явилась той почвой, на которой впоследствии развивались демократические традиции в

русской политической мысли, подвергавшие критике тиранические формы и методы реализации государственной власти [3, с. 209].

Вслед за Иосифом Псковский старец Филофей, автор теории "Москва – Третий Рим", также настаивал на необходимости ограничения власти нормами права, то есть действий правителя законом. По мнению А. И. Зимина, специфика русской абсолютной монархии состоит в том, что она в своей бесконтрольности породила и бесконтрольную бюрократию [4, с. 144]. А для бюрократии норма права – это способ достижения собственных благ или средство воздействия на членов общества с целью их подавления. Бюрократия не заинтересована в правовой грамотности общества.

Оценивая значимость нормативно-правовых норм в развитии социально-политической мысли России, нельзя не отметить взгляды князя А. М. Курбского. Политик и военный, он был небезразличен к системе организации государства, правовым категориям, системе судостроительства. По мнению Н. М. Золотухиной, Курбский развил и углубил критику организации суда и судопроизводства своих предшественников, а также добавил к ней критику законодательства. В его понимании ясно прослеживалось представление о равенстве права и справедливости. Только справедливое может быть названо правовым. Насилие – источник беззакония, а не права [3, с. 239]. Критика Курбским действующей, не достаточно справедливой нормативно-правовой базы, практики заочного осуждения, применения жестоких наказаний, попыток нормативным путем закрыть границы государства для свободного передвижения была, несомненно, прогрессивным шагом в развитии социально-политических процессов общества.

Следует отметить, что вышеупомянутые политико-правовые взгляды на роль юридических норм в формировании государства и общественной жизни, складывались в противовес политическим воззрениям действующей монархической власти и, в частности, теории царя Ивана IV (Грозного). Жестокий правитель признавал только единственное основание занятия царского престола – наследование, безграничную волю скипетродержателя в решении государственных вопросов и судеб людей, условное соблюдение правовых норм, которые он мог создать или изменить в любой момент исключительно по своему желанию. При таком контрастном соотношении идей, основанных на правде, праве, законности и ужасе, страхе, угрозе, социально-политическая мысль России укрепляла свои позиции в направлении нормативно-правового устройства государственной власти и общественной жизни.

Установление абсолютной монархии в России в XVIII веке сопровождалось широким вторжением государства во все сферы социально-политической и частной жизни. Правовая база, которую создает и на которую опирается государь, превосходит современное понимание нормы права, как регулятора именно правовых отношений. Контролируются даже малейшие проявления общественной и частной

жизни: указы первой четверти XVIII в. предписывали населению, когда гасить свет, какие танцы танцевать на ассамблеях, в каких гробах хоронить, брить или не брить бороды и т. п. Государство с помощью правовых норм стремится регламентировать деятельность каждого сословия, социальной группы и каждого подданного. Одним из признаков абсолютизма, по утверждению И. А. Исаева, является "обилие писанных юридических актов, принимаемых по каждому поводу" [2, с. 115], что, несомненно, оказывало сдерживающее влияние на развитие социально-политической мысли России. Даже церковь в этот период теряет свою роль идеологической оппозиции государству – монарх становится юридическим главой церкви.

В первой половине XIX века абсолютизм в России достигает наивысшего расцвета. Монарх концентрирует всю власть в своих руках, но хорошо понимает, что для удержания власти необходима четкая, отлаженная, современная правовая база. "В то же время, стремясь сохранить контроль над обществом, царизм немало сделал для совершенствования государственного механизма управления и систематизации законодательства. Свод законов Российской империи – большое достижение юридической мысли XIX века" [6, с. 189]. В этот период завершилось выделение в самостоятельные отрасли уголовно-процессуального и гражданско-процессуального права. Судебная реформа основывалась на принципиально новых нормах судостроительства и судопроизводства. Нормы гражданского права уделяли большое внимание правовому регулированию промышленности и торговли, расширяли права крестьян. Впервые появились нормы права, регламентирующие трудовые отношения.

Правовая система России в конце XIX века, сделав большой прорыв в предыдущие годы, становится устойчивой базой для развития социально-политических реформ и взглядов. Намечается необходимость существенного изменения в общественном и политическом строе. Не смотря на то, что Россия остается монархическим государством, развитие права, судебная реформа, более высокий уровень нормативно-правовой базы оказывают значительное влияние на демократизацию общественной и государственной жизни. В этот период закладываются организационные и правовые основы новой государственной системы. Самодержавная монархия трансформируется в монархию буржуазную, которая опирается на более прогрессивную нормативно-правовую базу. По мнению И. А. Зимина, к началу XX в. ряд российских мыслителей и ученых, в том числе Б. А. Кистяковский, В. В. Водовозов, Ю. Н. Вагнер и др., постепенно обращаются к научно-философскому идеализму и проявляют интерес к освободительному движению, которое осознается с либерально-демократических позиций. Основу этих позиций составляют правовые вопросы и правовые отношения. Возникает своего рода синтез передовой социальной науки, политических либерально-освободительных возжеланий и научного осмысления правового фундамента их достижения. Все вме-

сте это составило важную веху в развитии отечественной философии, социологии и правосознания [4, с. 140].

Стоит акцентировать внимание на том, что в до-революционный период в российском праве были актуализированы такие идеи как: идея правды и ее различные трактовки и смысл; идея свободы и ее понимание как воли и вольницы; идея соборности и ее воплощение в праве и правосознании; идея российской государственности и ее социально-политические предпосылки. Возникновение права и правовых норм обусловлено процессом развития общественных отношений, где требуется поиск и достижение консенсуса, а также разграничение интересов людей.

Литература

1. Алексеев, Н. Н. Основы философии права / Н. Н. Алексеев. – СПб.: Лань, 1999. – С. 201.
2. Исаев, И. А. История государства и права России: учебник / И. А. Исаев. – М.: Юрист, 1996. – С. 115.
3. История политических и правовых учений. Средние века и возрождение. / Л. С. Васильев, В. Г. Графский, Н. М. Золотухина и др. – М.: Наука, 1986. – С. 192 – 270.
4. Зимин, А. И. Философия и социология права (к вопросу об истоках русского социально-правового сознания и методологии социального познания) / А. И. Зимин // Социологические исследования. – 2000. – № 5. – С. 140.
5. Кистяковский, Б. А. Философия и социология права / Б. А. Кистяковский; сост., примеч., указ. В. В. Сапова. – СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1999. – С. 125.
6. Краснов, Ю. К. История государства и права России: учебное пособие. – М.: Российское педагогическое агентство, 1997. – С. 189 – 209.
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская АН.; Российский фонд культуры. – М.: АЗЪ, 1996. – С. 566.
8. Российское законодательство X – XX веков: в 9 т. – Т. I. Законодательство Древней Руси. – М.: Юридическая литература, 1984. – С. 5.
9. Рыбаков, Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII – XIII вв. / Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1982. – С. 575.

УДК 14(470+571) «18/19»

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ В XIX в.

В. И. Красиков

A PROBLEM OF SUBJECTS OF RUSSIAN PHILOSOPHIZING IN XIX CENTURY

V. I. Krasikov

Статья подготовлена при финансовой поддержке и в рамках выполнения научно-исследовательского проекта № 2.1.3/4245, Аналитической ведомственной целевой программы "Развитие научного потенциала высшей школы" 2009-2010 гг. Министерства образования и науки РФ, Федерального агентства по образованию.

В статье исследуются социальные и ментальные особенности отечественных философов XIX столетия. Автор выявляет их обусловленность со стороны материальных и культурных ресурсов, образа жизни, стремится продемонстрировать как эти черты сказывались на стиле, интенсивности и приоритетах в философских занятиях.

The article is investigated the social and mental peculiarities of Russian philosophers of XIX century. The author explains their source and strives to demonstrate their influence upon a style, intensity and priority of philosophizing.

Ключевые слова: русская философия XIX века, особенности аристократического и демократического образа жизни и мышления в их влиянии на интеллектуальные построения.

Keywords: Russian philosophy of XIX century, the peculiarities of noble and democratic style of life and thinking and their influence upon intellectual constructions.

Немаловажное значение в контексте «начала» нашей мысли имели особенности как первого «субъекта» отечественного философствования в конце XVIII – первой трети XIX вв., так и нового, приходящего ему на смену. Значит, необходимо найти ответы на следующие вопросы: люди каких социальных статусов, с присущими им ментально-психологическими чертами, занимались философствованием? Каковы их сильные и слабые черты, производные от стартовых материальных и культурных

ресурсов, образа жизни? И, что важнее всего для нас здесь, – как эти черты сказывались на стиле, интенсивности и приоритетах в философских занятиях?

Эти вопросы не праздны и не есть выражение той или иной разновидности социального редукционизма, стремящегося свести специфику духовного к особенностям социального положения. Их связь с подоплекой событий и включенность в потаенные механизмы духовного творчества доказывают, что к ним приковано внимание как виднейших интеллек-

туалов рассматриваемой эпохи, пристрастно обсуждавших на страницах своих воспоминаний «передачу эстафеты» (А. Герцен, П. Анненков), так и последующих исследователей (П. Виноградов, Т. Артемьева, В. Мильчинова и др.)

Подобная «передача эстафеты мысли» от аристократов к средним и нижним городским слоям не нова в истории, а представляет собой скорее правило: вначале имеет возможности заниматься интеллектуальными вещами ничтожно тонкий по численности, обеспеченный и привилегированный слой населения. По мере роста общего благосостояния, образования и роста городов появляется и более широкий слой интеллектуалов, живущий уже продажей своих умственных способностей посредством либо преподавания усвоенного ими ранее культурного капитала, либо создания новых, пользующихся спросом текстов или мыслительных навыков. Существенная особенность этого процесса в России в том, что она происходила как бы «на наших глазах», т. е. удалена от нас на расстоянии всего нескольких поколений. Мы эту передачу можем наблюдать со слов непосредственных участников, и имеем возможность отслеживать ее влияние на характер философствования обозримого количества фигурантов мысли. И для нас это все еще важно. Тогда как подобные же события, отдаленные тысячелетиями в истории древних философских наций, не представляют для них особой значимости в силу столь же древнего разделения основных сфер духовной деятельности.

Итак, существовали два субъекта мысли [1] в России: дворяне-интеллектуалы и представители средних и нижних городских слоев, они же «разночинцы» или «интеллигенция». Первые формулируют в 30 – 40 гг. XIX в. цели и формат многих национальных проектов: «русская литература», «русская политическая (историческая) мысль» и т. п., в том числе и важный для нас – «русская философия» (гранды славянофильства и западничества – Хомяков, Киреевский, Герцен). Вторые приходят им на смену в 50 – 60 гг. XIX в. Итак, что же это были за типы, чье социальное и ментальное характерологическое отличие представлено столь рельефно в мемуарах современников? Находит ли оно свое выражение в особенностях складывания и функционирования всего сообщества интеллектуалов, в специфике основных позиций в поле интеллектуального внимания?

Разница между аристократическим и демократическим образом мыслей определяется существенными исходными различиями в социальном положении и воспитании.

Главнейшее достоинство, даваемое людям с обеспеченным состоянием, – независимость и самодостаточность, автономность от назойливых общественных ограничений. Это прекрасные стартовые возможности не просто для усвоения предшествующего культурного капитала в важной аранжировке «фамильной преемственности образования и воспитания» [2, с. 49], что само собой разумеется, но и для глубокой внутренней работы, катарсически

разряжающейся иногда в виде дивного экзотического цветка «второго рождения» на территории духа. Впитывалось с молоком матери (кормилицы) врожденное внутреннее достоинство, право «располагать собой, не придерживаясь никакого кодекса установленных правил, столь же условных и стеснительных в официальной морали, как и в приватной, какую заводят иногда дружеские кружки для своего обихода» [3, с. 166]. «Довольство дает развязную волю и ширь всякому развитию и всякому росту, не стягивает молодой преждевременной заботой, боязнью перед будущим, наконец, оставляет полную волю заниматься теми предметами, к которым влечет» [4, с. 354 – 355].

Привилегия, впрочем, оборачивается «бременем белого человека». Недостатки, как известно, являются продолжением достоинств, а потенция в реальной жизни редко превращается в реальность. Происходила редукция существенной части жизненной мотивации и «душевладельцы» превращались в паразитический класс, живописуемый Гоголем («Мертвые души») и Гончаровым («Обломов»). Даже одна из наиболее деятельных из них натур – Герцен, отмечает, что «Онегиных было даже слишком много. Мало занятые, все они жили не торопясь, без особых забот, спуская рукава» [4, с. 445].

Душевная автономность, чувства самооценности и избранности, культивируемые аристократическим воспитанием, давали большие авансы, но и требовали подтверждающей результативности в своих глазах и глазах других. И слишком мало у многих было для того воли, в большинстве случаев, отсутствовала внутренняя дисциплина и посыл к работе. Романтизм, отрешение от мира и бунтарские настроения обычно ограничивались университетским курсом (службой) и двумя-тремя годами юности. Для большего, если в дефиците были воля и идеализм, нужны были постоянное поощрение и знаки внимания, одобрения, обожания со стороны окружения, себе подобных, «света». Герцен отмечает, что Чаадаев (и также сами Герцен и Хомяков) постоянно мельтешил на светских тусовках, принимая у себя и тех, кого презирал, одевая на себя, впрочем, маску Байрона. Удел богатых и знатных интеллектуалов – осознанный и не осознанный поиск аудитории, рукоплещущего амфитеатра. Чацкий с воодушевлением обличал «нравы», Чаадаев, как вспоминает А. В. Якушкин, «ежеминутно закрывает себе лицо, выпрямляется, не слышит, что ему говорят, а потом, как бы по вдохновению, начинает говорить» [5, с. 5]. Хомяков «горячо и неумоимо проспорил всю жизнь» [4, с. 447], так и не реализовав свой историко-философский проект «Семирамиды», оставив все в кондичии рукописей. В глуши же, своих поместьях они быстро хирели и опускались – хотя, казалось бы, чего еще надо: нет пустого лицемерного «света», об иссушающем влиянии которого сокрушалось не одно поколение Онегиных-Печориных, твори себе. Неудачи их быстро подкашивали (попытки Киреевского издавать свои журналы), разочарование и депрессия, как следствие имманентного диссонанса завышенных амбиций с прозаической реальностью,

окрашивало их зрелые и старческие года в печальный цвет меланхолии и возвышенной тоски (вспомним Павла Петровича Кирсанова в тургеневских «Отцы и дети», судьбы тех же Герцена и Тургенева).

Иное дело, интеллектуалы-разночинцы. На них исходны: печать зависимости от среды, прививаемый с детства пиетет перед авторитетами, подсознательный страх перед голодом и лишениями, которые всегда маячат в отдалении, «демократическая зависть» при встрече с готовым комфортом. Интеллектуалы-дворяне безошибочно распознавали эту «демократическую слабость» и зло над ней иронизировали, мстя за аналогичные ревностные чувства к себе. Это «немножко дворянства, немножко поповства, немножко вольнодумства, немножко холопства» (Н. Михайловский) [6, с. 47]. Повышенная зависимость и склонность к следованию чужим влияниям как черта интеллектуалов-демократов усугубила и так уж такую развитую национальную черту как рецепируемость. Показательны в этом плане культы Белинского, иконы и архетипа разночинного интеллектуала, которого каждый раз как танк переезжало какое-либо очередное новомодное западное учение: французских социалистов, Гегеля или же Фейербаха. Вот как, с плохо скрываемым злорадством, описывает реакцию на последнего П. Анненков: «Белинский был поражен и оглушен до того, что оставался совершенно нем перед ней («Сущностью христианства» – В. К.) и утерять способность предъявлять какие-либо вопросы от себя, чем всегда отличался» [3, с. 150]. Подобное же шоковое впечатление с прямыми поведенческими последствиями пережил «неистовый Виссарион» и чуть ранее, при знакомстве (заметим – в простом пересказе М. Бакунина, по незнанию немецкого) с учением Гегеля.

Зависимость и склонность к влияниям отчасти нивелировались в бессознательной тяге к созданию своей особой коллективистской, в противоположность аристократическому индивидуализму, среде себе подобных со своими правилами и общими целями «сознательных работников для исторического прогресса» и «долгом перед народом», чья морально-политическая демократическая цензура была строже правительственной [7, с. 52, 54].

Привычка к стеснениям с малых лет как нельзя лучше дисциплинировала «пролетариев умственного труда» – они умеют и любят работать: плодовитость разночинцев просто поражает. Хотя они сильно зависели от реальных условий, политики и социальных институций, однако смогли противопоставить себя правящей элите создать особый этос борьбы, где свои эмансипационные цели отождествили с народно-освободительными.

Другое важное различие между двумя типами интеллектуалов проистекает из характера образования и воспитания. Раннее приватное, комплексное и полиязыковое образование создает, как то подтверждает и современная практика, труднодостижимые для других предпочтения. Главное среди них – возможность для раннего развития *артикулированного* стиля мышления и жизни [8], благодаря усвоению с

детства основ мирового духовного наследия, к тому же в полисемантической подаче. «Чистый» или более высокий тип интеллектуала подразумевает «более сущностно» подобный стиль поведения и мышления, в отличие от неосознаваемых самоотождествлений среднего, так сказать «массового» интеллигента со своей группой, средой или предшествующей традицией.

Нечто подобное имеет место и в сопоставлении интеллектуалов-аристократов с интеллектуалами-разночинцами. Интеллект первых, благодаря своему элитному фамильному воспитанию и образованию, исходно был отформатирован более широко, панорамно. Исходная культурная сложность окружающей среды, повседневность активного пользования несколькими языками, персональные связи с учителями – создавали *тонкую чувствительность к разнообразию*, основу культурно-врожденного персонализма, а, следовательно, склонность к личностной рефлексии. Не надо, однако, думать, что это безусловное преимущество. Рефлексия, как известно, обоюдоострое оружие. В случаях недостатка воли и воображения, усекновения стимулирующей мотивации или фатальной вереницы возобновляющихся препятствий она инициирует щелочное разъедание своих же собственных основ.

Выходец из бедных и средних слоев, сколь талантлив он ни был, не имел, конечно же, исходных привилегий домашнего образования и развивающей языковой подготовки. Конкретная сословная и профессиональная среда закладывали в него свои образы, подаваемые как «глобальные» (т. е. единственно возможные и правомерные). Отчасти их разрушало университетское образование, дискредитируя сословные предрассудки и филистерскую замкнутость мировоззрения («футляр»), очищая место для новой, «прогрессивной» закупки. Само школьное, «кафедральное» образование, формирующее интеллект разночинца, имело (и имеет) сциентистскую парадигму, административные и методологические ограничения [9, с. 102 – 103]. Здесь утверждается *единообразие* через культовые поучающие тексты, требующие рационального и систематического изложения сути всего. Меж них следует выбрать наилучшую систему, которая и будет истиной, катехизисом, зная которую интеллигент может считать себя достигшим полного просветления.

В случае своего «положительного» или ограниченного, умеренного (здравым смыслом, интуицией) использования такие рациональность и сциентизм очень даже эффективны как для достижения успехов в исследованиях, так и в организации практической жизни. Однако, как и в случае с благодатным культурным даром аристократии (рефлексия), рационалистическо-сциентистское формирование интеллекта разночинцев также имело свои серьезные издержки, нарушения благодетельной меры, поскольку утверждало культ единообразия (метода) и единственности (истины). Это вело к воинственному идеализму и профетизму (просветленной благодати «высшего понимания жизни и истории») – стоической основе демократического революционизма и

действительного подвижничества, с одной стороны, но и к нравственной глухоте (монашество атеистической религиозности) и нигилизму «прогрессоров», с другой.

Находили ли выражение отмеченные ментальные особенности этих двух типов интеллектуалов в их мировоззренческих построениях? Думается, что находили – в самой общей форме.

Высокообразованность, тонкая чувствительность к различиям, рефлексивность выдающихся представителей дворянской культуры стимулировали к созданию широкоформатных мировоззренческих полотен, в которых изощренно переплетались рационалистические и иррационалистические нити. Эти типы были склонны к персонализму, этическому идеализму поисков оправдания подлинной внутренней свободы, метафизике абсолюта и добра. Это характеризует как аристократов-славянофилов Хомякова, Киреевского, Аксакова, Самарина и более поздних Бердяева и кн. Трубецких, так и западников Герцена и Огарева, аристократов-анархистов Бакунина и Кропоткина.

Нравственная выдержка, терпеливость, методизм труда, коллективизм и воинственный идеализм «сознательных тружеников прогресса» фокусировали их внимание в основном на видимых, материальных, социальных формах бытия. Отсюда их страсть к материализму и позитивизму, социологическому редукционизму. Отчетливы подобные приоритеты у лидеров интеллектуалов-разночинцев: Белинского, Чернышевского, Писарева и др. Вместе с тем, дворяне-интеллектуалы из их же лагеря так и оставались не совсем «своими» в силу их «родовых пятен»: Герцен, Грановский, Михайловский, Лавров отличались душевной деликатностью, природным синтетизмом, культивированием личностного начала даже в социализме.

Побеждают, как известно, приоритетные темы, стиль мышления и действия более целеустремленных, деятельных и деловитых интеллектуалов. В течение почти всего XIX в., вплоть до последней его трети, доминирует социальная тематика в ущерб метафизической, которая остается маргинальной.

Подытожим. Исходная «аристократичность» субъектов философствования и малая доля «трудового», доморощенно-«демократического» (разночинного) элемента отсрочило на некоторое время появление сообщества интеллектуалов, одним из важнейших признаков которого, помимо рода непо-

средственных занятий, является страсть к общим вопросам.

Г. Шпет предлагает более сложную схему в эстафете «интеллигенций», т. е. субъектов культурного и мыслительного процессов. Он полагает, что «аристократическую интеллигенцию» (вероятно, интеллектуалов среди крупной родовой знати допетровской Руси) сменила «правительственная» или «бюрократическая» интеллигенция. По мысли Шпета – это бюрократы-культутреггеры петровского и после петровского поколений, которые уяснили для себя вполне осознанно миссию просвещения огромной варварской России. В двадцатые же годы XIX столетия начала складываться «нигилистическая» интеллигенция, либеральная и социалистическая, находящаяся *par excellence* в оппозиции «правительственной», приведшая, в конце концов, к большевизму.

Введение «третьей переменной» – правительственной интеллигенции, думаем, излишне. У бюрократов, в отличие от интеллектуалов из дворян или же разночинцев, как правило, не бывает автономного, самостоятельного и альтруистичного коллективного сознания.

Литература

1. Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии // Г. Г. Шпет. Сочинения. – М., 1989. – С. 40 – 47.
2. Виноградов, П. Г. Россия на распутье: историко-публицистические статьи / П. Г. Виноградов. – М.: Территория будущего, 2008. (Серия "Университетская библиотека Александра Погорельского").
3. Анненков, П. В. Литературные воспоминания / П. В. Анненков. – М., 1960.
4. Герцен, А. И. Былое и думы / А. И. Герцен. – М.: СЛОВО/SLOVO, 2001.
5. Мильчинова, В. А. О Чаадаеве и его философии истории. Сочинения / В. А. Мильчинова, А. Л. Оспова. – М.: Правда, 1989.
6. Шпет, Г. Г. Очерк развития русской философии. Сочинения / Г. Г. Шпет. – М., 1989.
7. Келли, А. Самоцензура и русская интеллигенция 1905 – 1914 гг. / А. Келли // Вопросы философии. – 1990. – № 10.
8. Артемьева, Т. В. Философия не умственная, а сердечная и чувствительная / Т. В. Артемьева // Вопросы философии. – 2005. – № 1.

УДК 140.8+159.923.2

ПРОБЛЕМА САМОСОЗНАНИЯ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

В. П. Щенников, О. Н. Белоглазова

THE PROBLEM OF SELF-ACTUALIZATION IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY

V. P. Shchennikov, O. N. Beloglazova

В статье рассмотрены философские воззрения в отношении проблемы самосознания. Философские взгляды на проблему самосознания представлены эволюционно. Обращается внимание на соотношение понятий: «самосознание», «самопознание», «самосознание» и «рефлексия».

The article considers philosophical views on the problem of self-actualization. Philosophical views on the issue of self-actualization are represented evolutionary. Draws attention to the relations between the concepts self-actualization and self-knowledge, self-actualization and reflection.

Ключевые слова: сознание, самосознание, самопознание, рефлексия.

Keywords: consciousness, self-actualization, self-knowledge, reflection.

Впервые проблема самосознания в качестве самостоятельной была поставлена уже в античной философии. Наиболее полное свое выражение в этот период она нашла в учении Сократа. Можно даже утверждать, что проблема становления самопознания и самосознания стала ядром сократовской философии, принцип «познай себя» был для него основополагающим принципом философствования и деятельности. Ф. Х. Кессиди, анализируя этот момент в философском творчестве Сократа, пишет: «Ни один из мыслителей античного мира, кроме Сократа, не сделал установку на самопознание основной частью своего учения и руководящим принципом своей деятельности» [7, с. 100].

Естественно возникает вопрос: почему именно этот принцип Сократ поставил во главу угла своей философии и каково его содержание? С одной стороны, такая постановка проблемы была обусловлена заботой Сократа о духовном становлении человека. Его более всего беспокоила опасность чрезмерного увлечения греков удовлетворением потребностей своего тела, а не души: «Ведь я только и делаю, что хожу и убеждаю каждого из вас, и молодого и старого, заботиться прежде и сильнее всего не о теле и не о деньгах, но о душе, чтобы она была как можно лучше; я говорю, что не от денег рождается добродетель, а от добродетели бывают у людей и деньги, и все прочие блага, как в частной жизни, так и в общественной» [13, с. 99].

Постоянное обращение внутрь своего «Я» есть, по мнению Сократа, способ, которым человек может постоянно поддерживать гармоническое равновесие души и тела.

С другой стороны, причиной особого внимания к принципу «познай самого себя» была полемика Сократа с различными философскими школами в античной Греции, особенно с софистами. Отмечая специфику философии софистов, В. Ф. Асмус писал: «Хотя некоторые софисты были действительно крупными мыслителями, релятивизм, ими развивавшийся, зачастую вел их к прямому отрицанию познаваемости вещей и субъективизму» [1, с. 100 – 101]. Естественно, что такая философия не устраивала столь глубокого мыслителя как Сократа, и реакцией на поверхностный подход софистов был призыв Сократа к углубленному изучению материала до слияния человеческого «Я» с предметом исследования, вследствие чего познание превращается в самопознание.

Еще на один аспект содержания принципа «познай самого себя» указывает Ксенофонт в «Воспоминаниях о Сократе», приводя одно из его высказываний: «Кто знает себя, тот знает, что для него полезно, и ясно понимает, что он может и чего не может. Занимаясь тем, что он знает, он удовлетворяет свои нужды и живет счастливо, и, не берясь за то,

что не знает, не делает ошибок и избегает несчастий. Благодаря этому он может определить ценность также и других людей и, пользуясь также ими, извлекает пользу и остерегает себя от несчастий». [1, с. 100 – 101]. Здесь Сократ связывает познание и знание самого себя, прежде всего, с успешностью и неуспешностью деятельности. Кроме того, что особенно важно, Сократ указывает, что, познавая себя, человек тем самым познает других, а знание других людей ведет к наиболее успешной деятельности. Этот аспект для нас особенно важен, ибо в дальнейшем представители различных философских школ пытались свести самосознание и самопознание к чистой интроспекции, самонаблюдению, исключая из анализа проблемы практическую деятельность, познание внешних объектов.

Существенный вклад в развитие проблемы самосознания субъекта внесла философия Нового времени. В эту эпоху категория самосознания нашла наиболее полную разработку в философской системе Р. Декарта.

Философия Р. Декарта характеризуется как дуалистическая при решении основного вопроса философии и рационалистическая в понимании форм и методов познания.

Рационализм философской системы Р. Декарта позволил ему поставить проблему самосознания как проблему, которая может научно ставиться и решаться, т. е., быть реальной, научной проблемой. «Система Декарта» - пишет В. Н. Новиков, – характеризуется при дуалистическом решении основного вопроса философии признанием открытости системы самосознания для рационального исследования в рамках гносеологии. В этом отношении рационалистическая концепция отличается от иррационалистической при сохранении общего принципа признания самосознания определяющим моментом познания» [12, с. 145].

Пристальное внимание Р. Декарта к самосознанию определяется общими исследовательскими тенденциями рационализма, прежде всего, стремлением к изучению самого инструмента познавательной деятельности, сознания. «Рассмотрев себя ближе и исследовав, каковы мои заблуждения ..., я нахожу, что они зависят от взаимодействия двух причин, – пишет Р. Декарт, – именно познавательной способности, существующей во мне, и способности выбирать, или моего свободного решения, т. е. моего разума и вместе с тем от моей воли». [5, с. 374]. Р. Декарт понимает процесс познания как «единство познания материального мира и процесса самопознания» [9, с. 129].

Одна из сторон идеализма Р. Декарта заключается в попытке свести самосознание субъекта к чистой саморефлексии, где субъект оказывается спо-

собным познавать себя до процесса познания объективной реальности. «Ничто не может быть познано прежде самого интеллекта, – пишет Р. Декарт, – ибо познание всех прочих вещей зависит от интеллекта» [5, с. 108]. Реально же процесс самосознания субъекта возможен на базе познания объективной реальности. Самопознание субъекта производно от познания объективной реальности, в философии же Р. Декарта познание объективной реальности оказывается производным от самопознания субъекта». «Самосознание, – пишет Е. В. Черносвитов, – есть результат познания себя, которое осуществляется теми же способами, что и познание объективного мира, оно приходит через все этапы познания, от ощущения /чувства «Я»/ через представление «Я», до понятия концепции «Я» [17, с. 150].

В силу того, что для рационализма характерно сведение субъекта к его сознанию, самосознание у Р. Декарта понимается как самопознание субъектом лишь закономерностей мышления. В. Н. Новиков следующим образом характеризует эту сторону в трактовке Р. Декартом проблемы самосознания: «Самосознание отрывается от психики, сводится к рефлексивному самосознанию, так как декартовское «Я» – это понятие, которое относится не к эмпирическому субъекту и к его способности самонаблюдения, а к рефлексивному уровню» [12, с. 146].

Ложное истолкование соотношения сознания и самосознания субъекта является следствием ложного понимания закономерностей процесса познавательной деятельности. «Ошибка Декарта, – пишет П. Д. Шашкевич, – состояла в отождествлении познающего существа с познанием, которое есть акт познающего, или с разумом, который есть способность познающего, в непонимании того, что мыслящее существо есть нечто материальное, телесное, поскольку мы не можем отделить мышление от мыслящей материи» [18, с. 84].

Ни одна школа в истории философии не уделяла столько внимания проблеме самосознания, как немецкая классическая философия. Поэтому анализ разработки проблемы самосознания Кантом, Фихте, Гегелем будет для нас особенно важен при выяснении возможных подходов к исследованию данной проблемы.

И. Кант был как основателем школы немецкого классического идеализма, так и основателем исследования проблемы самосознания в рамках этой школы. Однако прежде, чем проанализировать теорию самосознания субъекта в гносеологии Канта, необходимо подвергнуть критическому рассмотрению основы его теории познания.

Кант выступает на философскую арену как мыслитель, который пытался дать достаточно широкий и глубокий анализ эмпиризма и рационализма, показать и проанализировать соотношение этих форм познания и возможностей каждой из них.

Прежде всего, Кант обращается к познавательным способностям субъекта, поставив проблему его гносеологического самосознания: «До сих пор считали, что всякие наши знания должны соотнобразываться с предметами. При этом, однако, кончались

неудачей все попытки через понятие что-то априорно установить относительно предметов, что расширило бы наши знания о них. Поэтому следовало бы попытаться выяснить, не разрешим ли мы задачи метафизики более успешно, если будем исходить из предложения, что предметы должны соотнобразываться с нашим познанием, – а это лучше согласуется с требованием возможности априорного знания о них, которое должно установить нечто о предметах раньше, чем они даны» [6, с. 87].

Прежде чем приступить к процессу познания, по мнению Канта, необходимо выявить познавательные способности субъекта. Однако, это не значит, что Кант сводит процесс познания к деятельности изолированного сознания, к самоанализу сознания. В гносеологии Канта отчетливо выделяются два источника познания: чувственное и рациональное. Сам Кант следующим образом определяет эти составные части процесса познания: «Наше знание возникает из двух основных источников души: первый из них есть способность получать представления /восприимчивость к впечатлениям/, а второй – способность познавать через эти представления предмет /спонтанность понятий/» [6, с. 154]. Внешне приведенное определение выглядит вполне материалистически – субъект отражает и познает объект. Однако весь субъективизм кантовской гносеологии как раз и заключается в трактовке категории «объект», в соотношении объекта реального /как противоположности субъекту/ и кантовского «объекта». Говоря о своем понимании объекта, Кант специально подчеркивает: «Трансцендентальное единство апперцепции есть то единство, благодаря которому все данное в созерцании многообразное объединяется в понятие об объекте» [6, с. 196], то есть реально процесс познания начинается только тогда, когда свойства реального объекта посредством чувств проникают в сознание субъекта, формируются уже в специфический, гносеологизированный объект, который наряду со свойствами реального объекта наделяется качествами субъекта. Здесь мы сталкиваемся с тем, что Кант называет трансцендентальным единством апперцепции, формой выражения которого является формула «Я мыслю», «трансцендентальная апперцепция – первоначальное тождество самосознания, априорно предшествующее всему моему определенному мышлению». [6, с. 193]. По Канту получается, что принцип «Я мыслю» заложен в субъект до реального процесса мышления, процесс самосознания оказывается первичным по отношению к процессу накопления объективного знания субъектом. Как справедливо указывает К. Н. Любутин: «Априорный принцип, проявляющийся в сознании всякого эмпирического субъекта как принцип «Я мыслю», трансцендентален. Это значит, что данный принцип является условием априорного синтеза чувственности и рассудка, формирования «субъекта» [8, с. 28].

Самосознание субъекта связано с его сознанием. Самосознание выступает в качестве одной из сторон функционирования сознания. Естественно, из этой посылки следует, что содержание самосознания

субъекта должно быть каким-то образом связано с содержанием сознания субъекта и в какой-либо форме в нем присутствовать. В истории проблемы встречались самые различные решения вопроса о соотношении содержания сознания и самосознания. В качестве примера мы можем сослаться на экзистенциализм, где самосознание оказывается доминирующим по отношению к сознанию, определяет его содержание и закономерности функционирования. Для представителей экзистенциализма самосознание, не смотря на примат над сознанием, оказывается с ним тесно связанным. Несколько иначе это соотношение выглядит у Канта. Г. В. Тевзаде, характеризуя соотношение самосознания и рассудка в теории Канта, вполне справедливо отмечает: «В сфере трансцендентальной логики самосознание, правда, первично, но в нем анализ и синтез, сознательное и бессознательное действия разделены, не смотря на то, что первоначальный синтез представляют собой содержание самосознания, по сути дела, он сохраняет автономию в отношении рассудка. Рассудку, как способности понятий, первоначальный синтез дается так же, как дается ему чувственное многообразие» [14, с. 138]. Самосознание же, исходя из принципов функционирования кантовской трансцендентальной апперцепции, оказывается независимым от предметного сознания субъекта, от познания объективной реальности. ... «в основу этой науки /способности к познанию/ – пишет Кант, – мы можем положить только простое и само по себе совершенно лишнее содержания представление: Я, которое нельзя даже назвать понятием, т. к. оно есть лишь сознание, сопутствующее всем понятиям. Посредством этого Я, которое мыслит, представляется не что иное, как трансцендентальный субъект мысли, который познается только посредством мыслей, составляющих его предикаты, и о котором мы, если его обособить, не можем иметь ни малейшего понятия» [6, с. 371].

В дальнейшем теория самосознания развивается Кантом в «Антропологии с прагматической точки зрения». Если в «Критике чистого разума» самосознание анализируется в аспекте логики, то в «Антропологии» сделан акцент на содержательный анализ, но без отступления основных гносеологических принципов «Критики чистого разума».

В разделе «О сознании самого себя» Кант пишет: «То обстоятельство, что человек может обладать представлением о своем Я, бесконечно возвышает его над всеми другими существами, живущими на Земле. Благодаря этому, личность, и в силу единства сознания /трансцендентального единства апперцепции/ при всех изменениях, которых он может претерпевать, он одна и та же личность, то есть существо, по своему положению и достоинству совершенно отличное от вещей, каковы неразумные животные, с которыми можно обращаться и распоряжаться как угодно» [6, с. 357]. После термина «Сознание» мы не случайно сделали расшифровку, ибо в дальнейшем станет ясно, что возможности самосознания субъекта не столь безграничны, как это может выглядеть, исходя из приведенной цитаты. Кант налагает на самосознание, самопознание /как и на познание вообще/

вполне определенные границы, обусловленные трансцендентальным единством апперцепции /в приведенной цитате – «единством сознания»/.

Кант выделяет два аспекта, в рамках которых можно говорить о самосознании:

- 1) «Я как субъект мышления /в логике/, которое означает чистую апперцепцию /чисто рефлектирующее «Я»/ и о котором ничего больше сказать не можем, так как это совершенно простое представление;
- 2) Я как объект восприятия, стало быть внутреннего чувства, которое содержит в себе многообразие определений, делающих возможным внутренний опыт» [6, с. 365].

Если в первом аспекте нельзя говорить о самосознании в силу пустоты «Я», то во втором аспекте «Я» открываются возможности самопознания. С этой целью Кант вводит наряду с категорией «чистая апперцепция» категорию «эмпирическая апперцепция». Две эти категории Кант различает следующим образом: «Когда мы представляем себе внутреннее действие /спонтанность/, благодаря которому становится возможным понятие /мысль/, т. е., рефлексии и восприимчивости, благодаря которой становится возможным восприятие /perceptio/, т. е. эмпирическое созерцание, схватывание, то представляем себе оба аспекта осознанно, то сознание самого себя /apperceptio/ можно разделить на сознание рефлексии и на сознание-схватывание». Первое - это сознание рассудка, второе - внутреннее чувство; первая – чистая, вторая – эмпирическая апперцепция» [6, с. 365].

Однако введением понятия «эмпирическая апперцепция» Кант не снимает агностицизма своей гносеологии. Даже будучи «эмпирической», апперцепция остается апперцепцией, ограничивая познание не только внешних объектов, но и внутренних качеств субъекта. Мы созерцаем себя самих лишь постольку, поскольку мы сами воздействуем на себя изнутри, «осознание самого себя далеко еще не есть познание самого себя» [6, с. 209]. Чувство, даже будучи внутренним чувством, по мнению Канта, также взаимодействует с рассудком и разумом, как и ощущения, доставляемые от внешних объектов, посему и человеческое «Я» оказывается «вещью в себе». «Мы для самих себя, по Канту, – пишет П. П. Гайденок, – тоже вещь в себе...О себе, как о вещи в себе, я знаю только, что Я есмь; ничего более из этого Я есмь вывести невозможно [4, с. 43]. Как подчеркивает И. С. Нарский, характеризуя этот аспект гносеологии Канта: «Эмпирически мы познаем себя, но не познаем своей сущности. Можно сказать и так, что мы познаем свое «Я» таким, каким оно нам является в процессе переживания внутри чувства познания, но не таким, каково оно само по себе» [7, с. 100].

Дальнейшая эволюция категории «самопознание» в немецкой классической философии связана с творчеством И. Фихте. Анализируя структуру философской системы Г. Гегеля, К. Маркс пишет: «В системе Гегеля существует три элемента: Спинозовская субстанция, фихтовское самосознание и гегелевское необходимо-противоречивое единство обо-

их элементов – абсолютный дух. Первый элемент есть метафизически переряженная природа в ее оторванности от человека, второй – метафизически переряженный дух в его оторванности от природы, третий – метафизически переряженное единство обоих факторов, действительный человеческий род» [10, с. 154].

К. Маркс указывает на категорию «самосознание» как на одну из основных категорий философии Фихте. Нам предстоит выяснить причины, которые позволили К. Марксу определить философию Фихте именно таким образом, выявить место категории «самосознание» в ряду других категорий философии Фихте и ее содержание.

Как известно, немецкий классический идеализм был теоретическим выражением идеалов и целей французской буржуазной революции. Слабость немецкой буржуазии, ее неспособность к решительным действиям с целью достижения своих интересов породила мощный интеллектуальный взрыв, что было особенно характерно для философии. Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель в форме философских теорий поставили и пытались решить те проблемы, за решение которых французская буржуазия взялась с оружием в руках. Идея свободы, за достижение которой самым решительным образом боролась французская буржуазия, нашла в немецкой классической философии свое выражение в категории «свобода», которую не обошел ни один представитель немецкой философской классики. В этом отношении у Фихте нет равных, ибо никто не уделил этой категории столько внимания и места в своем творчестве. Однако эта категория оказывается наполненной у Фихте идеалистическим содержанием, ибо: «Находясь во власти идеалистических заблуждений, он полагал, будто не революционные народные массы изменяют данные соотношения, а его философия. В одном из писем 1795 г. он утверждал, что «если французская нация с помощью революции освободила человека от внешних оков, то его философия освобождает человека от оков вещи в себе, то есть человек отныне больше не подчинен никаким общественным потребностям. Человеку лишь остается признать философию Фихте и положить ее в основу своих действий» [2, с. 46]. Свобода оказывается явлением, независимым от самосознания субъекта.

Идеализм Фихте имеет и определенные теоретические исходные посылки. И одна из главных посылок такого рода – отождествление субъекта с его сознанием, что с необходимостью привело к идеалистическому выводу в плане решения основного вопроса философии. По этому поводу К. Н. Любунин пишет: «По сути дела Фихте подменяет основной вопрос философии, вопрос о соотношении сознания и материи, вопросом о соотношении субъекта и объекта. Он отождествляет объект с природой, и субъект – с сознанием. Понятый таким образом субъект объявляется первичным по отношению к объекту, т. е. миру вообще» [8, с. 37]. Сознание, будучи внешне первичным в философии Фихте, подвергается им структурному анализу. Однако идеалистические исходные посылки остаются домини-

рующими при анализе сознания, исследование возникновения и функционирования сознания ведется исходя из самого сознания. Трансцендентальный метод Канта Фихте преодолеть не удалось. Уже в исходной посылке «Я есть Я» сущность сознания сводится к самосознанию. В. Вандек во вступительной статье к работе Фихте «О назначении ученого» так оценивает исходный пункт его философии: «От Канта он воспринял то, что надо начать с себя, раскрыть сущность и природу своего разума, начать с самосознания, с исследования способности человеческой души и необходимых форм ее познания» [3, с. 23]. В дальнейшем исходный пункт анализа сознания превращается в основной, сознание оказывается способным выполнять свои функции, будучи самосознанием. Философия Фихте дает не знания о действительности, а знание о знании действительности.

Самопознание «Я» превращается у Фихте в источник развития субъекта, осуществляемого посредством «дела-действия» /Tathandlung/, где активность «Я» достигается посредством самоограничения через внешнее «не-Я». По Фихте самопознание «Я» не возможно без «не-Я». Взаимодействуя с «не-Я», «Я» обогащает свое содержание: «Я» никогда не осознает себя и не может осознать иначе, как в своих эмпирических определениях, и что эти эмпирические определения непременно предполагают нечто вне «Я» [15, с. 60].

В качестве внешнего «не-Я» могут выступать как объекты природы, так и другие субъекты, с которыми данный субъект взаимодействует. «Описанное взаимодействие, – пишет Фихте, – было необходимым условием всякого самосознания; если оно совершается, то налицо и самосознание... Поскольку описанное воздействует, есть нечто ощущаемое, оно есть некоторое ограничение «Я» и субъект должен полагать его как таковое; нет ограничения без чего-то ограничивающего. Поэтому субъект должен, поскольку он положил ограничение, полагать также нечто вне себя как основание определения этого ограничения...» [16, с. 19]. Однако результатом активности «Я» является не творчески-преобразовательная деятельность по изменению окружающего мира, а лишь изменения в самосознании «Я». Внешний мир, во взаимодействие с которым вступает сознание, оказывается не более как фактором, посредством которого проявляются и становятся доступными ему самому его же собственного качества: «Итак, довольно утверждений о влияниях и воздействиях внешних вещей на меня, посредством которых они будто бы дают мне знание о себе - знание, которого не в них самих, и которое не может исходить от них. Основание, в котором я принимаю что-нибудь вне меня, лежит не вне меня, во мне самом...». Эта фраза наглядно иллюстрирует нам, что, начав анализ сознания с отождествления его с самосознанием, отождествив субъект и самосознание, Фихте с неизбежностью приходит к субъективизму, превращая функционирование самосознания в бесконечную цепь актов сознания, где в каждом из актов отражается не объективная реальность, а уже отраженное и субъективизированное.

Литература

1. Асмус, В. Ф. Античная философия / В. Ф. Асмус. – М., 1976. – С. 100 – 101.
2. Бур, М. Фихте / М. Бур. – М., 1965. – С. 46.
3. Вандек, В. Вступительная статья. В кн.: Фихте. О назначении ученого / В. Вандек. – М., 1935. – С. 23.
4. Гайдено, П. П. Философия Фихте и современность / П. П. Гайдено. – М., 1979. – С. 43.
5. Декарт, Р. Избранные произведения / Р. Декарт. – М., 1950. – С. 374.
6. Кант, И. Сочинения в шести томах / И. Кант. – 1964. – Т. 3. – С. 87.
7. Кессиди, Ф. Х. Сократ / Ф. Х. Кессиди. – М., 1976. – С. 100.
8. Любути, К. Н. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии / К. Н. Любути. – Свердловск, 1973. – С. 28.
9. Ляткер, Я. А. Декарт / Я. А. Ляткер. – М., 1978. – С. 129.
10. Маркс, К. Энгельс Ф. Соч. – Т. 2. – С. 154.
11. Нарский, И. С. Западноевропейская философия XIX века / И. С. Нарский. – М., 1976. – С. 90.
12. Новиков, В. Н. К проблеме самосознания / В. Н. Новиков // Философские науки. – 1976. – № 5. – С. 145.
13. Платон. Соч. – М., 1976. – Т. 1. – С. 99.
14. Тевзадзе, Г. В. Структура трансцендентальной апперцепции / Г. В. Тевзадзе // Вопросы философии. – 1971. – № 5. С. 138.
15. Фихте, И. Г. О назначении ученого / И. Г. Фихте. – М., 1935. – С. 60.
16. Фихте, И. Г. О назначении человека / И. Г. Фихте. – СПб., 1906. – С. 19.
17. Черносвитов, Е. В. Самосознание в структуре сознания / Е. В. Черносвитев // Философские науки. – 1974. – № 4. – С. 150.
18. Шашкевич, П. Д. Эмпиризм и рационализм в философии Нового времени / П. Д. Шашкевич. – М., 1976. – С. 84.
19. Fichte, I. G. Werke. Auswart in sechs Banden, Bd. ?hrsg. von F. Medicus / I. G. Fichte. – Leipzig, 1908 – 1911. – S. 21.

ХИМИЯ

УДК 543.422.3

**СПЕКТРОФОТОМЕТРИЧЕСКИЕ МЕТОДИКИ
ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПЕРОКСИНИТРИТА И НИТРИТА**
Г. Н. Шрайбман, Е. П. Дягилева, А. В. Скибина

**SPECTROPHOTOMETRIC METHODS OF DETERMINATION
OF THE PEROXYNIRITE AND THE NITRITE**
G. N. Shraibman, E. P. Dyagileva, A. V. Skibina

Работа выполнена при поддержке ФЦП “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России” 2009 – 2013 гг.

Предлагаются спектрофотометрические методики определения пероксинитрит- и нитрит-ионов, образующихся при фотолизе нитратов щелочных и щелочноземельных металлов. Определение пероксинитрит-ионов проводится с использованием реакции с иодидом калия в буферированной среде при pH 6-7. Определение нитрит-ионов основано на реакции с резорцином в кислой среде и последующим взаимодействием нитрозорезорцина с цирконил-ионами с образованием хелата.

Spectrophotometric methods of determination of the peroxynirite ions and the nitrite ions in photolysed alkali and alkali-earth nitrates are suggested. Determination of peroxynirite is carried out by reaction with iodide at pH 6–7. Determination of nitrite is based on the reaction with resorcinol in acidic solution followed by interaction nitroso product with the zirconyl ions.

Ключевые слова: спектрофотометрия, фотолиз, пероксинитрит, нитрит, щелочные и щелочноземельные нитраты.

Keywords: spectrophotometry, photolysis, peroxynirite, nitrite, alkali and alkali-earth nitrates.

Нитрит– NO_2^- и пероксинитрит– ONOO^- ионы (наряду с кислородом) являются основными продуктами фотолиза кристаллических нитратов щелочных металлов при облучении светом 253.7 нм [1, 4]. При химическом анализе этих продуктов, включающем растворение твердых образцов облученных нитратов щелочных металлов, ранее использовались в основном две методики.

Методика определения нитрита основана на реакции диазотирования сульфаниловой кислоты в кислой среде с последующим образованием в щелочной (аммиачной) среде при конденсации с фенолом окрашенного соединения – дифенил-азо-*n*-бензолсульфо кислоты (методика Шинн [3]). При этом предполагается, что растворение образцов в воде с последующим подкислением приводит к пол-

ной изомеризации ионов ONOO^- в ионы NO_3^- и, соответственно, к отсутствию влияния пероксинитрита на результаты анализа. В опубликованных результатах исследований двух последних десятилетий по химическому поведению пероксинитрита в водных растворах, установлено, что его изомеризация в нитрат и разложение до нитрита и кислорода зависят от pH среды, концентрации [9], наличия CO_2 [10]. Установлено, что пероксинитрит даже в среде близкой к нейтральной нестабилен и частично переходит в NO_2^- и NO_3^- [12], что приводит к некорректной оценке содержания нитрита в твердой фазе на основании данных о его концентрации в растворе. В работе [12] установлено, что необходимо проводить растворение фотолизированных нитратов в более жестких условиях при использовании методики Шинн, а именно pH ~ 2 для исключения вклада пероксинитрита в определение нитрита.

Для определения пероксинитрита использовалась методика потенциометрического титрования его как восстановителя перманганатом калия в щелочной среде при pH ~ 13 [11]. Проблема количественного определения пероксинитрита по данной методике связана с нестабильностью потенциала во времени, одной из причин которого может быть влияние CO_2 , взаимодействующего с пероксинитритом с образованием нитрат-иона с $k = 3 \cdot 10^4 \text{ M}^{-1} \text{ c}^{-1}$ [10]. Поэтому для получения корректных результатов анализа существенно возрастают требования к приготовлению водных растворов реагентов. Кроме того, данная методика является достаточно трудоемкой.

В работе [12] предложено использовать методику Шинн для определения пероксинитрита в продуктах фотолиза нитратов щелочных металлов по разности содержания нитрита: вычитанием полученного при кислотном растворении образцов (pH ~ 2) и полученного после количественного перевода ONOO^- в NO_2^- (pH 10.2, катализатор – ионы Cu^{2+}). Проведенная нами проверка рекомендаций авторов работы подтвердила необходимость кислотного растворения фотолизированных образцов при определении нитрита в нитратах. Однако количественный перевод ONOO^- в NO_2^- с целью определения суммарного нитрита – трудновоспроизводимая аналитическая операция.

При изучении фотохимических превращений нитратов щелочноземельных металлов количественный химический анализ нитрита и пероксинитрита с использованием вышеуказанных методик [3, 11] сопряжен с дополнительными проблемами, связанными с возможностью образования малорастворимых гидроксидов, особенно в случае нитрата магния.

С целью решения существующих проблем анализа фотолизированных нитратов щелочных и щелочноземельных металлов в настоящей работе на основании проведенных аналитических исследований предлагаются экспрессные спектрофотометрические методики химического определения продуктов фотолиза нитратов – пероксинитрита и нитрита. Для определения нитрита оптимизирована методика [6], в которой используется реакция NO_2^- с резорцином при pH 1.5-2 с образованием нитрозосоединения, а аналитическим сигналом служит оптическая плот-

ность при 347 нм хелата нитрозорезорцина с цирконил-ионами. Для определения пероксинитрита были выбраны условия стехиометрического выделения иода в реакции с иодидом калия и измерение оптической плотности раствора при 355 нм в качестве аналитического сигнала.

Эту методику определения пероксинитрита можно использовать для изучения его химических свойств и возможных путей распада в водной среде при различных значениях pH. Актуальность таких исследований связана также с важной ролью пероксинитрита в организме человека как участника многих физиологических процессов [2].

Экспериментальная часть

Объекты исследования, реагенты и аппаратура. Объектами исследования служили образцы поликристаллических солей ($\text{Sr}(\text{NO}_3)_2$, $\text{Ba}(\text{NO}_3)_2$, $\text{Ca}(\text{NO}_3)_2 \cdot 4\text{H}_2\text{O}$, $\text{Mg}(\text{NO}_3)_2 \cdot 6\text{H}_2\text{O}$), трижды перекристаллизованных из бидистиллированной воды и растертых в порошок в агатовой ступке до размера частиц 0.05-0.1 мм. Порошок помещали в ячейки (площадью 2.76 cm^2) и облучали при комнатной температуре нефильтрованным светом ртутной лампы низкого давления БУВ-30, 87 % энергии излучения которой соответствует длине волны 253.7 нм на расстоянии 5 см от колбы лампы (интенсивность излучения $\sim 1.6 \cdot 10^{-15} \text{ квант} \cdot \text{cm}^{-2} \cdot \text{c}^{-1}$); ячейки располагали вдоль нее на расстоянии не более четверти длины светящейся части в обе стороны от центра. Облучение порошка KNO_3 проводили также в тонком слое («в массе») при периодическом перемешивании.

Для приготовления растворов использовали реагенты квалификации «х.ч.». Исходный раствор (0.01 М) KNO_2 готовили растворением точной навески предварительно просушенной при 110°C соли. Рабочий раствор иода ($2.50 \cdot 10^{-4}$ М) готовили 200-кратным разбавлением исходного стандартного 0.0500 М раствора. Для приготовления рабочих растворов исходные растворы разбавляли непосредственно перед их использованием. Раствор KI с массовой долей 5 % готовили из сухой соли квалификации «х. ч.».

Приготовление реагентной смеси в разрабатываемой методике определения нитрита проводили по методике, приведенной в работе [6]. Приготовление раствора I: 1 г резорцина и 1.1 г цирконилхлорида (восьмиводный) растворяли в бидистиллированной воде, содержащей 7.5 мл концентрированной соляной кислоты, затем полученный раствор разбавляли до 500 мл. Приготовление раствора II: 1 г сульфата натрия и 1.5 г ацетата натрия (трехводный) растворяли в 500 мл бидистиллированной воды (при анализе нитратов стронция и бария в раствор II не вводился сульфат натрия во избежание образования малорастворимых сульфатов). Эти растворы устойчивы несколько недель при хранении ($5-8^\circ\text{C}$) в плотно закрытой темной склянке. Перед анализом равные объемы растворов I и II смешивали, получая реагентную смесь.

Исходный щелочной раствор пероксинитрита натрия, $(3-7) \cdot 10^{-3}$ М) получали по реакции взаимодействия пероксида водорода и нитрита натрия [11].

На первом этапе синтеза смешивали ледяные растворы: 125 мл водного раствора, содержащего 5 г NaNO_2 (0.07 моль) и раствора, содержащего 125 мл дистиллированной воды, 7.5 мл 35 % H_2O_2 (0.08 моль) и 2 мл 96 % H_2SO_4 . Затем смесь быстро вливали в 250 мл водного раствора, содержащего 12.5 г NaOH . Задержка в несколько секунд при нейтрализации кислоты приводит к разложению пероксинитрита. Избыток H_2O_2 разлагали перемешиванием в течение 5 мин с 2 г тонко измельченного MnO_2 . Затем раствор фильтровали через слой хроматографически чистого силикагеля и после двухчасовой выдержки повторяли фильтрование еще раз. Стандартизацию щелочного раствора пероксинитрита проводили потенциометрическим титрованием $1.0 \cdot 10^{-3}$ М раствором перманганата калия, к 100 мл которого предварительно добавляли 1 мл 1М KOH . Величину потенциала измеряли на рН-метре «рН-mV 88». В качестве электрода сравнения использовали хлорсеребряный электрод, а в качестве индикаторного электрода – платиновый (ЭПВ-1). Измерения проводили через 2 мин после добавления порции титранта. Спектрофотометрически концентрацию пероксинитрита определяли, измеряя оптическую плотность разбавленного рабочего раствора при 302 нм ($\varepsilon = 1670 \text{ М}^{-1} \cdot \text{см}^{-1}$ [8]). Рабочие растворы пероксинитрита готовили из исходного десятикратным разбавлением 1 М раствором NaOH , приготовленным на прокипяченной воде.

Для приготовления ацетатного буферного раствора с рН 6.3 к 51.2 мл 1 М уксусной кислоты добавляли 50.0 мл 1 М раствора гидроксида натрия и разбавляли дистиллированной водой до 500 мл. Для приготовления фосфатного буферного раствора использовали «стандарт-титр» с рН 6.86 (ОАО «УЗХР»).

Оптическую плотность растворов измеряли на спектрофотометре «СФ-26» (Россия) ($l = 1 \text{ см}$), спектры поглощения регистрировали на спектрофотометре «SHIMADZU UV-1700» (Япония).

Результаты и их обсуждение

Оптимизация условий реакции с иодидом калия при разработке спектрофотометрической методики определения пероксинитрита. Для разработки методики имелись следующие предпосылки: 1) известная качественная реакция пероксидов с иодидом с выделением иода; 2) высокий молярный коэффициент поглощения иода в иодиде калия (I_3^-) ($\sim 25000 \text{ М}^{-1} \cdot \text{см}^{-1}$ при 355 нм); 3) литературные данные о высокой скорости реакции ONOO^- с иодидом ($k = (2.9 \pm 0.3) \cdot 10^4 \text{ М}^{-1} \cdot \text{с}^{-1}$ [13], $(2.3 \pm 0.1) \cdot 10^4 \text{ М}^{-1} \cdot \text{с}^{-1}$ [7]), превышающей скорость изомеризации в нитрат $k = 1.25 \pm 0.01 \text{ с}^{-1}$ [12]; 4) сообщение [13] об изменении стехиометрического коэффициента реакции окисления бромид- и иодид-ионов пероксиазотистой кислотой при рН 3-5 от 2:1 до 1:0.8 в зависимости от избытка галогенида (при этом не учитывалась возможная изомеризация ONOO^- в нитрат, вклад которой растет с уменьшением рН). На основании этого можно было ожидать, что в среде близкой к нейтральной ($E_{\text{ONOO}^-, 2\text{H}^+ / \text{NO}_2^*, \text{H}_2\text{O}}^0 = 1.6 \text{ В}$ при

рН 7 [5]) в присутствии буфера при достаточном избытке иодида можно добиться протекания реакции ONOO^- (и HOONO) с иодидом в соотношении 1:1:

$$\text{ONOO}^- + 3\text{I}^- + \text{H}_2\text{O} \rightarrow \text{I}_3^- + \text{NO}_2^- + 2\text{OH}^- \quad (1)$$

$$(\text{HOONO} + 3\text{I}^- \rightarrow \text{I}_3^- + \text{NO}_2^- + \text{OH}^-)$$

При выборе условий анализа был установлен интервал рН от 5.5 до 8, обеспечивающий практическое отсутствие окисления иодида нитритом, присутствующим в продуктах фотохимических превращений нитратов, и стабильность образующегося I_3^- в растворе.

Для оценки влияния количества KI на параметры калибровочного графика было проведено фотометрирование растворов $(0.25 - 4.00) \cdot 10^{-5}$ М иода с варьированием концентрации вводимого KI от $3.6 \cdot 10^{-2}$ М до $12 \cdot 10^{-2}$ М, в присутствии буферных растворов. Установлено, что в диапазоне концентраций иодида $3.6 \cdot 10^{-2} - 8 \cdot 10^{-2}$ М сохраняется линейность и наклон калибровочных зависимостей; значения молярного коэффициента поглощения иода (I_3^-) при 355 нм составляют $24000 \pm 1000 \text{ М}^{-1} \cdot \text{см}^{-1}$. Вклад нитрита, количество которого при фотолизе не превышает количество пероксинитрита, в поглощение при 355 нм ничтожно мал ($\varepsilon \sim 23 \text{ М}^{-1} \cdot \text{см}^{-1}$); кроме того, он может быть учтен после независимого определения нитрита в образцах.

При растворении фотолизированного «в массе» порошка KNO_3 в присутствии KI и буфера наблюдалась линейная зависимость оптической плотности при 355 нм от массы образца.

На основании проведенных исследований выбраны оптимальные условия для определения пероксинитрита: $c(\text{KI}) = 6 \cdot 10^{-2}$ М (соответствует 5 мл 5 % раствора в рабочем объеме 25 мл), объем буферного раствора 10 мл (фосфатный, рН 6.86 – при анализе нитратов щелочных металлов и ацетатный, рН ~6.3 – при анализе нитратов щелочных и других металлов).

Методика определения пероксинитрита

При построении калибровочных графиков в мерные колбы вместимостью 25 мл вносили 10 мл соответствующего буферного раствора, 5 мл 5 % раствора KI и от 0.25 до 4.00 мл $2.50 \cdot 10^{-4}$ М раствора I_2 . Полученный раствор доводили до метки дистиллированной водой, и после перемешивания (через 2 - 15 минут) измеряли оптическую плотность при 355 нм относительно «холостой» пробы. При проведении анализа вместо раствора иода вносили пробу (порошок) фотолизированного нитрата или рабочий раствор пероксинитрита. Расчет концентрации в образцах нитратов, моль/г (моль/см²) проводится по формуле:

$$c(\text{ONOO}^-) = \frac{A \cdot V_{\text{м.к.}}}{b \cdot l \cdot m(S)}, \quad (2)$$

где A – оптическая плотность;
 $V_{\text{м.к.}}$ – объем мерной колбы, мл;
 b – экспериментальное значение коэффициента в соответствующем уравнении, л/моль;
 l – толщина поглощающего слоя, см;
 m – навеска образца KNO_3 , г или
 S – площадь поверхности образца, см².

Метрологические характеристики калибровочных графиков: при использовании фосфатного буферного раствора (рН 6.86) уравнение графика $y = (24200 \pm 700) \cdot c$; $c_{\min} = 3.9 \cdot 10^{-7}$ моль/л; диапазон определяемых содержаний пероксинитрита (по I_3^-) $1.1 \cdot 10^{-6} \text{ М} - 4.0 \cdot 10^{-5} \text{ М}$; при использовании ацетатного буферного раствора (рН ~6.3) уравнение графика $y = (24700 \pm 900) \cdot c$; $c_{\min} = 4.2 \cdot 10^{-7}$ моль/л; диапазон

определяемых содержаний пероксинитрита (по I_3^-) $1.3 \cdot 10^{-6} \text{ М} - 4.0 \cdot 10^{-5} \text{ М}$.

Для доказательства возможности определения пероксинитрита по разработанной методике использовали метод «введено – найдено» (табл. 1). При анализе вводили объем 25 или 50 мкл рабочего раствора пероксинитрита разного срока хранения с установленной концентрацией. Величина s_r , не превышает 5 %.

Таблица 1

Проверка правильности методики определения пероксинитрита с использованием реакции с иодидом калия методом «введено – найдено» ($n = 4$; $P = 0.95$)

<i>Серия (условия)</i>	<i>Введено, моль/л</i>	<i>Найдено, моль/л</i>	<i>s_r</i>
1 (ацетатный буфер)	$9.1 \cdot 10^{-6}$	$(8.7 \pm 0.4) \cdot 10^{-6}$	0.03
1 (фосфатный буфер)		$(8.8 \pm 0.4) \cdot 10^{-6}$	0.03
2 (фосфатный буфер)	$10.4 \cdot 10^{-6}$	$(9.9 \pm 0.7) \cdot 10^{-6}$	0.04
3 (фосфатный буфер)	$6.3 \cdot 10^{-6}$	$(6.2 \pm 0.4) \cdot 10^{-6}$	0.03

Кроме того, проведено сравнение результатов анализа фотолизированных образцов нитрата калия с разным временем фотолиза по разрабатываемой и контрольной методике потенциометрического титрования (табл. 2). При этом установлено, что по F -критерию выборочные дисперсии отличаются незначимо, а сравнение средних значений по t -критерию свидетельствует об отсутствии значимого расхождения результатов. Величина s_r , не превышает

5 %, в отдельных случаях при малых выборках достигая 7 %.

Полученные результаты определения пероксинитрита свидетельствуют о стехиометрическом протекании предполагаемой реакции (1) в выбранных условиях проведения разработанной методики, и, соответственно, о правильности используемого при расчетах соотношения $ONOO^- : I_3^-$, равного 1:1.

Таблица 2

Результаты определения пероксинитрита в образцах фотолизированного KNO_3 по двум методикам

<i>№ серии образцов (условия фотолиза)</i>	<i>n</i>	<i>По методике потенциометрического титрования</i>	<i>По методике с иодидом калия</i>	<i>Буферный раствор</i>
1 («в массе», 1 час)	3	$(5.6 \pm 0.1) \cdot 10^{-6}$ моль/г	$(5.4 \pm 0.2) \cdot 10^{-6}$ моль/г	фосфатный (рН ~7)
2 («в массе», 2 час)	4	$(2.8 \pm 0.2) \cdot 10^{-6}$ моль/г	$(3.0 \pm 0.2) \cdot 10^{-6}$ моль/г	фосфатный (рН ~7)
2 («в массе», 2 час)	4		$(3.0 \pm 0.1) \cdot 10^{-6}$ моль/г	ацетатный (рН ~6)
3 (в ячейке, 1 час)	3	$(3.9 \pm 0.2) \cdot 10^{-7}$ моль/см ²	$(3.7 \pm 0.1) \cdot 10^{-7}$ моль/см ²	фосфатный (рН ~7)
4 (в ячейке, 1 час, удвоение пробы 3)	3	$(7.2 \pm 0.4) \cdot 10^{-7}$ моль/см ²	$(7.5 \pm 0.2) \cdot 10^{-7}$ моль/см ²	фосфатный (рН ~7)

Оптимизация условий определения нитрита в виде хелата нитрозорезорцина с цирконил-ионами при анализе облученных нитратов

Основой разрабатываемой методики определения нитрита в продуктах фотолиза нитратов щелочных и щелочноземельных металлов является спектрофотометрическая методика определения нитрит-ионов в воде [6]. Сущность ее заключается в проведении реакции нитрита с резорцином в кислой среде (рН 2-3). Продукт реакции нитрозорезорцин реагирует с цирконил-ионами, образуя бледно-желтый хелат (устойчив не менее суток), оптическую плотность которого измеряют при 347 нм ($\epsilon = 26700 \text{ М}^{-1} \cdot \text{см}^{-1}$) [6].

Для рабочих растворов нитрита калия наблюдали соответствие характеристик калибровочного графика указанным в методике. Однако при анализе фотолизированных образцов нитратов было обнаружено не обсуждавшееся авторами [6] влияние высоких концентраций нитрата на результаты определения нитрит-ионов в условиях проведения реакции в рекомендованном объеме 10 мл. Эффект матричного влияния нитрата в настоящей работе нивелировали путем введения фиксированного количества исходного исследуемого нитрата в раствор сравнения («холостой опыт»), а также разбавлением раствора после проведения реакции в мерной колбе до объема 50 мл 0.01 М HCl (использование HCl для разбавления предполагает предотвращение дополнительного

гидролиза цирконила). Введение эквивалентного исследуемому образцу количества нитрата в раствор сравнения связано с частичным наложением на спектр продукта длинноволновой области спектра нитрата (рис. 1) и необходимо для обеспечения метрологических характеристик результатов.

В предварительных экспериментах установлено, что растворение фотолизированных образцов нитратов в 0.01 М НСl в течение 3 – 5 минут приводит к полной изомеризации в нитрат образующегося при фотолизе пероксинитрита, а нитрит в этих условиях стабилен (рис. 2). В исследованном диапазоне концентраций нитрита достаточным является объем реагентной смеси 8 мл.

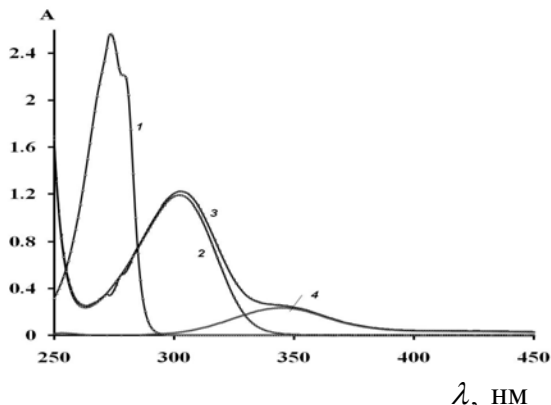

Рис. 1. Спектры поглощения участников реакции образования хелата нитрозорезорцина с цирконил-ионами: 1 – реагентная смесь (8 мл/50 мл) отн. воды; 2 – KNO_3 , 0.16 М отн. воды; 3 – KNO_3 , 0.16 М + $c(\text{NO}_2^-) = 7.0 \cdot 10^{-6}$ М + реагентная смесь отн. «холостого опыта» без KNO_3 ; 4 – образец 3 отн. «холостого опыта» с эквивалентным количеством KNO_3

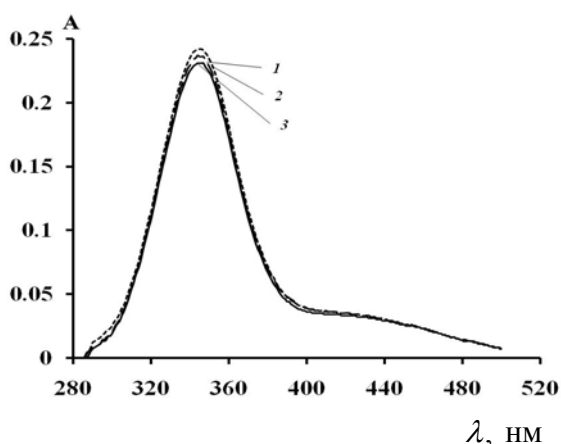

Рис. 2. Спектры поглощения хелата нитрозорезорцина с цирконил-ионами относительно раствора сравнения с эквивалентным количеством KNO_3 . Состав растворов: 1 – необлученный KNO_3 , 0.16 М + $c(\text{NO}_2^-) = 7.0 \cdot 10^{-6}$ М, растворение 5 мин в 0.01 М НСl + реагент; 2 – облученный KNO_3 (2 ч), растворение 5 мин в 0.01 М НСl + реагент; 3 – облученный KNO_3 (2 ч), растворение 10 мин в 0.01 М НСl + реагент

Методика определения нитрита по реакции с резорцином

При построении калибровочных графиков в мерные колбы вместимостью 50 мл вносили по 2 мл разбавленных рабочих растворов нитрита натрия в диапазоне концентраций от $1.0 \cdot 10^{-5}$ до $2.0 \cdot 10^{-4}$ М, 4 мл 0.01 М соляной кислоты и через 5 мин вводили 8 мл реагентной смеси. После 3-х минутной выдержки растворы доводили до метки 0.01 М раствором НСl и измеряли оптическую плотность при 348 нм относительно «холостого» раствора. При проведении анализа в мерные колбы на 50 мл вносили образец фотолизированного нитрата и далее по методике, описанной выше. В раствор сравнения вносили эквивалентное количество необлученного нитрата.

На рис. 3 как пример приведен калибровочный график для определения нитрита с метрологическими характеристиками: уравнение графика $y = (26900 \pm 1000) \cdot c$; $c_{\min} = 1.9 \cdot 10^{-7}$ моль/л; диапазон определяемых концентраций нитрита $5.7 \cdot 10^{-6}$ М – $9.0 \cdot 10^{-5}$ М.

Предложенная методика непригодна для анализа нитратов стронция и бария из-за возможности образования малорастворимых сульфатов, поскольку сульфат натрия вводится в реагентную смесь. Однако, как показали эксперименты, можно с некоторой потерей чувствительности определения проводить анализ без сульфата натрия. Уравнение калибровочного графика: $y = (16300 \pm 800) \cdot c$; $c_{\min} = 3.9 \cdot 10^{-7}$ моль/л.

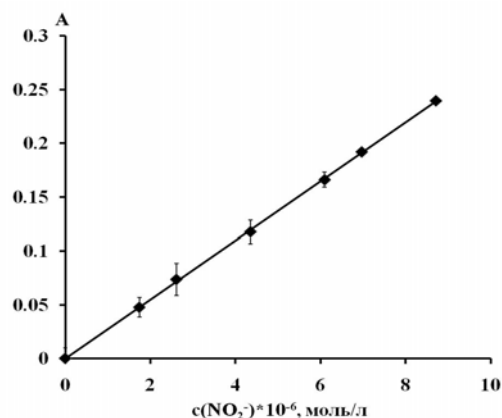

Рис. 3. Калибровочный график для определения NO_2^- по методике с резорцином

В работе проведен внутренний контроль качества результатов по предложенной методике с использованием метода добавок совместно с методом разбавления пробы, в соответствии с рекомендациями МИ 2335-2003 [14]. Для осуществления этой процедуры были проведены измерения с образцами нитрата калия, облученными одинаковое время. Для приготовления исходной пробы два фотолизированных одинаковое время образца ($S = 2.6 \text{ см}^2$, $m = 0.8 \text{ г}$) растворяли в 0.01 М НСl в мерной колбе на 25 мл. Из нее готовили анализируемые пробы: 1 – без разбавления, 2 – с двукратным разбавлением ($\eta = 2$), 3 – с двукратным ($\eta = 2$) разбавлением и с добавкой стандартного раствора нитрита. Приготов

ленные пробы анализировали по методике с резорцином. Концентрация нитрита составила (моль/л)

$\bar{X}$; $\bar{X}'$; $\bar{X}''$, соответственно (табл. 3).

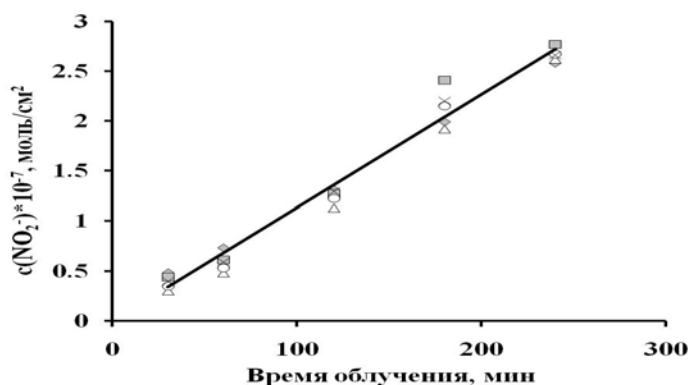

Рис. 4. Зависимость концентрации NO_2^- , определенной по двум методикам, от времени облучения KNO_3 (■, ♦ - методика Шинн, ○, △ - разрабатываемая методика, x - среднее)

Таблица 3

Результаты оперативного контроля погрешности определения концентрации нитрита по методике с резорцином

№ пробы	$C_d \cdot 10^6$, моль/л	$\bar{X} \cdot 10^6$, моль/л	$\bar{X}' \cdot 10^6$, моль/л	$\bar{X}'' \cdot 10^6$, моль/л
1	2.65	5.51	2.89	5.63
2	2.65	5.44	2.85	5.44
3	2.65	5.51	2.93	5.67
4	2.65	5.51	2.81	5.44
5	2.65	5.55	2.70	5.44
6	2.65	5.67	2.81	5.40
$\Delta_{\bar{X}}$		$\Delta_{\bar{X}} = \pm 0.0803$	$\Delta_{\bar{X}'} = \pm 0.0835$	$\Delta_{\bar{X}''} = \pm 0.121$

Результат контрольной процедуры K_k рассчитывают по формуле:

$$K_k = \bar{X}'' + (\eta - 1)\bar{X}' - \bar{X} - C_d. \quad (3)$$

Норматив контроля K рассчитывают по формуле:

$$K = \sqrt{\Delta_{\bar{X}''}^2 + (\eta - 1)^2 \Delta_{\bar{X}'}^2 + \Delta_{\bar{X}}^2}, \quad (4)$$

где $\pm \Delta_{\bar{X}''}$ ($\pm \Delta_{\bar{X}'}$, $\pm \Delta_{\bar{X}}$) – характеристика погрешности результатов анализа, соответствующая содержанию компонента в разбавленной пробе с введенной добавкой C_d [14].

Результат контрольной процедуры удовлетворяет условию $|K_k| \leq K = 0.14 \cdot 10^{-6} < 0.17 \cdot 10^{-6}$, следовательно, процедуру анализа можно признать удовлетворительной.

Результаты химического анализа фотолизированных нитратов на содержание нитрита

Для расчета содержания нитрита в образцах использовали формулу (2).

При проведении анализа KNO_3 после 2-х часов облучения содержание нитрита составило в случае простой пробы $(1.10 \pm 0.04) \cdot 10^{-7}$ моль/см², а в случае удвоенной пробы – $(1.16 \pm 0.08) \cdot 10^{-7}$ моль/см² ($n = 6$; $P = 0.95$). Поскольку при этом содержание нитрита остается неизменным, можно считать, что мультипликативная систематическая погрешность отсутствует.

О применимости данной методики для определения нитрита в продуктах фотолиза свидетельствуют результаты, полученные по разрабатываемой и методике Шинн [3] (рис. 4, табл. 4). Как видно из рис. 4, кривая накопления нитрита имеет линейный характер, обычно наблюдаемый при фотолизе нитратов. Имеется некоторый разброс результатов с отклонениями в обе стороны по обоим методикам, что больше указывает на случайный характер отклонений ($n = 2$).

Сопоставление полученных данных с использованием критерия Фишера показало, что дисперсии для двух методик при анализе нитратов кальция, стронция, бария и калия различаются незначимо. Проверка правильности сравнением средних по

t-критерию показала незначимое отличие результатов. При анализе раствора, содержащего фотолизированный образец нитрата магния, определение нитрита по методике Шинн невозможно вследствие образования малорастворимого гидроксида магния на стадии добавления водного раствора аммиака, кото-

рый сорбирует образующийся краситель. Возможность анализа нитратов бария и стронция по методике Шинн ограничивается концентрациями ионов бария и стронция при растворении образцов, которые не приводят к образованию малорастворимых гидроксидов после введения аммиака.

Таблица 4

Результаты определения нитрита в фотолизированных нитратах по двум методикам

	<i>n</i>	По методике Шинн	По методике, основанной на реакции с резорцином
$\text{Mg}(\text{NO}_3)_2 \cdot 6\text{H}_2\text{O}$ (фот. 1 ч)	5	-	$(6.2 \pm 0.2) \cdot 10^{-8}$, моль/см ²
$\text{Ca}(\text{NO}_3)_2 \cdot 4\text{H}_2\text{O}$ (фот. 1 ч)	5	$(5.1 \pm 0.5) \cdot 10^{-8}$, моль/см ²	$(4.9 \pm 0.4) \cdot 10^{-8}$, моль/см ²
$\text{Sr}(\text{NO}_3)_2$ (фот. 6 ч)	5	$(1.3 \pm 0.2) \cdot 10^{-8}$, моль/см ²	$(1.2 \pm 0.1) \cdot 10^{-8}$, моль/см ²
$\text{Ba}(\text{NO}_3)_2$ (фот. 1 ч)	3	$(2.8 \pm 0.1) \cdot 10^{-8}$, моль/см ²	$(3.0 \pm 0.2) \cdot 10^{-8}$, моль/см ²
KNO_3 (фот. 2 ч)	8	$(1.2 \pm 0.1) \cdot 10^{-7}$, моль/см ²	$(1.19 \pm 0.2) \cdot 10^{-7}$, моль/см ²

Таким образом, в настоящей работе предложено проводить определение концентрации пероксинитрит-ионов как продукта фотолиза нитратов щелочных и щелочноземельных металлов, используя «быструю» реакцию с иодидом в буферированных растворах. Чувствительность определения пероксинитрита при этом значительно выше, чем при использовании методики потенциометрического титрования.

Показано, что концентрацию нитрит-ионов в фотолизированных щелочных и щелочноземельных нитратах можно определять по методике с резорцином при нивелировании матричных влияний путем введения исходного нитрата в растворы сравнения. При анализе нитратов металлов, образующих малорастворимые сульфаты, следует исключить сульфат натрия из реакгентной смеси. Чувствительность определения нитрита по данной методике и соизмерима с чувствительностью определения по методике Шинн.

Литература

1. Ананьев, В. А. Фотолиз нитратов щелочных металлов / В. А. Ананьев, В. А. Власкин, М. Б. Миклин, Л. Д. Кригер // Химия высоких энергий. – 1997. – Т. 31. – № 2. – С. 114 – 117.
2. Лобачев, В. Л. Химия пероксинитрита. Кинетика и механизм реакций / В. Л. Лобачев, Е. С. Рудаков // Успехи химии. – 2006. – Т. 75. – № 5. – С. 422 – 444.
3. Уильямс, У. Дж. Определение анионов / У. Дж. Уильямс. – М.: Химия. – 1982. – 148 с.
4. Юрмазова, Т. А. Фотохимическое превращение нитрат – иона в кристаллах KNO_3 , KClO_3 и KClO_4 / Т. А. Юрмазова, Л. Н. Коваль, Л. В. Сериков // Хим. высоких энергий. – 1984. – Т. 17. – № 2. – С. 151 – 155.
5. Bayliss, N. S. The Photolysis of Aqueous Nitrate Solutions / N. S. Bayliss, R. B. Bucat // Aust. J. Chem. – 1975. – № 28. – P. 1865 – 1878.
6. Gabbay, J. Rapid Spectrophotometric Micro-determination of Nitrites in Water / J. Gabbay, Y. Almog, M. Davidson, A. E. Donagi // Analyst. – 1977. – V. 102. – P. 371 – 376.
7. Goldstein, S. Direct and Indirect of Oxidations by Peroxynitrite / S. Goldstein, G. Czapski // J. Inorg. Chem. – 1995. – № 34. – P. 4041 – 4048.
8. Hughes, M. H. The chemistry of pernitrites. Part I. Kinetics of decomposition of pernitrous acid / M. H. Hughes, H. G. Nicklin // J. Chem. Soc. – 1968. – P. 450 – 452.
9. Kissner, R. Product distribution of peroxynitrite decay as a function of pH, temperature, and concentration / R. Kissner, W. H. Koppenol // J. Am. Chem. Soc. – 2002. – V. 124. – № 2. – P. 234 – 239.
10. Lyman, S.V., Rapid Reaction between Peroxynitrite Ion Carbon Dioxide: Implication of Biological Activity / S. V. Lyman, J. K. Hurst // J. Am. Chem. Soc. – 1995. – V. 117. – № 34. – C. 8867 – 8868.
11. Papée, H. M. Formation and Decomposition of Alkaline “Pernitrite” / H. M. Papée, G. L. Petriconi // Nature. – 1964. – V. 204. – № 1. – P. 142 – 144.
12. Plumb, R. C. Problem of Concurrent Measurements of Peroxynitrite and Nitrite Contents / R. C. Plumb, J. O. Edwards // Analyst. – 1992. – V. 117. – P. 1639 – 1641.
13. Zeng, X. Stoichiometry of the oxidation of iodide and bromide by peroxynitrous acid / X. Zeng, S. Hannemann, R. Kissner // Book of abstracts “4-th international conference on peroxynitrite and reactive nitrogen species in biology and medicine”, 27 – 31 July. 2004, Konstanz, Germany.
14. Внутренний контроль качества результатов количественного химического анализа: МИ 2335-2003: утв. ФГУП “УНИИМ” Госстандарта России 18.09.2003: ввод. в действие с 01.10.2003. – Екатеринбург: УНИИМ, 2003. – 80 с.

ЭКОНОМИКА

УДК 330.341.42

ПРИНЦИПИАЛЬНАЯ ОСНОВА СТРУКТУРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

С. А. Жиронкин

THE PRINCIPLE BASE OF ECONOMY'S STRUCTURAL REGULATION

S. A. Zhironkin

В статье раскрыты принципы структурного регулирования российской экономики. В методологии экономической науки принципы стоят в одном ряду с такими составляющими, как подходы, категории, законы. Поэтому без анализа принципов структурного регулирования экономики невозможно сформировать его теоретические основы, учесть российские особенности и наметить формы реализации.

The article describes the principles of structural regulation of Russian economy. These principles are placed in the line with such parts as approaches, categories and laws in the methodology of economy. Though without analysis of the principles of structural regulation of economy it is impossible to make theoretical base, to observe its Russian peculiarities and outline the forms of its realization.

Ключевые слова: структура, регулирование, принципы, анализ, экономика, развитие

Keywords: structure, regulation, principles, analyze, economy, development

Структура является не только экономической, но и философской категорией. При этом она выступает основой любого материального явления или процесса, то есть служит относительно устойчивой базой, на которой функционируют более подвижные элементы. Следовательно, наиболее близким понятием, позволяющим раскрыть сущность структуры экономики, проблему познания ее преобразований и их регулирования, выступает система. Именно с помощью раскрытия структуры, как основополагающего элемента системы национальной экономики, можно раскрыть факторы происходящих в ней глубоких изменений, причины кризисного характера реформ.

Возрастание потребности в структурном регулировании российской экономики обусловлено как кризисными процессами последних лет, так и той сдерживающей ролью, которую отводят структурным проблемам в продвижении рыночных реформ, в становлении постиндустриального уклада, в повышении уровня жизни. В свою очередь, анализ принципов структурного регулирования экономики важен для формирования ее теоретических основ, учета национальных особенностей и форм их реализации. Сущность понятия «принцип» раскрывает его латинское значение – начало, основание (principium), на котором может быть построена теория, экономическая политика и т. п. Как научная категория, принципы стоят в одном ряду с такими составляющими научной методологии, как подходы, экономические категории и законы.

Одними из первых принципы регулирования экономики выделили представители классической политэкономии, в частности, А. Смит [1]: невмешательство государства в функционирование национального хозяйства, действие «невидимой руки» рынка.

К. Маркс [2] выделил общие методологические принципы исследования категорий экономики, за-

ложив, тем самым, основу для исследования процессов и явлений в развитии экономических отношений, их структуры и форм реализации в хозяйственной практике.

Первым принципом является диалектический, согласно которому внутри любого экономического явления имеется внутреннее противоречие, составляющее источник его собственного развития. Структура национальной экономики здесь также не может быть исключением, поскольку она есть четко очерченная категория, что подразумевает наличие в ней взаимопроникающих и взаимоисключающих противоположностей. Из этого общего, предложенного К. Марксом для анализа всех экономических явлений принципа, целесообразно выделить ряд частных принципов, применимых к структурному регулированию экономики:

- непрерывность изменения структуры экономики и, соответственно, перманентная потребность в ее регулировании;

- обусловленность структурных изменений объективными факторами (такими как научно-технический прогресс, развитие отношений собственности, появление новых форм экономических отношений). Поэтому структурное регулирование должно затрагивать не только количественные показатели экономического развития (воспроизводственные, макро-динамические), но и качественные, которые связаны с преобразованием экономических отношений в результате накопления постепенных количественных изменений;

- неабсолютность экономической динамики как критерия для определения направлений, форм и результатов структурного регулирования экономики, поскольку ее развитие не есть повторение циклов, а поступательное движение по восходящей линии. Следовательно, при развитии структурного регулирования необходимо руководствоваться не только

экономическим ростом, но и развитием экономических отношений и институтов.

Второй принцип – соответствие производственных отношений характеру и уровню производительных сил, которые являются сторонами каждого способа производства. Следовательно, выделяя в структуре экономики технологические уклады (как доминирующие способы производства общественного продукта), нельзя ориентироваться только на образующие их отраслевые производительные силы (по К. Марксу – средства производства и люди, обладающие определенным производственным опытом, навыками к труду и приводящие эти средства производства в действие). Необходимо проанализировать, соответствует ли уровень развития экономических отношений желаемому укладу.

Детализируя принцип диалектического соответствия производственных отношений и производительных сил применительно к структурному регулированию экономики, мы полагаем, что воздействие на структуру с целью развития определенного уклада (в нашем случае – пятого и шестого) требует не только развития требуемых высокотехнологичных производств, но и совершенствования экономических отношений. Это должно затронуть как сферы собственности, инвестиций и кредита, распределения стоимости готового продукта и доходов, так и распределение людей в структуре общественного производства (по К. Марксу – классовую структуру общества). Последнее перекликается с кейнсианской идеей изменения в структуре потребления, которое должно соответствовать структурным изменениям в производстве общественного продукта.

Третий принцип – единство теории и практики. К. Маркс придавал понятию «практика» характер философской категории, связанной с воздействием на явления материального мира с целью их изменения. Для нас это означает, что анализ структуры экономики, определение проблем, связанных с ее развитием, не должен заканчиваться определением структурных элементов и связей, факторов их деформации. Наиболее важно разработать комплекс воздействия на структуру экономики с целью ее изменения в желаемом направлении. Этот комплекс должен включать объекты, субъекты структурного регулирования, его формы и инструменты.

Таким образом, марксовы принципы анализа экономических явлений и их регулирования являются общеметодологическими, их ценность в том, что они применимы для всех категорий экономики, в том числе и ее структуры. Вместе с тем, более детализированными являются принципы неоллиберального регулирования экономики, выдвинутые и обоснованные сторонниками современного неоллиберализма.

Л. Эрхард как яркий представитель данного направления экономической науки, продолжил развитие классических принципов экономического регулирования, адаптируя их к реалиям рыночной экономики двадцатого века. В отличие от классической школы, неоллиберализм основывается на идее приоритетности свободной конкуренции, но не вопреки,

а как следствия воздействия государства на экономику. Роль государства в регулировании экономики неоллибералы видят в функциях «ночного сторожа» или «спортивного судьи». Кредо неоллиберализма емко выразил Л. Эрхард: «Конкуренция везде, где возможно, регулирование – там, где необходимо» [3, с. 76]. Поэтому основные принципы неоллиберального воздействия на экономику включают в себя:

- либерализацию экономики, то есть обеспечение минимально необходимого вмешательства в нее;

- необходимость государственного содействия свободной конкуренции, а также использование принципов свободного ценообразования;

- приоритет частной собственности и свободных рынков, вмешательство в которые государством допустимо только в экстремальных случаях (война, катастрофы, катаклизмы).

В противоположность неоллиберальным, основные принципы кейнсианского экономического регулирования включают в себя следующие [4; 5].

Первый принцип заключается в том, что главным (но, безусловно, не единственным) регулятором современной рыночной экономики является не рынок, а государство. Следовательно, значимые для экономики регулирующие действия формируются не на микро-, а на макроуровне, и учитывают общенациональные цели и интересы. Само воздействие оказывается не только на межфирменные связи, но и на взаимосвязи «государство-фирмы» и «фирмы-домохозяйства». Государство становится ведущим субъектом национальной экономики, наделенным своей собственностью. Поэтому мы можем выделить из кейнсианских положений значимый для нас принцип структурного регулирования экономики, который заключается во взаимодействии ее государственного и частного секторов. Данное взаимодействие должно развиваться в следующих направлениях: национализация и приватизация объектов собственности в промышленности, в инфраструктурном и финансовом секторах; создание государственных компаний в новейших отраслях, концентрирующих в себе шестой технологический уклад; налоговое стимулирование инноваций.

Второй принцип – планово-прогнозный характер регулирования, формируемый на научной основе и значительно сокращающий воздействие рыночной стихии на развитие национальной экономики. Поэтому, применительно к структурному регулированию экономики, мы подчеркиваем важность принципа индикативного планово-прогнозного воздействия государства на экономику.

Третий принцип кейнсианского экономического регулирования – осуществление государством политики «эффективного спроса». Центральная задача государства, по мнению Дж. М. Кейнса – обеспечение высоких объемов «эффективного спроса» (той части совокупных расходов, которая определяется склонностью домохозяйств наращивать свое потребление по мере роста доходов вместо увеличения сбережений). Для нас важно то, что реализация принципа регулирования «эффективного спроса»

позволяет воздействовать на структуру инвестиций и инноваций, изменять пропорции выпуска потребительских товаров и средств производства.

Четвертый принцип – агрегированное макроэкономическое моделирование, которое, с одной стороны, противопоставлено стихийному рыночному регулированию классической школы, с другой – практически не учитывает состояние структуры экономики. Причина этого в том, что кейнсианские макромоделли затрагивают, прежде всего, общеэкономические независимые переменные величины, которые не поддаются непосредственному воздействию государства (склонность к потреблению и накоплению, ставка процента и др.). Поэтому применение принципа агрегированного макроэкономического моделирования в целях структурного регулирования экономики видится нам затруднительным.

Институционалисты (Дж. К. Гэлбрейт [6], Д. Норт [7] и др.) классифицируют принципы регулирования экономики на базовые и производные:

- базовые принципы: согласование экономических интересов субъектов предпринимательства; обеспечение единства правоприменения, принуждения и контроля со стороны государства за обязательным выполнением институциональных установок; обязательное выполнение контрактных обязательств; организация экономического порядка и ответственность государства за установление общих «правил игры» для субъектов предпринимательства;

- производные принципы: обоснованный выбор стратегий развития субъектов рынка, способствующих повышению эффективности производства и распределения благ; гарантии институциональных условий для оперативной адаптации фирм к рыночной среде; предпочтительное отношение к эффективно функционирующим хозяйствующим субъектам; осуществление предпринимательской деятельности в пределах установленных норм и правил.

Вместе с тем, методология индивидуализма (объяснение сути институтов через интересы и поведение индивидов, которые их используют для координации своих действий), используемая неoinституционализмом, или холизма (в которой исходным пунктом в анализе становятся не индивиды, а институты), применявшаяся «старой» институциональной теорией, не позволяет исследовать все многообразие структуры современной экономики. В рамках институционализма используются понятия «техноструктуры», структуры норм, институтов, повторяющихся взаимодействий между людьми, конституционных и экономических правил и т. п. Однако при этом без внимания остается структура производительных сил и экономических отношений, структура рынка, пропорции реального и финансового капитала и др., которые напрямую определяют динамику и качественное развитие экономики. Поэтому как базовые, так и производные принципы, которыми институционалисты обосновывают необходимость государственного воздействия на экономику, не в полной мере применимы для ее структурного регулирования. Исключение, пожалуй, со-

ставляют принцип «выращивания необходимых институтов», целенаправленного формирования институциональной структуры экономики как важной установки ее регулирования.

Рассмотренные выше принципы связаны, главным образом, с познанием экономических закономерностей и явлений, а также с регулированием всей системы национальной экономики в целом. Принципиальные вопросы развития структуры национальной экономики рассматриваются в рамках системно-структурного и системно-самоорганизационного подходов [8]. В целом их основные принципы включают в себя:

- принципы системности и изоморфизма системы национальной экономики. Эти принципы отражают всеобщий взгляд на экономику как на систему со всеми присущими ей закономерностями, а также на соответствие структуры подсистем структуре «головной» системы;

- принцип диссипации, который заключается в том, что из совокупности допустимых состояний системы под влиянием регулирующего воздействия реализуется то, которому отвечает минимальный рост энтропии (неупорядоченности);

- принцип наличия аттрактора (желаемого состояния системы и ее структуры, к которому стремиться система в своем развитии);

- наличие в структуре системы «катализаторов» ее развития – факторов, направляющих экономику на наиболее выигрышные аттракторы.

Таким образом, мы имеем дело с достаточно широким спектром принципов, составляющих основу подходов к регулированию экономики, сформированных различными научными школами. Поэтому исходным пунктом выделения принципов структурного регулирования является разделение существующих принципов функционирования и регулирования экономики (применительно к ее структуре) на следующие части:

1. Принципы анализа структуры экономики: приоритет содержания над формой; учет факторов воздействия внешней среды; единство теории и практики; диалектический принцип, подразумевающий развитие через движение и разрешение противоречий; неабсолютность экономической динамики как критерия структурного анализа экономики.

2. Принципы функционирования структуры национальной экономики: системность и изоморфизм, синергия и информатизация; обусловленность структурных изменений объективными факторами; непрерывность структурных изменений и перманентность потребности в их регулировании; соответствие производственных отношений характеру и уровню производительных сил; соразмерность между ресурсами и потребностями; соответствие институциональной структуры общества технологической структуре производства; наличие в структуре экономической системы аттрактора и катализаторов ее развития.

3. Принципы регулирования структуры экономики:

- кейнсианские принципы: иницилирующая и регулирующая роль государства, приоритет государ-

ства (а не рынка) в регулировании структуры экономики, планово-прогнозный характер такого регулирования;

– *институциональные принципы*: ответственность государства за установление общих «правил игры»; согласование экономических интересов субъектов предпринимательства и «выращивание» необходимых институтов в структуре экономики;

– *неолиберальный принцип монетаризма*: перенос структурных изменений в денежно-кредитной системе на структуру экономики страны;

– *принципы системно-самоорганизационного подхода*: функциональность и диссипация. Последнему принципу противоречат классические принципы регулирования – невмешательство государства в функционирование субъектов рынка, «невидимой руки», использование которых в структурном регулировании неизбежно усилит энтропию в системе национальной экономики. В результате структурные изменения будут непредсказуемыми, дезорганизационными.

Именно эти принципы должны стать основанием для определения теоретического содержания структурного регулирования экономики. К ним целесообразно добавить еще ряд принципов, позволяющих более полно раскрыть сущность структурного регулирования.

Первым из них выступает многосторонность, комплексность структурного регулирования, которое должно включать в себя:

- нормативное регулирование (путем совершенствования законодательно-правовых основ, технических, финансовых, экологических, социальных стандартов и пр.);

- индикативное программно-целевое регулирование (разработка и принятие целевых планов и программ развития отдельных элементов структуры национальной экономики – инновационной, инвестиционной подсистем, программ отраслевого и регионального развития, поддержки малого предпринимательства и пр.);

- рыночное регулирование (создание условий для межотраслевого перетока капитала, развития конкурентной среды, выравнивания межрегиональных диспропорций, активизация предпринимательской деятельности в инновационном секторе).

Второй принцип – этапность структурного регулирования. С позиций системного понимания, развитие структурного регулирования экономики (как в теории, так и на практике) требует последовательного решения следующих ключевых проблем.

Первая – выделение различных критериев структурирования национальной экономики и видов структуры, идентификация объектов, субъектов, предметно-целевой области структурного регулирования.

Вторая – определение эффективных направлений структурного регулирования национальной экономики, основываясь на анализе связей между ее структурой, формами экономических отношений и особенностями их реализации. Для российской экономики важно учесть взаимосвязи между ее рыноч-

ной трансформацией и структурной реформой, поскольку рыночные реформы предъявляют качественно новые требования к структуре экономики, а структурные проблемы тормозят развитие рыночных отношений.

Третий предлагаемый нами принцип структурного регулирования экономики – соответствие его форм и инструментов уровню структурных проблем. В частности, огромное технологическое отставание России от развитых стран, крайне низкие темпы становления новейшего – шестого – уклада в экономике страны вызвано отсутствием в ней целого комплекса экономических отношений, институтов, эффективно взаимодействующих субъектов экономики. Поэтому их формирование требует принятия не только экономического стимулирования, но и прямого регулирования сферы НИОКР и инноватики. А регулирование структуры экспорта и импорта как «производной» от производственного сектора должно осуществляться преимущественно экономическими методами, избегая излишнего протекционизма, порождающего рентоориентированные и иждивенческие тенденции среди отечественных предприятий.

Таким образом, исследование подходов к определению принципов раскрытия структурных проблем национальной экономики позволило разделить их на принципы анализа, функционирования и регулирования ее структуры (кейнсианские, институциональные, неолиберальные, системно-самоорганизационные). В дополнение к ним мы предложили принципы многосторонности и комплексности, этапности структурного регулирования экономики, а также принцип соответствия его форм и инструментов уровню структурных проблем. Реализация данных принципов призвана содействовать ускорению структурной перестройки российской экономики.

Литература

1. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962. – 665 с.
2. Маркс, К. Капитал: в 3-х т. / К. Маркс. – М.: Политиздат, 1986.
3. Эрхард, Л. Благополучие для всех / Л. Эрхард. – М.: Начала-пресс, 1991. – 336 с.
4. Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное / Дж. М. Кейнс. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.
5. Хикс Дж.Р. Стоимость и капитал / Дж. Р. Хикс. – М.: Прогресс, 1988. – 190 с.
6. Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество. Избранное / Дж. К. Гэлбрейт. – М.: Эксмо, 2008. – 1200 с.
7. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – М.: Начала, 1997. – 204 с.
8. Ерохина, Е. А. Развитие национальной экономики: системно-самоорганизационный подход / Е. А. Ерохина. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1999. – 160 с.

УДК 332.1 (075)

**ВЛИЯНИЕ ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО КЛАСТЕРА НА РЫНОК РАБОЧЕЙ СИЛЫ***Т. Л. Смирнова***INFLUENCE OF FORMING THE HIGH-TECH KLUSTER OF TERRITORY
ON THE LABOR MARKET***T. L. Smirnova*

В статье анализируются преимущества развития экономики через создание территориальных кластерных структур. Показаны изменения структуры территориального рынка рабочей силы в условиях формирования высокотехнологичного кластера экономики. Исследуются социально-экономические процессы и специфические технологии как основа формирования инновационной модели экономики; развитие гибких форм территориальной занятости и мягкие конкурентные технологии в модели партнерства предприятий.

The advantages of the development of the economy are analyzed through making the territorial cluster structures. They are shown changes in the structure territorial of the labor market in condition of the shaping high-tech cluster in the economy. They are researched social-economic processes and specific technologies as base of the shaping innovation models of the economy; the development of the flexible forms in the territorial employment and the soft competitive technologies in models partnership of the enterprises.

Ключевые слова: инновации, квалифицированные специалисты, образовательные институты, подготовка и переподготовка специалистов, высокотехнологичный кластер, территория.

Keywords: innovations, qualified specialists, educational institutes, training and retraining specialists, high – tech cluster, territory.

Макроэкономическая политика органов власти РФ в активизации и концентрации внутренних инвестиционных ресурсов для реализации прогрессивных структурных сдвигов в национальной экономике является приоритетной по сравнению с привлечением иностранных инвестиций, так как обеспечивает более высокий уровень эффективности, сбалансированности структуры экономики, устойчивые и долгосрочные темпы экономического роста. В территориальной экономической системе постепенно снижается роль традиционных источников роста в экономическом развитии, возрастают трансформационные издержки, связанные с поиском информации как стратегического экономического ресурса для устойчивого долгосрочного экономического развития. Возрастает роль знаний, инноваций, новых технологий поиска работы, создается специализированная секторная модель занятости половозрастной и профессионально-квалификационной структуры экономически активного населения. Темпы экономического роста территорий определяются, как правило, не количеством вовлекаемых ресурсов в процесс производства, а качеством и комбинацией их использования, уровнем производительности труда и ролью инновационных технологий, вовлеченных в воспроизводственный процесс.

Развитие кластерных структур является базовым условием перехода к инновационной модели развития экономики в России. Кластерные структуры в территориальной экономике обеспечивают развитие разных форм территориальной организации производства, реализацию инновационных и высокотехнологичных проектов, направленных на создание конкурентоспособных секторов экономики. Американский исследователь М. Портер рассматривал кластер как группы географически соседствующих, взаимодействующих предприятий и связанных с

ними организаций, действующих в определенных сферах и дополняющих друг друга [8]. Различают территориальные кластеры, которые развиваются на принципах: концентрации; специализации, кооперации; конкуренции.

Территориальный кластер – это сконцентрированные на определенной территории региона взаимосвязанные крупные и мелкие предприятия, научно-исследовательские центры, образовательные институты, инфраструктура, дополняющие друг друга и усиливающие конкурентные преимущества. Предприятия территориальных кластерных структур минимизируют издержки на внедрение инноваций за счет внутренней специализации и стандартизации бизнес-процессов. Технологические и промышленные кластеры территорий становятся точками экономического роста за счет мультипликативных эффектов развития производства и сферы услуг, более глубокой специализации и кооперации производства. Особенности территориальных кластерных структур являются:

- доминирование предприятия-лидера;
- территориальная локализация;
- устойчивые и долгосрочные хозяйственные связи;
- оперативная и эффективная координация хозяйственной деятельности;
- общая маркетинговая и финансовая стратегия;
- совершенствование технологий производства и управления;
- участие в инновационных моделях подготовки высококвалифицированных специалистов;
- корпоративные системы контроля бизнес-процессов;
- реализация территориальной модели социально-экономического партнерства между бизнесом и муниципальными органами власти.

Ключевым фактором успеха кластерных структур является эффективный стратегический анализ, внедрение инноваций, корректирующие мероприятия регионального развития. Инновационное развитие кластера является необходимым условием сохранения конкурентоспособности на рынке за счет использования элементов инновационной инфраструктуры в процессе производства, взаимодействия большого количества экономических агентов, сочетания технологий мягкой и жесткой конкуренции, реализации эффекта масштаба производства.

Эффективное территориальное развитие и сбалансирование структуры сегментов рынка рабочей силы при программно-целевой государственной поддержке приоритетных направлений экономики формируется устойчивыми темпами экономического роста и многосторонними моделями социально-экономического партнерства, которые рассмотрены на примере территорий Томской области. Одним из специализированных научных и производственных центров территориальной экономики Томской области является моногород Северск. Администрация города Северск проводит сбалансированную экономическую политику, обеспечивающую бюджетную и социальную эффективность территории, и концентрирует ресурсы, необходимые для формирования высокотехнологичных кластерных структур. Северск имеет гибко взаимодействующие на основе многосторонних связей специализированные промышленный и образовательный комплексы, с диверсифицированными финансовыми потоками. Территориальный кластер ядерных технологий, формирующийся на производственной базе города Северск, эффективно выстраивает отношения институционального диалога в поиске компромиссных социально-экономических решений с администрацией Томской области и города Северск [7].

Взаимодействие субъектов ядерного кластера происходит в системе корпоративного партнерства. ОАО «Сибирский химический комбинат» является градообразующим предприятием и участником корпоративной системы, контролируемой госкорпорацией «Росатом» [1]. Партнеры сотрудничают в сфере управления интеллектуальной собственностью, совместного использования научно-технического потенциала, улучшения инвестиционного климата. Северск испытывает влияние тенденций развития технико-внедренческой зоны Томской области, постепенно совершенствуя ресурсную модель предпринимательской деятельности, улучшая инвестиционный климат. Это повышает удельный вес вновь созданных в городе предприятий малого бизнеса в сфере услуг и непроизводственной сфере за последние годы с высокооплачиваемыми рабочими местами, формируя новые структурные сдвиги на рынке рабочей силы, обеспечивая инновационную модель развития территории.

Информационное обслуживание населения как одно из динамично развивающихся направлений территориальной экономики является устойчивой и доходной сферой деятельности для разных форм предпринимательства при сохраняющемся и расту-

щем спросе на этот ресурс. ОАО «Сибирский химический комбинат» включается в формирование информационного пространства, является активным участником бизнес-коммуникативных, логистических сетей и рынка информационных услуг в Томской области. Устойчивыми партнерами ОАО «Сибирский химический комбинат» в кластерной территориальной структуре являются предприятия среднего и малого бизнеса, образовательные институты с инновационной инфраструктурой и научно-исследовательскими центрами [6]. Реализация предпринимательских проектов в бизнес-инкубаторе Северского технологического института НИЯУ МИФИ на основе развития нового типа коммуникаций решает социально-экономические задачи развития территории по совершенствованию научной, информационной, социальной и коммуникативной инфраструктуры, вовлечения молодых специалистов в венчурное предпринимательство с формами самозанятости и неполной занятости [10]. Достоинством таких проектов в области развития адаптивной молодежной занятости является инновационный подход, реализуемый в рамках разработанной непрерывной системы эффективного мониторинга и анализа внешней, внутренней среды предприятий через анкетирование, исследование устойчивых элементов прогнозирования модели спроса на инновационные продукты, учет гендерных особенностей территории. Благодаря успешной реализации этих бизнес-проектов создаются новые рабочие места на предприятиях малых форм бизнеса для молодых специалистов в Северске, увеличивается самозанятость в разных возрастных сегментах молодежного рынка рабочей силы, развивается институт гибких форм занятости, формируются навыки высокотехнологичного предпринимательства.

Многосекторное развитие рынка рабочей силы с участием взаимосвязанных предприятий в модели аутсорсинга, инсорсинга стабилизируется уровень социальной напряженности на рынке рабочей силы Северска, преодолевается информационная изолированность территории, развивается коммуникативное пространство и информационных технологий в управлении бизнес-процессами. Развитие инноваций в сфере информационных и социальных услуг повышает требования к образовательному уровню специалиста, его информационной культуре, формирует гибкую территориальную модель рынка рабочей силы на основе дифференцированных устойчивых форм занятости в модели социально-экономического партнерства вуз - работник - малый бизнес, решая трудности для молодых специалистов перехода «учеба-работа» [5]. Инновации в процессе производства в Северске формируют новые структурные сдвиги рынка рабочей силы, которые проявляются в новом качестве рабочих мест и характере трудовых процессов, определяют более высокие требования к профессионально-личностным компетенциям специалистов.

Крупные, средние и мелкие предприятия, встроенные в производственную систему территориального кластера ядерных технологий, формируют и

трансформируют с учетом культурно-ценностных установок и ценностей рабочей силы инновационную и технологическую культуру [4]. К работникам, востребованным в высокотехнологичном производстве, предъявляются профессиональные и квалификационные требования восприимчивости к инновациям. Развитие инновационной культуры на предприятиях малых форм бизнеса, реализующих технологии аутсорсинга в системе экономического партнерства с градообразующим предприятием, в пищевой, легкой, обрабатывающей промышленности города Северск осуществляется чрез управление инновационным потенциалом предприятий на совершенствующемся технологическом уровне [3]. Создается система производственного менеджмента и мониторинга всей территориальной цепочки добавленной стоимости при формировании инновационной ренты для всей группы-участников в рамках повышения эффективности функционирования кластера ядерных технологий.

Предприятия, внедряющие технологические и системные инновации для получения инновационной ренты, повышая свою конкурентную позицию, привлекают молодых специалистов, выстраивающих диверсифицированную маркетинговую политику. Молодые специалисты реализуют имиджевые проекты предприятия в кластере ядерных технологий. Рост первоначальной ожидаемой инновационной ренты на таких предприятиях разных секторов территориальной экономики формируется за счет создания системы сопутствующих услуг с учетом эластичности спроса разных сегментов рынка. Устойчивое долгосрочное развитие предприятий обрабатывающего и информационного сектора кластера ядерных технологий территориальной экономики достигается за счет роста занимаемой доли на рынке, непрерывного повышения качества продукции, развития кадрового, производственно-технологического, финансово-экономического, организационно-управленческого потенциалов.

Реализация бизнес-проектов взаимодействующих малых и средних предприятий инновационного, телекоммуникационного, социального секторов экономики территориального кластера ядерных технологий в Северске основана на позиционировании потребительских продуктов на рынке в сетевой модели бизнеса, учитывающей ментальные особенности, неформальные модели поведения, культуру разных возрастных групп населения и специфику корпоративного сектора экономики. На успешность экономического поведения и экономической кооперации предприятий малых форм бизнеса на рынке Северска влияет система факторов: производительность труда, человеческий и производственный капитал, модель и уровень развития корпоративной культуры, занимаемая доля на рынке, экономические связи, социальный портрет трудового коллектива, мотивационные модели трудового поведения молодых специалистов.

Инновации, необходимые для роста экономического потенциала предприятий малых, средних и крупных форм бизнеса в территориальном кластере,

характеризуются нестандартностью решений, реализацией нововведений, более высокой эффективностью хозяйственной деятельности. Это стимулирует предприятия к смещению акцентов в спросе на качественные характеристики и системные оценки профессионально-квалификационной структуры рабочей силы, анализу соответствия потенциального работника предлагаемой должностной позиции. Инновационным направлением в экономической деятельности таких предприятий является оптимизация деятельности управленческих структур и департаментализация, то есть передача права принимать решения отдельным подразделениям, формирование оптимальной профессионально-квалификационной структуры персонала и закрепление молодых, талантливых специалистов и руководителей навыками системного и ситуационного менеджмента.

Изменение организационно-правовой формы ОАО «Сибирский химический комбинат» как элемента холдинговой структуры ОАО «ТВЭЛ» Госкорпорации «Росатом» активизировало создание территориального кластера ядерных технологий [2]. Позволило повысить эффективность технологических и экономических процессов, внедрить элементы японской системы производственного менеджмента «Бережливое производство», расширить практику социального бюджетирования для разных категорий персонала, выстроить оперативное управление инвестиционными процессами, устанавливать гибкую тарифную политику для отдельных видов оказываемых услуг, связанных с реализацией энергосберегающих технологий, сформировать систему кадрового резерва специалистов управления. Гибко выстроенная система партнерства с предприятиями малого и среднего бизнеса, развитие элементов японской системы мотивации работников к труду, внедрение технологий аутсорсинга, использование модели контрактной практики для молодых специалистов, категорирование рабочих мест обеспечивает рост производительности труда и формирование модели рациональной занятости.

Инновационная деятельность в кластере ядерных технологий территориальной экономики направлена на формирование дополняющих друг друга экономических, социальных и других сопряженных эффектов; связана с производством, реализацией высокотехнологичной продукции и услуг, развитием дифференцированного спроса на профессионально-квалификационные группы, новыми способами поиска и привлечения специалистов с высоким уровнем информационной и профессиональной культуры. Под организационно-управленческими инновациями, реализуемыми в кластере ядерных технологий территориальной экономики, понимается совершенствование функциональной, отраслевой территориальной и организационной структуры, сетевой принцип организации самостоятельных субъектов экономической деятельности, объединенных общей целью и экономической целесообразностью.

Горизонтальная и вертикальная интеграция предприятий в кластере ядерных технологий терри-

ториальной экономики вызывает поэтапные эволюционные структурные сдвиги на рынке рабочей силы, формирует возможность их прогнозировать для снижения социально-экономической напряженности на молодежном рынке рабочей силы. Позволяет усилить концентрацию капитала, выстроить технологические цепочки в рамках производственной кооперации и специализации. Развиваются мягкие технологии конкуренции, эффективно координируется совместная производственная и финансовая деятельность. Интеграция структур крупного, среднего и малого бизнеса демонстрирует многовариантность развития на основе гибкой постоянно совершенствующейся специализации технологий управления и развития устойчивых форм занятости. Жесткость вертикальных связей дополняется множеством горизонтальных, которые находятся в постоянном экономическом развитии. Организационные изменения производственной структуры территории расширяют границы экономической и инновационной активности предприятий кластера ядерных технологий, участвующих в усложняющемся территориальном разделении труда.

Высокотехнологичное производство с высоким экспортным потенциалом формирует устойчивый спрос на молодых специалистов инженерных профессий с навыками инновационного менеджмента и маркетинга, креативного мышления и исполнительской культурой. В этом секторе территориальной экономики формируется ненасыщенный спрос на молодых специалистов, владеющих современными навыками работы с пакетами прикладных программ, интернет-технологиями, обладающих коммуникативной активностью и толерантностью, технологиями производственного менеджмента, профессиональной мобильностью и со знанием PR-технологий. Формирование устойчивой профессионально-квалификационной структуры рынка рабочей силы Северска тесно связано с инновациями, реализуемыми территориальным кластером на базе развития ядерных технологий и инновационных систем подготовки высококвалифицированных специалистов. В Северске за счет повышающейся детализации профессионально-квалификационной структуры спроса предприятий на рабочую силу совершенствуются технологии поиска, отбора и переобучения молодых специалистов.

Активное взаимодействие системы образования и рынка рабочей силы имеют ярко выраженный территориальный характер в кластере ядерных технологий. Оптимизация и сбалансирование рынка рабочей силы происходит на основе совершенствования системы подготовки и переподготовки специалистов, развития института повышения квалификации, роста качества образовательных услуг через укрупнение институциональной образовательной структуры, развитие дистанционных технологий обучения, формирования гибкой модели рынка рабочей силы. Модели институционального партнерства разных форм бизнеса и образовательных институтов формируют социально-экономическую устойчивость территории. Образовательные институты,

входящие в систему территориального кластера ядерных технологий представлены научно - исследовательскими федеральными университетами и специализированными центрами подготовки специалистов в Томской области. Развивающаяся система моделей инновационного профессионального образования способна удовлетворять возрастающие требования работодателей к квалифицированным специалистам, способных работать на предприятиях кластера ядерных технологий. Профессиональная подготовка инженерных специалистов для высокотехнологичного кластера ведется с использованием традиционных образовательных и информационных технологий, использования инновационной инфраструктуры (бизнес-инкубатора, технопарка, центра трансфера технологий, исследовательских центров технико-внедренческой зоны) [9].

Роль образовательных институтов, работающих в системе кластера ядерных технологий, заключается в том, чтобы использовать эффекты адаптационных возможностей взаимодействия системы образования с институтами рынка рабочей силы на основе внедрения системных, институциональных, структурных, финансовых, технологических, педагогических и социальных инноваций. Развитие инновационного сектора территориальной экономики требует специалистов более высокого профессионального уровня, способных управлять сложными технологическими системами. Современные инновации в профессиональном образовании основаны на сотрудничестве образовательных и экономических институтов в территориальной экономике, обеспечивают более высокий уровень подготовки специалистов, сочетая классические и специализированные модели обучения. Реализация модели непрерывного многоуровневого и дополнительного профессионального образования обеспечивает повышение конкурентоспособности профессионально-квалификационных групп специалистов на локальных рынках рабочей силы.

Территории, имеющие высокотехнологичные кластерные структуры, эффективно формируют воспроизводственные процессы, стимулируют рост инновационной, инвестиционной привлекательности бизнеса. Такие территории характеризуются менее напряженной ситуацией на рынке рабочей силы, гибкостью и адаптивностью профессионально-квалификационной структурой спроса и предложения рабочей силы. Сфера производственных и социальных услуг с развитыми вертикально и горизонтально интегрированными отношениями в кластере ядерных технологий, ориентирована на рост экспортной производственной базы и бюджетной эффективности территории. Ускоренное развитие кооперации и экономических связей обеспечит устойчивый спрос на рабочую силу, рост гибких форм занятости молодых специалистов.

Стимулирование развития кластера формирует экономический эффект, который связан с повышением уровня занятости, привлечением высококвалифицированных специалистов в реальный сектор экономики, включением малого бизнеса в иннова-

ционные процессы региона, увеличением налогооблагаемой базы в регионе, развитием логистических систем, совершенствованием предпринимательской культуры, активизацией института ассоциации предпринимателей и выстраиванием диалога с региональными органами власти, улучшением имиджа региона, расширением емкости внутреннего рынка и повышением покупательской способности населения. Предприятия кластера обеспечивают выпуск высокотехнологичной продукции и услуг, кооперацию в сфере прогрессивных технологий, стимулирование исследовательских новых разработок, ускоренное развитие смежных отраслей, энергонезависимость территорий, развитие телекоммуникаций, реализацию приоритетных социально-экономических проектов для населения территорий. Кластерный метод развития территориальной экономики является универсальным, в условиях ограниченного финансового капитала и накопленного инновационного потенциала.

Литература

1. Госкорпорация «Росатом» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosatom.ru>.
2. Госкорпорация «Росатом» ОАО «ТВЭЛ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tvel.ru>.
3. ЗАТО Северск [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.seversknet.ru/economics/pokazateli>.
4. Кресс, В. Приветствие губернатора Томской области на первой конференции «Молодые атомщики Сибири» 20.09.2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kress.tomsk.ru>.
5. Нарышкина, А. В. Моделирование процесса поиска работы при переходе от учебы к работе / А. В. Нарышкина. Препринт WP15/2007/03. – М.: ГУ ВШЭ, 2007. – 28 с.
6. ОАО «Сибирский химический комбинат» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.atomsib.ru>.
7. Оленин, Ю. Вместе мы сила. К чему приведут совместные усилия ОАО «ТВЭЛ», региональных и муниципальных властей? / Ю. Оленин, В. Кресс, О. Ковалевская // Новое время. – 2011. – № 6. – С. 3.
8. Портер, М. Конкуренция: учебное пособие / М. Портер: пер. с англ. – М.: Вильямс, 2000. – 495 с.
9. Томская область [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tomsk.gov.ru>.
10. Северский технологический институт НИЯУ МИФИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ssti.ru>.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 343.13

О ВОЗВРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРОМ И РУКОВОДИТЕЛЕМ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

Т. Ю. Попова

ABOUT RETURNING OF CRIMINAL CASE BY THE PROSECUTOR AND THE HEAD OF INVESTIGATORY BODY FOR MANUFACTURE OF THE ADDITIONAL INVESTIGATION

T. Yu. Popova

Проведенная в 2007 году реформа предварительного следствия повлекла изменение соотношения полномочий прокурора и руководителя следственного органа. В статье анализируются prerogatives этих участников уголовного судопроизводства при окончании предварительного следствия составлением обвинительного заключения.

The reform of preliminary investigation spent in 2007 has entailed change of a parity of powers of the prosecutor and the head of investigatory body. In article prerogatives of these participants of criminal legal proceedings are analyzed at the termination of preliminary investigation by drawing up of the bill of particulars.

Ключевые слова: прокурор, руководитель следственного органа, дополнительное расследование.

Keywords: the prosecutor, the head of investigatory body, the additional investigation.

По сравнению с УПК РСФСР 1960 года, который наделял прокурора и суд правом направлять уголовные дела для дополнительного расследования (п. 8 ст. 211, п. 2 ст. 211 и ст. 232 УПК РСФСР), УПК РФ предусмотрел «тройную» проверку законности и обоснованности действий и решений следователя по законченному расследованием делу. Наряду с прокурором (п. 2 ст. 1 ст. 221 УПК РФ), правом возвращать уголовное дело следователю со

своими указаниями о производстве дополнительного расследования обладает руководитель следственного органа (п. 11 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). Что касается суда, то он обладает правом в установленных законом случаях возвращать через прокурора следователю уголовное дело формально с целью устранения препятствий для рассмотрения дела судом, что практически равносильно возвращению на дополнительное расследование. Данное право суда стало

особенно очевидным после принятия 2 декабря 2008 г. Федерального закона № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [8, с. 57; 13].

Так как в настоящее время и руководитель следственного органа, и прокурор имеют одинаковую возможность вернуть уголовное дело следователю, то при оценке доказательств по правилам ст. 17 УПК РФ по законченному расследованием уголовному делу оба они могут прийти к совершенно противоположным выводам. Такая разность в оценке доказательств обычно обусловлена различными причинами, например, разницей в опыте расследования уголовных дел, в уровне образования, квалификации, общей культуры, и даже – в корыстной или иной личной заинтересованности и приводит к определенному конфликту между следователем и руководителем следственного органа, следователем и прокурором или прокурором и руководителем следственного органа. Подобный конфликт может негативно отразиться не только на объективности решения задач уголовного судопроизводства (ст. 6, 21, 73 и др. УПК РФ) [8, с. 58], на сроках предварительного следствия и, соответственно, на сроках заключения под стражу. В такой ситуации будут нарушены права лиц, в отношении которых применены меры государственного принуждения.

Действующая редакция УПК РФ предусматривает полномочие прокурора по рассмотрению поступившего от следователя уголовного дела с обвинительным заключением и принятию в течение 10 суток по нему одного из следующих решений:

- об утверждении обвинительного заключения и направлении уголовного дела в суд;
- о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями;
- о направлении уголовного дела вышестоящему прокурору для утверждения обвинительного заключения, если оно подсудно вышестоящему суду (ч. 1 ст. 221 УПК РФ)

Срок для исполнения указаний прокурора устанавливается руководителем следственного органа и не может превышать одного месяца со дня поступления данного дела к следователю.

Как следует из смысла закона, указания прокурора, направленные следователю на стадии окончания расследования, не являются обязательными для исполнения. Поэтому руководитель следственного органа может согласиться с ними, а может и нет. Начнется процесс обжалования, во время которого исполнение решений прокурора, возвратившего в следственный орган уголовное дело, будет приостановлено. Если по уголовному делу нет лиц, содержащихся под стражей, то особых проблем не возникнет – только длительность. В случае, если по уголовному делу обвиняемые содержатся под стражей, это может вызвать ряд сложностей. Например, при утверждении обвинительного заключения по

уголовному делу прокурор района примет решение о прекращении уголовного преследования в отношении одного из обвиняемых, который содержится под стражей. Отменить меру пресечения он не может, согласится руководитель следственного органа с его решением или нет – неизвестно. Может начаться процесс обжалования, а человек все это время будет содержаться под стражей. Не совсем понятно, на каком основании будет продлеваться срок содержания под стражей обвиняемого, и какие меры будут предприняты, если в конечном итоге, Генеральный прокурор согласится с решением прокурора района [10].

Что касается других полномочий прокурора на стадии направления ему дела с обвинительным заключением, то теперь прокурор не может составить новое обвинительное заключение (что и так ранее крайне редко применялось на практике), не может сам прекратить уголовное дело или уголовное преследование в отношении обвиняемых полностью или частично.

Но, с другой стороны, Федеральный закон от 05.06.2007 г. сохранил за прокурором право, предусмотренное ч. 3 ст. 88 УПК признавать доказательства недопустимыми. При этом может оказаться, что, исключив, как недопустимые, доказательства, на которых следователь построил обвинение, прокурор придет к выводу, что оно лишено оснований и дело следует прекратить. Однако при отсутствии полномочия по прекращению уголовного дела, прокурор при таких обстоятельствах вправе лишь потребовать в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК устранения нарушений федерального законодательства [16; 14, с. 19].

Ограничение полномочий прокурора на стадии окончания предварительного следствия не согласуется, по мнению К. Б. Калиновского, со статусом прокурора как органа надзора за следствием и как будущего государственного обвинителя. Так, прокурор государственный обвинитель вправе представлять суду по своему усмотрению доказательства, отказаться от обвинения, изменить его в сторону смягчения, ходатайствовать о прекращении дела (ч. 5, 7 и 8 ст. 246 УПК РФ и др.). С учетом толкования процессуальных норм в системе представляется неоправданным лишение прокурора полномочий изменить обвинительное заключение в части смягчения обвинения; дополнения списка свидетелей по просьбе стороны обвинения, составления нового обвинительного заключения, прекращения дела. Возвращение дела следователю по данным основаниям ведет к значительному увеличению сроков следствия и содержания под стражей. Кроме того, исполнение данного решения прокурора приостанавливается в случае обжалования его следователем, а само обжалование может быть многоступенчатым. Такой громоздкий механизм противоречит праву быть судимым без неоправданной задержки (п. «с» ч. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах) [5, с. 96].

Так, руководитель следственного органа имеет полномочие, предусмотренное п. 10 ч. 1 ст. 39 УПК

РФ, то есть следователь только с согласия руководителя следственного органа имеет право обжаловать постановление прокурора о возвращении ему уголовного дела на дополнительное расследование вышестоящему прокурору, а при несогласии с решением вышестоящего прокурора – Генеральному прокурору Российской Федерации с согласия Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации либо руководителя следственного органа соответствующего федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти). По установленной процедуре вышестоящий прокурор в течение 72 часов с момента поступления соответствующих материалов выносит одно из следующих постановлений:

1) об отказе в удовлетворении ходатайства следователя;

2) об отмене постановления нижестоящего прокурора.

В последнем случае вышестоящий прокурор утверждает обвинительное заключение и направляет уголовное дело в суд (ч. 4 ст. 221 УПК РФ).

Таким образом, окончательное решение при обжаловании постановления прокурора будет принимать вышестоящий прокурор либо Генеральный прокурор РФ.

В связи с этим возникает вопрос, нужно ли обременять возможность обжалования следователем указаний прокурора, данных в порядке п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ, неопровержимым согласием руководителя следственного органа? Представляется, что имеет прямой смысл освобождение рассмотренной выше процедуры обжалования от такого рода «посредничества» между следователем и прокурором со стороны руководителя следственного органа и ослабление «фильтра», через который проходит уголовное дело при окончании предварительного следствия.

Ранее, в редакции УПК РФ до реформы 2007 года у следователя была возможность обжаловать решения прокурора напрямую вышестоящему прокурору, без получения предварительного согласия начальника следственного отдела. Более рациональной представляется именно такая конструкция, реально обеспечивающая процессуальную самостоятельность следователя и ограничивающая полномочия руководителя следственного органа, предоставляющая следователю право напрямую обжаловать решения прокурора при возвращении уголовного дела на дополнительное расследование. К тому же, аналогичное решение руководителя следственного органа может быть обжаловано следователем руководителю вышестоящего следственного органа, а решение прокурора – только с согласия руководителя следственного органа, что чрезмерно бюрократизирует уголовный процесс на стадии предварительного расследования и затрудняет осуществление права граждан на рассмотрение дела в разумные сроки.

По вопросу необходимости дачи руководителем следственного органа согласия следователю на обжалование указаний прокурора о возвращении дела для производства дополнительного следствия, нами

проводилось анкетирование практических сотрудников следственных подразделений. В результате нашего исследования выяснилось, что мнения руководителей следственных органов и следователей по этой проблеме в целом совпадают: 100 % руководителей следственных органов Следственного комитета при прокуратуре РФ и следственных управлений ФСКН РФ, а также 87 % руководителей Следственного комитета при МВД России ответили положительно на существование у них данной прерогативы.

Следователи ответили менее категорично: только 90 % следователей следственных управлений ФСКН РФ и 80 % следователей Следственного комитета при прокуратуре РФ и Следственного комитета при МВД России усматривают необходимость в получении такого согласия своего начальника. Такие результаты объясняются тем, что руководители, естественно, не хотят терять своих полномочий по руководству расследованием, а следователи по всем ключевым вопросам просто привыкли обращаться к своему начальнику.

В связи с этим аспектом проблемы уместно с новых позиций взглянуть на дискуссию о возможности привлечения суда для решения процессуальных споров между участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Следует заметить, что ранее в Концепции судебной реформы в Российской Федерации [7, с. 45] и в научной литературе уже высказывались предложения о наделении суда полномочиями по рассмотрению споров участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Предлагалось, в частности, предоставить возможность следователю обжаловать указания прокурора не вышестоящему прокурору, а в суд, тем самым, устраняя возможность принятия решения исходя из корпоративных интересов ведомства [3, с. 29; 4, с. 33; 9, с. 28].

С другой стороны, высказывалась позиция о нецелесообразности наделения суда, который, прежде всего, осуществляет функцию разрешения уголовного дела, полномочием на вмешательство во внутренние отношения должностных лиц, иерархически связанных осуществлением функции уголовного преследования [1, с. 54; 6, с. 8; 12, с. 14; 15, с. 35].

На наш взгляд, наделение суда полномочиями по рассмотрению процессуальных споров, возникающих в процессе расследования по уголовному делу между следователем, руководителем следственного органа и прокурором, позволит реально обеспечить не только процессуальную самостоятельность следователя, но и обеспечит эффективность прокурорского надзора путем исключения ведомственного влияния и корпоративных интересов при принятии ключевых решений по уголовному делу. «Суд не отвечает ни за количественные, ни за качественные показатели досудебного производства. В то же время суд заинтересован в устранении каждого нарушения, допущенного на этом этапе, поскольку законность и обоснованность предварительного расследования является основой правосудия по уголовным делам» [11, с. 85]. Возможно, оппонентами будет высказано мнение о появлении ос-

нований для возникновения чрезмерной волокиты и затягивания сроков расследования по уголовному делу в связи с рассмотрением подобных споров судами, однако диалог между прокурором, следователем и руководителем следственного органа в суде будет открытым [2, с. 3]. Еще одним аргументом в пользу включения суда в процесс рассмотрения споров между участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения, является то, что одним из «незримых» принципов уголовного процесса является полное всестороннее и объективное расследование, а одним из главных постулатов досудебного производства – процессуальная самостоятельность следователя.

Нашу позицию по данному вопросу подтверждают и практические работники: перенесение в суд процедуры рассмотрения процессуальных споров между прокурором, руководителем следственного органа и следователем полностью или в ограниченных законом случаях поддерживают 53 % руководителей СК при МВД России, 37 % руководителей СК при прокуратуре РФ и 51 % руководителей СУ ФСКН РФ. Солидарное мнение выразили и следователи: 61 %, 74 % и 35 % соответственно.

Применительно к рассматриваемой ситуации, как нам представляется, было бы целесообразно предусмотреть возможность обжалования следователем решения прокурора о возвращении дела на дополнительное следствие вышестоящему прокурору или в суд.

Что касается правомочия руководителя следственного органа на возвращение уголовного дела на предварительное расследование, то считаем, что его наличие не вполне оправдано, так как разные позиции руководителя следственного органа и прокурора могут в итоге быть причиной затягивания направления уголовного дела в суд и наступления уже прогнозируемых нами выше негативных последствий для реализации прав участниками уголовного судопроизводства. Достаточно оставить право возвращения уголовного дела на дополнительное следствие лишь прокурору как участнику уголовного судопроизводства со стороны обвинения, изъяв данное полномочие у руководителя следственного органа. Именно прокурор, в конечном счете, определяет дальнейшую судьбу уголовного дела путем реализации полномочий по утверждению обвинительного заключения и направлению его в суд.

После окончания предварительного следствия и направления уголовного дела в суд, оно может быть возвращено со стадии предварительного слушания прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ. В связи с этим необходимо урегулировать правоотношения руководителя следственного органа и прокурора.

Как мы уже отметили, нормы статьи 237 УПК РФ претерпели существенные изменения в результате принятия Федерального закона от 02.12.2008 г. № 226-ФЗ. Прежде всего, признана утратившей силу ч. 2 ст. 237 УПК РФ, устанавливающая 5-суточный срок для устранения допущенных следователем нарушений. Также признаны утратившими силу:

- ч. 4 ст. 237 УПК РФ, которая не допускала производство следственных или иных процессуальных действий, не предусмотренных названной статьей, по уголовному делу, возвращенному следователю через прокурора);

- ч. 5 ст. 237 УПК РФ, признающая недопустимыми доказательства, полученные по истечении процессуальных сроков, установленных до принятия названного закона.

В настоящее время прокурор не уполномочен продлять и устанавливать сроки предварительного следствия. По мнению А. С. Александрова, раз речь идет фактически – о восстановлении института возвращения уголовного дела в его прежней модели, надо воспроизвести в УПК РФ и норму, аналогичную той, что существовала в ст. 131 УПК РСФСР: в частности, уполномочить прокурора при этом установить срок следствия вначале на месяц, а потом в общем порядке или надлежит менять порядок возвращения уголовного дела из суда, и отправлять его не прокурору, а руководителю следственного органа [1, с. 58].

С точки зрения потребности четкого разделения функций прокурора и руководителя следственного органа, возвращение судом уголовного дела именно прокурору, а не руководителю следственного органа оправдано, так как на судебных стадиях уголовного процесса уголовное преследование в виде поддержания государственного обвинения осуществляет именно прокурор. В связи с этим, необходимо изъять у руководителя следственного органа полномочие по установлению срока предварительного следствия и передать его прокурору.

Таким образом, мы констатируем посреднический характер полномочий руководителя следственного органа между прокурором и следователем на стадии окончания предварительного следствия. Как нам представляется, необходимо ограничить полномочия руководителя следственного органа на данной стадии и ввести суд в качестве возможного участника при обжаловании следователем решения прокурора о возвращении уголовного дела для дополнительного расследования.

Литература

1. Александров, А. С. Вопросы взаимодействия прокурора, руководителя следственного органа и следователя в ходе досудебного производства по уголовному делу / А. С. Александров // Вестник МВД России. – 2009. – № 1. – С. 52 – 59.
2. Бастрыкин, А. Следствие требует тишины / А. Бастрыкин // Известия. 02.10.2007. – С. 1, 3.
3. Бобырев, В. Обеспечение законности при расследовании / В. Бобырев, С. Ефимичев, П. Ефимичев // Законность. – 2007. – № 12. – С. 28 – 31.
4. Говорков, Н. Хотели сделать лучше... / Н. Говорков // Законность. – 2008. – № 7. – С. 31 – 33.
5. Калиновский, К. Б. Коррекционное толкование отдельных положений законов о внесении изменений в УПК РФ / К. Б. Калиновский // Журнал российского права. – 2008. – № 8. – С. 91 – 97.

6. Колоколов, Н. А. Баланс обвинительной власти / Н. А. Колоколов // Уголовный процесс. – 2009. – № 3. – С. 3 – 8.

7. Концепция судебной реформы в Российской Федерации. – М., 1992. – 111 с.

8. Кругликов, А. П. Возвращение уголовного дела для дополнительного расследования руководителем следственного органа или прокурором / А. П. Кругликов // Российская юстиция. – 2009. – № 2. – С. 57 – 59.

9. Кругликов, А. П. Роль прокурора в уголовном судопроизводстве / А. П. Кругликов // Законность. – 2008. – № 8. – С. 25 – 29.

10. О следственном комитете при прокуратуре России. Опубликовано 28.06.2007. Аналитическая справка фонда «Общественный вердикт» // URL: <http://control.hro.org/okno/pr/2007/06/28.php> (дата обращения: 21.05.2010).

11. Семенцов, В. А. Процессуальные полномочия следователя в досудебном производстве: монография / В. А. Семенцов, М. А. Нагоева. – Краснодар, 2010. – 125 с.

12. Соловьев, А. Б. Проблема обеспечения законности при производстве предварительного следствия в связи с изменением процессуального статуса

прокурора / А. Б. Соловьев // Уголовное судопроизводство. – 2007. – № 3. – С. 10 – 16.

13. Федеральный закон от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2008. 5 декабря. № 250 (4807).

14. Халиулин, А. Полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия / А. Халиулин // Законность. – 2007. – № 9. – С. 15 – 20.

15. Шадрин, В. С. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора и органов предварительного расследования. Досудебное производство / В. С. Шадрин. – СПб.: Юрид. ин-т Генеральной прокуратуры РФ, 2005. – 180 с.

16. Шейфер, С. А. Надзор прокурора за деятельностью дознания и предварительного следствия / С. А. Шейфер // материалы Международной научной конференции, посвященной 160-летней годовщине со дня рождения проф. И. Я. Фойницкого «Стратегии уголовного судопроизводства» 11 – 12 октября 2007 г. (Санкт-Петербург) // Сайт Международной ассоциации содействия правосудию. URL: <http://iuaj.net> (дата обращения: 26.07.2010).

УДК 342.951

ПОНЯТИЕ «ДЕБОШИРСТВО» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПРАВЕ: В XIX ВЕКЕ И НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

А. В. Равнюшкин

NOTION "DEBOSHIRSTVO" In DOMESTIC RIGHT: In 19 AGES And ON MODERN STAGE

A. V. Ravnyushkin

В статье рассматривается понятие «дебоширство» в отечественном праве: в XIX веке и на современном этапе. Отмечается, что принятие нормы, устанавливающей административную ответственность за «дебоширство» в некоторых регионах России, требует юридического анализа данного понятия и отличия от составов преступлений.

Notion "deboshirstvo" is considered in article in domestic right: in 19 ages and on modern stage. It is noted that taking the rate, installing administrative responsibility for "deboshirstvo" in some region of the Russia requires the legal analysis given notions and change from composition of the crimes.

Ключевые слова: семейно-бытовые правонарушения, дебоширство, буйство, законы субъектов РФ об административных правонарушениях, Российская империя 19 века, волостные суды, проблемы квалификации.

Keywords: household-home offenses, deboshirstvo, rampage, laws subject RF about administrative offenses, Russian empire 19 ages, district courts, problems to qualifications

Семейно-бытовые правонарушения относятся к числу сложных социальных проблем. Несмотря на соседские, родственные отношения между людьми в семье и быту, как показывает практика, именно эта сфера отношений наиболее подвержена конфликтам самого различного рода: от мелких правонарушений бытового плана до преступлений, направленных против жизни и здоровья.

Профилактика правонарушений в этой сфере основывается не только на методах убеждения и воспитания, но и на методах принуждения административного и уголовно-правового характера.

По данным ГИАЦ МВД России в стране в 2009 году совершено на бытовой почве 2994820 преступлений, среди них – 17357 убийств (ст. 105 УК РФ), 43112 умышленных причинений тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), 43838 умышленных причинений средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ), 36775 легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ) и 117614 побоев (ст. 116). Доля же таких преступлений как истязание (ст. 117 УК РФ) и угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ) только растет (5967 и 101180 преступлений – и 8,7 % и 3,9 % прироста по сравнению

с аналогичным периодом прошлого года (далее – АППГ) соответственно) [1].

Такое количество бытовых преступлений, как правило, не возникает без противоправного поведения преступников в быту. Как свидетельствуют материалы административных и уголовных дел, подавляющее большинство противоправных деяний в семье совершаются в условиях очевидности, им предшествуют довольно длительные конфликты, обычно хорошо известные окружающим и проявляющиеся в действиях, которые создают правовую основу для вмешательства сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД). Явно большую долю среди этих сотрудников занимают участковые уполномоченные милиции (далее – УУМ).

В сведениях о результатах работы УУМ в ГИАЦ МВД России имеются данные о рассмотренных ими обращениях и сообщениях. В 2009 году УУМ рассмотрели 7672714 обращений и сообщений о семейно-бытовых правонарушениях. По ним были приняты следующие решения:

а) о привлечении правонарушителей к административной ответственности – 1316078 – прирост к АППГ – 1,6 %;

б) о принятии к правонарушителям мер профилактического воздействия – 1826498 – прирост к АППГ – 33,4 %;

в) о направлении заявления гражданина по последственности – 1171463 – прирост к АППГ – 7,2 %;

г) об отказе в удовлетворении просьбы – 3358675 – прирост к АППГ – 21,2 % [2].

Из приведенных выше показателей можно сделать вывод, что служебная нагрузка на УУМ увеличивается, в особенности в сфере применения мер профилактического воздействия – рост к АППГ более чем на 33 %, а привлеченных к административной ответственности – рост к АППГ символический – 1,6 %.

Из приведенных выше цифр следует, что применение к правонарушителям только мер профилактического воздействия не достаточно эффективно. Необходимо создать более эффективную систему предупреждения и пресечения правонарушений в семейно-бытовой сфере. Возникает необходимость расширить и отдельные права сотрудников ОВД в профилактике и разрешении семейно-бытовых правонарушений. В частности, «80 % опрошенных УУМ показали, что количество их функциональных обязанностей не соответствует тем правам, которые им предоставлены... УУМ не имеет права принимать самостоятельные решения по поводу многих, возникающих в зоне его обслуживания, даже мелких конфликтов [3, с. 61]».

В статье 72 Конституции РФ отмечено, что в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся административное, административно-процессуальное и семейное законодательство. Вне пределов ведения Российской Федерации правовое регулирование в сфере ответственности за административные правонарушения осуществляется законами субъектов

Российской Федерации [4]. В каждом субъекте РФ имеется собственный закон об административных правонарушениях. Таким образом, административная ответственность за правонарушения, имеющие региональное значение, например, нарушение правил благоустройства населенных пунктов, общественного порядка и т. п., в КоАП РФ не предусмотрена. Она устанавливается законами субъектов Российской Федерации.

В настоящее время в законах об административных правонарушениях некоторых субъектов РФ содержится административно-правовая норма, предусматривающая административную ответственность за совершение семейно-бытового дебоширства. Первым субъектом РФ, установившим такой состав правонарушения, стала Республика Чувашия [5]. Схожие составы административного правонарушения имеют и некоторые другие субъекты РФ (например, Республики – Алтай, Бурятия; области – Волгоградская, Кировская, Пензенская, Ульяновская, и др.). В Кодексе РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП) кроме состава мелкого хулиганства (ст. 20.1) нет иного состава, устанавливающего административную ответственность за нарушение прав граждан в семейно-бытовой сфере [6]. Однако привлечение правонарушителей к административной ответственности по ст. 20.1 КоАП возможно лишь в тех случаях, когда такие действия были сопряжены с нарушениями общественного порядка и выражали явное неуважение к обществу.

14 июля 2004 года Государственный совет Чувашской республики внес в Государственную Думу Федерального Собрания РФ законопроект «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». В частности, «главу 5 дополнить статьей 5.53 «Семейно-бытовое дебоширство» следующего содержания: «Семейно-бытовое дебоширство в месте проживания (пребывания) семьи, то есть скандал, устраивание беспорядка, которые сопровождаются шумом и нарушают спокойствие семьи» [7].

Обоснованием введения этой статьи в КоАП явился рост в Чувашии совершенных преступлений в быту.

В Правительстве РФ данный законопроект № 74655-4 был рассмотрен (Официальный отзыв № 2.12 – 17/672 от 24 сентября 2004 г.) и не был поддержан по следующим причинам. «Указанные понятия «скандал», «устраивание беспорядка», «шум», «спокойствие граждан» на сегодняшний день не имеют как административно-юрисдикционного, так и иного законодательного определения (не предложено соответствующих определений вводимых понятий и в законопроекте). В связи с этим на практике однозначное определение объективной стороны данного правонарушения вызовет существенные затруднения» [7].

Однако, не смотря на это в октябре 2007 года закон Чувашской республики от 23.07.2003 года «Об административных правонарушениях в Чувашской республике» был дополнен статьей 19 «Семейно-

бытовое дебоширство». Действие такой нормы показало свои положительные результаты. К примеру, 3 декабря 2010 года в МВД Чувашии состоялось общереспубликанское совещание, где было отмечено, что «за 10 месяцев текущего года количество семейно-бытовых преступлений сократилось с 146 до 138 по сравнению с АППГ. Сотрудниками милиции составлено более 7000 административных протоколов за дебоширство» [8].

Сравнительный анализ норм, устанавливающих административную ответственность за дебоширство, показал, что в этих регионах понятие «семейно-бытовое дебоширство» понимается по-разному.

В законе Чувашской республики от 23 июля 2003 года «Об административных правонарушениях в Чувашской республике» под семейно-бытовым дебоширством понимаются: буйство, скандал, устраивание беспорядка, которые сопровождаются шумом и нарушают покой семьи. В Пензенской области семейно-бытовое дебоширство понимают иначе: «Семейно-бытовое дебоширство, то есть нарушение покоя семьи в месте проживания (пребывания) семьи, выраженное явным неуважением к члену семьи, сопровождающееся устраиванием беспорядка, оскорбительным обращением к члену семьи, нецензурной бранью» [9].

Законом Республики Алтай от 24 июня 2010 г. N 31-РЗ "О внесении изменений в Закон Республики Алтай "Об административных правонарушениях в Республике Алтай" в Закон Республики Алтай «Об административных правонарушениях в Республике Алтай» введена статья 7.2 «Семейно-бытовое дебоширство», под которым понимается скандал, устраивание беспорядка в месте проживания (пребывания), сопровождающиеся шумом и нарушением покоя семьи [10]. В Кировской области данный состав административного правонарушения звучит как «Бытовое дебоширство, то есть нарушение установленного законодательством правил поведения в семье либо унижение чести и достоинства совместно проживающего лица (лиц), выражающееся в создании конфликтной ситуации и сопровождающееся громкими криками, либо бранью, либо оскорблениями» [11].

В законах указанных регионов нет административно-юрисдикционного или иного законодательного определения понятий «буйство», «скандал», «устраивание беспорядка», «шум», а, следовательно, понятия «семейно-бытовое дебоширство» или «бытовое дебоширство» требуют правового анализа. Открытыми остаются вопросы: в чем проявляется так называемое «дебоширство»? Какими правовыми свойствами оно должно обладать? Почему в российских регионах не сложилось понятийное однообразие данного явления? И это только некоторые вопросы среди многих, на которые необходимо получить ответ.

Чтобы найти ответы на поставленные вопросы, прежде всего, необходимо провести экскурс в историю Отечества, изучить правовые акты императорской России, что даст возможность понять, как воз-

никли понятия «дебоширство», «буйство», и какое значение они имели.

Рассмотрим такие правовые акты Российской империи, которые сыграли важную роль в развитии отечественной правовой системы вплоть до Октябрьской революции 1917 года. Какие же нормативные акты регулировали семейные, семейно-бытовые отношения? Среди них необходимо выделить «Свод законов Российской империи», который был издан в 1832 году, а вступил в силу с 1 января 1835 года. В нем были отрегулированы и семейные отношения.

В статье 106 указанного свода прописано, что «муж обязан любить свою жену как свое собственное тело, жить с нею в согласии, уважать, защищать, извинять ее недостатки и облегчать ее немощи. Он обязан доставлять жене пропитание и содержание по состоянию и возможности своей.

Жена обязана повиноваться мужу своему как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность как хозяйка дома» [12]. Это являлось основным правилом, принципом семейных отношений.

Под руководством М. М. Сперанского была проведена работа над составлением проекта «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» (далее – Уложение) [13]. В 1845 г. Проект Уложения был рассмотрен Государственным Советом, утвержден Николаем I и введен в действие с 1 мая 1846 г. Уложение, пережив определенные изменения, особенно в 1885 г., почти целиком действовало до Октябрьской революции 1917 года.

Уложение 1845 г. отличалось казуистичностью изложения содержащихся в нем норм, отсутствием единства и большим объемом (оно насчитывало свыше двух тысяч статей).

Уложение о наказаниях разделяло частные (посторонние) отношения от семейных. Оно поместило преступления в сфере семейных отношений в отдельном разделе № 11 «О преступлениях против прав семейственных». В статье 2075 была установлена ответственность за «жестокое обращение с женою, обстоятельствами доказанное, особливо в случае нанесения ей увечья или ран, муж, по жалобе супруги или ее родителей подвергается наказаниям определенным в разделе 10, главе 3 сего Уложения за тяжкие побои, раны или увечья с возвышением оных двумя степенями [13]». В разделе 10 главы 3 Уложения предусматривались такие наказания как «лишение всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу на заводах на время от четырех до семи лет, а если он от телесных наказаний не изъят, то к наказанию плетью через палачей в мере, определенной статьей 21 сего Уложения для седьмой степени наказаний сего рода с наложением клейм или же, по лишению всех прав состояния, к ссылке в Сибирь на поселение» [13]. Тем же наказаниям и на том же основании подвергалась и жена, которая пользуясь слабостью своего мужа, могла допустить себе жестокое с ним обращение и нанесет ему увечье, раны или побои.

Но нас интересуют, прежде всего, такие явления как «дебоширство», «буйство». Такие понятия в данном Уложении также имели место. К примеру, в статье 1225, посвященной наказанию за нарушение общественного порядка, было указано «Кто на улице, площади или в ином публичном месте, при собрании более или менее многочисленном, будет каким-либо образом возбуждать к ссорам, дракам или другого рода буйству и вообще к нарушению должного порядка и тишины подвергается аресту от семи дней до трех месяцев [13]». Значит, под буйством в этом случае следовало понимать возбуждение, провокацию ссоры, драки, нарушения должного порядка и тишины.

20 ноября 1864 года вместе с другими документами судебной реформы Александром II был утвержден "Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями" [14].

Принятие его обусловило значительную переработку старого уголовного законодательства, в частности из Уложения о наказаниях уголовных и исправительных было изъято 652 статьи, в т. ч. 1 и 2, определявшие преступление и проступок. Запрещенные Уставом под страхом наказания деяния именуются проступками. Но в Уставе они именуются также "преступными деяниями", а привлеченный за "проступки" именуется "подсудимым", ему выносятся "приговор", после чего он становится "осужденным".

Уставами были утверждены следующие виды наказаний: выговор, замечание, внушение, арест сроком до 3-х месяцев, заключение в тюрьму сроком до 1 года. Следует отметить, что из подсудности мировых судов были изъяты дела, подведомственные духовным, военным и, коммерческим, крестьянским и инородческим судам. Всего в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, содержится 12 глав, в 153 статьях которых определяются противоправные деяния и наказания за них.

Как и раньше большое внимание законодатель уделял правонарушениям, связанным с нарушением общественного порядка.

Ст. 39 Устава предусматривала наказание "за ссоры, драки и кулачный бой или другого рода буйство". В соответствии со ст. 42 Устава "за появление в публичном месте пьяными в беспамятства или в безобразном от опьянения виде виновные подвергались аресту не свыше 7 дней или штрафу не свыше 25 рублей" [14, с. 12]. Наказание для "лиц за прошение милостыни по лени и привычке к праздности" было весьма строгим – тюрьма от 2 недель до 1 месяца.

Однако эти понятия могли происходить не только при нарушении общественного порядка. В юридической литературе второй половины XIX века данные понятия применялись широко. Они употреблялись в крестьянском обычном праве, в судебной практике, в частности, в решениях волостных судов.

Ученые-юристы, исследователя второй половины XIX века полемизировали о судьбе волостных судов, об их эффективности. В частности, они ста-

вили вопрос: была ли у сельской женщины возможность оградить себя от рукоприкладства самодура-мужа, защитить свою честь и достоинство? Такая возможность у них появилась после судебной реформы Александра II. Некоторые женщины пытались найти управу на мужей в волостных судах.

Юрист И. М. Красноперов [15] считал, что волостные суды не спешили встать на защиту чести и достоинства женщин, считая это дело семейным. Из 118 случаев побоев мужьями своих жен, зарегистрированных в волостных книгах, суды приговорили к наказаниям только четырех виновных, да и то, не столько за побои, сколько за дебоширство и пьянство [16, с. 273] (т. е. дебоширство не охватывало побои) (прим. Равнюшкин А. В.).

Волостные суды не оставались безучастными к искам потерпевших женщин. На основе изученных материалов волостных судов Рязанской губернии аналогичное суждение высказывает современный исследователь Л. И. Земцов. Он считает, что «крестьянки активно пытались найти защиту в волостном суде», и «абсолютное большинство проступков по отношению к женщине волостным судом наказано» [17, с. 328].

Вполне обоснованно с этим суждением соглашается специалист в области обычного права С. В. Пахман: «Между тем, этому явно противоречит самый факт непрерывного обращения к суду обиженных жен, и волостные суды почти повсюду, хотя и указывают в таких случаях на необходимость, чтобы жены повиновались мужьям, тем не менее, присуждают последних, по жалобам жен, за жестокое обращение, побои и даже за обиды словами, к взысканию уголовному, обыкновенно к наказанию розгами» [18]. Автор отмечает, что мужья привлекались к наказанию розгами не только в случае причинения женам побоев, но и за обиды словами.

В примечании к главе 3 «О нанесении увечья, ран и других повреждений здоровью» раздела 10 «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц» отмечалось, что «в случае нанесения лишь легких ран и увечья, и причинения неважного по степени своей вреда здоровью, а равно и в тех случаях, когда увечья или раны были последствием одной осторожности, дела по оным начинаются не иначе, как по жалобе того, который подвергся сим ранам или увечью». Данная категория дел, как и сейчас, относилась к делам частного обвинения.

С. В. Пахман в примечании к своей работе приводит многочисленные примеры из практики волостных судов по жалобам женщин, где употребляются понятия «дебоширство», «буйство». Вот некоторые из них: «И. жаловалась, что муж ее сильно буйствует, не дает ей никакого житья; суд определил наказать его розгами до 19 уд.» 274 N 24 (моск., мож., кук.); «по жалобе жены, что муж постоянно пьянствует и делает в доме буйство, наказать его розгами 20 уд., и "внушить ему, что если еще какая-либо жалоба дойдет от жены до волостного суда, то подвергнется более тяжкому наказанию". 237 N 15

(яр., р., вор.); «за нерадение к хозяйству, пьянство и оскорбление невинно жены наказать розгами 20 уд.» 272 N 110 (яр., рост. б.); «за буйство с женой наказывать розгами 20 уд.» 354 N 1 (костр., ю., м.); «крестьяне целой деревни жаловались, что Е. жестоко обращается с женой и «чинит в доме дебоширство»; суд приговорил наказывать 20 розгами, внушив ему дебош не делать». 383 N 14 (костр., к., в.)» [18].

Иногда инициатором обращения в волостной суд с жалобой на жестокое обращение с женой выступали должностные лица села. П. Березанский в своем исследовании обычного права крестьян Тамбовской губернии, приводил в качестве примера решение Стрельниковского волостного суда. «В этом суде слушали жалобу сельского старосты на крестьянина Ф., который часто бил свою жену до полусмерти. Суд определил наказывать семейного дебошира 20 ударами розгами, и объявил ему, чтобы тот оставил все свои дурные поступки и жил в своем семействе смиренно» [19, с. 217].

Виды наказаний, налагаемых волостным судом, различались в зависимости от применения на данной территории условий судебно-административной реформы 1890 г. Волостные суды в местностях, где был введен институт земских участковых начальников, вправе были применять наказания в виде публичного выговора, денежного взыскания и ареста до 30 дней. Волостной суд старого устройства, действовавший на территориях, на которых не действовало Положение о земских участковых начальниках, применял менее суровые наказания: общественные работы (до 15 дней), денежные взыскания (до 3 рублей), арест (до 7 дней) и наказания розгами (до 20 ударов).

Таким образом, исследовав и проанализировав правовые акты императорской России, юридическую литературу 19 века, мы приходим к выводу, что понятия «дебоширство» и «буйство» обозначали такие явления как:

1. Нарушение должного (надлежащего, общественного) порядка (путем возбуждения к ссорам, дракам или другого рода буйству и вообще к нарушению должного порядка и тишины – ст. 1225 Уложения), носящего частный характер (т. е. среди посторонних лиц);

2. Нарушение должного порядка в семейных делах, в быту:

а) с причинением телесных повреждений жене или, наоборот, мужу («жестокое обращение с женою, обстоятельствами доказанное, особенно, в случае нанесения ей увечья или ран, муж, по жалобе супруги или ее родителей... – ст. 2075 Уложения);

б) без причинения телесных повреждений (пьянство, скандал, ругань, угрозы, оскорбление, повреждение семейного имущества).

Это подтверждается приведенными выше фактами. Если же мы обратимся к толковым словарям, то смысл данных понятий ничем не отличается. Слово «Дебош» происходит от фр. «Debauche», что означает «распутство, буйство, буянство, скандал, беспорядок». А слово «дебоширить» означает «распутничать и буяннить; употр. приказными. Дебошир,

распутный буян. Дебош, буйство» [20]. В свою очередь «Буйство» обозначает «шумные и угрожающие выходки, самоуправство, связанное с насилием, драка. Подвыпивши, он учинил буйство» [21].

Итак, семейно-бытовой дебошир — это человек, который устраивает скандалы, ссоры, выяснение отношений в семье, с соседями в силу нервного перевозбуждения, алкогольного или наркотического опьянения, расстройства психики. Свое антиобщественное поведение он проявляет при нарушении общественного порядка, и при сильном нервном перенапряжении, при потере самоконтроля способен совершить рукоприкладство, преступление: нанести побои, телесные повреждения, изнасиловать, и даже совершить убийство.

В 2000-е годы в отечественной науке неоднократно высказывались идеи об установлении правовой нормы об административной ответственности за нарушения прав в семье [22]. Однако авторами не ставилась цель выработки конкретной и эффективной правовой нормы, устанавливающей административную ответственность за осуществление семейно-бытового правонарушения с четким механизмом ее реализации.

В целях предупреждения семейно-бытовых преступлений в указанных выше регионах России несколько лет назад была введена административная ответственность за совершение дебоширства. Однако при внимательном изучении содержания диспозиции дебоширства, содержащихся в законах субъектов РФ об административных правонарушениях, мы обнаружим в них некоторые признаки преступлений, такие как, например, в законе Кировской области, — это унижение чести и достоинства, оскорбление; или же, например, как в законе Архангельской области, — нарушение прав на здоровье, честь и достоинство, на покой, если за эти действия не установлена уголовная ответственность или административная ответственность в соответствии с КоАП [23]. Хотя здесь и содержится оговорка о том, что не должно в этом деянии содержаться признаков преступления, но она не разрешает данную проблему, не конкретизирует объективную сторону такого деяния как дебоширство.

Известно правило, что административное правонарушение не должно содержать признаки преступления, то есть иными словами, состав административного правонарушения не должен совпадать с составом преступления. Поэтому состав такого административного правонарушения как «бытовое дебоширство» не должен содержать признаков преступлений, а для этого необходимо провести глубокий, правовой анализ преступных деяний в семейно-бытовой сфере.

Литература

1. ГИАЦ МВД России. Ф. Профилактика (578 – кн. 5). Экспресс по России за 2009 год. Раздел 2: Сведения о преступлениях, совершенных на бытовой почве.

2. ГИАЦ МВД России. Ф. Профилактика (578 – кн. 5). Экспресс по России за 2009 год. Раздел 3: Сведения о результатах работы УУМ.
3. Чепрасов, М. Н. Организационно- правовые основы деятельности участковых уполномоченных милиции в условиях сельской местности / М. Н. Чепрасов: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.14. – М., 2007.
4. Конституция Российской Федерации [Текст]: офиц. текст. – М., 2008. – 15 с.
5. Закон Чувашской Республики от 23.07.2003 года № 22 «Об административных правонарушениях в Чувашской Республике // URL: http://chuvashia.news-city.info/docs/sistemst/dok_oerttb.htm.
6. Российская Федерация. Законы. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Текст]: [Федер. закон от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1).
7. ОФ пятнич. Реальный законопроект в Госдуме (+) [Электронный ресурс] // URL: www.boards.auto.ru/gai/452993.html.
8. В Чувашии каждое шестое бытовое преступление совершается в пьяном виде [Электронный ресурс] // URL: http://gov.cap.ru/list4/news/rec.aspx?gov_id=45&link=&preurl=&FKey=F_JURL_ID&id=1108644.
9. Закон Пензенской обл. от 02.04.2008 № 1506-ЗПО «Кодекс Пензенской области об административных правонарушениях» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=79466>;
10. Закон Республики Алтай от 24.06.2003 N 12-8 «Об административных правонарушениях в Республике Алтай» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/altay/256678/>.
11. Закон Кировской области от 04.12.2007 № 200-ЗО «Об административной ответственности в Кировской области» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.zsko.ru/devyat/law/docs/laws.php?ID>.
12. Свод законов Российской империи, т. X, ч. I. Спб., 1857, С.18 [Электронный ресурс] // URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/387.html#img388>.
13. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Спб., 1845 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.twirpx.com/file/281022/>.
14. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: Извлечено из Судебного Устава 20-го ноября 1864 года. – Санктпетербург : Тип. Т-ва "Обществ. польза", 1867. – 45 с. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.prlib.ru/en-us/Lib/pages/item.aspx?itemid=3707>.
15. Иванъ Марковичъ Красноперовъ — русский земский статистик. В 1883 – 1893 заведывал губернским статистическим бюро в Самаре и издал десять томов «Сборника статистических сведений» (Самара, 1883 – 1893). В 1893 Красноперов перешёл на то же место в Тверь. Помещал статьи по своей специальности в «Юридическом вестнике», «Русском богатстве» и других изданиях;
16. Красноперов, И. М. Крестьянские женщины перед волостным судом // Сборник правоведения и общественных знаний. Труды юридического общества, состоящего при Императорском Московском университете. Т. 1. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1893. – 389 с. [Электронный ресурс] // <http://vsepravo.narod.ru/oglav/6727.htm>.
17. Земцов, Л. И. Крестьянки в волостном суде (по материалам Рязанской губернии 60-70-х гг. XIX в.) [Текст] / Л. И. Земцов // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII – XX вв.: мат. Межд. конф. – Тамбов, 2002.
18. Пахман, С. В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. Том II. Семейные права, наследство и опека. С.-Петербург. – 1879. – 447с. [Электронный ресурс] // URL: http://www.pravo.vuzlib.net/book_zl261_page_13.html.
19. Березанский, П. Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии [Текст] / П. Березанский. – Киев, 1880. – 244 с.
20. Толковый словарь Даля. В. И. Даль. 1863 – 1866 [Электронный ресурс] // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/227090>.
21. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка [Электронный ресурс] // URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-3708.htm>.
22. Челноков, К. Е. Методико-правовые аспекты проблем профилактики правонарушений в семье / К. Е. Челноков: автореф. дис. ... канд. юр. наук: 23.00.06. – СПб., 2002.
23. Ермаков, А. Г. Педагогический аспект профилактики семейно-бытовых правонарушений / А. Г. Ермаков: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – М., 2006.
24. Закон Архангельской области от 3 июня 2003 года «Об административных правонарушениях» № 172-22-ОЗ [Электронный ресурс] // <http://www.arhangelsslaw.ru/Zakony-2003-goda/2009-09-11-12-34-42.html>.

АВТОРЫ ВЫПУСКА

Белоглазова Ольга Николаевна – старший лаборант кафедры философии КемГУ <i>Beloglazova Olga Nikolaevna</i> – senior Laboratory Assistant, Department of philosophy KemSU	8(3842) 36-60-25, olb61@mail.ru
Барбараш Нина Алексеевна – доктор медицинских наук, профессор кафедры нормальной физиологии КемГМА <i>Barbarash Nina Alekseevna</i> – the doctor of medical sciences, the professor of normal physiology chair of KemGMA	(3842) 73-29-84, olb61@mail.ru
Березина Марина Геннадьевна – кандидат биологических наук, доцент кафедры физиологии человека и животных и валеологии КемГУ <i>Berezina Marina Gennadevna</i> – candidat biological Sciences, the associate professor of department of human physiology and animals and valeology of KemGU	berezina@kemsu.ru
Блинова Нина Геннадьевна – кандидат биологических наук, профессор кафедры физиологии человека животных КемГУ <i>Blinova Nina Genadievna</i> – candidat biological Sciences, the professor of chair of human physiology of animal KemSU	8(3842)58-55-15, ngb_valeo@mail.ru
Борисенко Елена Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, докторант межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики КемГУ <i>Borisenko Elena Nikolaevna</i> – candidate of sciences, assistant professor, doctoral student of the Interuniversity Department of General and Higher Education Pedagogics of KemSU	8-905-069-48-38, lane995@yandex.ru
Булатова Ольга Владимировна – кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры физиологии человека и животных и валеологии КемГУ <i>Bulatova Olga Vladimirovna</i> – candidat biological Sciences, the professor of Department of human physiology and animals and valeology KemГУ	8(3842)58-35-15, litvinca@kemsu.ru
Васильев Василий Петрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков КемГУ <i>Vasilyev Vasily Petrovich</i> – the candidate of science in philology an associate professor of general philology and slavistics in KemSU	8(3842) 72-82-89 wwpetrovich@rambler.ru
Васильева Элла Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков КемГУ <i>Vasilyeva Ella Vasilyevna</i> – the candidate of science in philology, an associate professor of general philology and slavistics in KemSU	8(3842) 72-82-89 eww85@yandex.ru
Васина Евгения Владимировна – специалист лаборатории развития личности Центра довузовской подготовки КемГУ <i>Vasina Yevgeniya Vladimirovna</i> – the expert of laboratory of development of the person of the Center довузовской preparations of KemGU	8(3842)58-55-15, ev-va08@mail.ru
Волкова Ю. С. – аспирант кафедры археологии КемГУ <i>Volkova U. S.</i> – the post-graduate student of the Department of archaeology KemSU	
Гавришина Ольга Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры вычислительной математики КемГУ <i>Gavrishina Olga Nikolaevna</i> – candidate of pedagogics, associate professor of the computing mathematics department, docent KemSU	8 (3842) 75-00-29, Olga_gav52@mail.ru
Голев Николай Данилович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка КемГУ <i>Golev Mykola Danylovych</i> – doctor of Pilology, Professor in the Russian Language Department at KemSU	8-906-925-01-51, ngolevd@mail.ru
Гребчук Ксения Михайловна – ассистент кафедры социальной работы и менеджмента социальной сферы КемГУ <i>Grabghuk Ksenia Mihaylovna</i> – assistant of the social work and management of social sphere department, KemSU	8-909-511-35-62, grabchuk_k@bk.ru
Даурцева Наталья А. – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математического анализа КемГУ <i>Daurtseva Natalia A.</i> – the Candidate of Physics and Mathematics, an associate Professor of Mathematical Analysis Department of KemSU	

Дочкин С. А. – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования ГОУ «Кузбасский региональный институт развития профессионального образования» Dochkin S. A. – doctor of pedagogics, docent, professor of the Department of Pedagogics and Psychology of Vocational Education at Kuzbass Regional Institute of Vocational Education Development	
Дягилева Елена Павловна – аспирант кафедры аналитической химии химического факультета КемГУ Dyagileva Elena Pavlovna – post-graduate of the department of analytical chemistry KemSU	8-905-969-59-63, denisd@rambler.ru
Жиронкин Сергей Александрович – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории КузГТУ Zhironkin Sergey Alexandrovich – candidate of economy, docent of economy theory department of Kuzbass state technical university	8(384-2) 73-76-72, zhironkin@inbox.ru
Журавлева Татьяна Сергеевна – аспирант Алтайской государственной педагогической академии Zhuravleva Tatyana Sergeevna – post-graduate at Altai State Pedagogical academy	
Заушинцева Александра Васильевна – доктор биологических наук, профессор кафедры ботаники КемГУ Zaushintsena Aleksandra Vasilyevna – doctor biological Sciences, Professor Chair Botany KemSU	8-923-606-38-85, alexaz58@yandex.ru
Золотухин Владимир Михайлович – доктор философских наук, доцент, зав. кафедрой социологии, политических отношений и права КузГТУ Zolotuhin Vladimir Mihaylovich – the doctor of Philosophy, the senior lecturer, the head of chair of sociology, political relations and the right of the Kuzbass state technical university	8-905-067-16-63, zvm64@mail.ru
Ипатенко Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КемГУ Ipatenko Elena Valerievna – candidate of History, senior lecturer of the chair of Modern and Contemporary History and International Relations KemSU	+ 7-951-579-45-23 ipatenko78@mail.ru
Казakov Сергей Павлович – доктор технических наук, профессор кафедры математики и математического моделирования НФИ КемГУ Kazakov Sergei Pavlovich – doctor of technical sciences, professor, “Mathematic and Mat. Modelling” NBI of KemSU	8(384-3) 71-69-63, kazakovsp@tpu.ru
Казин Эдуард Михайлович – доктор биологических наук, профессор кафедры физиологии человека и животных и валеологии КемГУ Kasin Edward Mihajlovich – doctor biological Sciences, the professor of Department of human physiology and animals and valeology KemSU	8(3842)58-35-15, valeol@kemsu.ru
Касаткина Наталья Эмильевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая межвузовской кафедрой общей и вузовской педагогике КемГУ Kasatkina Natalia Emilievna – doctor of pedagogical science, professor Head of Chair of General and higher education KemSU	8(384-2) 58-29-55, kasatkina@kemsu.ru
Комарова Г. Н. – заведующий лабораторией селекции овса Нарымского отдела СибНИИСХиТ СО РАСХН Komarova G. N. – head. laboratory selection oat Narymskogo Division SibNIISHiT with RASHN	
Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор межфакультетской кафедры философии КемГУ Krasikov Vladimir Ivanovich – doctor of philosophy, Professor of mezhfakul'tetskoj philosophy KemSU	8(384-2) 72-77-75, Krasikov@kemcity.ru
Кувшинов Дмитрий Юрьевич – доктор медицинских наук, зав. кафедрой нормальной физиологии КемГМА Kuvshinov Dmitry Yur'evich – the doctor of medical sciences, the manager of normal physiology chair of KemGMA	8-905-907-02-59, physiolog@mail.ru
Кучер Николай Алексеевич – доктор физико-математических наук, заведующий кафедрой дифференциальных уравнений КемГУ Kucher Nikolay Alekseevich – the doctor of physical and mathematical sciences, head of the chair of differential equations of KemSU	8(3842) 54-27-40, diffur@kemsu.ru

Литвинова Надежда Алексеевна – доктор биологических наук, профессор кафедры физиологии человека и животных и валеологии КемГУ Litvinova Nadiya Oleksiyivna – doctor biological Sciences, the professor of Department of human physiology and animals and valeology KemSU	8(3842)58-35-15, litvinca@kemsu.ru
Лурье Семён Борисович – доктор биологических наук, профессор кафедры физиологии человека и животных и валеологии КемГУ Lurye Semen Borisovich – doctor biological Sciences, the professor of Department of physiology human and animals and valeology KemSU	8(3842)58-35-15, Lurye@sibico.ru
Лях Юлия Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент КемГУ, начальник управления перспективного развития образования и информационной работы, департамент образования и науки Кемеровской области Lyah Juliya Anatolievna – candidate of pedagogical science KemSU, Head of future development of education and outreach, the Department of education and science of the Kemerovo area	8(384-2) 36-27-57, july@info.kem.ru
Мельник Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики КемГУ Melnik Natalia Vladimirovna – candidate of philological sciences, Associate professor of stylistics and rhetoric KemSU	8-905-994-03-57, saikova@mail.ru
Мичурина Елена Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики КемГУ Michurina Elena Sergeevna – candidate of pedagogics sciences, docent, associate professor of the Interdisciplinary Department of Pedagogics at the KemSU	
Морозова Ирина Станиславовна – заведующая кафедрой общей психологии и психологии развития, доктор психологических наук, профессор, КемГУ Morozova Irina Stanislavovna – the doctor of psychological sciences, professor managing chair "the General psychology and development psychology" the KemSU	8(3842) 58-12-90, ishmorozova@ya.ru
Невзоров Борис Павлович – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой современного естествознания КемГУ Nevzorov Boris Pavlovich – doctor of pedagogies, Professor, head of the modern natural sciences KemSU	8(384-2)58-13-01, nevzorov@kemsu.ru
Овчинников Владислав Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории КемГУ Ovchinnikov Vladislav Alekseevich – the candidate of historical sciences, the senior lecturer of the Department of domestic history the KemSU	8-913-306-00-10, ovchinnikov@kemsu.ru
Отт Татьяна Олеговна – ассистент кафедры общей психологии, аспирант 1 курса Ott Tatyana Olegovna – the assistant to chair psychological sciences KemSU	8(3842) 58-12-90, Olegovna5555@ya.ru
Поддубиков Владимир Валерьевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики КемГУ Poddubikov Vladimir Valerevich – candidate of historical sciences, the senior scientific employee laboratory of ethnosocial and ethnoecological geoinformatics KemSU	8-904-372-16-97, poddub@gmail.com
Попова Татьяна Юрьевна – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Омской академии МВД России Porova Tatyana Yurevna – the graduated in a militaru academy of preparation of scientific fnd pedagogical of Omsk academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia	8-923-695-51-61, TatyanaOK@rambler.ru
Прокудин Дмитрий Алексеевич – кандидат физико-математических наук, ассистент кафедры дифференциальных уравнений КемГУ Prokudin Dmitry Alekseevich – the candidate of physical and mathematical sciences, the assistant of chair of the differential equations of KemSU	8(3842) 54-27-40, daprokudin@kemsu.ru
Прохорова Анна Махмутовна – кандидат биологических наук, доцент кафедры физиологии человека и животных и валеологии КемГУ Prokhorova Anna Mahmutovna – candidat biological Sciences ,the associate professor of department of human physiology and animals and valeology of "KemGU	an-na_prohorova78@mail.ru
Равнюшкин Александр Викторович – майор милиции, специалист Центра профессиональной подготовки ГУВД по Кемеровской области, адъюнкт кафедры Управления деятельностью служб общественной безопасности Академии управления МВД России Ravnyushkin Alexander Viktorovich – major to militias, specialist of the Centre of the training GUVd on Kemerovo area, adjunct of the pulpit of Management activity services to public safety to Academies of management MVD Russia	8-951-612-13-17, ravnyushkin@mail.ru

Руднева Елена Леонидовна – доктор педагогических наук, профессор Rudneva Elena Leonidovna – doctor of pedagogical science, professor	8(384-2)58-48-62, rudneva-EL@ako.ru
Садовой Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры социологических наук, заведующий лабораторией этносоциальной и этноэкологической геоинформатики КемГУ Sadovoy Alexander Nikolaevich – doctor of historical sciences, professor (chair of sociological sciences, Kemerovo state university), chief of laboratory of ethnosocial and ethnoecological geoinformatics	8(3842)58-21-73, sdv@kemsu.ru
Сайнакова А. Б. – аспирантка кафедры ботаники КемГУ Sajnakova A. B. – a Chair of Botany KemSU	
Салтанова Елена В. – старший преподаватель кафедры менеджмента и биологической физики и высшей математики КемГМА Saltanova Elena V. – a senior lecturer of the Department of Medical and Biological Physics and Higher Mathematics of KemSMA	8(384-2) 73-26-95
Семенкова Татьяна Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, проректор КемГУ Semenkova Tatyana Nikolaevna – the candidate pedagogical sciences, docent, Vice-Rector KemSU	8(384-2) 58-36-22, Semenkova@kemsu.ru
Сенкус Витаутас Валентинович – доктор технических наук, профессор, зав. кафедрой «Геоэкология» НФИ КемГУ Sencus Vitautas Valentinovich – doctor of technical sciences, professor, Head of “Geoecology” department NBI of KemSU	8(384-3) 77-54-24
Сенкус Вал. В. – аспирант кафедры «Геоэкология» НФИ КемГУ Sencus Val. V. – post-graduate students of “Geoecology” department NBI of KemSU	
Серый Николай Андреевич – ассистент, аспирант кафедры психосоциальных технологий КемГУ Grey Nikolai Andreevich – assistant, aspirant Departament of psycho-social technology KemSU	8(384-2) 58-12-90, spf@kemsu.ru
Синегубова Капиталина Валерьевна – ассистент кафедры журналистики и русской литературы XX века КемГУ Sinegubova Kapitolina Valerievna – assistant of department of journalism and Russian literature of the XX century KemSU	8-913-305-33-13, sinegubova@nextmail.ru
Скибина Анна Владимировна – аспирант кафедры аналитической химии химического факультета КемГУ Skibina Anna Vladimirovna – post-graduate of the department of analytical chemistry KemSU	
Скорняков Иван Анатольевич – аспирант кафедры политических наук КемГУ Skornyakov Ivan Anatolievich – the post-graduate student of Politology Department KemSU	8(384-2) 58-56-46, skor_ivan@mail.ru
Скорнякова Раиса Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии КемГУ Skornyakova Raisa Mihaylovna – candidate of philological sciences, Associate Professor of German Philology KemSU	8-905-912-74-34, skorniakova@mail.ru
Смирнова Татьяна Леонидовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики Северского технологического института, факультет технологий управления Smirnova Tatyana Leonidovna – candidate of economic science, associate professor Faculty Technologies of the Management, Chair of Economics Severskiy Technological Institute	8-913-800-83-90, CTL2002@mail.ru
Соловьева Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, ст. преподаватель кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного университета Soloviyova Natalia Vasilyevna – candidate of Philology, Senior Teacher of Russian Language and Stylistics Department Perm State University	8-902-79-52-178, biserova@bk.ru
Степанцова Евгения Викторовна – аспирант кафедры социологии, политических отношений и права КузГТУ Stepantsova Evgeniya Viktorovna – the post-graduate student of chair of sociology, political relations and the right of the Kuzbass state technical university	8-904-375-75-17, e-busl@yandex.ru

Стефанюк Богдан Михайлович – доктор технических наук, профессор кафедры «Геоэкология» НФИ КемГУ Stefanjuc Bogdan Mihaylovich – doctor of technical sciences, professor, “Geoeecology” department NBI of KemSU	8(384-3) 72-00-71
Стефанюк Я. Б. – аспирант кафедры «Геоэкология» НФИ КемГУ Stefanjuc J. B. – post-graduate students of “Geoeecology” department, NBI of KemSU	
Сьедина Наталья Валерьевна – аспирант межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики КемГУ Sedina Natalia Valerievna – post-graduate students of the Department of General and higher education KemSU	8(3842) 39-69-05, n.sedina@rambler.ru
Терновая Галина Викторовна – старший преподаватель кафедры естественно – научных дисциплин Центра основного общего образования Краевого государственного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Алтайского краевого института повышения квалификации работников образования» (АКИПКРО), аспирант Алт. ГПА Ternovaya Galina Victorovna – is the Senior Instructor of the Chair of Natural Sciences in the Regional State Center of the secondary education providing additional professional education	t-g-v@yandex.ru
Урбанский Александр Сергеевич – кандидат медицинских наук, зав. кафедрой дерматовенерологии КемГМА Urbanskiy Alexander Sergeevich – the candidate Medical Sciences, the head of the cathedra (Chair) of dermatology and venerology at the Kemerovo State Medical Academy	8 -923-611-24-60, dermakem@mail.ru
Фадеев Юрий А. – доктор физико-математических наук, профессор КузГТУ Fadeev Yuriy A. – professor, doctor of Physics and Mathematics, a head of Mathematics department of KuzSTU	
Филатова Елена Витальевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы и менеджмента социальной сферы КемГУ Filatova Elena Vitaljevna – candidate of pedagogics sciences, associate professor of the social work and management of social sphere department, docent KemSU	8 (3842) 75-22-25, cm@kemcity.ru
Фомин Александр Аркадьевич – кандидат физико-математических наук КемГУ Fomin Alexander Arkadievich – candidate of Physical and Mathematical Sciences KemSU	8-923-603-14-99, fomin_aa@mail.ru
Фомина Любовь Николаевна – старший преподаватель кафедры вычислительной математики, кандидат физико-математических наук КемГУ Fomina Lybov Nikolaevna – Mathematical Faculty, Department of Computational Mathematics, Senior Teacher, Candidate of Physical and Mathematical Sciences KemSU	8-923-495-66-35, lubafoмина@mail.ru
Хазова Снежана Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теоретических основ физического воспитания Института физической культуры и дзюдо Адыгейского государственного университета Hazova Snezhena Alexandrovna – the candidate pedagogical sciences, associate professor at the Institute of the theoretical bases of physical education and physical culture Department at the State University Judo	8-918-424-40-86, khazova@rambler.ru
Хакимова Ирина Сергеевна – менеджер по рекламе, мебельный гипермаркет "Панорама" Khakimova Irina Sergeevna – advertising manager at Furniture Store Panorama	
Халиулин Юрий Германович – кандидат медицинских наук, доцент кафедры дерматовенерологии КемГМА Khaliulin Yuri Germanovich – the candidate Medical Sciences, a senior lecturer of the cathedra of dermatology and venerology at the Kemerovo State Medical Academy	8-913-289-63-69, soroka61@hotmail.com
Халиулина Валентина Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента КемГУ Haliulina Valentina Vladimirovna – candidate economic science, the senior lecturer of the cathedra of management of the KemSU	8-906-931-92-30, gulia710@mail.ru
Хорошилов Александр Владимирович – аспирант кафедры новейшей отечественной истории КемГУ Khoroshilov Alexander Vladimirovich – post graduate of the Contemporary Russia History department KemSU	8-923-600-93-69, bgd.kemsu@mail.ru
Хорошилова Лилия Семеновна – доктор географических наук, профессор кафедры социальной медицины и БЖД КемГУ Khoroshilova Lilia Semenovna – the doctor of geographical sciences, the professor of the social medicine and life safety department KemSU	8-923-516-19-38, bgd.kemsu@mail.ru

Чирун Сергей Николаевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры политических наук КемГУ Chirun Sergei Nikolaevich – the senior lecturer of sociological Sciences, Assistant Professor of political science KemSU	8-951-178-13-07, sergii-tschi@mail.ru
Чичиленко Маргарита Валентиновна – доктор медицинских наук, профессор кафедры нормальной физиологии КемГМА Chichilenko Margarita Valentinovna – the doctor of medical sciences, the professor of normal physiology chair of KemGMA	8(3842) 73-29-84, Msapfir@km.ru
Чурекова Татьяна Михайловна – доктор педагогических наук, профессор межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики КемГУ Churekova Tatyana Mihaylovna – doctor of pedagogics, Professor of the Department of General and higher education KemSU	8(3842) 58-29-55, churekova_t@mail.ru
Шалыпина Ирина Викторовна – преподаватель истории, соискатель кафедры истории и культуры России Кемеровского государственного университета, ГОУ СПО Киселёвский педагогический колледж Shalyapina Irina Victorovna – history teacher, seeker of historical and cultural days of the State University of Russia, GOW STR Kiselëvskij teachers college	8-923-631-33-81, yurashalyapin@yandex.ru
Шрайбман Галина Николаевна – кандидат химических наук, доцент кафедры аналитической химии химического факультета КемГУ Shraibman Galina Nikolaevna – candidate of chemical science, associate professor of the department of analytical chemistry KemSU	8-906-935-00-12, shraibman_gn@mail.ru
Щенников Владимир Петрович – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии КемГУ Shchennikov Vladimir Petrovich – doctor of philosophy, Professor, head Department of philosophy KemSU	8(384-2) 58-32-31, logos@kemsu.ru
Якимова Наталия Сергеевна – ассистент кафедры иностранных языков факультета истории и международных отношений КемГУ Yakimova Nataliya Sergeevna – assistant of the Department of foreign languages at the Faculty of History and International Relations of KemSU	8 (3842) 58-05-87, nataliyayakimova@mail.ru

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ ЖУРНАЛА
"Вестник Кемеровского государственного университета"

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе и соответствующие тематике журнала.

Со второго полугодия 2004 г. производится подписка на журнал (индекс 42150 по каталогу «*Пресса России*», 51944 по каталогу российской прессы «Почта России»). Электронная версия журнала представлена на сайте <http://www.kemsu.ru/science/bulletin.htm>. С 2008 г. полнотекстовая версия журнала в открытом доступе представлена в Научной электронной библиотеке [eLIBRARY.RU](http://elibrary.ru) и включена в реферативную базу данных «**Российский индекс научного цитирования**» (РИНЦ).

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением *.doc*, построенного средствами Microsoft Word 97-2003 или последующих версий, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210x297 мм. Иногородние авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте gos@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения за основу берется печатный вариант.

2. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение о возможности опубликования в открытой печати. Бланк экспертного заключения для авторов, являющихся сотрудниками КемГУ, представлен в приложении 1.

3. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала и публикуются по решению редакционного совета журнала.

4. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

5. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

6. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

7. Не допускается свыше двух публикаций одного автора в одном номере журнала.

8. *Статьи аспирантов печатаются в журнале бесплатно при наличии справки из отдела аспирантуры.*

9. Сторонние авторы оплачивают публикацию, статьи только после получения от редакции согласия на публикацию.

10. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.
7. Список литературы.
8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные или домашние телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ПРАВИЛА К ОФОРМЛЕНИЮ

1. Текст набирается шрифтом Times New Roman, размер шрифта 10, межстрочный интервал – 1; поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 2,5 см, красная строка – 0,6 см; без колонтитулов и нумерации страниц; без сносок, ориентация – книжная (допустима, но нежелательна альбомная ориентация для отдельных страниц), перенос слов в документе – автоматический.

2. В верхнем левом углу указывается индекс УДК.

3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках, прописными буквами, размер шрифта – 10, жирный, по центру.

4. Инициалы и фамилия автора (авторов через запятую) – строчными буквами, размер шрифта 10, полужирный, курсив.

5. Статья должна быть снабжена аннотацией и ключевыми словами (рекомендуемое количество ключевых слов – 5 – 7) на русском и английском языках.

6. При вставке формул использовать только Microsoft Equation (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки. Например:

$$J_g^+ : g = \begin{cases} \operatorname{Re}(z_1)i + \operatorname{Im}(z_1/z_2)j + \\ + |z_1|^2 - |z_2|^2 k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases} \quad (12)$$

7. Рисунки, вставленные в документ, должны допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров. Допустимо представление рисунков отдельными файлами формата *Jpg*. Рисунки необходимо представлять в черно-белой палитре. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте; желательно при размещении таблиц и рисунков не делать разрыва страницы, так как это затрудняет компьютерную верстку сборника. Нумерация – подрисуночная по центру.

Например: *Рис. 5. Элементарная ячейка кубического перовскита*

8. Таблицы нумеруются, если их число более одной:

Таблица I

Динамика изменения объема продаж продавцов-консультантов

9. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках (ГОСТ 7.0.5.2008).

Например: ссылка на полный текст документа [6]; ссылка на фрагмент текста документа [6, с. 24 – 28].

10. Сокращения в тексте – по ГОСТ 7,12 – 93. Допускается использование аббревиатур.

11. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи, предваряется словом «Литература» и оформляется по ГОСТ 7.1-2003. Под одним номером допустимо указывать только один источник.

12. Примечания оформляются в виде сносок.

13. В конце текста статьи указываются: **полное название учреждения, где выполнено исследование, фамилии, имена и отчества (полностью), ученая степень, звание, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов (на русском и английском языках).**

14. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

15. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 4 – 7 страниц компьютерного набора формата A4 (210x297 мм).

ОБРАЗЕЦ НАБОРА

УДК 14(470+571) «18/19»

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ В XIX В.

В. И. Красиков

A PROBLEM OF SUBJECTS OF RUSSIAN PHILOSOPHIZING IN XIX CENTURY

V. I. Krasikov

В статье исследуются социальные и ментальные особенности отечественных философов XIX столетия. Автор выявляет их обусловленность со стороны материальных и культурных ресурсов, образа жизни, стремится продемонстрировать как эти черты сказывались на стиле, интенсивности и приоритетах в философских занятиях.

The article is investigated the social and mental peculiarities of Russian philosophers of XIX century. The author explains their source and strives to demonstrate their influence upon a style, intensity and priority of philosophizing.

Ключевые слова: русская философия XIX века, особенности аристократического и демократического образа жизни и мышления в их влиянии на интеллектуальные построения.

Keywords: Russian philosophy of XIX century, the peculiarities of noble and democratic style of life and thinking and their influence upon intellectual constructions.

Текст...

Литература...

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор межфакультетской кафедры философии КемГУ.

Krasikov Vladimir Ivanovich – doctor of philosophy, Professor of mezhfakul'tetskoj philosophy KemSU.

E-mail: krasikov.1958fd@yahoo.com. Тел.: 8(3842) 72-77-75.

РЕКВИЗИТЫ РЕДАКЦИИ

Почтовый адрес: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет» (КемГУ),

650043, Кемерово, ул. Красная, 6, Редакция журнала «Вестник КемГУ».

Электронный адрес: [gos\(@\)kemsu.ru](mailto:gos(@)kemsu.ru), телефон: (3842) 58-80-24.

УСЛОВИЯ ОФОРМЛЕНИЯ ПОДПИСКИ:

- *Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год. Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).*
- *Подписка проводится через отделения связи по объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 42150, по каталогу российской прессы «Почта России» по индексу 51944*
- *Стоимость подписки через подписные агентства указана в соответствующих каталогах.*